

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ **vol. VII** _ nr. 1-2

CHIȘINĂU 2011

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Colegiul de redacție

Redactor șef: dr. hab. **Oleg Levițki** (Chișinău)

Redactor responsabil: dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție: **Larisa Ciobanu** (Chișinău)

Membrii colegiului de redacție: dr. hab. **Igor Brujako** (Odesa), dr. **Valeriu Cavruc** (Sfântu Gheorghe), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Chișinău), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Serghej Sanžarov** (Lugansk), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Serghej Skoryj** (Kiev), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al “Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the «Archaeological Magazine», the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

ВАЛЕРИЙ КАВРУК (<i>Сфынту Георге</i>), ОЛОВО И СОЛЬ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (Часть первая).....	5
EUGEN UȘURELU (<i>Chișinău</i>), APARIȚIA ȘI EVOLUȚIA TOPOARELOR-CELT CU URECHIUȘĂ FRONTALĂ ÎN EPOCA BRONZULUI DIN EUROPA DE EST	47
OLEG LEVIȚKI, VASILE HAHEU (<i>Chișinău</i>), NECROPOLA HALLSTATTIANĂ TÂRZIE DE LA GIURGIULEȘTI ÎN CONTEXTUL CULTURAL-ISTORIC DE LA DUNĂREA DE JOS	55
СВЕТЛАНА РЯБЦЕВА (<i>Кишинэу</i>), ПАРАДНЫЕ ДИАДЕМЫ И ВЕНЦЫ X–XV ВВ. В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И МОМЕНТЫ ОТЛИЧИЯ	72

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

ТЕОДОР ОБАДЭ, СЕРГЕЙ КОВАЛЕНКО, ВИТАЛИЙ БУРЛАКУ (<i>Кишинэу</i>), ЙОХАННЕС ВАН ДЕР ПЛИХТ (<i>Лиден</i>), СТОЯНКА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА <i>ВАЛЯ МОРИЛОР</i> В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МОЛДОВЫ	96
НИКОЛАЙ АНИСЮТКИН (<i>Санкт-Петербург</i>), СЕРГЕЙ КОВАЛЕНКО, ВИТАЛИЙ БУРЛАКУ (<i>Кишинэу</i>), НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ.....	108
СЕРГЕЙ АГУЛЬНИКОВ (<i>Кишинэу</i>), РАСКОПКИ КУРГАНА 17 У С. КАЗАКЛИЯ В 1985 ГОДУ	129
SORIN CRISTIAN AILINCĂI, GABRIEL JUGĂNARU, ALEXANDRA ȚÂRLEA, FLORIAN MIHAIL, MIRELA VERNESCU, ADINA AILINCĂI (<i>Tulcea</i>), NOI DATE REFERITOARE LA AȘEZAREA CULTURII BABADAG DE LA ENISALA– <i>PALANCA</i> , COM. SARICHOI, JUD. TULCEA. CERCETĂRILE ARHEOLOGICE DIN PERIOADA 2003-2006	157
VLAD VORNIC, SERGIU TABUNCIC, LARISA CIOBANU, ION URSU, VASILE IARMULSCHI (<i>Chișinău</i>), SONDAJELE ARHEOLOGICE DE LA IALOVENI	200
GEORGE DAN HÂNCEANU (<i>Roman-Neamț</i>), ORNAMENTELE CERAMICII MODELATĂ CU MÂNA DIN SITUL DE LA ROȘIORI–NEAMȚ	230
ЛИЛИЯ ДЕРГАЧЕВА (<i>Кишинэу</i>), АНДРЕЙ КРИВЕНКО (<i>Тирасполь</i>), К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ В МОЛДАВИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ. КЛАД ИЗ С. ПЭНЭШЕШТЬ (СТРЭШЕНСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА)	240

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

SERGIU POPOVICI (<i>Chișinău</i>), SCULPTURA MONUMENTALĂ ZOOMORFĂ A CULTURII USATOVO	254
---	-----

ADRIAN PELIVAN (<i>Chișinău</i>), NOI DATE PRIVIND PROCESUL DE ORGANIZARE A PRIMEI EXPEDIȚII ARHEOLOGICE DIN RSS MOLDOVENEASCĂ	264
---	-----

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

РОМАН КРОЙТОР (<i>Кишинэу</i>), ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИРОДУ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	274
---	-----

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PARER AND BOOK REVIEW

Vasile Grosu, <i>Talmază: localitate străveche de pe Valea Nistrului de Jos (vol. I)</i> . Chișinău, Ed. Elan Poligraf 2009, 462 pag., ISBN 978-9975-4047-3-0 (LARISA CIOBANU, <i>Chișinău</i>)	286
--	-----

А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (ред.), <i>Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Вопросы межатнических контактов и межкультурного взаимодействия</i> , Изд. ОФОРТ, Самара, 2010, 268 с., ISBN 978-5-473-00653-7 (SBETLIANA RYABCEVA, <i>Кишинэу</i>)	291
---	-----

Câteva studii interdisciplinare referitoare la istoria alimentației medievale (LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, <i>Chișinău</i>)	299
---	-----

IN HONOREM

PROFESORUL ION IONIȚĂ LA 75 DE ANI (VLAD VORNIC, LARISA CIOBANU, <i>Chișinău</i>)	303
---	-----

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АНТОНОВИЧА КЕТРАРУ (С.И. КОВАЛЕНКО, Н.К. АНИСЮТКИН, Н.П. ОЛЕНКОВСКИЙ, В.А. БУРЛАКУ, Т.Ф. ОБАДЭ, <i>Кишинэу/Санкт-Петербург</i>)	311
--	-----

CONTRIBUȚII LA GENEALOGIA FAMILIEI PROFESORULUI ION HÎNCU (SERGIU TABUNCIC, <i>Chișinău</i>)	313
--	-----

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	315
---	-----

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	317
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА	319
---	-----

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	321
--	-----

L I S T A instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații	323
--	-----

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

ОЛОВО И СОЛЬ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ¹

(Часть первая)

Валерий КАВРУК, Сфынту Георге

Staniul și sarea în Bazinul Carpatic în epoca bronzului (Partea întâi). În literatura de specialitate s-a încetățenit ipoteza conform căreia pe parcursul epocii bronzului staniul din Boemia ajungea în spațiul intracarpatic în schimbul sării. Autorul supune această ipoteză verificării. În acest scop, sunt urmărite, pe de o parte, evoluția producției și utilizării bronzurilor cu staniu în Europa de Sud-Est, iar pe de altă parte – dinamica exploatării sării în Transilvania și Maramureș. Cele mai vechi obiecte confecționate din cupru în amestec cu staniu apar în nordul Peninsulei Balcanice încă în mileniul IV î.Hr. În Bazinul Carpatic obiecte confecționate din acest aliaj în mod sporadic apar începând din prima jumătate a mil. III î.Hr. În mileniul următor și primele secole ale mil. I î.Hr. cele mai multe obiecte de bronz din Bazinul Carpatic conțin cositor. Până la mijlocul mil. II î.Hr. acest aliaj a fost folosit în principal la confecționarea obiectelor cu valoare simbolică (arme de paradă și podoabe). În contextul progreselor remarcabile ce s-au produs în metalurgia bronzului din a doua jumătate a mil. II î.Hr., acest aliaj devine un bun de larg consum. Dezvoltarea maximă a metalurgiei bronzului în spațiul intracarpatic a avut loc între anii 1250/1200 și 1050/1000 î.Hr. Din aceeași perioadă datează și cele mai vechi descoperiri de staniu pur în Bazinul Carpatic. Cele mai bogate surse de staniu, din care acest metal putea să ajungă în Bazinul Carpatic, se aflau în Boemia și nord-vestul Peninsulei Balcanice. Totodată, se constată existența unor zăcăminte de cositor în Slovacia, Maramureș, Transilvania, Crișana și Banat. Vestigiile arheologice privind exploatarea preistorică a sării în spațiul intracarpatic sunt atestate în principal în Maramureșul de Nord și jumătatea septentrională a Transilvaniei. Cele mai vechi dintre acestea datează din prima jumătate a mil. III î.Hr. Pe tot parcursul mil. III î.Hr. sarea era exploatată la scară mică și era destinată consumului local. În perioada dintre anii cca 1600 și cca 850 î.Hr., sarea în spațiul intracarpatic era exploatată la scară industrială. Cele mai multe vestigii privind exploatarea industrială a sării din spațiul intracarpatic datează însă din anii cca 1200 și 1000 î.Hr. De remarcat că toate acestea se află exclusiv în văile râurilor navigabile (Tisa Superioară, Someșul Mare, Someșul Mic și Mureșul). Se estimează că în a doua jumătate a mil. II – începutul mil. I î.Hr. sarea extrasă din zăcămintele Transilvaniei și Maramureșului era destinată în principal teritoriilor din valea Tisei Mijlocii și Inferioare, lipsite de acest mineral.

В литературе неоднократно высказывалась гипотеза, согласно которой соль, добывавшаяся в бронзовом веке в Карпатском бассейне, обменивалась на олово, добывавшееся в Богемии. В статье предпринимается попытка проверки этой гипотезы. С этой целью прослеживается, как на протяжении бронзового века в Карпатском бассейне развивались, с одной стороны, производство и использование оловянистых бронз, а с другой – добыча соли. Впервые в Европе оловянистые бронзы появляются на Балканском полуострове ещё в IV тыс. до н.э. На протяжении III тыс. до н.э. оловянистые бронзы спорадически проникают в Карпатский бассейн. Подавляющее большинство бронзовых предметов II – начала I тыс. до н.э., найденных в Карпатском бассейне, содержат искусственную примесь олова. До середины II тыс. до н.э. из этого сплава изготавливались главным образом предметы символической значимости (парадное вооружение и украшения). Во второй половине II тыс. до н.э. в Карпатском бассейне имело место стремительное развитие бронзовой металлургии. В этот период значительно возрастает количество предметов изготовленных из меди с примесью олова. В то же время этот сплав становится предметом широкого потребления. На временной промежуток между 1250/1200 и 1050/1000 гг. до н.э. приходится период наивысшего развития бронзовой металлургии в Карпатском бассейне. Именно к этому периоду относятся самые ранние находки чистого олова в Карпатском бассейне. Самые богатые источники олова, из которых этот металл мог проникнуть в Карпатский бассейн, находились в Богемии и на северо-западе Балканского полуострова.

¹ Считаю своим приятным долгом выразить благодарность исследователям, оказавшим мне содействие при работе над этой статьёй. Член Британской Академии проф. Антони Хардинг пробудил и всячески поддержал мой интерес к археологии соли и на протяжении последних десяти лет разделил со мной трудности и радости исследований на территории Трансильвании, Словакии и Западной Украины, а также был моим гидом в экскурсии по юго-западной Англии, где ознакомил меня с замечательными памятниками добычи олова. Член-корреспондент Российской Академии Наук проф. Евгений Николаевич Черных, проф. Вацлав Фурманек (Словакия), др. Игнасио Монтеро (Испания), а также др. Карол Качо и др. Флорин Гогылтан (Румыния) оказали мне неоценимую помощь при знакомстве с литературой по различным аспектам добычи и использования олова в бронзовом веке.

В то же время имеются данные о наличии залежей этого металла в Словакии, Марамуреше, Трансильвании, Кришане и Банате. Надёжных доказательств добычи олова в Центральной и Юго-Восточной Европе пока нет. Памятники соледобычи во внутрикарпатском регионе в бронзовом веке известны в Закарпатской Украине и северной половине Трансильвании. Древнейшие из них относятся ещё к началу III тыс. до н.э. На протяжении III тыс. до н.э. добыча соли была мелкомасштабной и предназначалась для местного потребления. В период между приблизительно 1600 и 850 гг. до н.э. добыча соли имела индустриальный характер. Большинство памятников индустриальной добычи соли относятся к периоду между 1200 и 1000 гг. до н.э. Все они находятся в долинах судоходных рек (Верхняя Тиса, Сомешул Маре, Сомешул Мик и Муреш), которые связывают внутрикарпатский регион с долиной Средней и Нижней Тисы. Предположительно, добывавшаяся во внутрикарпатском регионе соль во второй половине II тыс. до н.э. поставлялась в Среднее и Нижнее Потисье, где нет природных запасов соли.

Tin and salt in the Carpathian Basin During Bronze Age (Part one). The article deals with the hypothesis according to which the exchange of Carpathian salt on Central-European tin took place during the Bronze Age. In this respect, on the one hand, the dynamic of production and use of tin bronzes in southeast Europe is analyzed, and, on the other hand, the development of salt production in Transylvania and Maramureş during Bronze Age is followed. The earliest tin bronzes appeared in the northern part of the Balkan Peninsula as early as during Eneolithic period. In Transylvania, the tin bronzes spread during the third millennium BC. In the second millennium and the beginning of the first millennium BC most bronze objects within Carpathian Basin contain tin. Up to the middle of the second millennium BC, this alloy was mainly used to produce the objects of symbolic value (parade weapons and adornments). In the context of bronze metallurgy boom in the second half of the second millennium BC, this alloy became a common good. The peak of bronze metallurgy in the Carpathian region took place between 1250/1200 and 1050/1000 BC. The richest sources of tin in Central and Southeast Europe are available in Bohemia and western part of Balkan Peninsula. At the same time, tin ores seem to have been available in Slovakia, Maramureş, Transylvania, Crişana and Banat. It should be stressed out that no evidence for tin ores exploitation during Bronze Age in these areas is available. The Bronze Age evidence for salt production in the inter-Carpathian region covers south of western (Zakarpatska) Ukraine (northern Maramureş/Maramoros) and northern half of Transylvania. The earliest of it dates from the beginning of the third millennium BC. During the third millennium BC the locals produced salt at a small scale for their own use. Starting with the about 1600 BC to 850 BC salt was exploited industrially. Most evidence for salt production in this region dates between 1200 BC and 1000 BC. The salt production sites in this region are concentrated in the valleys of the navigable rivers (Upper Tisza, Someşul Mare, Someşul Mic and Mureş), which link Transylvania and Maramureş to the salt-less Middle and Lower Tisza Valley. It is suggested that during this period the salt mined within the inter-Carpathian region was meant for the Middle and Lower Tisza salt-less regions.

Key words: salt, tin, metallurgy, Bronze Age, Transylvania Maramureş, Tisza Valley, Balkans peninsula.

Введение

Благодаря богатым залежам медной руды (Mareş 2002), Карпатский бассейн в эпоху бронзы был одним из наиболее мощных металлургических центров в Европе. В литературе неоднократно высказывалась гипотеза о том, что олово, необходимое для производства бронзы, поступало в этот регион из Центральной Европы (Istoria 1960, 120; Rusu 1963, 184; Berciu 1967, 205; Horedt 1970, 139, 144; Kovács 1977, 35, 47; Petrescu-Dîmboviţa 1995, 49, 58; Petrescu-Dîmboviţa 2001, 343; Kemenczei 2003, 167). По мнению некоторых исследователей, в обмен на олово, в Центральную Европу из внутрикарпатского региона поставлялась соль (Petrescu-Dîmboviţa 1995, 49, 58; Petrescu-Dîmboviţa 2001, 343). Главной посылкой этой гипотезы послужило то, что подавляющее количество бронзовых предметов II – начала I тыс. до н.э. в Карпатском бассейне содержат искусственную примесь олова, при том, что –

как считалось – в этом регионе и на сопредельных ему территориях нет месторождений этого металла. Исследователи исходили также из предположения, что ближайшей к Карпатскому бассейну территорией, где в эпоху бронзы добывалось олово, был Эрцгебиргский массив, находящийся на территории северной Богемии и Саксонии. Кроме того, по представлениям сторонников этой гипотезы, в эпоху бронзы в Карпатском регионе соль добывалась в широких масштабах и экспортировалась в Центральную Европу.

Какое-то время эта гипотеза не вызывала в научной литературе сколько-нибудь заметных реакций. Лишь в последние годы она вновь всплыла на страницах научных публикаций. Так И. Емёди, на основе средневековых письменных источников, свидетельствующих о добыче олова в Марамуреше, Кришане, западной и юго-западной Трансильвании, подверг её критике (Emödi 2008), в то время как автор

этих строк, на основе интерпретации памятников соледобычи бронзового века в Трансильвании и Марамуреше, напротив, допустил возможность такого обмена (Cavrus 2010, 28-29). Следует, однако, отметить, что исследователи, высказывавшиеся по поводу обмена карпатской соли на центрально-европейское олово, не приводили сколько-нибудь развёрнутой аргументации на этот счёт. Поэтому, для оценки этой гипотезы необходимо сопоставить её посылки с нынешним состоянием исследований и ответить на следующие вопросы:

- Когда в Карпатском Бассейне и на сопредельных территориях появляются оловянистые бронзы? Какой была динамика их изготовления и использования на протяжении бронзового века?

- Где находились ближайшие к Карпатскому бассейну источники олова и эксплуатировались ли они в бронзовом веке?

- Как на протяжении бронзового века развивались характер, масштабы и цели соледобычи во внутри-карпатском регионе?

- Предназначалась ли добываемая в Карпатском бассейне соль для внешнего потребителя? Если да, то имеются ли в регионах, куда поставлялась карпатская соль, доступные рудокопам бронзового века залежи олова?

- Как соотносятся показатели динамики характера, масштабов и целей соледобычи с показателями динамики производства и использования оловянистых бронз в Карпатском бассейне? Если эти показатели каким-то образом совпадают, имелись ли в основе этого совпадения некие причинно-следственные связи?

Рассмотрение вышеперечисленных проблем, особенно в части, посвящённой добыче и циркуляции олова, предполагает достаточно широкий территориальный охват – от Британских островов до Урала и от Средиземноморья и Кавказа до Скандинавии. На разных участках этой обширной территории экономические, социальные и культурные процессы на протяжении бронзового века протекали по-разному. К этому следует добавить существенные различия в степени изученности бронзового века в разных регионах Европы. В силу указанных обстоятельств, а также из-за разногласий методологического порядка, содержание и хронологические рамки бронзового века в Европе исследователи определяют по-разному. Поэтому представляется целесообразным предварить рассмотрение основной темы этой работы некоторыми уточнениями относительно содержания и хронологических рамок бронзового

века в Европе, а также той роли, которую в эту эпоху играли олово и соль.

О содержании и хронологических рамках бронзового века в Европе

Основоположники понятия „бронзовый век”, не мудрствуя, считали его периодом, когда металлические изделия были представлены бронзовыми предметами. Со временем, однако, многие учёные неоднократно пытались представить бронзовый век как эпоху, характеризующуюся некими характерными только для неё особенностями культурно-исторического и социально-экономического порядка (например: Lihardus, Vladoar 1996; Vulpe 2001, 214-215; Kristiansen, Larsson 2005). Применительно к Юго-Восточной Европе, в последние годы настойчиво звучит мысль, согласно которой эпоха бронзы характеризуется не только и *не столько* изготовлением и использованием бронзовых предметов, сколько специфическими стратегиями культурной адаптации и жизнеобеспечения (Vulpe 1997; Vulpe 2001, 214-215). При таком подходе, некоторые исследователи, с одной стороны, включают в эпоху бронзы археологические культуры второй половины IV тыс. до н.э. (Vulpe 1995, 18, 25; Vulpe 2001, 222-223), в которых практически нет бронзовых предметов, а с другой – исключают из неё культуры XII/XI–VIII вв. до н.э. (Vulpe 1995, 19, 26; Vulpe 2001, 225; László 2001, 299-338), несмотря на то, что большинство металлических предметов этого времени изготовлены из бронзы. Для других исследователей критерием, на основе которого бронзовый век в Восточной Европе начинается, по их мнению, в третьей четверти IV тыс. до н.э., является интерпретация предметов этого времени, кавказского происхождения, изготовленных из меди со значительной (выше 1%) примесью мышьяка, как искусственных сплавов – т.е. бронз (Черных и др. 2000; Dergacev 2010, 267).

Нельзя не согласиться с тем, что бронзовый век не ограничивается металлургией бронзы, точно так же как атомный век не сводится лишь к использованию атомной энергии, а век информации не ограничивается лишь электронными средствами информации. В то же время, следует иметь в виду, что на каждом этапе общественного развития определённые сферы деятельности играют роль катализатора, вызывающего к жизни целый комплекс взаимосвязанных явлений социального, экономического, культурного, интеллектуального, идеологического и политического порядка. Именно такую роль, по мнению многих ис-

следователей, играла бронзовая металлургия в эпоху бронзы (Barber 2003, 163-176 и цитируемая литература, особенно Eliade 1968). Кроме того, следует иметь в виду значительное региональное и локальное разнообразие способов жизнеобеспечения, культурной адаптации, форм социальной организации, идеологических представлений на протяжении бронзового века. Оно было настолько велико, что едва ли возможно выработать некую единую модель социально-экономического и культурного порядка, которая характеризовала бы бронзовый век всей Европы. В этих условиях, бронзовая металлургия остаётся наиболее надёжным «общим знаменателем» бронзового века. Именно поэтому автору этих строк ближе понимание бронзового века как периода, центральным стержнем которого была *металлургия бронзы*. При таком понимании бронзового века, его начало в Восточной и Юго-Восточной Европе следует относить к первой половине III тыс. до н.э., а её завершающий этап – к IX–VIII вв. до н. э. Впрочем, многие исследователи именно так датируют бронзовый век (Березанская 1985, 354-356; Harding 2000; Kemenczei 2003, 167; Barber 2003; Kemenczei 2003a, 177; Kulscár 2003, 141; Vandkilde 2007, 96).

Олово

Олово в эпоху бронзы было важнейшим из металлов, который позволял металлургам создавать первый искусственный сплав – бронзу. Ключевым компонентом металлургии бронзы было *алхимическое действие* «превращения» меди в бронзу. Это достигалось за счёт добавления в медь *чудодейственного* ингредиента (искусственной присадки). Этим ингредиентом чаще всего служили олово, мышьяк, свинец или сурьма. По сравнению с чистой медью, бронза имела два решительных преимущества: более низкая температура плавления и гораздо бо́льшая твёрдость. Кроме того, в расплавленном виде бронза намного флюиднее меди, что создавало ещё одно преимущество: реже образовывались пустоты в теле литых предметов. Присадка играла также антикоррозийную роль. Имело значение, особенно на начальных этапах бронзовой металлургии, и то, что она придавала меди характерный золотистый или серебристый цвет. Указанные преимущества достигались лишь при условии соблюдения определённого соотношения между массой меди и добавляемого в неё ингредиента. Следует уточнить, что «идеальное» соотношение между массой меди и олова – по большинству

авторов, 9 частей меди на 1 часть олова, а по древнеегипетским рецептам, 6 – 7 частей меди на 1 часть олова (Maddin et al. 1977, 41) – условность. Это соотношение находилось в прямой зависимости от функционального назначения изделий и от того, как рационально литейщики использовали ресурсы. Поэтому, дозирование доли присадки в сплаве было одним из важнейших аспектов бронзовой металлургии. Так, сплав, в котором содержание присадки ниже 1%, даже после самой тщательной холодной проковки остаётся почти таким же мягким, как и кованая медь. Когда же доля ингредиента превышает критическую точку хрупкости (у разных ингредиентов она варьирует от 7 до 15%), бронза утрачивает эластичность, что делает её малопригодной для изделий с ударными функциями: топоров, молотов, долот, копий, мечей. Для изделий с режущими функциями (ножи, бритвы), нуждавшихся в периодической заточке, напротив, была необходима менее твёрдая бронза (более подробно об этом в: Черных 1966, 41-42; Mohen 1990, 98, fig. 25; Harding 2000, 202-203, fig. 6,3).

На большей части Европы широкому распространению оловянистых бронз предшествовала длительная эпоха (примерно IV–III тыс. до н.э.) производства и использования так называемых *псевдо-бронз*. Их получали из встречаемых в природе комбинированных медно-мышьяковых руд. Многие исследователи не включают эту эпоху в бронзовый век. При этом, одни из них относят её к переходному периоду от энеолита к бронзовому веку (Roman 1976), в то время как другие – к позднему энеолиту (Ciugudean 2000). Соответственно, бронзовый век начинается лишь тогда, когда на смену псевдо-бронзам приходят *искусственные* сплавы. В начале бронзового века бронзу получали из *преднамеренно* смешанных медной и мышьяковой (и/или оловянной, свинцовой, сурьмяной и проч.) руд. Реальную (а не условную 0,5–1%) границу между мышьяковистой медью и мышьяковистой бронзой сегодня провести крайне непросто, из-за чего трудно уловить грань между энеолитом и бронзовым веком.

Несмотря на то, что по своему качеству мышьяковистая бронза практически не уступает оловянистой (Mohen 1990, 98, fig. 26), а также на то, что оловянные руды встречаются гораздо реже, чем мышьяковые, к началу – середине II тыс. до н.э. почти повсеместно в Европе предпочтение было отдано олову (Kristiansen, Larsson 2005, 115; Бочкарёв 2011). Одной из

причин этого было, видимо, то, что залежи медно-мышьяковых руд с достаточно высокой долей в ней мышьяка встречаются редко. Благодаря характерному чесночному запаху, такие руды было легко распознать, из-за чего их наиболее доступные источники в Европе к концу энеолита были, видимо, в значительной мере исчерпаны. Следует иметь в виду и то, что получить чистый мышьяк, даже из его наиболее концентрированных соединений с серой, содержащих около 70% мышьяка – *реальгара* (моносulfид мышьяка – AsS) и *аурипигмента* (As₂S₃) – при технологическом уровне бронзового века, было невозможно. Дело в том, что высокая температура, необходимая для удаления из такой руды сопутствующих элементов, разрушала мышьяк. Поэтому металлургам приходилось смешивать медную, мышьяковую или/и медно-мышьяковые руды. При таком способе было невозможно точно дозировать долю присадки в бронзе. Кроме того, не исключено, что древние металлурги осознавали высокую токсичность мышьяка. Тем не менее, в некоторых регионах, особенно вдали от территорий, куда поступало олово – как например, в ареале абашевской культуры – мышьяковистые бронзы продолжали широко использоваться вплоть до эпохи поздней бронзы (Черных, Кузьминых 1989, 172-173).

В отличие от мышьяка, свинца и сурьмы, олово нетоксично. А самое главное – оно достаточно легко отделяется от сопутствующих ему в рудах металлов. Из нескольких десятков видов оловянных руд наиболее концентрированными являются *касситерит* (SnO) и *станнин* (Cu₂FeSnS₄). В касситерите доля олова составляет около 78%, а в станнине – около 28 %. Естественно, что для металлургов бронзового века эти разновидности оловянной руды были наиболее подходящими источниками олова. Следует, однако, иметь в виду относительную редкость их месторождений. В Европе самые богатые месторождения оловянных руд находятся в юго-западной Англии – в Корнуолле (Penhallurick 2008, 148-172) и Девоне (Penhallurick 2008, 115-118). Менее богатые месторождения олова известны в Ирландии (Penhallurick 2008, 111-114) и в западной части континентальной Европы: на территории Франции – главным образом в Бретани (Penhallurick 2008, 85-94), в центрально-северо-западной части Пиренейского полуострова – на территории Испании и Португалии (Penhallurick 2008, 95-104; Merideth 1998; 1998a; Rovia, Montero 2003), а также на северо-западе Апеннинского

полуострова – в Тоскане (Coles, Harding 1979, 9, fig. 3; Penhallurick 2008, 63, map 12). В Центральной Европе богатые месторождения олова известны в Богемии и Саксонии – в горном массиве *Эрцгебирге* (нем.) / *Крушине Хори* (чешск.), что пролегает по нынешней германо-чешской границе (Penhallurick 2008, 71-78). Менее богатые месторождения оловянных руд имеются в восточной части Словакии (Furmánek 1987, 49-50; Furmánek et al. 1991, 219-220; Furmánek et al. 1999, 135) и Польши (Penhallurick 2008, 63).

Длительное время считалось, что в Юго-Восточной Европе нет залежей олова. Однако в последние три десятилетия стало известно, что месторождения касситерита имеются на территории нынешних западной Сербии и Боснии Герцеговины (Liritzis, Taylor 1987; Glumac 1991; Durman 1997; Bankoff et al. 2011). Кроме того, вопреки укоренившемуся мнению, согласно которому в Карпатском бассейне нет месторождений олова, в последние годы появились сведения – нуждающиеся, однако, в тщательной проверке и оценке – о наличии залежей оловянных руд в Марамуреше, Кришане, Банате, а также на крайнем западе, юго-западе и юго-востоке Трансильвании (Glumac 1991; Boroffka 2006; Emődi 2008; Kacsó 2011). Далее к востоку, на европейском континенте, за исключением Северного Кавказа, где источники этого металла достаточно скудны (Черных 1966, 46, 81; Гасанова 2009, 509), а также крайнего севера европейской части России (Penhallurick 2008, 34, map 6), доступных месторождений олова практически нет.

Прямых доказательств эксплуатации месторождений оловянных руд в бронзовом веке на территории Европы немного. Есть свидетельства того, что олово в бронзовом веке добывалось на юго-западе Англии, на Пиренейском полуострове, в Богемии и Саксонии, а также на северо-западе Балканского полуострова. Одним из наиболее убедительных доказательств эксплуатации оловянных руд ещё в раннем периоде бронзового века являются находки оловянного шлака в Корнуолле (Primas 1985, 555). В Корнуолле и Девоне касситерит и станнин собирали в руслах ручьёв, вымывавших куски этих минералов из земли. Вполне возможно, что оловянная руда добывалась также в открытых копях, хотя прямых следов такого способа добычи олова в бронзовом веке пока не обнаружено. Судя по всему, широкомасштабные работы по добыче олова в средневековый период и новое время на этой территории (Gerrard 1996) уничтожили следы подобных работ в древно-

сти. В Юго-Западной Англии имеются также свидетельства эксплуатации касситеритовых жил, залегающих в гранитных породах. У входа в музей горного дела в Полдарке, в Корнуолле, находится большой камень, на котором хорошо видны искусственные сфероконические углубления. В этих углублениях, по оценке британских специалистов, металлурги раннего бронзового века около 1800 г. до н.э. измельчали касситеритовую руду. Показательно, что в Юго-Западной Англии в местах сосредоточения залежей олова отмечается высокая концентрация памятников бронзового века, в том числе мегалитических сооружений и укрепленных поселений. Кроме того, в долинах ручьев с высоким содержанием касситерита найдены артефакты, которые позволили предположить, что эксплуатация этих месторождений началась ещё в раннем бронзовом веке (Penhallurick 2008, 173-224).

Убедительные свидетельства добычи олова имеются также в центрально-северо-западной части Пиренейского полуострова (Merideth 1998; Merideth 1998a). Касситерит на этой территории находится почти исключительно в гранитных породах. Поэтому добыча олова на этой территории была сопряжена с весьма трудоёмкими работами по изысканию касситеритовых жил и переработкой большого количества гранита. Иногда в непосредственной близости от месторождений касситерита были обнаружены памятники, которые, видимо, были поселениями рудокопов бронзового века, а также орудия горного дела, среди которых встречаются массивные каменные молоты типа *mining tools / rillen-hammer*. Вплоть до эпохи поздней бронзы на Пиренейском полуострове оловянистую бронзу получали из преднамеренно смешанных медной и оловянной руд. При этом оловянная руда достигала металлургических мастерских, удалённых на сотни километров от её месторождений. Кроме того, эксплуатировались, видимо, медно-оловянные руды (Rovía, Montero 2003). Лишь на позднем этапе бронзового века начинается производство чистого олова, которое затем добавлялось в медь (Merideth 1998). С этого времени можно было достаточно тонко дозировать соотношение между медью и оловом.

На территории Центральной и Юго-Восточной Европы свидетельства добычи олова в бронзовом веке пока не столь убедительны. Поскольку, ввиду их близости к Карпатскому бассейну, для настоящей работы эти территории представляют особый интерес, источникам

олова в Центральной и Юго-Восточной Европе и проблеме их эксплуатации посвящены специальные разделы этой статьи (смотреть ниже).

Редкость месторождений олова, с одной стороны, и почти повсеместное массовое распространение оловянистых бронз во II – начале I тыс. до н.э. – с другой, являются очевидным свидетельством того, что этот металл (в виде руды, слитков и/или оловянистых бронз) циркулировал очень широко. Иначе говоря, производство оловянистых бронз для большей части Европы было бы невозможно без широкой циркуляции олова. Согласно письменным источникам, в Средиземноморье этот металл был одним из наиболее вожделенных предметов обмена (смотреть например: Maddin et al. 1977, 41-42 и цитируемую в этой работе литературу). На протяжении последних десятилетий факты широкой циркуляции олова неоднократно были подтверждены археологическими открытиями. Самыми замечательными из них являются затонувшие судна бронзового века, на борту которых, наряду с иными материалами, находились слитки меди и олова. До недавних пор подобные находки были известны исключительно в Средиземноморье. Одно из таких судов было обнаружено недалеко от *Хайфы*. Относительно его возраста в литературе нет единства мнений, так как его датировка основана на разной интерпретации письменных знаков на двух слитках олова. Исследователи, считающие, что эти знаки принадлежат кипро-минойскому письму, датируют их в пределах XVII–XII вв. до н.э. (Maddin et al. 1977, 46; Penhallurick 2008, 106). Недавняя – неожиданно ранняя – датировка этих слитков III тыс. до н.э., основанная на отнесении этих знаков к древнеиндскому (*meluhha*) письму (Kalyanaraman 2006), пока не получила признания в литературе. Широко известны результаты исследований двух затонувших судов у южных берегов Анатолии: в Улубуруне, около 1300 г. до н.э. (Mohen 1990, 152-154; Yalçın et al. 2005), а также в мысе Гелидония, около 1200 г. до н.э. (Mohen 1990, 152). Примечательно, что наряду с многочисленными предметами средиземноморского происхождения, на улубурунском судне был найден каменный скипетр, близкие аналогии которому известны только на территории Юго-Восточной Европы (Irimia 2007). На этом судне находилось более десяти тонн меди и около тонны олова, что близко к «оптимальной» пропорции, необходимой для получения высококачественной бронзы. Свидетельством того, что олово, добывавшееся в

бронзовом веке на юго-западе Англии, было предназначено не только для местного производства бронзы, но и для отдалённых территорий, стало недавнее открытие судна, затонувшего в X в. до н.э. у девонского побережья, напротив города Салкомб. На борту этого судна находились слитки олова и меди; при этом, как и на улубурунском судне, меди на нём было примерно в десять раз больше, чем олова (Salcombe). Такое соотношение между весом меди и олова на упомянутых судах наталкивает на мысль, что этот груз был предназначен для бронзолитейных мастерских, находившихся вдали от источников меди и олова.

Изготовление и использование оловянистых бронз в Карпатском бассейне и на сопредельных территориях. Как отмечалось выше, согласно одной из посылок рассматриваемой гипотезы, подавляющее количество металлических предметов бронзового века, найденных во внутрикарпатском регионе, содержат олово. Судя по опубликованным данным (Petrescu-Dîmbovița 1977; 1978), в целом эта посылка представляется верной. Необходимо, однако, уточнить, что характер, цели и масштабы использования олова на протяжении эпохи бронзы во внутрикарпатском регионе значительно варьировали.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, древнейшее в Европе изделие из оловянистой бронзы (бусина, содержащая 6,6% олова) происходит из энеолитического слоя поселения культуры Винча Гомолава в сербском Подунавье (Gogâltan 1999, 116). Несколько предметов, изготовленных из оловянистой бронзы, было найдено в энеолитических слоях (IV и V) поселения *Ситагри* в греческой Фракии (Renfrew 1971, 276; Sherratt 1986, fig. 13,3a; Muhly 1991, 366; Gogâltan 1999, 116). Отдельные находки оловянистых бронз происходят также из погребений поздне-энеолитического времени в Болгарии (Черных 1978, 59) и некоторых памятников Западной Сербии и сопредельных областей Южной Паннонии (Dugman 1997, 11). Последние связаны – в той или иной мере – с культурами Баден и Вучедол. Среди наиболее ранних в Юго-Восточной Европе изделий, изготовленных из оловянистой бронзы (начало III тыс. до н.э.), упоминаются также предметы, найденные на поселении *Велика Груда* на Адриатическом побережье Черногории (Vandkilde 2007, 101). Предметы, изготовленные из оловянистой бронзы, были найдены также в погребениях могильника ранней поры

бронзового века Беба Веке в румынском Банате. У двух из этих предметов (браслеты) доля олова оказалась неожиданно высокой: ≈ 10 и соответственно 6,9% (Gogâltan 1999, 123). Среди наиболее ранних (первая половина III тыс. до н.э.) бронзовых предметов из Трансильвании, в составе которых содержится олово, цитируется топор типа *Думбрэвиоара* найденный на поселении культуры Шнекенберг у города Сфынту Георге в Юго-восточной Трансильвании (Vulpe 1970, 31, Taf. 4,52; Petrescu-Dîmbovița 1995, 46). Олова в этом предмете всего 1,45%. Скорее всего, оно в этом случае играло лишь декоративную роль – придать предмету золотистый цвет. Кстати, многие исследователи предполагают, что в раннем периоде бронзового века олово использовалось главным образом именно для этой цели (Kienlin, Pernicka 2006, 60). В Центральной Европе самые ранние предметы, изготовленные из оловянистой бронзы, представлены ещё в контексте культуры колоколовидных кубков, однако решительный переход от мышьяковистых бронз к оловянистым происходит здесь лишь на рубеже III и II тыс. до н.э. При этом самая высокая концентрация оловянистых бронз отмечается в ареале Унетицкой культуры, особенно на территории Богемии, Саксонии и Тюрингии – в непосредственной близости от эрцгебиргских месторождений олова (Vandkilde 2007, 101).

Как необратимая тенденция, господство оловянистых бронз в Карпатском бассейне начинается со времени распространения предметов серии *Хайдушамиион-Ана*. Начало этого горизонта относится к периоду Рейнеке Br A₂, который, согласно новейшим датам C14, датируется в пределах XX–XIX вв. до н.э. (Harding 2000, 17). Предметы этой серии доживают до XVII в. до н.э. Преобладают парадные мечи и топоры. Центром их распространения был ареал культуры Отомань-Фюзешабонь, включавший территорию между Западной Трансильванией и Средним Потисьем. Предметы этой серии встречаются также далеко за пределами ареала культуры Отомань-Фюзешабонь – от Прикарпатской Молдовы (Munteanu, Dumitroaia 2010) до Майна и от северо-запада Балканского полуострова до Скандинавии (Kristiansen, Larsson 2005, 211, fig. 96). На этом этапе доля олова в бронзовых изделиях, найденных на территории Трансильвании и Потисья, варьирует от 3,4 до 9,8%, вокруг среднестатистической величины 6,5% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 39-43, 45-46). Судя по облику и по контекстам их находок, предметы из оловянистых бронз

использовались на этом этапе главным образом как предметы престижа и принадлежали исключительно представителям элиты (Vulpe 1995, 19, 26; Kemenczei 2003, 168).

Около 1700/1600 г. до н.э. (Рейнеке Br B) на смену бронзам серии Хайдушамшон-Апа в Карпатском бассейне приходят бронзы косидерского типа. Не исключено, что они доживают до следующего периода – Br C. Есть основания полагать, что какое-то время типы, характерные для серий Хайдушамшон-Апа и Косидер, сосуществовали (Kemenczei 2003, 169). В этот период возрастает количество и богатство кладов. Всё чаще бронзовые предметы встречаются в погребениях и на поселениях. Подавляющее большинство металлических предметов изготовлено из оловянистых бронз. По-прежнему среди бронзовых предметов этой серии преобладают оружие и украшения и, хотя постепенно они утрачивают былую парадность, продолжают быть предметами престижа и атрибутом элиты.

Начало позднего периода бронзового века в Карпатском бассейне ознаменовалось распространением бронзовых изделий серии *Уриу-Домэнешть-Опай* (Рейнеке Br D). По приблизительным оценкам, в Трансильвании и на сопредельных территориях это соответствует временному интервалу между 1500/1400 и 1250/1200 гг. до н.э. В этот период наблюдается стремительный рост количества кладов и предметов, приходящихся на каждый из них. Примечательно, что наряду с оружием и украшениями, широко представлены орудия труда: топоры, долота, серпы и проч. Бронзовые предметы переходят из сферы символической значимости в область повседневного использования (Kemenczei 2003, 170; Szabó 2003, 164). Не случайно, начиная с этого времени, они присутствуют практически на всех исследованных поселениях. Тем не менее, во многом бронзовые предметы сохраняют свои сакральные и символические функции. Значительно возрастает количество и богатство бронзолитейных мастерских. Примечательны технологические взаимосвязанные новации в бронзолитейном производстве: появляются новые, более совершенные методы литья, широко распространяются изделия со слепой втулкой и тонкими стенками – кельты и копья. Возрастает количество предметов, изготовленных из сплавов, в составе которых доля олова приближается к «оптимальной» пропорции, а порой значительно превышает её. При этом нередко наблюдается тонкое дозирование соотношения массы

олова и меди в зависимости от функционального назначения и статуса изделий. Особенно высокое содержание олова отмечается в предметах вооружения: копьях, мечах и боевых топорах, металлических деталях боевых колесниц, а также в псалях. Так, в одном из эпонимных кладов этой серии, *Домэнешть 1* (*Domănești*, Северная Кришана), в тридцати предметах, подвергнутых спектральному анализу, доля олова варьирует от 0,22 до 14%, при средней доле 6,4% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 58). В кладе из *Пантичеу* (*Panticeu*, Западная Трансильвания) в двенадцати анализированных предметах доля олова варьирует от 3,2 до 9,4%, при средней величине 5,8% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 65). В кладе *Петрошань 1* (*Petroșani*, крайний юго-запад Трансильвании), в четырёх подвергнутых анализу предметах доля олова варьирует от 2,33 (кельты) до 12,6% (наконечник копья), при средней доле 6,1% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 66). В другом эпонимном кладе – *Уриу* (*Uriu*, Северная Трансильвания) – в десяти подвергнутых анализу предметах доля олова варьирует от 1,08 до 7,3%, при средней доле 4,1% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 71). Следует отметить, что все эти новшества имели место в контексте технологического бума, охватившего в эпоху поздней бронзы широкие пространства Восточной и Юго-Восточной Европы (Бочкарёв 2011).

На следующем этапе позднего бронзового века – в т.н. ранне-галлыштаттский период (Рейнеке Ha A), что в абсолютных датах соответствует временному отрезку между 1250/1200 и 1060 гг. до н.э., в Трансильвании господствуют предметы серий Чинку-Сусени (*Cincu-Suseni*) и Жупалник-Турия (*Jupalnic-Turia*), а к западу от Трансильвании – серии Курд (*Kurd*). Отмеченные для предшествующего периода тенденции достигают в это время своей кульминации, что хорошо видно из приведённых ниже примеров.

Клад-мастерская *Дипша* (*Dipșa*, северная Трансильвания (Ciugudean et al. 2006)). В настоящее время это наиболее полно и подробно исследованный и опубликованный клад-мастерская этого времени (Ha A1). Он состоит из орудий, украшений, предметов вооружения, литейного брака и слитков. В количественном отношении, первое место в нём занимают слитки, которые составляют 43% от общего количества предметов клада (78 % от веса клада), на втором месте – орудия труда (34%), на третьем – украшения (5%); за ними следуют предметы вооружения (4%) и

прочие изделия (11%). Орудия представлены 138 серпами (подавляющее большинство намеренно фрагментированы), 46 топорами (из которых 39 кельтов), 9 фрагментами ножей, 16 фрагментами пил, 4 долотами. Все предметы вооружения фрагментарны и состоят из мечей, кинжалов, наконечников копий и топоров с дисковидным навершием. Среди последних 8 фрагментов мечей, 10 фрагментов кинжалов, 7 фрагментов наконечников копий, 1 топор с дисковидным навершием (литейный брак). Украшения представлены 23 браслетами, 3 фибулами, 2 булавами, 4 шейными гривнами, 6 предметами декора, деталями украшений пояса, 2 бутонами. Кроме того, в кладе найдено 36 фрагментов бронзовых сосудов, из которых как минимум две чаши, а также фрагменты котлов и ситул. Заготовки весят 72,8 кг, среди них 7 бронзовых брусков и 262 слитка.

Все предметы этого клада, за исключением одного (медное украшение, содержащее лишь 0,59% олова), изготовлены из оловянистой бронзы. Большинство предметов содержат от 4 до 8% олова. В то же время, в некоторых предметах содержание олова достигает 16–17%. Украшения отличаются низкой долей олова – до 5%. Единственное исключение – предмет, являвшийся видимо, деталью украшения колесницы с необычайно высоким содержанием олова (15,52%). В составе сплава, из которого были изготовлены кельты, доля олова колеблется от 4,6 до 8,67% (в среднем 6,55%). Значительный разброс в доле олова наблюдается в кинжалах, мечах и наконечниках копий (от 4,71 до 17,88%). Хотя самый высокий процент олова отмечен у одного из мечей (15,23%), статистически наиболее высокая доля олова – в наконечниках копий (9–10%). В серпах доля олова колеблется от 3,12 до 8,21%. Содержание олова в молотах и других орудиях варьирует также достаточно широко – от 7,15 до 16,3%. В среднем, в молотах олова около 11%. В слитках олово составляет от 4,62 до 9,04%.

Клад-мастерская из *Uioara de Sus* (*Uioara de Sus*, Юго-Западная Трансильвания) был найден рядом с богатыми залежами каменной соли. Это самый богатый в Карпатском бассейне и второй в Европе (5812 предметов общим весом около 1100 кг) клад-мастерская. Наряду с бронзовыми предметами, в этом кладе имеется небольшое количество кусочков почти чистого **олова** (Sn 87,47 и 93,14%). Для восемнадцати изделий этого клада установлена доля олова – от 1,5 до 22,07%, при средней величине 9,67%. При этом особенно высокая доля олова отмечена в одном из псалий (22,07%), а также

в боевых топорах – от 10 до 17,27% (Petrescu-Dîmbovița 1977, 116–118).

Клад *Gușterița 2* (*Gușterița*, южная Трансильвания) – один из богатейших в Трансильвании (более 600 кг). В девяти подвергнутых спектральному анализу предметах доля олова варьирует от 4,5 до 13,94%, при средней доле 8,98%. При этом, наиболее высокая доля олова отмечается в мече (9,74%), в призматическом слитке (11,79%) и в наконечнике копья (13,94%). Особого внимания заслуживает тот факт, что в этом кладе имеется несколько кусочков чистого **олова** (Rusu, 1963, 184; Petrescu-Dîmbovița 1977, 97).

Клад *Чёкловина* (*Cioclovina*, Юго-Западная Трансильвания). Этот клад был найден в пещере и содержал бронзовые предметы, стеклянные, фаянсовые, янтарные и **оловянные** бусы (Petrescu-Dîmbovița 1978, 118).

Клад *Шпалнака II* (*Șpalnaca*, Юго-Западная Трансильвания). В богатом кладе бронзовых вещей находилось несколько кусочков чистого **олова** (Petrescu-Dîmbovița 1978, 121.128).

Клад *Богата де Жос* (*Bogata de Jos*, Западная Трансильвания) содержал, помимо прочих предметов, бронзовый псалий, в котором содержание олова составляет 19,05%, а также браслет, в составе которого 13,27% олова (Petrescu-Dîmbovița 1977, 86).

Начиная с периода На В1 (середина XI–X в. до н.э.) наблюдается постепенное уменьшение количества кладов в Карпатском бассейне и сопредельных территориях, а также количества предметов в них. С периода же На В2 (IX в. до н.э.) эта тенденция стремительно усиливается (Petrescu-Dîmbovița 2001, 344–345; Ciugudean et al. 2008, 42 и цитированная литература). На протяжении последующих двух веков (На В3–На С), на смену бронзе всё более решительно приходит железо, которое, начиная с рубежа VIII–VII вв. до н.э. станет господствующим металлом.

Подводя итоги достаточно беглому рассмотрению динамики изготовления и использования оловянистых бронз в Карпатском бассейне, можно констатировать следующее. Спорадическое использование оловянистых бронз в этом регионе начинается в первой половине III тыс. до н.э. Как необратимая тенденция, изготовление и использование оловянистых бронз начинается около 2000 г. до н.э. На протяжении последующих четырех-пяти веков, вплоть до 1600/1500 г. до н.э., оловянистые бронзы были элиты. Массовое распространение оловянистых бронз и их внедрение в сферу производства и повседневной жизни во внутри-

карпатском регионе начинается примерно с середины II тыс. до н.э. Период господства оловянистых бронз продолжается на протяжении следующих шести-семи веков, вплоть до середины VIII в. до н.э. Наивысший подъём бронзовой металлургии в Карпатском бассейне приходится на период с 1250/1200 по 1050/1000 гг. до н.э. После этого изготовление и использование оловянистых бронз постепенно угасает, а начиная с VIII в. до н.э. бронзовая металлургия утрачивает былое значение, уступая место металлургии железа.

В какой форме олово поступало в Карпатский регион? Свидетельства того, что местные металлурги знали чистое олово, появляются лишь после 1250 г. до н.э. Использовалось ли чистое олово раньше, пока не установлено. Согласно имеющимся данным, производство чистого олова начинается в Европе незадолго до середины II тыс. до н.э. Как следует из опубликованного Маргаритой Примас свода, подавляющее количество находок чистого олова (слитков, предметов и деталей орнаментации) в Европе относятся к позднему периоду бронзового века (1500–700 гг. до н.э.) и лишь отдельные находки относятся к раннему и среднему периодам бронзового века (Primas 1985). Следует напомнить и то, что слитки чистого олова, найденные на затонувших судах, относятся в основном к временному промежутку 1300–900 гг. до н.э. Заслуживает также внимания упоминание о многочисленных оловянных украшениях, найденных в некоторых погребениях могильника культуры Отомань-Фюзешабонь Нижна Мышля в восточной Словакии (Gogâltan 1999, 125, сноска 192), относящихся скорее всего ко второй четверти II тыс. до н.э.

Древнейшие оловянные предметы и детали орнамента представлены ещё в раннем бронзовом веке Закавказья и Армении (Primas 1985, 555–556). Самая ранняя в Средиземноморье находка чистого олова происходит из Терми (остров Лесбос) – это оловянный браслет, датированный серединой (Maddin et al. 1977, 43, Fig. 20) или началом III тыс. до н.э. (Гасанова 2009, 509). В Западной Европе к раннему бронзовому веку отнесено единственное местонахождение чистого олова – это заклёпки, которыми была украшена рукоять кинжала из Баргерустервелд на территории Нидерланд (Primas 1985, 556, 558).

Наличие во многих кладках бронзовых слитков позволило исследователям заключить, что нередко олово во внутрикарпатский регион

поступало в смешанном с медью виде (Kienlin, Pernicka 2006, 61). Наличие чистого олова в некоторых кладках и кладках-мастерских раннегаллыштатского времени в Юго-Западной Трансильвании позволяет заключить, что в это время местные металлурги имели доступ к этому металлу, что позволяло им тонко дозировать состав сплава.

Источники олова в Карпатском бассейне и сопредельных территориях. Вторая посылка рассматриваемой здесь гипотезы состояла в том, что, по мнению многих исследователей, в Карпатском бассейне, а также на сопредельных им территориях нет месторождений олова. В последние годы становится всё более очевидным, что это утверждение далеко не бесспорно. Как следует из книги Петара Душана Глумака (Glumac 1991), а также карты опубликованной недавно Николаусом Бороффкой (Boroffka 2006, 88, fig. 1), в Марамуреше, Кришане и Банате, а также на крайнем западе и юго-западе и юго-востоке Трансильвании, имеются месторождения олова. О наличии залежей олова в Марамуреше, главным образом в Бэиле Борша, ещё в начале 1990-х годов писал Петар Душан Глумак (Glumac 1991), а совсем недавно – Карол Качо (Kacsó 2011, 269–270). Согласно приведённым этим исследователем данным, олово присутствует здесь в рудах трёх типов: пирит с содержанием касситерита, медная руда с содержанием касситерита и полиметаллическая медистая руда с содержанием касситерита. Он отмечает, что в настоящее время олова в Марамуреше ничтожно мало, однако не исключает, что в древности его было больше и что местные залежи этого металла могли служить для обеспечения мастерских, находившихся в Верхнем Потисье. При этом цитируемый автор подчёркивает, что нет никаких доказательств на этот счёт (Kacsó 2011, 269–270). Что же касается местонахождений олова в румынском Банате, заслуживает внимания тот факт, что И. Теглаш (I. Téglás), во время посещения в 1887 году Музея Баната, обратил внимание на куски оловянного шлака, найденные в Молдова Веке (Gogâltan 1999, 125).

Особого внимания заслуживает недавно опубликованная статья Йоана Емёди (Emődi 2008), согласно которой отсутствие олова в Карпатском бассейне – это миф, опровергаемый средневековыми письменными источниками. Автор утверждает, что, согласно письменным источникам, в Карпатском бассейне, на протяжении средневековья и но-

вого времени, олово добывалось непрерывно и в большом количестве. Соответственно, по его мнению, богатые залежи олова в этом регионе существовали и раньше. Однако – заключает Емёди – в результате многовековой эксплуатации эти залежи были исчерпаны. Поэтому, по мнению автора, в настоящее время в большинстве рудных месторождений улавливаются лишь слабые следы олова. Самый ранний из цитируемых автором документ, датированный 1464 годом, отмечает, что в Бая де Криш (крайний запад Трансильвании), помимо других металлов, добывалось олово. Столетие спустя, епископ Николаус Олахус писал, что в Трансильвании “*Auri, argenti, ferri, cupri, stanii...maxima ibi conua*” (Emödi 2008). Емёди отмечает, что согласно рудокопным журналам XVI в., в Бая Маре (Западный Марамуреш), наряду с другими металлами, добывалось олово. В XVI и начале XVII в. упоминаются шахты, в которых добывалось серебро и олово в Рыметя (*Râmetea*, Западная Трансильвания). Цитируется также документ 1684 г., упоминающий о слитках олова и сурьмы из Бая Маре. Императорский указ, датированный 1769 г., запрещавший импорт олова, Емёди интерпретирует как свидетельство протекции местных добытчиков олова. Цитируя опубликованные статистические данные, автор отмечает, что в первой половине XIX в. Бихоре (Кришана) ежегодно добывалось 80 тонн олова и халкопирита (Emödi 2008). В заключении, Емёди приходит к выводу, что необходимое для бронзовой металлургии олово в эпоху бронзы не импортировалось в Карпатский бассейн, так как, по его мнению, этот металл находился в изобилии в местных залежах.

Ценность приведённых автором данных бесспорна, однако следует иметь в виду, что пока нет сколько-нибудь надёжных свидетельств того, что эти месторождения эксплуатировались в бронзовом веке. Кроме того, из цитируемых источников совершенно неясно, в каких условиях залежали оловянные руды, эксплуатировавшиеся в средневековье и в новое время в Марамуреше, Кришане, Западной и Юго-Западной Трансильвании. Соответственно, были ли они доступны рудокопам бронзового века? В этом смысле показателен скептицизм ряда признанных экспертов в области палеометаллургии относительно возможности эксплуатации гораздо более богатых месторождений оловянных руд в Эрцгебиргском горном массиве (смотри

ниже), где самые ранние документальные свидетельства их эксплуатации относятся к XIII в. н.э. Во-вторых, следует иметь в виду и то, что античные и средневековые источники называют иногда одним и тем же термином олово, свинец и цинк. Неслучайно в современных чешском, словацком, польском, болгарском и сербохорватском языках слово “*олово / olovo*” обозначает свинец.

Если мнение об отсутствии залежей олова в Карпатском бассейне далеко не бесспорно, то утверждение, согласно которому месторождений олова нет в сопредельных Карпатскому бассейну территориях, решительно неверно. Богатые аллювиальные месторождения касситерита известны в горных массивах западной Сербии и Боснии Герцеговины (McGeehan-Liritzis, Taylor 1987; Durman 1997; Bankoff et al. 2011). Следует подчеркнуть высокую насыщенность и доступность этих месторождений. Касситерит здесь часто находится на поверхности – в долинах ручьёв, а также в песках – до глубины 4 м. До настоящего времени прямых следов эксплуатации этих месторождений в бронзовом веке не было обнаружено. Однако, их географическая близость к местонахождениям древнейших в Европе оловянистых бронз (Гомолава, Ситагри, Велика Груда и др.), позволяет предположить, что они являлись источниками олова для металлургов Балкан и сопредельных территорий, начиная ещё с энеолитического времени.

Проблема эксплуатации месторождений олова в Центральной Европе. Обратимся к третьей посылке, согласно которой *ближайшей к Карпатскому бассейну территорией, на которой в эпоху бронзы добывалось олово, были эрцгебиргские месторождения оловянных руд.* Наличие олова в Эрцгебиргском горном массиве – факт бесспорный, однако в этом регионе прямых следов их эксплуатации в бронзовом веке открыто не было. Поэтому мнения учёных относительно эксплуатации этих месторождений в бронзовом веке расходятся. Так, по Дэйтону (Dayton 1971/1972), эрцгебиргские месторождения олова эксплуатировались начиная с бронзового века. Вслед за ним, Ян Боузеке и другие чешские археологи, исходя из высокой плотности археологических памятников бронзового века в местах наибольшего сосредоточения оловянных руд, считают высокой вероятностью того, что эти месторождения эксплуатировались ещё в раннем бронзовом веке (Bouzek et al. 1989). В пользу того, что олово

эрцгебиргских месторождений в бронзовом веке добывалось, может свидетельствовать и то, что они находятся примерно в центре ареала Унетицкой культуры, в которой представлены в большом количестве предметы вооружения, изготовленные из оловянистой бронзы. По всеобщему признанию, Унетицкая культура была одной из наиболее развитых археологических культур раннего бронзового века в Европе (конец III – первая треть II тыс. до н.э.). Характерные для неё типы бронзовых предметов циркулировали от Карпат до атлантического побережья и от Скандинавии до Адриатического моря. Немаловажно отметить, что в предшествующий период Богемия и Саксония (где находятся эрцгебиргские месторождения олова) входили в ареал культур Баден и Вучедол, носители которых, как отмечалось выше, были знакомы с технологией производства оловянистых бронз.

С другой стороны, Дж.Д. Мюлы и Т.А. Уерттайм (Muhly, Wertime 1973) подчеркивают, что в Эрцгебирге нет прямых следов добычи олова. Более того, поскольку оловянистые руды в Эрцгебирге залегают на значительной глубине под каменистыми залежами, по их мнению, едва ли люди бронзового века могли их обнаружить и эксплуатировать. В какой-то мере, это мнение разделяет и А. Хардинг (Harding 2000, 201). Едва ли значительную глубину залегания оловянных руд в Эрцгебирге следует считать непреодолимым препятствием для их эксплуатации в бронзовом веке. В этом смысле показательно, что ещё в энеолите северо-балканским рудокопам (Рудна Глава и Аи-Бунар) была под силу глубинная добыча руды, а в бронзовом веке горняки Центральной Европы (например, в Миттенберге) знали сложные методы надёжных свайных креплений глубоких шахт. Очевидно, что аргументы обеих сторон пока недостаточны и до появления более убедительных данных на этот счёт, проблема остаётся открытой. Однако, вероятность того, что эрцгебиргские месторождения олова эксплуатировались в бронзовом веке, представляется достаточно высокой.

Соль

Соль (хлорид натрия, NaCl) является одним из минералов, без которого жизнь была бы невозможна. Натрий и хлор в жидких средах животных организмов обеспечивает кислотно-щелочное равновесие, водно-солевой обмен, а также величину биологических потенциалов. Положительные ионы натрия способ-

ствуют образованию целого ряда ферментов, а отрицательные ионы хлора играют важную роль в образовании в желудке хлороводородной кислоты. Последняя играет важную роль в переваривании и усвоении белков, а также способствует образованию гормонов, стимулирующих деятельность поджелудочной железы. Кроме того, она способствует переходу пищи из желудка в двенадцатиперстную кишку и обезвреживанию микробов.

Хлорид натрия входит в тканевые жидкости и в состав крови, а при его недостатке организм отдаёт его из крови и тканей. Недостаток соли в организме вызывает целый ряд функциональных и органических расстройств: спазмы гладкой мускулатуры, поражение центров нервной системы, мышечную слабость, утомляемость, потерю аппетита, повышенное чувство жажды. В экстремальных случаях недостаток соли в организме может привести даже к летальному исходу.

Считается, что в среднем взрослому человеку необходимо около 6 г соли в сутки, крупному рогатому скоту 25–30 г, лошади около 40 г, а мелкому рогатому скоту 5–15 г. Однако, в зависимости от образа жизни, возраста, питания, климатических условий и физической нагрузки эта величина может колебаться. Так, в условиях жаркого климата, а также при интенсивной физической деятельности суточная потребность человека в соли может достигать 30 г. Точно также значительно повышается необходимость в соли у дойных и тягловых животных. Это связано с тем, что повышенная температура, физическая нагрузка и интенсивная деятельность молочных и половых желез сопровождается обильным выделением соли из организма.

Значение соли для архаических обществ.

Человеку соль необходима не только для поддержания жизни собственного организма, но также для решения целого ряда насущных хозяйственных задач. Одной из наиболее важных сфер использования соли является скотоводство. Для обеспечения здоровья, плодовитости, силы и высокого удоя скота, люди повсеместно заботятся о том, чтобы корм домашних животных содержал соль сверх того, что имеется в обычной растительной пище. Неслучайно поэтому древнейшие свидетельства систематической и целенаправленной эксплуатации соли относятся к неолиту (Nenquin 1961, 11, 158; Weller 2004; Weller 2010). Соль является одним из наиболее эффективных средств консервирования пищевых продуктов. Она незаменима

при изготовлении сыра – этого „дешёвого белка” (Бродель 1986, 228) – одного из наиболее ценных пищевых продуктов. Сыр, по сравнению с молоком, имеет два существенных преимущества: сохраняется длительное время, а также легко усваивается (Sherratt 1997, 174-180). По мере того, как изготовление сыра становилось широко распространённой и устойчивой практикой (в Европе начиная, видимо, с энеолита-эпохи бронзы), необходимость в соли должна была возрастать. Соль также широко использовалась при дублении шкур. Она была эффективным дезинфектором и медикаментом: её используют при лечении целого ряда заболеваний (различных форм ревматизма, кожных ран, бронхита, лёгочной недостаточности, зубной боли, некоторых желудочных, гинекологических и простудных заболеваний).

Неравномерное распространение доступных источников соли, с одной стороны, и высокая потребность в этом минерале – с другой, сделали её одним из наиболее важных предметов обмена. При этом обмену подлежит не только соль как таковая, но и засоленные скоропортящиеся продукты (Nenquin 1961, 146-154; Бродель 1986, 226-227). Благодаря своей высокой потребительной стоимости, неравномерности распространения и устойчивости по отношению к внешним факторам, соль нередко использовалась в качестве примитивных денег (Nenquin 1961, 137)². В то же время она обладает рядом вредных для живых организмов свойств. Потребляемая в избыточном количестве, соль является причиной многих заболеваний (наиболее распространённое из них – гипертония) и даже смерти. Избыток соли делает почву бесплодной. Она также оказывает сильное коррозионное воздействие на многие материалы неорганического происхождения.

Путём расширительной интерпретации реальных физико-химических свойств соли и её воздействия на живую и мёртвую материю, в архаических обществах она наделяется целым рядом сверхъестественных качеств и высокой *символической значимостью*. Так, высокая потребительная стоимость соли, в совокупности с ограниченной доступностью, сделали её символом богатства; важность соли для жизни и здоровья, а также способность предот-

вращать разложение органических веществ, сделали её символом *вечности, бессмертия, постоянства, силы и здоровья* (Nenquin 1961, 10; Bonte, Izard 1999, 603-604), а её дезинфекционное действие послужило тому, что она стала символом *чистоты* (Bonte, Izard 1999, 603-604). По той же логике, соль наделяется сверхъестественными вредными свойствами (Moga 2009, 175; Bonte, Izard 1999, 603-604). Очень широко распространено представление о её божественном происхождении. Так, например, аборигены Папуа Новой Гвинеи верят, что вода солёных источников – это моча подземной богини (Pétrequin et al. 2001), а в современных деревнях румынской Молдовы крестьяне, развозящие по сёлам солёную воду, не берут за это денег, так как, по их убеждениям, «соль от Бога» (Alexianu et al. 2007, 131). Соль используют в магических, религиозных и погребальных ритуалах (Nenquin 1961, 10.145-146; Словарь Античности, 1989, 538; Dăncuș 2006, 147-148; Monah 2008, 117-131), а доступ к её источникам нередко сопровождается ограничениями символического порядка (Pétrequin et al. 2001).

Высокая потребительная стоимость и символическая значимость соли способствовали тому, что она становится символом *престижа и власти* (Moga 2009, 180). Вокруг этого минерала возникает сложная система социальных, экономических и политических отношений связанных с доступом к его источникам, добыче и обмену. Повсеместное стремление, с одной стороны, установить и удержать, а с другой – нарушить и захватить *монополию* на источники соли, были постоянным источником конфликтов, в том числе военных (Moga 2009, 181).

Соль широко циркулирует. Примечательно, что повсеместно обустроиваются для этого *соляные дороги*. Так, например, в Древнем Риме дорога, соединявшая Рим с Реате, по которому в Рим поступала соль, называлась *Via Salaria* (Словарь Античности 1989, 538), а в Трансильвании, в XVII веке была построена «соляная дорога» Прайд – Георгень, соединяющая богатые месторождения соли центральной Трансильвании с восточной частью этой провинции, где соли нет.

² Например, в Древнем Риме часть жалования выдавалась солдатам в виде соли, после чего был введён соляной эквивалент – *salarium* (Словарь Античности 1989, 538). Отсюда: *salary* (англ.), *salariu* (рум.) – заработная плата. Аборигены Папуа – Новой Гвинеи поныне используют слитки соли в качестве примитивных денег (Pétrequin et al. 2001). Соль была деньгами в „королевствах” бассейнов Верного Сенегала и Верхнего Нигера и в Эфиопии, где по словам автора 1620 г., кубы соли распиливали наподобие горного хрусталя: на кусочки в палец длиной”, и они служили в равной мере и деньгами и пищей...” (Бродель 1986, 470).

Природные источники соли во внутри-карпатском регионе и сопредельных территориях. Месторождения соли в восточной части Карпатского бассейна – одни из богатейших в Европе. Наиболее богатые и доступные запасы соли в этом регионе представлены залежами каменной соли на небольшой глубине, их выходами на поверхность, а также источниками солёной воды, солёными ручьями и озёрами, солёными почвами, солелюбивой флорой. Они сконцентрированы во внутрикарпатском регионе (в Трансильвании и Марамурэше), а также в Северном, Восточном и Южном Прикарпатье. Только на румынской части этого региона известно около 300 крупных массивов соли, занимающих около 30.000 кв.км, из которых на Трансильванию и Марамуреш приходится больше половины – около 16.206 кв.км (Monah 2007). С другой стороны, в смежных регионах доступных запасов соли значительно меньше. Природные запасы соли резко убывают по мере удаления к западу, югу и востоку от Карпат. Так, нет месторождений соли к западу от Трансильвании – на территории Баната, Кришаны и Венгрии. Скудные запасы этого минерала на территории Словакии (значительные запасы солёной воды в этой стране находятся, как правило, на большой глубине и недоступны для неперомышленной добычи). Мало соли на большей части Балканского полуострова (за исключением средиземноморского и черноморского побережий, где периодически образуются солёные лагуны, а также Северо-Восточной Болгарии, где находится одно из богатейших в Европе месторождение соли – Мирово у города Провадия). Мало соли в восточной половине румынской Молдовы, в Бессарабии и на Правобережной Украине, за исключением Прикарпатья и Закарпатья, а также черноморского побережья, где имеются солёные лиманы и озера; кроме того у Измаила имеются залежи каменной соли.

Памятники соледобычи в Трансильвании и Марамурэше в бронзовом веке. В эпоху бронзы соль являлась одним из важнейших экономических ресурсов. Развитие производящей экономики, рост роли скотоводства, углубление общественного разделения труда, появление на европейском континенте высокоразвитых политических и экономических центров и интенсификация трансъевропейского обмена во II – начале I тыс. до н.э. – всё это способствовало тому, что в бронзовом веке добыча этого минерала превращается из мелкого промысла в широкомасштабную индустрию. Наиболее убедительными свидетельствами этого явля-

ются результаты многолетних исследований в Галлыштатте (Kern et al. 2009).

Несмотря на богатство залежей соли в Трансильвании и Марамурэше, в отличие от других богатых солью регионов Европы, вплоть до последних лет археологические памятники эксплуатации соли в бронзовом веке в этом регионе ограничивались несколькими случайными предметами, найденными, как правило, в заброшенных соляных копях и шахтах. В последние же годы, с одной стороны, в результате пересмотра некоторых из известных ранее материалов (Wollmann, Ciugudean 2005; Kacsó 2006; Cavguc et al. 2006; Lukács 2006; Harding 2011), а с другой – благодаря новым археологическим открытиям в Трансильвании (Harding, Kavruk 2010; Cavguc 2010; Cavguc, Harding 2011), свидетельства соледобычи бронзового века обогатились настолько, что они стали одними из наиболее примечательных в Европе. Ниже вкратце представлены наиболее существенные для темы настоящей работы данные.

Прямые свидетельства эксплуатации соли в бронзовом веке во внутри-карпатском регионе в настоящее время представлены семью памятниками, расположенными вполне компактно на территории Закарпатской Украины и северной половины Трансильвании (таб. 1), а также рядом орудий, обнаруженных в разное время в Юго-Западной Трансильвании. Ниже приводится их краткое описание.

Валя Режилор / Valea Regilor (рум.) / Királyvölgy (венг.) / Königstal (нем.) / Тисолово (укр.). Северный Марамуреш (Мараморош), в настоящее время Тячевский район, Закарпатская область, Украина. Место находки – примерно 25 км к северу от города Солотвино, между сёлами Тисолово и Новоселица. В 1817 г. во время дренажных работ, связанных с подземной добычей каменной соли, здесь, на глубине около 13 м был обнаружен грот длиной 9,5 м и шириной 3,8 м. В его южной части был найден ещё один грот (диаметр 13 м, высота 4,7 м), заполненный глиной и илом (Preisig 1877; Wollmann 1996, 246-247; Wollmann, Ciugudean 2005, 99; Kacsó 2006, 97, 109; Lukács 2006, 13-15, 143). Рабочие нашли в этом гроте ряд заброшенных предметов (главным образом, деревянных), использовавшихся в древности для добычи соли. Впервые это открытие было опубликовано через 60 лет (Preisig 1877). Впоследствии к этим материалам обращались многие авторы (Wollmann 1996, 246-247; Rustoiu

2003; Rustoiu 2005, 354, 364, fig. 7; Wollmann, Ciugudean 2005, 99; Căvruc et al. 2006, 43, 49; Lukács, 2006, 13-15, 143; Harding 2011). Судя по дошедшим до нас описаниям и рисункам, а также по фотографии, опубликованной в 1909 в путеводителе Национального Геологического Музея в Будапеште, копия которой неоднократно воспроизводилась в публикациях последних лет (Wollmann, Ciugudean 2005, 114; Căvruc et al. 2006, 49; Lukács, 2006, 14-15, 143; Harding 2011), там были найдены следующие предметы:

- Деревянное *корыто-желоб*, выдолбленное в стволе массивного дерева (таб. 2,2). Один край был закрыт, а другой – открыт. По центральной продольной линии донной части этот предмет имел ряд равноудалённых сквозных отверстий квадратной формы, в которые были воткнуты продольно просверленные колышки-затычки. В отверстиях некоторых из этих колышек-затычек находились фрагменты плетёной веревки (Preisig 1877; Lukács 2006, 14-15, 143).

- Деревянная *лестница* (таб. 2,1). Состоит из продольных стояков и поперечных вставных ступенек. В стояках, в местах соединения со ступеньками, проделаны сквозные отверстия, в которые вставлены боковые концы ступенек. Их концы немного, на 2-3 см, выходят за внешнюю сторону стояков. В месте, где ступеньки выходят из стояков, на их концах имеются узкие сквозные квадратные отверстия, в которые, для плотного фиксирования, вставлялись деревянные клинышки.

- Деревянный *молот*, рабочей частью которого служил ствол молодого дерева с двумя поперечно срезанными краями, а рукоятью – ветвь, вырастающая перпендикулярно из ствола.

- Несколько (как минимум 3) длинных деревянных брусков со сквозными равноудалёнными (около 0,5 м) отверстиями – возможно, фрагменты стояков от лестниц (таб. 2,3).

- Две (или более) небольшие деревянные *лопатки*.

- Толстый длинный плетённый канат (по одним источникам, жгутовый, по другим – из древесной коры, что более вероятно, так как жгут был изобретён лишь в новое время).

- Массивный блок каменной соли с равноудалёнными, округлыми в плане углублениями с прямыми ровными стенками, расположенными в ряд. Похоже, что эти отверстия были сделаны с помощью водяных струй.

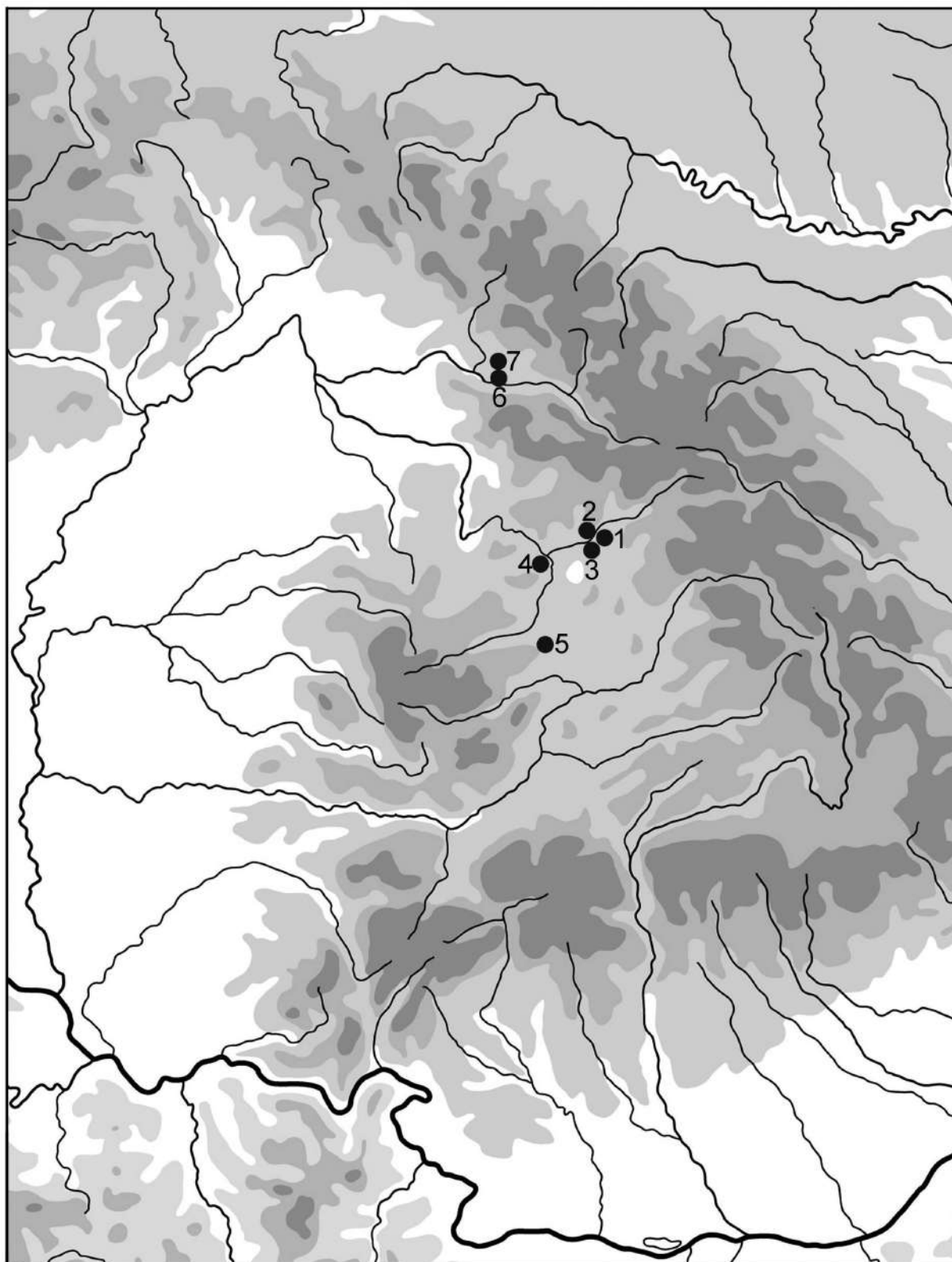
Поблизости от вышеупомянутой шахты, в 1846 и 1847 гг. были обнаружены заброшенные вертикальные шахты квадратной формы, обшитые

массивными деревянными (бук или дуб?) брёвнами.

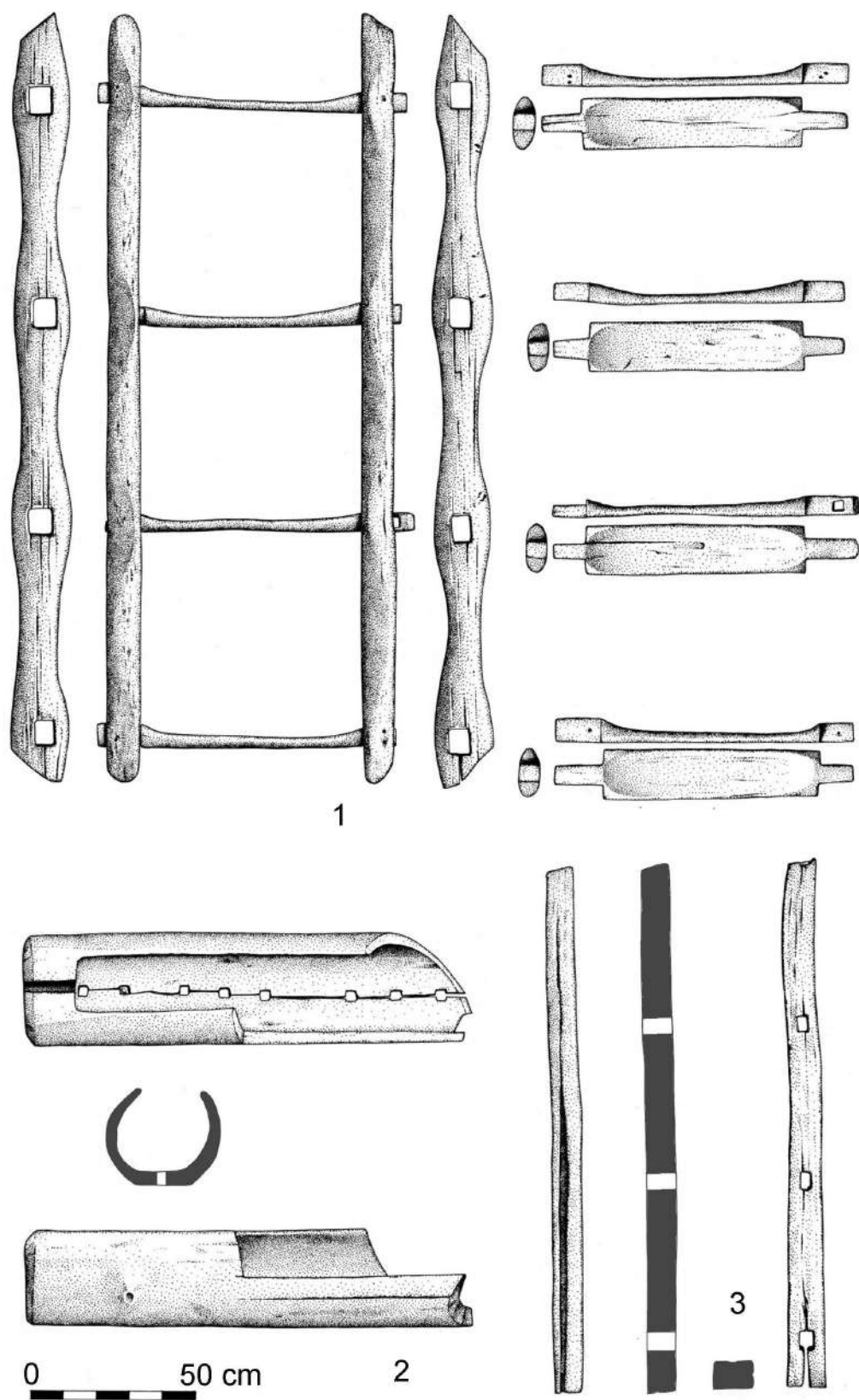
Длительное время надёжных оснований для датировки вышеперечисленных находок не было. Тем не менее, ещё Эд. Прайсиг предполагал, что эти предметы синхронны кладу бронзовых вещей позднего бронзового века из Коштуй (Preisig 1877; Wollmann, Ciugudean 2005, 100). До недавнего времени все перечисленные предметы считались утерянными, однако, в 2006 г. стало известно, что часть из них находится в Центральном Музее Горного Дела (Központi Bányászati Múzeum) в городе Шопрон в Западной Венгрии (Kacsó 2006, 109, сноска 6). Вскоре после этого А. Хардинг изучил сохранившиеся предметы и отобрал пробы от семи деревянных изделий на предмет их радиоуглеродной датировки (Harding 2011). Как показала радиоуглеродная датировка, шесть из анализированных предметов относятся к позднему бронзовому веку. При этом, самая ранняя дата была получена для деревянного массивного молота: 3060 ± 65 BP или 1414–1224 cal BC (68,2%) или 1453–1126 cal BC (95,4%); самая поздняя дата была установлена для деревянного желоба: 2820 ± 50 BP или 1041–910 cal BC (68,2%) или 1123–843 cal BC (95,4%). Пять остальных предметов, с наибольшей вероятностью датируются в пределах 1130–950 cal BC (Harding 2011).

Солотвино (рус., укр.) / *Ocna Slatina* (рум.) / *Aknaszlazina* (венг.), Северный Марамуреш (Мараморош), в настоящее время гор. Солотвино, Закарпатская область, Украина. Согласно краткой заметке и схематическому рисунку, опубликованным во второй половине XIX в. (Szatmáry 1867), здесь было найдено деревянное корыто-желоб и блок каменной соли с тремя коническими углублениями, созданными, судя по всему, с помощью струй воды. Нет полной уверенности в том, что эти предметы действительно найдены в Солотвино, а не в Тисолово. Заметим всё же, что солотвинские предметы существенно отличаются от тисоловских: у корыта-желоба оба конца закрыты, а блок каменной соли заметно отличается от тисоловского количеством и формой углублений. Все эти предметы утеряны.

Валя Флорилор / *Valea Florilor* (рум.), северо-западная Трансильвания, между городами Клуж и Кымпия Турзий, у железнодорожной станции Валя Флорилор, вблизи села Плоскош. В 1938 году, во время работ по расширению

Таб. 1. Карта. Памятники соледобычи бронзового века во внутрикарпатском регионе: 1 - Кайла; 2 - Сэсарм; 3 – Бэиле Фига; 4 – Окна Деж; 5 – Валя Флорилор; 6 - Солотвино; 7 - Тисолово.

Таб. 2. Тисолово (Valea Regilor/Királyvölgy). Деревянные предметы (по Harding 2011).

железнодорожной станции, рабочие обнаружили три заброшенные соляные копи. На дне одной из них, имевшей округлые, обшитые плетнем стенки, на глубине около 8–10 м, в слое солёной глины, было найдено много деревянных предметов. Поблизости были найдены ещё две подобные копии, в которых также был найден ряд деревянных предметов. Находки не были надлежащим образом документированы. Сохранилась лишь фотография, на которой видны найденные предметы и рабочие. Это собрание вещей было опубликовано лишь в 1971 году геологом И.Ал. Максимом (Maxim 1971). Как следует из статьи Максима, в копиях были найдены:

- Деревянное долблёное *корыто-желоб* (таб. 3,10). Его длина была „более двух метров”, а толщина – „около 40 см”. Оба конца были закрыты. По медианной линии дна расположены равноудалённые (на расстоянии примерно 15 см) сквозные отверстия круглой формы, в которые были воткнуты колышки-затычки с продольными сквозными отверстиями.
- Три деревянные *лопаты* (таб. 3,2-4),
- Деревянный составной *молот-кирка* (таб. 3,7),
- Деревянная длинная *палка-рычаг* (таб. 3,1),
- Деревянный длинный *рычаг* с крюкастым концом,
- Деревянный массивный *молот-дубина* с утолщённым ударным краем (таб. 3,5),
- Деревянный *молот-дубина* с утолщённым бочёнковидным концом (таб. 3,8),
- Каменная двусоставная *зернотёрка* „дакийского типа”.

По утверждению рабочих, несколько фрагментов корыт-желобов было найдено в соседних копиях.

Основываясь на типологии зернотёрки, для которой имеются многочисленные аналогии в дакийских памятниках, а также исходя из предположения, что все выше перечисленные предметы синхронны между собой (что недостоверно), автор датировал все собрание вещей „дакийским латэном”, т.е. примерно второй половиной I тыс. до н. э. (Maxim, 1971, 457-463). Впоследствии эта датировка была принята целым рядом авторов (Wollmann 1996, 246; Iaroslavschi 1997, 45-47; Rustoiu 2005). Однако, в 2005 г. Фолькер Вольманн и Хория Чугудян опубликовали результаты радиоуглеродной датировки образца, взятого от одного из желобов. Его возраст определяется в пределах 3000±80 BP, т.е. 1378–1128 cal BC при вероятности 68,2%, или 1425–1012 cal BC

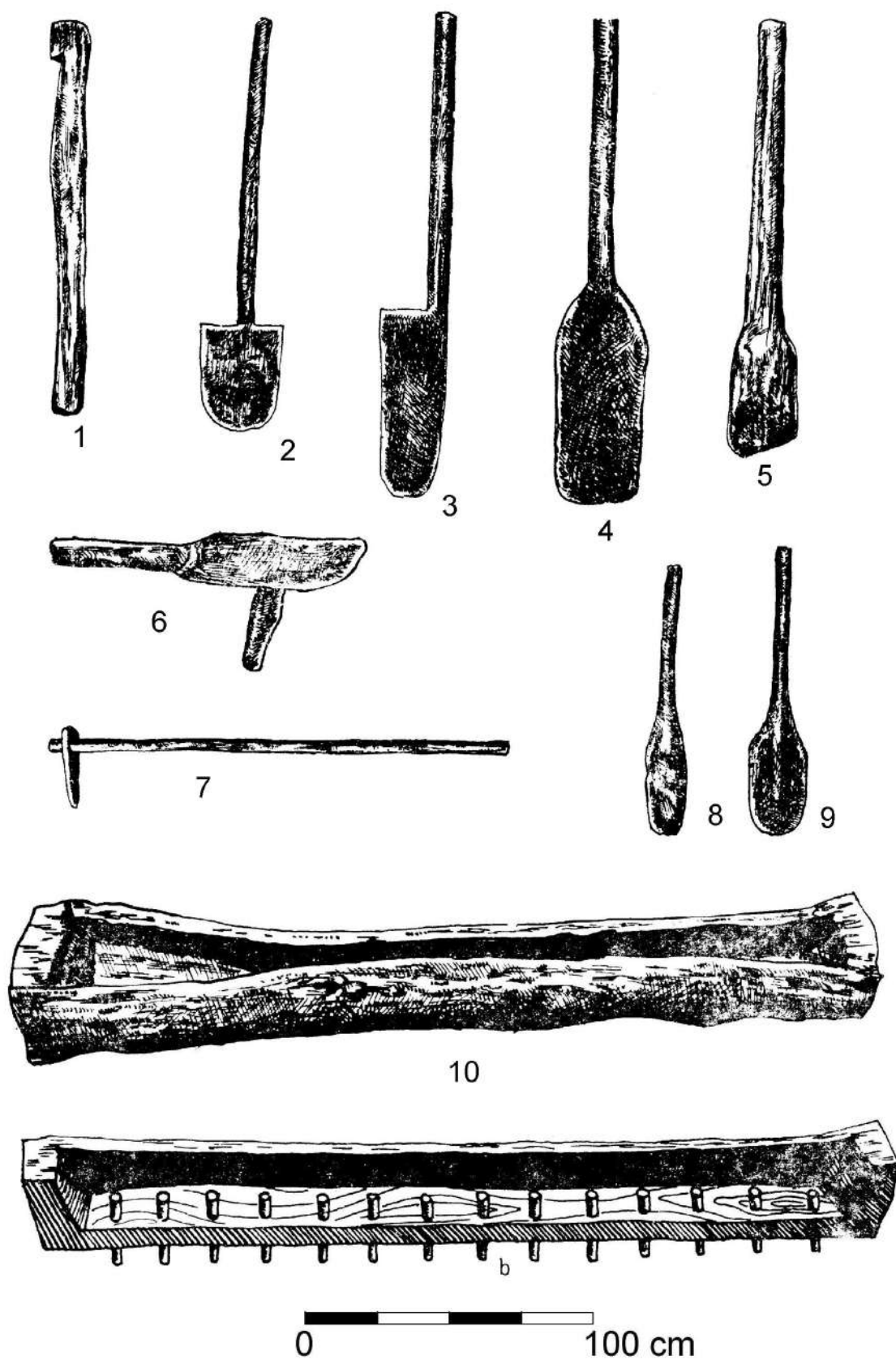
при вероятности 95,4% (Wollmann, Ciugudean 2005, 101).

Окна-Дежулуй / Ocna Dejului (рум.), северная Трансильвания, жудец Клуж, недалеко от города Деж, примерно в 25 км к западу от гор. Беклян). Здесь, в послевоенный период, в ходе работ по промышленной добыче каменной соли, в заброшенной соляной шахте, случайно было найдено деревянное корыто-желоб с рядом отверстий просверленных в днище, а также обычный деревянный желоб. Корыто-желоб – сравнительно короткое (длина – около 0,6 м), один конец закрыт, другой – открыт. Датировка не установлена (Mureşan 1966).

Сэсарм – Валя Слатинэ / Săsar – Valea Slatină (рум.), северная Трансильвания, жудец Бистрица-Нэсэуд, коммуна Кюза (Chiuza). Памятник находится примерно в 10 км к северо-западу от города Беклян, в 1 км к северо-востоку от села Сэсарм и в 2 км к западу от коммуны Кюза. Он охватывает долину солёного ручья Валя Сэратэ („солёная долина”), источник которого находится у северо-восточного подножья холма „Дялул Сэсармулуй”, покрывающего залежи каменной соли.

Памятник был открыт в 2005 г. (В. Каврук, Л. Вайда, Д. Бузя). В 2006 – 2008 гг. А. Хардинг и В. Каврук тщательно его обследовали. В русле ручья и на обоих его берегах, на протяжении около 800 м, видны сотни деталей деревянных сооружений: кольца в вертикальном положении, брёвна и плетни. Некоторые из плетней являются стенками узких корридоров, которые ведут от ручья к левому высокому берегу, под которым находятся мощные залежи каменной соли.

В центральной части памятника, на левом берегу ручья, напротив ныне действующего колодца с солёной водой, были открыты следы комплексов раннего бронзового века (приблизительно вторая половина III тыс. до н.э.), а также отдельные фрагменты керамики раннежелезного века. Следы комплексов раннего бронзового века представлены тремя компактно расположенными пятнами овальной формы площадью около 2,5 х 3,4 м. Заполнения этих пятен содержат грунт чёрного цвета насыщенный золой, вперемешку с древесным углём и многочисленными фрагментами керамических сосудов раннего бронзового века. Недалеко от места скопления этих комплексов, в обрыве левого берега ручья, наблюдается слой толщиной до 0,6 м и длиной около 4 м,

Таб. 3. Валя Флорилор. Деревянные предметы (по Maxim 1971).

1

2

3

Таб. 4. Желоба-корыта *in situ*: 1 – Кайла; 2, 3 – Бэиле Фига.

состоящий из чёрного грунта вперемешку с золой, древесным углём и фрагментами керамики раннего бронзового века. Отдельные фрагменты керамики раннего бронзового века находятся на протяжённости около 50 м ниже по течению ручья. Керамика раннего бронзового века, найденная на этом памятнике, изготовлена из грубого теста. Часто заметны следы обработки поверхности стенок с помощью метёлочек. На некоторых фрагментах имеются налепные горизонтальные валики с насечками, а на единичных черепках представлен декор в виде отпечатков витого шнура. В целом, эта керамика имеет близкие аналогии в памятниках типа Ернут-Золтан. Отдельные керамические фрагменты раннежелезного века представлены керамикой кельтского типа, а также одним фрагментом античной амфоры.

Согласно радиоуглеродной датировке нескольких образцов, взятых от некоторых деревянных структур на этом памятнике, их возраст вписывается в период позднего бронзового века³. Таким образом, на этом памятнике имеются следы эксплуатации соли, как минимум, трёх периодов: эпохи ранней бронзы, эпохи поздней бронзы, раннего железного века. Кроме того, судя по облику многих элементов деревянных сооружений, а также по наличию гончарной поливной керамики, соль добывалась здесь и позже – в позднем средневековье и в новое время.

Кайла-Сэрэтурэ / Caila-Sărătură (рум.), Северная Трансильвания, жудец Бистрица-Нэсэуд, коммуна Шинтеряг (*Șintereag*). Этот памятник находится примерно в 13 км к северо-востоку от города Беклян и в 1,5 км к западу от села Кайла. Он занимает долину солёного ручья с местным названием “Сэрэтурэ” (“солончак”). Источник ручья находится у подножья холма “Дялул Сэрат” (“соляной холм”), под которым находятся залежи каменной соли. Ручей течёт с севера на юг и впадает в речку Рошуа – приток реки Сомеш. Памятник был открыт в 2007 г. Андреей Дяк (*Andrea Deák*) в ходе этнографических исследований по допромышленной эксплуатации соли. В 2008 г. А. Хардинг и В. Каврук детально его обследовали и картографировали все археологические следы, заметные на поверхности. В русле и на обоих берегах ручья, на протяжении около 300 м, видны многочисленные следы деревянных построек:

колья в вертикальном положении, отдельные или расположенные группами, фрагменты плетней и др. В южной части памятника, на левом берегу ручья, был открыт крупный фрагмент корыта-желоба, длиной около 1,5 м и шириной около 40 см, расположенный вверх днищем. В днище виден продольный ряд квадратных сквозных отверстий, в которых находятся колышки-затычки (таб. 4,1). Недалеко от этого фрагмента был найден ещё один фрагмент корыта-желоба, который, судя по всему, происходит от того же экземпляра. В этой же части памятника, на поверхности, было найдено несколько фрагментов керамических сосудов позднего бронзового века.

Согласно результатам радиоуглеродной датировки двух образцов дерева, памятник относится к финальной стадии позднего бронзового века⁴

Бэиле Фига / Băile Figa (рум.), Северная Трансильвания, жудец Бистрица-Нэсэуд, город Беклян (*Beclean*). Этот памятник находится между городом Беклян и селом Фига, в долине полусферической формы, достигающей в диаметре примерно 600 м, над мощными залежами каменной соли. Накопившиеся в долине аллювиальные отложения со временем превратились в слой солёного ила, толщиной до 2 м. Грунтовые воды, сильно насыщенные солью, часто выступают на современной поверхности в виде солёных источников, откуда стекают в ручей “Пырыул Сэрат” (“солёный ручей”), пересекающий с юга на север всю долину. Этот ручей впадает в один из притоков Сомеша.

Повсюду в долине наблюдаются следы заброшенных соляных копей, в виде многочисленных антропогенных всхолмлений и углублений. Вплоть до 70-х годов XX столетия жители окрестных сёл периодически добывали здесь соль простейшим способом – копая вертикальные ямы и извлекая глыбы соли с помощью кирок, молотов и кольев, до тех пор пока копи не заполнялись грунтовыми водами. Работы эти были несистематическими и мелкомасштабными, а добываемая соль использовалась главным образом для добавки в корм домашним животным. Как утверждают местные жители, нередко в илистом слое, перекрывающем соляной массив, они находили деревянные столбы и колья чёрного цвета – по

³ Результаты датировки C14 были получены в июле 2011 г. и пока не опубликованы. Выражаю признательность А. Хардингу за предоставленную информацию.

⁴ Результаты датировки C14 были получены в июле 2011 г. и пока не опубликованы. Выражаю признательность А. Хардингу за предоставленную информацию.

всей вероятности, остатки креплений древних соляных копей.

Памятник открыл в 1977 г. местный геолог Иоан Кинтэуан. Он заметил в русле ручья большое количество остатков деревянных построек отдельных предметов, среди которых было одно долблённое деревянное корыто-желоб, сломанный край которого был замечен в русле ручья. Весной 2005 года Кинтэуан извлёк этот предмет из илистого дна ручья и отвёз его в музей в город Бистрица. Летом того же года А. Хардинг и В. Каврук посетили этот памятник, а также обследовали корыто-желоб. Оно было выдолблено в стволе дерева (сосны?). Один из его концов был закрыт, другой же был сломан. Длина сохранившейся части – 322 см, ширина – 42 см, высота – 37,5 см. Днище по всей своей длине было перфорировано продольным рядом квадратных равноудалённых отверстий, в которые были воткнуты деревянные продольно просверленные колышки-затычки. В сквозном отверстии одного из колышек-затычек находился плетёный шнурок с узлом на верхнем конце. Радиоуглеродный анализ проб, взятых с этого предмета, показал, что он датируется в пределах 1090–970 cal BC (вероятность 88%, Гронинген).

В 2006 г. А. Хардинг и В. Каврук тщательно обследовали памятник. На его северной окраине, на обоих берегах ручья, были отмечены скопления керамики и отдельные фрагменты керамики раннего бронзового века и XIX века. В ходе обследования памятника был обнаружен ряд артефактов: три деревянных корыта-желоба (два из них, найденные в русле ручья на южной окраине памятника, находились рядом друг с другом, а одно было обнаружено в непосредственной близости от места, где Кинтэуан нашёл в 1977 г. первое корыто-желоб), 15 целых и фрагментированных массивных каменных молотов типа *mining tools* (англ.) / *rillen-hammer* (нем.), фрагмент каменного топора, а также несколько деревянных колышек-затычек от корыт-желобов. Была сделана также топографическая съёмка и приблизительно установлены размеры памятника: около 600 м (С–Ю) x 300 м (З–В). Были картографированы видимые на поверхности следы соляных копей, а также около 460 элементов деревянных построек, сконцентрированных главным образом в русле ручья. Часто деревянные постройки уходили глубоко в берега ручья. Иногда следы деревянных построек *in situ* были обнаружены на значительном удалении от ручья, в сравнительно недавно выкопанных

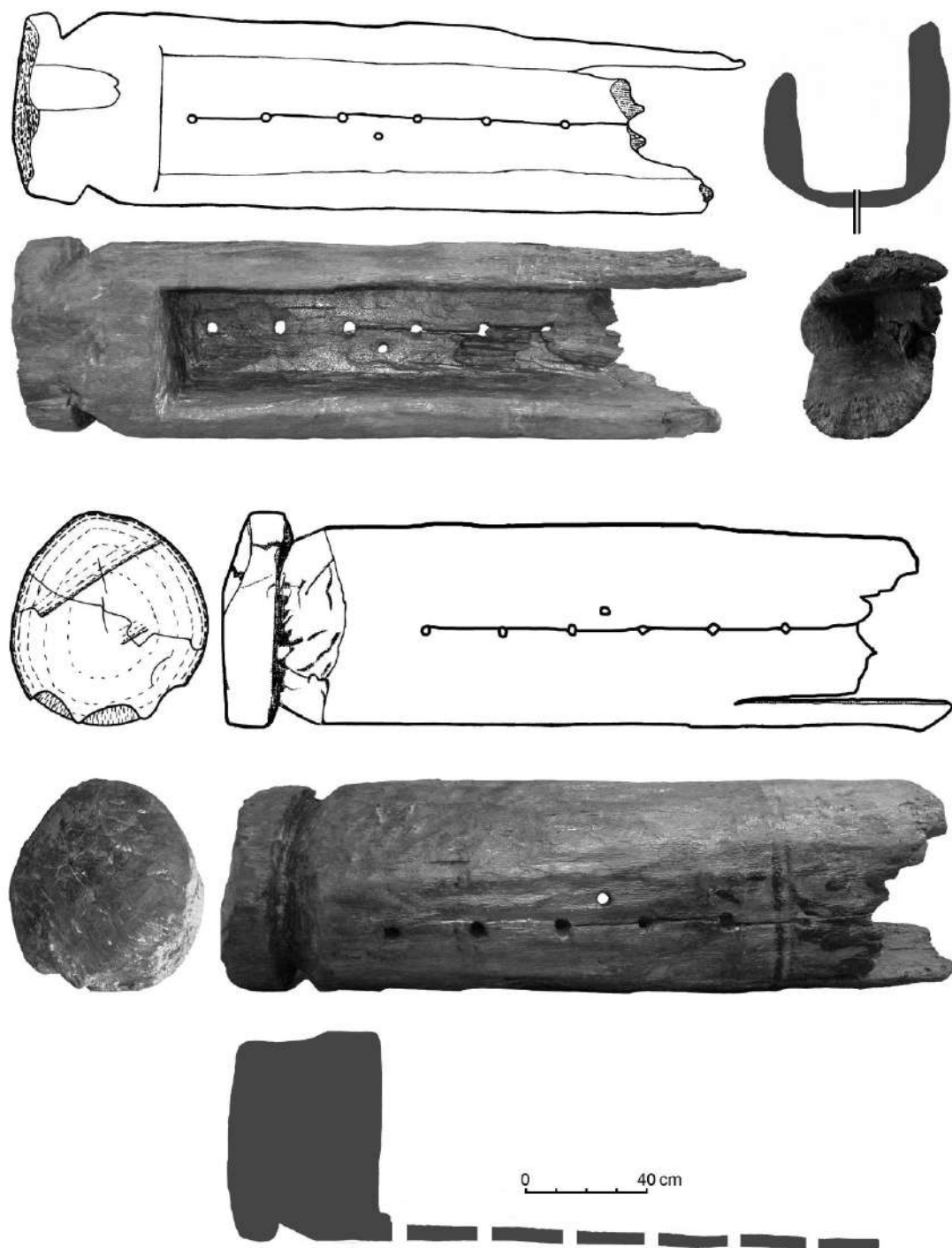
ямах. Напрашивался таким образом вывод о том, что, вопреки первому впечатлению, едва ли деревянные постройки функционально были связаны с ручьём. Они здесь просто были гораздо лучше заметны, благодаря тому, что вода смыла перекрывавший их слой земли.

В ходе обследования памятника в 2006 году, были отобраны новые образцы дерева на предмет их радиоуглеродной датировки. Четыре из них были датированы в лаборатории в Гронинге примерно 1000 cal BC, один – около 250 cal BC, а другой – около 450 cal AD. В 2007 – 2011 гг. В. Каврук и А. Хардинг приняли на этом памятнике археологические раскопки, которые позволили точнее очертить площадь распространения деревянных построек: примерно 500 м (С–Ю) x 200 м (З–В), по обе стороны ручья, но преимущественно на восточном склоне долины.

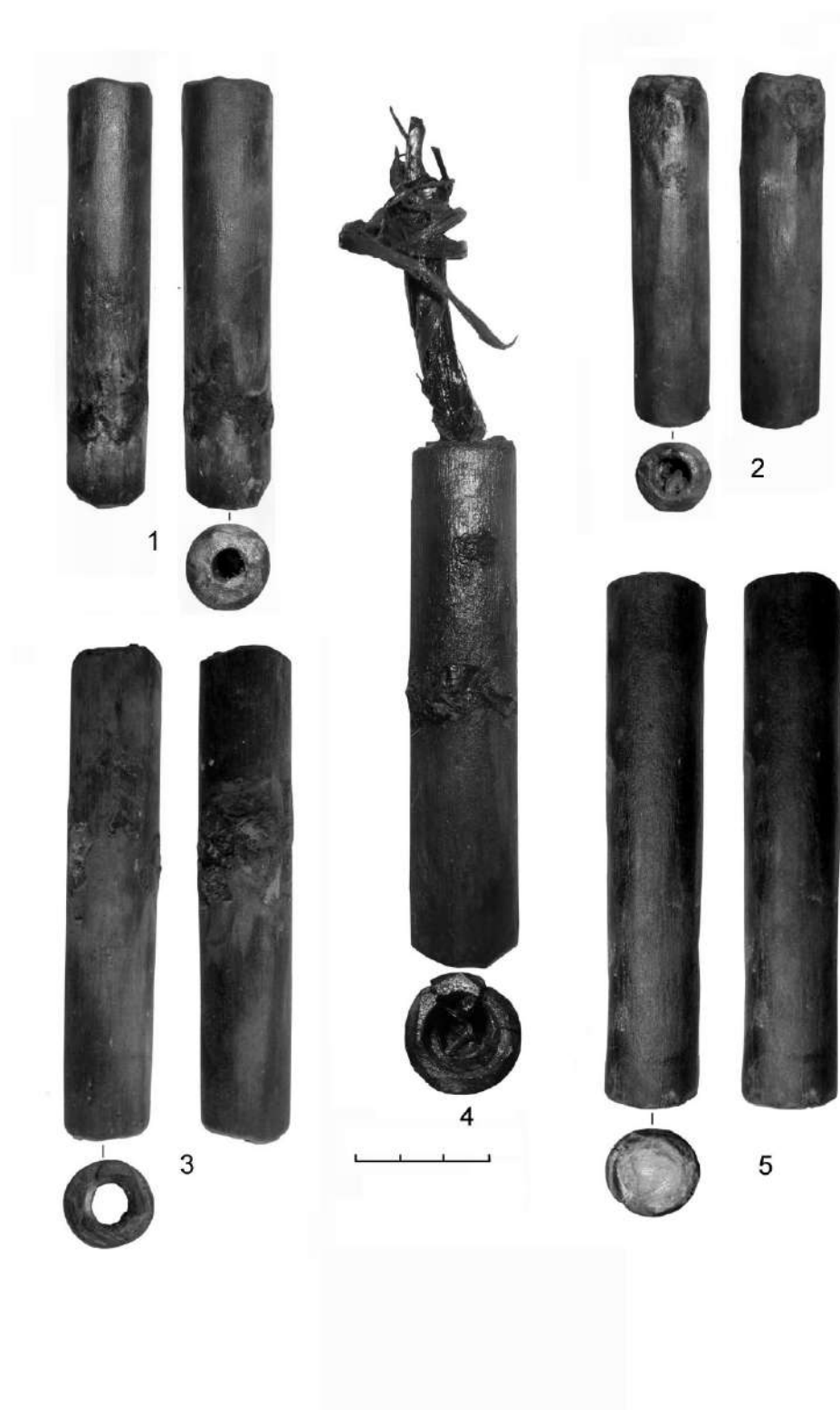
Наиболее существенные результаты были получены в ходе исследований в раскопах I, III и XV.

Раскоп I был разбит на южной окраине памятника и исследовался на протяжении трёх лет (2007–2009). Была обнаружена и частично исследована прямоугольная деревянная постройка (3,8 x 2,8 м), стенки которой состояли из горизонтальных, продольно надвое расколотых бревен, поддерживаемых мощными кольями, вкопанными вертикально в грунт. Изнутри это сооружение было укреплено мощным крестобразным распором, состоящим из двух горизонтальных, расположенных крест-накрест цельных брёвен. Этот комплекс представлял вход в соляную шахту раннего железного века и перерезал плетни эпохи поздней бронзы.

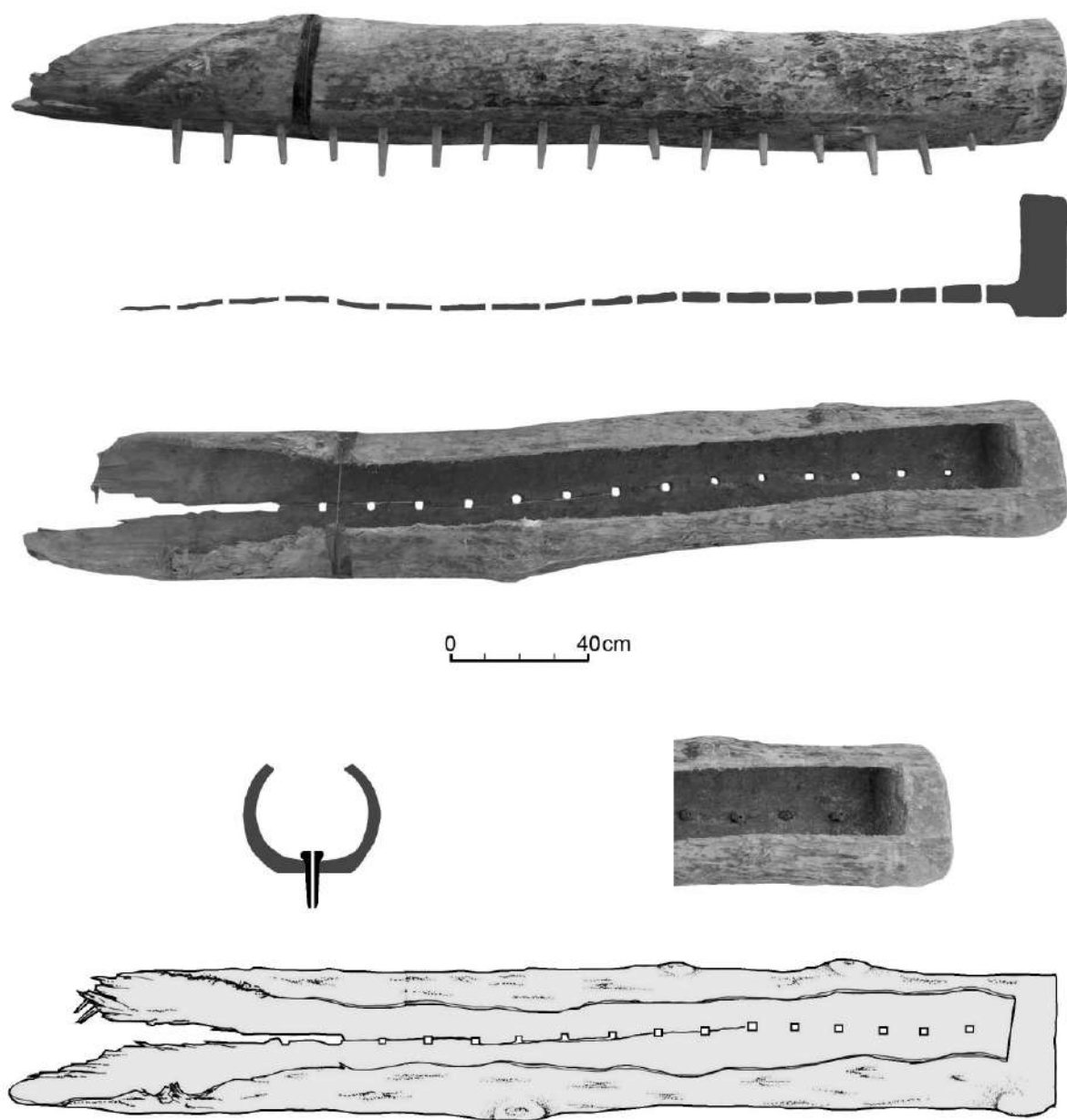
В центральной части раскопа, в трёх метрах к западу от вышеописанного комплекса, в непосредственной близости от ручья, на обоих его берегах, в илистом слое, на расстоянии примерно 0,4 метра друг от друга, в переотложенном состоянии, были обнаружены два деревянных корыта-желоба (таб. 4,3). Одно из них сохранилось по всей длине. У него один край закрыт, а второй открыт. От второго корыта-желоба сохранилась лишь часть с закрытым краем (таб. 5). Оба этих предмета в целом похожи на экземпляр, который в 1977 г. нашёл И. Кинтэуан, но в то же время они имеют целый ряд особенностей. Во-первых, на обоих экземплярах, у закрытых краёв, под дном и по обоим бокам, были вырублены глубокие поперечные каналы, которые, вне сомнений, служили для фиксирования подвязок, с помощью которых

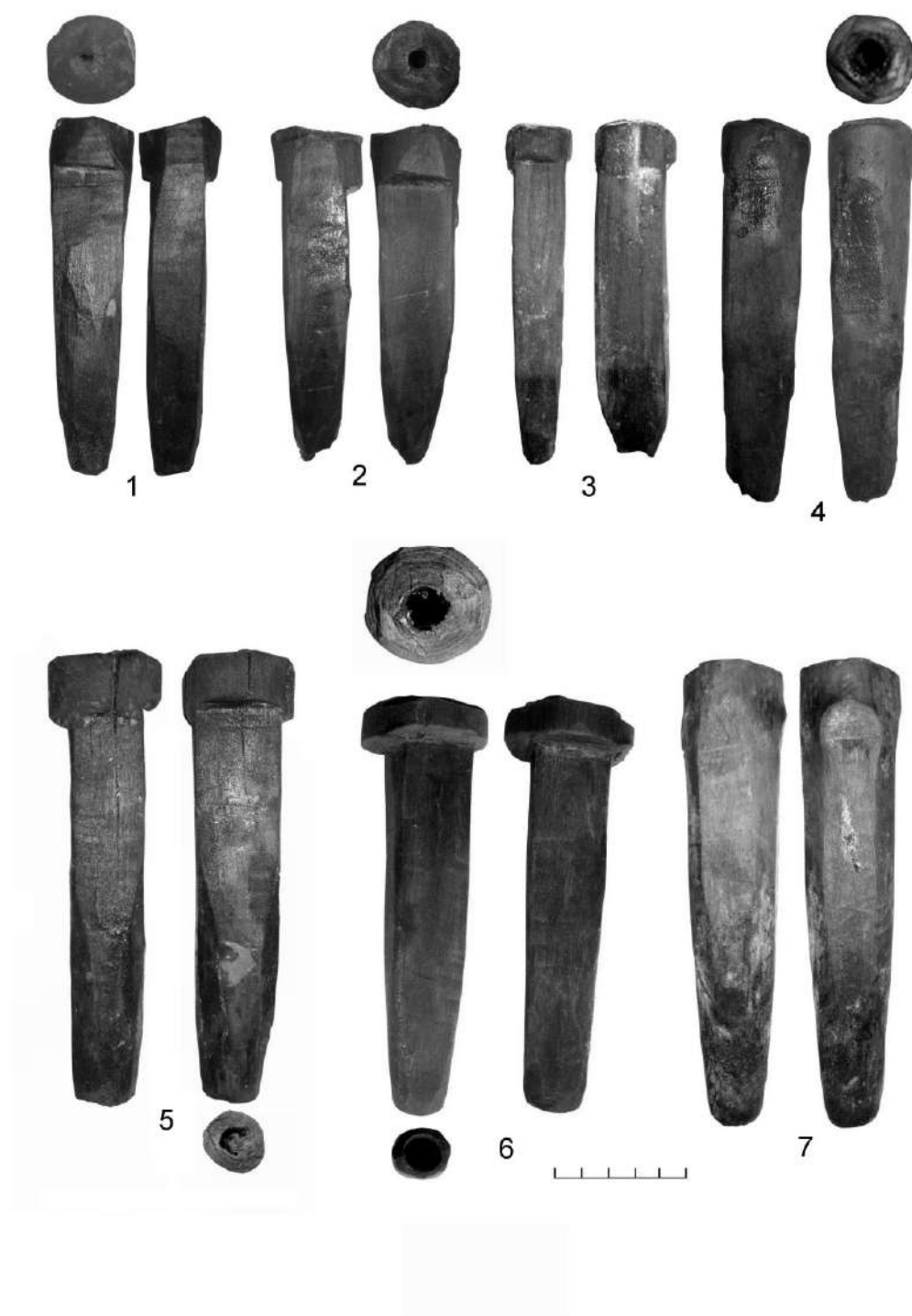
Таб. 5. Бэиле Фига. Желоб-корыто.

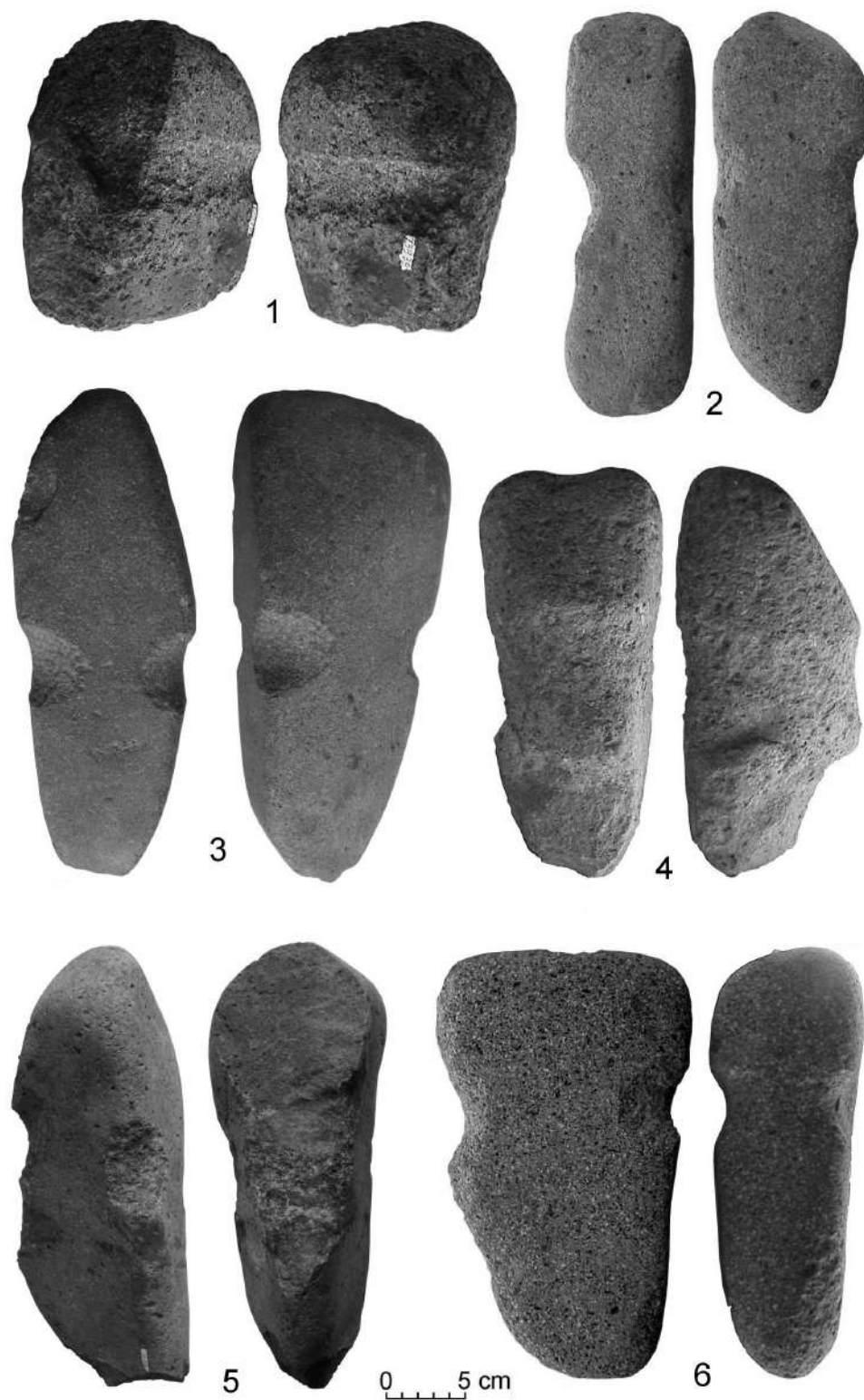
Таб. 6. Бэиле Фига. Затычки от желобов-корыт.

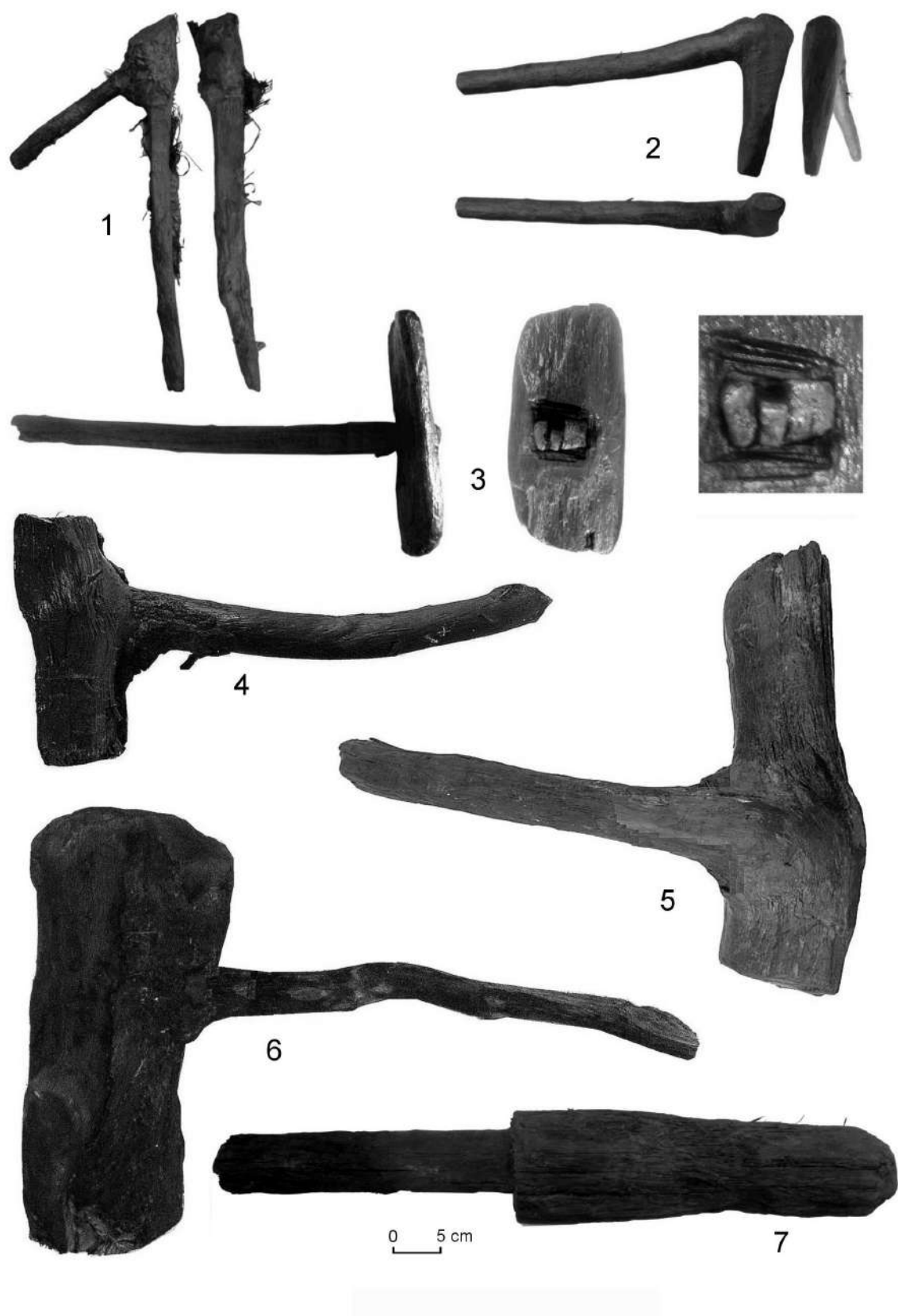
Таб. 7. Бэиле Фига. Желоб-корыто.

Таб. 8. Бэиле Фига. Затычки от желобов-корыт.

Таб. 9. Бэиле Фига. Каменные молоты.

Таб. 10. Бэиле Фига. Деревянные орудия.

эти предметы каким-то образом подвешивались. Фрагменты этих подвязок – в виде витых прутьев, обвивавших тулова корыт-желобов – были найдены на обоих экземплярах. Во-вторых, отверстия в донной части обоих корыт-желобов имеют круглую форму, а колышки-затычки изготовлены из веток бузины и соответственно имеют круглое сечение. В нескольких случаях, в центрально-продольных отверстиях этих затычек были обнаружены остатки витых верёвок, а в отверстии одного из колышек-затычек целого корыта-желоба находилась деревянная затычка в форме шила, обвитая в верхней части тонкой узкой древесной лентой, для более плотного закрытия отверстия. В-третьих, корыто-желоб, найденное целым, намного короче того, что нашёл раннее И. Кинтэуан: его длина – 172 см, максимальная ширина – 34,5 см, максимальная высота – 34,5 см. Согласно результатам радиоуглеродного анализа проделанного в лаборатории в Оксфорде, корыта-желоба обнаруженные в раскопе I датируются между 1620 и 1435 cal BC. При этом, более древнее из них (найденное целым) датировано в пределах 1620–1500 BC (95,4%), а более позднее (с отломанным краем) – в пределах 1500–1435 cal BC (95,4%). Кроме того, в раскопе I было найдено несколько деревянных орудий эпохи поздней бронзы: два молота и две лопатки. Здесь же было обнаружено два каменных массивных молота типа *mining tools* (англ.) или *rillen-hammer* (нем.) и один фрагмент каменного просверленного топора.

Примерно в 150 м к северу от раскопа I, в непосредственной близости от места, где И. Кинтэуан нашёл в 1977 г. корыто-желоб, в русле ручья был замечен сломанный конец другого подобного предмета. В 2008 г. здесь был разбит небольшой раскоп (XV). В илистом слое этого раскопа было обнаружено находившееся в вертикально-наклонном положении корыто-желоб, до мельчайших деталей сходное с тем, что нашёл рядом И. Кинтэуан (таб. 4,2). Радиоуглеродная датировка показала, что оно примерно на 100 радиоуглеродных лет младше корыты-желоба, найденного в непосредственной близости от него в 1977 году. Под этим корыто-желобом находилась деревянная лестница. Там же был найден фрагмент каменного массивного молота, а также часть деревянного V-образного предмета с прямоугольным отверстием в нижней части, в который был воткнут короткий деревянный клинышек.

Наиболее масштабные раскопки на этом памятнике были проведены в его крайней се-

верной части, по обе стороны от ручья Пырыул Сэрат, где до раскопок в русле ручья на поверхности были заметны скопления остатков деревянных построек *in situ*: заборы или стенки из вертикально расположенных дубовых досок и расщепленных надвое кольев, а также многочисленные колья в вертикальном положении. Здесь же наблюдались скопления фрагментов керамики раннего бронзового века, а также черепки от глиняной посуды XIX века. В этой части памятника было разбито три раскопа, из которых наиболее полно исследован раскоп III (около 600 м²).

Исследования, проведённые в раскопе III на протяжении пяти лет (2007–2011), ещё далеки от завершения. Они достигли глубины от 0,7 до 3 м от современной поверхности и лишь в своей крайней северной части достигли материка, представленного здесь массивом каменной соли. В центральной части и в северной половине раскопа, в илистом слое, исследования выявили концентрацию остатков деревянных построек (таб. 11; 12), относящихся, согласно стратиграфическим наблюдениям, как минимум к двум строительным горизонтам. Как показали радиоуглеродные даты (Оксфорд), эти постройки датируются в пределах 1138/1018–930/810 cal BC. Под этими постройками были обнаружены углублённые комплексы раннего периода бронзового века с характерной для группы Ернут-Золтан керамикой (согласно традиционной датировке, эта группа относится к последней трети III тыс. до н.э.). Один из таких комплексов был выкопан в соляной породе.

Одна из деревянных построек представлена двумя прямыми стенками, соединёнными друг с другом под углом около 100°, таким образом, что очертание её остатков имеет примерно Г-образную форму (таб. 11). Обе стенки состоят из плотно пригнанных друг к другу массивных дубовых досок с заострённым нижним концом, воткнутых вертикально в грунт, вплоть до породы каменной соли. Эти стенки, по всей видимости, представляют собой остатки частично разрушенного прямоугольного в плане сооружения. Примечательно, что длина досок, из которых состоят его стенки, достигает 3,3 м. Первоначальные размеры (длина и ширина) этой постройки не были пока установлены. Сохранившаяся длина стенки, вытянутой по направлению север – юг, составляет около 12 м. Сохранившаяся длина стенки, вытянутой с востока на запад, составляет около 4 м. Отсюда следует, что размеры постройки

Таб. 11. Бэиле Фига. Раскоп III. Деревянное сооружение. Деталь.

были не меньше чем 12 x 4 м. Имея в виду массивность и длину досок, а также тот факт, что нижние, заострённые концы досок упираются в породу каменной соли, представляется в высшей степени вероятным, что это сооружение служило для того, чтобы не допустить обвалов земляных стенок в копи, находившиеся, видимо, во внутренней части этого комплекса.

С восточной и северной стороны, к стенке, состоящей из вертикальных досок, примыкает плетневая ограда с дугообразным контуром, поддерживаемая вертикальными кольями. К востоку от этого плетня, в 3–4 м, расположена вторая подобная плетневая ограда. Примечательно, что к некоторым кольям обеих оград были прикреплены массивные рогатины, расположенные перпендикулярно по отношению к контуру ограды и находившиеся в горизонтальном положении. Эти рогатины, по всей вероятности, служили для поддержания некоего перекрытия. Оба вышеописанных плетня с элементами перекрытия ограничивали пространство, использовавшееся, видимо, для хранения соли, добытой во внутренней части сооружения. В этой связи представляется уместным отметить, что, согласно средневековым письменным источникам, подобные постройки для временного хранения соли являлись неотъемлемым компонентом добычи каменной соли. Средневековые источники подчёркивают постоянную заботу соледобытчиков о создании надёжных укрытий для хранения добытой соли до её дальнейшей транспортировки по месту назначения. Согласно источникам, в непосредственной близости от соляных копей сооружались ограждённые пространства, покрываемые шкурами, соломой или иными материалами. В противном случае, длительное хранение соли под открытым небом, главным образом из-за дождей, приводило к ухудшению её качества (Магс 2006). Нетрудно заметить, что описанные выше сооружения из Бэиле Фига вполне подходят для такой интерпретации.

На каком-то этапе комплекс, состоящий из прямоугольной постройки из дубовых досок и примыкающих к нему плетневых оград, был заброшен. Через несколько десятилетий на его месте было построено другое деревянное сооружение (таб. 12). Оно представляло собой постройку с плетневыми стенками, сделанными из веток лещины и опиравшимися на вертикально воткнутые в землю кольца. В плане это сооружение имело примерно U-образную форму с неровными волнистыми стенками. Его максимальная длина составляла 10 м, а

наибольшая ширина – 3,8 м. В самом узком месте ширина этого комплекса составляла 1,8 м. Максимальная высота кольев – до 1 м. Открытый (южный) край сооружения находился в русле ручья, а его закрытый (северный) край – около 3 м от русла ручья. Это сооружение было перекрыто массивными балками и пучками тонких веток, среди которых были заметны многочисленные остатки листьев. В плетне обнаружены три орешка лещины. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что этот комплекс был построен в конце лета, когда орешки лещины созревают, но ещё не падают с веток. Согласно радиоуглеродной датировке, этот комплекс относится к периоду 1005–915 cal BC (вероятность 95%).

Каково было назначение этого сооружения? До окончания исследований в раскопе III, любая его интерпретация может оказаться преждевременной. Тем не менее, для его понимания представляют интерес следующие обстоятельства:

а. Это сооружение было построено после того, как существовавший ранее на этом месте комплекс, состоящий из соляных копей и камер для временного хранения соли, был заброшен, а копи были уже заполнены землёй.

б. Северная часть сооружения закрыта и имеет достаточно ограниченные размеры.

в. Обращает на себя внимание массивность перекрытия: балки, на которых покоилось перекрытие, имеют толщину около 20 см.

г. На этом памятнике не было открыто следов проживания людей в X в. до н.э.

Вышеуказанные обстоятельства наталкивают на мысль, что едва ли этот комплекс был связан с добычей соли, равно как и с проживанием людей на этом месте. Скорее всего, он был связан с более или менее длительным хранением неких материалов в солёной воде. При этом, массивность перекрытия указывает на то, что доступ в сооружение сверху был тщательно ограничен. В этих условиях, вполне допустимо, что в этом сооружении засаливались пищевые продукты. Массивность перекрытия должна была, в таком случае, предохранять содержимое этого сооружения от диких животных.

Внутри вышеописанных построек и рядом с ними было найдено большое количество каменных и деревянных артефактов. Среди деревянных предметов особого внимания заслуживают следующие: рукоять топора-кельта (таб. 10,2), рукоять долота-кельта (таб. 10,1), V-образные предметы с прямоугольными

Таб. 12. Бэиле Фига. Раскоп III. Деревянное сооружение. Деталь.

отверстиями на обеих сторонах, дуговидные предметы с круглыми и прямоугольными сквозными отверстиями, втулка цилиндрической формы, которая, судя по всему, была составной частью того же приспособления, от которого происходят дуговидные перфорированные предметы, небольшие лохани, лопатки, молоты (таб. 10,4-7), различные связки из плетёных и/или витых веток. Здесь же найдено 11 каменных молотов (Таб. 9), на одном из которых сохранились следы красной росписи.

Многие из деревянных предметов из *Бэиле Фига* – корыта-желоба, лестницы, лопатки – имеют близкие аналогии в собраниях предметов из *Тисолово* (Harding 2009) и *Валя Флорилор* (Maxim 1971, 459, fig. 2,4.10; 461, fig. 4), датированные поздним бронзовым веком. Каменные молоты находят широкие аналогии во всей Европе в контекстах, связанных с рудокопным делом энеолитического времени (Mohen 1990, 83, fig. 20; Mareş 2002, 480-482, fig. 70-72) и бронзового века, из которых наиболее близкие аналогии представлены на замечательном памятнике добычи медной руды (Лужицкая культура?) в *Шпаниа Долина* – *Пие-*

скы в Словакии (Točík, Bublová 1985, 88-99). Заслуживает внимания и тот факт, что молоты сходного типа были найдены в *соляных копях* позднего бронзового века, исследовавшихся недавно на территории Азербайджана (Marro et al. 2010).

Представляют интерес ряд наблюдений, связанных с применением и обработкой дерева, так или иначе использовавшегося при добыче соли в Бэиле Фига. Ричард Бруннинг – британский специалист в области доисторической обработки дерева и менеджмента лесных ресурсов – на основе тщательного изучения деревянных построек и артефактов, пришёл к выводу, что набор деревянных предметов из Бэиле Фига, по своему разнообразию и техническому уровню изготовления, не имеет равных в Европе бронзового века (Harding, Kavruk 2010, 162). Едва ли можно сомневаться в том, что деревянные постройки и целый ряд сложных изделий (корыта-желоба и др.) были делом рук *профессионалов*, которые до тонкостей знали качества каждого из доступных им видов дерева и могли выбрать самые подходящие материалы для каждого из изделий. Они

использовали широкий набор металлических инструментов для самых различных операций по обработке дерева: рубка, пиление, долбление, перфорирование, сверление и проч.

Следует также подчеркнуть наличие в Бэиле Фига и Сэсарм свидетельств добычи соли в раннем бронзовом веке. Деревянные сооружения эпохи поздней бронзы перекрывают углубленные комплексы с керамикой, характерной для горизонта *Золтан-Ернут*. Её характерные признаки – расчёсы и „текстильные” отпечатки на внешней стороне сосудов. Один из комплексов этого времени – округлая неглубокая яма, выкопанная в соляной породе. По общепринятой датировке, памятники этого типа относятся к последней трети III тыс. до н.э. (Ciugudean 2003). К этому времени, согласно датировке C14, относится также один из деревянных молотов, найденный в раскопе I. Керамика раннего бронзового века из Бэиле Фига обнаруживает достаточно близкое сходство с керамикой ранней фазы культуры Хатван, распространённой на территории Словакии и Венгрии (смотреть например: Görsdorf et al. 2004, 81, fig. 2; Furmánek, Marková 2008, 45, Obr. 13), относящейся, согласно опубликованным недавно результатам радиоуглеродной датировки (2400-2030, 2200-2170, 2150-2030 cal BC), к последней трети – последней четверти III тыс. до н.э. (Görsdorf et al. 2004, 89).

Судя по датировке C14 двух фрагментов дерева из раскопа III (примерно рубеж IV и III тыс. до н.э.), на памятнике имеются ещё более ранние следы. К сожалению, комплексы эпохи ранней бронзы здесь сильно разрушены работами поздней поры бронзового века, а также постройками второй половины XX и начала нынешнего столетия.

Окна Муреш / Осна Муреш (рум.), Юго-Западная Трансильвания, жудец Алба (Alba). Имеющиеся сведения достаточно расплывчаты. Находки сделаны в непосредственной близости от местонахождений кладов Уиоара де Сус и Шпалнака, часть из них – в заброшенной шахте. Среди находок упоминаются зернотёрка, бронзовые предметы, каменный молот, а также ряд деревянных предметов: лопата с короткой рукояткой, несколько лопат наподобие вёсел, „мачете”, полозья саней для транспортировки соли (?), колья для расщепления соляной породы, кирка с ударной частью, изготовленной из заострённого рога быка. Деревянные предметы обнаруживают значительное сходство с предметами из Валя Флорилор и

Тисолово (Cavruc et al. 2006, 46). Следует уточнить, что условия, в которых были найдены все эти предметы, не были установлены. Едва ли все эти предметы происходят из одного и того же археологического контекста. Скорее всего, только деревянные предметы были найдены вместе. Нет надёжных данных относительно их датировки. Лишь исходя из сходства с деревянными предметами из Тисолово и Валя Флорилор, они были отнесены к бронзовому веку (Cavruc et al. 2006, 46).

Характер, технология и масштабы добычи соли. Назначение добываемой соли. В литературе, посвящённой этим памятникам, рассматривались главным образом технические аспекты их исследования: описание находок и условий, в которых они были обнаружены, их датировка и т.д. Вопросы же, связанные с характером, технологией, масштабами добычи соли, а также с её назначением, затрагивались лишь попутно и, в общем, поверхностно. Относительно характера, целей и масштабов соледобычи в бронзовом веке, Н. Бороффка (Boroffka 2006), а вслед за ним и автор этих строк (Cavruc 2008), высказали мнение, согласно которому нынешнее состояние исследований не позволяет пока делать на этот счёт сколько-нибудь обоснованных оценок. Тем не менее, результаты исследований последних лет позволили вновь обратиться к этой теме. Так, В. Каврук (Cavruc 2010) и А. Хардинг (Cavruc, Harding 2011) пришли к предположению о том, что добыча соли в северной Трансильвании и Марамуреше в эпоху поздней бронзы имела „индустриальный” характер и предназначалась главным образом для поставки на территорию Среднего Потисья, где соли практически нет.

Для того чтобы оценить характер, масштабы и цели соледобычи в позднем бронзовом веке в Карпатском бассейне, следует ответить на следующие вопросы:

- Что было исходным материалом (каменная соль, солёная вода, иные источники), из которого получали соль в бронзовом веке на вышеописанных памятниках?

- Какого типа была добыча соли и насколько развитым был её технический уровень?

- Подвергалась ли добытая соль обработке? Если да, в чём она состояла? Как выглядел конечный продукт соледобычи?

- Как местоположение памятников соледобычи соотносилось с местоположением поселений того же времени?

- Как соотносятся памятники соледобычи

с одновременными им археологическими культурами в Трансильвании и Марамуреше?

- Как местоположение памятников соледобычи соотносилось с естественными коммуникационными путями, обеспечивавшими доступ к территориям, где нет естественных источников соли?

Исходный материал. Нетрудно заметить, что все перечисленные выше находки тесно связаны с богатыми и относительно легко доступными залежами каменной соли. В четырёх случаях (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Дежулуй) эти находки были сделаны в глубоких соляных копиях. В других трёх из известных случаев (Кайла, Сэсарм и Бэиле Фига) находки были сделаны на малой глубине в непосредственной близости от залежей каменной соли. Отсюда напрашивается вывод о том, что во всех перечисленных случаях мы имеем дело с добычей каменной соли. Следует в то же время отметить, что, поскольку большинство деревянных сооружений и орудий, связанных с соледобычей, в Бэиле Фига, Сэсарм и Кайла были найдены в руслах солёных ручьёв, было высказано предположение, что на этих памятниках имело место выпаривание *солёной воды* (Chintăuan 2005). В принципе, такая возможность не исключается, но лишь как побочное занятие, поскольку весь комплекс данных свидетельствует в пользу того, что основным источником соли, который подлежал эксплуатации в Бэиле Фига, были залежи каменной соли.

Тип эксплуатации соли и её технический уровень. На рассматриваемых памятниках было найдено много орудий и всякого рода приспособлений: массивные каменные молоты, деревянные корыта-желоба, лестницы, молоты, лопаты и совки, массивные клинья, канат и проч. Неоднократно эти изделия были найдены в соляных копиях или шахтах, что не оставляет сомнения в том, что они использовались для добычи каменной соли. При этом в одних случаях (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Деж) имело место глубинная добыча соли, а в других (Кайла, Бэиле Фига и Сэсарм) соль добывалась на относительно малой глубине.

В Бэиле Фига обращают на себя внимание многочисленные деревянные сооружения. Среди них выделяются остатки сооружения прямоугольной формы, стены которого состояли из вертикально воткнутой в землю дубовых досок высотой до 3,3 м, упировавшихся ниж-

ними концами в соляную породу. Эти стенки ограничивали пространство площадью более чем 12 x 4 м. Предположительно, внутри этого сооружения добывалась каменная соль. Назначение дубовых стенок, по всей вероятности, было связано с предотвращением оползневых явлений, в результате которых земля могла бы попасть в соляные копи. Снаружи к этому сооружению примыкали два ряда плетневых ограждений с вделанными в них рогатинами, которые, судя по всему, служили опорными балками для перекрытия ограниченных этими плетнями пространств. По всей вероятности, эти постройки служили для временного хранения добытой соли.

Наиболее комплексными изделиями, найденными на большинстве памятников, были деревянные *корыта-желоба* (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Дежулуй, Бэиле Фига, Кайла). Как было уже показано, эти изделия использовались, скорее всего, для пробуривания в залежах каменной соли отверстий, в которые затем, с целью откалывания кусков соли заданной формы и размеров, вбивались деревянные колья. Неоднократно среди предметов, найденных на рассматриваемых памятниках (Валя Флорилор, Тисолово, Солотвино, Окна Дежулуй), встречались деревянные долблённые желоба. Эти желоба использовались для направления воды в резервуары, корыта-желоба и проч. Так, вода из глубинных источников могла просачиваться через стенки соляных копей и препятствовать работе. Её необходимо было направлять с помощью таких желобов в специально выкопанные для этого ямы-отстойники. Кроме того, с помощью тех же желобов направлялась в корыта-желоба пресная вода, струи которой использовались для пробуривания отверстий в соляной породе.

Неясно пока назначение V-образных предметов с боковыми прямоугольными сквозными отверстиями. Необычны также арковидные предметы с круглыми и прямоугольными сквозными отверстиями, расположенными симметрично, а также связанная с ними деревянная втулка. В свою очередь, к втулке – через прямоугольное отверстие, с помощью стопора – фиксировалась другая, скорее всего тоже деревянная, деталь. Хотя назначение этих предметов пока неясно, едва ли можно сомневаться в том, что они были составными деталями каких-то весьма сложных механизмов. Едва ли приходится сомневаться в том, что налицо свидетельства *относительно высокого технического уровня орудий и приспособлений, исполь-*

зовавшихся при добыче соли. Все эти орудия, приспособления и сооружения, судя по всему, были частью некоей комплексной системы, обеспечивавшей высокую эффективность добычи, обработки и хранения каменной соли. Они, на мой взгляд, свидетельствуют об *относительно высоком уровне комплексности процесса эксплуатации соли*.

В Бэиле Фига, да и во многих других местах, залежи каменной соли отличаются высокой твёрдостью. Она настолько тверда, что не поддаётся обычным железным орудиям труда (топорам, киркам и т.п.). Местные жители, специализирующиеся в незаконной добыче соли, используют для этого топоры, клинья и молоты, изготовленные из калёной стали (Deák 2008). Какими же орудиями пользовались соледобытчики бронзового века? Во всяком случае, наиболее прочными и тяжёлыми из орудий, найденных в Бэиле Фига – каменными молотами – едва ли было возможно откалывать от породы более или менее крупные куски каменной соли. Самое большее, что можно было сделать с помощью этих молотов – это разбивать уже отколотые крупные куски каменной соли. Сначала было необходимо проделать в породе достаточно глубокие отверстия и/или трещины, а затем, подобно тому, как древние горняки раскалывали металлоносную породу, в эти трещины следовало вбивать как можно глубже мощные дубовые клинья. Несколько таких клиньев было найдено в Бэиле Фига. Если древние рудокопы использовали для получения в породе трещин огонь, соледобытчики использовали для этого, скорее всего, воду.

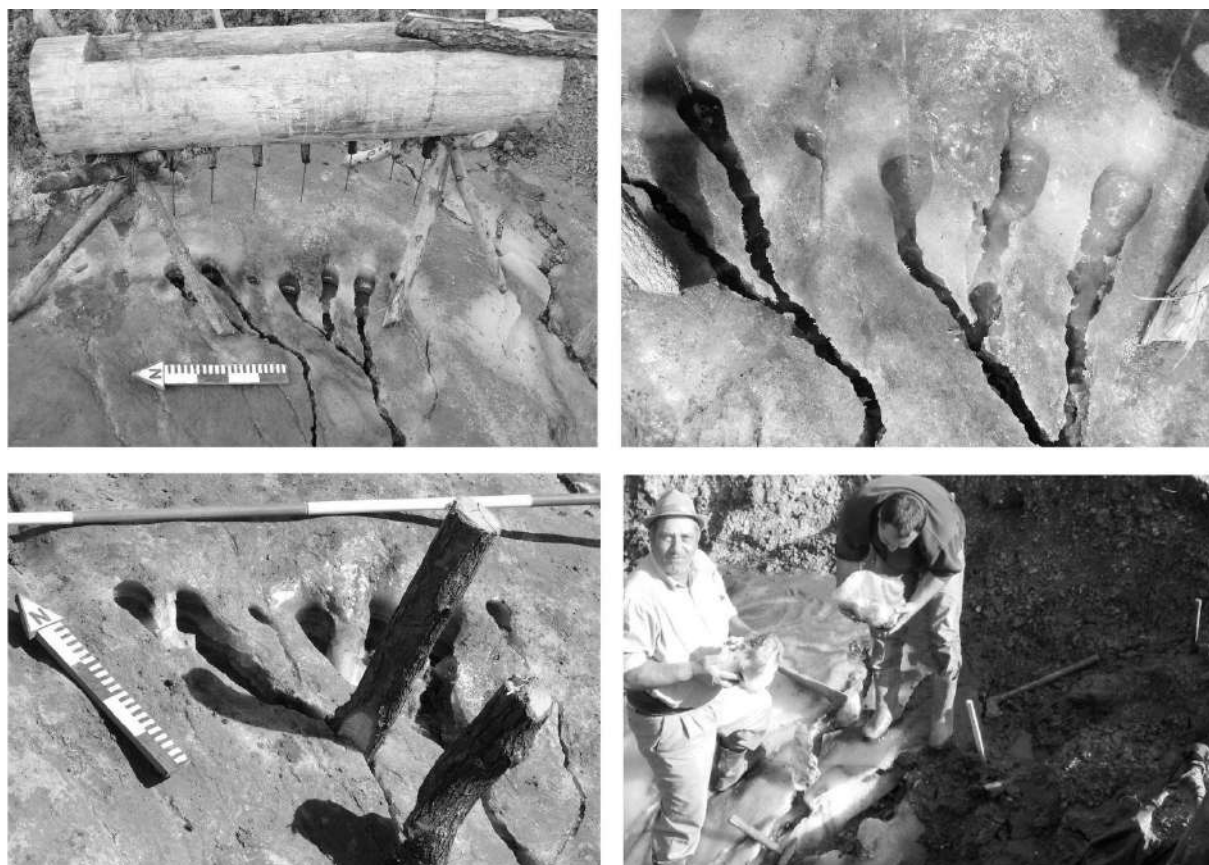
Исследователи неоднократно обращались к вопросу о функциональном назначении деревянных корыт-желобов (Chintăuan 2005; Căvruc 2008; Căvruc, Harding 2008; Harding 2009; Căvruc, Harding 2011). Недавно А. Хардинг подверг анализу гипотезы, выдвигавшиеся на этот счёт (Harding 2009). Ещё в 1877 г., при публикации находок из Тисолово (*Királyvölgy/Valea Regilor*) Прайсиг выдвинул гипотезу согласно которой корыта-желоба использовались для пробуравливания соляной породы с помощью струй пресной воды (Preisig 1877). Впоследствии многие авторы приняли это мнение на веру (Wollmann, Ciugudean 2005, 99; Iaroslavschi 1997; Căvruc 2008; Căvruc 2010). Мощность струй, согласно этой гипотезе, регулировалась посредством уменьшения и увеличения отверстий в затычках, через которые вода вытекала из корыт-желобов на массив каменной соли. После того как отверстия, пробуровленные в

массиве каменной соли с помощью водяных струй, становились достаточно глубокими, в них вбивались с помощью молотов деревянные колья, что приводило к откалыванию кусков каменной соли заданной формы и размеров. В то же время, в последние годы была выдвинута гипотеза, согласно которой эти приспособления использовались для выпаривания солёной воды (Chintăuan 2005).

Летом 2010 г. гипотеза Прайсига была проверена экспериментально (Căvruc 2010; Vuzeu 2010). Эксперимент, проведённый в северной части раскопа III, показал, что тонкие струи пресной воды, стекающие из корыт-желобов через отверстия в затычках по плетеным шнурам, создают не только углубления в соляной породе, но и достаточно большие трещины. После этого, в создавшиеся трещины и отверстия с лёгкостью были вбиты колья, с помощью чего, от массива каменной соли были отколоты достаточно крупные куски каменной соли (Таб. 13).

Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что у некоторых корыт-желобов закрыты оба конца, а у других – только один. Это обстоятельство свидетельствует, видимо, о том, что они использовались как взаимно сообщающиеся сосуды; при этом последними в цепи находились, видимо, корыта-желоба с обоими закрытыми краями (Căvruc 2008). Если так, то это значит, что одновременно, с помощью нескольких таких изделий пробуравливались более 30 отверстий. В таком случае – при условии, что выше приведённые выводы о функциональном назначении корыт-желобов верны – есть основания предполагать, что добыча соли с использованием этих приспособлений, а вместе с ними и других орудий, была ориентирована на добычу соли в большом объёме (намного больше, чем требовалось для собственного потребления) и в относительно краткие сроки.

Ещё далеко до понимания всех аспектов добычи соли на памятниках типа Бэиле Фига. Тем не менее, всё более явно вырисовывается тот факт, что процесс соледобычи был многосложным и комплексным, высокотехнологичным и высокоэффективным и требовал высокого мастерства и достаточно сложной организации. Если к этому добавить дренажные устройства, а также постройки для хранения добытой соли, становится очевидным тот факт, что количество добываемой соли значительно превосходило нужды местного потребления. Едва ли можно сомневаться в том, что соль, добываемая в Бэиле Фига, была предназначена для территорий, где нет естественных источников соли, или их недостаточно.

Таб. 13. Бэиле Фига, 2010 г. Эксперимент с желобом-корытом.

Обработка добытой соли. Большинство орудий и приспособлений, найденных на памятниках соледобычи бронзового века в Трансильвании и Марамуреше, были предназначены для дренажных работ, добычи и хранения каменной соли. Из всех найденных до сих пор орудий, только каменные молоты могли использоваться для грубой обработки отколотых от массива кусков соли. С помощью этих орудий можно было разбивать особенно крупные куски соли, которыми из-за больших размеров и веса, трудно было перемещать. Для их более тонкой обработки могли использоваться бронзовые топоры-кельты (в Бэиле Фига была найдена деревянная рукоять кельта). Деревянные лопаты и корыта, подобные тем, что были найдены в Бэиле Фига, Валя Флорилор и Тисолово, могли использоваться для собирания мелких кусков соли и соляной щепы. Всё это свидетельствует о том, что обработка добытой соли была минимальной. Она, видимо, сводилась к тому, что массе соли придавались подходящие размеры и форма, наиболее удобные при её погрузке и транспортировке.

Конечный продукт соледобычи: качество и форма. В Бэиле Фига, в тех местах, где можно было наблюдать залежи каменной соли, преобладает белая, качественная, с малым количеством примесей, очень плотная и твёрдая соль. Едва ли можно сомневаться в том, что не было необходимости в её очистке. Даже если по каким-то причинам возникла бы необходимость в более чистой соли, этого можно было достичь путём выпаривания солёной воды. Свидетельств того, что на рассматриваемых в настоящей работе памятниках выпаривалась соль, не было обнаружено. Конечный продукт соледобычи был связан исключительно с каменной солью.

На упоминавшейся уже фотографии находок из Тисолово (Valea Regilor/Királyvölgy), а также на рисунке, опубликованном Прайсигом, среди прочих предметов достаточно хорошо виден блок каменной соли с расположенными в ряд сквозными отверстиями. Похожий блок соли из Солотвино изображён на достаточно схематичном рисунке (Szathmáry 1867). У обоих этих блоков поверхности ровные, что свидетельствует о том, что, возможно, какой-то части полученной соли придавалась *призматич-*

ческая форма; это могло представлять определённые преимущества при её транспортировке на дальние расстояния. В то же время, часть полученной соли выглядела как *крупные куски неправильной формы*, а также относительно *мелкие куски* каменной соли. И наконец, значительная часть соли имела форму *щепы*, о чём, видимо, свидетельствуют деревянные лопаты, найденные на целом ряде рассматриваемых памятников, а также лохани, найденные в Бэиле Фига. Соответственно, можно допустить, что различные формы полученной соли имели различное назначение, что могло зависеть от ранга потребителя, расстояния, на котором он находился и проч.

Соотношение местоположения памятников соледобычи с местоположением поселений того же времени. Следы проживания в непосредственной близости от мест добычи соли, рассматриваемых в этой работе, были открыты лишь в двух случаях: в Бэиле Фига и Сэсарм. Причём в обоих случаях следы проживания – по всей видимости, недолговременного – относятся к раннему периоду бронзового века. Что же касается среднего и позднего периодов бронзового века, ни на одном из рассматриваемых памятников следов проживания не было найдено. Не было обнаружено поселений среднего и позднего бронзового века также поблизости от этих памятников. Это значит, что соледобытчики раннего периода бронзового века какое-то время проживали вблизи источников соли. Напротив, в среднем и позднем бронзовом веке соледобытчики регулярно приходили к этим источникам и эксплуатировали их, но постоянно они проживали где-то в другом месте.

Расположение памятников соледобычи по отношению к естественным путям сообщения с территориями, где нет доступных источников соли. Обращает на себя внимание тот факт, что *все* рассматриваемые памятники расположены в долинах трёх судоходных рек: *Сомешул Маре* (Кайла, Сэсарм, Бэиле Фига, Окна Дежулуй), *Сомешул Мик* (Валя Флорилор) и *Тиса* (Тисолово, Солотвино), *Муреш* (Окна Муреш). При этом во всех случаях доступ от этих памятников к упомянутым рекам был относительно лёгким: одни из них расположены в непосредственной близости от этих рек, а другие связаны с этими реками естественными легко доступными путями сообщения, в том числе водными.

Сомешул Маре и Сомешул Мик являются притоками Сомеша. Последний, после того, как образуется из слияния своих основных притоков у города Деж, течёт в западном, а затем в северо-западном направлении до впадения в Тису на территории Северо-Восточной Венгрии. После впадения в неё Сомеша / Самоша (венг.), Тиса течёт далее на северо-запад до нынешней словацко-венгерско-украинской границы, откуда затем резко поворачивает на юг и пересекает с севера на юг всю Венгерскую Равнину (Алфёльд) а затем и северную Сербию. На всём своём течении в южном направлении Тиса вбирает в себя воды многочисленных рек, берущих своё начало на территории Трансильвании. Важнейшая из них – Муреш (Марош венг.) – впадает в Тису незадолго до того, как последняя пересекает нынешнюю границу между Венгрией и Сербией. После этого, уже на территории Сербии, Тиса впадает в Дунай. Отсюда, главным образом по Саве и Мораве, открываются пути далее в северные и северо-западные регионы Балканского полуострова.

Нетрудно заметить, что очерченная выше цепь водных путей соединяет богатые солью участки внутрикарпатского региона с лишёнными доступных источников соли Потисьем (юго-восточная Словакия, восточная половина Венгрии и северная Сербия). Учёные не раз подчеркивали важность этих путей сообщения в эпоху бронзы. Так, знаток археологии территории современной Венгрии, Эндрю Шерратт, в связи с высоким потенциалом Тисы и Муреша для торговли на большие расстояния, отметил любопытную деталь: название одного из ключевых памятников бронзового века в Среднем Потисье *Нодьрев* (венг. Nagytér) переводится с венгерского как “большой порт” (Sherratt 1997, 291). Этот же автор связывал с этим водным путем сообщения распространение в Потисье большого числа укрепленных богатых поселений (Спишки Штврток, Барца и др.), а также многочисленных теллей (Sherratt 1997, 291).

Согласно многочисленным средневековым письменным источникам, соль из Трансильвании и Марамуреша систематически и в значительном количестве поставлялась в Моравию, на территорию современной Венгрии, а также на Балканский полуостров. Древнейший из этих источников свидетельствует о том, что в 892 г. франкский король обратился к болгарскому хану с письмом, в котором требовал воспрепятствовать поставке соли из внутри-

карпатского региона в Моравию (Simon 2006, 92). Начиная с XI в. соль регулярно поставлялась на территорию нынешней Венгрии из Трансильвании, а с XIII в. – из Марамуреша (Simon 2006, 92). Источники указывают и на то, что важнейшими торговыми путями, по которым соль поступала из Трансильвании и Марамуреша в западном и юго-западном направлениях, были Сомеш, Муреш и Тиса. Так, Николаус Олахус, в середине XVI века отмечал, что соль из Трансильвании транспортировалась на судах по Мурешу, Сомешу и Тисе, откуда распределялась и продавалась во всей Венгрии (Macg 2006).

Относительно балканского направления трансильванской соли, некоторые источники свидетельствуют о том, что соль из Трансильвании поставлялась в Боснию и Сербию. Историк и этнограф, автор многочисленных работ посвящённых эксплуатации соли на территории Румынии, Дойна Чобану, цитируя средневековые письменные источники, отмечает существование таможни *Салакемен*. Эта таможня находилась у впадения Тисы в Дунай, на месте нынешнего поселения *Нови Сланкамен* („солёный камень”). Соль поступала на эту таможню из Трансильвании по Мурешу и Тисе (Ciobanu 2006, 90). Жолт Шимон, специалист по средневековой истории добычи и торговли соли в Карпатском бассейне, на основе письменных источников, приводит данные, согласно которым в XVI в. существовала ещё одна таможня, через которую трансильванская соль поступала на Балканский полуостров – *Смередово* (на месте нынешнего города Смередово, находящегося в 60 км к востоку от Белграда). За период с августа 1514 до марта 1516 года в документах этой таможни было зарегистрировано около 226–266 тонн соли, поступившей из территории Венгрии (читай: из Трансильвании) и следовавшей на Балканы (Simon 2006, 95).

Некоторые выводы относительно эксплуатации соли во внутрикарпатском регионе на протяжении бронзового века. Подводя итоги краткому анализу свидетельств эксплуатации соли во внутрикарпатском регионе на протяжении бронзового века, следует обратить внимание на следующее.

- Памятники соледобычи бронзового века во внутрикарпатском регионе известны в настоящее время на юге Закарпатской Украины (Мараморош) и в северной половине Трансильвании. При этом все они находятся вблизи судоходных рек, соединяющих этот регион с Большой Венгерской Низменностью – Алфёльдом, а также с северо-западом Балканского полуострова.

- В раннем бронзовом веке добыча соли в Трансильвании была мелкомасштабной и предназначалась, судя по всему, для местного потребления.

- В XVI–IX вв. до н.э. добыча соли во внутри-карпатском регионе носила индустриальный характер и, судя по всему, предназначалась главным образом для бессольных территорий Нижнего Потисья и Среднего Подунавья.

- Из 45 радиоуглеродных дат, происходящих из памятников соледобычи исследованных во внутрикарпатском регионе, к рубежу IV и III тыс. до н.э. относятся 4,4%, ко второй половине III тыс. до н.э. – 2,2%, к периоду между 1620 и 1400 гг. до н.э. относится 6,7% радиоуглеродных дат. Подавляющее большинство радиоуглеродных дат относится к XIV–IX вв. до н.э. (87,7%). Из них: 31% полученных дат относятся к периоду 1400–1250 гг. до н.э., 30% – к периоду 1250–1050 гг. до н.э., 27% – к периоду 1050–850 гг. до н.э.

В следующей части этой статьи, на основании приведённых выше данных, будет рассмотрен вопрос о том, как соотносятся, с одной стороны, динамика производства и использования оловянистых бронз, а с другой – развитие солепроизводства во внутри-карпатском регионе на протяжении бронзового века. Будет предпринята попытка корреляции памятников солепроизводства с одновременными им археологическими культурами Карпатского бассейна и сопредельных территорий. На основе этого, будет сделана попытка дать ответ на главный вопрос настоящей статьи: насколько оправдана гипотеза, согласно которой соль, добывавшаяся в Трансильвании и Марамуреше в бронзовом веке, обменивалась на олово Центральной Европы?

Библиография

- Березанская 1985:** С.С. Березанская, Эпоха бонзы на Украине. В кн.: Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 354-360.
- Бочкарёв 2011:** В.С. Бочкарёв, Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы. В кн.: Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии (Санкт Петербург 2011), 5-8.
- Бродель 1986:** Ф. Бродель, Структуры повседневности: возможное и невозможное (Москва 1986).
- Гасанова 2009:** А.М. Гасанова, Историко-аналитическое исследование древнейшей оловянистой бронзы Азербайджана и соседних регионов. *Stratum plus. Культурная антропология и археология*, No 2, 2005-2009, 507-512.
- Словарь Античности 1989:** Словарь Античности (Москва 1989).
- Черных 1966:** Е.Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы (Москва 1966).
- Черных и др. 2000:** Е.Н. Черных, Л.А. Авилова, Л.Б. Орловская, Металлургические провинции и радиоглеродная хронология (Москва 2000).
- Черных, Кузьминых 1989:** Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) (Москва 1989).
- Alexianu et al. 2007:** M. Alexianu, O. Weller, R. Brigand, Izvoarele de apă sărată din Moldova subcarpatică. *Cercetări etnoarheologice* (Iași 2007).
- Bankoff et al. 2011:** H. Bankoff, S. Mitrović, R. Arsić, R. Boger, V. Flipović, A. Huska, W. Powel, Tin sources and settlement in the Bronze Age of south-eastern Europe: a pilot study from western Serbia. *Antiquity*, 085, 327 (March 2011).
- Barber 2003:** M. Barber, Bronze and the Bronze Age. *Metalwork and Society in Britain c. 2500-800 BC* (Stroud 2003).
- Berciu 1967:** D. Berciu, La izvoarele istoriei (București 1967).
- Bonte, Izard 1999:** P. Bonte, M. Izard, Dicționar de etnologie și antropologie (Iași, 1999).
- Boroffka 2006:** N. Boroffka, Resursele minerale din România și stadiul actual al cercetărilor privind mineritul preistoric. *Apulum* XLIII, 2006, 71-94.
- Bouzek et al. 1989:** J. Bouzek, D. Koutecký, K. Simon, Tin and Prehistoric Mining in the Erzgebirge (Ore Mountains): some new evidence. *OJA* 8, 2, 1989, 203-212.
- Buzea 2010:** D. Buzea, Experimentul „Troaca”. *Angustia* 14, 2010, 245-256.
- Cavruc 1997:** V. Cavruc, The Final Stage of the Early Bronze Age in South-Eastern of Transylvania, TD. XVIII. 1-2, 1997, 97-133.
- Cavruc 2008:** V. Cavruc, The Present Stage of the Researches regarding Prehistoric Salt Production in the Carpatho-Danubian Region. *Angustia* 12, 2008, 79-90.
- Cavruc 2009:** V. Cavruc, Stadiul actual al cercetărilor privind exploatarea preistorică a sării în spațiul carpato-dunărean. In: A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băț (ed.) *Studia archaeologiae et historiae antiquae: Doctissimo viro Scientiarum Archaeologiae et Historiae Ion Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicator* (Chișinău 2009), 21-36.
- Cavruc 2010:** V. Cavruc, Considerații privind schimbul cu sare în milenii VI-II î.Hr. în spațiul carpato-dunărean. *Tyras* IV (XIX), 1, 2010, 7-34.
- Cavruc, Harding 2008:** V. Cavruc, A. Harding, Noi cercetări arheologice privind exploatarea sării în nord-estul Transilvaniei. Raport preliminar. In: D. Monah, Gh. Dumitroia, D. Garvăn (ed.), *Sarea, de la prezent la trecut* (Piatra Neamț 2008), 149-178.
- Cavruc, Harding 2011:** V. Cavruc, A. Harding, New Archaeological Researches concerning Saltworking in Transylvania. Preliminary Report. In: M. Alexianu, O. Weller, R.-G. Curcă (eds.) *Archaeology and Anthropology of Salt: A Diachronic Approach. Proceedings of the International Colloquium, 1-5 October 2008*, Al. I. Cuza University (Iași, Romania), BAR International Series 2198 (Oxford 2011), 111-122.
- Cavruc et al. 2006:** V. Cavruc, H. Ciugudean, A. Harding, Vestigiile arheologice privind exploatarea sării pe teritoriul României în epoca bronzului. In: V. Cavruc, A. Chiricescu (ed.) *Sarea, timpul și omul* (Sfântu Gheorghe 2006), 41-49.
- Chintăuan 2005:** I. Chintăuan, Pan used for salt extraction from brines. *SCGG* 10, 2005, 75-78.
- Chintăuan, Russu 1988:** I. Chintăuan, I.I. Russu, Considerații cu privire la utilizarea sării și apelor sărate din nord-estul Transilvaniei. *FI* 5, 1988, 238-277.
- Ciugudean 2000:** H. Ciugudean, Eneoliticul final în Transilvania și Banat: cultura Coțofeni, BHAB XXVI (Timișoara 2000).
- Ciugudean 2003:** H. Ciugudean, Noi contribuții privind bronzul timpuriu din Transilvania. *Apulum* XL, 2003, 89-122.
- Ciugudean et al. 2006:** H. Ciugudean, A. S. Luca, A. Georgescu, cu o contribuție T. Kienlin și E. Pernicka, Depozitul de bronzuri de la Dipșa, BB V (Sibiu 2006).
- Ciugudean et al. 2008:** H. Ciugudean, A.S. Luca, A. Georgescu, Depozitele de bronzuri preistorice din colecția Brukenthal (I), BB XXXI (Sibiu 2008).
- Coles, Harding 1979:** J.M. Coles and A.F. Harding, *The Bronze Age in Europe* (London 1979).

- Dayton 1971/72:** J.E. Dayton, The problem of tin in the Ancient World, *WA* 3, 1971/72, 49-71.
- Dăncuș 2006:** M. Dăncuș, Sarea – fragmentarium etnologicum, In: V. Căvruț, A. Chiricescu (eds.), *Sarea, Timpul și Omul* (Sfântu Gheorghe 2006), 147-148.
- Deák 2008:** Andrea (Chiricescu) Deák, Mineritul tradițional al sării – o ocupație demult dispărută? *Angustia* 12, 2008, 237-250.
- Dergacev 2010:** V. Dergacev, Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului. In: V. Dergacev (ed.), *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)* (Chișinău, 2010), 265-312.
- Durman 1997:** A. Durman, Tin in Southeastern Europe? *OA* 21, 1997, 7-14.
- Eliade 1968:** M. Eliade, The Forge and Crucible: a postscript. *History of Religions* 8, 1968/69, 74-88.
- Emődi 2008:** I. Emődi, Observații privind proveniența staniului folosit în epoca bronzului. In: *Satu Mare. Studii și comunicări, seria Arheologie*, 23-24/1, 2006-2007 (2008), 209-210.
- Furmánek 1987:** V. Furmánek, Zu einigen Fragen der südöstlichen Urnenfelder in der Slowakei. In: *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, Band 8 (Berlin 1987), 39-54.
- Furmánek et al. 1991:** V. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Slovensko v dobe bronzovej (Bratislava 1991).
- Furmánek et al. 1999:** V. Furmánek, L. Veliačik, J. Vladár, Die Bronzezeit im Slowakischen Raum (Rahden/Westf. 1999).
- Furmánek, Marková 2008:** V. Furmánek, K. Marková, Včelince. *Arhiv Dávnej minulosti*. (Nitra 2008).
- Görsdorf et al. 2004:** J. Görsdorf, K. Marková and V. Furmánek, Some new 14 C data to the Bronze Age in the Slovakia. In: *Geochronometria – Journal on methods and applications of absolute chronology* 23, 2004, 79-91.
- Gerrard 1996:** S. Gerrard, The Early South-Western Tin Industry: An Archaeological View. In: *Mining History: The Bulletin of the Peak District Mines Historical Society*, Vol. 13, No. 2, Winter 1996. *Historica Metallurgy Society Special Publication: The Archaeology Mining & Metallurgy in South-West Britain*.
- Glumac 1991:** P.D. Glumac, The advent of metallurgy in prehistoric Southeast Europe, University of California (Berkeley 1991).
- Gogâltan 1999:** Fl. Gogâltan, Bronzul timpuriu și mijlocii în Banatul românesc și pe cursul inferior al Mureșului (Timișoara 1999).
- Harding 1984:** A.F. Harding, *The Mycenaeans and Europe* (London 1984).
- Harding 2000:** A.F. Harding, *European societies in the Bronze Age* (Cambridge 2000).
- Harding 2009:** A.F. Harding, Producing salt in wooden troughs: the technology of Bronze Age salt production in Transylvania. In: G. Bodi (ed.), *In medias res praeistoriae. Miscellanea in honorem annos LXV peragentis Professoris Dan Monah oblata* (Iași 2009), 195-204.
- Harding 2011:** A. Harding (with an appendix by A. Szemán), Evidence for Prehistoric Salt Extraction rediscovered in the Hungarian Central Mining Museum. *AJ* 91, 2011, 1-23.
- Harding, Kavruk 2010:** A. Harding, V. Kavruk, A Prehistoric salt production site at Băile Figa, Romania. *EA* 16, 2010, 131-167.
- Horedt 1970:** K. Horedt, *Istoria comunei primitive* (București 1970).
- Iaroslavski 1997:** E. Iaroslavski, *Tehnica la dacii BMN XV* (Cluj-Napoca 1997).
- Irimia 2007:** M. Irimia, Unele aspecte privind raporturile dintre spațiul egeean și regiunile istro-pontice în bronzul târziu. *RSEA* III, 1-2, 2007, 7-56.
- Istoria 1960:** *Istoria României*, vol. I (București 1960).
- Kacsó 2006:** C. Kacsó, Date cu privire la exploatarea sării din Maramureș. V. Căvruț, A. Chiricescu (ed.) *Sarea, timpul și omul* (Sfântu Gheorghe 2006), 97-121.
- Kacsó 2011:** C. Kacsó, Repertoriul arheologic al județului Maramureș, vol. I (Baia Mare 2011).
- Kalyanaraman 2006:** S. Kalyanaraman, Bronze Age Trade and Writing System of Meluhha (Mleccha) evidenced by Tin Ingots from the near vicinity of Haifa. <http://www.scribd.com/doc/10528657/Bronze-Age-Tin-1>
- Kemenczei 2003:** T. Kemenczei, Bronze Age Metallurgy. In: *Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium* (Budapest 2003), 167-174.
- Kemenczei 2003a:** T. Kemenczei, The Beginning of the Iron Age: The Pre-Scythians (8th century BC). In: *Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium* (Budapest 2003), 177-179.
- Kern et al. 2009:** A. Kern, K. Kowarik, A.W. Rausch, H. Reschreiter, Kingdom of Salt. 7000 Years of Hallstatt (Vienna 2009).
- Kienlin, Pernicka 2006:** T.L. Kienlin, E. Pernicka, Compositional data for some objects of the Dipșa hoard. In: Ciugudean et al. 2006, 60-61.
- Kopaka & Chaniotakis 2003:** K. Kopaka, N. Chaniotakis, Just taste additive? Bronze Age salt from Zakros, Crete. *OJA* 22, Issue 1, February 2003, 53-66.
- Kovács 1977:** T. Kovács, *A Bronzkor Magyarországon* (Budapest 1977).
- Kristiansen, Larsson 2005:** K. Kristiansen and T.B. Larsson, *The Rise of Bronze Age Society* (Cambridge 2005).
- László 2001:** A. László, Perioada timpurie (Hallstatt A și B). In: *Istoria românilor*, vol. I: Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 299-327.
- Lichardus, Vladár 1996:** J. Lichardus, J. Vladár, Karpatenbecken – Sintašta – Mykene. Ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historische Epoche. *SlovArch* 44, 1, 1996, 25-93.
- Lukács 2006:** K. Lukács, Aknaszlatina. A so, a viz es levego kincsestara (Pecs 2006).
- Maddin et al. 1977:** R. Maddin, T. Stech Wheeler, J. Muhly, Tin in the Ancient Near East: Old Questions and New Finds. In: *Expedition*, 19.2, 1977, 35-47.

- Mareş 2002:** I. Mareş, Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României (Suceava 2002).
- McGeehan-Liritzis, Taylor 1987:** V. McGeehan-Liritzis, J.W. Taylor, Yugoslavian tin deposits and the Early Bronze Age industries of the Aegean region. *OJA* 6, 3, 1987, 287-300.
- Marc 2006 :** D. Marc, Sisteme de transport şi de comercializare tradiţională a sării. In: V. Cavruc, A. Chiricescu (eds.). *Sarea, Timpul şi Omul* (Sfântu Gheorghe 2006), 152-157.
- Marro et al. 2010:** C. Marro, V. Bakhshaliyev, S. Sanz, with the collaboration of N. Aliyev, Archaeological Investigations on the Salt Mine of Duzdaği (Nakhchivan, Azerbaïdjan). *TÜBA-AR* 13, 2010, 229-244.
- Maxim 1971:** I.A. Maxim, Un depozit de unelte dacice pentru exploatarea sării. *AMN* 8, 1971, 457-463.
- Merideth 1998:** C. Merideth, La Mina el Cerro de San Cristobal: a Bronze Age tin mine (Extramadura, Spain). *Papers from the Institute of Archaeology* 9, 1998, 57- 69.
- Merideth 1998a:** C. Merideth, An Archaeometallurgical Survey for Ancient Tin Mines and Smelting Sites in Spain and Portugal, Mid-Central Western Iberian Geographical Region, 1990-1995 (Oxford 1998).
- Moga 2008:** Iu. Moga, Symbolic Functions of Salt and Related Similes in Oriental Curses and Blessings. *AM* XXX, 2008.
- Moga 2009:** Iu. Moga, Salt Extraction and Imagery in the Ancient Near East. *JIRRS* 4, 2009, 175-213.
- Mohen 1990:** J.-P. Mohen, Métallurgie Préhistorique. Introduction à la paléoméallurgie. Masson (Paris 1990).
- Monah 2007:** D. Monah, Sarea în preistoria României. *AM* XXX, 2007, 87-114.
- Monah 2008:** D. Monah, O confirmare etnografică a versetului Iezechiel 16/4. Sărarea noilor născuţi. In: Gh. Dumitroaia, D. Monah (ed.), *Sarea, de la prezent la trecut* (Piatra Neamţ 2008), 117-131.
- Muhly 1985:** J. D. Muhly, Sources of Tin and the Beginnings of Bronze Metallurgy. *AJA* 89, 2, 1985.
- Muhly, Wertime 1973:** J.D. Muhly and T.A. Wertime, Evidence for the sources and use of tin during the Bronze Age of the Near East: a reply to J.E. Dayton. *WA* 5, 1, 1973, 111-119.
- Munteanu, Dumitroaia 2010:** R. Munteanu, Gh. Dumitroaia, Spada de bronz de la Piatra Şoimului. *MA* XXV-XXVI (2008-2009), 2010, 323-328.
- Mureşan 1966:** P. Mureşan. Aspecte etnografice din exploatarea sării în trecut la Ocna Dej. *AMET* 1962-1964, 1966, 387-419.
- Nenquin 1961:** J. Nenquin, Salt. A study in economic prehistory (Brugge 1961).
- Penhallurick 2008:** R.D. Penhallurick, Tin in Antiquity. Its mining and trade throughout the ancient world with particular reference to Cornwall (London 2008).
- Pétrequin et al. 2001:** P. Pétrequin, O. Weller, E. Gauthier, A. Dufraisse, Salt springs exploitations without pottery during Prehistory. From New Guinea to the French Jura. In: P. Pétrequin, S. Beyries (eds.), *Ethnoarchaeology and its transfer. Proceedings of the 5th meeting of the European Association of Archaeologists*, Bournemouth, England, 1999. *BAR International Series* 983 (Oxford 2001), 37-65.
- Petrescu-Dîmboviţa 1977:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).
- Petrescu-Dîmboviţa 1978:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sichel in Rumänien (mit corpus de jung- und spät-bronzezeitlichen Horte Rumäniens). *PBF* XVIII (Munich 1978).
- Petrescu-Dîmboviţa 1995:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Metalurgia bronzului. In: C. Stoica, M. Rotea, N. Boroffka (eds.), *Comori ale epocii bronzului în România / Treasures of the Bronze Age in Romania* (Bucureşti 1995), 45-62.
- Petrescu-Dîmboviţa 2001:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Înflorirea şi declinul metalurgiei bronzului în prima epocă a fierului. In: *Istoria românilor*, vol. I: Moştenirea timpurilor îndepărtate (Bucureşti 2001), 339-347.
- Primas 1985:** M. Primas, Tin objects in Bronze Age Europe. In: *Studii di paletnologia di onore de Salvatore V. Puglisi* (Roma 1985), 555-562.
- Preisig 1877:** E. Preisig, Geschichte des Máramaroser Bergbaues. *ÖZBH* 25, H. 28, 1877, 301.
- Renfrew 1971:** C. Renfrew, Sitagroi, radiocarbon and the prehistory of south-east Europe. *Antiquity* XLV, 1971, 275-282.
- Roman 1976:** P. Roman, *Cultura Coţofeni*, Biblioteca de Arheologie XXVI (Bucureşti 1976).
- Rovia, Montero 2003:** S. Rovia, I. Montero, Natural tin-bronze alloy in Iberian Peninsula metallurgy: potentiality and reality. In: Al. Giumlia-Mair, F. Lo Schiavo (eds.), *The Problem of Early Tin*, Actes of the XIVth UISPP Congress Oxford: Archaeopress, 2003, University of Liège, Belgium, 2 – 8 September 2001. Section 11. Bronze Age in Europe and Mediterranean. Symposium 11.2. *BAR International Series* 1199 (Oxford 2003), 15-22.
- Rusu 1963:** M. Rusu, Die Verbreitung der Bronzehorte in Transsilvanien vom Ende der Bronzezeit in der mittlere Hallstattzeit. *Dacia*, N.S. vol. VII, 1963, 177-210.
- Rustoiu 2003:** A. Rustoiu, Sarea Maramureşului şi aşezările dacice de pe Tisa Superioară [Das marmoroscher Salz un die dakischen Siedlungen von Oberen Theiss]. *Marmatia* 7/1, Baia Mare 2003, 201-217.
- Rustoiu 2005:** A. Rustoiu, The Salt of Maramureş and the Dacian Settlements alongside of Upper Tisa. *Mousaios* 10, Buzau 2005, 353-367.
- Sherratt 1986:** A. Sherratt, The Pottery of Phases IV and V: The Early Bronze Age. In: C. Renfrew, M. Gimbutas and E.S. Elster (eds.), *Excavations at Sitagroi. A Prehistoric Village in Northeast Greece*, vol. I, (Los Angeles 1986), 421-476.
- Sherratt 1997:** A. Sherratt, *Economy and Society in Prehistoric Europe* (Princeton 1997).

- Simon 2006:** Zs. Simon. Mineritul de sare în Evul mediu în Transilvania și Maramureș. In: V. Cavruc, A. Chiricescu (ed.). Sarea, Timpul și Omul (Sfântu Gheorghe 2006), 92-96.
- Stalcombe:** http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/devon/8515627.
- Szabó 2003:** G.V. Szabó, The expanding World: masters of Bronzworking in the Carpathian Basin. In: Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium (Budapest 2003), 163-166.
- Szatmáry 1867:** K. P. Szathmáry. Máramarosi régiségek. In: Vasárnapi Újság, 14/8, 1867, 91.
- Točík, Bublová 1985:** A. Tocik, H. Bublova, Prispevok k vyskumu zaniknutej tazby medi na Slovensku. SZ 21, 1985, 47-135.
- Vandkilde 2007:** H. Vandkilde, Culture and Change in Central European Prehistory 6th to 1st millennium BC (Aarhus 2007).
- Vulpe 1970:** Al. Vulpe, Die Äxte und Beile in Rumänien, I, PBF, IX/2, München, 1970.
- Vulpe 1995:** Al. Vulpe, Epoca bronzului în spațiul carpato-dunărean. Privire generală / The Bronze Age in the Carpatho-Danubian Region. General View (București 1995), 17-30.
- Vulpe 1997:** Al. Vulpe, Consideratii privind inceputul si definirea perioadei timpurii a epocii bronzului in România, In: Vl. Nistor, D. Zaharia (eds.), Timpul istoriei. Memorie și patrimoniu, in onorem emeritae Ligiae Barzu, Bucuresti, 1997, p. 37-49.
- Vulpe 2001:** Al. Vulpe, Bronzul timpuriu. In: Istoria românilor, vol. I: Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 225-237.
- Vulpe 2001a:** Al. Vulpe, Perioada mijlocie (cca 850/800-650 a.Chr.). In: Istoria românilor, vol. I: Moștenirea timpurilor îndepărtate (București 2001), 327-339.
- Yalçin et al. 2005:** Ü. Yalçin, G. Pulak, R. Slotta (eds.), Schiff Uluburun. Welthandel for 3000 Jahren (Bohum 2005).
- Weller 2004:** O. Weller, Los orígenes de la producción de sal: evidencias, funciones, y valor en el Neolítico europeo, Pyrenae. JWMPA 35, 1, 2004, 93-116.
- Weller 2010:** O. Weller, Gh. Dumitroaia, D. Sordoillet, A. Dufraisse, E.-. Gauthier, R. Munteanu, Lunca-Poiana Slatinei (jud. Neamț): cel mai vechi sit de exploatare a sării din preistoria europeană. AM XXXII 2009 (București 2010), 21-39.
- Wollmann 1996:** V. Wollmann, Mineritul metalifer, extragerea sării și cariere de piatră în Dacia romană (Cluj-Napoca 1996).
- Wollmann, Ciugudean 2005:** V. Wollmann, H. Ciugudean, Noi cercetări privind mineritul antic în Transilvania (I). Apulum 42, 2005, 95-116.

Валерий Каврук, доктор истории, Национальный Музей Восточных Карпат, ул. Габор Арон 16, Сфынту Георге, Румыния; e-mail: valer_kavruk@yahoo.com

APARIȚIA ȘI EVOLUȚIA TOPOARELOR-CELT CU URECHIUȘĂ FRONTALĂ ÎN EPOCA BRONZULUI DIN EUROPA DE EST

Eugen UȘURELU, Chișinău

Studiul abordează problematica apariției și evoluției topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est.

Генезис и эволюция топоров-кельтов с лобным ушком эпохи бронзы Восточной Европы. В статье рассматриваются вопросы генезиса и эволюции топоров-кельтов с лобным ушком эпохи бронзы Восточной Европы.

Entstehung und Entwicklung der bronzezeitlichen Tüllenbeile mit frontaler Öse in der Osteuropa. Der Artikel ist den Problemen der Entstehung und Entwicklung der bronzezeitlichen Tüllenbeile mit frontaler Öse in der Osteuropa gewidmet.

Schlüsselworte: Osteuropa, Bronzezeit, Typologie, Chronologie, Tüllenbeile mit frontaler Öse.

Introducere

Obiectivul demersului de față îl constituie abordarea problematicii apariției și evoluției topoarelor-celt cu urechiușă frontală în Europa de Est¹.

De menționat că în cazul categoriei funcționale în cauză, în literatura de specialitate se operează cu termeni diferiți. Descoperirile din Siberia (Грязнов 1941, 260, табл. IV; Сальников 1965, 160, рис. 1,7-9) și din bazinul Volga de Mijloc (Тихонов 1960, 46-48, табл. X,4.5.8.9.11; XXV,15; Халиков 1980, 45, табл. 45; 49) sunt definite drept dălți-celt, iar cele din nordul Mării Negre – topoare-celt (Тереножкин 1961, 131, рис. 87,12.13; Лесков 1967, 156,159, рис. 7,8; 8,3; Черных 1976, 76-77,88, табл. III,1.2; V,9.10; Воцкарев, Лесков 1980, 16,31-32, Taf. 6,47a; 14,130.135; Дергачев 1975, 11, рис. 3,13.14; Дергачев 1997, 14, примеч. 3, рис. 1.V,1-3; Дергачев 2002, 120-121, Taf. 37,A1.2; Simion 2003, 67-68, pl. 7,1.2).

I. Principii și metode de clasificare tipologică

Luându-se în considerație numărul redus al descoperirilor în complexe și faptul că majoritatea pieselor reprezintă descoperiri accidentale, la baza clasificării tipologice a seriei analizate au fost puse criteriile formale. Totodată, s-a ținut cont și de cronologia complexelor și dinamica tipologică a artefactelor analizate.

Seria în cauză este delimitată în patru grupe²:

I – Dălți-celt cu toc de înmănușare longitudinal tubular (fig. 1,1-4); II – Dălți-celt cu orificiu la vârful muchiei arcoidale pe partea dorsală și muchie trapezoidală pe partea frontală (fig. 1,5-24); III – Topoare/dălți-celt cu urechiușă frontală pe partea dorsală (fig. 1, 25-40; 2,1-37); IV – Topoare/dălți-celt fără urechiușă frontală (fig. 2,38-41). Acestea sunt divizate în tipuri și subtipuri.

În cazul primei gupe sunt evidențiate două tipuri: I.1. Dălți-celt cu marginea tocului de înmănușare dreaptă (fig. 1,1-3); I.2. Dălți-celt cu marginea tocului de înmănușare oblică (fig. 1,4).

A doua grupă este împărțită în următoarele tipuri și subtipuri: II.1. Dălți-celt cu marginea tocului de înmănușare fără bordură (fig. 1,5-7);

II.2. Dălți-celt cu marginea tocului de înmănușare cu bordură (fig. 1,8-9); II.2.1. Cu decor sub bordură pe partea frontală în formă de unghiuri reliefate suprapuse cu vârful în jos (fig. 1,10-14); II.2.2. Cu decor sub bordură pe partea frontală în formă de nervuri verticale paralele (fig. 1,15-16); II.2.3. Cu decor sub bordură pe partea frontală în formă de nervură în zigzag (fig. 1,17);

II.3. Dălți-celt cu urechiușă frontală deasupra muchiei arcoidale pe partea dorsală, fără bordură și cu decor pe partea frontală în formă de nervuri verticale paralele (fig. 1,18);

II.4. Dălți-celt cu urechiușă frontală deasupra

¹ Transliterarea terminologiei, a numelor proprii, a denumirilor de localități în grafie chirilică s-a efectuat conform normelor: ISO Transliteration.

² În lucrarea de față sunt analizate 78 piese finite și 3 în negativ. Țin să mulțumesc și pe această cale dlui dr.hab. V.A. Dergacev pentru o serie de date puse la dispoziție.

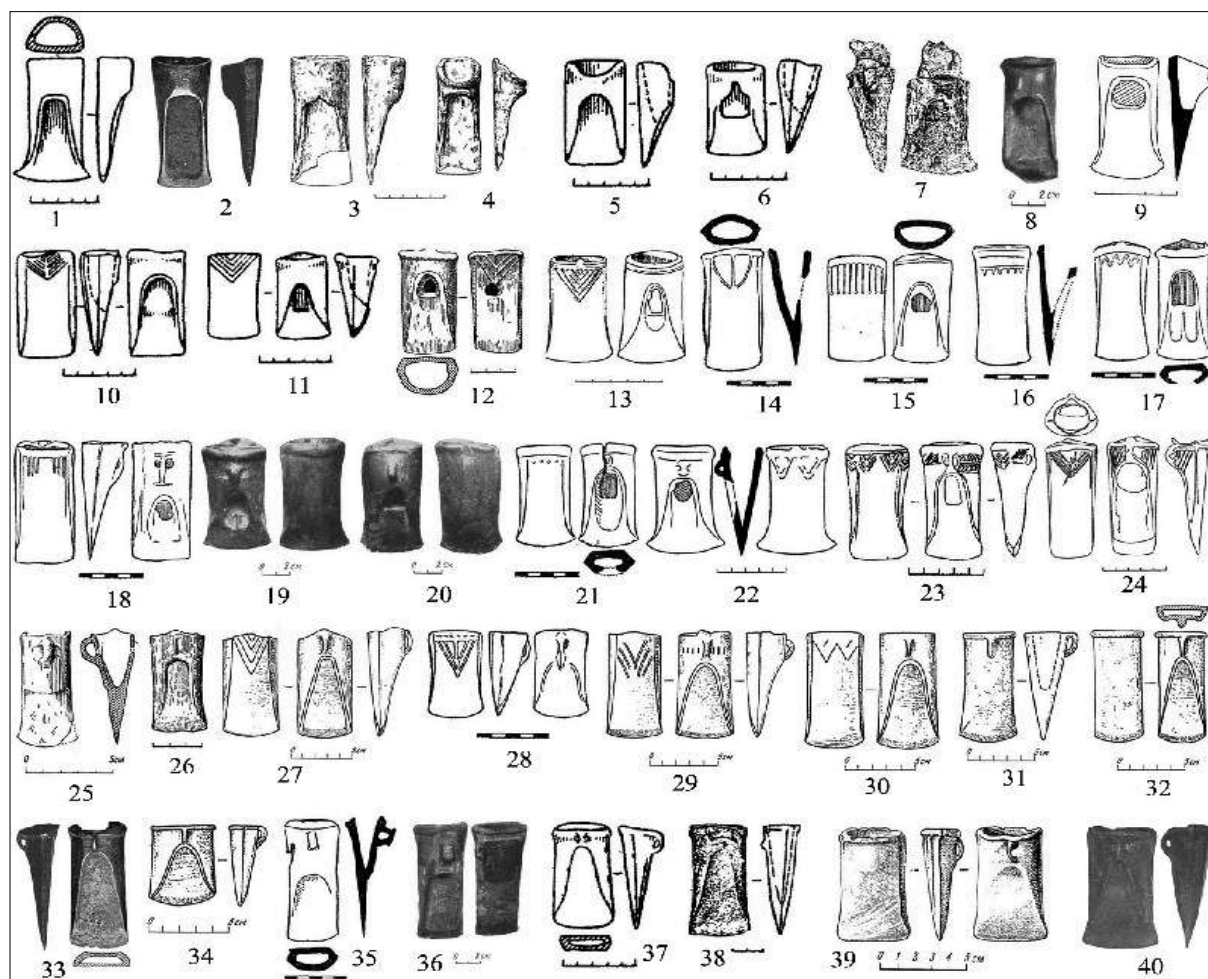

Fig. 1. Topoare/dălți-celt din Siberia și Europa de Est.

Tipul I.1. 1 - Il'derjakovo (Черных 1970, 164, табл. XII; рис. 48,38); 2 - Bourman (Tallgren 1916, 35, pl. XIII,4; fig. 36,Z2269); 3 - Palasy (Черников 1960, 84, табл. X,3);

Tipul I.2. 4 - Palasy (Черников 1960, 84, табл. X,4);

Tipul II.1. 5 - Česnokovskaja rašnja; 6 - Kanaš (Черных 1970, 138, 169, табл. III. XIII. рис. 48,36.37); 7 - depresiunea Minusinsk (Киселев 1949, 68,70, табл. XI,13);

Tipul II.2. 8 - depresiunea Minusinsk (Гришин 1971, табл. 11,8); 9 - Čerdojak (Черников 1960, табл. LXIV,8);

Subtipul II.2.1. 10 - Narys-Tau; 11 - Katajskoe (Черных 1970, 165, 169, табл. XII-XIII; рис. 48,28.29); 12 - mina Sulakskij (Сальников 1965, 160, рис. 1,6); 13 - Locul descoperirii necunoscut (muzeul or. Ekaterinburg, fost Sverdlovsk) (Тихонов 1960, табл. XVI,10); 14 - „districtul Minusinsk” (Грязнов 1941, 268, табл. IV,4);

Subtipul II.2.2. 15 - Tabat; 16 - fost. gub. Enisejskaja (Грязнов 1941, 268, табл. IV,2.6); **Subtipul II.2.3.** 17 - „mina Michajlovskij” (Грязнов 1941, 268, табл. IV,3);

Tipul II.3. 18 - Novoselovo (Грязнов 1941, 268, табл. IV,8);

Tipul II.4. 19,20 - depresiunea Minusinsk (Гришин 1971, табл. 11,6-7); **Subtipul II.4.1.** 21 - Lugavskoe (Грязнов 1941, 268, табл. IV,5); **Subtipul II.4.2.** 22 - Bol'saja Rečka (Грязнов 1956, 41, рис. 15,4); **Subtipul II.4.3.** 23 - Derbeden' (Дергачев, Бочкарев 2002, таб. 104,B3); 24 - Poplavskoe (История... 2000, 248, рис. 16,3);

Tipul III.1. 25 - Bol'saja Rečka (Грязнов 1956, табл. XVI,9); 26 - râul Krutoberegovaia (Сальников 1965, 160, рис. 1,7); **Subtipul III.1.1.** 27 - duna Anan'ino (Халиков 1980, табл. 49,1); 28 - Baturino (Грязнов 1941, 268, табл. IV,7); 29 - Omay (Халиков 1980, табл. 49,2); 30 - Bol'soe Frolovo (Халиков 1980, табл. 49,3);

Tipul III.2. 31 - I Zabojnoe (Халиков 1980, табл. 49,5); 32 - VII Lebedinskaja (Халиков 1980, табл. 49,4); 33 - fost. gub. Kazan' (Tallgren 1916, 35, pl. XIII,5); 34 - N. Baltaj (Халиков 1980, табл. 49,8); 35 - stepa Minusinsk-Ačinsk (Грязнов 1941, 268, табл. IV,1); 36 - depresiunea Minusinsk (Гришин 1971, табл. 11,9); 37 - Karaul'naja, or. Sysert' (Черных 1970, 169, табл. XIII; рис. 48,35); 38 - Jurak-Tau (Исмаилов, Обыденнов 1989, рис. 1,4); 39 - Staraja Jablonovka (Максимов 1962, рис. 2,1); 40 - Locul descoperirii necunoscut, Ucraina (Клочко, Козыменко 2011, илл. 53).

2.7.33.40 - scara sursei inițiale este modificată.

muchiei arcoidale pe partea dorsală, cu marginea tocului de înmănușare cu bordură (fig. 1,19-20); II.4.1. Cu decor în formă de cerculețe reliefate pe partea frontală (fig. 1,21); II.4.2. Cu decor în formă de unghiuri suprapuse pe partea frontală (fig. 1,22); II.4.3. Cu decor în formă de unghiuri suprapuse pe partea frontală și în formă de bandă compusă din nervuri oblice pe partea dorsală (fig. 1,23-24);

Grupa a treia este divizată în următoarele tipuri și subtipuri: III.1. Topoare/dălți-celt cu urechiușă frontală între marginea tocului de înmănușare și muchia arcoidală pe partea dorsală, fără bordură, cu muchie trapezoidală pe partea frontală (fig. 1,25-26); III.1.1. Cu decor sub marginea tocului de înmănușare pe partea frontală în formă de unghiuri suprapuse cu vârful în jos (fig. 1,27-30);

III.2. Cu marginea tocului de înmănușare cu bordură, cu muchie arcoidală pe partea dorsală și muchie trapezoidală pe partea frontală (fig. 1,31-40); III.2.1. Cu muchii trapezoidală și arcoidală pe partea dorsală (fig. 2,1); III.2.2. Cu decor în formă de nervuri orizontale paralele sub bordură (fig. 2,2); III.2.3. Cu decor în formă de bandă și unghiuri hașurate cu vârful în jos pe partea frontală și cu unghiuri hașurate cu vârful în jos pe partea dorsală (fig. 2,3); III.2.4. Cu decor în formă de bandă și unghiuri hașurate cu vârful în jos pe partea frontală (fig. 2,4-5); III.2.5. Cu decor în formă de bandă (fig. 2,6); III.2.6. Cu decor în formă de litera X pe partea frontală și în formă de nervuri verticale oblice pe partea dorsală (fig. 2,7); III.2.7. Cu decor în formă de unghiuri cu vârful în jos pe partea frontală (fig. 2,8); III.2.8. Cu decor în formă de unghiuri cu vârful în jos pe ambele părți (fig. 2,9);

III.3. Cu urechiușă frontală și muchii trapezoidale pe ambele părți late (fig. 2,10); III.3.1. Cu decor în formă de bandă pe ambele părți (fig. 2,11);

II.4. Cu urechiușă frontală și muchii arcoidale pe ambele părți late (fig. 2,12); III.4.1. Cu orificiu sub arcada muchiilor (fig. 2,13-14); III.4.2. Cu muchii trapezoidale paralele muchiilor arcoidale (fig. 2,15); III.4.3. Cu urechiușă frontală la vârful muchiei arcoidale pe partea dorsală (fig. 2,16);

III.5. Cu o urechiușă frontală și alta laterală, muchii trapezoidale (fig. 2,17);

III.6. Cu o urechiușă frontală și alta laterală, muchie arcoidală pe partea dorsală și trapezoidală pe partea frontală (fig. 2,18-20); III.6.1. Cu decor pe partea frontală în formă de nervuri verticale în zigzag (fig. 2,21); III.6.2. Cu decor pe partea frontală în formă de nervuri verticale paralele (fig. 2,22);

III.7. Cu o urechiușă frontală și alte două laterale, muchie arcoidală pe partea dorsală (fig. 2,23-24);

III.8. Cu urechiușă frontală sub o nervură orizontală și marginea tocului de înmănușare fără bordură (fig. 2,25-27);

III.9. Cu urechiușă frontală sub două nervuri orizontale, muchii trapezoidale pe părțile late, marginea tocului de înmănușare fără bordură (fig. 2,28-31);

III.10. Cu urechiușă frontală sub două nervuri orizontale, muchie arcoidală pe partea dorsală (fig. 2,32-33); III.10.1. Cu muchii arcoidale și decor în formă de unghiuri hașurate cu vârful în jos pe ambele părți late (fig. 2,34-35); III.10.2. Cu muchie arcoidală pe partea dorsală și decor în formă de unghiuri hașurate cu vârful în jos pe ambele părți late (fig. 2,36); III.10.3. Cu muchie arcoidală pe partea dorsală și decor în formă de unghiuri hașurate cu vârful în jos pe partea frontală (fig. 2,37);

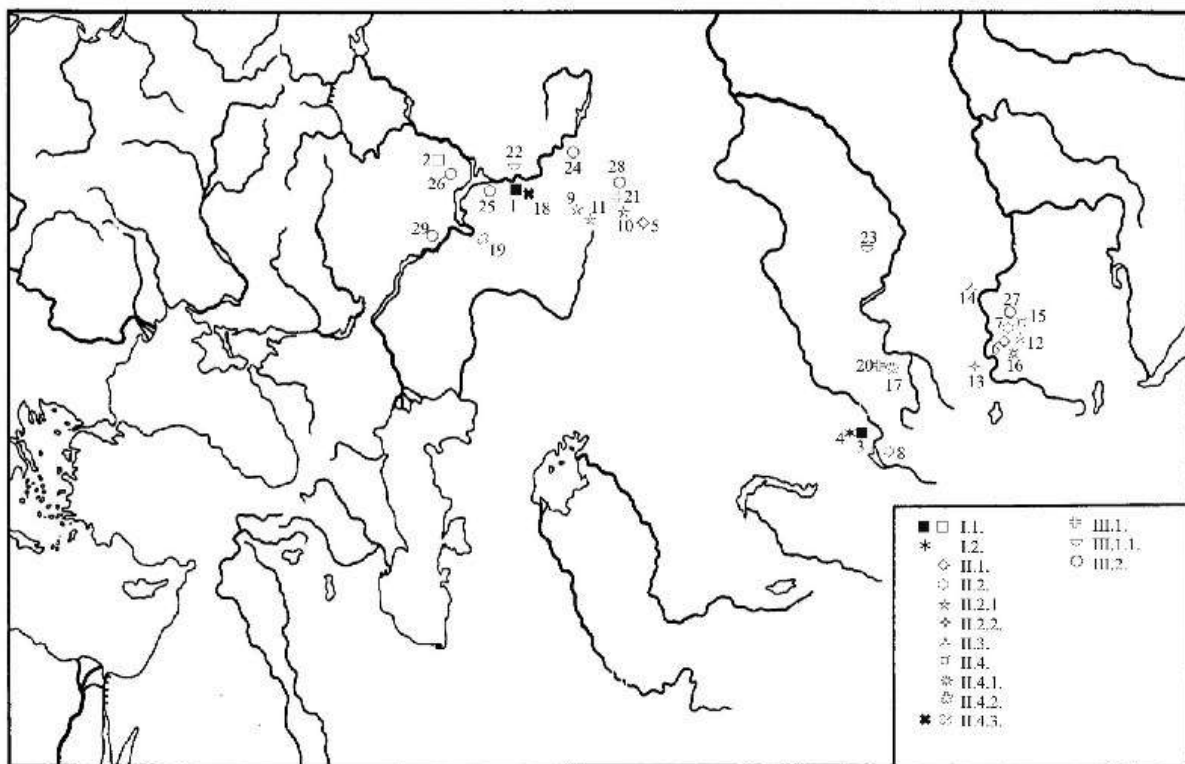
În cadrul grupei a patra sunt evidențiate următoarele tipuri și subtipuri: IV.1. Topoare/dălți-celt fără urechiușă frontală și bordură, cu o nervură orizontală (fig. 2,38-39); IV.1.1. Cu decor sub nervura orizontală în formă de unghiuri cu vârful în jos suprapuse (fig. 2,40); IV.2. Cu două nervuri orizontale (fig. 2,41).

II. Apariția și evoluția tipologico-cronologică a topoarelor/dălților-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est.

Din punct de vedere tipologic, veriga inițială a lanțului evolutiv al seriei analizate ar fi reprezentată de dălțile-celt cu toc de înmănușare longitudinal tubular (fig. 1,1-4) (Бочкарев 2002, 116). În opinia lui V.S. Bočkarëv, acestea din urmă ar fi avut în calitate de prototip dălțile tubulare obținute prin batere, din mediul culturilor Abașevo și Sintașta. Iar, derivatele primelor ar fi reprezentate de dălțile-celt cu orificiu la vârful muchiei arcoidale pe partea dorsală (fig. 1,5-24).

Depozitul Il'derjakovo din bazinul Volga de Mijloc, ce include o daltă-celt cu toc de înmănușare longitudinal tubular (fig. 1,1; harta 1,1), este încadrat în perioada a II-a a schemei cronologice a culturilor și complexelor care conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Dergačëv, Bočkarëv 2006, fig. 1). Alte două piese similare (fig. 1,3-4; harta 1,3.4) se asociază în cadrul depozitului de la Palacy din estul Kazahstanului cu un pumnal caracteristic perioadei sau culturii Karasukskaja³ (Черников 1960, 84, табл. X,1).

³ Perioada sau cultura Karasukskaja este delimitată în mai multe etape și urmează în bazinul mijlociu al r. Enisei culturii Andronovo. Datarea arheologică a culturii Karasukskaja cuprinde sec. XIII (XII)-IX a.Chr., iar cea radiocarbon sec. XIV-IX a.Chr. În plan cronologic, în spațiul în discuție aceasta este substituită de cultura Taștykskaja (Поляков, Святко 2009, 35-41).

Harta 1. Localizarea topoarelor/dălților-celt din Siberia și Europa de Est (Semne convenționale: simbol semiplin=formă de turnare; plin=depozit bronzuri; gol=descoperire topor/daltă-celt).

1 - Il'derjakovo, r-nul Aksubaev, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 2 - Bourman, r-nul Civil'sk, Rep. Čuvaș'ja, Federația Rusă; 3.4 - Palacy, Kazachstan; 5 - Kanaș, r-nul Šadrinsk, reg. Kurgan, Federația Rusă; 6.7.15.27 - depresiunea Minusinsk, Federația Rusă; 8- Čerdojak, Kazachstan; 9- Narys-Tau, r-nul Mijaki, Rep. Baškortostan, Federația Rusă; 10- Katajskoe, r-nul Katajsk, reg. Kurgan, Federația Rusă; 11 - mina Sulakskij, r-nul Burzjansk, Rep. Baškortostan, Federația Rusă; 12 - „Minusinsk”, ținutul Krasnojarsk, Federația Rusă; 13 - Tabat, r-nul Bejsk, Rep. Chakasija, Federația Rusă; 14 - Novoselovo, ținutul Krasnojarsk, Federația Rusă; 16 - Lugavskoe, r-nul Minusinsk, ținutul Krasnojarsk, Federația Rusă; 17.20 - Bol'saja Rečka, r-nul Solonešnoe, ținutul Altai, Federația Rusă; 18 - Derbeden', r-nul Al'met'evsk, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 19 - Poplavskij, r-nul Kinel'sk, reg. Samara, Federația Rusă; 21 - Polevskoj, reg. Sverdlovsk, Federația Rusă; 22 - Anan'ino, or. Elabuga, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 23 - Baturino, r-nul Kolyvanskoe, reg. Novosibirsk, Federația Rusă; 24 - Zabojnoe, r-nul Ochansk, ținutul Perm', Federația Rusă; 25 - Lebedino, r-nul Alekseevsk, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 26 - N. Baltaj, r-nul Apastovo, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 28- Sysert', reg. Sverdlovsk, Federația Rusă; 29 - Staraja Jablonka, r-nul Chvalynsk, reg. Saratov, Federația Rusă.

În ceea ce privește complexele ce includ dălți-celt cu orificiu la vârful muchiei arcoidale pe partea dorsală, poate fi menționată descoperirea dintr-un mormânt aparținând perioadei sau culturii Karasukskaja (fig. 1,7; harta 1,6), din sudul Siberiei, dintr-o locuință a culturii Suskanskaja⁴ (fig. 1,24; harta 1,19) și din cadrul depozitului de la Derbeden'⁵ (fig. 1,23; harta 1,18).

Acesta din urmă este datat în perioada a III-a a schemei cronologice a culturilor și complexelor ce conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Dergačev, Bočkar'ev 2006, fig. 1).

Datarea complexelor ce includ topoare/dălți-celt cu urechiușă frontală pe partea dorsală se prezintă în felul următor.

⁴ Formarea culturii Suskanskaja este datată în sec. XV a.Chr. (История... 2000, 250).

⁵ Depozitul de la Derbeden' a fost datat diferit: în sec. XI-VIII a.Chr. (Тихонов 1960, 45), în ultimul sfert al mileniului II a.Chr. (Халиков 1980, 45) sau în sec. XIII a.Chr. (Кузьминых 1981, 65). Luându-se în considerație sincronismul depozitului de la Derbeden' cu etapa Sabatinovka timpurie din nordul Mării Negre (Бочкарев, Лесков 1978, 24-26; Бочкарев 1994, 72-73; 2002, 117; 2004, 399) și datarea actuală a culturii Sabatinovka (Gerškovič 1999; Sava 2002), poziția cronologică reală a acestui depozit se plasează în sec. XVI-XV a.Chr. În ceea ce privește atribuirea culturală, a fost admisă apartenența la culturile Srubnaja târzie (Кузьминых 1981, 64), Prikazanskaja (Халиков 1968, 35; 1980, 45), Mežovskaja (Бочкарев 1994, 73) și Suskanskaja (История... 2000, 248-249).

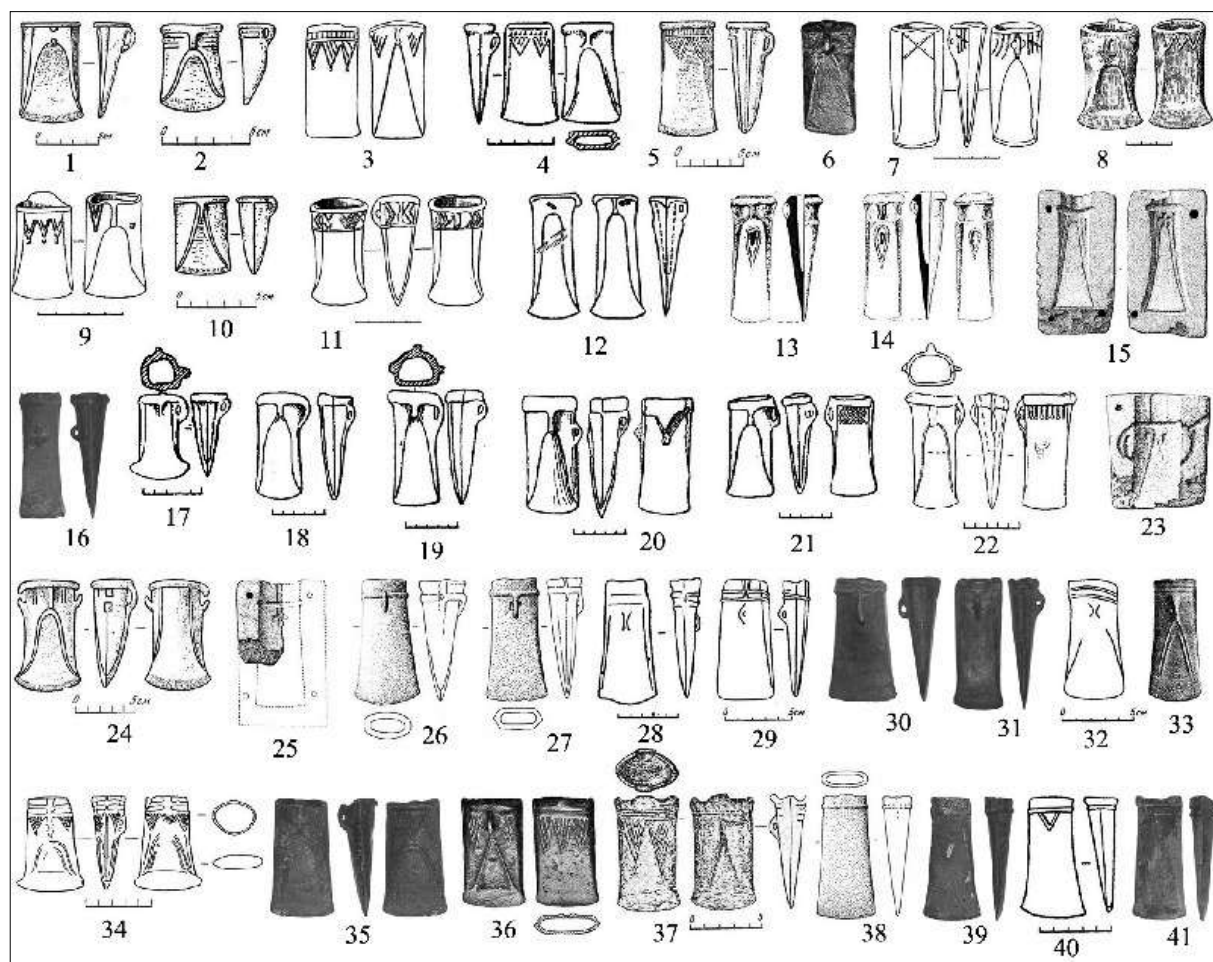
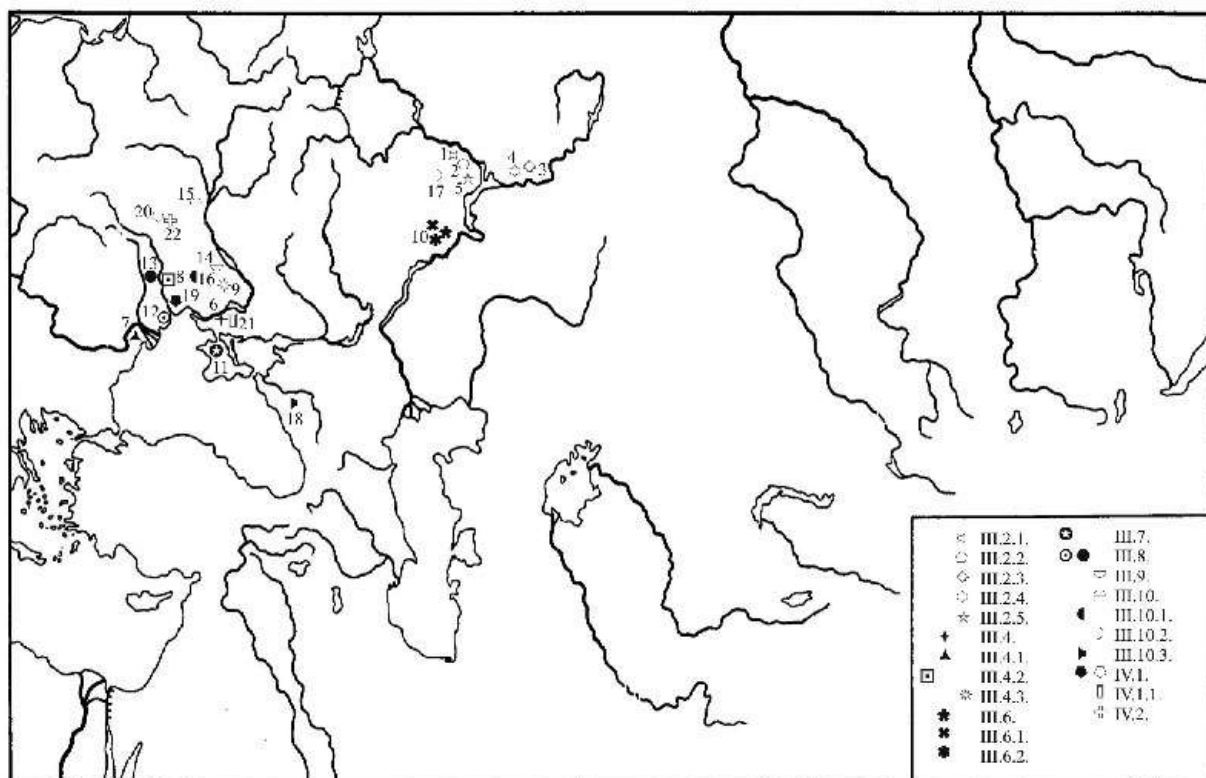

Fig. 2. Topoare/dălți-celt din Siberia și Europa de Est.

Subtipul III.2.1. 1 - Kriuși (Халиков 1980, табл. 49,7); **Subtipul III.2.2.** 2 - Kriuși (Халиков 1980, табл. 49,6); **Subtipul III.2.3.** 3 - Anan'ino (Збруева 1952, табл. XXIII,6); **Subtipul III.2.4.** 4 - Омару (Черных 1970, 165, табл. XII; рис. 48,24); 5 - fostul uezd Čeboksary (Халиков 1980, табл. 45,7); **Subtipul III.2.5.** 6 - Devlekeev (Tallgren 1916, 35, pl. XIII,6); **Subtipul III.2.6.** 7 - Locul descoperirii necunoscut (muzeul or. Ekaterinburg, fost Sverdlovsk) (Тихонов 1960, табл. XVI,10); **Subtipul III.2.7.** 8 - Kočnevskoe (Сальников 1965, 160, рис. 1,9); **Subtipul III.2.8.** 9 - fostul uezd Jaranskij (Тихонов 1960, табл. X,9); **Tipul III.3.** 10 - Novoe Mordovo (Халиков 1980, табл. 49,9); **Subtipul III.3.1.** 11 - fost. Čistopol'skij uezd (Тихонов 1960, табл. X,4); **Tipul III.4.** 12 - Knjaz'-Grigor'evka (Черняков 1967, 33, рис. 7,4); **Subtipul III.4.1.** 13,14 - Casimcea (Simion 2003, 67-68, pl. 7,1,2); **Subtipul III.4.2.** 15 - Majaki (Krasnyj Majak) (Bočkarev, Leskov 1980, 15-16, Taf. 6,47a); **Subtipul III.4.3.** 16 - Obl. Kirovograd (Клочко, Козыменко 2011, илл. 76); **Tipul III.5.** 17 - Saratovskoe Povolž'e? (Черных 1970, 128, табл. I; рис. 48,23); **Tipul III.6.** 18-20; **Subtipul III.6.1.** 21; **Subtipul III.6.2.** 22; - Sosnovaja Maza (Черных 1970, 128, табл. I.П; рис. 48,19-23; Дергачев, Боцкарев 2002, таб. 108,2); **Tipul III.7.** 23 - Kirovo (Bočkarev, Leskov 1980, 31-32, Taf. 14,130); 24 - fosta gub. Kazan' (Халиков 1980, табл. 45,2); **Tipul III.8.** 25 - Čebanovka (Bočkarev, Leskov 1980, 32, Taf. 14,135); 26,27 - Mîndrești (Dergačev 2002, 38, Taf. 37,A1,2); **Tipul III.9.** 28 - Krivoj Kut (Черных 1976, 76, табл. V,10); 29 - Subbotov (Тереножкин 1961, 131, рис. 87,12); 30,31 - Locul descoperirii necunoscut, Ukraina (Клочко, Козыменко 2011, илл. 139,140); **Tipul III.10.** 32 - r-nul Obuchov (Тереножкин 1961, 131, рис. 87,13); 33 - „regiunea Kiev” (Tallgren 1926, 184, fig. 105,4); **Subtipul III.10.1.** 34 - Kurjač'e Lozy (Никитин, Черняков 1981, 155, рис. 4,5); 35 - Locul descoperirii necunoscut, Ukraina (Клочко, Козыменко 2011, илл. 52); **Subtipul III.10.2.** 36 - Almenevo (Tallgren 1916, 36, pl. XIII,8); **Subtipul III.10.3.** 37 - Уроптажа (Аптекарев, Козенкова 1986, 125, рис. 2,4); **Tipul IV.1.** 38 - Fârladeni (Dergačev 2002, 202-203, Taf. 68,A414); 39 - Obl. Hmel'nick (Клочко, Козыменко 2011, илл. 138); **Subtipul IV.1.1.** 40 - Zavadovka (Лесков 1965, 64, рис. 22,3); **Tipul IV.2.** 41 - Obl. Hmel'nick (Клочко, Козыменко 2011, илл. 137).

3.6.12-16.23.25-27.30-31.33.35-36.38-39.41 - scara sursei inițiale este modificată.

Harta 2. Localizarea topoarelor/dălților-celt din Siberia și Europa de Est (Semne convenționale: simbol semiplin=formă de turnare; plin=depozit bronzuri; gol=descoperire topor/daltă-celt).

1,2 - Kriuși, r-nul Kozlovskij, Rep. Čjuvaș'ja, Federația Rusă; 3 - Anan'ino, or. Elabuga, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 4 - Omary, r-nul Mamadyș, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 5 - Devlikeevo, r-nul Apastovo, Rep. Tatarstan, Federația Rusă; 6 - Knjaz'-Grigor'evka, r-nul Velikolepetichskij, reg. Cherson, Ucraina; 7 - Casimcea, jud. Tulcea, România; 8 - Majaki (Krasnyj Majak), r-nul Krasnooknjanskij, reg. Odesa, Ucraina; 9 - „reg. Kirovograd”, Ucraina; 10 - Sosnovaja Maza, r-nul Chvalynsk, reg. Saratov, Federația Rusă; 11 - Kirovo, Crimeea, Ucraina; 12 - Čebanovka, r-nul Belgorod-Dnestrovskij, reg. Odesa, Ucraina; 13 - Mîndrești, r-nul Telenesti, R. Moldova; 14 - Subbotov, r-nul Čigirin, reg. Čerkassy, Ucraina; 15 - r-nul Obuchov, reg. Kiev, Ucraina; 16 - Kurjač'e Lozy, r-nul Krivozerskij, reg. Nikolaev, Ucraina; 17 - Almenevo, Rep. Čjuvaș'ja, Federația Rusă; 18 - Upornaja, r-nul Labinskij, ținutul Krasnodar, Federația Rusă; 19 - Fârladeni, r-nul Slobozia, Rep. Moldova; 20,22 - Obl. Hmel'nick, Ucraina; 21 - Zavadovka, r-nul Bolșaja Lepeticha, reg. Cherson, Ucraina.

Depozitul de la Sosnovaja Maza ce include topoare/dălți-celt cu urechiușă frontală pe partea dorsală și urechiușă laterală (fig. 2,18-22; harta 2,10) este datat în sec. XIII-XII a.Chr. (Мерперт 1962, 21; Бочкарев, Лесков 1978, 25; Chernykh 1992, Abb. 85).

O datare similară este propusă și în cazul depozitului de la Knjaz'-Grigor'evka (fig. 1,24; harta 2,6), Kurjač'e Lozy (fig. 2,34; harta 2,16) (Никитин, Черняков 1981, 159-160), Casimcea (fig. 2,13.14; harta 2,7), a complexului de tipare de la Majaki (Krasnyj Majak) (fig. 2,15; harta 2,8) și a tiparului de la Kirovo (fig. 2,23; harta 2,11).

Toate aceste complexe aparțin perioadei sau

culturii Sabatinovka târzie⁶ din nordul Mării Negre sau perioadei a IV-a a schemei cronologice a culturilor și complexelor ce conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Дергачев, Бочкарев 2006, fig. 1).

Sincrone etapei sau culturii Belozerka sau perioadei a V-a a schemei cronologice a culturilor și complexelor ce conțin piese metalice din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est (Дергачев, Бочкарев 2002, рис. 1; Дергачев, Бочкарев 2006, fig. 1), sunt complexele ce includ topoare/dălți-celt cu urechiușă frontală pe partea dorsală (fig. 2,26-27.37; harta 2,13.18) sau fără aceasta (fig. 2,38; harta 2,19).

⁶ Complexele, depozitele, colecțiile și descoperirile izolate de tipare (Бочкарев, Лесков 1980), depozitele de bronzuri (Лесков 1981) din perioada târzie a epocii bronzului din nordul Mării Negre sunt încadrate în etapele Sabatinovka și Belozerka (subîmpărțite fiecare în câte două subetape, timpurie și târzie). Actualmente poziția cronologică a culturii Sabatinovka este plasată între sfârșitul sec. XVI-XIII a.Chr. (Gerškovič 1999; Sava 2002), iar a culturii Belozerka în sec. XII-X a.Chr. (Орпощенко 1986, 149; Ванчугов 1990, 110-122).

Trebuie de menționat că în cazul topoarelor/dălților-celt cu urechiușă frontală pe partea dorsală (fig. 2,12-15.25-35.37; harta 2,6-8.12-16) sau fără aceasta (fig. 2,38-41; harta 2,19-22) din nordul Mării Negre, similar celui al dălților cu toc de înmănușare longitudinal (Ușurelu 2010, 19), pot fi constatate similitudini morfologice și ornamentale cu alte variații de topoare-celt din această regiune (Bočkarev, Leskov 1980, Taf. 6,47a.48a.50; Никитин, Черняков 1981, рис. 1-2.1-4; 4,5; Dergačev 2002, Taf. 68,A413.A414).

De asemenea, trebuie subliniat faptul că spre deosebire de descoperirile similare din Siberia și din bazinul Volga de Mijloc, corpul cărora în majoritate este asimetric (fig. 1,1-39; 2,1-10.17-22.24; harta 1,1-29; 2,1-5.10), cele din zona nord-pontică au corpul simetric (fig. 2,12-16.25-35.38-41; harta 2,6-9.12-16.19-22).

Muchiile arcoidale și trapezoidale pe părțile late și orificiile sau imitațiile⁷ acestora la mai multe variații de topoare-celt din nordul Mării Negre și din spațiul carpato-dunărean ar trebui puse în legătură tot cu influențele est-europene. Confirma-

re în acest sens constituie depozitele de la Derbeden' (fig. 1,23; harta 1,18), din bazinul Volga de Mijloc și complexul de tipare de la Malye Kopani (Bočkarev/Leskov 1980, Taf. 4,39a), din nordul Mării Negre. Aceste complexe sunt anterioare cronologic depozitelor din zona nord-pontică și spațiul carpato-dunărean, ce includ topoare-celt cu muchii arcoidale și trapezoidale cu orificii sau imitațiile acestora pe părțile late.

Din cele constatate mai sus, se poate observa că, deși apariția topoarelor/dălților-celt cu urechiușă frontală în Siberia, bazinul mijlociu al Volgăi și zona nord-pontică este rezultatul aceleiași tradiții – estice, apariția și evoluția acestei categorii funcționale în acest spațiu manifestă și particularități regionale.

În ceea ce privește dezvoltarea dălților-celt cu urechiușă frontală, în cazul bazinului Volga de Mijloc, derivatele dălților-celt cu urechiușă frontală abordate mai sus au secțiunea corpului ovală (Тихонов 1960, 48,50, табл. X,10.12; XXV,21a.b), iar cele din Siberia dreptunghiulară (Грязнов 1941, 260,262, табл. I.VII-VIII).

Bibliografie

- Bočkarev, Leskov 1980:** V.S. Bočkarev, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XX, 1 (München 1980).
- Chernykh 1992:** E.N. Chernykh, Ancient metallurgy in the USSR (Cambridge 1992).
- Dergačev 2002:** V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
- Dergačev, Bočkarev 2006:** V. Dergačev, V. Bočkarev, Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est. Bibliotheca Archaeologica Moldaviae V (Iași 2006).
- Gerškovič 1999:** J.P. Gerškovič, Studien zur Spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. Archäologie in Eurasien, Band 7, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung (Rahden/Westf. 1999).
- Leskov 1981:** A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I. PBF XX, 5 (München 1981).
- Sava 2002:** E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. (Hrsg. B. Hänsel). PAS. Band 19 (Kiel 2002).
- Simion 2003:** G. Simion, Culturi antice în zona gurilor Dunării. Vol. I, Biblioteca Istro-Pontica, Seria Arheologie 5 (Cluj-Napoca 2003).
- Tallgren 1916:** A.M. Tallgren, Collection Zaussaïlov au musée historique de Finlande a Helsingfors. I, Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze (Helsingfors 1916).
- Tallgren 1926:** A.M. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, (Helsinki 1926).
- Ușurelu 2010:** E. Ușurelu, Apariția și evoluția dălților cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. RA 1, 2, 2010, 5-23.
- Аптекарев, Козенкова 1986:** А.З. Аптекарев, В.И. Козенкова, Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край). СА 3, 1986, 121-138.
- Бочкарев 1994:** В.С. Бочкарев, Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы). В сб.: Культурные трансляции и исторический процесс (Санкт-Петербург 1994), 66-75.

⁷ Orificiile și în special imitațiile acestora pe părțile late sunt caracteristice dălților-celt din Siberia (Тихонов 1960, 50; Грязнов 1941, 250).

- Бочкарев 2002:** В.С. Бочкарев, Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы. В сб.: Степи Евразии в древности и средневековье (Санкт-Петербург 2002), 115-118.
- Бочкарев 2004:** В.С. Бочкарев, О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири. В сб.: Археолог: детектив и мыслитель (Санкт-Петербург 2004), 385-408.
- Бочкарев, Лесков 1978:** В.С. Бочкарев, А.М. Лесков, О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. В сб.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды, т. 221 (Куйбышев 1978), 23-26.
- Ванчугов 1990:** В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).
- Гришин 1971:** Ю.С. Гришин, Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. Археология СССР. САИ, вып. ВЗ-12 (Москва 1971).
- Грязнов 1941:** М.П. Грязнов, Древняя бронза минусинских степей. Труды отдела истории первобытной культуры. Т.1 (Ленинград 1941), 237-271.
- Грязнов 1956:** М.П. Грязнов, История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА СССР, 48 (Москва, Ленинград 1956).
- Дергачев 1975:** В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).
- Дергачев 1997:** В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтского региона (Кишинев 1997).
- Дергачев, Бочкарев 2002:** В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).
- Збруева 1952:** А.В. Збруева, Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА СССР 30 (Москва 1952).
- История... 2000:** История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век (Самара 2000).
- Исмаилов, Обыденнов 1989:** Р.Б. Исмаилов, М.Ф. Обыденнов, Случайные находки металлических изделий эпохи бронзы на Южном Урале. Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи (Воронеж), 110-114.
- Киселев 1949:** С.В. Киселев, Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, 9 (Москва, Ленинград 1949).
- Клочко, Козыменко 2011:** В.И. Клочко, А.В. Козыменко, Наш недавний бронзовый век. (Киев 2011).
- Кузьминых 1981:** С.В. Кузьминых, Металлообработка срубных племен Закамья. В сб.: Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой (Казань 1981), 41-70.
- Лесков 1965:** А.М. Лесков, Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине. КСИА СССР 103, 1965, 63-66.
- Лесков 1967:** А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы Юга европейской части СССР. (Киев 1967), 143-178.
- Максимов 1962:** Е.К. Максимов, Материалы из Хвалынского музея. СА 3, 1962, 282-288.
- Мерперт 1962:** Н.Я. Мерперт, Срубная культура Южной Чувашии. МИА СССР 111 (Москва 1962).
- Никитин, Черняков 1981:** В.И. Никитин, И.Т. Черняков, Курлозовский клад эпохи поздней бронзы. СА, 2, 1981, 151-160.
- Отрощенко 1986:** В.В. Отрощенко, Белозерская культура. В кн.: Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 117-152.
- Поляков, Святко 2009:** А.В. Поляков, С.В. Святко, Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита-начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные. В сб.: Теория и практика археологических исследований, вып. 5 (Барнаул 2009), 20-47.
- Сальников 1965:** К.В. Сальников, Кельты Зауралья и Южного Урала. МИА СССР 130 (Москва 1965), 160-164.
- Тихонов 1960:** Б.Г. Тихонов, Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА СССР 90 (Москва 1960), 5-115.
- Тереножкин 1961:** А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Халиков 1968:** А.Х. Халиков, Приказанская культура. СА 2, 1968, 23-40.
- Халиков 1980:** А.Х. Халиков, Приказанская культура. САИ, вып. В1-24, (Москва 1980).
- Черников 1960:** С.С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА СССР 88 (Москва-Ленинград 1960).
- Черных 1970:** Е.Н. Черных, Древнейшая металлургия Урала и Поволжья (Москва 1970).
- Черных 1976:** Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черняков 1967:** И.Т. Черняков, Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье. ЗОАО, II (35), 1967, 23-37.

NECROPOLA HALLSTATTIANĂ TÂRZIE DE LA GIURGIULEȘTI ÎN CONTEXTUL CULTURAL-ISTORIC DE LA DUNĂREA DE JOS¹

Oleg LEVIȚKI, Vasile HAHEU, Chișinău

Studiul are drept scop readucerea în discuție a materialelor deosebit de importante și originale ale necropolei hallstattiene târzii Giurgiulești–„Stâna lui Mocanu” de la gurile Prutului la vărsarea acestuia în Dunăre. În același timp, se încearcă de a urmări și evidenția procesele particulare și comune care s-au derulat în cazul unor obiective arheologice aparte, în vederea reconstituirii tabloului general de fenomene etno-culturale petrecute în contextul comunităților asemănătoare de la Dunărea de Jos. Se pune accentul pe o datare mai exactă a sitului de la Giurgiulești, precum și pe evidențierea legăturilor etno-culturale ale acestuia.

Позднегалльштаттский могильник у села Жюржюлешть в культурно-историческом контексте Нижнего Подунавья. Цель данной статьи – вновь обратить внимание на материалы чрезвычайно своеобразного и яркого позднегалльштаттского могильника Жюржюлешть–”Стына луй Мокану”, расположенного в устье реки Прут с выходом на Дунай. Предпринимается попытка, в контексте с другими подобными памятниками Нижнего Подунавья, проследить и выявить частные и общие процессы в развитии отдельных памятников с целью воссоздания общей картины этнокультурных феноменов, происходящих в регионе, с привлечением артефактов соседних территорий. Ставится акцент на более точной датировке памятника, равно как и на выявление этнокультурных связей.

Late Hallstatt necropolis from Giurgiulesti in the historical and cultural context of Lower Danube. The study aims to bring into discussion the findings from the late Hallstatt necropolis Giurgiulesti – ”Stana lui Mocanu” from the mouth of the river Prut. At the same time the research attempts to look at other similar sites and contexts in the Lower Danube in order to track and highlight particular processes and common features which took place in case of particular sites in order to reconstruct the general picture of ethno-cultural phenomena occurring in the region through the invocation artifacts from the surrounding areas. Emphasis is placed on dating the site Giurgiulesti more rigidly, highlighting its ethno-cultural ties.

Key words: Late Hallstatt, Lower Danube, necropolis, cultural area, cultural contacts, Thracian-getians, Scythians, migration, ethno-cultural links.

Obiectivul a fost descoperit și cercetat exhaustiv de către autorii publicației în procesul investigațiilor arheologice întreprinse în toamna anului 1997 în cadrul Șantierului arheologic Giurgiulești–„Stâna lui Mocanu”, cu ocazia construcției Terminalului Giurgiulești.

Punctul „Stâna lui Mocanu” este amplasat la periferia de SV a satului, la 100-150 m NNV de Vama Giurgiulești și la 50 m NE de stația de pompare a apei, situată la 20 m mai sus de podul peste r. Prut. Obiectivul ocupa un promontoriu format de două râpe adânci. Este orientat longitudinal de la NE spre SV și se înălța asupra văii r. Prut cu aproximativ 20 m (fig. 1). Către începutul săpăturilor, partea centrală a promontoriului era nivelată de buldozer pentru necesități gospodărești nemijlocit până la nivelul de identificare a complexelor arheologice. Neafectată de amenajările de teren

contemporane a rămas doar marginea lui de NNV. În același timp, în cursul investigațiilor, s-a stabilit că întreaga suprafață a promontoriului a fost afectată de construcțiile defensive și de gropile de explozii din timpul celui de-al doilea război mondial, care au deteriorat nu numai stratul de cultură, dar și majoritatea complexelor arheologice. Din punct de vedere cultural-cronologic, situl arheologic „Stâna lui Mocanu”, prezintă următoarea succesiune de orizonturi: a) necropolă din perioada hallstattiană târzie; b) așezare din perioada romană târzie, cultura Sântana de Mure–Cernjachov (Levițki ș.a. 2005, 312-350); c) necropolă din perioada medievală timpurie (Левицкий, Хахей, Рябцева 2000, 90-96).

Vestigiile hallstattiene târzii au fost descoperite în partea de NV a promontoriului, în sectorul mai puțin afectat de amenajările de teren contempo-

¹ Pentru o variantă de publicare prealabilă a necropolei hallstattiene de la Giurgiulești a se vedea: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 121-134.

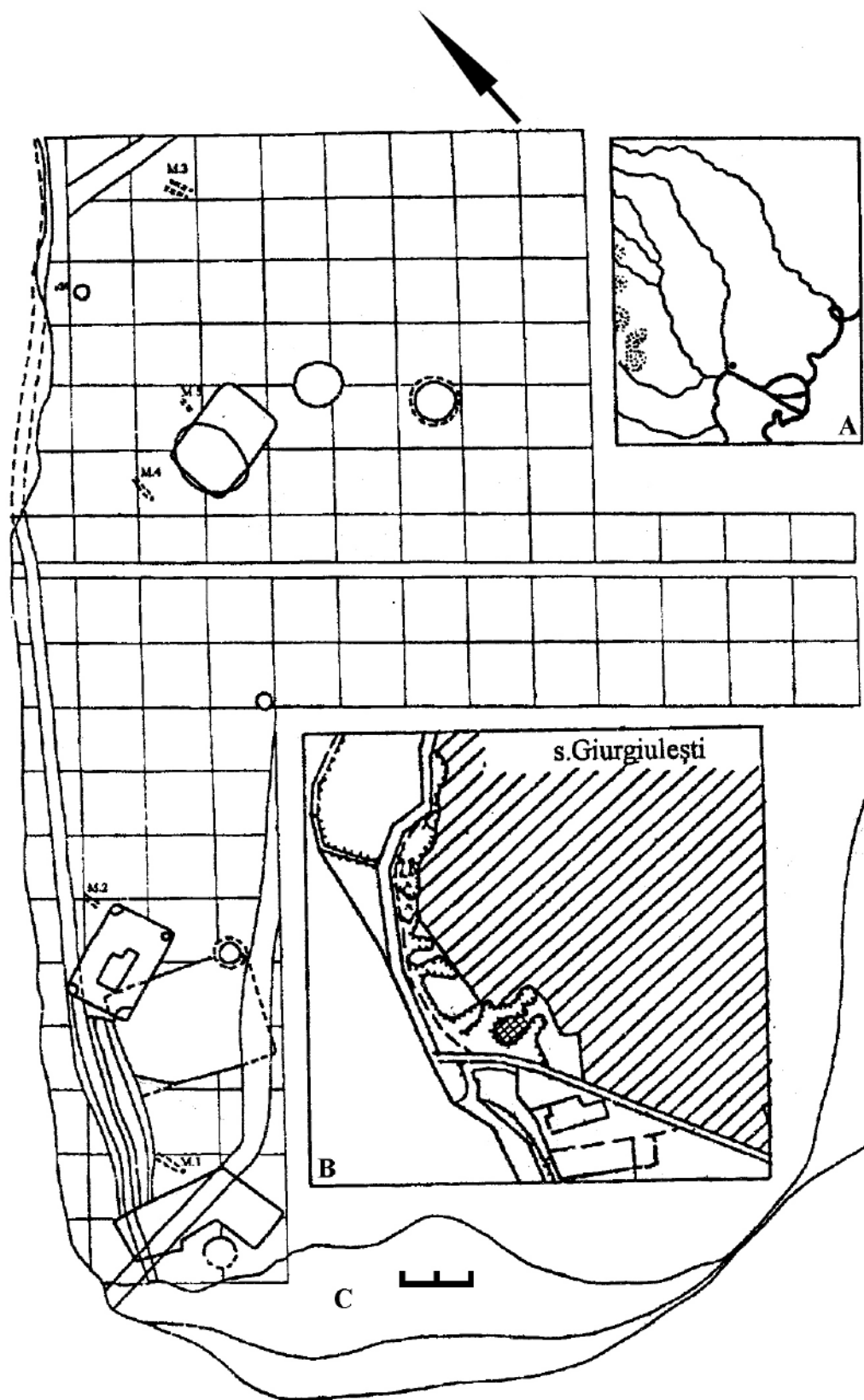

Fig. 1. A – Poziția geografică a satului Giurgiulești; B – Amplasarea topografică a obiectivului „Stâna lui Mocanu”; C – Planul general al săpăturilor.

rane, fapt ce nu înseamnă că necropola n-a fost afectată de așezările ce s-au suprapus. În procesul explorării stratului de cultură de pe întreaga zonă accesibilă cercetării, au fost depistate și alte vestigii: fragmente de ceramică de factură hallstattiană târzie, care în dependență de faptul că pe suprafața sitului lipsesc complexe de habitat ce ar corespunde aceluiași nivel cultural-cronologic, pot fi considerate că provin din unele complexe funerare răvășite.

În perimetrul suprafeței investigate au fost descoperite 5 morminte de înhumatie, starea lor de conservare fiind diferită.

Mormântul 1. A fost descoperit la adâncimea de 0,4 m de la nivelul actual de călcare (în continuare – NAC). Scheletul unui matur se găsea în poziție decubit dorsal, cu craniul orientat spre SSE (161°). Brațul drept este îndoit și adus cu palma spre mandibulă, cel stâng, de asemenea îndoit din cot, are palma situată în regiunea bazinului. Picioarele sunt paralele unul față de altul, labela fiind retezată de o construcție ulterioară, la fel și oasele bazinului (fig. 2,1).

La distanța de 0,2 m ESE de partea facială a craniului se afla o placă de piatră de gresie (1). La capătul de nord al acesteia se găsea un fragment de inel de buclă. Al doilea exemplar, întreg, se afla între mandibulă și humerusul stâng (2). În fața mandibulei, puțin mai sus de humerusul drept se afla o fibulă (3). În spațiul cuprins între oasele femurale, puțin mai sus de genunchi s-au descoperit cinci dispozitive cu trei aripioare în formă de elice (4). Lângă brațul mâinii drepte era un fragment de spirală din sârmă de bronz (5). În jurul craniului s-au colectat mai multe mărgelă măruntă din pastă caolinoasă (6), în partea superioară a scheletului, îndeosebi în zona brațelor, erau mărgelă din pastă vitroasă de dimensiuni mai mari de forme și culoare diferită (7), iar în partea mijlocie a toracelui – cochilii de scoică *kauri* (8). La 0,05 m spre SV de craniu s-a mai găsit o mărgică fragmentară de bronz (9), iar lângă brațul drept – o mărgică de lut ars (10). În regiunea genunchilor se afla un bulgăraș de mineral de culoare roșie deschisă (11).

Inventarul, așa cum am arătat mai sus, se compune din:

1. Placă de gresie de culoare cenușie deschisă. Are formă trapezoidală neregulată cu lungimea maximă de circa 14 cm și lățimea de 9 cm. Grosimea este de aproximativ 3,5 cm (fig. 3,15).

2. Două inele de buclă. Aparțin tipului la care unul dintre capete se termină cu un buton conic, iar celălalt este simplu. Sunt confecționate din sârmă de bronz cu diametrul de 0,3 cm. Diametrul inelelor este de circa 2,6 cm (fig. 2,3,4).

3. Fibulă de bronz. Corpul este în formă de arc, cu secțiunea ovală, având o grosime mai mare la mijloc și subțindu-se treptat spre extremități. Resortul este unispiralic. Placa portagrafei este în formă de „scut beotic”, cu cele două goluri de la mijloc bine pronunțate. Pe suprafața exterioară a plăcii se găsește o nervură verticală, ornamentată cu incizii paralel-oriizontale (fig. 2,2).

4. Cinci dispozitive de bronz cu trei aripioare în formă de elice. Locul, unde aripioarele se unesc, este prevăzut cu un orificiu mic. Tipologic aceste piese sunt similare, deosebindu-se doar după configurația și dimensiunile aripioarelor, precum și după unghiurile de plasare a acestora una față de alta (fig. 2,13-17).

5. Spirală de bronz fragmentară. Este lucrată din sârmă cu secțiunea dreptunghiulară. Diametrul fragmentului păstrat este de 1,2 cm și conține 2,5 spire (fig. 2,10).

6. Mărgelușe din pastă caolinoasă. Au fost colectate 135 de exemplare întregi și mai multe în stare fragmentară, (fig. 3,9).

7. Mărgelă din pastă vitroasă. Dintre acestea 13 exemplare sunt întregi, restul în stare fragmentară. După formă se deosebesc piese cilindrice, bitronconice și ovale. Unele dintre ele sunt prevăzute cu caneluri verticale, altele cu protuberanțe. Majoritatea sunt policrome, cu „ochi” și linii încrustate de culoare albă sau gălbuie, pe fond cafeniu-brun, cenușiu-deschis sau negru, restul sunt monocrome de culoare gălbuie sau brună (fig. 3,1-13).

8. Cochilii *kauri* (*cypraea moneta*). Au fost depistate 6 exemplare întregi și mai multe în stare fragmentară. În partea convexă acestea sunt prevăzute cu câte un orificiu pentru prindere (fig. 2,5-8.11-12).

9. Mărgică de bronz (fragmentară). Este confecționată dintr-o placă subțire, aparținând tipului de mărgelă de bronz sferoidale.

10. Mărgică de lut ars. În plan este de formă rotundă, iar în secțiune - cvasicilindrică. Este modelată dintr-o pastă fină, având suprafețele lustruite (fig. 2,9).

11. Bulgăraș de mineral de culoare roșie deschisă (ocru?).

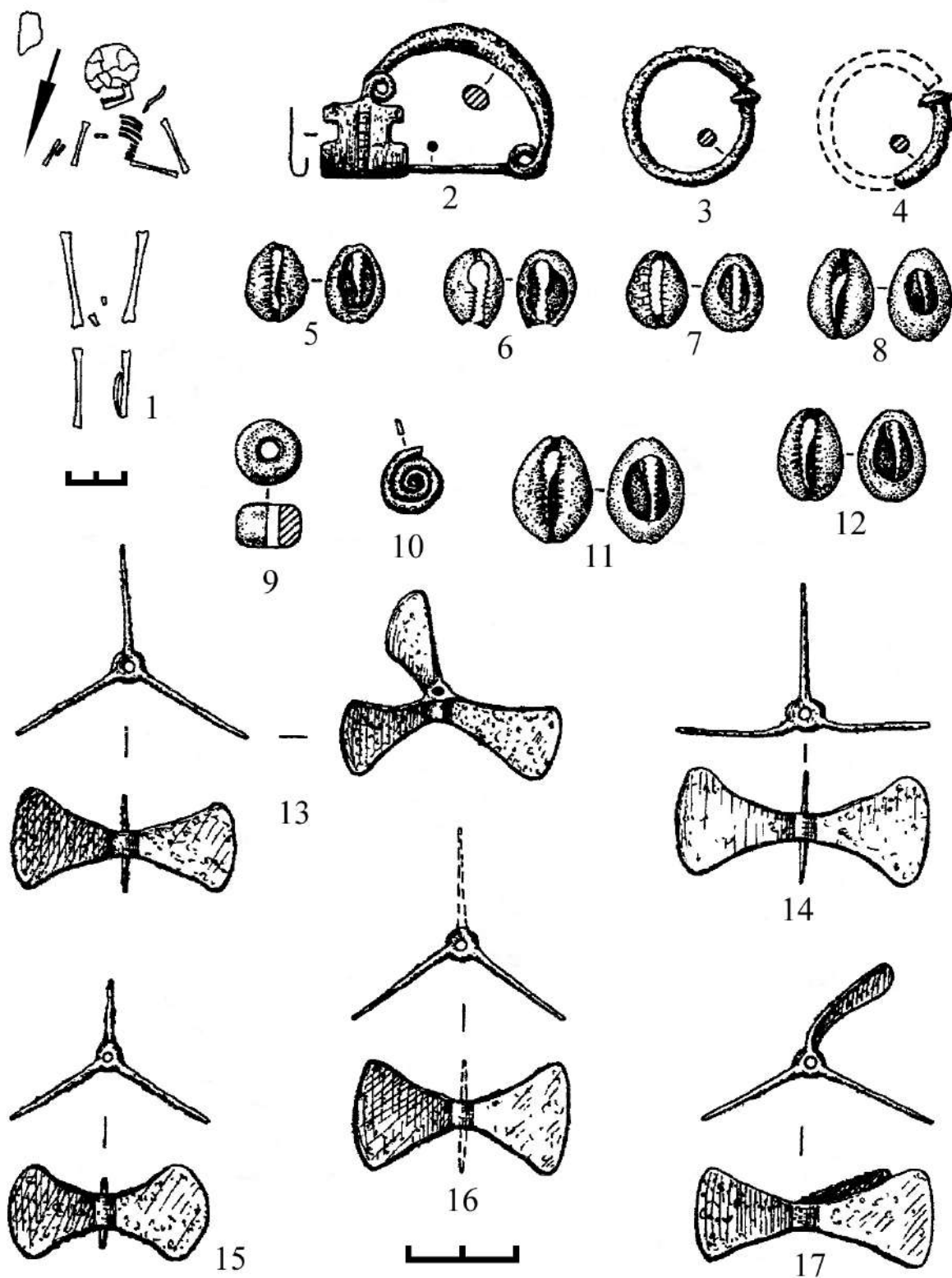

Fig. 2. Necropola Giurgiulești-„Stâna lui Mocanu”. 1, mormântul 1; 2-17, inventarul mormântului 1 (2, fibulă; 3-4, inele de buclă; 5-8, 11-12, cochilii *kauri*; 9, mărgică; 10, fragment de spirală; 13-17, dispozitive eliceforme cu trei aripioare. 2-4, 10, 13-17, bronz; 5-8, 11-12, scoică; 9, lut).

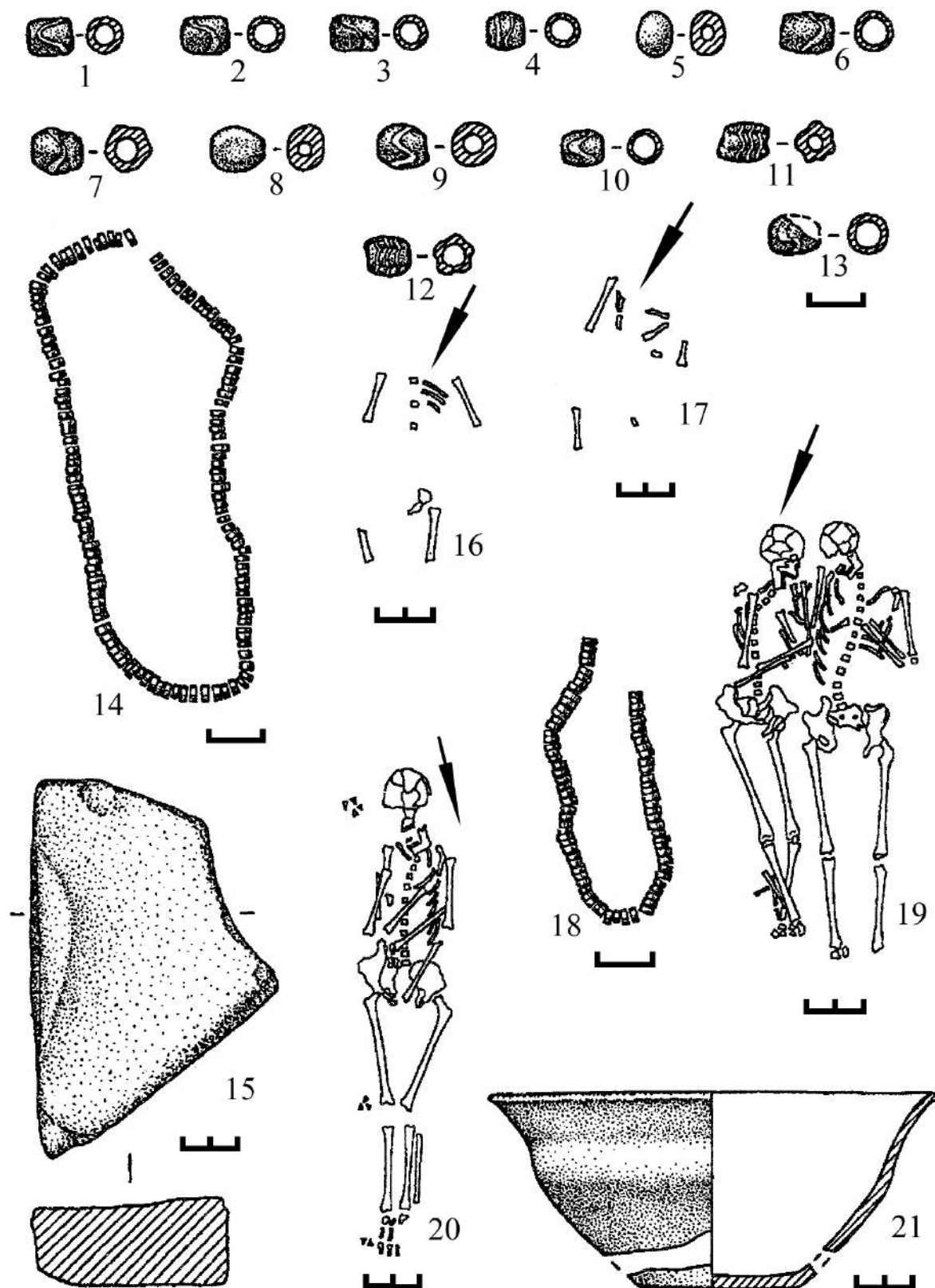

Fig. 3. Necropola Giurgiulești—„Stâna lui Mocanu”. 1-15, inventarul mormântului 1 (1-13, mărgelile din pastă vitroasă; 14, mărgelile din caolin; 15, placă de gresie); 16, mormântul 2; 17, mormântul 3; 18, mărgelile din caolin descoperite în mormântul 4; 19, mormântul 4; 20, mormântul 5; 21, vasul castron din mormântul 5.

Mormântul 2. A fost descoperit la adâncimea de 0,4 m de la NAC. Mormântul era în mare măsură deteriorat de intervențiile ulterioare, îndeosebi de locuința nr. 2 din perioada romană târzie. S-a constatat că scheletul unui matur se găsea în poziție întinsă pe spate, cu craniul orientat spre SE (155°) (fig. 3,16).

Mormântul 3. A fost descoperit la adâncimea de 0,6 m de la NAC. Mormântul este dublu. Scheletele a doi maturi se găseau în poziție decubit dorsal, cu craniile orientate spre SE (150°). Partea superioară a scheletelor, precum și craniile, sunt apropiate puțin unul față de altul, în așa fel încât părțile faciale ale craniilor se află una în fața celeilalte. Brațul stâng al scheletului din stânga și brațul drept al scheletului din dreapta sunt îndoite din coate și aduse cu palmele spre mandibule. Brațul drept al scheletului din stânga și brațul stâng al scheletului din dreapta sunt îndoite din coate, cu palmele aduse în regiunea cutiei toracice. Gambele picioarelor scheletului din stânga sunt suprapuse. Picioarele scheletului din dreapta sunt paralele (fig. 3,19).

În jurul craniilor ambelor schelete s-au descoperit mai multe mărgelile mărunte din pastă caolinoasă (1) și fragmente mici de mărgelile din bronz (2).

Inventarul constă din:

1. Mărgelile de dimensiuni mici din pastă caolinoasă. Au fost colectate 73 de exemplare întregi și altele în stare fragmentară (fig. 3,18).

2. Mărgelile de bronz. Au fost găsite 8 fragmente de foiță subțire, configurația cărora permite să presupunem că mărgelile de la care provin erau de formă sferoidală.

Mormântul 4. A fost depistat la adâncimea de 0,55 m de la NAC. Scheletul unui matur se găsea în poziție decubit dorsal, cu craniul orientat spre SSV (195°). Brațele sunt îndoite din coate, cel drept are palma în regiunea cutiei toracice, iar cel stâng – pe oasele bazinului. Picioarele sunt întinse paralel (fig. 3,20).

La circa 0,1 m spre est de partea facială a craniului se găsea o aglomerație nu prea mare de fragmente de ceramică. Fragmente de ceramică de aceeași factură au mai fost găsite la est de genunchi și de laba piciorului drept. Fragmentele de ceramică depistate în mormânt provin de la unul și același vas.

Inventarul, astfel, constă din:

1. Vas în formă de castron înalt, larg deschis, cu marginea lată răsfântă în afară. Are umărul arcuit și fundul plat. Este modelat dintr-o pastă cu șamotă de granulație mică, cu suprafețele lustruite, având în exterior culoare maronie cu pete cenușii, iar în interior - neagră. Diametrul buzei este de 34 cm, înălțimea de circa 15 cm și diametrul fundului de 12 cm (fig. 3,21).

Mormântul 5. A fost identificat la adâncimea de 0,47 m de la NAC. Mormântul era în mare măsură deteriorat de locuința nr. 8 din perioada romană târzie, precum și de o groapă produsă de explozie. Oasele scheletului ce s-au păstrat permit să presupunem că defunctul a fost depus pe spate, în poziție întinsă, cu craniul orientat spre SE (140°) (fig. 3,17).

Ceramica din morminte distruse. Această categorie de materiale a fost descoperită exclusiv în stratul de cultură. Considerarea lor ca fragmente de la vase depuse în calitate de ofrandă în morminte, în afară de faptul că în suprafața investigată lipsesc complexe de habitat ale epocii respective, se mai bazează și pe aceea că în diverse sectoare ale sitului au fost găsite oase umane fragmentare, iar fragmentele ceramice însele sunt de dimensiuni relativ mari, din punct de vedere tehnologic, aparținând preponderent categoriei de ceramică fină, mai frecvent utilizată în calitate de inventar funerar.

În total au fost colectate 60 de fragmente ceramice, dintre care 2/3 se atribuie categoriei de ceramică fină. Este necesar de menționat că evidențierea în cadrul întregului lot de ceramică a celei de uz comun este în mare măsură convențională, dat fiind faptul că deosebirea acestor fragmente de cele atribuite categoriei fine constă doar în faptul că suprafețele lor sunt oarecum mai puțin îngrijit prelucrate și că, în general, provin de la tipuri de vase tradițional atribuite ceramicii de uz comun. Compoziția pastei din care sunt modelate este aceeași (folosirea în calitate de degresant a șamotei). În dependență de condițiile de ardere, ceramica fină este bicromă (exteriorul – întunecat, iar interiorul de culori deschise, sau invers) și monocromă - maronie deschisă, mai rar cenușie cu suprafețele lustruite până la luciu. Ceramica de uz comun, în general, este de culoare maronie cu diferite nuanțe, având suprafețele îngrijit netezite. Printre tipurile morfologice se identifică: castroane înal-

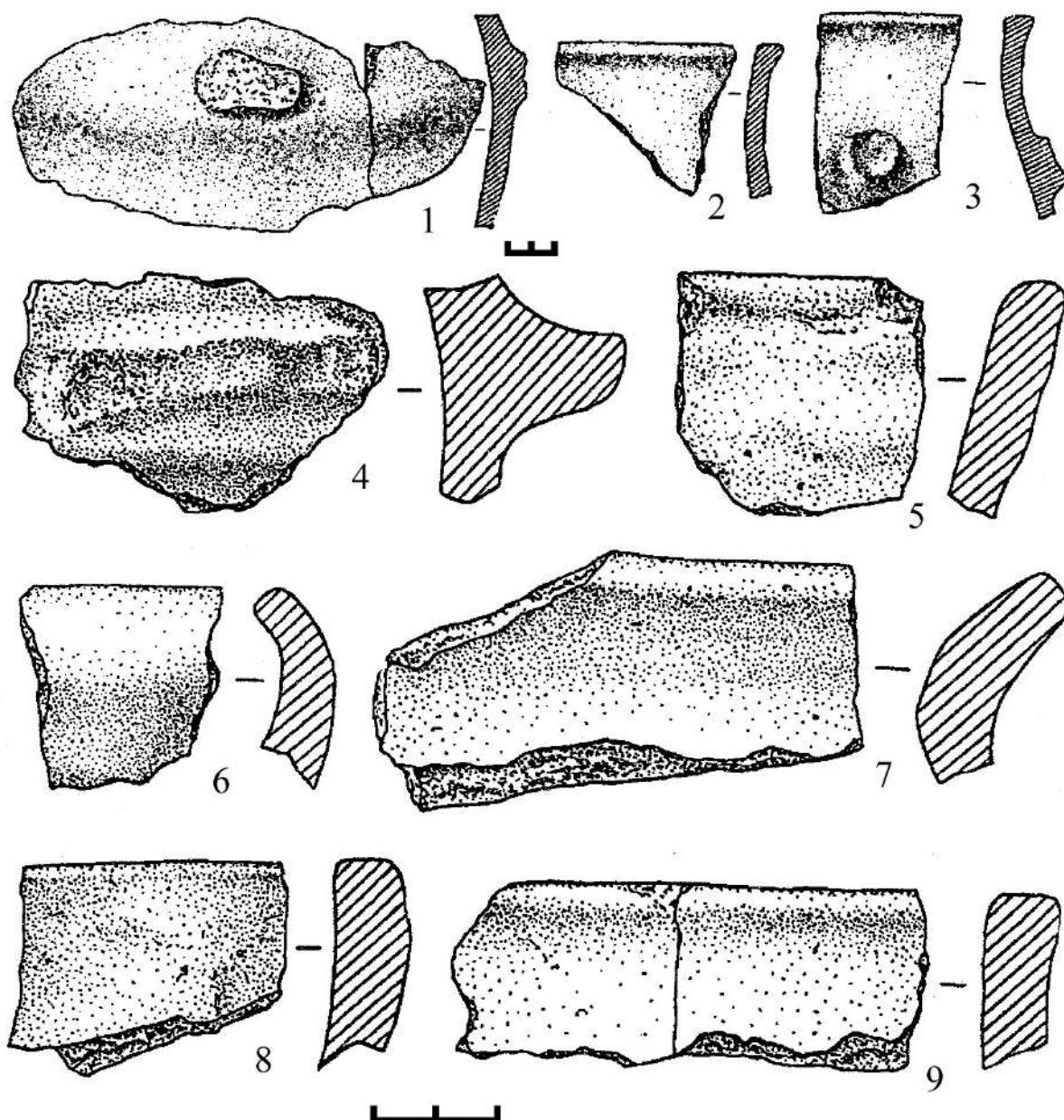

Fig. 4. Necropola Giurgiulești–„Stâna lui Mocanu”. 1-9, ceramică hallstattiană din stratul de cultură.

te, larg deschise, cu marginea răsfrântă în exterior (fig. 4,7); străchini tronconice larg deschise cu marginea trasă în interior (fig. 4,6) sau verticală, tăiată orizontal (fig. 4,8), unele având mânere-suporturi (fig. 4,1); vase cu corpul bombat prevăzute pe partea proeminentă a corpului cu mânere plate (fig. 4,4); vase mari bitronconice (?) cu gâtul înalt, buza ușor răsfrântă, marginea căreia este îngroșată din exterior și tăiată orizontal, ornamentate la baza gâtului cu butoane (fig. 4,2,3); vase de tip borcan (fig. 4,5,9).

Necropola Giurgiulești–„Stâna lui Mocanu” ca tip de monument funerar se atribuie celor plane. Tipul construcțiilor sepulcrale n-au fost stabilite nici pentru unul dintre morminte. Unicul rit funerar practicat este inhumăția. Toate mormintele sunt în poziție decubit dorsal cu craniul orientat spre sud, fiind atestate unele devieri spre est (M. 1-3, 5) și respectiv spre vest (M. 4).

Adâncimea la care au fost surprinse scheletele, de la NAC, variază de la 0,4 până la 0,6 m. Gradul de conservare a scheletelor este diferit: M.

1, 3, 4 s-au păstrat relativ bine, iar M. 2 și 5 sunt puternic deteriorate de intervențiile ulterioare. Patru morminte (nr. 1, 2, 4, 5) sunt singulare, unul (M. 3) este dublu. Toate mormintele aparțin unor indivizi maturi. Referitor la poziția mâinilor, menționăm următoarele situații: în cazul mormintelor singulare nr. 1 și 4, brațul drept este îndoit din cot cu palma în regiunea cutiei toracice, cel stâng, de asemenea îndoit, are palma pe oasele bazinului; în mormântul dublu (nr. 3) – brațul stâng al scheletului din stânga și brațul drept al scheletului din dreapta sunt îndoite și aduse cu palmele spre mandibulă; brațul drept al scheletului din stânga și brațul stâng al scheletului din dreapta sunt îndoite cu palmele în regiunea cutiei toracice. Picioarele, cu excepția scheletului din stânga din M. 3, la care gambele sunt suprapuse, sunt paralele. Poziția membrelor defuncțiilor din M. 2 și 5 nu poate fi stabilită. Inventar funerar a fost descoperit în toate cele trei morminte relativ bine păstrate. Acesta constă cu preponderență din piese de podoabă și vestimentare (M. 1 și 3), iar într-un caz din ceramică (M. 4).

Având în vedere cele expuse mai sus, rezultă că mormintele cercetate constituie o necropolă unitară. Inventarul depistat indică asupra încadrării acesteia în prima epocă a fierului, cu preponderență – la sfârșitul primei jumătăți a mileniului I a.Chr. În continuare, în baza unei analize comparative a tuturor caracteristicilor ritului funerar și ale inventarului mortuar, vom încerca să concretizăm poziția cultural-cronologică a acestei necropole.

Situația cultural-istorică către mijlocul mileniului I a.Chr. din bazinul Dunării de Jos, zonă în care este amplasată și necropola examinată de la Giurgiulești, în prezent este relativ bine cunoscută. În general, similar altor regiuni ale spațiului carpato-balcanic, în această perioadă își încheie evoluția cultura Basarabi (pentru Dobrogea și Câmpia Bărăganului – etapa Babadag III), caracteristică pentru perioada hallstattiană târzie. În stepele nord-pontice, în această perioadă cultura cimeriană este substituită de cea a sciților timpurii. În același timp, în zona lacurilor dunărene și a Codrilor Tigheciului continuă să funcționeze așezările Novosel'skoe (Satu Nou) II (Бруяко, Новицкий 1997, 124), Orlovka (Cartal) (Головко, Бондарь, Загинайло 1965, 68-80; Бруяко, Кожокару 1990, 132-142) și Cociulia (Агульников 1996, 175-179), ceva mai recent fiind descoperită și așezarea

de la Buzduganii de Jos (Tentiuc, Levinschi 2010, 611-623), întemeiate încă în perioada hallstattiană mijlocie (cultura Basarabi) sau chiar timpurie (faza II a culturii Babadag) în cazul celei de la Novosel'skoe.

Perioada post-Basarabi în spațiul Carpato-Dunărean în general este reprezentată de o suită de grupuri culturale, limitate teritorial, la care, după cum menționa A. Vulpe în anul 1970, se întrezărește încă o unitate a culturii materiale (Vulpe 1970, 189). În același timp, din punctul de vedere al ritului funerar, aspect ce ne preocupă îndeosebi în contextul prezentării necropolei de la Giurgiulești, fiecareia dintre ele le sunt proprii anumite caracteristici specifice (vezi: Vulpe 1970, 182-204; Мелюкова 1979, 89-120; Simion 1992, 18-47; Levițki 1998, 28-59 ș.a.). În opinia L. Buzoianu, începutul ultimei mari perioade hallstattiene, care coincide cu sfârșitul culturii Basarabi și cu apariția culturilor noi de tipul Bârsești și mai ales Ferigile comportă tratări diferențiate. Și aceasta din cauza unor puternice influențe din exterior (elene, scitice etc.), respectiv începutul unei diferențieri a masivului tracic propriu-zis: ramura de nord și cea de sud (Buzoianu 2001, 55).

Necropola de la Giurgiulești ca tip de monument funerar – necropolă plană – în contextul obiectivelor funerare de la Dunărea de Jos își găsește similitudini depline în obiectivele de la Isaccea (Vasilu, Topoleanu 1989, 276-277; Simion 2003, 113-128), Trestiana (Popușoi 1969, 87-92; Eadem, 1980, 130-132, fig. 3,1; 8,1; 19,5), Cimbala (Căpitanu 1968, 69-72), Novosel'skoe II (Бруяко, Новицкий 1997, 117.130-131), parțiale – în necropola mixtă (tumular-plană) birituală de la Ciucurova (Simion, 1995, 151-170) și Celic-Dere (Idem 1996, 753-764; Idem 2000, 69-82). După unele piese de inventar (fibula cu scut beotic, dispozitivele eliceforme cu trei aripioare), situl se aseamănă cu cel de la Piatra Frecăței, deși ultimul este de incinerare (Simion 1976, 144, fig. 1). Examinarea complexului de la Giurgiulești prin prisma modului de amenajare a locului înmormântării demonstrează asemănarea acestuia cu cele de la Trestiana, Cimbala și Isaccea, unde de asemenea n-au fost identificate forma gropilor sau a construcțiilor funerare. La Novosel'skoe defunctul din mormântul 3 a fost depus într-o groapă rectangulară cu colțurile rotunjite, adâncimea căreia de la suprafața actuală era de doar 0,3 m,

pe când la Ciucurova – în ciste de piatră. Astfel, ținând cont de adâncimea mică a gropii M.3 de la Novosel'skoe și de faptul că adâncimea mormintelor de la Giurgiulești, Trestiana, Cimbala și Isaccea este similară și în linii mari puțin diferă de cea atestată la Novosel'skoe, putem presupune că și aici înmormântările au fost efectuate în gropi simple, neadâncite în lutul viu.

Ritul funerar, inhumarea în poziție decubit dorsal cu craniul orientat spre sud, atestat la Giurgiulești, cu excepția cazului de la Cimbala, unde scheletul era orientat cu craniul spre NV, precum și cel de la Isaccea, unde patru morminte erau orientate spre N, este pe deplin analog celui practicat atât în obiectivele funerare invocate mai sus, cât și la altele din epoca respectivă dintr-un spațiu mult mai vast, dar într-un context care după tipul de monument funerar, construcții sepulcrale și inventar este net deosebit celui de la Giurgiulești. În așa mod, analiza comparativă a complexului de la Giurgiulești conform parametrilor enunțați demonstrează corespunderea acestuia obiectivelor de la Trestiana, Novosel'skoe, Isaccea, precum și prezintă mai multe asemănări cu complexe funerare de la Ciucurova și Celic-Dere, atribuite orizontului hallstattian târziu. De fapt, atribuirea complexului de la Cimbala la „Grupul Trestiana” (Бруяко 2005, 175) nu ne pare destul de sigură. Orientarea NV a scheletului, precum și inventarul descoperit, cu același succes permite ca acesta să fie atribuit grupului Ciumbrud, fapt deja consemnat în literatură (Vulpe 1970, 201-202). De fapt, însuși I. Brujako nu exclude cumularea „Grupului Trestiana” și Ciumbrud într-unul singur, cu toate că între ele este o distanță prea mare (Бруяко 2005, 175, nota 34). În opinia noastră, nu este vorba doar de distanțe spațiale. Compararea complexului Ciumbrud cu Trestiana indică faptul că purtătorii primului erau în principal războinici, pe când în nici un sit din cel de-al doilea grup nu s-au descoperit arme, cu excepția unui vârf de sulită și o sabie(?) găsite la Isaccea, descoperiri care nu demonstrează obligatoriu prezența efectivă a războinicilor (Simion 2003, 117). Pentru zona Moldovei Centrale mai sunt cunoscute două morminte: Po creaca-Iași (Iconomu 2006, 57-65) și Mileștii de Sus, jud. Bacău (Mitrea 1983, 59-66), care conform tuturor artefactelor (rit funerar, inventar mortuar, inclusiv arme) pot fi pe deplin atribuite celor care ceva mai târziu constituie grupul Ciumbrud.

În calitate de ipoteză poate fi presupunerea despre desprinderea unui anumit grup de populație din masivul care prin Moldova Centrală se îndrepta meridional spre pământurile Transilvaniei prin Pasul Prisăcani și ulterior Valea Mureșului. Calea acestui grup care s-ar fi îndreptat spre sud încă din zona premontană poate fi urmărită (în prezent doar prin linie punctată) prin vestigiile descoperite pe itinerarul Cimbala-Trestiana-Giurgiulești-Isaccea. În continuare, artefacte asemănătoare, dar cu unele modificări, se constată la Ciucurova și Celic-Dere. Este o supoziție prealabilă, care necesită abordări serioase suplimentare, dar care, credem, merită atenție.

Perioada concretă de funcționare a necropolei este în dependență directă de posibilitățile de diagnosticare ale pieselor de inventar depistate în mormintele nr. 1, 3, 4. Dat fiind faptul că inventarul din M. 3, măgelele din pastă caolinoasă și cele din foiță de bronz sunt identice celor descoperite în M. 1, iar în M. 4 a fost găsit numai un vas ceramic, datarea necropolei de la Giurgiulești se bazează, în primul rând, pe obiectele ce alcătuiesc inventarul M. 1: fibulă, inelele de buclă și dispozitivele eliceforme cu trei aripioare.

Fibula de bronz se încadrează în categoria celor cu „scut beotic” de tipul Glasinac II. Se caracterizează prin placa piciorului lată, aproape pătrată, cu cele două goluri de la mijloc foarte pronunțate, prevăzută cu o nervură mediană verticală decorată cu incizii orizontale și arc cu două resorturi. Din punct de vedere tipologic, cea mai apropiată analogie pentru fibula de la Giurgiulești o constituie piesa din mormântul 1, tumulul 97 al necropolei de la Ferigile (Vulpe 1967, 69.164, pI. XXIII, 9). Fibule de același tip, dar cu anumite particularități stilistice ale plăcii de picior (decor „en repousse”) precum și morfologice ale arcului (prezența umflăturilor lângă cele două resorturi) mai sunt cunoscute în tumulul 46 din aceeași necropolă de la Ferigile. În acest sit fibulele cu scut beotic s-au găsit în mormintele 1 a, b și 2 a, reprezentate uniform pe întinsul necropolei (Ibidem, 69.135, fig. 30,3, pI. XXIII,8), în movila XXXV și XLVII din necropola de la Gogoșu (Berciu, Comșa 1956, 433, fig. 152; 441, fig. 163/1) și în mormântul de la Trestiana (Popușoi 1969, 87-89, fig. 3). Este de menționat că într-un studiu ulterior, autorul săpăturii de la Trestiana mai invocă două morminte de epocă dintre care unul (nr. 26), de asemenea

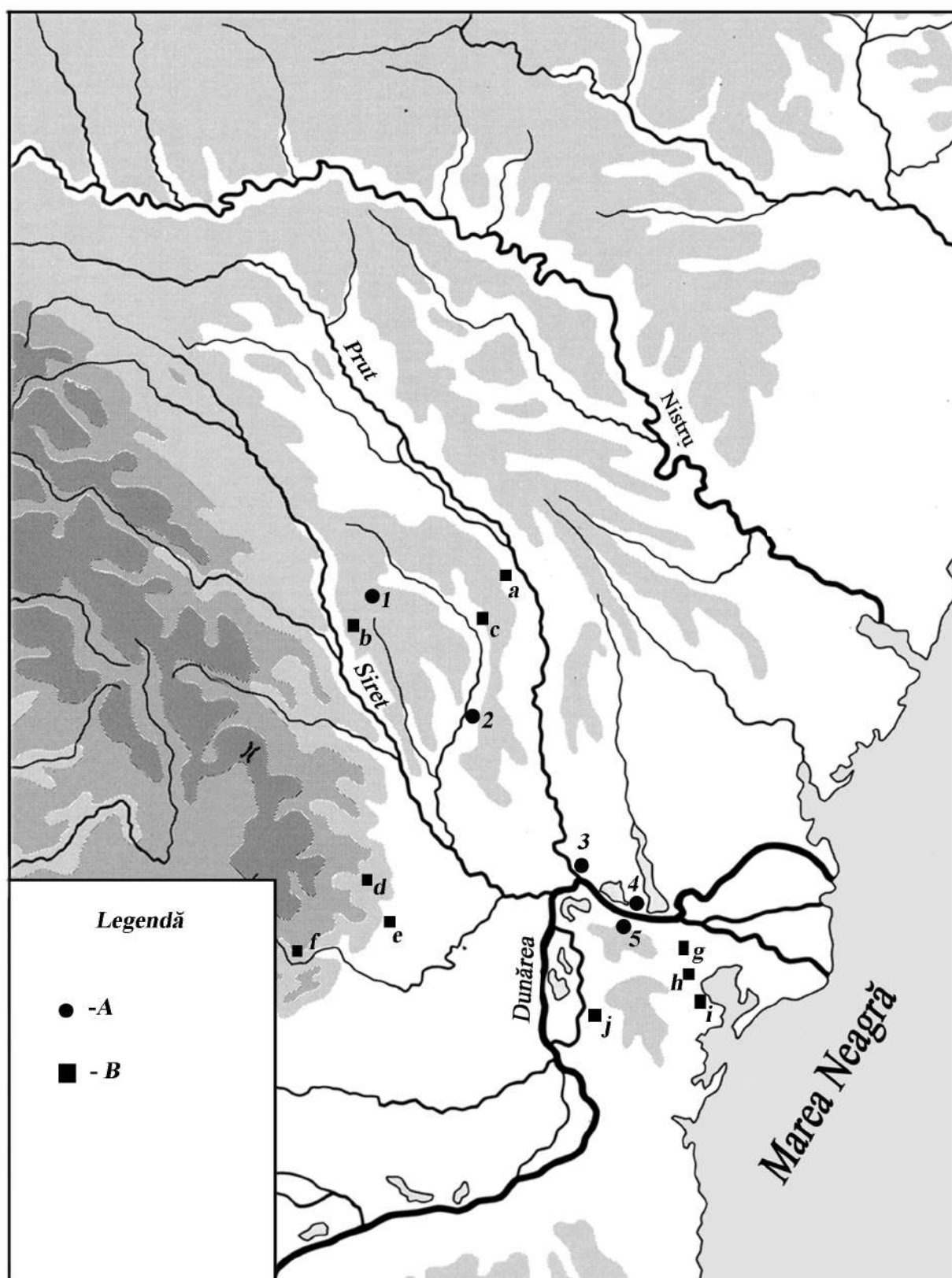

Fig. 5. A – Cercul de monumente din „Grupul Trestiana” (1 – Cimbala; 2 – Trestiana; 3 – Giurgiulești; 4 – Novisel’skoe, M.3; 5 – Isaccea). B – Monumente ce conțin artefacte ale „Grupului Trestiana” (selectiv) (a – Huși; b – Mileștii de Sus; c – Vaslui; d – Bârsești; e – Ferigile; f – Balta Verde; g – Celic-Dere; h – Ciucurova; i – Enisala, mormintele de înhumăție; j – Piatra Frecăței).

avea în zona toracicului o fibulă cu „scut beotic” (Popușoi 1980, 132), precum și un altul având ca inventar un vas cu toarte supraînălțate (Ibidem, fig. 19,5).

Într-un studiu ulterior A. Vulpe, revenind la cronologia necropolei de la Ferigile, include fibulele din tumulii 46 și 97 în tipul combinatoriu III (Vulpe 1979, 99, pl. IIIA), pe care îl plasează în ultimul sfert al sec. VII a.Chr. (Ibidem, 106,110). În același tip combinatoriu III sunt incluse și fibulele cu scut beotic de la Gogoșu (Ibidem, 106). Complexul de la Trestiana, inițial datat în sec. VI a.Chr. (Popușoi 1969, 91), în prezent este atribuit sec. VII a.Chr., fiind considerat mai timpuriu decât grupul de înhumatii din Moldova înrudite cu grupul Ciunbrud din Transilvania (László 1985, 17-18; Idem, 1989, 126-128).

Inelele de buclă de bronz se atribuie tipului, exemplarele căruia au un capăt în formă de buton conic iar celălalt este simplu. Corespondențele directe ale acestor piese se găsesc în mormântul III din tumulul 20 a necropolei de la Ferigile (Vulpe 1967, 73-74,122, pl. XXVI,3), încadrat în tipul combinatoriu I (Vulpe 1979, 97, pl. Ia), plasat în a doua jumătate a sec. VII a.Chr. (Ibidem, 110). Piese similare în această zonă sunt cunoscute și în necropola de la Gogoșu, unde în tumulul XXVIII ele apar în asociere cu o fibulă cu scut beotic (Berciu, Comșa 1956, 248, fig. 151,5), precum și la Canlia, mormântul 11, unde acestea sunt confecționate din argint (Boroffka, Trohani 2003, 158, fig. 8,5-6). În același timp se cere de menționat că inelele de buclă de tipul celor descoperite la Giurgiulești cea mai mare răspândire o au în obiectivele din perioada scitică timpurie din zona de silvostepă din dreapta Niprului, îndeosebi în cele atribuite grupului Podolian de Vest (Петренко 1978, 26, fig. 16,48-50), inclusiv și de pe teritoriul R. Moldova (Левицкий, Савва, Чобану 1992, fig. 6,9). Conform studiului lui V.G. Petrenko referitor la podoabele scitice din sec. VII-VI a.Chr. piesele de acest tip sunt încadrate în varianta I a tipului III, care cronologic este plasat în prima jumătate a sec. VI a.Chr. (Петренко 1978, 26). Originea acestor piese T. Sulimirski o concepea în mediul cultural Wysocka (Sulimirski 1936, 113), însă V.G. Petrenko consideră că inelele (cerceii) de acest tip mai degrabă sunt de proveniență nord-tracică, prototipurile cărora se găsesc în monumentele respective din Slovacia și Ungaria (Петренко 1978, 26).

Analizând această categorie de vestigii din grupul scitic din Transilvania (circa 70 de piese), V. Vasiliev este de părerea că acestea apar odată cu atestarea grupului respectiv de populație, precum și dispar odată cu acesta, mai menționând că ele sunt atestate doar sporadic sau lipsesc cu desăvârșire dincolo de această zonă (grupurile Basarabi, Balta Verde și Ferigile) (Vasiliev 1980, 98). Artefactele descoperite la Ferigile și Canlia, deși fac parte din categoria celor cu capătul în formă de buton, au celălalt capăt ascuțit și ambele oarecum trec unul după altul.

Dispozitivele de bronz cu trei aripioare, în formă de elice (eliceforme, tripalette), prevăzute cu un orificiu în locul lor de conexiune, reprezintă un tip de vestigii mai puțin frecvent în siturile arheologice investigate, atât în zona Dunării de Jos, cât și în regiunile limitrofe sau mai îndepărtate, fiind cunoscute ceva mai mult de 50 de exemplare. Actualmente prezența lor este atestată în Moldova: Cimbala (Căpitanu 1968, 71, fig. 1,4), Mileștii de Sus (Mitrea 1983, 118, fig. 3,1-2,4), Huși (*apud* Arnăut 2003, 241, fig. 39,B), Pocreaca (Iconomu 2006, 58-59), Saharna La Revechin (Levin-schi 2003, fig. 2,1); Dobrogea: Satu Nou (Mitrea, Preda, Anghelescu 1961, 286, fig. 4), Cernavoda (Berciu 1957, 290, fig. 11,4, 14,4-6), Piatra Frecăței (Simion 1976, 144-145, fig. 1) Enisala (Simion 1976, 151-155, fig. 7,3), Celic-Dere (Simion 1966, 753-764; Idem 2000, 69-82); în Muntenia: Stelnica-Grădiștea Mare (Conovici, Matei 2001, 138, fig. 36/1-2); în stepile nord-pontice: Nadlimanskoe (Дзис-Райко 1965, fig. 5); Transilvania: în aria grupului Ciunbrud (Vasiliev, 1980, p. 76, pl. 9/19). Dintre descoperirile cele mai estice sunt cele de la cetatea Trahtemir, regiunea Čerkask (Фіалко, Болтрик 2003, 59-61), precum și din mormântul secundar nr. 1 al tumulului 2 de la Ust' Kamenka, regiunea Dnepropetrovsk (Костенко, Мухопад 1990, 96-106). Cu excepția câtorva piese descoperite în mod fortuit din aria grupului Ciunbrud (Vasiliev, 1980, 76), a celei de la Nadlimanskoe, depistată într-o groapă menajeră (Дзис-Райко 1966, 174) și a celei de la fortificația Trahtemir, descoperită în stratul de cultură a șanțului adiacent valului de apărare la adâncimea de 2,5 m, mai multe dintre piesele enumerate provin din complexe funerare, încadrarea lor cronologică, în toate cazurile, fiind realizată în dependență de contextul descoperirilor. Dispozitivele de la Cimbala,

Piatra Frecăței, Satu Nou și de la Nadlimanskoe – în sec. V–IV a.Chr., iar cele de la Enisala – în sec. IV–III a.Chr. Limitele cronologice ale sitului de la Trahtemir se plasează în perioada din a doua jumătate a sec. VII – sfârșitul sec. VI a.Chr. (Фіалко, Болтрик 2003, 47.49). Mormântul de înhumare de la Pocreaca–Iași în care de asemenea s-au găsit trei capete de ace în formă de elice, cochiliile *kauri*, dar și alte piese-cronoindicatori (fibulă, vârf de săgeată, oglindă etc.) a fost datat în a doua jumătate a sec. VI a.Chr. sau ceva mai devreme (Iconomu 2006, 61), deși noi nu excludem datarea și mai timpurie a acestuia. M. Manov datează aceste piese în intervalul de timp de la sfârșitul sec. VII și pe întreg parcursul sec. VI a.Chr. (Манов 1998, 79-81). Astfel, diapazonul cronologic al acestor piese este relativ mare. Atragem aici atenția la faptul că dacă în aspect morfologic piesele în discuție sunt absolut identice, totuși ele diferă în ceea ce privește parametrii dimensionali: cele mai timpurii sunt mai masive, aripile având un profil piramidal, pe când cele mai târzii sunt de dimensiuni mult mai mici și mai subțiri, aripioarele având capetele rotunjite. În contextul lucrării de față, semnificativă este descoperirea unor asemenea dispozitive în asociere cu două fibule cu scut beotic în mormântul de la Piatra Frecăței (Simion 1976, 144, fig. 1). A. Vulpe consideră fibulele din acest complex ca aparținând tipului B1 de la Ferigile (Vulpe 1967, 93, nota 191). În necropola de la Ferigile acest tip de fibule cu scut beotic provine din tumulul 72 (Ibidem, 69, pl. XXIII,16), care ulterior a fost inclus în tipul combinatoriu I (Vulpe 1979, 97), încadrat în a doua jumătate a sec. VII a.Chr. (Ibidem, 110). În așa mod, apariția acestor dispozitive încă în a doua jumătate a sec. VII a.Chr. actualmente este acceptabilă. Destinația acestor piese este, până în prezent, incertă. V. Vasiliev le include în categoria armelor – săgeți cu *elice*, pentru care invocă cele două morminte de la Gâmbaș, unde piesele respective se găseau lângă femurul stâng, acolo unde se depuneau săgețile în mormintele scitice (Vasiliev 1980, 76), opinia fiind preluată și de către G. Simion (Simion 2000, 69-82). O ipoteză cu totul surprinzătoare pentru destinația acestui tip de vestigii, în baza celor provenite din nord-estul Bulgariei, a fost expusă de către M. Manov, care le interpretează în calitate de semne pre-monetare (Манов 1998, 79-81). Nici una din aceste supoziții nu și-au găsit aprobare și dezvoltare, majori-

tatea cercetătorilor desemnându-le drept piese de podoabă sau port (Berciu 1957, 292.313; Mitrea 1983, 61; Mitrea, Preda, Angheliescu 1961, 286-287; Ferenczi 1967, 37; Мелюкова 1979, 226; Фіалко, Болтрик 2003, 61), iar pentru unii specialiști destinația acestora rămâne incertă (Arnăut 2003, 226; Mândescu 2003, 7-14). În favoarea interpretării lor în calitate de piese de podoabă sau port sunt invocate exemplarele din incinerările de la Cernavoda (M. IV), unde pe lângă dispozitivul propriu-zis s-au găsit și „fragmente de tijă” ale acestora (Berciu 1957, 290, fig. 11.4.5), dar care s-au găsit totuși separat. Mult mai convingător este cazul celui de la Budureasca, ce prezintă „un ac de bronz întreg, cu dispozitivul tripaletat fixat la capătul său...” (Mândescu 2010, 336, pl. 319.4). Imaginea la care face trimitere autorul este de fapt o fotografie proprie, se pare că nu tocmai reușită, dar care totuși convinge. Mai puțin clare în contextul vestigiilor în discuție sunt trimiterile autorului la anumite studii (Teodorescu 2006, 386-388; Teodorescu ș.a. 1993, 365-387), în care nu am întâlnit informații la temă, în afară de constatarea existenței unor complexe Ferigile–Histria și Proto-Latène în situl nominalizat.

Limitele cronologice ale celorlalte obiecte din componența inventarului M. 1 de la Giurgiulești sunt mai puțin definitorii. În același timp este semnificativă prezența lor și în alte obiective din perioada hallstattiană târzie. Astfel, fragmentul de spirală din sârmă de bronz poate fi interpretat în calitate de capăt de ac de păr sau parte componentă a unui cercel spiralic, piese de podoabă caracteristice grupului Podolian de Vest (Петренко 1978, 18, fig. 13,16; 28-29, fig. 18,13-16), culturii Wysocka (Крушелницька 1976, fig. 22,2.35) ș.a.

Cochiliile *kauri* sunt cunoscute la Pișchi (Simeria) (Pârvan 1926, 200), Cimbala (Căpitanu 1968, 71, fig. 1,5), Pocreaca–Iași (Iconomu 2006, 57), Mileștii de Sus (Mitrea 1983, 60-61, fig. 2), Enisala (Simion, 1976, 155, fig. 8,5; Idem 1971, 126, fig. 32). Una dintre regiunile în care descoperirile acestor vestigii, dateate în a doua jumătate a sec. VII–VI a.Chr., sunt mai compacte, îl constituie teritoriul Transilvaniei, unde sunt atestate monumentele grupului scitic timpuriu sau Ciumbrud, despre care V. Vasiliev susține că acest tip de podoabe nimeresc aici împreună cu populația respectivă. În același timp, autorul crede că acestea prezintă un indiciu al fazei arhaice a grupului

(Vasiliev 1980, 101.132). În continuare, pentru cursul mijlociu al Tisei este atestată încă o regiune de răspândire a acestor podoabe, fiind vorba despre grupul cultural Szentes–Vekerzug (Chochorowski 1985, 56), în însăși necropola eponimă unde cochiliile *kauri* sunt atestate destul de frecvent (Párducz 1952, 143-169; Idem 1954, 25-88; Idem 1956, 1-22). I. Brujako, într-un studiu dedicat special acestor vestigii analizează posibila cale de pătrundere, precum și perioada apariției acelor în nordul Mării Negre (Бруяко 1999, 47-54). În opinia autorului, cochiliile *kauri* pătrund în zona de silvostepă a Niprului în sec. VII a.Chr. cel mai verosimil din teritoriul Caucazului de Nord prin intermediul purtătorilor vestigiilor scitice timpurii. Accentuând supoziția, autorul include acest tip de descoperiri (de rând cu altele) în calitate de categorie caracteristică a culturii materiale scitice timpurii (etapa a treia a Culturii Scitice Timpurii) (Ibidem, 51). Referitor la răspândirea acestor podoabe prin intermediul centrelor grecești din Pont, despre aceasta se poate susține doar începând cu perioada arhaică târzie, când în sec. V–IV a.Chr. ele se generalizează pentru monumentele funerare scitice din întreg teritoriul pontic, dar și pentru siturile triburilor tracice (Ibidem). Contextul descoperirilor de la Giurgiu-lești ne face să credem că aici este mai plauzibilă prima variantă, avându-se în vedere datarea celorlalte artefacte.

Mărgelile din pastă vitroasă sunt atestate la Ferigile (Vulpe 1967, 72) și în obiectivele grupului Ciombrud (Vasiliev 1980, 102). În aria grupului Ciombrud sunt cunoscute și perle din pastă caolinoasă (Ibidem, 99-100). Mărgelile de lut constituie o descoperire frecventă pentru ambele epoci ale fierului, având și un areal mai larg de răspândire.

Stăruim doar succint asupra descoperirii în M.1 de la Giurgiu-lești în regiunea craniului a unei plăci de piatră de dimensiuni nu prea mari, deoarece asemenea descoperiri sunt frecvente și la mormintele de înhumăție de la Isaccea (Simion 2003, 113-128), iar, judecând după imaginile fotografice, și la câteva înhumății de la Celic-Dere (Simion 1995, 69-82; Idem 1996, 753-764). Plăci asemănătoare au fost semnalate în unele morminte de înhumăție de la Enisala, în stânga sau dreapta oaselor femurale (Simion 2003, 306, fig. 6,2-6).

Având în vedere cele prezentate mai sus, reiese că inventarul din mormântul 1 mărturisește în favoarea datării complexului funerar de la Giur-

giulești în a doua jumătate a sec. VII – sec. VI a.Chr. În aceeași perioadă, conform parametrilor tehnologici, morfologici și stilistici, se încadrează și ceramica depistată atât în mormântul 4, cât și în mormintele răvășite.

Vasul-castron din M. 4, reieșind din caracteristicile tehnologice și morfologice, se include în varianta XII/b a clasificării ceramicii traco-getice elaborată de E. Moscalu (1983, 77-78). Deși a avut o perioadă mai largă de existență, acest tip de vas este perfect reprezentat prin analogii în Hallstattul târziu al zonei carpato-pontice. La Ferigile ele au fost desemnate ca străchini evazate de tipul I D (Vulpe 1967, 41, fig. 13,11, pl. II,16.19). Forme asemănătoare au fost atestate în mormântul de la Piatra Frecăței în asociere cu două fibule cu „scut beotic” (Simion 1976, 144-145, fig. 2,1-2). În Transilvania, vasele de acest tip descoperite la Cluj–Mănăștur sunt datate în sec. VII–VI a.Chr. (Crișan 1969, 116, fig. XIX,10). Castroane de acest tip au fost semnalate și în complexe getice timpurii de la Dănceni și Pârjolteni (Лапушнян 1979, 95, таб. II,40.42). Ceramica din mormintele deteriorate, după cum reiese din caracteristica prezentată, este de asemenea de un vădit aspect traco-getic. Abordând problema originii celor care au lăsat necropola de la Giurgiu-lești, I. Brujako presupune că ar fi componenți ai unui impuls iliric din a doua jumătate a sec. VII a.Chr., care au constituit și necropola Gogoși. În opinia autorului citat, „inertă acestui impuls ar fi atins partea centrală a Moldovei și sud-vestul Basarabiei, fapt confirmat de înhumățiile cu fibule vest-balcănice de la Trestiana și Giurgiu-lești” (Бруяко 2005, 195). În aceeași lucrare, dar în alt context, autorul susține că, potrivit ritului funerar și al unor piese de inventar, situl se aseamănă pe de o parte cu mormintele necropolelor de tip Basarabi, iar pe de altă parte, cu cele ale grupului Ciombrud (Ibidem, 197). În continuare, tratând una dintre categoriile de descoperiri de la Trestiana și Giurgiu-lești – cochiliile *kauri* – și evocând o lucrare mai veche a sa (Бруяко 1999, 47-54), autorul declară că acestea se răspândesc exclusiv doar în legătură cu difuziunea culturii scitice timpurii „din teritoriul Caucazului de Nord spre NV în silvostepa Niprului și ulterior spre SV în Transilvania” (Ibidem). Analizând artefactele obiectivului de la Trestiana, autorul conchide că acesta conține trei componente – scitic (estic), iliric (vest-balcanic) și tra-

cic (Бруяко 2003, 197). M. Petrescu-Dîmbovița susține că „Grupul Trestiana” reprezintă o componentă locală hallstattiană (Petrescu-Dîmbovița 1972-1973, 85). De curând Al. Vulpe, constatând o dată în plus numărul restrâns de morminte ale grupului respectiv, îl analizează în contextul celui de la Ciumbrud, datându-le în sec. VI a.Chr., pe harta respectivă plasând și în centrul Moldovei pe agatirși (Vulpe 2001, 490, fig. 91). Referitor la geți, autorul citat susține că apariția acestora începând cu sec. VII a.Chr. este legată de Dunărea de Jos, inclusiv Câmpia Română, Subcarpații Meridionali și Banat, subliniind că termenul este generic (Ibidem, 494). Ceva timp mai înainte R. Vulpe adăuga la acestea și sudul Moldovei (Vulpe 1960, 224). Analizând ritul funerar și inventarul mortuar al necropolei de la Isaccea, G. Simion (Simion 2003, 113-128) găsește analogii pentru aceasta în cimitirul de la Ciucurova, deși acolo înhumările sunt în ciste de piatră (Idem 1995, 151-170) și Celic-Dere (Idem 1997, 247). Referitor la ceramica de la Isaccea, care constituie majoritatea descoperirilor în calitate de ofrandă (oale și castroane), unii cercetători o determină drept produs al grupurilor culturale din Podolia (Morintz 1957, 223) sau al lumii ilirice (Crișan 1969, 53). Pentru sec. VI-V a.Chr. acestea se generalizează ca un produs al lumii getice (Simion 2003, 116-117). Nemijlocit, cu referire la populația care a lăsat necropola de la Isaccea, G. Simion avansează ideea că „aparținea unui grup de păstori migratori sau transhumanți care au venit din părțile de silvostepă ale Nistrului mijlociu (Podolia?) și s-au stabilit în aceste părți de la Dunărea de Jos (Ibidem, 117). Nu este exclus ca aceste grupuri să nu fi venit obligatoriu din teritoriul Podoliei, dar să fi reprezentat o componentă a masivului cultural care prin ținuturile Moldovei Centrale se îndrepta spre Transilvania, unii dintre aceștia, rupându-se de la grupul de bază și cotind-o spre sud, ajung în Dobrogea. Dovadă a unei asemenea posibilități ar fi vestigiile din perioada hallstattiană târzie (scitice, din est) din Moldova Centrală, care se înscriu pe itinerarul Trebujeni (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 55), Suruceni (Сергеев 1960, 137-140), Ungheni (Haheu, Bikbaev 1998, 160-162) și continuă până spre pasul Prisăcani al Carpaților Orientali (Mihăilescu-Bârliba, Untaru 1971, 450-453, fig. 4). Pentru grupul care s-ar fi

îndreptat spre sud, cum arătam ceva mai sus, ar fi ca dovadă antichitățile Cimbala-Trestiana-Giurgiulești-Isaccea.

În legătură cu ultimele vestigii ar fi și problema graniței dintre geți și sciți, deseori abordată în literatura de specialitate, dar care și în prezent rămâne controversată. A. Meljukova susține că nu doar pentru epoca cunoscută lui Herodot, dar și în sec. IV-III a.Chr. granița regatului scit trecea nu pe Nistru, cum se credea mai înainte, dar pe Dunărea de Jos și Prut, și că geții care apar aici mai ales după înfrângerea lui Atheas de către armata lui Filip II nu constituiau un masiv cât de cât însemnat (Мелюкова 1994, 131), idee inspirată, de fapt, dintr-un studiu anterior semnat de S. Andruch (Андрух 1991, 20-32). Nu este în intenția autorilor studiului de a aprofunda abordarea problemei graniței dintre geți și sciți, dar mai evocăm o împrejurare. Reieșind din situația etno-geografică a epocii (și în general, pentru epocile istorice îndepărtate), nu credem că este posibil pentru toate cazurile de a delimita strict teritorial aceste două popoare cu structuri social-economice atât de diferite. O graniță în aspectul taxonomic al noțiunii nici nu exista. I. Niculiță susține în baza datelor invocate de către V. Ol'hovskij, prin care acesta atribuie perioadei scitice arhaice din nodul Mării Negre doar 39 de morminte tumulare (Ольховский 1991, 59), că rolul elementului scitic în regiune este motivat exagerat și că nu este posibil de a delimita pe sciții nomazi de tracii sedentari. În asemenea circumstanțe nu trebuie să se caute direct și să se stabilească o frontieră între aceștia, frontiere, care nici nu au existat (Niculiță 2002, 293-299). Sciții veniți în a doua jumătate a sec. VII a.Chr., cel mai verosimil, locuiau în mediul local de agricultori (Niculiță 2002, 297; Левицкий, Демченко 1995, 41-53). Încă A. Meljukova menționa că relațiile dintre aceste două populații care deseori coexistau erau diferite: când pașnice, când violente (Мелюкова 1979, 252).

Necropola plană de la Giurgiulești-„Stâna lui Mocanu”, reieșind din totalitatea trăsăturilor ritului funerar și al inventarului mormintelor, reprezintă un complex hallstattian tracic târziu, încadrat din punct de vedere cronologic în a doua jumătate a sec. VII – sec. VI a.Chr., fiind sincronă celor de la Trestiana, Isaccea și Novosel'skoe. Importanța deosebită a obiecti-

vului de la Giurgiulești constă în faptul că, de rând cu mormântul de la Novosel'skoe, indică prezența comunităților tracice sedentare în stepele nord-pontice, limitrofe malului stâng al Dunării, zonă tradițional considerată ca fiind controlată de nomazi și în perioada hallstattiană târzie. Pe de altă parte, după unele caracte-

ristici de bază (elemente de rit și ritual, anumite piese de inventar), aceste complexe demonstrează unele elemente ce le apropie de lumea estică (scitică), care în această perioadă nu numai că influențează evoluția culturală, dar este atestată și realmente în mai multe zone de la Dunărea de Jos.

Bibliografie

- Agulnikov 1996:** S. Agulnikov, Cetățuia Cociulia – Monument Trac din Codrui Tigheciului. TD XVII, 1-2, 1996, 175-179.
- Bader 1983:** T. Bader, Evoluția fibulelor pe teritoriul României de la sfârșitul epocii bronzului până în perioada Hallstattului târziu. TD IV, 1-2, 1983, 12-22.
- Berciu 1957:** D. Berciu, Descoperirile getice de la Cernavoda (1954) și unele aspecte de la începutul formării culturii La Tène geto-dace la Dunărea de Jos. MCA IV, 1957, 232-315.
- Berciu, Comșa 1956:** D. Berciu, E. Comșa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949 și 1950). MCA II, 1956, 251-489.
- Boroffka, Trohani 2003:** R. Boroffka, G. Trohani, Necropola getică de la Canlia, com. Lipnița, jud. Constanța. CAMNI XII, 2003, 139-198.
- Brujako, Novickij 1997:** I. Brujako, E. Novickij, Grădiștea Novoselskoe II (Satu Nou II) – un nou complex trac la Dunărea de Jos. CAANT II, 1997, 113-168.
- Bujor 1955:** Ex. Bujor, Săpăturile de salvare de la Murighiol (r. Tulcea, reg. Constanța). SCIV VI, 3-4, 1955, 571-580.
- Buzoianu 2001:** L. Buzoianu, Civilizația greacă în zona vest-pontică și impactul ei asupra lumii autohtone (sec. VII-IV a.Chr.) (Constanța 2001).
- Căpitanu 1968:** V. Căpitanu, Un mormânt hallstattian descoperit la Cimbala. Carpica I, 1968, 69-72.
- Chochorowski 1985:** J. Chochorowski, Die Vekerzug Kulture (Warszawa-Krakow 1985).
- Conovici, Matei 2001:** N. Conovici, Gh. Matei, Necropola getică de la Stelnica-Grădiștea Mare (jud. Ialomița). Raport general pentru anii 1987-1996. MCA (S.N.) I, 2001, 99-144.
- Crișan 1969:** I. Crișan, Ceramica daco-getică. Cu specială privire la Transilvania (București 1969).
- Ferenczi 1967:** Șt. Ferenczi, Cimitirul „scitic” de la Ciumbud (partea a III-a). AMN IV, 1967, 19-45.
- Haheu, Bikbaev 1998:** V. Haheu, V. Bikbaev, Akinakes-ul din r-nul Ungheni. RA 2, 1998, 160-162.
- Iconomu 2006:** C. Iconomu, Un mormânt de la sfârșitul primei epoci a fierului de la Pocreaca-Iași. AM XXIX, 2006, 57-65.
- László 1985:** A. László, Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat (Iași 1985).
- László 1989:** A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est de Carpates. La civilisations de Hallstatt – bilan d'une rencontre, Liege 1987. Etudes et Recherches Archeologique de l'Universite de Liège, 36 (Liège 1989), 111-129.
- Levițki 1998:** O. Levițki, Considerații asupra monumentelor funerare din perioada hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. RA 2, 1998, 28-59.
- Levițki ș.a. 2005:** O. Levițki, V. Haheu, V. Vornic, L. Ciobanu, Așezarea de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Giurgiulești – „Stâna lui Ion” și „Stâna lui Mocanu”. RA I, 2, 2005, 312-350.
- Măndescu 2003:** D. Măndescu, Capetele de ac în formă de elice. Danubius XXI, 2003, 7-14.
- Măndescu 2010:** D. Măndescu, Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani (Brăila 2010).
- Mihăilescu-Bîrliba, Untaru 1971:** V. Mihăilescu-Bîrliba, I. Untaru, Notă despre un nou „akinakes” găsit la Agapia. MA III, 1971, 441-454.
- Mitrea 1983:** I. Mitrea, Două morminte din sec. VI-V î.e.n. descoperite la Mileștii de Sus, județul Bacău. SAA I, 1983, 59-67.
- Mitrea, Preda, Angheliescu 1961:** D. Mitrea, C. Preda, N. Angheliescu, Săpăturile de salvare de la Satu Nou (cimitirul geto-dacic I). MCA VII, 1961, 283-285.
- Moscalu 1983:** E. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
- Párducz 1952:** M. Párducz, Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug I. AA II, 1-3, 1952, 143-169.
- Párducz 1954:** M. Párducz, Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug II. AA IV, 1954, 1-4, 25-89.

- Párducz 1956:** M. Párducz, Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III. AA VI, 1-4, 1956, 1-22.
- Pârvan 1926:** V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (București 1926).
- Petrescu-Dîmbovița 1972-1973:** M. Petrescu-Dîmbovița, Elemente de caracter iliric în mediul tracic din estul României. MA IV-V, 1972-1973, 83-92.
- Popușoi 1969:** E. Popușoi, Un mormânt hallstattian descoperit la Trestiana-Bârlad. Carpica II, 1968, 87-92.
- Popușoi 1980:** E. Popușoi, Săpăturile arheologice de la Trestiana, com. Grivița, jud. Vaslui. CI XI, 1980, 105-134.
- Simion 1971:** G. Simion, Despre cultura geto-dacică din nordul Dobrogei în lumina descoperirilor de la Enisala. Peuce II, 1971, 63-129.
- Simion 1976:** G. Simion, Les Getes de la Dobroudja septentrionale du VI-e au I-er siècle av. n.è. TD I, 1976, 143-163.
- Simion 1977:** G. Simion, Necropolele getice de la Enisala și Telița. Peuce V, 1977, 49-72.
- Simion 1992:** G. Simion, Geții de la Dunărea de Jos și civilizația lor. In: Probleme actuale ale istoriei naționale și universale (Chișinău 1992), 18-47.
- Simion 1995:** G. Simion, Das Graberfeld von Ciucurova. TD XVI, 1-2, 1995, 151-170.
- Simion 1996:** G. Simion, Gètes et Scythes aux Bouches du Danube. Actes du XIII Congrès de Sciences Préhistoriques and Protohistoriques, 8-14 sept. 1996, Forlì-Italia 4 (Forlì 1996), 753-764.
- Simion 2000:** G. Simion, Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du II Colloque International d'Archéologie Funéraire 1995 (Tulcea 2000), 69-82.
- Simion 2003:** G. Simion, O necropolă din sec. VI-V a.Chr. la Isaccea. Peuce N.S. I (XIV), 2003, 113-128.
- Sulimirski 1936:** T. Sulimirski, Scitowie na zachodnim Podoliu (Lwow 1936).
- Tentiuc, Levinschi 2009:** I. Tentiuc, A. Levinschi, Investigațiile arheologice de la Țuțora (Buzduganii de Jos), pe stânga Prutului de Mijloc. The Thracians and their neighbours (Brăila 2010), 611-623.
- Teodorescu 1993:** V. Teodorescu, Vadu Săpat. CCA campania 2005 (București 2006), 386-388.
- Teodorescu ș.a. 1993:** V. Teodorescu, V. Dupoi, M. Peneș, D. Lichiardopol, Gh. Panait, Stațiunea arheologică Budeasca, jud. Prahova. MCA a XVII-a sesiune anuală de rapoarte, Ploiești 1983 (Partea a II-a) (București 1993), 365-387.
- Vasiliev 1980:** V. Vasiliev, Sciții agatârși pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).
- Vasiliu, Topoleanu 1989:** I. Vasiliu, Fl. Topoleanu, Necropola de la Isaccea (sec. VI-V î.e.n.). Symposia Thracologica 7, Tulcea 1989, 276-277.
- Vulpe 1967:** A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică (București 1967).
- Vulpe 1970:** A. Vulpe, Cercetări arheologice și interpretări istorice privind sec. VII-V î.e.n. în spațiul carpato-dunărean. MA II, 1970, 115-213.
- Vulpe 1979:** A. Vulpe, Cu privire la cronologia grupului cultural Ferigile. Danubius VIII-IX, 1979, 93-122.
- Vulpe 2001:** A. Vulpe, Istoria și civilizația (sec. VII-III a.Chr.). În: Istoria Românilor I (București 2001).
- Vulpe 1960:** R. Vulpe, Prima perioadă a culturii geto-dace (cca 450-300 î.e.n.). În: Istoria României I (București 1960).
- Андрух 1991:** С. Андрух, До питання про перебування скифів у Північно-Західному Причорномор'ї. Археологія 1, 1991, 20-32.
- Бруяко 1999:** И. Бруяко, Моллюски семейства *Cyprea* и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе. Памятники скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 47-54.
- Бруяко 2005:** И. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р.Х. (Кишинев 2005).
- Бруяко, Кожокару 1990:** И. Бруяко, В. Кожокару, Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетии до н.э. Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 132-142.
- Дзис-Райко 1966:** Г. Дзис-Райко, Археологические исследования городища у села Надлиманское. МАСП 5 (Одесса 1966), 163-175.
- Головко, Бондарь, Загинайло 1965:** И. Головко, Р. Бондарь, А. Загинайло, Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области. КС ОГАМ за 1963 год (Одесса 1965), 68-80.
- Ильинская 1975:** В. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989:** Г. Ковпаненко, С. Бессонова, С. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киев 1989).
- Костенко, Мухопад 1990:** В. Костенко, С. Мухопад, Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области. Исследования по археологии Поднепровья (Днепропетровск 1990), 96-106.
- Крушельницька 1976:** Л. Крушельницька, Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза (Київ 1976).
- Лапушнян 1979:** В. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ 4 (Кишинев 1974).

Левицкий, Демченко 1995: О. Левицкий, Т. Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдовы. ДСПК V, 41-53.

Левицкий, Савва, Чобану 1992: О. Левицкий, Е. Савва, Л. Чобану, Исследования курганного могильника раннего железного века у села Тринка. Anuarul MNIM I, 1992, 95-107.

Левицкий, Хахеу, Рябцева 2000: О. Левицкий, В. Хахеу, С. Рябцева, Джурджулештская находка в зеркале ювелирной моды X–XI вв. Stratum plus 5, 2000, 90-96.

Манов 1998: М. Манов, Нов тип домонетни форми от българските земи. Археология 3-4, София, 1998, 79-82.

Мелюкова 1979: А. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).

Мелюкова 1994: А. Мелюкова, К вопросу о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV – начале III вв. до н.э. (Запорожье 1994), 130-132.

Никулицэ 2002: И. Никулицэ, Фракийцы и скифы в Северо-Западном Причерноморье. Proceeding of the eighth International Congress of Thracology „Thrace and the Aegean”, Sofia–Yambol, 25-29 September 2000, vol. I (Sofia 2002), 293-299.

Ольховский 1991: В. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII–III вв. до н.э. (Москва 1991).

Петренко 1967: В. Петренко, Правобережья Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ, вып. Д 1-4 (Москва 1967).

Петренко 1978: В. Петренко, Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ, вып. Д 4-5 (Москва 1978).

Сергеев 1960: Г. Сергеев, Погребение скифского воина. ТГИКМ, 1960, 137-140.

Фіалко, Болтрик 2003: О. Фіалко, Ю. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирське городище (Київ 2003).

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: haheu.vas@gmail

ПАРАДНЫЕ ДИАДЕМЫ И ВЕНЦЫ X–XV ВВ. В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И МОМЕНТЫ ОТЛИЧИЯ

Светлана РЯБЦЕВА, Кишинэу

Diademe de gală și coroane din sec. X–XV în monumentele din Europa de Est și Sud-Est. Asemănări și deosebiri. Prezentul articol este consacrat diadelor medievale descoperite în spațiul Carpato-Balcanic și comparării lor cu tipurile similare din Europa de Est. În sec. X–XIV în Balcani s-au înregistrat diademe, realizate sub nemijlocita influență bizantină. În Europa de Est diademele executate în tradiția bizantină sunt documentate de obicei în monumentele datând din sec. XII–XIII. În sec. XII–XIII în spațiul analizat apar și piese de podoabă de acest fel realizate sub influența vest-europeană. În sec. XIII–XV tradiția iconografică din spațiul Carpato-Balcanic atestă trecerea de la diademele joase la coroane înalte și diademe-acoperăminte de cap înalte în formă de turn, ce par a fi compuse din câteva rânduri de coronițe suprapuse. Imaginile coroanelor sunt reprezentate și în monumentele de artă post mongole din Rusia. În siturile arheologice din spațiul Carpato-Balcanic din sec. XIV–XV sunt reprezentate tipurile specifice de diademe, compuse din verigi flexibile și adesea prevăzute cu multiple lanțișoare și pandantive. Pandantivele pentru podoabele festive de cap, ce-și găsesc apropiate analogii cu piesele din siturile spațiului Carpato-Balcanic, sunt prezente și în vestimentația prințeselor și țarinelor ruse, la fel și în ferecăturile prețioase ale icoanelor. Totodată, tipul de coronițe decorate cu franjuri în partea frontală, specific pentru perioada vizată în spațiul Carpato-Balcanic, în teritoriul Europei de Est nu este atestat. Astfel, în pofida multitudinii de seturi de podoabă ale populației din Europa de Sud-Est și Est, se remarcă un șir de trăsături specifice, determinate de tendințele generale în evoluția artei bijuteriilor în perioada evului mediu dezvoltat și tardiv.

Статья посвящена рассмотрению находок средневековых диадем в Карпато-Балканском регионе и сопоставлению их с аналогичными типами украшений из Восточной Европы. На Балканах с X по XIV в. фиксируются находки диадем, выполненных под непосредственным византийским влиянием. В Восточной Европе, диадемы, исполненные в византийских традициях, представлены в основном в памятниках XII–XIII вв. Кроме этого в XII–XIII вв. в рассматриваемых регионах получают распространение изделия, выполненные под западноевропейским влиянием. В XIII–XV вв. изобразительная традиция Карпато-Балканского региона фиксирует переход от низких диадем к высоким башнеобразным уборам, состоящим как бы из нескольких ярусов диадем, а также к высоким коронам. Изображения корон представлены и в посломонгольских художественных памятниках Руси. В археологических памятниках Карпато-Балканского региона XIV–XV вв. встречаются специфические типы диадем, составленных из гибких звеньев и зачастую снабженных многочисленными цепочками и подвесками. Подвесные украшения к головным уборам, имеющие весьма близкие аналогии в памятниках Карпато-Балканского региона, представлены и в одеяниях древнерусских княгинь и цариц, а также в драгоценных прикладах икон. В то же время, сам тип диадем, зачастую декорированный длинной бахромой в налобной части, типичный в этот период для памятников Карпато-Балканского региона, на территории Восточной Европы нам не известен. Таким образом, при всем своеобразии ювелирных уборов населения Юго-Восточной и Восточной Европы, отмечается ряд общих черт, определяемых общими тенденциями развития европейского ювелирного дела периода развитого и позднего средневековья.

Diadems and crowns X–XV centuries from the monuments of Eastern and Southeastern Europe. The moments of similarities and differences. The article considers the findings of the medieval diadems in the Carpathian-Balkan region and compares them with similar types of ornaments from Eastern Europe. There are some findings of the diadems made under direct Byzantine influence at the Balkans from X to XIV centuries. In Eastern Europe some diadems executed according to the Byzantine tradition are represented mainly among the monuments of XII–XIII centuries. In the XII–XIII centuries in these regions a distribution of the decorations made under the Western European influence. The pictorial tradition of Carpathian-Balkan region fixes the transition from low diadems to high towering headdress consisting of at least several layers of diadems, as well as to the high crowns in XIII–XV centuries. Some pictures of crowns were represented in the Russian fine monuments dated back to the period after the Mongol invasion too. In the archeological sites of the Carpathian-Balkan region specific types of diadems made up of flexible links are often equipped with multiple chains and pendants in XIV–XV centuries. Hanging decorations to headwear having a very close analogy among some monuments of the Carpathian-Balkan region are represented in the garments of ancient queens and princesses of Moscow Russia as well as in precious icons ornaments. At the

Revista Arheologică, serie nouă, vol VII., nr. 1-2, 2011, p. 72-95

same time the very specific type of diadems was often decorated by a long fringe at the forehead that was typical but unknown one for the monuments of the Carpathian-Balkan region in Eastern Europe during this period. Thus, for all the peculiarities of jewelry dresses in the South-Eastern and Eastern Europe are marked a number of similarities defined by general trends of European jewelry for the period of developed and the late Middle Ages.

Key words: *Carpathian-Balkan region, Eastern Europe, Byzantine tradition, Western European influence, diadem, medieval jewellery.*

Находки деталей средневековых головных уборов в археологических памятниках Карпато-Балканского региона, достаточно разнообразны. Наше представление о характере парадного головного убора помогает дополнить и изучение произведений изобразительного и прикладного искусства. В рамках данной работы мы бы хотели отдельно остановиться на находках парадных головных уборов – диадем, а также некоторых типов венцов, выполненных из драгоценных материалов, и происходящих в основном из кладов. Кроме того, целью исследования является и сопоставление подобных украшений с аналогичными изделиями, известными с территории Восточной Европы. При этом мы оставляем в стороне другие типы средневековых парадных головных уборов, такие как стеммы, шлемы, шапки, шляпы, не рассматриваются нами и венцы, составленные из небольших тисненых бляшек, наиболее характерные для находок из погребальных памятников.

Диадемы относятся к числу украшений, имеющих весьма длительную историю развития. Собственно диадемами (διαδήμα - повязка греч.) (Фасмер 1986, 512) могут быть названы парадные и церемониальные украшения, подчеркивающие социальный статус их носителя. Более широко были распространены простые девичьи и женские венцы, носившиеся представительницами разных слоев общества, а также использовавшиеся в качестве свадебного головного убора – согоапă (рум.), венец, ко-руна (рус.), венац, почелица (македон, сербск., хорватск), венец, прочельник (болг.), чільце, вінчик (укр.) (Лукина 1974, 257; Їоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ћуровић 1969, кат. 288; Ерцеговић Павловић 1979, 281; Maneva 2001, 405; Григоров 2007, 76; Возний 2008, 49). Кроме металлических были популярны и венцы из органических материалов. Встречаются венчики из ткани, кожи, бересты, подчас украшавшиеся нашивными бляшками,

бусами или бисером. Что касается изобразительных сюжетов и мотивов, представленных на диадемах и венцах, то они зачастую несли и семантическую, охранительную нагрузку.

Несколько слов об истории данного типа украшений. В Древней Греции диадемы являлись в основном принадлежностью женского убора. Известны разнообразные варианты греческих диадем (гладкие лентообразные, плоские диадемы с тисненым орнаментом зачастую в сочетании со сканным узором и центральным украшением в виде фронтона, диадемы - цепочки с крупным кабошоном в средней части). В эпоху поздней классики и в период эллинизма весьма популярны роскошные диадемы, украшенные в налобной части изображением гераклового узла (Уильямс, Огден 1995, 36). Подобные диадемы дополнительно декорировали фигурками божеств и фантастических животных, драгоценными камнями и подвесками на цепочках (Davidson 1966, 50-65).

Считается, что в римском парадном уборе белая повязка-диадема, расшитая жемчугом, появляется в результате влияния персидской культуры при императоре Диоклетиане (Барсов 1883, 1-35; Кондаков 1892, 217; Макарова 1975, 4). Диоклетиан возложил на себя в 303 г. диадему как знак императорского достоинства. До этого диадему римские императоры иногда надевали в качестве домашнего убора, на людях в диадеме впервые появлялся Аврелиан. Начиная с Аркадия (395 – 408) византийские императоры изображались в диадемах, расшитых жемчугом, завязанных на затылке шнурками, ниспадающими на шею. Судя по изображениям детей императоров, в их обиходе еще сохраняется античная традиция ношения в качестве парадного головного убора золотого лаврового венка (Кондаков 1892, 26-28).

В византийском церемониальном обиходе белая лента была сменена на пурпурную повязку, расшитую жемчугом и драгоценны-

ми камнями, а затем (по всей видимости, при Юстиниане) на стемму - *στέμμα*, сочетавшую в себе металлическую диадему, матерчатую шапочку и возвышавшееся над ней металлическое перекрестие, увенчанное крестом. Венцы же диадемы сохранились в уборе императриц, а также кесаря и приравненных к нему лиц. По бокам лица у подобных парадных головных уборов располагались драгоценные подвески - препендулии (Кондаков 1906, 60).

Первой из императриц в диадеме изображена Елена (мать Константина Великого). В сформировавшемся виде женский церемониальный головной убор мог сочетать в себе пурпурную расшитую шапку, поверх которой располагалась диадема, состоявшая из пластинок, декорированных крупными овальными, зачастую красными и прямоугольными, как правило, сине-зелеными, драгоценными камнями. Диадема была обрамлена рядами жемчуга, средняя пластинка завершалась трилистником или крестом. По бокам лица от головного убора ниспускались подвески препендулии, украшенные в нижней части тремя рубинами (Атанасов 1999, 183).

Византийская традиция ношения церемониальных диадем, зачастую декорированных драгоценными камнями и эмалевыми изображениями, нашла отражение и в памятниках Юго-Восточной, Восточной и Западной Европы. Известно, что византийскими регалиями короновались король Франции Карл Лысый, Венгрии - Геза I, Сербии - Стефан I (Вельтман 1860, 31, 32; Goschew 1966, 145 – 147). Болгарский князь Семион получил от императорского регента Николая Мистика кесарский венец (Иванов 2000, 15). Отдельные экземпляры диадем, выполненных в византийской традиции известны с территории Болгарии, Сербии, Румынии, Венгрии и Украины.

Византийское влияние сказывается в сложении комплекса парадного одеяния представителей знати Карпато-Балканского региона. После принятия Болгарией христианства в 864 г. в дворцовой жизни этой страны происходит переориентация на византийскую традицию, что отражается в костюме и наборе церемониальных украшений. Так же как и в других странах, царские регалии сохранялись в специальных сокровищницах, там же хранились и

регалии других стран, полученные в качестве даров и трофеев и использовавшиеся более для демонстрации, чем для ношения (Божилов 1985, 249-251; Андреев 1988, 166; Долмонова-Лукановская 2010, 120).

Материалы фресковой живописи дают представление и о головном уборе болгарской знати. Супруга царя Ивана Асеня II Ирина во фреске церкви Михаила Архангела в Костур (Кастория) представлена в костюме знатной аристократки: голова покрыта головным покрывалом, скрепленным низкой диадемой, отороченной жемчугом, около ушей – наушницы, крепящиеся к диадеме. Одевание правительницы – далматика (Атанасов 1999, 187). В более позднее время происходит переход от низких диадем к высоким коронам. Так на изображении царицы Ирины, супруги царя Константина Тиха (1257–1277) в Боянской церкви представлена высокая массивная корона, состоящая из трех ярусов-венцом. Нижний – золотой обруч с выступом – пластинкой арочной формы в центре. Пластинка украшена сине-зеленым камнем, обрамленным мелкими рубинами. Пространство между камнями декорировано жемчугом. Жемчужинами оторочена диадема и по краю. Выше расположен следующий более широкий обруч, украшенный изумрудами, между которыми расположены жемчужины. В верхнем ярусе – островерхние зубцы, украшенные драгоценными камнями, обрамленными жемчугом. Жемчужный орнамент создает композицию близкую к розеткам. Волосы закрыты расшитым покрывалом, переданы и серьги с длинными подвесками (Атанасов 1999, 188 обр. 61, табл. III).

Таким образом, рассмотренные изображения памятники позволяют констатировать тот факт, что в парадном женском головном уборе представителей знати балканского региона просматривается следование византийской традиции. Фиксируется переход от низких диадем к высоким трехэтажным коронам. В Византии подобные головные уборы представлены уже с XI в. (например, на изображении императрицы Зои в мозаиках Софии Константинопольской) (Даркевич 1975, 160; Лихачева 1981, 154). В XII-XIII вв. высокая корона была позаимствована болгарскими властителями. Подобная тенденция прослеживается и в ма-

териалах, происходящих с территории Сербии. Супруга короля Уроша I изображена (в Сопочане, около 1256 г.) в низкой стемме, а супруга Драгушина – Кателина (в Ариле 1293 г.) и Милутина Симонида (в Студенице 1314 г.) – в высоких трехэтажных коронах с зубцами. Подобные высокие головные уборы изображены на монетах Феодоры Ирины супруги Михаила III (1331–1371) (Атанасов 1999, 190).

В мужском церемониальном уборе также отмечается изменение типов парадных головных уборов. Для XII–XIII вв. характерны диадемы, представлявшие собой золотой обруч с драгоценными камнями (рубинами), носившийся низко на лбу. Подобные головные уборы представлены, например, на монетах царя Ивана Асена II или Константина. В середине XIV в. входят в обиход полусферические короны с жемчужными подвесками перпендулиями. Подобная корона представлена, например, изображение царя Ивана Александра в миниатюрах лондонского четвероевангелия (Андреев 1992, 34).

О характере головного убора представительниц болгарской аристократии XIII в. дает представление фресковое изображение жены севастократора Калаяна – Десиславы, сохранившееся в церкви в Бояне. На голове у Десиславы изображена золототканая шапка (забрадка) плотно прилегающая к голове. Поверх шапки – низкая диадема-обруч с пластинками арочной формы, украшенная драгоценными камнями и жемчугом. Головной убор дополняется колтами, крепящимися к жемчужным нитям (Атанасов 1999, 236–238; Мавродинов 1966, 211). Живописный памятник XIV в. – фресковое изображение Анны, супруги деспота Михаила в церкви в Долна Каменица – дает представление о несколько ином парадном головном уборе. В данном случае диадема состоит из зубчатых пластинок с острым треугольным верхом, декорированных драгоценными камнями и жемчугом (Мавродинова 1969, 6). Таким образом, при изображении представительниц болгарской знати достаточно четко переданы диадемы со щитками двух типов – округлыми арочными и острыми зубчатыми.

Обратимся теперь к наиболее показательным археологическим памятникам. Подборка парадных украшений, связанных с византий-

ской традицией происходит из знаменитого Преславского клада. Однако клад был найден не на территории самого столичного центра, а в местности «Костана» неподалеку от Преслава, при археологическом исследовании жилища земляночного типа (Атанасов 1999, 224). Землянка располагалась на территории селища IX–X вв., погибшего в огне пожара, клад был сокрыт в печке каменке (Павлова 2007, 5). Комплекс содержит серебряные монеты Константина VII и Романа II (945–959). Можно только предполагать, какие драматические события предшествовали сокрытию драгоценностей дворцового уровня в печке землянки. Согласно одной из версий, причиной мог послужить дунайский поход древнерусского князя Святослава (Тотев 1986, 86; 1993, 102; Атанасов 1999, 224). Клад содержит диадему, ожерелье, серьги и височные кольца, перстни, медальоны, пуговицы, нашивки, часть сервиза для хранения и другие мелкие предметы. Многие вещи украшены эмалью и жемчугом. Знаменитая преславская диадема состоит из золотых пластинок арочной формы размером 5,4х4,4 см. и украшена эмалями нескольких оттенков синего, зеленого, красными, желтыми и белыми (Тотев 1986, 86; 1993, 102) (рис. 1,1).

На центральной пластинке изображена сцена Вознесения Александра Македонского. Он изображен на колеснице, по бокам его грифоны, которых он приманивает кусками мяса на жезлах. На голове Александра – стемма. По бокам от пластинки с Александром расположены две пластинки с грифонами и две с крылатыми львами. Львы смотрят в разные стороны, грифоны в одну, возможно, было еще две пластинки с грифонами, смотрящими в другую сторону, а также боковые трапецевидные пластинки, как на диадемах, найденных в Древней Руси (Тотев 1993, 103, обр.1) (рис. 1,1а). Сюжет с «Вознесением Александра Македонского» был наиболее популярен в Византии во время правления Македонской династии, при этом император Константин VII Багрянородный выводил свою генеалогию напрямую от Александра Македонского (Успенский 1977, 12). Пластинки из Преслава по всему периметру края пробиты небольшими отверстиями. По всей видимости, диадема была изначально нашита на матерчатую основу, возможно, на шапочку.

Мнения болгарских исследователей относительно места изготовления и способа ношения данного изделия разделились. Так Т. Тотев предполагает, что диадема была изготовлена в преславской дворцовой мастерской (Тотев 1993, 110). По мнению П. Георгиева, диадема была изготовлена в константинопольской мастерской в середине X в., как дарственная корона для одного из болгарских владетелей. Он считает, что диадема была поднесена Императором Никифором II Фокой (963-969) болгарскому престолонаследнику Борису II по поводу его освобождения из византийского плена и была нашита не на тканую ленту, а на высокую мягкую шапку типа тиары или тюрбана (Георгиев 1996, 83-84). Однако, по справедливому замечанию Г. Атанасова, подобные высокие шапки и тюрбаны в болгарском костюме появляются только с XIII в. (Атанасов 1999, 227). По мнению данного исследователя, клад представляет собой женский гарнитур, выполненный в едином стиле, при этом диадема, возможно, была нашита на тканую ленту. В декорировке убора, вероятно, могла использоваться и жемчужная нить.

Действительно, судя по тому, что в кладе содержатся роскошные предметы женского убора (ожерелье, серьги, пуговицы), также обильно декорированные эмалями, преславская диадема могла входить в состав женского церемониального убора. Однако, хотя стиль эмалевого декора украшений из Преславского клада и демонстрирует некоторые черты сходства, однако, по нашему мнению, входившие в него вещи могли быть исполнены несколькими мастерами. При этом, среди всей подборки изделий именно рассматриваемая диадема отличается по характеру цветовой гаммы (с преобладанием оттенков синего, фиолетового и красного цветов). К характерным особенностям почерка мастера, создавшего диадему можно отнести также дробность и прихотливость рисунка, обилие живописных криволинейных перегородок, разделявших красочные включения. В отличие от декора диадемы, в эмалевых вставках ожерелья преобладают зеленые и синие оттенки, красный встречается лишь в виде редких вкраплений. Цвет эмалей более яркий

и насыщенный. При этом рисунок суше и менее дробный, чем на диадеме. Характер декора роскошных серег близок к представленному на ожерелье, но не идентичен. Иконографическая программа декора серег, декорированных изображениями птиц и кринов, по всей видимости, сходна с представленной на ожерелье, где подобные сюжеты сочетается с повторенным дважды изображением Богоматери Оранты (Павлова 2007, 5 – 15).

Находкой из Преслава в Болгарии ограничивается число диадем бесспорно византийского круга. Однако, с византийской традицией может быть связан ряд находок венцов, собранных из миниатюрных пластинок. Например, в Плиске в погребении № 31 (ребенка 2-3 лет), датированном X - первой третью XI в. представлены три круглые серебряные позолоченные тисненные пластинки, декорированные изображением розеток, разделенные четырьмя мелкими бронзовыми бусинками. По обе стороны от черепа погребенного располагались миниатюрные серебряные перстневидные колечки (Дмитров 1995: 42-70).

Из археологических памятников Болгарии известен целый ряд диадем, относящихся к XIV в. В кладе, найденном у села св. Петр была обнаружена золотая диадема, собранная из треугольных пластинок декорированных изображениями фантастических животных (львов и коронованных змеев) (Атанасова 1980, 20-26). Несколько фрагментов от трех сходных диадем, но составленных из пластин ромбовидной и треугольной формы и декорированных растительным узором хранятся в фондах Исторического музея в Софии без указания точного места находки (Григоров 2004, 61; 2007, 78). В ряде случаев пластинки этих диадем соединяются при помощи шарнирного крепления. Аналогичная диадема была найдена в женском захоронении у крепости Демир Копия в Македонии (Maneva 2001, 404, fig.1). Характерной чертой этих изделий является то, что декоративное решение и орнаментация достигается при помощи применения техники тиснения. Все эти диадемы объединяет и на-

Рис. 1. Фрагменты диадем и матрица для тиснения. X–XIV вв. Масштабы разные. 1, 1a. – Преслав (Болгария), 2 – Сибница (Сербия), 3 – Пажаровец (Сербия), 4 – Маковиште (Румыния).

личие бахромы из миндалевидных подвесок, расположенных по нижнему краю украшения.

В XIV в. в Карпато-Балканском регионе получают распространение и совершенно новый тип диадем иного облика. Это легко сгибающиеся ленты, состоящие из пластинок с карстами, декорированными цветными камнями и гибких звеньев, украшенных жемчугом. Подобная серебряная позолоченная диадема происходит из того же клада, найденного у села св. Петр в Болгарии, что и золотая диадема с фантастическими животными. Пластины с драгоценными камнями декорированы в верхней части крестообразными конструкциями также с небольшой цветной вставочкой (Атанасова 1980, 23). Из Никополя также происходит диадема, у которой пластинки, декорированные цветными вставками, разделяются гибкими ленами, собранными из мелких металлических деталей и поясков жемчужин (Димитров 2010, 664, обр. 2).

Диадема несколько иного облика, составленная из 13 звеньев-пластин прямоугольной формы и двух треугольных концевых была найдена у с. Батова совместно с монетами третьей четверти – середины XIV в. (Павлова 2007, 54) (рис. 2, 1-3). Еще одна серебряная диадема с 12 пластинками, соединенными шарнирным креплением найдена в кладе XIII–XIV вв. у Михайловграда (Александров 1984, 68; Атанасов 1984, 32; Павлова 2007, 68). Общая длина изделия составляет 38 см., таким образом, также как и другие известные экземпляры диадем, оно доходило только до висков. Пластины таких диадем декорировались тисненными полусферами и крупными цветными вставками. Находки подобных диадем на территории Болгарии позволяют нам интерпретировать фрагмент аналогичного украшения, происходящего из клада Гогошу в Румынии не как браслет (Popescu 1970, 56, cat. 84, fig. 44) или фрагмент пояса (Dumitriu 2001, 124, cat. 31; taf. 34), а как деталь диадемы (рис. 2, 9). Для этих изделий характерен элемент полихромии, но он достигается не при помощи использования перегородчатой эмали, а в результате обильного применения вставок. Форма выпуклых шатонов как бы дублируется и в многократном повторении тисненых полусфер.

Таким образом, в Болгарии с византийской традицией, бесспорно, связана диадема из Пре-

слава, относящаяся к X в., для более позднего времени подобные украшения не известны. В XIV в. получают распространение три новых типа диадем, которые могут быть условно обозначены как «диадемы с фантастическими животными» и «диадемы с полусферами и цветными вставками», «диадемы с цветными вставками и гибкими лентами». Для всех типов диадем характерно использование шарнирных креплений. Если диадема из Преслава входит в общеевропейский круг престижных вещей, связанных с византийской традицией (венгерская Корона Константина Мономаха, диадемы из Киева и Сахновки), то в данном случае речь может идти о сложении нескольких специфических типов диадем, характерных именно для костюма населения Карпато-Балканского региона.

О подобной тенденции к сложению специфических типов головных уборов можно говорить и на примере материалов, происходящих с территории восточнороманских княжеств. Кроме того, и в этом регионе, безусловно, ощущимо и византийское влияние на формирование типов парадных головных уборов. В источниках, правда, более позднего времени (в основном XVIII–XIX вв.), сохранились легендарные известия о посещении в 1425 г. императором Иоанном VIII Палеологом княжества Молдовы, а также о поднесении господарю Александру чел Бун богослужебных книг и церемониальных одеяний (в том числе и диадемы/короны). Данный акт закрепляют представление о преемственности власти молдавских господарей и византийских императоров (Elian 1964, 122.163). Необходимо отметить, что на аналогичные цели направлена, например, и московская письменная традиция XVI в. относящая момент присылки регалий («венеч царский на блюде злате») ко времени правления в Византии Константина Мономаха, а на Руси – Владимира Мономаха (Даркевич 1975, 266).

Вместе с тем, в характере костюма и ювелирного убора представителей знати восточнороманских княжеств достаточно сильно ощущалось и западноевропейское влияние. Так в сцене Деисуса в пронаосе ц. Св. Николая в Аржеше (XIV в.) изображен персонаж (господарь Владислав I?), облаченный в костюм западноевропейского типа. Одевание, состоящие из

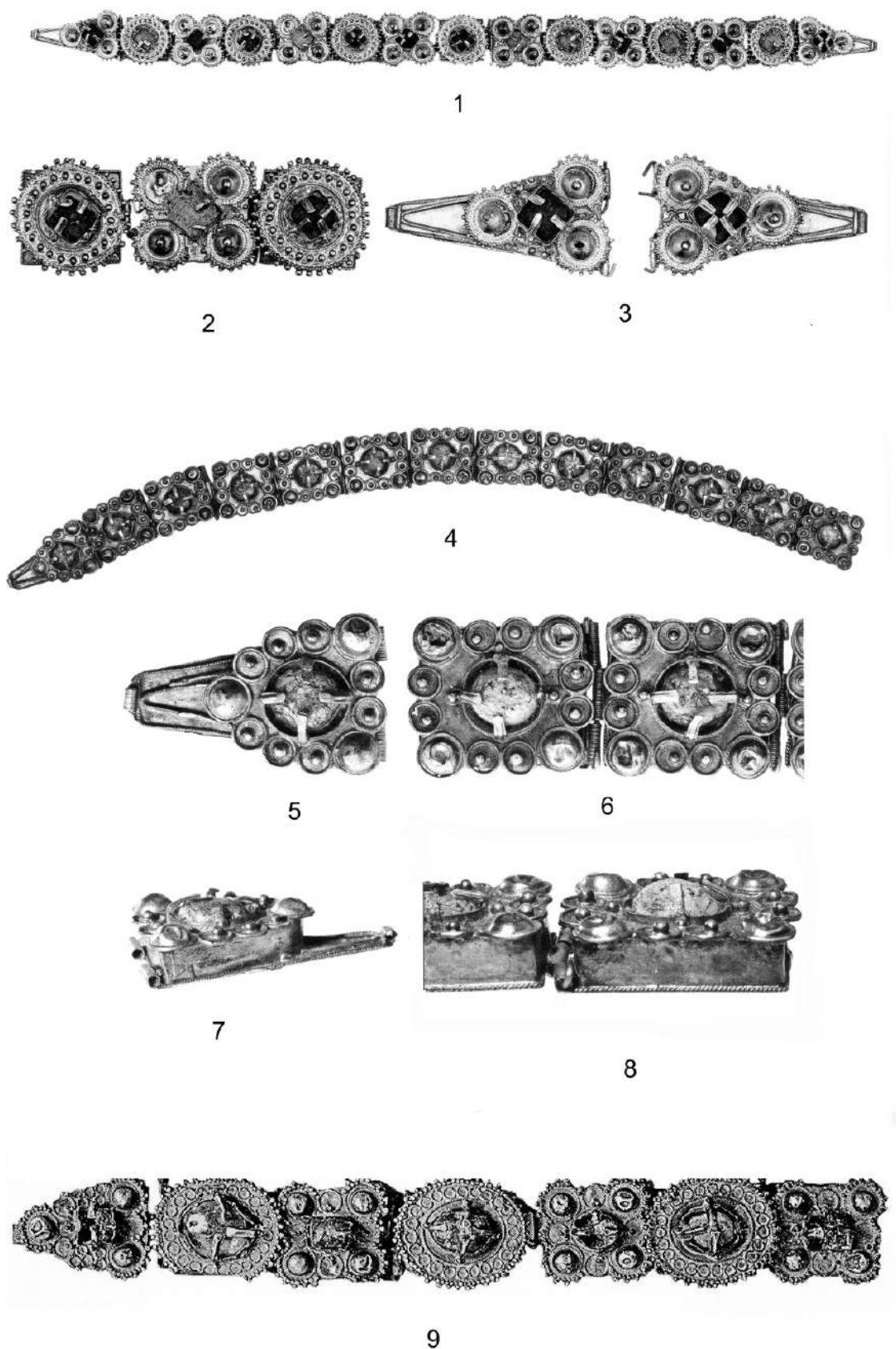

Рис. 2. Диадемы XIV вв. Масштабы разные. 1-3 – Батово (Болгария), 4-8 – Монтана (Болгария), 9 – Гогошу (Румыния) (1-8 по: Павлова 2007; 9 по: Dumitriu 2001).

туники, сходной с французским пурпузом и узких штанов дополняется короной с низкими криновидными зубцами западноевропейского типа (Constantinescu 1984, 42, fig. 12). С XV в. преобладают изображения господарей в тяжелых длинных одеяниях и высоких коронах. Так в изобразительных памятниках Молдовы со времени Александра чел Бун по время Александра и Богдана Лапушняну изображения господарей в подобных коронах представляют собой непрерывный ряд, отраженный, например, во фресках монастыря Слатины (Elian 1964, 136).

В целом форма мужских и женских корон весьма близка. Однако, женские короны сопровождалась подвесками из золотых цепочек, жемчужин и драгоценных камней. В женском уборе короны одевали поверх платавуали белого, розового, голубого или зеленого цвета. Молодые домницы и жупаницы носили не высокие короны, а диадемы с подвесками (Nicolescu 1970, 167-176, fig. 68-78). Головные уборы типа корон переданы в изображениях супруги Штефана чел Маре Марии Войкицы из монастыря Пэтрауць, в изображениях ее дочерей присутствуют низкие диадемы типа лент (Popescu 1975, 69). Корона Войкицы сопровождается длинными подвесками – кистями из драгоценных камней. У девочек к диадемам крепятся недлинные нити, заканчивающиеся округлыми подвесками (вероятно, типа колтов) (Драгуца, Лупан 1983). Во фресках монастыря Воронец в изображениях семьи господаря Штефана чел Маре так же переданы золотые короны, одетые поверх небольших круглых шапочек, во фресках же монастыря Хумор корона Елены надета поверх покрывала и снабжена длинными золотыми подвесками, декорированными драгоценными камнями и жемчугом (Калашникова 2010, 47).

Короны с высокими криновидными зубцами изображены, например, в шитом золотым шитьем покрове Марии Мангупской (1447) и во фреске XVI в. из епископальной церкви в Куртя де Аржеш с изображением Руксандры – дочери господаря Нягое Басараб (Popescu 1975, 70, fig. 1,2). Изображения корон с ажурным завершением и подвесками являлись долгое время каноничным для парадного и церемониального убора, представленного на живописных

произведениях и предметах прикладного искусства, выполнявшихся мастерами Карпато-Балканского региона. На подобных изображениях мы сталкиваемся с двумя основными видами подвесок к женским головным уборам – в виде отдельных нитей и в виде кистей.

Среди археологических находок деталей парадных головных уборов с византийским влиянием мы склонны связывать диадему, происходящую из клада XIII-XIV вв. Маковиште (жудец Караш-Северин) (рис.1,4). В этом кладе были найдены четыре тисненные киотообразные серебряные пластинки от диадемы и трехбусинное височное кольцо и четыре перстня. Пластинки от диадемы в центральной части декорированы тисненным схематичным изображением крина, обрамленного фигурками птиц (возможно, павлинов) (Uzum 1983, 515, 516, fig.5; Țeicu 1998, 156, 157, fig. 38,13; 39,1-2; 2007, 121.127). Диадемы, составленные из киотообразных пластин, являющиеся наследием византийской традиции, характерны для Балканского региона. Так серебряная диадема, собранная из киотообразных тисненных щитков, декорированных изображениями грифонов происходит из Пажаровца (Сербия) (Ђорвић-Љубинковић 1969, 121, сат. 288) (рис. 1,3). Кроме того в Северной Сербии в Сибнице была найдена бронзовая матрица (размерами 4,4х4,8 см.), предназначенная для тиснения бляшки для диадемы, декорированной фигуркой грифона, расположенного в арке между двумя колонками (Минић 1996, 115, сл. 1) (рис. 1,2).

О влиянии европейского искусства эпохи готики свидетельствует найденная в 1980 г. в Горану роскошная золотая диадема, датированная второй половиной XIII в. Диадема состоит из пяти деталей, декорированных причудливым ажурным орнаментом и крупными карстами для драгоценных камней (рис.3,4). Кроме того, там же была найдена и гладкая золотая диадема, также состоящая из 5 деталей, соединенных шарнирами (рис.3,3). В центре каждой детали – киотообразный зубец с крестиком на вершине. Крестами увенчаны и шарниры (Dumitriu 2001, 125, Taf. 38; Ота 2007, 129). И гладкая и ажурная диадемы снабжены в нижней части петельками, при помощи которых они могли бы соединяться в единый убор. Од-

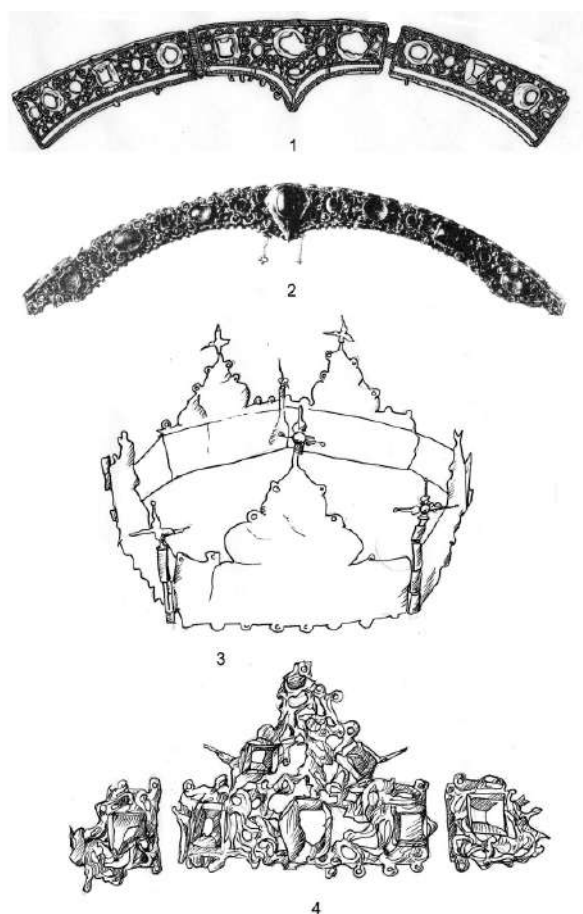

Рис. 3. Диадемы XII–XIII вв. Масштабы разные. 1 – Котнарь (Румыния), 2 – Каменный Брод (Украина), 3, 4 – Горану (Румыния).

нако, при наложении эти петли не совпадают, возможно, в данном случае мы имеем дело с двумя различными изделиями. Судя по их форме, диадемы были не очень удобны для ношения, возможно, они использовались в качестве свадебного убора и их держали над головами новобрачных во время венчания (приношу глубокую благодарность зав. Отделом Драгоценностей Национального Музея Истории Румынии Л. Думитриу за устную консультацию).

По всей видимости, не носилась в качестве головного убора и серебряная позолоченная диадема из Котнарь, датируемая концом XII – началом XIII в. (Popescu 1970, 49, №41). В данном случае мы имеем дело с узким пластинчатым украшением, состоящим из трех частей, соединенных при помощи шарниров и декорированным филигранью и драгоценными камнями (рис.3,1). Наиболее близкой аналогией этому украшению является золотая диадема

из Каменнобродского клада, найденная на территории Украины, также относящаяся к концу XII – началу XIII в. (Стерлигова 2000, 157.158, рис. 51). Данная плоская диадема украшена в аналогичной манере драгоценными камнями, жемчугом, сдвоенной сканью и зернью и, скорее всего, служила деталью для убранства большой иконы (рис.3,2). Причем, если развернуть центральным выступом вниз изображение диадемы из Котнарь, сходство будет еще более разительным. По всей видимости, румынская находка также является деталью иконного приклада. В таком варианте представляется и более оправданным размещение уже в нижней (налобной) части диадемы петелек для крепления подвесок или обниси. Отверстия, пробитые в этом украшении очень грубые, частично они испортили кромку изделия. Возможно, они служили для крепления его к жесткой основе (доске иконы?).

Для памятников Карпато-Балканского региона, датируемых XIII–XV вв. были характерны специфические золотые и серебряные диадемы, составленные из небольших бляшек разнообразной формы (круглых, прямоугольных, киотообразных). Наиболее характерны подобные украшения для кладов Верхнего Подунавья (Олтенъ, Горану, Жидостица, Гогошу, Ковей) (Popescu 1970, 49-50, cat. 42; Rosetti 1972, 27 – 39; Dumitriu 2001, Taf. 23–27; 41,95), Встречаются аналогичные находки и в Карпато-Поднестровье (Сучава, Скинетя) (Manea 1997, 387-406; Alaiba 2002, 117-179; fig. 10) (рис. 4). Причем в данном случае мы можем вести речь о сложении специфических комплектов ювелирных украшений, характерных именно для рассматриваемого региона. Для данных украшений характерно сочетание диадем, бахром из цепочек в налобной части и височных подвесок, декорированных в едином стиле. Данные украшения могут быть охарактеризованы как «диадемы с подвесками» или «диадемы с цепочками».

Украшения сходного облика представлены как в памятниках Румынии, так и современной Сербии. Остановимся подробнее на этих находках. Примером комплекта из диадемы, налобных и височных подвесок может служить серебряное украшение, найденное в Банатском Деспотоваце (Сербия) в составе

клада, совместно с 150 монетами XII–XIV вв., несколькими другими украшениями и средневековыми сосудами (Pîrvulescu 1999, 233.234, pl. 1,2, foto 1-3). Диадема состоит из 6 пластинок (прямоугольных основных и каплевидных – конечных), декорированных полусферами, зернью и проволочными нитями. В нижней части к пластинкам диадемы крепятся цепочки, декорированные двумя шариками (в средней и нижней части). Единый комплект с диадемой, по всей видимости, составляют крупные полые каплевидные подвески, располагавшиеся по сторонам лица. Подвески украшены сканью и зернью, к нижней их части прикреплены цепочки, аналогичные тем, что представлены на диадеме (Рябцева 2010, 87, рис. 5).

Аналогичные украшения известны из Брашова, где было найдено пять фрагментов различных диадем и двух височных подвесок, датирующихся XIII в. (Lukács 1998, 151, fig. 5; Lukács 1999, 127, fig. 13, p. 154, fig. 153, 155; Oța 2007, 131). Здесь были найдены трапециевидные пластинки от диадем, декорированные цепочками, заканчивающимися шариками. Представлен и фрагмент диадемы с прямоугольными пластинчатыми звеньями, украшенными крупными шариками, обведенными зерновыми ободками. По краю пластинок – сканно-зерновой декор. Подвески цепочки такие же, как и у киотообразных пластинок. Кроме того, было найдено одно концевое звено от диадемы и подвеска-медальон с цепочкой. Аналогичный медальон известен из клада Олтень (Oța 2007, 137).

Обрывки серебряных позолоченных цепочек, заканчивающихся шариками, декорированными сканью, и одна концевая треугольная пластинка от диадемы, происходят из клада Стрежа-Кэрцишоара (жудец Сибиу, Румыния) (Horedt 1958, 124-127; Popescu 1970, 20.21, fig. 13; Lukács 1998, 145-156; Lukács 1999, 124.126, fig. 12; Oța 2007, 131).

Фрагменты нескольких диадем известно из раскопок господарского некрополя в Куртя де Аржеш. Из слоев второй половины XIII в. происходит сложное украшение, состоящее из цепочек и подвесок, получившее в литературе название «ожерелья Святой Филофтеи». В предлагаемой реконструкции, изделие представляет собой украшение, состоящее из налобной

и подбородочной цепочек, а также височных подвесок (Dumitriu 2001, 121, taf. 88). Налобная часть декорирована украшенными зернью подвесками-сердечками, кружками и лунницами. Подвески, располагавшиеся по сторонам лица, украшены кабошонами и цепочками с привесками в нижней части. Безусловно, уникальными являются материалы из раскопок захоронения господаря Владислава I Влайку в некрополе Куртя де Аржеш (Constantinescu 1984, 44, fig. 14). В этом захоронении второй половины XIV в. сохранилась диадема в виде узкой выпуклой полосы, надетая на головной убор типа шапочки, остатки одежд (туники) расшитых золотыми нитками и жемчугом, украшенных золотыми пуговицами и бляшками. Найдены и ювелирные изделия - пояс с массивной роскошной пряжкой в виде готического замка и четыре крупных массивных золотых перстня со вставками из драгоценных камней (Dumitriu 2001, 20-22, 120, Abb. 10, Taf. 28 – 32).

Многочисленные находки диадем известны в кладах Олтении и Мунтении. Из этого региона известны, в том числе, и диадемы с бахромой из цепочек, расположенной в налобной части, аналогично тому, как это представлено на комплекте из Банатского Деспотоваца. Две диадемы содержатся в кладах Жидосица (жуд. Мехеденци), найденном неподалеку от берега Дуная (Oța 2007, 129). Судя по монетному материалу (было найдено 113 монет, относящихся к чеканкам Раду I (1377-1383), Дана I (1383-1386), Мирчи Старого (1386-1418), выпадение данного клада относится к первой половине XV в. (Dumitriu 2001, 130.131, Taf. 41,95). В кладах также представлены фрагменты двух серебряных позолоченных диадем, семь булавонок для головного убора, шесть трехбусинных височных колец или серег, одна гладкая сферическая пуговка и фрагмент пояса.

От диадемы с цепочками сохранилось 7 киотообразных пластинчатых звеньев соединенных шарнирным креплением. По краю каждого звена – сканная и зерневая кайма, на вершине – три зерневых пирамидки, в нижней части – одна. В центре звеньев – розетчатый сканно-зерновой декор. В нижней части каждой пластинки прикреплено по два кольца, соединяющиеся с проволочными цепочками. Цепочки состоят из двух отрезков. В цен-

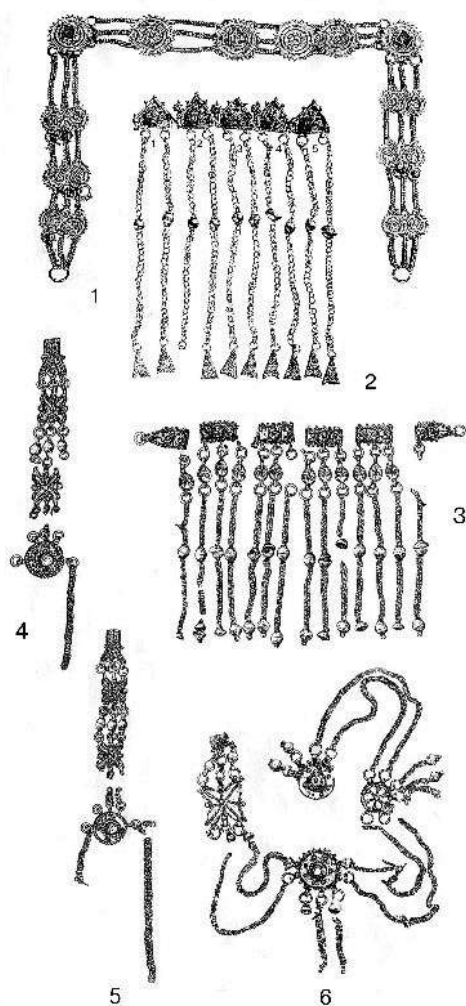

Рис. 4. Диадемы XIII–XV вв. Масштабы разные. 1 – Ковей, 2 – Олтенъ, 3–6 – Скинетя (1,2 – по Dumitriu 2001; 3–6: по Alaiba 2002).

тральной части (в месте соединения отрезков) они украшены шариками, в нижней части – подвесками-лунницами.

У второй диадемы сохранилось 13 прямоугольных пластинок и одна трапециевидная концевая. Пластинки соединены при помощи шарнирного крепления. По краю каждой пластинки – сканный и зерновой декор. Пластинки также декорированы выпуклыми колпачками, украшенными пирамидками зерни. Между пирамидками расположены линии зерни.

Диадема близкая к находке из Жидостицы происходит из клада 1953 г., найденного в Олтенъ (жудец Телеоман). Кроме серебряной диадемы в состав клада входили два серебряных позолоченных медальона, являющиеся деталями ожерелья, или украшения головного убора

(второй вариант ношения вслед за В. Росетти был предложен и С. Оца (Rosetti 1972, 27–39; Oța 2007, 129)). Медальоны соединены с круглыми тиснеными бусинами, сохранившимися фрагментарно. В центре медальонов – крупные кабошоны горного хрусталя в зубчатой проволоочной оправе, по краям изделий – кайма из сканных петелек. Скань сочетается с крупными шариками зерни (Rosetti 1972, 27–39; Dumitriu 2001, 130. 131, taf. 41). Кроме того, в кладе представлены цепочки, оканчивающиеся тиснеными бусинами (возможно также от головного убора). Найдена также одна целая серебряная позолоченная бусинная серьга и несколько фрагментированных экземпляров; четыре перстня, три из них с круглыми щитками и один – пластинчатый с расширяющимся щитком; три бляхи в форме шестилепестковых розеток, служивших, вероятно, для декорировки планки одежды. В кладе содержатся и детали, по меньшей мере, двух парадных серебряных позолоченных поясов, а также ряд фрагментированных изделий. Клад может быть датирован второй половиной XIV в. (Rosetti 1972, 3–14; Dumitriu 2001, 130.131, Taf. 41–43; Oța 2007, 129.137).

У диадемы из Олтенъ сохранилось пять пластинчатых звеньев киотообразной формы, соединенных шарнирным креплением (рис. 4.2). Шарниры декорированы зерновыми композициями. Верхние части пластинок украшены тремя зерновыми пирамидками. По краю пластинок – кромка зерни, а в центре объемные сканно-зерновые розетки. К каждой пластинке крепится по два кольца, соединяющиеся с цепочками. Цепочки украшены тиснеными шариками в средней и трапециевидными подвесками в нижней части.

К несколько более позднему времени относится, по всей видимости, серебряная позолоченная диадема, объединяющая в себе функции налобного украшения и височных подвесок, найденная в 1927 г. в кладе Ковей (жудец Доли). В состав клада входили также 2 серебряные низкие чаши (одна – с изображением Девы Марии с младенцем и Деисуса, вторая – с антропоморфными изображениями). Кроме того, были найдены серебряная курительная трубка с гравированным орнаментом, серебряные позолоченные ножи от кинжала,

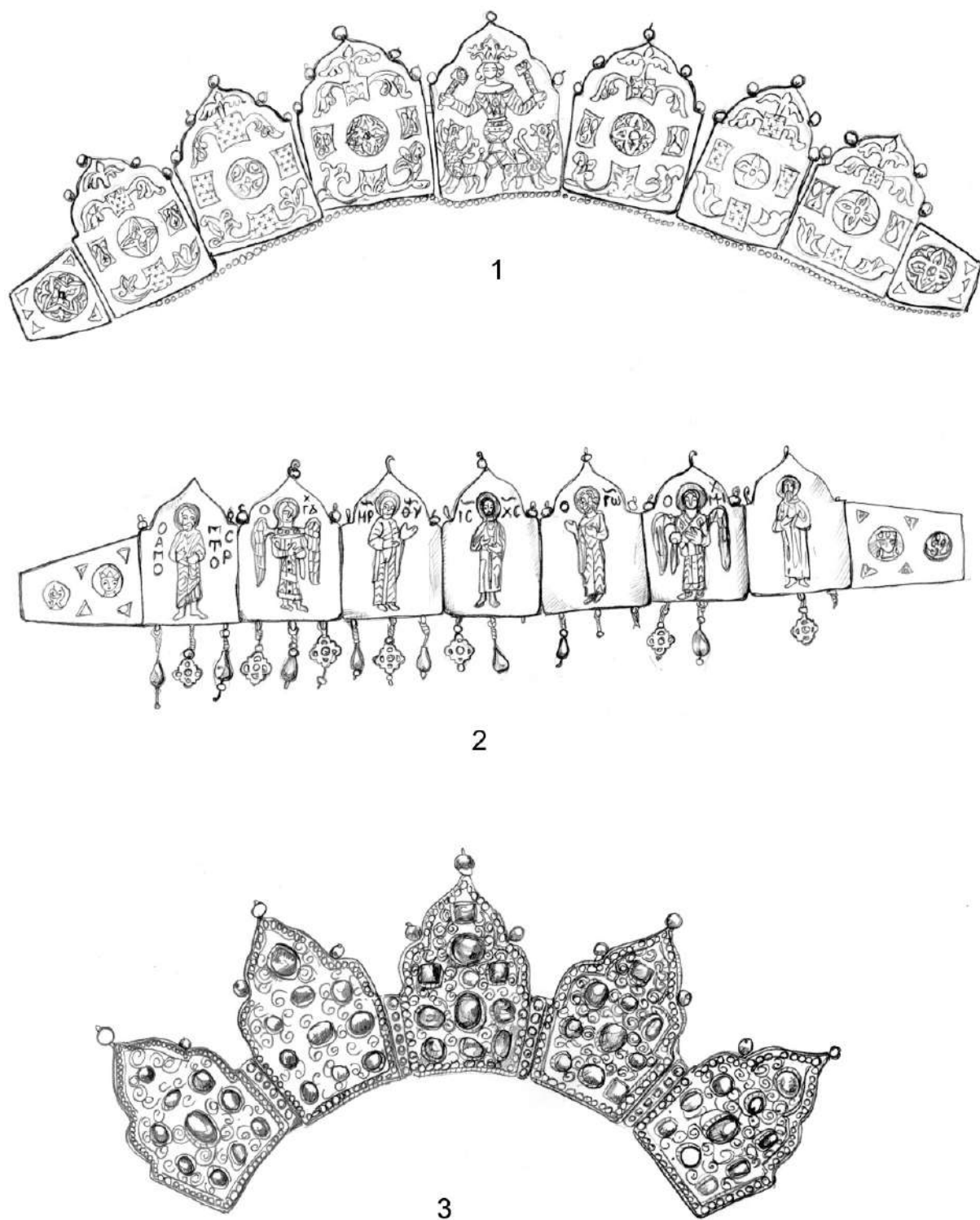

Рис. 5. Диадемы XII – XIII вв. Масштабы разные. 1 – Сахновка (Украина), 2 – Киев (Украина), 2 – Корона иконы Богоматерь Боголюбская (Россия).

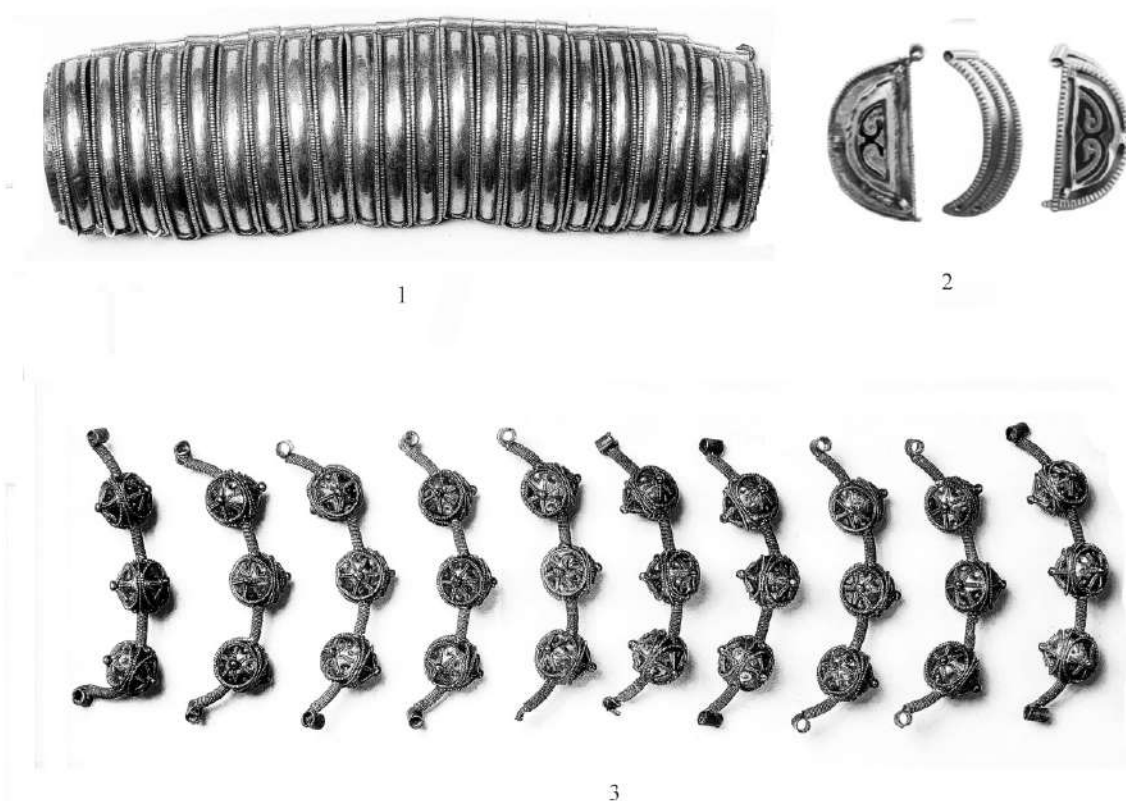

Рис. 6. Детали венцов XII–XIII вв. Масштабы разные. 1, 2 – Киев (Украина), 3 – Терехово (Россия) (1, 3: по Золотая кладовая ... 1998).

две броши (вероятно для декорировки шляп), 29 серебряных круглых или каплевидных пуговиц (тисненые и одна сканная ажурная) и кристалл горного хрусталя овальной формы (Popescu 1970, 49–50, cat. 42; Dumitriu 2001, 117.118, Taf. 23–27; Oța 2007, 128).

Диадема из Ковей состоит из круглых бляшек, соединенных цепочками (рис. 4, 1). Основными являются три бляшки налобной части украшения (две боковые и центральная). К боковым бляшкам крепится шесть петелек, в которые продеты цепочки налобной части украшения (в боковые петельки) и цепочки боковой подвески (в нижние петельки). К средней бляшке также крепится шесть петелек, для фиксации налобных цепочек. На остальные бляшки с оборотной стороны напаяны специальные трубочки-пазы, сквозь которые продергиваются цепочки. Бляшки, расположенные в налобной части украшения более крупные, на боковых подвесках – более мелкие и сдвоенные. У боковых и центральной бляшки в налобной части украшения – квадратные шатоны для фиксации камней. Остальные бляшки де-

корированы проволочно-зерновыми розетками. Все бляшки богато украшены зернью. На некоторых подвесках сохранились дополнительные колечки, возможно, на них крепились еще какие-то детали. Цепочки боковых подвесок в нижней части собраны на более крупное кольцо, к нему могло также крепиться то дополнительные украшения. Судя по находкам с территории Болгарии, подобное подвесное украшение может быть типа колта (экспозиция Археологического музея в городе София). Подобные гарнитуры из колтов из диадем, были, по всей видимости, достаточно характерны для убора населения Карпато-Балканского региона. Одним из центров изготовления таких вещей являлась болгарская Чипровская ювелирная школа, продукция которой ценилась и в восточно-романских княжествах (Сотиров 1984б 15). Мастера этого центра гарнитуры подобного облика изготавливали вплоть до XVI–XVII вв.

Фрагмент налобной части диадемы и целая подборка разнообразных серебряных позолоченных подвесок от диадем происходят из

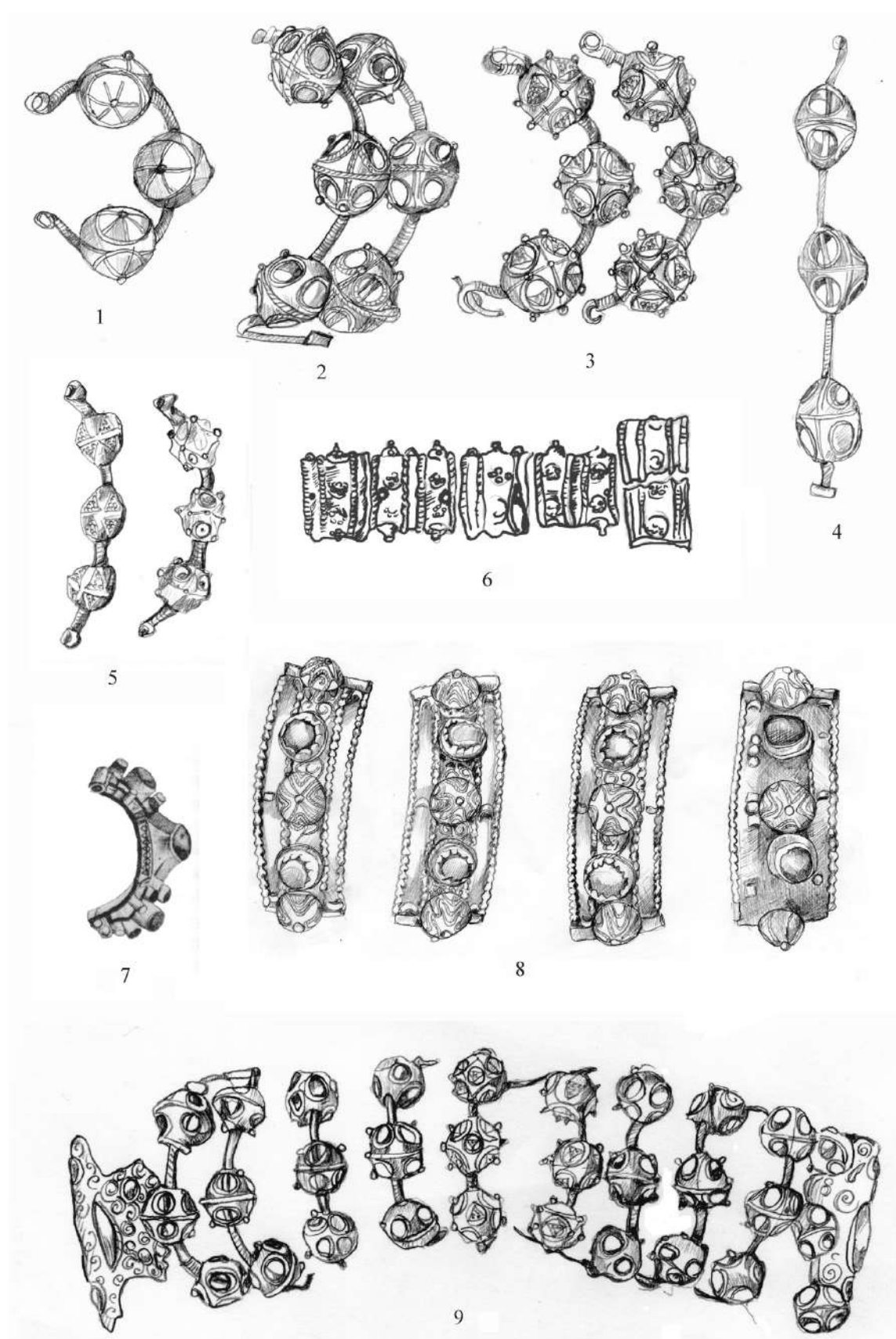

Рис. 7. Детали венцов XII–XIII вв. Масштабы разные. 1-3,5,9 - Старая Рязань, 4 – Владимир (Россия), 6 – Колесище, 7,8 – Киев (Украина).

клада 1929 г., найденного у г. Гогошу в местности «Коаста Нучилор» (жудец Мехединц). В состав клада входили 234 западноевропейские монеты (1365–1396). Вещевая часть клада содержит овальное ложчатое серебряное позолоченное блюдо с изображением фантастических птиц, поясной набор, пару серебряных плетеных браслетов с щитками декорированными зернью и сканью (Berciu, Comşa 1956, 462, fig. 188,1-3; Popescu 1970, 45; Dumitriu 2001, 124, Taf. 33-36; Oța 2007, 128). Диадема собрана из отдельных звеньев овальной и подпрямоугольной формы, сохранилось и одно концевое звено треугольной формы с фрагментом застежки. Все звенья украшены крупными шатоном с разноцветными камнями. На подпрямоугольных пластинках в углах тисненые полусферы. Овальные звенья декорированы проволочными кружками. Все пластинки декорированы по краю пирамидками зерни. О том, что данное украшение является именно фрагментом диадемы, свидетельствуют упомянутые выше болгарские аналоги, происходящие из кладов XIV в. в (Батова, Михайловград) (Павлова 2007, 54.68).

Подвески от диадем из клада Гогошу двух типов. Одна – плоская, по форме близкая к трапеции декорированная сканными колечками, а с лицевой стороны и квадратной вставкой для кабашона. В нижней части подвески – цепочки, оканчивающиеся каплевидными и лунницевидными подвесками. Вторая удлиненная подвеска собрана из трапециевидных, круглой и пирамидальной бусин. В нижней части изделия также расположены цепочки, оканчивающиеся каплевидными подвесками (Dumitriu 2001, 124, Taf. 33).

С территории Румынской Молдовы нам известно два местонахождения фрагментов диадем с подвесками. Так четыре фрагмента диадем было обнаружено в кладе Скинетя (Alaiba 2002, 117-179; fig. 10) (рис.4,3-6). Два детали, составленные из розеток, цепочек и бусин, представляют собой, вероятно, подвески к диадеме, спускавшиеся вдоль лица. В едином стиле с этими подвесками выполнен фрагмент диадемы, составленный из круглых и розеткообразных бляшек, декорированных шатоном и крупной зернью, тисненых бусин и цепочек. Еще одна диадема сохранилась в шести фраг-

ментах, из которых два концевые с круглыми колечками. Диадема украшена подвесками-цепочками, декорированными листовидными бляшками и круглыми шариками. Сама диадема и листовидные бляшки украшены крупной зернью и сканью. Кроме того, клада, найденного в Сучаве, происходят маленькие фрагменты диадемы, составленной из цепочек и розеток, аналогичных представленным на украшении из Ковей (Manea 1997, 387-406).

Близки по декору к рассматриваемым диадемам с подвесками и найденные в XIX веке (по всей видимости, в составе клада) на юго-востоке комитата Марамуреш серебряные тисненые колты или подвески к диадеме. Изделия на лицевой стороне декорированы изображениями святых, на обороте – орла в геральдической позе. С оформлением диадем эти украшения объединяют цепочки-подвески подвески с шариком в средней части и лунницами на концах. Как правило, появление украшений типа колтов исследователи связывают с византийским влиянием (Lukács 1998, 150-152, fig. 3; Oța 2007, 130, fig. 7).

Византийское влияние распространялось и на восточноевропейскую территорию и нашло свое отражение и в формировании древнерусского ювелирного убора конца XI–XIII вв. В археологических памятниках Древней Руси представлено две целые диадемы с эмалевыми изображениями, выполненные под явным византийским влиянием. Кроме того, известен целый ряд фрагментов подобных изделий. Целые экземпляры диадем происходят из кладов и датируются в пределах XII в.

Диадема с изображением сцены вознесения Александра Македонского была обнаружена в кладе 1900 г. на Девичьей Горе у с. Сахновка (Ханенко 1902, 21; Корзухина 1954, 131; Рыбаков 1969, 92-103; 1971, рис. 46-48; Макарова, Плетнева 1986, 103; Макарова 1975, 109; Даркевич 1972, 89; Бочаров 1984, 54). Диадема состоит из 7 основных киотообразных пластин и двух боковых трапециевидных. Ее длина составляет 35 см (рис. 5,1) Такой размер драгоценной налобной ленты и количество щитков ее составляющих является достаточно устойчивым и представлен у многих подобных изделий (например, у венгерской «короны Константина Мономаха») (Deer 1966, Taf. XXXVI,90).

Диадема же из Киевского клада 1889 г. декорирована изображением Деисуса, включавшего в себя фигуры Христа, Иоанна Предтечи, Богоматери, архангелов Гавриила и Михаила, апостолов Петра и Павла (рис. 4,2). Фигуры сопровождаются надписями, сочетающими элементы греческой и древнерусской палеографии. Боковые трапециевидные пластинки декорированы изображениями женских лиц и кринами в круге. По нижнему краю диадемы расположены каплевидные и квад্রেфолийные подвесочки (Кондаков 1996, 138; Корзухина 1954, 131; Толочко 1963, 145; Макарова, Плетнева 1986, 101; Макарова 1975, 108).

О том, что диадемы с эмалевыми изображениями имели достаточно широкое распространение в древнерусском уборе, свидетельствуют и находки фрагментов подобных изделий, происходящие не только из кладов, но и из погребений и городских слоев. Фрагменты диадем с изображениями святых были найдены в нескольких пунктах. В 1901 г. окрестностях г. Ярославля была обнаружена золотая киотообразная пластинка от диадемы с фигурой Богоматери в позе моления (Макарова 1975, 108, №63, Русская эмаль 1987, 14, 230; Синай, Византия, Русь 2002, 256). Золотая пластинка с изображением евангелиста Марка была приобретена в 1982 г. Государственным Эрмитажем (Русская эмаль 1987, 14, 230; Синай, Византия, Русь 2002, 256).

При раскопках женского захоронения XII в. в кургане 18 у с. Муштина Дрогобужского района (Украина) был найден фрагмент щитка от диадемы с эмалевым изображением архангела в рост (Рыбаков 1848, 388). Пожалуй, наиболее поздней является находка золотой киотообразной пластинки с эмалевым изображением молодого святого, происходящей из могильника зотоордынского времени Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье. Кроме этой пластинки, являвшейся, по всей видимости, деталью головного украшения типа диадемы, в материалах данного некрополя представлены и энколпионы древнерусского типа, что свидетельствует о наличии древнерусского компонента среди полиэтничного населения, оставившего данный могильник (Ельников 2001, 143).

Кроме того, известно и несколько щитков от диадем с растительно-геометрическим узо-

ром. Бронзовая позолоченная пластинка с изображением четырех сердцевидных фигур происходит из с. Сахновка (Ханенко 1907, т. XIII; Макарова 1975, 124). А золотая трапециевидная (по всей видимости, концевая) пластинка с криновидным декором известна из Киевского клада 1824 г., найденного неподалеку от Михайловского монастыря (Кондаков 1896, 104, Корзухина 1954, 123, №107, Макарова 1975, 109, №65, Бочаров 1984, 61).

Доказательством того, что диадемы изготовлялись, в том числе, и на древнерусской территории, может служить не только достаточно широкое распространение подобных фрагментов, но и находка их в составе комплекса ювелирного мастерской. Две золотые каплевидные подвесочки к диадеме, аналогичные представленным на диадеме из Киева, происходит из постройки №10 древнего Новогрудка (Гуревич 1981, 71-80; Макарова 1975, 108, № 62, табл. II, 1-3; Бочаров 1984, 62; Кошман 2001, 198-218). В составе инвентаря данной постройки второй половины XII-XIII вв. был найден разнообразный ювелирный инструментарий и восемь мелких золотых предметов – подвески, бусины и пронизки. Две подвески, в том числе одна с эмалевым декором, по всей видимости, крепились к нижней части диадемы. Бусины, в том числе и найденные вместе с обрывком цепочки, по всей видимости, являются деталями рясен. Кроме того, были найдены многочисленные фрагменты стеклянных сосудов древнерусского, византийского и ближневосточного производства, а также кусочек фаянсового сосуда с люстровой росписью и арабской надписью.

Среди стеклянных изделий выделяется уникальная находка сосуда с резным орнаментом, выполненного из толстого дымчатого стекла. Сосуд декорирован изображениями льва и грифона и принадлежит к типу так называемых «Hedwigsgläser» (кубок Ядвиги). По легенде, подобный сосуд принадлежал Ядвиге – жене герцога Силезии, канонизированной в 1267 г. Подобные кубки, известные по материалам коллекций европейских музеев и храмовых ризниц, производились, по всей видимости, на Ближнем Востоке, в Европе же распространились вместе с купцами и крестоносцами (Гуревич 1963, 243-246). Таким образом, обитатели

новогородского квартала ювелиров работали с драгоценными металлами, могли позволить себе иметь восточные стеклянные изделия и застекленные окна, возможно, они изготавливали, или поновляли и такие роскошные украшения, как золотые диадемы.

Кроме диадем с эмалевыми композициями известно и несколько диадем с драгоценными камнями. В кладе 1903 г. у д. Каменный Брод (Киевская губ.) был найден золотой пластинчатый венец с треугольным выступом в средней части, богато украшенный сканным декором и цветными вставками (Гущин 1936, 59–62; Корзухина 1954, 136; Толочко 1963, 147–148). Эта диадема наиболее близка к рассмотренной выше находке из Карпато-Балканского региона – диадеме из Котнарь (Румыния) и является, скорее всего, иконным прикладом (Стерлигова 2000, 157–158, рис. 51). Однако, парадный убор и приклад икон был взаимосвязан. К иконам женщины прикладывали свои драгоценности. Возможно, деталями головного убора первоначально являлись пластинки от венца XII – начала XIII вв. с эмалевыми изображениями святых, украшавшие новгородскую икону «Богоматерь Знамение» (Стерлигова 2000, 157). Близость формы щитков коруны из драгоценного приклада иконы «Богоматерь Боголюбская» к деталям диадем позволило Н.В. Жилиной атрибутировать это изделие как княжеский венец (Жилина 2002, 161–165, рис. 8). Коруна является наиболее древним предметом из драгоценного «одеяния» этой иконы (рис. 5,3). Характер ее декора, обилие драгоценных камней и жемчуга, сложный, сканно-зерновой декор приводят исследователей с одной стороны к обращению к аналогичным мотивам, представленным на произведениях западноевропейской металлопластики. С другой стороны – к сближению ее с произведениями мастеров рязанской ювелирной школы, хорошо знакомых, по всей видимости, с западноевропейской ремесленной традицией (Бочаров 1984, 179–182; Стерлигова 2000, 212–213).

В древнерусском парадном уборе кроме диадем со щитками, декорированными эмалевыми композициями, существовало еще два вида драгоценных венцов, эмалевые вставки на которых использовались только для украшения концевых пластинок, сами же венцы соби-

рались из изогнутых пластинчатых или трехбусинных дужек. Изогнутая форма пластинок объясняется тем, что они крепились в уборе, по всей видимости, к деревянному или матерчатому валику. Сходная конструкция была открыта в захоронении в Колесище (Корзухина 1954, 60–61) (рис. 7,6). Практически все находки венцов, составленных из пластинчатых дужек (как правило, золотых), происходят из Киева и его ближайшей округи (Рябцева 2005, 169, карта 7). Как в географическом плане, так и по материалу и технике изготовления, особняком стоит подборка из 16 серебряных позолоченных тисненых дужек от очелья, найденная в кладе у с. Городище (Деражнянского района Хмельницкой обл.) (Якубовский 1975, 87–104).

подавляющее же большинство подобных венцов изготовлено из золота и выглядит достаточно единообразно. Они составлены из кованых нешироких выгнутых дужек, украшенных полосами рубчатой проволоки (рис. 6,1,2). Один конец дужки загнут в небольшую трубочку, предназначенную для скрепления их в единый венец. На противоположном конце дужки расположено небольшое отверстие, предназначенное, по всей видимости, для нашивания венцов на основу (Корзухина 1954, 60, рис. 9). В ряде случаев встречаются и очелья с дужками несколько иного облика, снабженными шарнирами на одной или обеих узких сторонах. Подобные дужки с одним шарниром представлены в упомянутом кладе Городище, а с двумя – в кладе 1889 г., происходящем из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (Якубовский 1975, 87–104; Корзухина 1954, 119; Рябцева 2005, 171, рис. 93,Б). Судя, по сохранившимся фрагментам, по бокам венцы закрывались полусферическими пластинками, декорированными растительно-геометрическими эмалевыми узорами и жемчужной обнизью.

На этом фоне, безусловно, выделяется своим необычным обликом дужки от очелья, найденные при археологических изысканиях в зоне восстановления Михайловского Златоверхого собора в Киеве. В 1997 г. при работах экспедиции под руководством Г.Ю. Ивакина был обнаружен клад из 23 серебряных гривен киевского типа и ювелирных украшений. В комплекс входили два массивных золотых перстня,

один декорированный знаком Рюриковича, второй – вставкой с аметистом, плетеный серебряный браслет с концами, оформленными в виде драконьих головок и два золотых трехбусинных «серьги киевского типа» с ажурными сканными бусинами. Совместно с этими украшениями было найдено девять золотых дужки от очелья, декорированных полусферическими выступами со сканным узором перемежающимися с аметистовыми вставками (Ivakin 1997, 178-224, pl. 13; Візантія і Київська Русь 1997, кат. 40) (рис. 7.8). По бокам от этих высоких полусферических выступов, поднятых на «пьедалы» из проволоочных спиралей расположены ограниченные рядами бусиной проволоки лотки для нитей жемчужной обниси. Эта находка заставляет обратиться к вещам, найденным более полутора столетий тому назад. В кладе 1824 г., обнаруженном также у Михайловского монастыря («на Боричевом взвозе», «на скате старого вала») было представлено восемь золотых дужек от очелья. Каждая дужка декорирована тремя большими и множеством мелких камней, вставленных в ажурные гнезда (Кондаков 1896, 96-105, рис. 65; Корзухина 1954, 123; Жилина 2010, 218, рис. 135, 4б) (рис. 7.7). Система декора деталей этих очелья при помощи выпуклых цветных вставок, а также тисненых полусфер близка к представленной на несколько более поздних карпато-балканских украшениях, но форма самих пластин – иная. Необходимо отметить, что сходным образом – выступами и нитями жемчужной обниси было украшено и упомянутое очелье из Колесища (Корзухина 1954, 60.61) (рис. 7.6).

География второго типа древнерусских венцов, составленных изогнутых бусинных дужек гораздо более широкая, чем у очелья с пластинчатыми дужками. Кроме Киева они встречены вкладах Владимира, Москвы и Старой Рязани, на Орловщине и Черниговщине, а также в окрестностях Галича (Рябцева 2005, 170, карта 8) (рис. 6.3). В недавнее время (в ноябре 2009 г.) фрагменты подобного очелья были найдены в составеклада ювелирных украшений, обнаруженного при вспашке поля на южной окраине города Трубчевска (Брянской обл.) (Чубур 2010, 249, рис. 4).

Наиболее часто, встречаются подобные очелья, изготовленные из серебра, но есть по-

золоченные и золотые экземпляры. Бусины на- низывались на тонкие проволоочные дровотые стержни и укреплялись проволоочной обмоткой, располагавшейся между бусинами. Концы стержней расковывались и изгибались в трубочки, предназначенные для крепления венцов. Дополнительно укреплялась вся конструкция при помощи перекрученных проволоочных нитей, перетягивавших стержни в промежутках между бусинами. Для декорировки подобных очелья применялись бусины различной формы, зачастую предпочтение оказывалось экземплярам с элементами ажурности, декорированным сквозными отверстиями. В ряде случаев, если бусины были тиснеными глухими, они декорировались зернью или напаянными сканными колечками, или же проволоочными розетками (рис. 7.1-5). Кроме того, в составе одного очелья могли использовать дужки с бусинами разного типа. Так среди 16 серебряных дужек от очелья из московскогоклада 1988 г. 14 штук декорировано ажурными бусинами и 2 экземпляра – тиснеными, усыпанными зернью (Наследие варягов 1996, 111).

Наиболее роскошное золотое очелье этого типа было найдено в кладе 1992 г. в Старой Рязани (рис. 7.9). Сохранились 10 золотых дужек, декорированных бусинами двух типов – тиснеными и ажурными-тиснеными с круглыми отверстиями. На этом украшении прослеживаются фрагменты бронзовой проволоки, соединявшей дужки. Представлены и концевые пластинки, вырезанные по краям по форме бусин. Пластинки украшены эмалевыми вставками, роскошной двухъярусной сканью, зернью, алмадинами и стеклянными вставками с подложенной под ними серебряной фольгой. Выявлены также остатки ниток от шелковой основы убора. По краю концевых пластин расположены небольшие отверстия, предназначенные, по всей видимости, для нашивания на тканую основу (Даркевич, Борисевич 1995, 65-78, рис. 29-34). Средняя длина подобных очелья составляет 20-22 см., т.е. они доходили примерно до висков, а на затылке могли скрепляться при помощи цепочек (концевые пластины с цепочками найдены в Киевском кладе в усадьбе Есикорского) (Корзухина 1954, 118).

Таким образом, кроме диадем, в древнерусских древностях представлено и два вида

венцов. Для декорировки одного из них применялись в основном золотые дужки, для другого чаще использовали серебряные. Момент полихромии сохраняется и в подобных украшениях, благодаря вставочкам с драгоценными камнями, эмалями и стеклами, а также жемчужным обнизям. Однако, за исключением двух случаев с очельями из кладов, найденных у Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, эти полихромные элементы расположены только на концевых пластинках. Трехбусинные дужки, а также пластинчатые дужки с выпуклыми карстами из Кладов Михайловского Златоверхого монастыря создают игру выпуклостей и объемов в изобилии представленную на венцах из Карпато-Балканского региона, но на дужках иных форм.

Среди древнерусских венцов выделяется украшение, найденное в 1960 г. в Любече (Украина). При раскопках на Замковой горе здесь были обнаружены серебряные позолоченные бляшки различной формы (круглые, треугольные, ромбические, розеткообразные), по всей видимости, служившие для декорирования венчика. Семь бляшек из этого набора декорированы эмалевыми, семь – стеклянными вставками, а одиннадцать жемчугом. Также как и другие известные диадемы, и венцы, происходящие, например, из Сахновки или Киева, судя по количеству бляшек, этот венчик, мог достигать только до висков. По всей видимости, затылочная часть венца не была украшена и закрывалась покрывалом. Изделие достаточно примитивно в декоративном плане, основными элементами декора являлись треугольники, розетки, побеги, схематические изображения женщин с поднятыми руками. Манера изготовления тисненых бляшек достаточно небрежная. Однако, при этом, рецептура исследованных эмалей этого венца оказалась византийской, что лишний раз свидетельствует о том, что эмалевый порошок привозился на Русь из Византии (Макарова 1974, 160–162).

Что касается послемонгольского времени, то о том как выглядели драгоценные царские и княжеские диадемы-венцы мы можем представить в основном по письменным свидетельствам и изобразительным произведениям. Так духовной грамоте князя Михаила

Андреевича (1486) среди имущества, передаваемого своей дочери упоминается «венец царский с города, да я хонты, да с лалы, да с зерны с велими; другои векок назан великим жемчугом; да челка низана великим жемчугом; ожерелье с великими яхонты сажоно, з зерны с великим; рясны с яхонты да с лалы; колтки золоты с яхонты» (Духовные и договорные грамоты 1950, 312, №80). Среди одеяний царя Федора Михайловича присутствует диадема с изображениями Деисустного чина (Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и архангелы), аналогичного тому, что мы знаем по диадеме XII в. из Киева (Савойтов 1896, 32). В женском головном уборе аналогичную роль исполняли венцы-коруны (Забелин 1992, 185). Парадный убор Московской Руси насыщен жемчугом и драгоценными камнями, в нем сохраняются многие типы украшений, имеющие домонгольские истоки, в том числе, зубчатые венцы-диадемы и подвески рясна

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в уборе населения Восточной и Юго-Восточной Европы выделяются драгоценные венцы, являвшиеся частью парадного убора, а также роскошные парадные и церемониальные диадемы. Эти изделия являлись привилегией ювелирного убора знати и выполнялись первоначально в рамках византийской традиции. Время существования изделий, изготовлявшиеся под непосредственным византийским влиянием в Восточной Европе ограничивается XII – первой половиной XIII в. На Балканах эта традиция проявляется раньше – в X в. (диадема из Преслава). Своеобразные варианты диадем, выполненных, под византийским влиянием существуют здесь до XIV в. (Пажаровец, Маковиште).

Кроме того, в XII–XIII вв. в Карпато-Балканском регионе появляются диадемы, выполненные под влиянием западноевропейского ювелирного искусства (диадемы из Горану и Котнарь). Западноевропейское влияние прослеживается и при рассмотрении материалов, происходящих с территории Восточной Европы. Наиболее ощутимо оно в подборке украшений из Старой Рязани. Мастерам Рязанской ювелирной школы, создавали венцы, ожерелья и колты богато декорированные драгоценными камнями, жемчугом, сложной, зачастую мно-

гоярусной сканью, зернью, эмалевыми изображениями. К произведениям мастеров рязанской школы близка и коруна иконы Богоматери Боголюбской.

В XIII–XV вв. изобразительная традиция Карпато-Балканского региона фиксирует переход от низких диадем к высоким башнеобразным уборам, состоящим как бы из нескольких ярусов диадем и к высоким зубчатым коронам. Изображения корон представлены и в послемонгольских изобразительных памятниках Руси.

Археологический же материал демонстрирует, что в XIV–XV вв. в Карпато-Балканском регионе складывается специфический тип диадем с богато декорированными тисненными и проволочными розетками прямоугольными, киотообразными и округлыми звеньями. Многие из этих диадем (особенно происходящие из кладов) украшены многочисленными подвесками и цепочками. Подвески-рясна к головным уборам, а также серьги, имеющие весьма близкие аналогии в памятниках

Карпато-Балканского региона, представлены и в одеяниях древнерусских княгинь и цариц, а также в драгоценных прикладах икон. Украшения княгини Ефросиньи Рязанской (XIV в.) и царицы Анастасии Романовны (XVI в.), а также жемчужные рясна из драгоценного убора Богоматери Одигитрии (XIV в.) из собрания музея Московского кремля (Рязанский кремль 2005, 111; Жилина 2003, 283, рис. 5; Стерлигова 2000, 176) могут служить ярким тому примером. В то же время, сам тип диадем из гибких звеньев, зачастую декорированных длинной бахромой в налобной части, типичный в этот период для памятников Карпато-Балканского региона на территории Восточной Европы нам не известен. Таким образом, при всем своеобразии ювелирных уборов населения Юго-Восточной и Восточной Европы, отмечается и ряд общих черт, определяемых общими тенденциями развития европейского ювелирного дела периода развитого и позднего средневековья.

Библиография

- Александров 1984:** Г. Александров, Средновековно българско съкровище от Михайловград. Археология 1, 1984, 29-38.
- Андреев 1988:** Й. Андреев, Болгарските ханове и царе VII–XIV век (София 1988).
- Андреев 1992:** Й. Андреев, Всекидневието на Българите през XII–XIV век (София 1992).
- Атанасов 1984:** Г. Атанасов, Средновековно българско съкровище от Михайловград. Археология 1, 1984, 29-36.
- Атанасов 1999:** Г. Атанасов, Инсигните на средновековните български владетели (Плевен 1999).
- Атанасова 1980:** И. Атанасова, Средновековно съкровище от село Дружба. Музеи и паметници на културата XX, 4, 1980, 20-26.
- Барсов 1883:** Е.В. Барсов, Исторический очерк чинов священного венчания на царствие в связи с развитием идеи царя на Руси. ЧОИДР кн. 1. М., I-XXXV.
- Божилов 1985:** И Божилов, Фамилиято на Асенеази (София 1985).
- Бочаров 1984:** Г.Н. Бочаров, Художественный металл Древней Руси (Москва 1984).
- Вельтман 1860:** А. Вельтман, Царский золотой венец и царские утвари, присланные греческим императорами Василием и Константином первовенчанному В.К. Владимиру Киевскому. ЧОИДР кн.1. М., 31-99.
- Возний 2008:** І. Возний, Прикрас из відкритих поселень X-XIV ст. межиріччя Верхнього Сирету та Середнього Дністра. В сб: Стародавній Іскоростень І слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. І (Коростень 2008) 47-54.
- Візантія і Київська Русь 1997:** Візантія і Київська Русь. Каталог виставки (Київ 1997).
- Георгиев 1996:** П. Георгиев, Диадемата от Переславското златно Съкровище. В сб.: Бог и цар в българската история (Пловдив 1996), 79-85.
- Григоров 2003:** В. Григоров, Принос към проучването на старобългарската диадема (VIII-XI). Археология 1, 2003, 29-37.
- Григоров 2004:** В. Григоров, Средновековна диадема-прочелник от Националният археологически музей – София. Археология 3-4, 2004, 61-62.
- Григоров 2007:** В. Григоров, Метални накити от средновековна България (VII–IX в.) (София 2007).
- Гуревич 1963:** Ф.Д. Гуревич, Стекланный резной бокал из Новогрудка. СА 2, 1963, 243-246.
- Гуревич 1981:** Ф.Д. Гуревич, Древний Новогрудок (Ленинград 1981).
- Даркевич 1972:** Ф.Д. Даркевич, Путиями средневековых мастеров (Москва 1972).

- Даркевич 1975:** В.П. Даркевич, Светское искусство Византии (Москва 1975).
- Даркевич, Борисевич 1995:** В.П. Даркевич, Г.В. Борисевич, Древняя столица Рязанской земли (Москва 1995).
- Димитров 2010:** П. Димитров, Разпространение и характеристика на накитите от Северна България (XI - XIV). В сб.: *Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Serpl. V* (София 2010), 663–671.
- Димитров 1995:** Я. Димитров, Църква и некропол във Външния град на Плиска (края на X–XI в.). В сб.: Плиска-Преслав 7, 1995, 42–70.
- Долмонова-Лукановская 2010:** М. Долмонова-Лукановская. Владетелските инсигнии на Търновските царе. Приноси към Българската археология VI (София 2010), 120–131.
- Дрэгуща, Лупан 1983:** П. Дрэгуща, В. Лупан, Стенная Роспись в Молдове (Бухарест 1983).
- Духовные и договорные грамоты 1950:** Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (Москва – Ленинград 1950).
- Ельников 2001:** М.В. Ельников, Средневековый могильник Мамай-Сурка (Запорожье 2001).
- Ерцеговић Павловић 1979:** С. Ерцеговић Павловић, Средњовековни накит од украсних плочица. В сб.: *Зборник народног музеја IX–X* (Београд 1979), 279–285.
- Жилина 2002:** Н.В. Жилина, Русский ювелирный убор. Родина 2001 №11–12, 160–165.
- Жилина 2003:** Н.В. Жилина, Русская филигрань до и после татаро-монгольского нашествия. В сб.: *Русь в XIII в. Древности темного времени* (Москва 2003), 278–289.
- Жилина 2010:** Н.В. Жилина, Зернь и скань Древней Руси (Москва 2010).
- Забелин 1992:** И.Е. Забелин, Домашний быт русских цариц (Новосибирск 1992).
- Иванов 2000:** С.А. Иванов, Константинополь на периферии: как «варвары» имитировали византийскую культуру. В сб.: *Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции*. Т.Д. (Санкт-Петербург 2000), 14–15.
- Калашникова 2010:** Н.М. Калашникова, Одежда населения Бессарабии; традиционные формы в полиэтничном пространстве. В сб.: *Материалы по этнографии*. Т. III Российский этнографический музей. (Санкт-Петербург 2010), 17–96.
- Кондаков 1892:** Н.П. Кондаков, Византийские эмали из собрания А. Звенигородского (Санкт-Петербург 1892).
- Кондаков 1996:** Н.П. Кондаков, Русские клады (Санкт-Петербург 1996).
- Кондаков 1906:** Н.П. Кондаков, Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. (Санкт-Петербург 1906).
- Корзухина 1954:** Г.Ф. Корзухина. Русские клады. (Москва – Ленинград 1954).
- Кошман 2001:** В.И. Кошман, Изделия с перегородчатой эмалью на территории Белоруссии. Гістарычна – археалагічны зборник 16, (Минск 2001), 130–137.
- Лихачева 1981:** В.Д. Лихачева, Искусство Византии IV–XV вв. (Ленинград 1981).
- Лукина 1974:** Г.Н. Лукина, Название предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Москва 1974).
- Мавродинов 1966:** Н. Мавродинов, Староболгарското изкуство XI–XIII вв. (София 1966).
- Мавродинова 1969:** Л. Мавродинова, Църквата в Долна Каменица. Стенописи от времето на Михаил Шишман (София 1969).
- Макарова 1974:** Т.И. Макарова, Венец с перегородчатой эмалью из Любеча. В сб.: *Культура средневековой Руси* (Москва 1974), 160–162.
- Макарова 1975:** Т.И. Макарова, Перегородчатые эмали Древней Руси (Москва 1975),
- Макарова, Плетнева 1986:** Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, О центрах эмальерного дела в Древней Руси. В сб.: *Славяне и Русь* (Москва 1986), 98–111.
- Минић 1996:** Д. Минић, Украсне плочице из Врцалове Воденице код Руме. Рад музеја Војводине 37–38. Нови Сад 1995/1996, 113–121.
- Наследие варягов 1996:** Наследие варягов. Диалог культур (Вораз 1996).
- Павлова 2007:** В. Павлова. Съкровищата на средновековна България. Каталог на изложба (Варна 2007).
- Рябцева 2005:** С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования (Санкт-Петербург 2005).
- Рябцева 2010:** С.С. Рябцева, Об одном типе средневековых ювелирных украшений XII–XVI вв. *РА*. V, 2, 2010, 80–89.

- Рязанский кремль 2005:** Музей заповедник Рязанский кремль. (Рязань 2005).
- Русская эмаль 1987:** Русская эмаль XII – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа (Ленинград 1987).
- Рыбаков 1848:** Б.А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси (Москва 1948).
- Рыбаков 1969:** Б.А. Рыбаков, Київські колти і віли-русалки. В сб.: Славяно-руські старожитности (Київ 1969), 92-103.
- Савоитов 1896:** П. Савоитов, Описание старинных русских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора (Санкт-Петербург 1896).
- Синай, Византия, Русь 2002:** Синай, Византия, Русь (Санкт-Петербург 2002).
- Сотиров 1984:** И. Сотиров, Чипровска златарска школа (София 1984).
- Стерлигова 2000:** И.А. Стерлигова, Драгоценный убор древнерусских икон XI-XIV вв. Происхождение, символика, художественный образ (Москва 2000).
- Толочко 1963:** П.П. Толочко, Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі. Археологія XV, 1963, 145-164.
- Тотев 1981:** Т. Тотев, Опыт за реконструкция на диадемата от Преславското съкровище. Музеи и паметници на културата 3, 1981, 121-137.
- Тотев 1983:** Т. Тотев, Преславското златно съкровище (София 1983).
- Тотев 1986:** Т. Тотев, Преславското златно съкровище. Известия на Народния музей-Варна 22 (37), 1986, 83-108.
- Тотев 1993:** Т. Тотев, Бележки за проникването на техниката на клетъчния емайл в Преслав. В сб.: Преслав 5, 102-117.
- Уильямс, Огден 1995:** Д. Уильямс, Д. Огден, Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи (Санкт-Петербург 1995).
- Успенский 1997:** Ф.И. Успенский. История византийской империи VI–IX вв., т. 2 (Москва 1997).
- Фасмер 1986:** М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. 1 (Москва 1986).
- Ханенко 1902:** Б.И. и В.И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. 5 (Киев 1902).
- Ханенко 1907:** Б.И. и В.И. Ханенко, Древности Приднепровья, т. 6 (Киев 1907).
- Ћорвић-Љубинковић 1969:** М. Ћорвић-Љубинковић, Средњовековна уметност у Србији (Београд 1969).
- Ћоровић-Љубинковић, Милошевић, Татић-Ћуровић 1969:** М. Ћоровић-Љубинковић, Д. Милошевић, М. Татић-Ћуровић, Средњовековна уметност у Србији (Београд 1969).
- Чубур 2010:** А.А. Чубур. Трубчевский домонгольский клад ювелирных изделий. В сб.: Материалы по истории и археологии России I (Рязань 2010), 247-255.
- Якубовский 1975:** В. И. Якубовский, Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області. Археологія 16, 87-104.
- Alaiba 2002:** R. Alaiba, Tezaurul de la Schinetea, jud. Vaslui. ArhMed IV, 2002, 117-179.
- Constantinescu 1984:** N. Constantinescu, Curtea de Argeş. 1200-1400 (Bucureşti 1984).
- Berciu, Comşa 1956:** D. Berciu, E. Comşa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde şi Gogoşu (1949 şi 1950). MCA 2, 1956, 251-290.
- Davidson 1966:** P. Davidson, Greek Gold (Berlin 1966).
- Deer 1966:** J. Deer, Die Heling Krone Ungarns (Wien 1966).
- Dumitriu 2001:** L. Dumitriu, Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert (Bucureşti 2003).
- Goschew 1966:** I. Goschew, Zur frage der Krönungszeremonien und die Zeremonielle Gewandung der Byzantinischen und der Bulgarischen Herrscher im Mittelalter. Byzantino-Bulgarica. Sofia, 1966, 145-168.
- Eliaş 1964:** A. Eliaş, Moldova şi Bizanţul în secolul al XV-lea. În: Cultura moldovenească în timpul lui Ştefan cel Mare (Bucureşti 1964), 97-179.
- Horedt 1958:** K. Horedt, Contribuţii la istoria Transilvaniei sec. IV–XIII (Bucureşti 1958).
- Ivakin 1997:** G. Ivakin, Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev. In: Візантія і Київська Русь (Київ 1997), 178-224.
- Lukács 1998:** A. Lukács, Tezaurul de la Sterza-Cârţişoara (jud. Sibiu). SCIVA 49, 2, 1998, 145-156.
- Lukács 1999:** A. Lukács, Ţara Făgăraşului în Evul Mediu. Secolele XIII–XVI (Bucureşti 1999).
- Manea 1997:** C.A. Manea, Unele probleme referitoare la datarea tezaurului de la Suceava. CA X, 1997, 387-406.
- Maneva 2001:** E. Maneva, Le bandeau d'argent de la necropole Krstevе pres de Plosek. In: Збірник народног музеја XVII-I. 2001, 403-413.
- Nicolescu 1970:** C. Nicolescu, Istoria costumului de curte în Ţările Române (Bucureşti 1970).

- Oța 2007:** S. Oța, Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV). SCIVA 58, 1-2, 2007, 117-156.
- Pîrvulescu 1999:** P. Pîrvulescu, Tezaurul feudal de la Ernesthaza (Banatski Despotovac), secolele XIV-XV. AB II, 1999, 233-241.
- Popescu 1970:** M. Popescu, Podoabe medievale în Țările Române (București 1970).
- Popescu 1975:** M. Popescu, Iconografia podoabelor medievale. RMM 2, 1975, 61-71.
- Rosetti 1972:** D.V. Rosetti, Tezaurul de podoabe medievale de la Olteni (Teleorman) si elementele lor bizantine. BMI 41, 4, 1972, 27-39.
- Țicu 1998:** D. Țicu, Banatul montan în evul mediu (Timișoara 1998).
- Uzum 1983:** I. Uzum, Un tezaur de podoabe medievale descoperit la Macoviște (comuna Ciuchici, județul Caraș-Severin). AMN XX, 1983, 509-523.

Светлана Рябцева, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Ресублика Молдова, sveta_earing@mail.ru

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

СТОЯНКА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВАЛЯ МОРИЛОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МОЛДОВЫ

Теодор ОБАДЭ, Сергей КОВАЛЕНКО, Виталий БУРЛАКУ, Кишинэу,
Йоханнес ван дер ПЛИХТ, Лиден

Stațiunea paleoliticului superior Valea Morilor din partea centrală a Moldovei. Stațiunea Valea Morilor reprezintă locul unei tabere temporare a vânătorilor de mamuți. Pe suprafața prospectată a stațiunii, ce depășește o mie de metri pătrați, au fost semnalate patru aglomerații de resturi ale activității umane. Trei dintre ele, cu resturi de oase de mamut, reprezentau locuri unde se tranșa vânatul, a patra (cu resturi de cărbuni și cenușă) – zona amplasării rugurilor. Prezența vre-unei amenajări, în urma săpăturilor, nu a fost semnalată, cu toate că nu poate fi exclusă și posibilitatea că oamenii de aici foloseau adăpostul-paravan. În numărul mic de piese de silex, aduse la stațiune în formă finisată, se includ cuțitele utilizate pentru tranșarea vânatului cât și cele pentru prelucrarea lemnului. Vârsta stațiunii după datele de radiocarbon este de 20770 $\pm$ 90 BP ani, ceea ce coincide cu perioada pătrunderii pe Nistru a vânătorilor-purtători ai tradiției culturii epi-aurignaciene.

Стоянка Валя Морилор относится к типу кратковременных охотничьих лагерей и является местом успешной охоты на мамонтов. На раскопе, превышающем тысячу квадратных метров, были прослежены четыре хозяйственно-бытовых объекта. Три крупных скопления костей мамонтов, где производилась разделка туш, дополнялась участком, где были отмечены следы разжигания костров. Каких-либо признаков жилых конструкций не обнаружено, хотя допускается вероятность использования ветрового заслона. В ограниченном наборе кремневых инструментов, принесенных на стоянку в уже готовом виде, присутствуют орудия для разделки продуктов охоты и обработки дерева. Радиоуглеродный возраст стоянки определен в 20770 $\pm$ 90 BP лет, что соответствует времени проникновения на Днестр носителей традиций эпиориньякской культуры.

Upper Paleolithic Site Valea Morilor from Central Moldova. Valea Morilor Site is a temporary hunting camp that yielded some evidences of successful hunting on mammoths. Four archeological complexes are discovered on the excavation area exceeding one thousand square meters. The archeological complexes represent three large butchering places associated with fourth complex consisting of fire traces and flint artifacts. There are no any remains of dwelling; however, a presence of wind barrier can not be excluded. The butchering and wood processing tools are presented in the limited set of artifacts originally brought to the site from elsewhere. The C¹⁴ dating of bone remains indicates the absolute age 20770 $\pm$ 90 BP years, that corresponds to the time of arrival of epi-aurignacian tradition bearers.

Key words: Valea Morilor Site, mammoth hunters, Upper Paleolithic.

Первые находки крупных костей животных на дне озера Валя Морилор были обнаружены при проведении очистных работ весной 2009 года. С удалением донных отложений и подстилающих суглинков на поверхности оказались разрозненные кости мамонтов. К спасательным работам на месте находок приступили сотрудники Национального музея археологии и истории Молдовы И.С. Тентюк, В.Г. Бубулич, В.М.

Бикбаев и А.Н. Левинский и сотрудник Института зоологии АН РМ, палеонтолог Т.Ф. Обадэ. Богатый опыт работы на палеолитических стоянках позволил последнему распознать среди общей массы находок мелкие кремни с острыми гранями, по своему облику напоминающие изделия древнекаменного века. После научно-го освидетельствования кремневых предметов, палеонтологическому местонахождению был

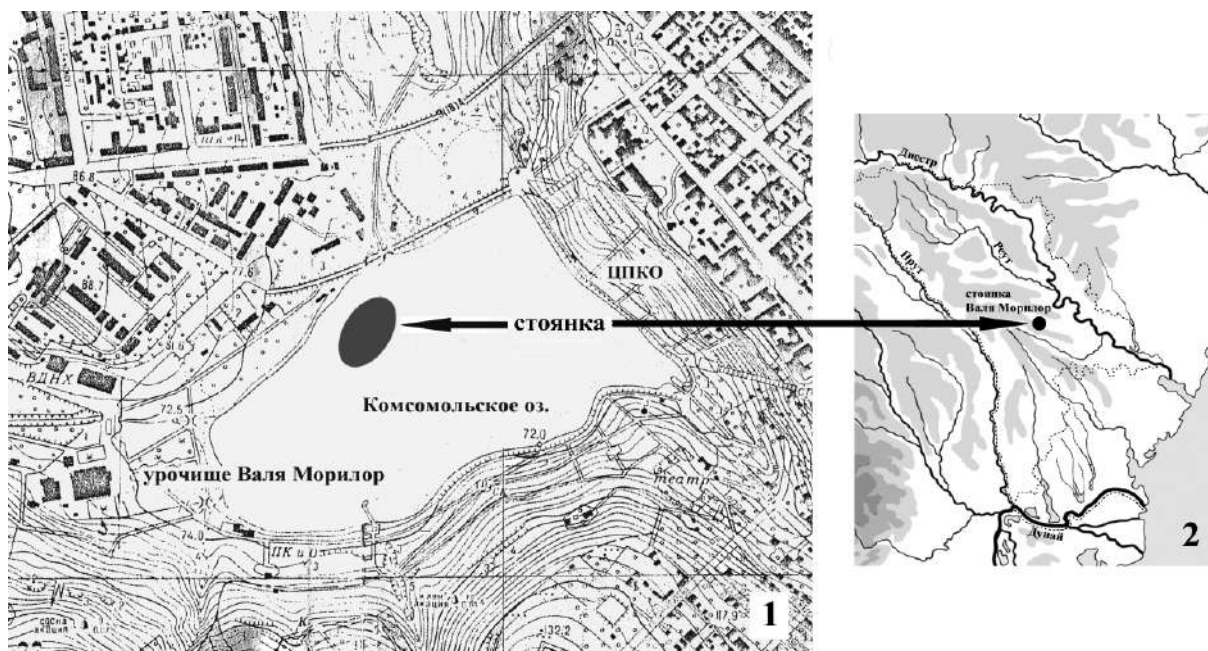

Рис. 1. Местоположение стоянки на карте города (1) и региона (2).

присвоен статус археологического памятника.

В первый год исследований на месте скоплений костей были заложены пять раскопов, обозначенные как 1А, 1В, и 1С (основные), на некотором удалении от них к югу и северу были раскопаны еще два небольших участка - раскопы 2 и 3. В следующем году археологические изыскания продолжались на южной (прирезка к раскопу 1В) и юго-западной (раскоп 1С) периферии стоянки. Раскопки 2010 года проводились сотрудниками Академии наук (С.И. Коваленко, Т.Ф. Обадэ, В.А. Бурлаку) и студентами Высшей Антропологической школы, под руководством начальника экспедиции О.Г. Левицкого.

Стоянка Валя Морилор располагается у северо-западного края озера, в Центральном парке культуры и отдыха, в западной части г. Кишинева (рис. 1). Она занимает левый пологий склон долины р. Дурлешть (правобережный приток р. Бык), у излучины которого сохранились остатки некогда широкой поймы с прилегающей к ней низкой надпойменной террасой. Противолежащий высокий коренной берег долины с крутыми склонами, подверженный эрозии и оползням, рассечен двумя глубокими балками, с юга ручьем Тамара, а с востока ручьем Нагорный.

При обустройстве озера в 1952-1953 гг. левая низкая часть речной долины, на месте из-

лучины, была искусственно углублена. Вследствие этого была утрачена пачка покровных отложений первой надпойменной террасы, мощность которой по предварительной оценке составляла на месте стоянки более 3-3,5 метра. Вместе с тем у береговой линии водоема, рядом со зданием спасательной станции, сохранилась большая часть этих отложений. Именно здесь был заложен основной *стратиграфический шурф*, размером 3х2 м, ориентированный вдоль склона по линии север-юг. По его восточной стенке была прослежена следующая последовательность напластований:

1. Чернозем коричневатых тонов, комковатый, неоднородный по составу, интенсивно переработанный кротовинами, с техногенными нарушениями в верхней части, на отдельных участках с четкой нижней границей (рис. 2,1). Мощность 40 см.

2. Бурый суглинок, испещренный кротовинами и корнеходами, заполненных более темным грунтом, со слабо выраженной карбонатностью, редкими включениями меловых окатышей диаметром до 1 см, постепенным переходом к нижележащему слою (рис. 2,2). Мощность 50-70 см.

3. Опесчаненные суглинки желто-коричневого цвета, пониженной плотности, однородные по составу, с редкими включения-

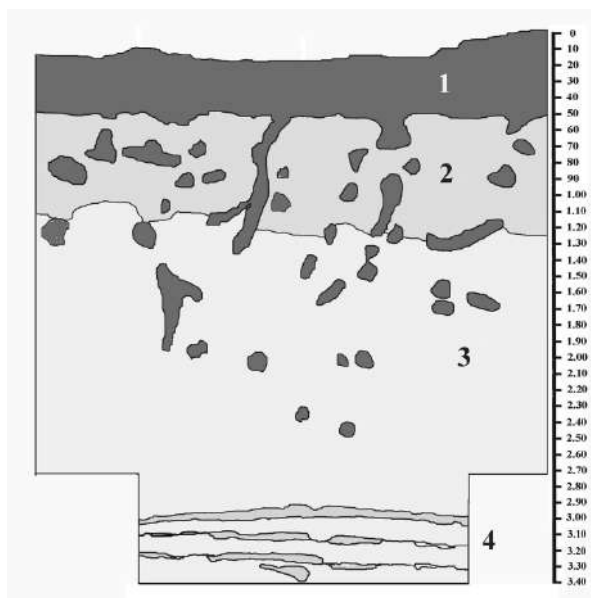

Рис. 2. Стратиграфия по восточной стенке шурфа.

ми мелких меловых окатышей. Верхняя часть, более темная по тональности, сильно нарушена кротовинами, нижняя часть более осветленная. Границы слоя условны. Его накопление во многом определялось аллювиальными процессами (рис. 2,3). Мощность около 1,6 м.

4. Пойменные отложения в виде последовательно переслаивающихся глеевых суглинков и речных песков (рис. 2,4). Песчаные прослойки представлены глинистой, осветленной, мелкозернистой, рыхлой породой. В отличие от них глеевые прослойки имеют более темную тональность, большую плотность и вязкость. Средняя толщина прослоек – 3–4 см, но встречаются и более тонкие слойки. Исключение составляют как самый верхний песчаный прослой толщиной до 10 см, так и самый нижний глинистый прослой с множеством мелких включений древесного угля, толщина которого варьируется. Лучше всего прослеживаются три песчаных и три глеевых прослоя. Мощность этой пачки отложений превышает 40 см.

Глубина шурфа составила 3,4 м от современной дневной поверхности. С выходом на уровень грунтовых вод, его углубление было остановлено из-за чрезмерной вязкости

влажного грунта. По данным Т.Ф. Обадэ, дополнительно подрезавшего восточную стенку шурфа в нижней части разреза, из глеевого прослоя с вкраплениями углистой крошки происходит обломок кости, по своей текстуре сопоставимый с костью мамонта. Это может быть прямым указанием на стратиграфическое положение культурного слоя, который на одном из показательных участков раскопа 1С был включен в сходную по литологическому составу геологическую породу.

Еще три стратиграфических шурфа были подготовлены по северо-западному краю раскопов 1А и 1В и один под скоплением костей от предполагаемого ветрового заслона на раскопе 1А. По данным Т.Ф. Обадэ, их глубина составила 1,8 м. Верхняя пачка вскрытых отложений представляла собой аллювиальные напластования пойменной фации, в которой эпизодически встречались кальцинированные образования типа журавчиков. Нижележащие отложения представлены песками русловой фации, имеющих слоистую структуру, с толщиной прослоев в 1–3 см и заметным наклоном (7–10°), с поднятием в С-З направлении. Дополнительная информация о стратиграфии памятника была получена в ходе самих раскопок. На отдельных участках раскопа 1А и 1С отмечались прослой зеленоватой глины, подстилающие культурный слой. Кроме того, на раскопе 1А ниже уровня находок, на площади около 10 кв.м были открыты остатки органического вещества¹, окрасившего вмещающую породу в черный цвет.

Можно предположить, что залегание культурного слоя сопряжено на возвышенных участках террасы с глеевым прослоем, а по направлению к пойме с опесчаненными отложениями, мощность которых заметно возрастает по мере приближения к старому руслу ручья. Так, на площади раскопа 1В, исследованном в 2010 году, остатки жизнедеятельности обитателей стоянки залегали в однородных по своим свойствам супесчаных отложениях желто-коричневого цвета светлой тональности, достаточно рыхлых, с редкими включе-

¹ Растительного происхождения, имеющей специфический запах болота.

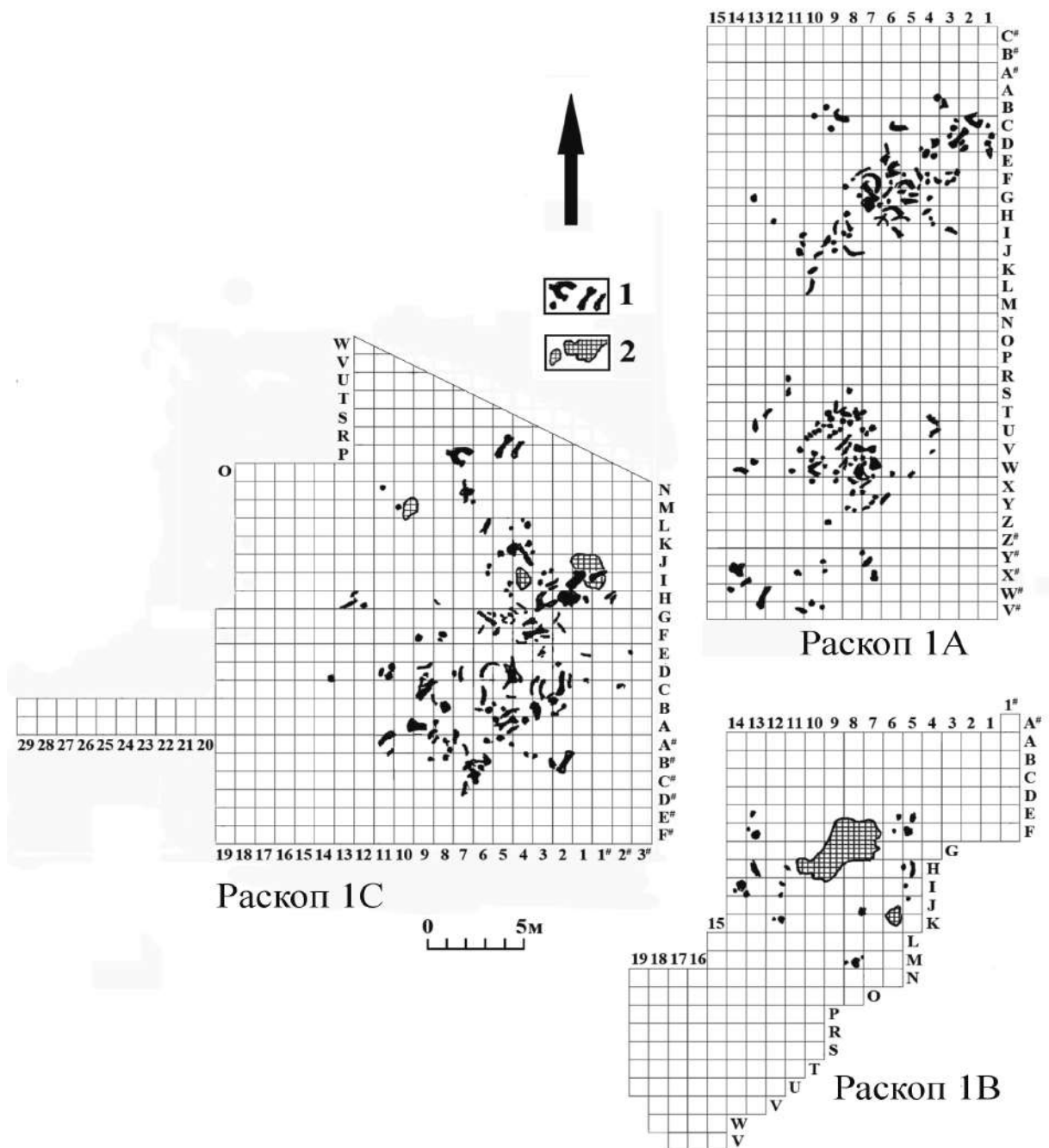

Рис. 3. Общий план размещения находок на раскопах 1А, 1В и 1С. 1 - кости и бивни мамонтов; 2 - зона прожога и концентрации древесного угля.

ниями мелких меловых окатышей. При этом здесь же были выявлены участки с заметно большей плотностью грунта, за счет более высокой степени оглеения.

Мощность культурного слоя определялась величиной костеносного горизонта. Максимальный разброс находок по вертикали не превышал 30 см. Это вполне допустимая степень рассеивания археологического материала

в аллювиальной по своей природе вмещающей породе. На раскопе 1А мощность культурного слоя варьировалась в пределах 11-15 см. На раскопе 1В залегание обломков костей мамонта, углистой массы и редких кремневых изделий наблюдалось в виде еще более компактного слоя, при крайне малом отклонении находок по вертикали. Расположение остальных находок также указывает на незначительное

смещение археологического и палеонтологического материала. Периодическое подтапливание этого участка стоянки способствовало лишь размыву более легких углистых включений из очажного комплекса.

Исходя из характера залегания культурных остатков, памятник может рассматриваться как однослойный, сформировавшийся на протяжении сравнительно непродолжительного периода времени. Присутствие костей мамонта за пределами стоянки, на удалении 68 м к югу (раскоп 2)² и 50 м к северу (раскоп 3)³, вероятно, свидетельствует о посещении этого благоприятного для проживания участка речной долины иными группами охотников.

Раскопками была охвачена основная часть территории стоянки. В целом исследования были проведены на площади 1264 кв. м. Полностью утраченной оказалась лишь восточная периферия памятника. Условно вся некогда обитаемая поверхность стоянки может быть разделена на три неравнозначных участка, которые суммарно сопоставимы с размещением трех главных раскопов (1А, 1В и 1С) (рис. 3). По нашим наблюдениям, каждый из этих участков имел свое особое функциональное назначение, обеспечивался соответствующим набором артефактов, а в совокупности с остальными представлял единое жизненное пространство.

В северной части стоянки (*раскоп 1А*) были изучены два объекта, представленные скоплениями костей мамонта. В процессе исследований на площади 495 кв.м было собрано более 180 костей и их обломков, вероятно, не менее чем от двух особей мамонтов. Общим для обоих объектов можно считать непреднамеренность в отборе костей, отсутствие каких-либо признаков искусственной сортировки. Отмечена лишь высокая численность позвонков и ребер. Характер размещения костей в скоплениях, по нашему мнению, не позволяет

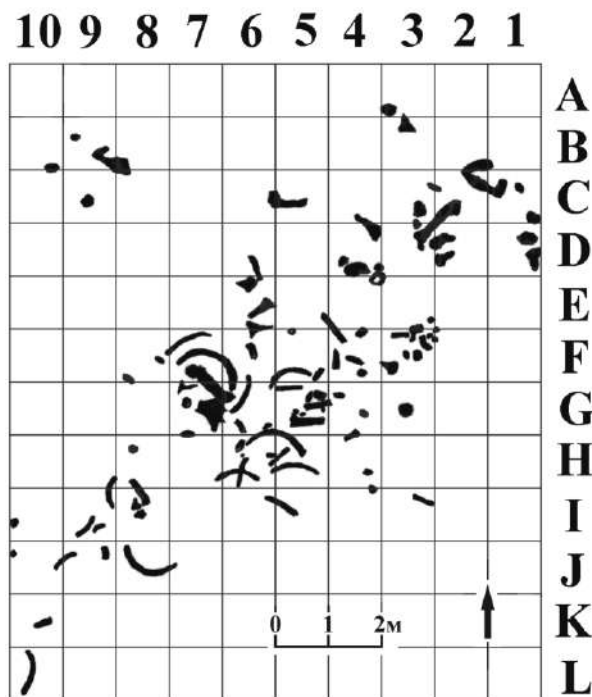

Рис. 4. Объект № 1 в северной части раскопа 1А.

говорить о какой-либо упорядоченности в их залегании. Кольцевого нагромождения костей, известного для жилых объектов на других стоянках (Шовкопляс 1965, 35-77; Пидопличко 1969; Рогачев, Аникович 1984, 188-197), где они исполняли роль фундамента или опоры для установки деревянного каркаса, здесь нет. Для обоих объектов также свойственно крайне малое число находок кремневых изделий⁴ и отсутствие признаков использования огня.

Северное скопление костей мамонта (*объект №1* на кв. В-Ж/1-10; рис. 4) вытянуто по линии СВ–ЮЗ и имеет размеры 12х5 м. В его составе насчитывается 96 костей и обломков, включая нижнюю челюсть (СЗ край скопления), 9 трубчатых костей (преимущественно берцовых и лучевых, в центральной и СЗ частях скопления), фрагмент тазовой кости и два бивня (по центру), лопатка, 5 позвонков и 23 ребра (в основном по ЮЗ краю). Плотность размещения костей в скоплении неодинакова.

² Площадь раскопа 2 составляет 25 кв.м. По данным Т.Ф. Обадэ, на этом участке, нарушенном при работе землеройной техники, были обнаружены скопление посткраниальных костей от двух особей мамонта и фрагмент одного бивня. Две лопатки мамонтов несут следы обжига на своих нижних поверхностях.

³ С раскопа 3, площадью в 4 кв.м, происходит всего лишь одна находка – челюсть мамонта.

⁴ Не исключено, что часть кремневых изделий оказалась утраченной в самом начале проводимых работ, когда основное внимание было сосредоточено на расчистке исключительно остеологического материала.

Только в его центральной части (кв. Н-Ф/5-7) заметна высокая концентрация костного материала, достаточного для обустройства легкой конструкции типа ветрового заслона. Это согласуется с расположением данного объекта с подветренной стороны от очажного комплекса. В качестве конструктивного материала могли быть использованы бивни, длиной не менее 170 см, при максимальном сечении в 8 см, а также несколько трубчатых и фрагмент тазовой костей. По данным Т.Ф. Обадэ, бивни принадлежат самкам, также как и единственная в данном скоплении нижняя челюсть. Большая часть трубчатых костей, как предполагается, относится к животным старше 40 лет.

Южное скопление костей мамонта на раскопе 1А (*объект №2* на кв. S-V^н/4-14; рис. 5) удалено от предыдущего на 7-8 м к югу. Основная масса костей и их обломков (всего 85 экз.) сосредоточена на участке диаметром до 5 м (кв. Т-Х/7-10). В отличие от описанного ранее объекта, здесь преобладают кости позвоночника, как в сочленении, так и по отдельности. На этом же участке обнаружены первый шейный позвонок, локтевая и фрагмент тазовой кости, лопатка и несколько ребер. На удалении 2-4 м от основной локализации костей дополнительно выявлены лопатка, фрагмент тазовой кости, несколько крупных трубчатых костей и ребра мамонта. Судя по составу находок, такого рода скопление может рассматриваться как участок по разделке продуктов охоты.

В западной части стоянки (*раскоп 1С*, занимающий площадь 516 кв. м) прослежен один единственный хозяйственно-бытовой комплекс (*объект №3* на кв. С-К/1^н»-11; рис. 6). Он превосходит предшествующие объекты по своим размерам и разнообразию находок. Его конфигурация близка к овалу, ориентированного по линии С-Ю. Размеры основной концентрации находок составляют 15х8 м. Главным компонентом этого объекта являются кости мамонтов (более 160 костей и их обломков). По определению Т.Ф. Обадэ, на данном раскопе преобладают крупные трубчатые кости передних и задних конечностей, также встречаются ребра, позвонки, кости стопы и две нижние челюсти. Количество целых костей здесь оказалось несколько большим. В сочленении найдены две группы локтевых и лучевых костей и две груп-

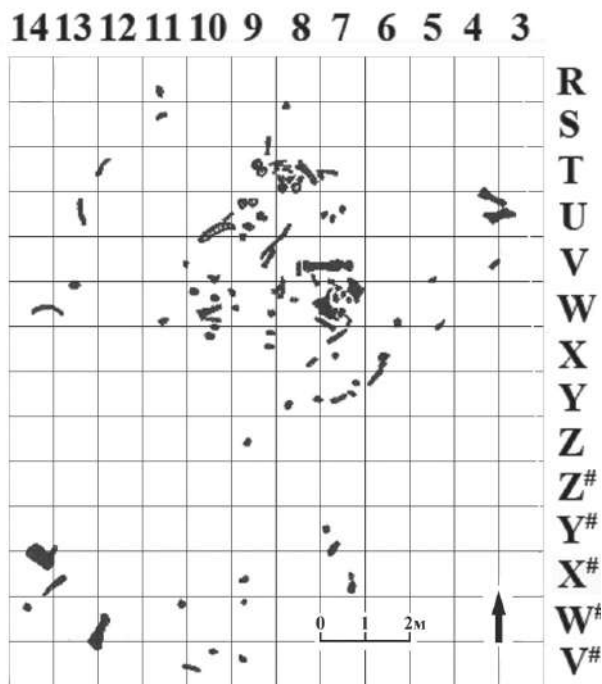

Рис. 5. Объект № 2 в южной части раскопа 1А.

пы сочлененных позвонков. При всем обилии костей, нет достаточных оснований полагать, что какая-то их часть использовалась в конструкции, хотя несколько крупных костей располагались именно по периметру скопления. Важной составляющей этого объекта являются кремневые изделия (22 экз.), в том числе орудия для разделки охотничьей добычи. Чуть меньше половины от всех кремневых находок принадлежит чешуйкам, образовавшимся при подправке лезвий орудий. При расчистке северной части скопления (кв. Н-И/1^н»-1 и И/4) были прослежены два небольших участка с древесными углями на уровне культурного слоя.

В южной части стоянки (*раскоп 1В*, площадью 230 кв. м) был изучен неординарный комплекс (*объект №4*; рис. 7), связанный с зоной размещения кострищ, при несравненно малом присутствии костей мамонта. На участке диаметром около четырех метров (кв. Е-Н/7-11) была прослежена локализация углистой массы и скоплений древесных углей, чётко сопоставимых с уровнем залегания культурного слоя. Рассеивание углистой крошки было заметно и за пределами этого комплекса в радиусе 3-4 метров, в частности к югу. Наиболее крупные древесные угли не превышали в поперечнике 1 см, а большинство мелких углей имело разме-

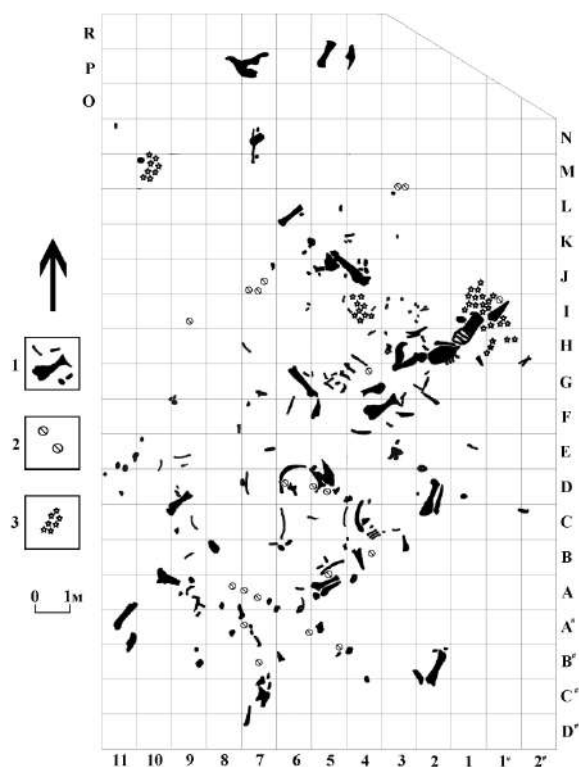

Рис. 6. Объект № 3 на раскопе 1С. 1 - кости и бивни мамонтов; 2 - кремневые находки; 3 - древесные угли в 0,3-0,4 см. Более компактно расположенная углистая масса образовывала два скопления диаметром до 1 метра и четыре мелких локализации до 0,4 м в поперечнике. Толщина этих скоплений, как правило, не превышала 1 см, хотя изредка встречались участки с большей концентрацией. К примеру, в северном скоплении, напоминающей заполнение западины, мощность углистой массы составляла не меньше 2 см. Случаев перекрытия одного скопления другим не наблюдалось. Налегание углистой массы на древнюю дневную поверхность выглядело вполне естественным. В целом, это дает основание определять описываемый комплекс как единовременный. В процессе расчистки углистой массы, сконцентрированной в виде округлого пятна диаметром до одного метра на кв. F/7 (рис. 8), были обнаружены слабые признаки прожога грунта. Более выраженные следы прожога заметны в ЮВ части этого пятна, которое по праву уже можно назвать кострищем. Толщина этого прожога не превышает 0,5 см, а мощность перекрывающей его углистой массы составляет почти 3 см. Не исключено, что утрата следов обожженности поверхности

на соседних участках связана с воздействием от подтапливания стоянки в период половодья. Нельзя не обратить внимания и на отдельные мелкие фрагменты кальцинированных костей, обнаруженных в верхней части углистого скопления.

Наряду со скоплением древесных углей, на раскопе 1В было собрано относительно большое количество кремневых находок. Многие из них найдены к СЗ и ЮВ от углистого скопления. При этом $\frac{3}{4}$ этих кремней являются чешуйками, половина которых получена в результате промывки. Более редкими признаны находки костей мамонтов: четыре разрозненно залегающих позвонка (два шейных: *atlas* и *epistropheus*), ребро с признаками обожженности, крупный фрагмент трубчатой кости.

Сохранность костей на всех трех раскопах нельзя назвать удовлетворительной. Все они нуждались в специальной пропитке клеем. Поверхность костей обычно бугристая, шероховатая, нарушенная от залегания во влажной среде, иногда полностью утратившая свою естественную фактуру. По этой причине осмотр таких находок под биноклем не может дать ожидаемых результатов. Попытки выявить следы шлифовки или действия кремневого резца также оказались неудачными. Можно только констатировать дробление костей, порой образующее ровные грани. Определение каких-либо инструментов или наконечников охотничьего оружия из кости, исходя лишь из общей формы, без видимых следов их подготовки, мы считаем преждевременным. Это вовсе не означает, что среди выделяемых Т.Ф. Обадэ наконечников копий, острий, орудий с косыми срезом, нет реально выполненных костяных изделий. Они могут присутствовать, но подтвердить это мешает плохая сохранность находок.

Единственным реально подготовленным орудием труда из кости мамонта является фрагмент ребра с преднамеренно моделированным пазом для вставки вкладышей (с кв. 7/D на раскопе 1С) (рис. 9). На изгибе этого ребра, по более широкому участку его края, в древности был прорезан желоб. С одного конца, он конусовидный в сечении, с другого, имеет крутые стенки. Общая длина этой находки – 34,6 см. Длина паза – 9 см, его ширина 0,4-0,6 см, глубина превышает 1,4 см.

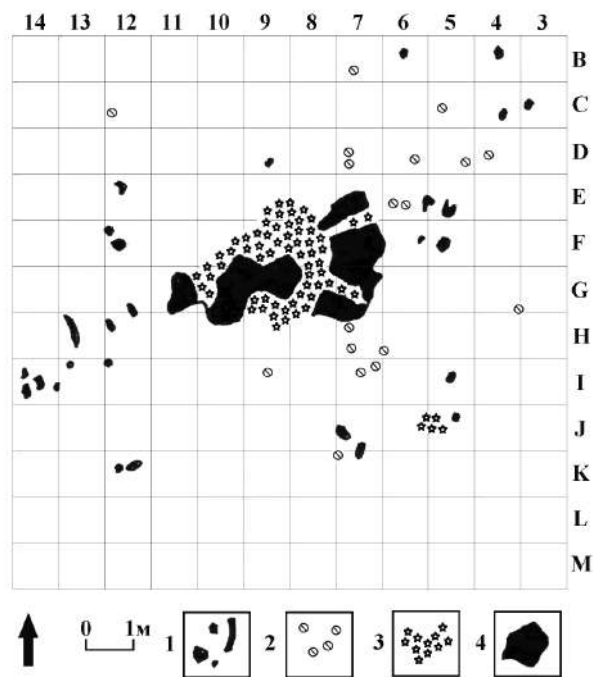

Рис. 7. Объект № 4 на раскопе 1В. 1 - обломки костей мамонта; 2 - кремневые находки; 3 - древесный уголь; 4 - зона концентрации древесного угля с признаками слабого прожога.

Кремневые изделия со стоянки Валя Морилор представлены 72 экз. (рис. 10). Для их изготовления использовался серый полупро-

зрачный меловой кремнь, волинского происхождения. Отсутствие в окрестностях нашей стоянки месторождений качественного кремневого сырья позволяет воспринимать его как импорт. Транспортировка кремня предположительно велась с долины Днестра, вероятно, среднего его течения. Корочное покрытие, сохранившееся на двух отщепах, свидетельствует об использовании желвачного сырья. Пatina на большинстве изделий – слабая белесая и голубоватая, реже встречается густая белая.

Судя по характеру огранки сколов и состоянию отбивных площадок, расщепление велось с помощью мягкого отбойника в рамках призматической техники раскалывания, направленной на получение пластинчатых полуфабрикатов (табл. 1) средних размеров. Нуклеусов и их обломков не обнаружено, но исходя из рельефа поверхности кремневых сколов, вполне определенно это были одноплощадочные, реже двуплощадочные формы со встречным скалыванием. Из технических сколов присутствует один реберчатый образец (рис. 10,40), позднее переоформленный в орудие, свидетельствующий об использовании приема создания выпуклого рельефа на рабочей поверхности нуклеуса. Другой

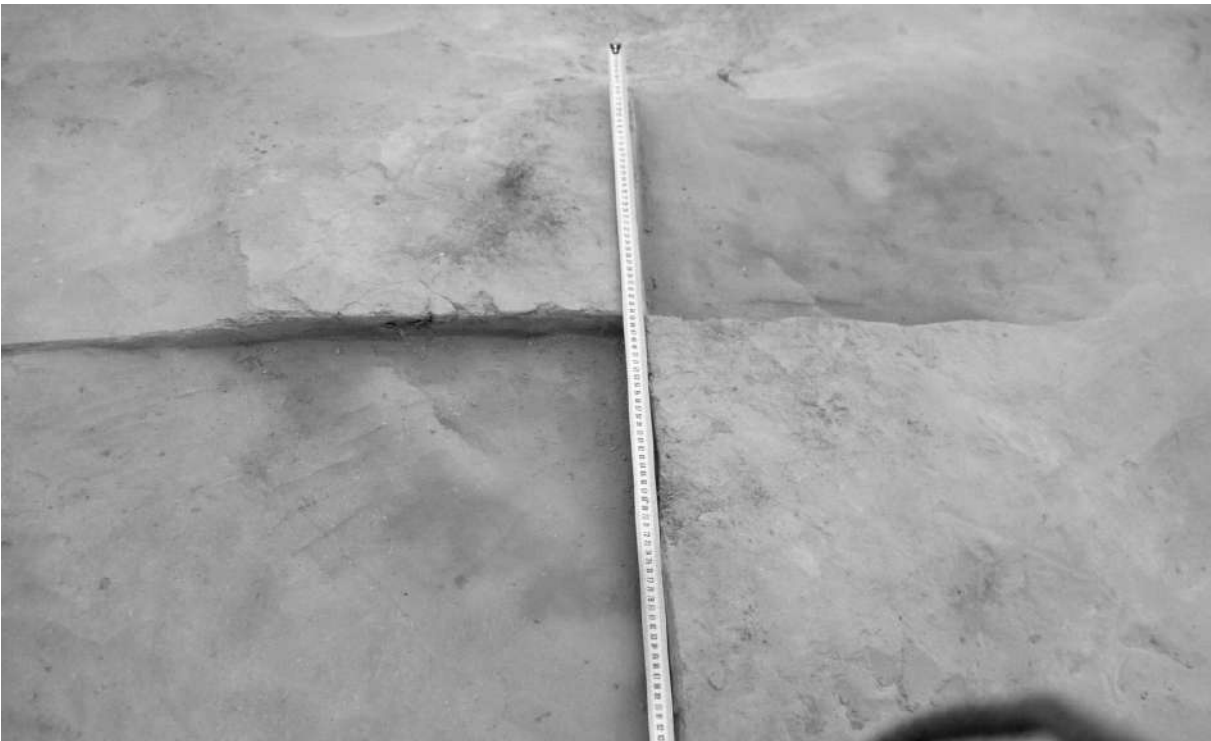

Рис. 8. Остатки кострища на кв. F/7.

Таблица 1. Распределение кремневых изделий по типам и месту находки

Наименование кремневых изделий		раскоп 1А	раскоп 1В	раскоп 1С	Всего	%
Отщепы	средние		1		1	1
	мелкие		1	4	5	7
Пластинчатые сколы	крупные			1	1	1
	средние	1	2	3	7	10
	мелкие		2	1	3	4
	микро		3	1	4	6
Технические сколы	краевые	1		2	3	4
	оформления ударной площадки нуклеусов		2		2	3
Отходы вторичной обработки	чешуйки	1	35	10	46	64
Итого		3	47	22	72	

крупный технический скол, превращенный в резец, является первичным сколом подготовки ударной площадки нуклеуса (рис. 10,45). И, наконец, на неудачную попытку оживления ударной площадки нуклеуса указывает мелкий вторичный скол (рис. 10,30). Вместе с тем, процесс первичной обработки кремня на стоянке не производился, на что указывает отсутствие обломков, осколков и первичных сколов. На стоянку приносились уже готовые изделия, среди которых весомую долю составляли орудия труда.

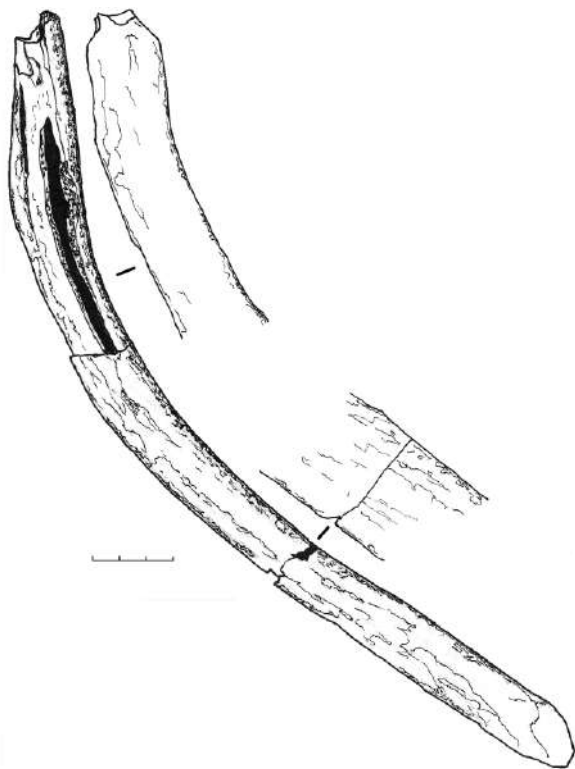

Рис. 9. Фрагмент ребра мамонта с пазом для вставки вкладышей.

Большая часть находок в коллекции относится к чешуйкам (рис. 10,1-29), диаметр которых, как правило, не превышает 1 см. От общего числа кремневых изделий чешуйки составляют 64%, пластинчатые сколы – 21%, отщепы – всего 8%, технические сколы – 7%. Стремление выявить среди чешуек искривленные в профиле экземпляры со слабой абразивной ретушью оказалась безрезультатным. Нет в рассматриваемой коллекции и типичных пластинок Дюфур. Единственный параметр, указывающий на близость описываемых чешуек к эпиориньякским микролитам, связан с их пропорциями.

Вторичную обработку имеют семь находок, еще четыре изделия использовались в трудовых операциях без специальной отделки лезвия. В составе орудий отметим скребок, резец, нож с обушком, пять обломков пластин с преднамеренной ретушью, три ножевидные пластины и отщеп с ретушью утилизации.

Концевой скребок высокой формы подготовлен на крупной массивной пластине трехгранной в сечении (рис. 10,52), нижний конец которой был обломан еще в древности. Его арочное лезвие оформлено посредством полукруглой чешуйчатой ретуши, далеко заходящей на поверхность заготовки. Неоднократная подправка лезвия объясняет малый износ рабочего края, который демонстрирует признаки слабой затёртости кромки, образуемой при обработке дерева. Сглаженность кромки имеет и правый продольный край орудия.

Резец поперечно-углового типа (рис. 10,45), выполненный на сколе подготовки ударной

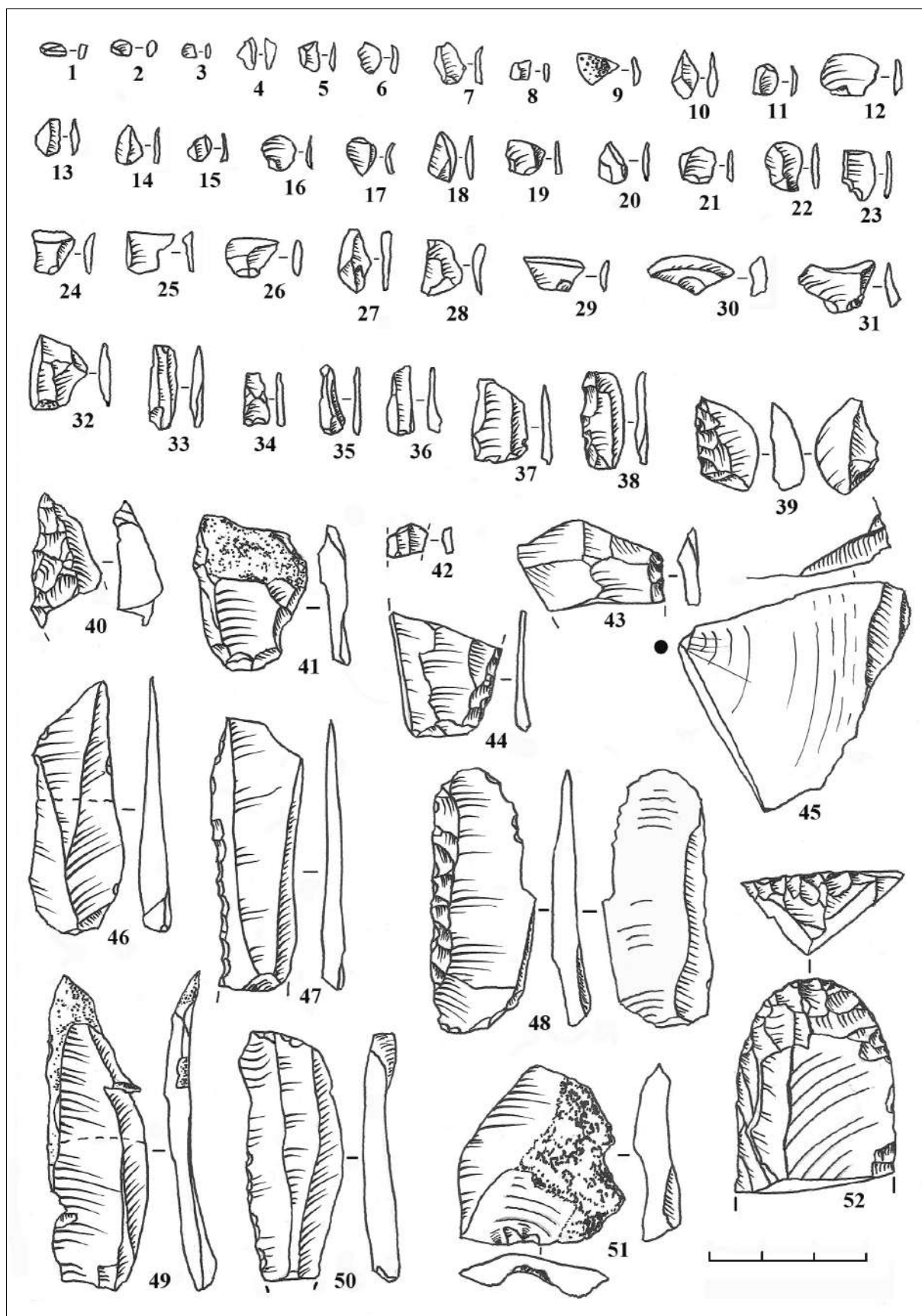

Рис. 10. Кремневые изделия. 1 - с раскопа 1А; 2-14, 30, 34-38, 45-47, 49, 51 - с раскопа 1В; 15-29, 31-33, 39-44, 48, 50, 52 - с раскопа 1С.

площадки нуклеуса, имеет не менее двух резцовых снятий, одно из которых плоское. Рабочий конец резца обломан в древности.

У фрагмента реберчатого скола (рис. 10,40), использованного в качестве скобеля по дереву, на сохранившемся участке зубчато-волнистого лезвия заметны многочисленные заломы и смятые зубцы.

Сходное назначение имел и единственный нож с ретушированным обушком (рис. 10,48), подготовленный на пластине, один край которой затуплен полукрутой чешуйчатой ретушью, а другой без специальной обработки покрыт ретушью утилизации. Вероятно, это орудие применялось без рукоятки. Следы износа заметны под микроскопом, как на ретушированном крае, так и противоположном. В первом случае, они образовались от скобления, во втором, от использования орудия в качестве строгального ножа.

Три обломка пластин (рис. 10,39.43.44) имеют регулярную полукруглую ретушь на сохранившемся участке края. Еще три пластины и один отщеп среднего размера определены как ножевидные орудия (рис. 10,46.47.50.51). Следы износа на них в виде мельчайших фасеток до 1 мм, расположены на лезвии хаотично или в виде коротких цепочек, напоминая выкрошенность, которая образуется на экспериментальных кремневых ножах для резания мяса и мягкой шкуры.

Отдельную категорию каменных находок составляют *песчаниковые гальки*, по данным Т.Ф. Обадэ, собранные на юго-западном участке раскопа 1С. Предполагается их связь с культурным слоем стоянки, хотя каких-либо признаков использования в трудовых операциях (в 6 случаях из 7) они не имеют. Размеры и конфигурация галек различная. Из менее плотного песчаника выполнен самый крупный образец (9,5х5,5х6 см). Обломок слоистой гальки имеет размеры 8,5х7х3,2 см. Еще один фрагмент уплощенной гальки из плотного песчаника имеет до 10 см в поперечнике. Оставшиеся три гальки из плотной мелкозернистой породы имеют длину от 6 до 8,5 см. Не исключено, что это своеобразный резерв потенциальных отбойников для раскалывания кремня, который из-за непродолжительности функционирования стоянки оказался невостребованным. Исключение составляет отбойник на уплощенно-овальной гальке из мелкозернистого песчаника, с частично сработанными краями.

Подводя итоги полевым и лабораторным

исследованиям, проведенных на стоянке верхнего палеолита Валя Морилор, прежде всего отметим её принадлежность к типу кратковременных охотничьих лагерей. Не вызывает сомнений, что её расположение было определено местом успешной охоты на мамонтов, которые являлись главным и единственным промысловым видом. Раскопки такого типа памятника практически на всей его территории (на более чем тысяче квадратных метров) можно назвать достаточно редким явлением. Благодаря этому была прослежена структура поселения, которая включала четыре хозяйственно-бытовых объекта. Три крупных скопления костей мамонта, где производилась разделка туш, дополнялась обособленным участком, где были отмечены следы разжигания костров. На кратковременность обитания на стоянке указывает залегание находок единым горизонтом, отсутствие очагов и каких-либо признаков жилых конструкций. Допускается лишь вероятность сооружения одного ветрового заслона. Это находит подтверждение и в ограниченном наборе кремневых инструментов, приносимых на стоянку со стороны в уже готовом виде. Об этом же свидетельствует ограниченный спектр, выполняемых этими орудиями хозяйственных операций, определяемых лишь разделкой продуктов охоты и обработкой дерева. Вероятно, в деятельности обитателей стоянки важную роль играли и костяные изделия, неудовлетворительное состояние которых пока не позволяет их идентифицировать. Время функционирования охотничьего лагеря, вполне возможно, соответствует радиоуглеродной дате в 20770±90 BP (Obadă, van der Plicht 2010, 139). Это соответствует периоду, когда южная граница ареала распространения мамонтов сместилась к югу. С этого же времени наблюдается проникновение из Центральной Европы в северо-причерноморские степи, а также на Днестр и его притоки, мобильных групп охотников на мамонтов. Определение их культурной принадлежности вызывает некоторые трудности, хотя уже сейчас можно допустить их связь с носителями эпиориньякских традиций. Косвенно на это указывает небольшая по численности коллекция кремневых артефактов, в которой преобладают чешуйки и присутствует скребок высокой формы.

Библиография

Obadă, van der Plicht 2010: T. Obadă, J. van der Plicht, The Valea Morilor layer (Chisinau, Republic of Moldova) – a new station of mammoth hunters/Le gisement Valea Morilor (Chisinau, République de Moldova) – une nouvelle station de chasseurs de mammouths. Quaternaire, Hors-série (3): The Vth International Conference on mammoth and their relatives/Ve Conférence Internationale sur les mammouths et leur famille, 30th aout - 4 september 2010 Le Puy-en-Velay (Direction: Frederic Lacombat & Dick Mol) (Paris 2010), 139.

Коваленко 2005: С.И. Коваленко. К вопросу о днестровском эпиориньяке. Stratum plus 1, 2003-2004, 302-306.

Пидопличко 1969: И.Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине (Киев 1969).

Рогачев, Аникович 1984: А.Н. Рогачев, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. В кн.: Палеолит СССР (Москва 1984), 162-271.

Шовкопляс 1965: И.Г. Шовкопляс, Мезинская стоянка (Киев 1965).

Теодор Обадэ, Отдел палеозоологии, Институт зоологии, Академия наук Молдовы, ул. Академическая 1, MD-2080 Кишинев, Молдова;

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Молдова, covalenco@bk.ru;

Виталий Бурлаку, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Молдова, burlacu_vitale@mail.

Йоханнес ван дер Плихт, Центр изотопных исследований, Гронингский университет, Голландия (Center for Isotope Research, Gröeningen University, Nijenburg 4, 9747 AG Gröeningen Netherlands; Faculty of Archeology, Lieden University PO Box 9515, 2300 RA Lieden, Netherlands), e-mail: j.van.der.plicht@rug.nl

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ПРИДНЕСТРОВЬЯ¹

Николай АНИСЮТКИН, Сергей КОВАЛЕНКО, Виталий БУРЛАКУ

Date noi despre paleoliticul inferior în stânga Nistrului. În articol sunt prezentate rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice întreprinse în toamna anului 2010 în regiunea Nistrului de Jos. Investigațiile s-au soldat cu identificarea a două noi stațiuni din paleoliticul inferior. Un interes deosebit, aici, prezintă stațiunea Bairachi, situată în preajma orașului Dubăsari. Complexul a fost semnalat în depunerile celei de-a VII-a terase a malului stâng al râului Nistru. Stratul superior al acestuia se datează aproximativ cu 600000 ani, iar cel inferior cu 800000 ani în urmă. Un alt monument ce merită o atenție aparte, este localizat în preajma satului Hrușca din raionul Camenca, vârsta căruia, în opinia geologilor, este de aproximativ 500000 ani. Respectiv cele complexe se includ în categoria celor mai timpurii monumente din sud-vestul Europei de Est.

В статье излагаются предварительные итоги археологических исследований, проведенных в Нижнем Приднестровье осенью 2010 года, в результате которых удалось обнаружить новые памятники раннего палеолита, расположенные на высоких террасах левобережного Днестра. Наибольший интерес представляет стратифицированная стоянка раннего палеолита Байраки, обнаруженная в древних отложениях VII надпойменной террасы, в окрестностях города Дубоссары. Относительная датировка двух слоев основана на данных четвертичной геологии, основы которой разработаны многолетними и плодотворными региональными исследованиями ученых Молдовы, Украины и России. В этом плане определение возраста артефактов из нижнего слоя - свыше 800 000 лет, покоится дополнительно на данных палеомагнитных исследований, полученных для галечников этой террасы, указывающих на то, что данные отложения соответствуют зоне обратной полярности Матуяма. Находки из вышележащего слоя, происходящие из кровли древней ископаемой почвы, могут иметь дату более 600 000 лет. Пока менее ясной представляется датировка другого раннепалеолитического комплекса местонахождения у села Грушка, расположенного в Каменском районе, кремневые изделия которого со значительной долей вероятности происходят из ископаемой почвы раннеплейстоценового времени, возрастом до 500 000 лет. В настоящее время рассмотренные объекты являются древнейшими стратифицированными комплексами Восточно-Европейской равнины, расположенными на территории Молдовы, Украины и юга России.

New data on Early Paleolithic of Transnistria. The article presents preliminary results of archaeological studies carried out in Lower Transnistria during the autumn of 2010. The field explorations revealed new Early Palaeolithic monuments. The settlement Bairachi in the ancient deposits of the VII-th terrace of the left bank of Dniester near Dubossari, represents a special interest. The upper layer of this monument preliminary is dated back to 600 000 years, while the lower layer is dated back to 800 000 years. The site near Hrusca village, Camenca District, is another interesting monument with the age confirmed by geologists as 500 000 years. The reported archaeological complexes are the oldest monuments from the Carpathian-Dniester Area.

Key words: Early Palaeolithic, Lower Transnistria, fossil soil, biface, Clactonian flake.

Введение

До начала 80-х годов основным памятником раннего палеолита Молдовы считался грот Старые Дуруиторы, где в нижних слоях 3 и 4, выявлена весьма выразительная каменная индустрия тайякского облика, сопровождаемая остатками обильной и разнообразной фауны ископаемых животных (Кетрару 1973; 1991; Chetraru 1995; Анисюткин 2001). В настоящее время отложения этих слоев следует отнести к началу рисского или днепровского време-

ни, возможно, соответствующих кислородно-изотопным стадиям 8 и 7 (т.е. 300 000-240 000 лет назад). В этом случае можно говорить, если принять во внимание датировку и общую архаичность каменной индустрии, о позднем или пережиточном раннем палеолите.

Остальные объекты были представлены лишь подъемными материалами, включая местонахождения Мерсына и Лука Врублевская (Борисковский 1953; Кетрару, Анисюткин 1967; Береговая 1984; Степанчук 2006), да-

¹ Работа поддержана программой ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и грантом РФФИ № 11-06-12015-офи-м

тировка которых основывалась на технико-типологическом облике коллекций каменных изделий. Правда, что важно отметить, каменные изделия местонахождения Мерсына тождественны по всем технико-типологическим показателям индустрии из нижних слоев грота Дуруиторы, на что уже давно было обращено внимание (Кетрару, Анисюткин 1967, 36).

Возможным исключением можно считать единичные находки кремневых изделий, происходивших предположительно из раннеплейстоценового галечника в Колкотовой балке близ Тирасполя (Кетрару 1973, 38-39). Эти материалы все же давали, на наш взгляд, некоторую возможность считать, что древний человек мог быть современником тираспольского фаунистического комплекса, сопоставляемого палеонтологами и геологами СССР с позднекромерскими и миндельскими фаунами Западной и Центральной Европы (Четвертичная система 1982, 330).

Весьма выразительные материалы раннепалеолитического облика давно известны с соседней территории юга Румынии, где была выделена особая галечная индустрия, названная “дыржовской культурой”. Она происходит из галечников высоких террас и датировалась в пределах от гюнц-минделя до минделя включительно, т.е. кромерским временем (Păunescu et. al. 1982; Dumitrescu et al. 1983; Chirica, Borzias 2005). Указание на еще более ранние материалы, происходящие из отложений верхнего виллафранка, связанные с так называемым граунчеанитом - “культурой расколотых костей” (Николаеску-Плопшор 1965, 28-33), пока не выдерживает критики.

Малочисленные, но весьма древние и выразительные материалы, обнаружены на местонахождении Меджибож, расположенного в бассейне Южного Буга, северо-восточнее нашего региона. Они датируются лихвинским временем (Степанчук 2006), которое, если использовать альпийскую схему, сопоставимо с миндель-рисским межледниковьем Западной и Центральной Европы (Степанчук, Рековец 2010).

Северо-западнее, но уже на территории Закарпатской Украины, в пределах Центральной Европы, расположено известное многослой-

ное поселение раннего палеолита — Королево 1, самые нижние слои которого (культурно-хронологический комплекс VIII) датируются гюнцем альпийской стратиграфической схемы (Гладилин, Ситливый 1990; Кулаковская 1999; Степанчук 2006, 81; Степанчук, Рековец 2008, 106). Для лежащего выше культурно-хронологического комплекса VII, связанного с отложениями гюнц-миндельского возраста, получена TL дата - 850 000 лет тому назад. Этот памятник является в настоящее время древнейшим стратифицированным объектом в пределах Карпатского бассейна и на прилегающих территориях Центральной и Восточной Европы.

Такое состояние источников о древнейшем палеолите соседних с Восточным Прикарпатием территорий давало надежду на столь же древние находки и в пределах рассматриваемого нами региона.

Ожидаемые материалы были обнаружены в 1982 году разведками палеолитического отряда ЛОИА АН СССР (руководитель - Н.К. Анисюткин) в Нижнем Приднестровье, в районе молдавского города Дубоссары (рис. 1, I-II). Речь идет о находках каменных изделий раннепалеолитического облика с поверхности VII надпойменной террасы и кромки VIII террасы (Анисюткин 1987). Две коллекции, происходящие из расположенных по соседству местонахождений Большой Фонтан и Погреба, представлены не только подъемными материалами, но и предметами из ископаемых почв, включая из мартаношской почвы², сопоставимой с отложениями кромерского времени, т.е. около 670 т.л. назад (Адаменко и др. 1996, 151). По совокупности технико-типологических данных обе коллекции практически идентичны, что позволяет рассматривать их как единый комплекс, который можно условно назвать “дубоссарской индустрией”. В процессе исследований, проведенных в 1985-1986 годах совместно с геологами и палеогеографами Молдавии и Украины, удалось установить, что находки каменных изделий и обломки зубов *Archidiskodon trogontherii* связаны с отложениями ископаемой почвы миндельского и возможно кромерского времени (Анисюткин, 1994 2008;

² Используется украинская система подразделения лессово-почвенных отложений, разработанная М.Ф. Векличем и его сотрудниками.

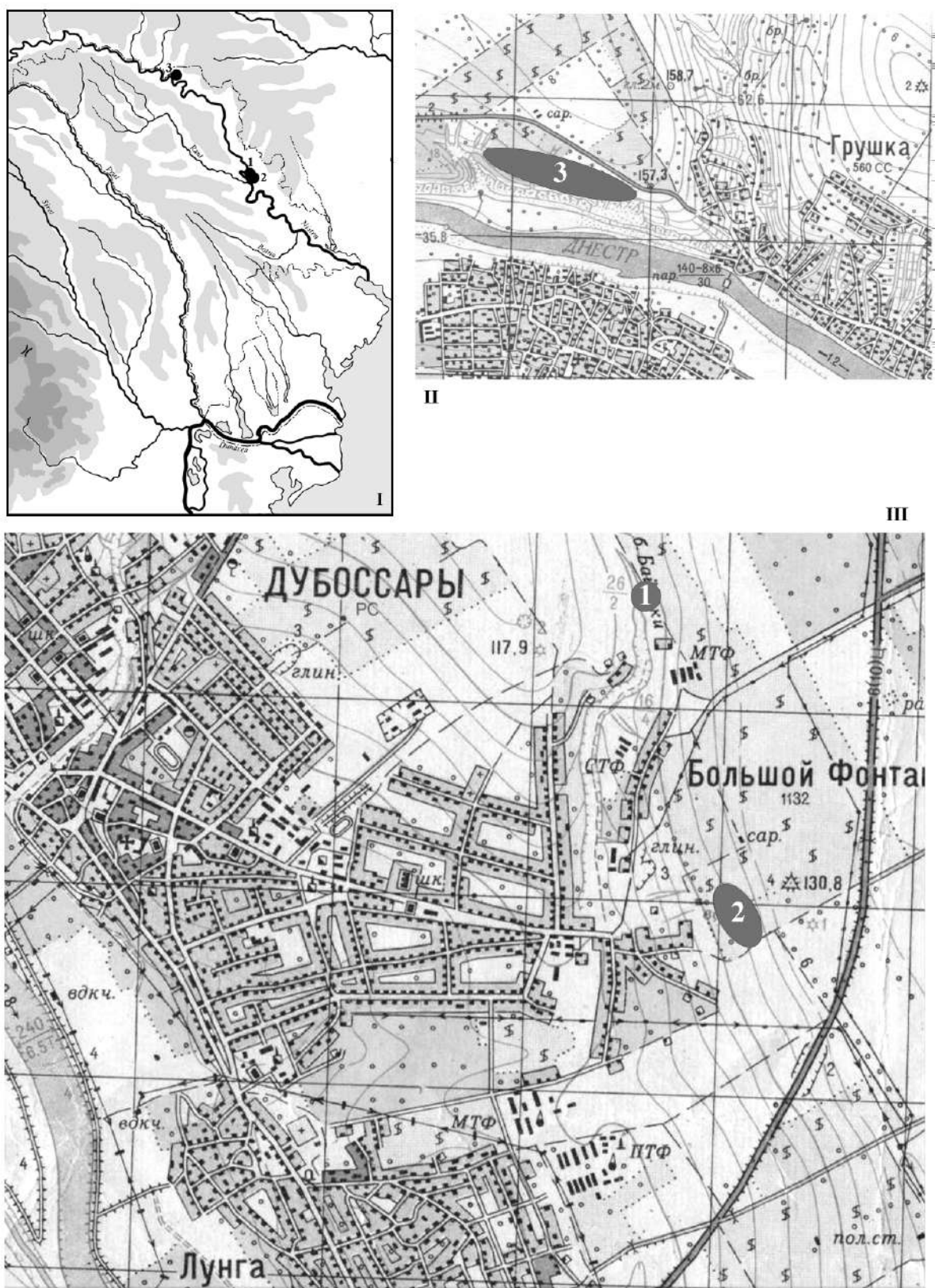

Рис. 1. Местоположение памятников раннего палеолита в Приднестровье. I - карта Молдавии с указанием памятников, исследованных в 2010 г. II - план местонахождения Грушка. III - расположение местонахождений и стоянок в районе Большого Фонтана (1 - Байраки, 2 - Большой Фонтан).

Анисюткин, Левковская 1992; Адаменко и др. 1996).

Неожиданно новые важные данные были получены в 2005 году молдавскими учеными, которые обнаружили типичное ручное рубило, с большой долей вероятности происходящее из гравийного карьера VI надпойменной террасы Днестра близ села Кошница, расположенного на левом берегу реки по соседству с местонахождением Погребя (Коваленко, Пуцунтикэ 2005). По совокупности характерных признаков, разработанных Франсуа Бордом, данное рубило следует отнести к лимандам (Limande), в частности к их архаичной разновидности - протолимандам. Последние, как указывал Ф. Борд, наиболее характерны для древнего ашеля Франции (Bordes 1961, 63).

Аллювий VI надпойменной террасы Днестра, в котором предположительно было найдено ручное рубило, датируется примерно тем же временем, что и значительная часть коллекции каменных изделий из Погребя и Большого Фонтана.

На этом основании можно заключить, что территория Восточного Прикарпатья была прочно освоена уже в миндельское время, т.е. более 500 т.л. назад. Без сомнения, люди появились здесь явно раньше. Но когда? На этот вопрос дают ответ новые данные, полученные совместно российскими и молдавскими археологами осенью 2010 года, которым удалось обнаружить в окрестностях города Дубоссары новую стратифицированную стоянку Байраки.

Геоморфология, стратиграфия и датировка стоянки Байраки

В исследуемом районе левобережья нижнего течения реки Днестра, относящегося геоморфологически к Приднестровской террасовой равнине (Негадаев-Никонов, Яновский 1969, 57), очень хорошо выражены высокие террасы, включая VI и VII, а также VIII, которые в районе села Погребя, расположенного примерно 8 км ниже по течению от города Дубоссары, подходят почти вплотную к реке. Далее, вверх по течению, по направлению к Дубоссарам, они отступают и долина, представленная высокой поймой, I и II надпойменными террасами, значительно расширяется. Остальные террасы представлены фрагментами III-IV террас, выявленными над предместьем Дубоссар - Лунга.

Таким образом, полоса высоких террас (VI, VII) отступает вверх по течению, по направлению к Дубоссарам, образуя своего рода серповидный овал («Дубоссарский амфитеатр»). Широко распространенная здесь VII терраса имеет на левом берегу абсолютные отметки равные 115-120 м, а относительные - 100-110 м (Адаменко и др. 1996, 143).

Стоянка обнаружена в ныне заброшенном карьере на восточной окраине города Дубоссары, в предместье «Большой Фонтан» (координаты: N 47° 16' 27" E 29° 11' 10"; рис.1, III.1), находящейся в верховьях древней балки «Байраки», примерно в 1 км северо-западнее шурфа № 3 местонахождения раннего палеолита Большой Фонтан (рис.1, III.2). Левый борт балки, где выявлены находки, приходится на край VII надпойменной террасы Днестра (Адаменко и др. 1996).

Примерно в 30-35 м северо-западнее и западнее стоянки скальный цоколь террасы исчезает, а крутизна склона резко увеличивается, падая в направлении предместья Дубоссар. Здесь, вдоль правого борта, прослеживается многометровая толща лесса со слабовыраженными ископаемыми почвами светло-коричневого цвета, явно более молодого возраста. Цоколь выявляемой в данном месте более низкой террасы не прослеживается, уходя вглубь. В этом случае очевиден прислон более молодых террас, который позволяет сделать вывод, что стоянка располагалась на берегу водоема, которым возможно была либо излучина пра-Днестра, либо древний лиман, внедрявшийся, как установлено геологами (Адаменко и др. 1996, 26), вверх по долине Днестра в миндельское время.

Новая стоянка, которая названа Байраки, приурочена к тому же мысу, образованному VII террасой, что и местонахождение раннего палеолита Большой Фонтан, располагаясь возможно на фрагменте более низкой VI террасы. Последняя хорошо выражена в районе местонахождения Погребя, расположенного в 8 км ниже по течению реки. Здесь, как и в Байраки, русловой аллювий представлен мелкогалечным конгломератом с песчаным заполнителем и карбонатным цементом, лежащим на прочном скальном цоколе сарматских органогенных-детритовых известняков.

При первоначальном осмотре стенки разреза четвертичных отложений, имевших мощность около 3 м, в их основании были найдены нуклеус и обломок кости животного, располо-

женных на одном уровне непосредственно в кровле красноцветной ископаемой почвы. На поверхности карьера прослеживаются россыпи и глыбы сцементированного галечника, представляющего из себя мелкогалечный конгломерат (аллювий террасы) с песчано-гравийным заполнителем и карбонатным цементом. Эти глыбы конгломерата видимо не позволили продуктивно использовать карьер, что спасло стоянку от более значительного разрушения.

В галечниках и на их поверхности были найдены артефакты, включая 2 галечных орудия и 3 кремневых. В одной из глыб сцементированного галечника профессором А.Л. Чепалыгой (Институт географии РАН, Москва) был дополнительно обнаружен крупный чоппер, на нижней (вентральной) поверхности которого сохранился небольшой участок прикипевшего конгломерата. На этом основании связь данного предмета (а тем самым и прочих галечных форм) с аллювиальными отложениями данной террасы можно считать более чем очевидной. Поверхности каменных изделий были заметно окатаны, но не покрыты патиной, косвенно указывая на их связь с аллювиальными отложениями террасы.

Прирезка, которой вскрыто всего около 5 кв. м, сделана на месте находки в обнажении нуклеуса и обломка кости ископаемого животного. Раскопан небольшой выступ сохранившихся четвертичных отложений, обращенный на юго-запад.

Вскрытый нами разрез представляет толщу отложений мощностью свыше 5 м, которая подразделяется на ряд слоев и горизонтов (рис. 2). В основе их характеристики лежат описания, сделанные научным сотрудником Лаборатории эволюционной географии Института географии РАН Е.В. Воскресенской:

Слой 1 представлен отложениями современной почвы, перекрытой насыпной землей (0,3–0,50 м). Эта почва характеризуется зернисто-комковатой структурой, имеет интенсивно черный цвет и значительную мощность (0,7 м). Она не содержит никаких археологических находок. Можно указать лишь на постоянное присутствие мелкой гальки. В нижней части прослеживается осветление: выявляется карбонатный суглинок коричневого цвета, который возможно является фрагментом древней ископаемой почвы, разрушенной эрозионными процессами.

Слой 2 является коричневато-бурым суглинком, крупно комковатым, слабо гумусированным, карбонатным, мощностью 0,7–1,04 м. Нижняя граница этого стерильного слоя — крупноволнистая, нарушенная кротовинами.

Слой 3 представляет суглинок легкий, серовато-коричневого цвета, лессовидный, пылеватый, пористый, карбонатный, стерильный. Отмечаются многочисленные кротовины, заполненные материалом из слоев 1 и 4. В нижней части слой становится бежево-палевым. Мощность слоя варьируется от 1,04 до 1,34 м.

Слой 4 характеризуется суглинком темно-палевым с рыжевато-коричневым оттенком, с ореховатой структурой, лессовидный, распадающийся на столбчатые отдельности по трещинам, с многочисленными стяжениями карбонатов типа белоглазки по нижнему контакту. В нижней части слоя найдена окатанная кремневая галечка с отчетливой обработкой. Общая мощность слоя — 1,34–1,70 м.

Слой 5 представляет из себя выразительную ископаемую почву, которая характеризуется суглинком коричневого цвета с красноватым оттенком, карбонатным, очень плотным, более светлым в верхней части. В кровле слоя обнаружены каменные изделия и кость ископаемого животного, четко лежащие на одном уровне. Мощность литологического слоя колеблется от 1,70 до 1,87 м.

Слой 6 характеризуется суглинком серовато-оранжевого цвета, плотным с ореховато-призматической структурой с обильными новообразованиями карбонатов типа белоглазки овальной формы с мучнистым белым заполнителем. Белоглазка достигает максимума в нижней части слоя. Мощность слоя варьирует от 1,87 до 3,0 м.

Слой 7 представляет из себя суглинок серовато-оранжевого цвета, ячеистой окраски (на прокрашенной оглеением в серый цвет наложено вторичное ожелезнение), очень плотный. До глубины 3,24 м — овальные мучнистые стяжения карбонатов, ниже по слою — рассеянные новообразования карбонатов типа дутиков с плотной светло-серой коркой. На глубине 3,30–3,45 м — прослой ожелезнения ярко-бурого цвета, ниже и выше которого в слое преобладает оглеенный серый материал. В кротовинах отмечается красновато-бурый суглинок из слоя 5. Нижняя граница четкая, субгоризонтальная. Мощность слоя — 3,00–3,90 м.

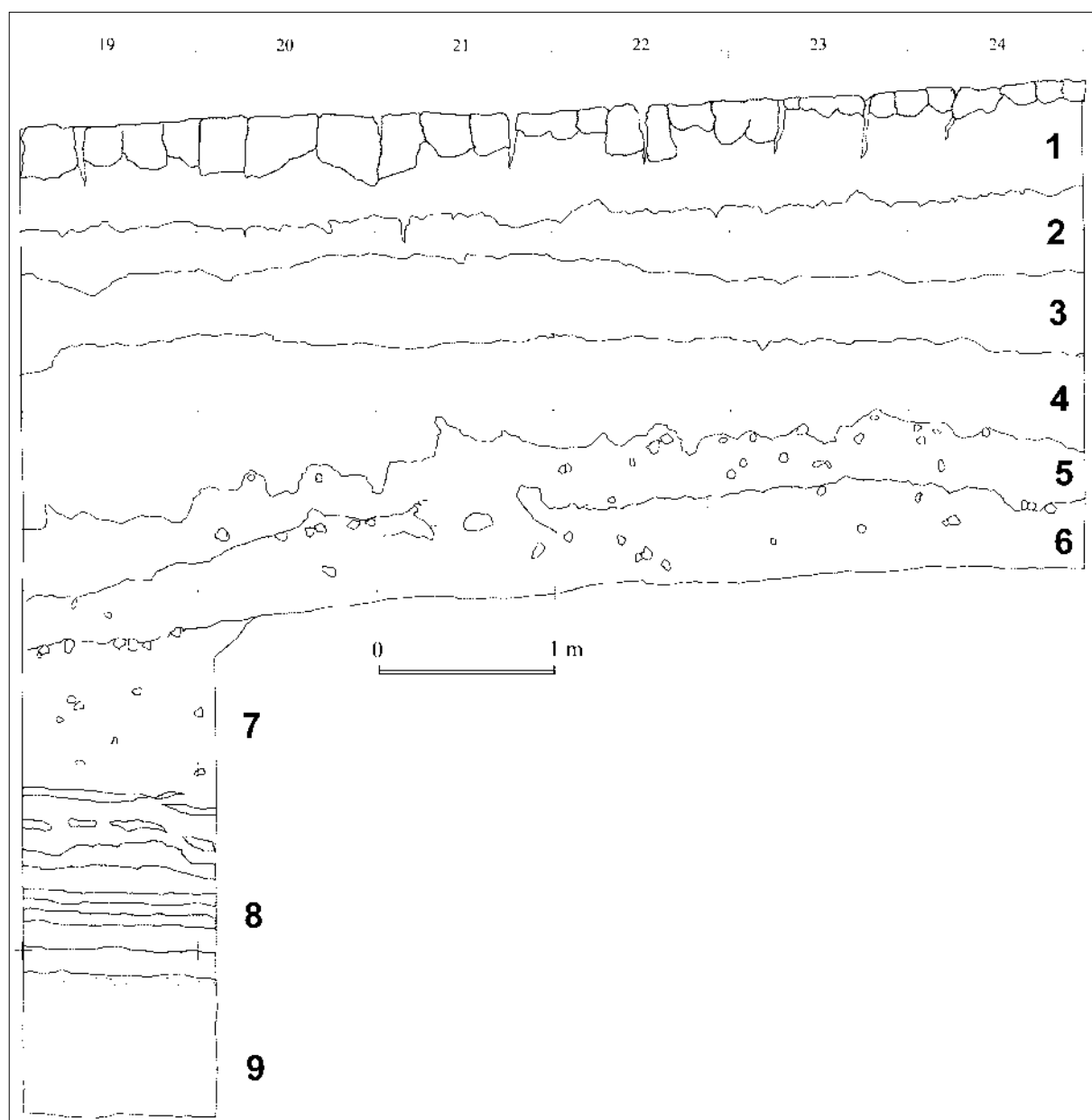

Рис. 2. Разрез по северо-восточному краю стоянки Байраки (обозначения слоев даны в соответствии с порядковыми номерами их описания, приведенными в тексте).

Слой 8 характеризуется чередованием субгоризонтальных прослоев серого алевроита толщиной 8-15 см с глинистыми прослоями коричневатого и оранжево-бурого цвета. Они состоят из микрослоев оглеенного материала. Нижняя граница — четкая. Мощность слоя варьируется в пределах от 3,90 м. до 4,85 м.

Слой 9 является верхней частью руслового аллювия, представленного в разрезе песком грязно-желтого цвета с прослоями мелкого гравия. В нижней части слоя механический состав становится более крупным, отмечается

окатанная карпатская галька диаметром до 5 см, черный кремь и обломки конгломератов. В последнем, но уже не в разрезе, а в глыбах конгломерата, обнаружены единичные каменные изделия раннего палеолита. Видимая мощность слоя — 4,85-5,35 м.

В целом, в разрезе общей мощностью более 5 м (рис. 3,А) вскрыты отложения голоцена (слой 1 и возможно верхняя часть слоя 2) и, несомненно, раннеплейстоценового времени, включая делювиальные суглинки (слои 3,4), ископаемую почву (слои 5,6), пойменный ал-

А**Б**

Рис. 3. Памятники раннего палеолита Байраки 1 (А) и местонахождения Байраки 2 (Б). На нижнем фото - остатки конгломерата - руслового аллювия террасы (вид с юго-запада).

лювий и старичные отложения (слои 7,8), а также верх руслового аллювия (слой 9). Последний, как удалось наблюдать в некоторых частях сохранившегося разреза, представлял из себя сцементированный мелкогалечный конгломерат, блоки которого сохранялись во многих местах, залегая на скальной поверхности карьера.

Делювиальные отложения являются типично склоновыми. В них довольно часто встречается мелкая («карпатская») галька из яшмы, песчаника и кремня, включая окатанные кремневые обломки и осколки. В данном случае, учитывая окраску, значительную карбонатность и комковатость делювиальных отложений, можно полагать, что речь идет об остатках ископаемых почв деформированных различными эрозионными процессами.

Слой с находками каменных изделий и обломком кости выявлен, отметим еще раз, в верхней части ископаемой почвы (слой 5), которая хорошо и четко прослеживается в разрезе на значительном его протяжении вдоль левого борта балки. Нужно отметить, что горизонт А этой почвы сильно деформирован. В разрезе его остатки чаще выявляются ниже по трещинам и кротовинам, характеризуясь красновато-оранжевым цветом. Однако, если учесть практическое отсутствие выраженных натеков на поверхностях изделий из слоя, которые типичны, как показывает практика, для предметов из ископаемых почв, то вполне возможно поставить вопрос о нахождении культурного слоя именно в кровле данной деформированной почвы. Можно надеяться, что дальнейшие раскопки помогут выяснению точного стратиграфического положения культурного слоя и непосредственной связи его с ископаемой почвой. В данном случае речь идет лишь о четко выраженном горизонте с немногочисленными находками без дополнительных элементов подлинного культурного слоя. Правда, нужно иметь в виду то обстоятельство, что раскоп захватил незначительную часть предполагаемой стоянки. Залегание находок единым горизонтом указывает на их гомогенность и удовлетворительную сохранность культурного слоя. Скорее всего, речь идет о периферии стоянки. Очень важным представляется отсутствие на

поверхности карьера, где должны были бы встречаться находки из разрушенного культурного слоя, каких-либо неокатанных каменных изделий и костей животных, которые бы указывали на его существенное разрушение. Непосредственно в культурном слое вместе с обломком кости ископаемого животного были найдены 11 изделий из кремня и одно из песчаника.

Примерно в 45 м ниже по оврагу (рис. 3,Б), в осыпи под ископаемой почвой, найдена галька песчаника с отчетливой оббивкой одного края. Она была покрыта интенсивным натеком бурого цвета (ожелезнением), перекрытым явно более поздним известковистым натеком желтовато-серого цвета. Аналогичные двойные натеки ранее выявлены на предметах из ископаемой почвы на местонахождениях Погребя и Большой Фонтан (Анисюткин 1989, 127), дополнительно подтверждающая связь данной гальки непосредственно с красноцветной почвой.

Как уже отмечалось, на небольшом участке поверхности карьера, непосредственно среди россыпи галечника и глыб конгломерата, удалось найти 6 окатанных каменных изделий, которые достаточно убедительно привязываются к отложениям руслового аллювия данной террасы, имеющего вполне обоснованную геологическую датировку. По совокупности различных показателей терраса, с отложениями которой связаны слои раннего палеолита, может быть либо VI, либо, как полагает А.Л. Чепалыга, VII надпойменной террасой Днестра³.

Оценивая возраст каменных изделий из нижнего комплекса, А.Л. Чепалыга в предварительном плане полагал, что артефакты могут иметь датировку около 700 тыс. лет назад в том случае, если это аллювий VI террасы, в ином случае - он значительно древнее и может достигать даже 1 млн. лет. Проведенные ранее геологами палеомагнитные исследования, установили обратную намагниченность нижнего аллювия VII террасы, соответствующей эпохе Матуяма (Покатилов, Букачук 1989, 84). Инверсия между эпохами магнитной полярности Матуяма - Брюнес выявлена в отло-

³ В настоящее время, после дополнительных исследований А.Л. Чепалыги, последнее определение можно считать предпочтительным.

жениях пойменного аллювия этой же террасы (Певзнер, Чепалыга 1970; Адаменко и др. 1996, 150-151). Абсолютные даты (TL), полученные для VII террасы (с. Михайловка), показали следующие значения: ниже инверсии Брюнес-Матуйма — 900 +/- 200 тыс. лет, а выше - 670 +/- 170 тыс. лет назад (Антропоген, 1986: 56). Дополнительно следует отметить, что аллювий VI надпойменной террасы формировался в начале нижнего плейстоцена, а VII — в эоплейстоцене (Чепалыга 1982, 224; Адаменко и др. 1996; Билинкус 1989).

Подлинную датировку верхнего комплекса еще предстоит установить. С достаточной долей вероятности можно указать на связь культурного слоя с раннеплейстоценовой ископаемой почвой, которая лежит непосредственно на поверхности пойменных отложений, т.е. она здесь является нижней. Следовательно, в предварительном плане, используя в качестве аналога разрез VI надпойменной террасы на местонахождении Погреба, возможно говорить о «лубенской» ископаемой почве, которая сопоставляется геологами с серединой миндельского времени (КИС - 15-13) Западной Европы (около 500 тыс. лет назад), соответствуя «беловежской» почве исследователей России и Белоруссии (Адаменко и др. 1996, 151; Степанчук 2006, 41). Правда, в данном случае необходимо помнить, что «лубенская» ископаемая почва, выявленная в разрезе Погреба, не лежит как в Байраки непосредственно на пойменном аллювии, а представлена двумя почвенными толщами, разделенными лессовой прослойкой. Поэтому данное сопоставление все же следует считать весьма условным.

Каменные индустрии

Археологические находки представлены, как это уже отмечалось выше, двумя стратифицированными комплексами. Нижний связан с аллювиальными отложениями и верхний - с кровлей ископаемой почвы⁴. Рассмотрим их отдельно, предварительно отметив, что все источники сырья, из которого изготовлены каменные изделия, были местными.

Нижний комплекс. Всего в коллекции 6 предметов, происходящих как непосредственно из галечника, так и с его поверхности. Они

обнаружены в грудах галечника, рассеянного на незначительной площади карьера, приуроченного к левому борту обширной балки Байраки. Часть из них найдена непосредственно в галечнике, а часть собрана на его поверхности. Один типичный отщеп, рассматриваемый отдельно, найден вне скопления, на окраине карьера. Он лежал на поверхности скального цоколя террасы примерно в 60-70 м западнее раскопа. Все каменные изделия, включая данный отщеп, имеют одну и ту же сохранность поверхностей, для которых характерными являются отсутствие патины, отчетливая окатанность и заметный люстраж поверхности. Описанные признаки типичны как для предметов из песчаника, так и из кремня.

Рассмотрим артефакты более подробно, начав с галечных форм.

Первое крупное галечное орудие (155x105x40 мм), обнаруженное на поверхности галечника, представлено уплощенной галькой из косоуцкого песчаника с несколькими соприкасающимися разновеликими выемками, следующими вдоль левого края и формирующих зубчатое лезвие, а также отвесной ретушью вдоль значительной части правого края. Фасетки ретуши, по причине их значительной заглаженности, не всегда читаются четко. Тем не менее, определенная последовательность нанесения сколов очевидна. На противоположной, вентральной стороне орудия, в трех или четырех случаях, прослеживаются выщерблины, приуроченные к вершинам выступов, образованных выемками, которые можно воспринимать как следы активной утилизации. Обработанные подобным образом сходящиеся ретушированные края образуют острие, позволяя видеть здесь комбинированное орудие (рис. 4,2).

Второе галечное орудие (112x95x26 мм), выявленное на поверхности известнякового цоколя, примерно в 40 м западнее основного скопления, изготовлено на более уплощенной гальке косоуцкого песчаника и имеет хорошо выделенный ретушью выемчатый рабочий край. Выемка и примыкающий к ней слева намеренный (?) облом образуют заостренный конец, который, к сожалению, имеет свежее повреждение, а

⁴ Принимая во внимание малочисленность находок и нарушенность кровли ископаемой почвы, подлинность стратиграфической позиции этого слоя еще следует подтвердить.

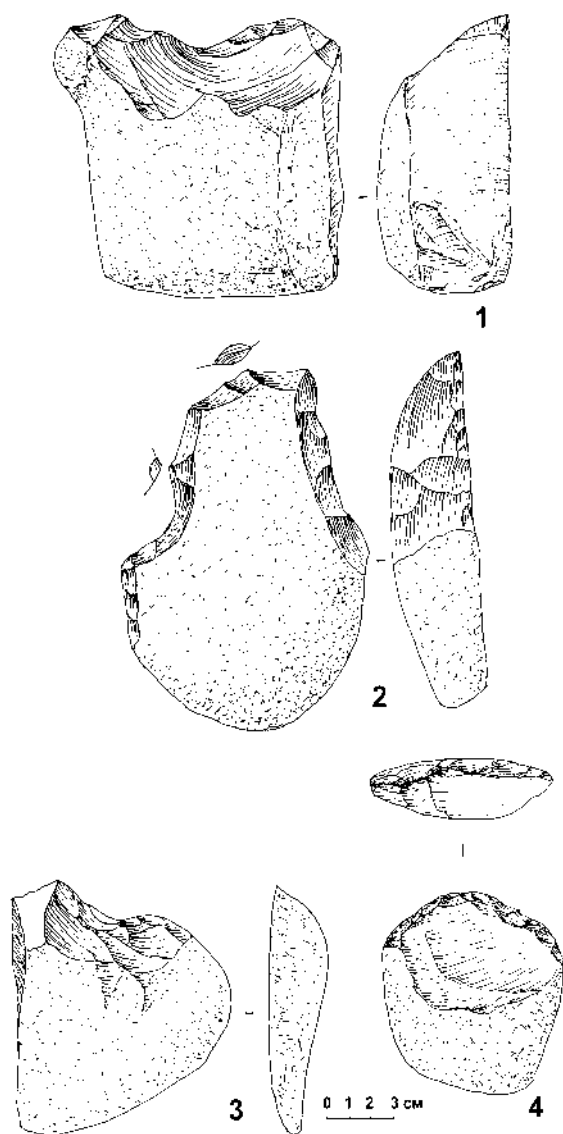

Рис. 4. Стоянка Байраки. Галечные орудия. 1-3, аллювиальный комплекс; 4, из ископаемой почвы.

поэтому неопределим. Наиболее обоснованно определить данную форму как односторонний чоппер с вогнутым рабочим краем (рис. 4,3).

Третье галечное орудие (односторонний чоппер), которое изготовлено из того же материала, является не только более совершенным, но и имеет ключевое значение для привязки всех рассматриваемых форм именно к аллювию данной террасы. Орудие найдено непосредственно в нижней части галечника. На нижней стороне чоппера сохранен участок припаянного конгломерата, представленного, напомним еще раз, песчано-гравийным заполнителем и карбонатным цементом. Данное

массивное и крупное орудие (115x113x60 мм) имеет отчетливые следы бокового снятия, которое позволило уменьшить размеры заготовки, придав ей четырехугольную форму. Для этого потребовался чрезвычайно сильный удар тяжелым и твердым отбойником, который был нанесен по галечной поверхности, на которой прослеживается заметная вмятина. Поверхность раскалывания хорошо выражена. Поперечный рабочий край изделия имеет вогнутую форму, которая образована тремя последовательными крупными сколами. На кромке лезвия дополнительно читаются более мелкие и плоские фасетки дальнейшей ретуши. Левый угол орудия, выделенный выемкой и естественной поверхностью гальки, представляет из себя своего рода заостренный «носик», усеченный сколом и мелкими фасетками ретуши. В целом, данный предмет можно описать как односторонний чоппер с выемчатым рабочим краем и с дополнительной отделкой заостренного выступа (рис. 4,1).

Подобные чопперы весьма распространены в раннем палеолите. Похожая форма, но изготовленная из кремневой гальки, найдена на местонахождении Погреба (Анисюткин 2010, 183). Среди многочисленных примеров можно упомянуть, прежде всего, хорошую серию разнообразных и детально описанных чопперов из олдована Южной Аравии, изготовленных часто на обломках, где боковые грани нередко усекались для придания данным орудиям нужной формы (Амирханов 1991), а также с иных территорий, включая Алтай (Карама), Северный Кавказ и Тамань (Деревянко и др. 2005; Амирханов 2007; Щелинский 2010).

В аллювии стоянки Байраки преобладают гальки мелких и мельчайших размеров, в том числе различным образом окатанные обломки кремня. Более крупные предметы, встреченные в глыбах конгломерата, немногочисленны. Это обычно сильно окатанные обломки (гальки) преимущественно косоуцкого песчаника. Просмотр значительного количества подобных галек, встреченных на всей площади террасы, основанием которой является достаточно плотный известняк — цоколь террасы, позволил выявить только три описанных выше артефакта. Остальные не имели обработки. Здесь следует отметить только одну весьма крупную гальку косоуцкого песчаника, на поверхности которой прослеживается отчетливый скол от

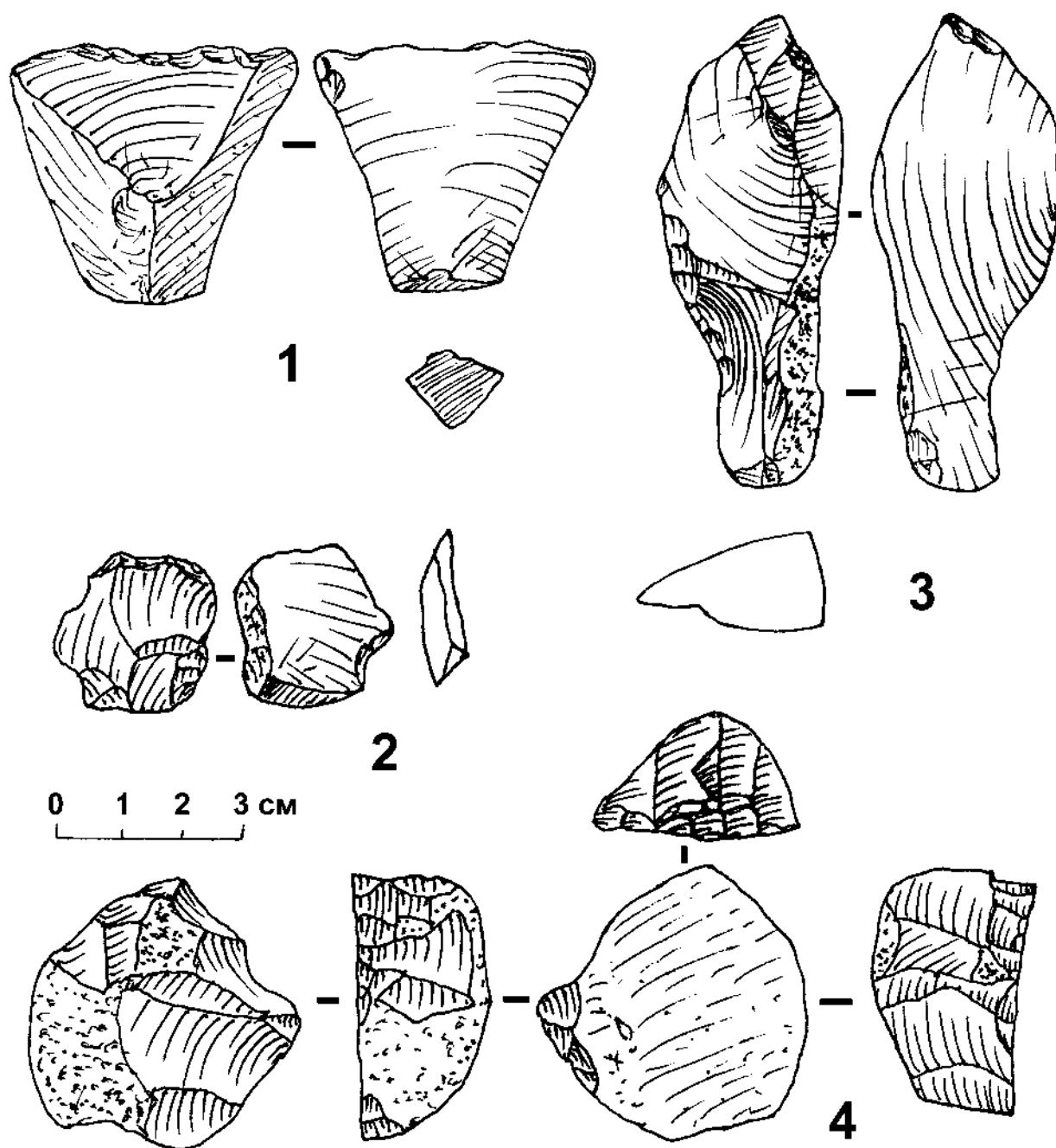

Рис. 5. Стоянка Байраки. Кремневые изделия из аллювиального комплекса. 1, кремневый отщеп; 2, отщеп оббивки бифаса; 3, комбинированное орудие; 4, скребок-рабо.

бесспорного снятия единственного отщепа.

Эксперименты, проведенные Н.К. Анисюткиным по раскалыванию этого песчаника, показали его исключительную прочность. Для скалывания только одного крупного или среднего отщепа требуется очень большое усилие, учитывая не только значительную прочность материала, но и округлость краев галек. В этом случае требовалось для продуктивного снятия отодвинуть точку удара от края заго-

товки, что автоматически влияло на силу наносимого удара.

Повторим еще раз, что среди осмотренных в нескольких карьерах многочисленных галек, имевших соответствующие размеры и форму, нет предметов со следами беспорядочных кромочных сколов, что, напротив, является правилом для угловатых и окатанных обломков кремня.

При тщательном анализе многочисленных кремневых предметов, рассеянных в галечни-

ке, включая находки со следами псевдосколов, удалось выделить лишь 3 изделия, которые возможно отнести к артефактам. Для них также типична значительная окатанность и характерный блеск поверхностей, которые обычны для изделий из аллювиальных отложений. Все эти артефакты лишены патины и, на наш взгляд, обладали необходимой совокупностью признаков намеренной обработки их древним человеком.

Первое изделие, которое найдено среди скопления гальки, можно отнести к ножам с частично ретушированным обушком и выделенным острием. Данное комбинированное орудие имеет относительно небольшие размеры (31x75x14 мм) и изготовлено на чрезмерно укороченном отщепе черного кремня, где четко прослеживается брюшко с рельефными волнами и частично сохранившимся ударным бугорком. Ударная площадка отсутствует, что достаточно легко объяснимо наличием негатива от предшествующего скола, расположенного в приплощадочной части отщепа. Последний видимо образовался на месте трещины от более раннего удара, по которой при повторном ударе вместе с данным осколком отслоилась и поверхность площадки. Правда, здесь нельзя исключать и того, что отслоение произошло позднее — во время перемещения орудия в речном потоке. Острие выделено сочетанием крутой ретуши и двух удлиненных и плоских фасеток. Для обушка характерна частичная крутая ретушь. На лезвии ножа прослеживается отчетливая клетонская выемка и мелкие фасетки ретуши, которые необязательно являются следами утилизации (рис. 5,3).

Второе орудие, имеющее также небольшие размеры (45x44x23 мм), изготовлено на окатанном естественном обломке черного кремня. Оно найдено на поверхности галечника. Крутой отвесной ретушью, представленной рядом соприкасающихся фасеток удлиненной формы, четко выделен скребковый рабочий край, занимающий около половины изделия. Справа к скребковому краю примыкает небольшое атипичное острие. Данное орудие может быть отнесено к выразительным скребкам-рабо, которые обычны в раннем палеолите и представлены хорошей серией в коллекции Большого Фонтана. Его размеры обусловлены особенностями кремневого сырья, представленного окатанными обломками преимущественно не-

больших размеров (рис. 5,4). Данным формам в отечественной научной литературе посвящена специальная статья В.П. Любина и Е.В. Беляевой, где они охарактеризованы исчерпывающе (Любин, Беляева 2004а).

Третье изделие из желтовато-серого кремня является типичным мелким отщепом (23x24x9 мм) от оббивки бифаса и ретуши (*eclats de taille et retouche*), извлеченным непосредственно из глыбы конгломерата. На спинке прослеживаются негативы плоских сколов, характерных для бифасов, изготовленных при помощи мягкого отбойника. Ударная площадка узкая и значительно наклонена к плоскости скола, а ударный бугорок очень слабо выделен. Интересно, что подобный тип кремня (видимо очень хорошего качества) найден среди многочисленных кремневых предметов черного цвета пока в единичном экземпляре. Этот отщеп дает основание предполагать, что он мог быть получен при изготовлении ручного рубила, типичный образец которого недавно найден в Нижнем Приднестровье. Правда, здесь нельзя исключать и того обстоятельства, что данный отщеп мог быть снят при дополнительной подправке рабочей поверхности чоппера. На это вероятно указывает ударная площадка, сохранившая поверхность корки (рис. 5,2).

Дополнительно еще раз следует упомянуть массивный кремневый отщеп, найденный вне скопления галечника, который по сохранности поверхности неотличим от описанных выше предметов (рис. 5,1). Связь его с аллювиальным комплексом не бесспорна, но вполне вероятно не только по причинам аналогичной сохранности поверхности и морфологии, но и по причине отсутствия в пределах карьера любых иных изделий из кремня.

Комплекс из культурного слоя. Коллекция данного комплекса невелика, что частично можно объяснить небольшой площадью сделанной расчистки. В этом плане показательно, напомним еще раз, отсутствие на площади карьера каких-либо кремневых предметов, включая сопоставимых по сохранности поверхностей с изделиями рассматриваемого комплекса, которые бы указывали на заметное разрушение культурного слоя.

Данное обстоятельство позволяет надеяться, что культурный слой из ископаемой по-

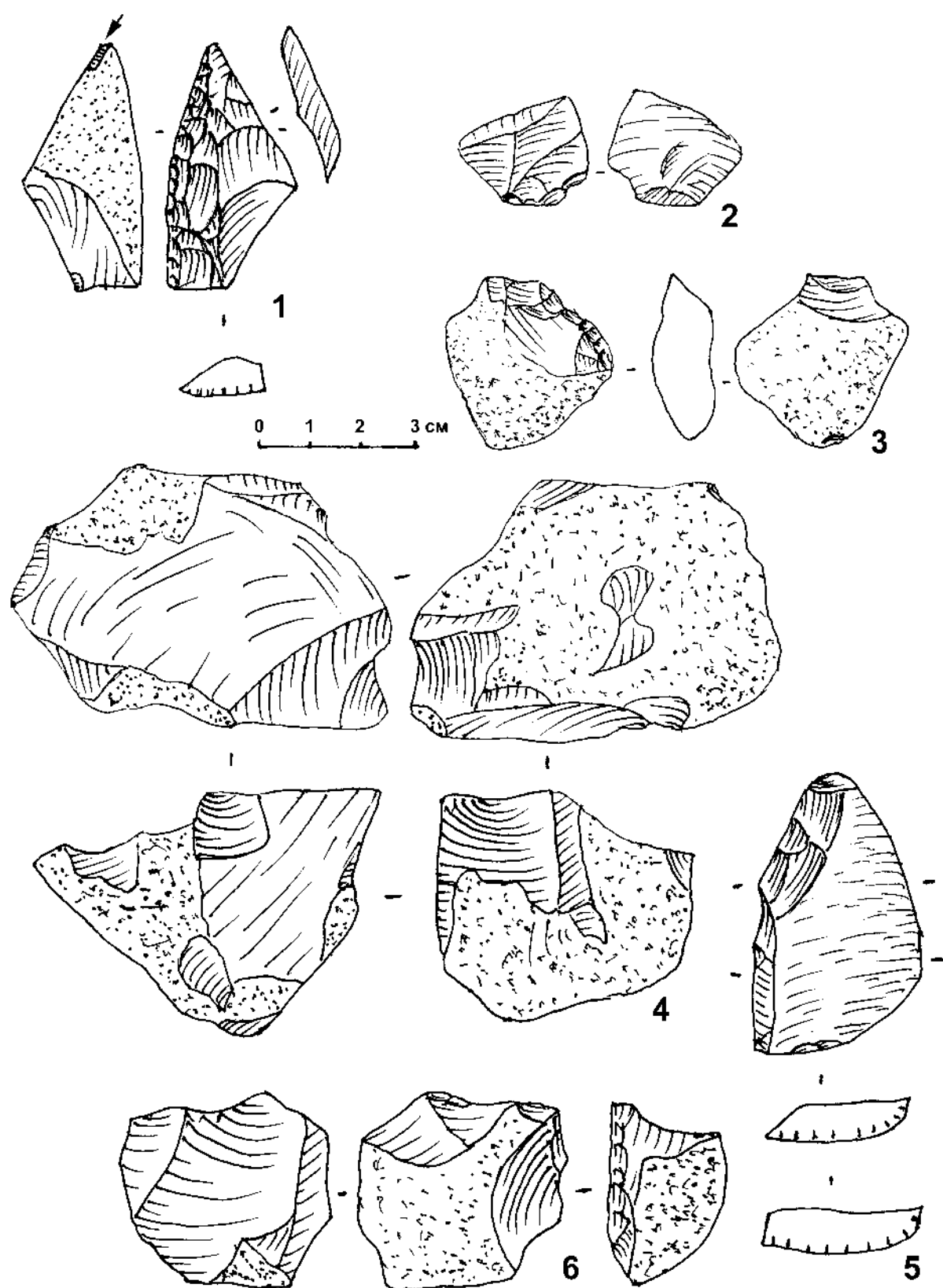

Рис. 6. Стоянка Байраки. Кремневые изделия из культурного слоя. 1, скребло; 2, отщеп; 3, клювовидное орудие из делювиального слоя; 4, 6, нуклеусы; 5, скребло на расколотой гальке песчаника.

чвы не претерпел существенных разрушений. Правда, если все же учесть опыт изучения раннего палеолита на соседних местонахождениях Большой Фонтан и Погребя, где не выявлено ни одного существенного скопления, то вполне возможно ожидать здесь наличия лишь кратковременных стоянок с малочисленными кремневыми изделиями.

Как уже отмечалось, первой находкой, обнаруженной во время раскопок, является долотовидное орудие, изготовленное на окатанной кремневой галечке мелких размеров (35x35x12 мм), у которой выступ в виде «носика» выделен сбоку четкими фасетками крутой ретуши, а рабочий край имеет двустороннюю обработку, представленную сочетанием глубокой выемки с одной стороны и трех мельчайших и плоских фасеток — с другой. Орудие, которое в целом обычно для раннего палеолита, найдено над культурным слоем, в нижней части слоя 4, на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности. Оно заметно окатано и явно переотложено (рис. 6,3).

В целом в коллекции из культурного слоя имеется 3 орудия, 2 нуклеуса, 1 галечное изделие из песчаника (отбойник), 1 отщеп, 4 чешуйки, а также 2 обломка со следами утилизации (?). Сохранность этих кремневых изделий разная, но преимущественно хорошая. Пatina установлена только для трех предметов, в их числе скребло, отщеп и обломок кремня. Сразу же отметим, что не все артефакты происходят непосредственно из культурного слоя, но об этом ниже.

Нуклеусы представлены только двумя предметами (рис. 6,4,6).

Один из них обнаружен непосредственно в обнажении, залегая в верхней части ископаемой почвы. Он изготовлен на обломке желвачного кремня черного цвета весьма плохого качества. Имеются два четких снятия небольших отщепов и незначительная подправка ударной площадки. Кремень не покрыт патиной и имеет острые края. В общем и целом перед нами пренуклеус или нуклеус начальной стадии расщепления (рис. 6,4).

Второй нуклеус изготовлен из желвачного кремня темно-серого цвета без патины и формально относится к одноплощадочным с плоскостным скалыванием. Он имеет более мелкие размеры. В качестве ударной пло-

щадки использовались три предшествующих радиально расположенных снятия. На рабочей поверхности отчетливо прослеживаются негативы трех сколов (рис. 6,6).

Среди орудий особое место занимает пре-восходное скребло на заготовке галечного кремня темного цвета, найденное в кровле ископаемой почвы (рис. 6: 1). Вентральная поверхность не является брюшком отщепа или пластины, а полностью сохраняет полированную поверхность кремневой гальки светло-желтого цвета. Орудие явно фрагментировано в древности и покрыто белой патиной. Фрагментация связана, скорее всего, если судить по негативам слома в нижней части, с трещиноватостью кремневой гальки. Скребло, как можно предположить, скорее всего, было разбито при падении. Тем не менее, судя по микрорезцовому сколу на верхнем заостренном конце, орудие было востребовано. Слабо выпуклый рабочий край обработан ступенчатой ретушью полу-кина. Противолежащий лезвию облом, образующий острие, скорее всего, был намеренным, играя роль обушка. Данные типы скребел неизвестны в региональном мустье, но вполне обычны в раннем палеолите. Характерные образцы с ретушью полу-кина, включая унифас, сохранившие на вентральной поверхности галечную корку, имеются в коллекциях из Большого Фонтана и Погребя. К сожалению, на специфику подобных форм исследователи палеолита почти не обращали должного внимания. Так, например, Н.Д. Праслов, описывая сходное орудие из кварцита, обнаруженное в раннем комплексе местонахождения Хрящи, указал лишь на то, что оно изготовлено не из отщепа, а из плитки (Праслов 1968, 33).

Два остальных орудия не были столь выразительными. Одно изготовлено на расколотовой галке весьма прочного песчаника, где вторичная обработка по причине низкого качества выделяется не столь четко. Орудие можно описать как скребло с естественным обушком. Обработка нанесена на вентральную поверхность, в то время как дорсальная была сплошь покрыта коркой. Читаемые фасетки однорядной ретуши прослеживаются вдоль трети левого края скребла (рис. 6,5).

Следующее изделие со вторичной обработкой края, изготовленное на окатанном обломке черного кремня имеет достаточно свежие фасетки зубчатой ретуши. Оно найдено на поверхности отвала, а поэтому связь его со слоем не является бесспорной.

Значительный интерес представляет орудие из гальки относительно «мягкого» песчаника, которое найдено примерно в 50 м ниже раскопа. Предмет обнаружен под обнажением левого борта оврага, в осыпи, непосредственно на уровне нижней части ископаемой почвой, которая хорошо прослеживается на значительном пространстве высокой террасы. Галька была покрыта мощным двойным натеком, который типичен, как это удалось установить на наших материалах, для предметов из древних ископаемых почв (рис. 4,4).

Данная уплощенная галька имеет округлую форму и относительно небольшие размеры (90x86x19 мм). Вдоль части выпуклого края прослеживаются фасетки ретуши, которые примерно на половине «лезвия» превращены в сплошную забитость, что вероятно связано с интенсивностью его использования. Почти до половины обработанной поверхности прослеживаются два негатива более ранних обширных снятий⁴.

Единственный типичный отщеп покрыт незначительной патиной. Он имеет небольшие размеры (24x26x5 мм), укороченные пропорции и весьма распространенный ударный бугорок. Ударная площадка – скошенная и гладкая, а его края естественно острые (рис. 6,2).

Чешуйки представлены 4 экз., в их числе 3 неокатанных и только 1 окатанная. Все они лишены патины и изготовлены из кремня черного цвета. Наличие кремневых чешуек в слое может указывать на его вполне удовлетворительную сохранность.

Предварительная оценка материалов стоянки Байраки

Немногочисленная кремневая индустрия из культурного слоя достаточно показательна для раннего палеолита. В первую очередь это касается типичного скребла на кремневой гальке. Аналогичные формы с ретушью полукина и кина, весьма характерны для раннего палеолита, в первую очередь для коллекций из местонахождений Большой Фонтан и Погребя. Подобным образом обработанные скребла, лимасы и унифасы обычны для раннего палеолита. Они постоянно присутствуют, к примеру, в раннеашельских слоях ряда пещерных стоянок

Кавказа (Любин, Беляева 2004б, рис. 53,5; Дороничев и др. 2007, рис. 93,1; 97,3).

Что же касается немногочисленной коллекции аллювиального комплекса, то она также достаточно выразительна. В ней отчетливо прослеживается типичная дихотомия, характеризующаяся сочетанием мелких орудий из кремня и крупных — из иных пород камня, в нашем случае — из косоуцкого песчаника. Подобное явление, учитывающее особенности сырьевого материала, обычно именно для раннего палеолита (Crovetto 1993, 53). В этом отношении достаточно вспомнить классические материалы из Олдувая (Bed II), где подобное сочетание является нормой (Григорьев 1977, 72-73). Для рассматриваемого комплекса особенно показательными кроме чопперов являются отщеп оббивки бифаса и скребок высокой формы (рабо). Морфология последнего вполне соответствует нуклевидным скребкам раннего палеолита, отличаясь только размерами, что обусловлено особенностями сырья. Первый предмет косвенно указывает на возможность присутствия в коллекции бифасов, второй — на связь с индустрией Большого Фонтана, где данные формы обычны. На наш взгляд подобные скребки-рабо известны не только в Африке, Аравии, Леванте и на Кавказе (Любин, Беляева, 2004а, 163), но и обнаружены на иных территориях, включая не только Нижнее Приднестровье, но и, в частности, Центральную Азию. Выразительная серия данных орудий выявлена, к примеру, в раннепалеолитических слоях пещерной стоянки Сельунгур (Анисюткин, Вишняцкий 2001, рис. 8,3.5). Достаточно типичный нуклевидный скребок зарисован в 1984 году Н.К. Анисюткиным в коллекции раннепалеолитической стоянки Каратау 1 в Таджикистане. В целом можно полагать, что подобные формы, размеры которых всецело обусловлены спецификой сырья, широко распространены, прежде всего, в раннем палеолите.

Грушка

Палеолитическая стоянка-мастерская, отнесенная к мустье — верхнему палеолиту, открыта С.И. Коваленко (Свод 2006, 31) к западу от с. Грушка Каменского района, вплоть до понижения к Белому Яру (рис. 1,II). Она вы-

⁴ По предварительному определению В.Е. Щелинского данный предмет использовался в качестве («мягкого») отбойника.

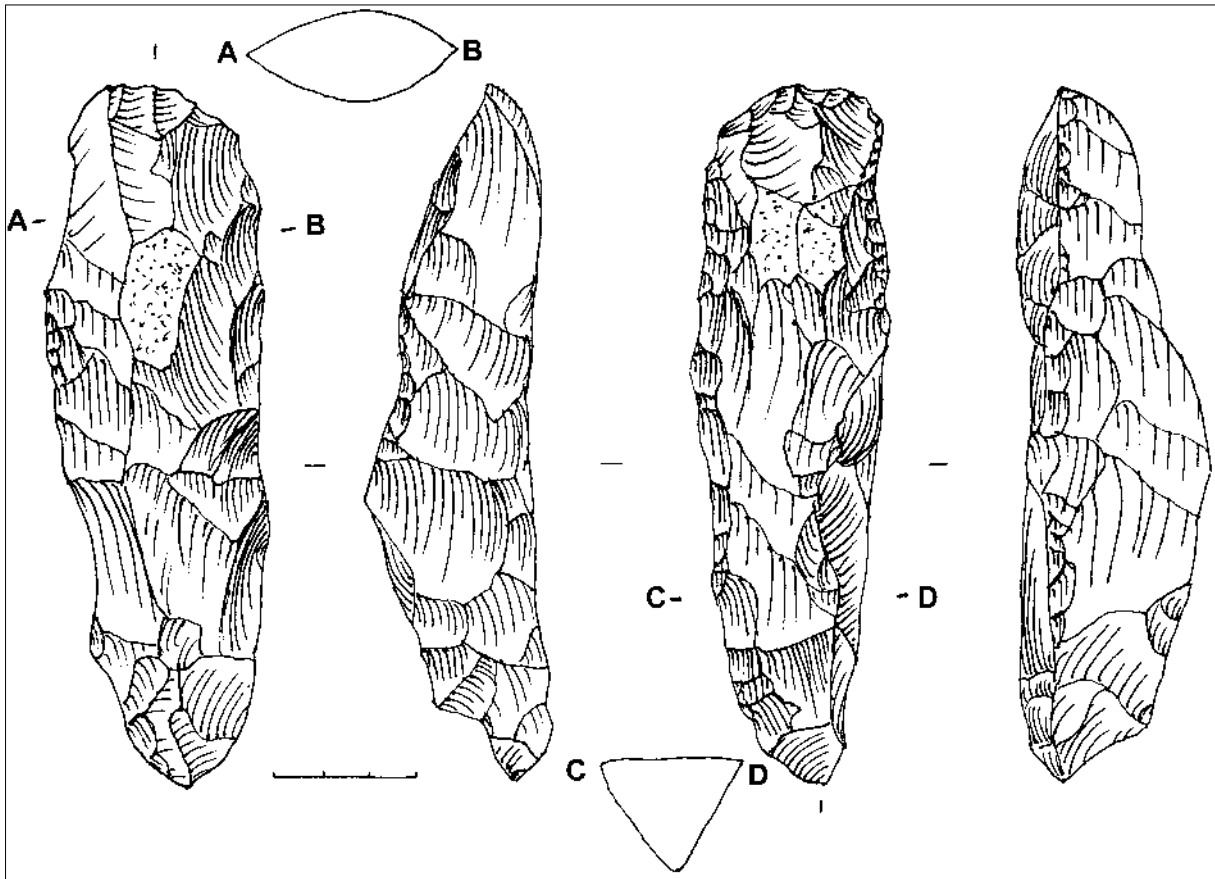

Рис. 7. Грушка. Орудие с двусторонней обработкой

тянута вдоль левого коренного берега Днестра почти на 1,2 км. Основная зона рассеивания кремня расположена на покато́й эродированной поверхности пашни между обрывистым склоном и щебеночной дорогой на Ямполь. Её ширина – 100 м. Меньшее число кремней фиксируется к северу на поле за дорогой. Мустьерские находки локализованы ближе к краю плато, от посадки акации вблизи села и далее к западу, на протяжении 50-70 м. Они включают кремни с глубокой белой патиной, люстражем и следами выветривания на поверхности. Среди них крупный отщеп без правильного огранения с фасетированной ударной площадкой, отщеп поменьше с крупной ударной площадкой под тупым углом к брюшку, плоский нуклеус. Верхнепалеолитические находки распространены шире. Расположение по краю высокого коренного берега речной долины, характерно и для других палеолитических мастерских нашего региона, к примеру, реутской зоны. В районе Грушки это объясняется еще и тем, что уровень грунтовых вод здесь необычайно высок, всего 3-4 м от поверхности, в связи с высоким гипсоме-

трическим положением известнякового яруса, выступающего водоупорным слоем. По краю плато зафиксировано несколько родников. На месте стоянки-мастерской отмечено распространение аллювия с кремневым сырьем, связанным с обнажениями одной из древних террас Днестра.

Комплекс изделий раннего палеолита выявлен нашей экспедицией на территории стоянки-мастерской верхнего палеолита. Находки раннепалеолитического облика локализованы по кромке плато (высокой террасы Днестра) на протяжении 1,2 км. На покато́й эродированной поверхности пашни была собрана выразительная коллекция кремневых изделий с глубокой белой патиной, люстражем и следами выветривания. Большая часть находок происходит из обнажений кровли красноцветной ископаемой почвы. Артефакты с этого участка характеризуются помимо технико-морфологических признаков наличием двуслойных натеков — буровато-коричневого ожелезнения и перекрывающего его желтовато-серого известковистого натека. Этот показатель, как уже отмечалось выше, ха-

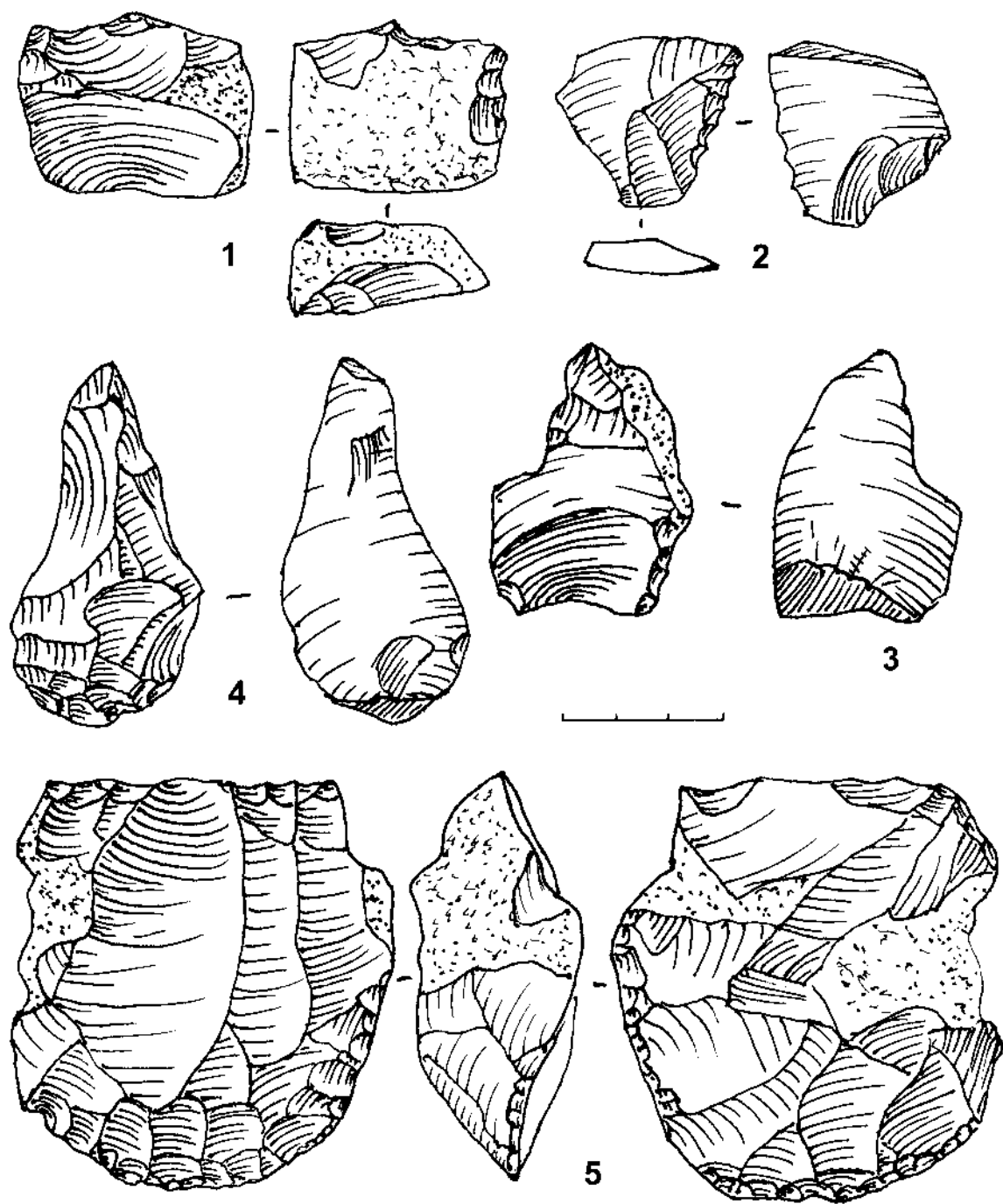

Рис. 8. Грушка. Кремневые изделия. Комплекс раннего палеолита: 1, нуклеус; 2, скребло; 3, 4, отщепы. Комплекс среднего палеолита (?): 5, нуклеус леваллуа.

рактен для раннепалеолитических изделий, происходящих из красноцветных почв, выявленных в Большом Фонтане, Погребя и Байраки. В данном случае, учитывая морфологию кремневых изделий, сохранность их поверхностей, связь с древней ископаемой почвой, имеются четкие основания для выделения

комплекса раннего палеолита. Правда, несомненно, раннепалеолитическими могут быть всего несколько предметов, включая бифасиальное орудие, а остальные вполне вероятно отнести к мустьерскому комплексу. Наиболее выразительным следует признать, прежде всего, бифас (рис. 7), который непосредствен-

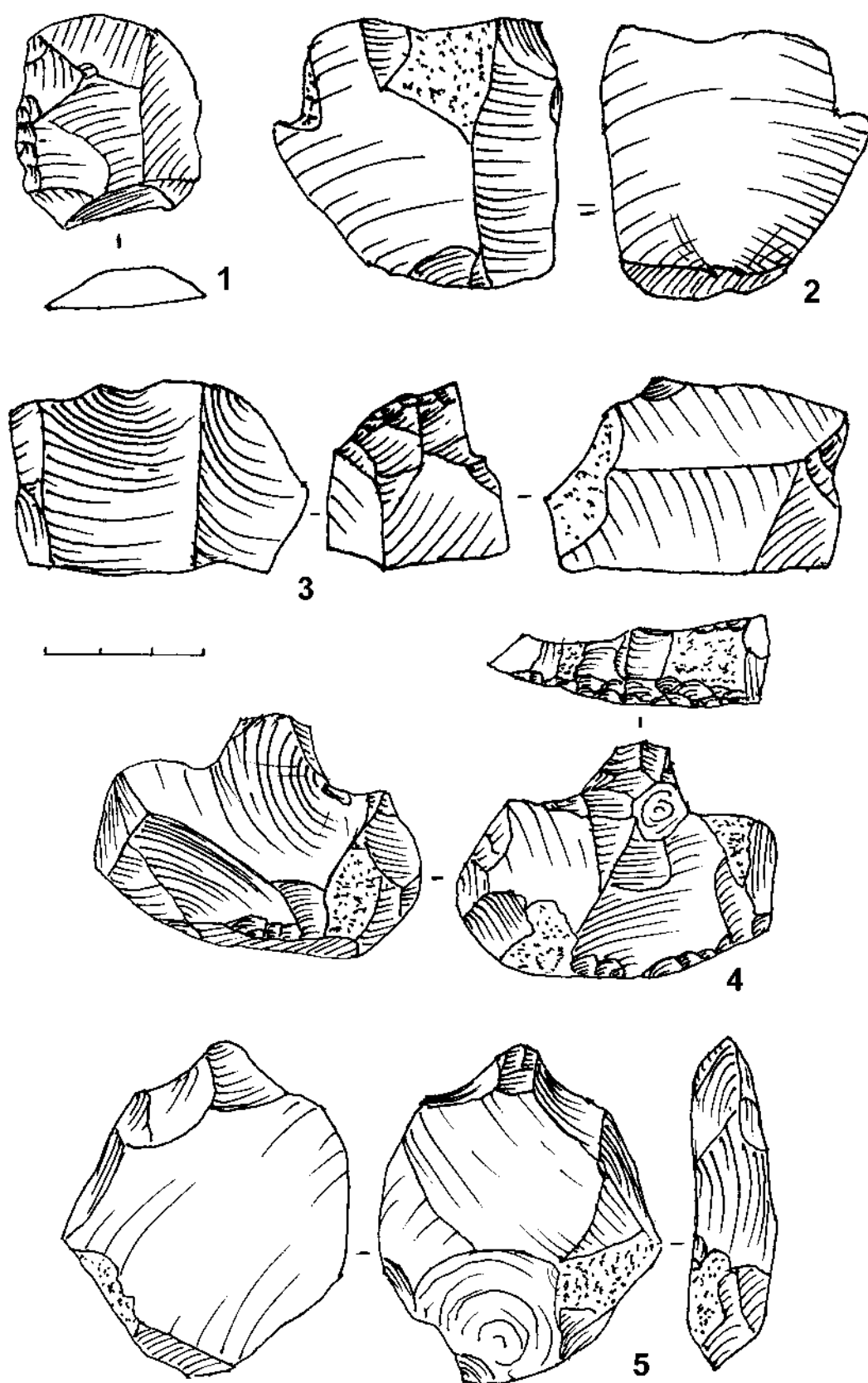

Рис. 9. Грушка. Кремневые изделия. Комплекс раннего палеолита: 2, отщеп; 3, нуклеус; 4, 5, клювовидные орудия. Комплекс среднего палеолита: 1, скребло на обломке отщеп леваллуа.

но извлечен из ископаемой почвы профессором А.Л. Чепалыгой. Кроме этого предмета к комплексу следует отнести 2 ключевидных орудия, 1 скребло, 2 типичных нуклеуса и десяток выразительных клектонских отщепов, характерных для индустрий раннего палеолита (рис. 8,9). К сожалению, сейчас сложно определить возраст ископаемой почвы, которая, тем не менее, явно раннеплейстоценовая. Дальнейшие исследования на данном местонахождении весьма перспективны.

Заключение

Стоянка Байраки с сохранившимся культурным слоем является первым комплексом кремневых изделий раннего палеолита, найденным в красноцветных древних почвах высоких террас Днестра. Они, как и изделия из аллювиального комплекса, являются на настоящее время древнейшими каменными орудиями, найденными на территории Молдовы, Украины и юга России. До сих пор исследователей палеолита интересовали более низкие части долины реки Днестр, включая, прежде всего, карьер в Колкотовой балке с остатками фауны раннего плейстоцена (Кетрару, 1973).

Очень важно, что данная часть долины Днестра ранее была довольно основательно изучена геологами СССР, которые проводили здесь научные изыскания в течение нескольких десятков лет (Чепалыга 1962; Четвертичная система 1982). Эти исследования, включая комплексные, позволили довольно детально разработать стратиграфию речных террас и геохронологию четвертичных отложений. Отсюда следует, что найденные здесь палеолитические объекты, как связанные с

ископаемыми почвами, так и (особенно) происходящие из аллювия, имеют вполне надежную геохронологическую позицию.

В этом плане связь анализированных комплексов с тем или иным подразделением раннего плейстоцена вполне достоверна. Здесь важно специально указать, что знаменитый тираспольский фаунистический комплекс, сопоставимый с миндельской и кромерской фауной Европы, происходит из аллювия V террасы, т. е. заведомо позднее находок раннего комплекса, происходящего из руслового аллювия высокой террасы, на которой расположена новая стоянка Байраки. В этом плане датировка изделий из аллювиального комплекса данной стоянки соответствующая более 800 000 лет тому назад может считаться минимальной.

Новые материалы хорошо соотносятся с прежними коллекциями раннепалеолитического облика из местонахождений Большой Фонтан и Погребя, каменные индустрии которых морфологически и геохронологически вполне сопоставимы. В данном случае, выделенная ранее в регионе дубоссарская индустрия, может считаться древнейшей.

Дальнейшие исследования новой стоянки Байраки бесспорно представят большой научный интерес не только для археологов, но и для широкого круга специалистов изучающих четвертичный период. Сейчас это древнейшая стоянка на территории Восточно-Европейской равнины.

Весьма перспективны дальнейшие исследования на местонахождении Грушка, где важно установить стратиграфическое и планиграфическое положение комплексов раннего, среднего и верхнего палеолита.

Библиография

- Адаменко и др. 1996:** О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осюк, Ж.Н. Матвиюшина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк 1996, Четвертичная палеогеография. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра (Киев 1996).
- Амирханов 2007:** Х.А. Амирханов, Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики. В сб.: Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. "Петербургское востоковедение". (Санкт-Петербург 2007), 21-34.
- Анисюткин 1987:** Н.К. Анисюткин, Новое местонахождение раннего палеолита у с. Погребя на Нижнем Днестре. В сб.: Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху (Кишинев 1987), 4-15.
- Анисюткин 1989:** Н.К. Анисюткин, Домустьерское местонахождение у села Погребя на Нижнем Днестре и положение его индустрии в раннем палеолите Европейской части СССР и сопредельных территорий. В сб.: Четвертичный период. Палеонтология и археология (Кишинев 1998), 124-137.
- Анисюткин 1994:** Н.К. Анисюткин, Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины. АВ 3, 1994, 6-16.
- Анисюткин 2009:** Н.К. Анисюткин, О первоначальном заселении Юго-Запада Восточной Европы. В сб.:

Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия) (Новосибирск 2009), 50-62.

Анисюткин 2010: Н.К. Анисюткин, Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра. В сб.: Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. Российская академия наук. Институт истории материальной культуры. Труды ИИМК РАН, том XXXV (Санкт-Петербург 2010), 172-187.

Анисюткин, Вишняцкий 2001: Н.К. Анисюткин, Л.Б. Вишняцкий, Древнейшие палеолитические памятники северо-западного Тянь Шаня. *Stratum plus* 1, 2001, 398-414.

Антропоген 1986: Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Путеводитель экскурсий Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986), 154.

Билинкис 1989: Г.М. Билинкис, История развития рельефа Молдавии. Четвертичный период (палеогеография и литология) (Кишинев 1989), 57-66.

Береговая 1984: Н.А. Береговая, Палеолитические местонахождения СССР (1958-1970) (Ленинград 1984).

Борисковский 1953: П.И. Борисковский, Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. МИА 40, 1953.

Гладилин, Ситливый 1990: В.Н. Гладилин, В.И. Ситливый, Ашель Центральной Европы (Киев 1990).

Григорьев 1977: Г.П. Григорьев, Палеолит Африки. Палеолит Мира. Исследования по археологии древнего каменного века (Москва 1977).

Деревянко и др. 2005: А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чирикин, Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск 2005).

Деревянко и др. 2010: А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко, С.В. Лещинский, И.В. Зенин, Дарвагчай-залив - новый многослойный палеолитический памятник в юго-восточном Дагестане. В сб.: Исследования первобытной археологии Евразии (Махачкала 2010), 114-124.

Дороничев и др. 2007: В.Б. Дороничев, Л.В. Голованова, Г.Ф. Барышников, Б.А.Б. Блэквелл, Н.В. Гарутт, Г.М. Левковская, А.Н. Молодьков, С.А. Несмеянов, Г.А. Поспелова, Д.Ф. Хоффекер, Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и восточной Европы (Санкт-Петербург 2007).

Кетрару 1973: Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 1 (Кишинев 1973).

Кетрару 1991: Н.А. Кетрару, Производственные комплексы раннего палеолита Молдовы. В сб.: Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы (Кишинев 1991), 5-28.

Кетрару, Анисюткин 1967: Н.А. Кетрару, Н.К. Анисюткин, Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии (Кишинев 1967).

Коваленко, Пуцунтикэ 2005: С. Коваленко, С. Пуцунтикэ, Раннепалеолитическая находка из Кошницы. *RA* 1, 1, 2005, 168-169.

Кулаковская 1999: Л.В. Кулаковская, Палеолитические местонахождения в районе Королево. *AA* 8, 1999, 153-158.

Любин, Беляева 2004а: В.П. Любин, Е.В. Беляева, Нуклевидные скребки раннего палеолита. В сб.: Археология и палеоэкология Евразии (Новосибирск 2004), 159-164.

Любин, Беляева 2004б: В.П. Любин, Е.В. Беляева, Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо 1 (Центральный Кавказ) (Санкт-Петербург 2004).

Негадаев-Никонов, Яновский 1969: К.Н. Негадаев-Никонов, П.В. Яновский, Четвертичные отложения Молдавской ССР (Кишинев 1969).

Николаеску-Плопшор 1965: К.С. Николаеску-Плопшор, О стратиграфии и периодизации палеолита Румынии. В сб.: Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы (Москва 1965), 28-33.

Певзнер, Чепалыга 1970: М.А. Певзнер, А.Л. Чепалыга, Палеомагнитные исследования плиоцен-четвертичных террас Днестра. В сб.: Доклады АН СССР, том 194 (Москва 1970), 1142-1144.

Покатилов, Букатчук 1989: В.П. Покатилов, П.Д. Букатчук, Эоплейстоценовые и плейстоценовые террасы бассейна Днестра и их палеогеография. В сб.: Четвертичный период (палеогеография и литология) (Кишинев 1989), 81-91.

Праслов 1968: Н.Д. Праслов, Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. МИА 157 (Ленинград 1968).

Свод 2006: Свод археологических памятников Каменского района, Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь 2006).

Степанчук 2006: В.Н. Степанчук, Нижний и средний палеолит Украины (Черновцы 2006).

Чепалыга 1962: А.Л. Чепалыга, О четвертичных террасах долины Нижнего Днестра. БКИЧП 27, (Москва 1962), 61-71.

- Чепалыга 1982:** А.Л. Чепалыга, История развития фауны, флоры и человека в четвертичном периоде (Пресноводные моллюски). В сб.: Четвертичная система. Стратиграфия СССР 1 (Москва 1982), 216-226.
- Четвертичная система 1982:** Четвертичная система. Стратиграфия СССР 1 (Москва 1982).
- Щелинский 2010:** В.Е. Щелинский, Памятники раннего палеолита Приазовья. В сб.: Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) (Москва 2010), 57-77.
- Щелинский, Кулаков, 2007:** В.Е. Щелинский, С.А. Кулаков, Богатыри (Синяя балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове. РА 3, 2007, 7-18.
- Bordes 1961:** F. Bordes, Typologie du Paleolithique ancien et moyen. Mem. 1 (Bordeaux 1961).
- Chetraru 1995:** N.A. Chetraru, Contribuții la cunoașterea Paleoliticului inferior în Moldova. Tyragetia II, 1995, 93-172.
- Chirica, Borzias 2005:** V. Chirica, I. Borzias, Gisements du Paleolithique inferieur et moyen entre le Dnestr et la Tissa (Iasi 2005).
- Crovetto 1993:** C. Crovetto, La Paleolithique inferieur de Loreto. Bulletin du Musee d'anthropologie Prehistorique de Monaco 36 (Monaco 1993), 31-56.
- Dumitrescu, Bolomey, Mogoșanu, 1983:** V. Dumitrescu, A. Bolomey, F. Mogoșanu, Esquisse d'un Prehistoire de la Roumanie (Bucarest 1983).
- Păunescu, Rădulescu, Samson 1982:** A. Păunescu, C. Rădulescu, P. Samson, Decouvertes du Paleolithique inferieur en Roumanie. In: Travaux de l'Institut de Speliologie "Emilie Racovitza" XXI (București 1982), 53-62.
- Praslov 1995:** N.D. Praslov, The earliest occupation of the Russian Plain: a short note. In: The earliest occupation of Europe (Leiden 1995), 61-66.
- Shelinskiy, Tesakov, Titov 2010:** V. Shelinskiy, A.I. Tesakov, V. Titov, Early Paleolithic sites in the Azov sea region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries. In: Quaternary stratigraphy and Paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia. 2010 annual meeting INQUA-SEQS (Rostov-on-Don 2010), 148-149.

Николай Анисюткин, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 18. leonid.dictyoptera@gmail.com

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Молдова, covalenco@dk.ru

Виталий Бурлаку, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинев, Молдова, burlacu_vitale@mail.ru

РАСКОПКИ КУРГАНА 17 У С. КАЗАКЛИЯ В 1985 ГОДУ

Сергей АГУЛЬНИКОВ, Кишинэу

Cercetarea tumulului 17 de la Cazaclia în anul 1985. În anul 1985 pe teritoriul com. Cazaclia (r-nul Cadîr-Lunga, Rep.Moldova) a fost investigat tumulul nr. 17 al unei necropole tumulare amplasate între râurile Ialpuș și Lunguța din stepa Bugeacului. Înălțimea tumulului constituia 3,5 m, iar diametrul 80 m. În urma cercetării movilei au fost depistate 29 de morminte aparținând diferitor epoci. Tumulul avea mai multe mantale. Cele mai timpurii morminte (nr. 21-23), pentru care a fost ridicată prima manta și construit ringul de piatră, aparțin culturii Usatovo din epoca eneolitică târzie. Inventarul mormintelor eneolitice consta din patru vase ceramice, un ac de cupru, câteva mărgel de coral(?) și mai multe astragale. Următoarele șase mantale au fost ridicate de către comunitățile cultural istorice Jamnaja (etapele mijlocie și târzie) din epoca bronzului timpuriu. Scheletele sunt în poziție chirchită pe spate și presărate cu ocru, inventarul fiind format din vase ceramice, verigi de tâmplă din cupru sau bronz și oase de animale. Din perioada mijlocie a epocii bronzului datează date mormintele culturii Katakombnaja și a ceramicii cu mai multe brăie. În cuprinsul acestor morminte au fost depistate piese de os și vase ceramice caracteristice acestor culturi. Cel mai târziu orizont cultural-cronologic este reprezentat de mormântul nr. 15, aparținând culturii sarmatice, al cărui inventar funerar conținea o oglindă de bronz, o fusaiolă de lut ars și mai multe mărgel din pietre semiprețioase. Tumulul 17 al necropolei de la Cazaclia a funcționat în calitate de complex funerar o perioadă îndelungată de timp, cuprinsă între mijlocul mil. III a. Chr. și sec. I-II p. Chr.

В 1985 г. у с. Казаклия, Чадыр-Лунгского р-на, Республики Молдова был исследован курган № 17, входивший в состав курганного могильника, располагавшегося на водораздельном плато между реками Ялпуг и Лунгуца в Буджакской степи в Пруто-Днестровском междуречье. Высота кургана составляла 3,5 м, диаметр 80 м. В процессе исследований в кургане было обнаружено 29 погребений различных культурно-исторических эпох. Курган многослойный. Наиболее ранние погребения (№№ 21-23), с которыми связано сооружение первичной насыпи и сложной каменной конструкции-кромеха, относятся к позднему энеолиту, Усатовской культуре Северо-Западного Причерноморья. Инвентарь энеолитических погребений представлен расписными и лощеными сосудами и медной булавкой. Следующие 6 насыпей кургана 17 относятся к развитому и позднему вариантам Ямной культуры. Скелеты скорчены на спине, окрашены охрой, инвентарь-керамическая посуда, медные и бронзовые пронизы. Впускными являются погребения эпохи средней бронзы - культур Катакомбной и Многоваликовой керамики, датирующихся серединой II тыс до н.э. Найдены керамические и костяные изделия, свойственные этим археологическим культурам. Наиболее поздним в кургане 17 было совершено захоронение сарматской культуры № 15, в инвентаре которого имелось бронзовое зеркало, пряслище и набор бус, выполненных из полудрагоценных камней. Курган 17 функционировал как погребальное сооружение длительный период: от середины III тыс. до н.э. до I-II вв. н.э.

Excavations of the tumulus 17 near Cazaclia Village in 1985. The present paper reports results of excavations carried out in 1985 of a tumulus Nr. 17 near Cazaclia village (Ceadar-Lunga District, the Republic of Moldova) that takes part from a tumulus complex situated in the watershed plateau between Ialpuș and Lunguța rivers in the Budjak steppe. The height of tumulus amounts to 3.5 m, while its diameter is of 80 m. The tumulus is pluristratigraphic and contained 29 burials of various cultural-historical times. The most ancient burials Nr. 21-23 belong to Late Neolithic Usatovo Culture. The inventory of the Aeneolithic burials is presented by a painted and several glazed vessels and a copper pin. The next six mounds of the tumulus 17 belong to an advanced and late variant of the Pit-Grave Culture. Human remains are bent over on their back and colored with ocher. The inventory is represented by pottery copper and bronze beads. The inlet burials belong to the Middle Bronze Age Katakombnaya Culture and Mnogovalikovaya Culture dated back to the middle of II millennium B. C. The burials has yielded pottery and bone artifacts typical of the recorded cultures. The latest burial (the burial Nr. 15) from the tumulus belongs to the Sarmatian Culture. The burial has yielded a bronze mirror, and a series of beads made of semiprecious stones. The tumulus 17 acted as a burial construction for a long time period ranging from the middle of III millennium B.C. to I-II century A.C.

Key words: Cazaclia burial complex, pluristratigraphic tumulus, Late Neolithic, Aeneolithic, Middle Bronze, Sarmatians.

Курганные могильники степной зоны Пруто-Днестровского междуречья с давних пор привлекали внимание исследователей первобытных древностей региона. Раскопки курганов в этой зоне до окончания Второй мировой войны носили эпизодический характер. Лишь во II-й половине 70-х и в 80 годы XX столетия на территории Одесской области Украины и юга Республики Молдова, в связи со строительством гидромелиоративных систем были проведены масштабные исследования курганных могильников на обширных степных пространствах между Днестром и Дунаем. Материалам раскопок одного из таких сложных, стратиграфизированных курганов посвящена данная публикация.

В 1985 году Буджакская новостроечная экспедиция ОЭИ и АН МССР провела раскопки курганный группы у с. Казаклия Чадыр-Лунгского р-на, МССР (рис. 1,1-2) (Бейлекчи и др. 1985). Курган 17 входил в состав курганный группы из 35 насыпей, расположенной на водораздельном плато между реками Ялпуг и Лунгуца в 3,5 км к ЗЮЗ от с. Казаклия (рис. 2). Курганный группа была вытянута цепочкой по середине водораздельного плато на расстоянии 6 км вдоль левого берега р. Ялпуг и Тараклийского водохранилища. Один из исследованных курганов (№ 17) находился посередине водораздельного плато (рис. 1,3). Центральная часть курганный насыпи была задернована. Полы кургана периодически распахивались. Насыпь имела в плане несколько вытянутую, близкую к овальной, форму. Высота кургана от уровня древней дневной поверхности составляла 3,5 м, от уровня современной поверхности 3,3 м. Диаметр кургана 80 м (рис. 3). В кургане 17 было обнаружено 29 погребений. Курган раскапывался землеройной техникой на снос. Фиксация стратиграфии проводилась на 5 параллельных профилях шириной 6 м, ориентированных по линии СЮ (рис. 1, фото 4; рис. 13, фото 1).

Погребение 1 (ямной культуры) (рис. 4,1) обнаружено в 3 секторе кургана, в 14,55 м от репера, на глубине 3,55 м. Погребение было впущено с уровня 4-й насыпи. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами и с уступом была ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Размеры уступа 3,4х2,45 м, глуби-

на от уровня фиксации 1,5 м. На уровне уступа камера была перекрыта 4 бревнами длиной 1,4 м, шириной 0,25-0,3 м, уложенными вдоль. Бревен вероятно было больше, но так как захоронение было ограблено в древности, они не сохранились, либо были уничтожены при разрушении. Бревна сверху были обмазаны известью, на стыках укреплены глиной белого цвета. Размеры погребальной камеры 2,2х1,6 м, глубина от уровня дна уступа 1,2 м. Заполнение представляло собой затечный чернозем с вкраплениями глины. В заполнении встречены разрозненные человеческие кости и фрагменты дерева. На дне погребальной камеры также находились отдельные человеческие кости. *In situ* сохранились кости стопы в С части погребальной камеры. Судя по их расположению, погребенный был ориентирован в южном направлении. В Ю части погребальной камеры находились смещенные туда, при нарушении, длинные кости ног. На дне отмечено наличие темно-коричневого тлена от подстилки, в Ю части камеры имелось округлой формы скопление охры диаметром около 6 см. Безинвентарное.

Погребение 2 (неопределенное) (рис. 4,2) было обнаружено в 12,3 м к В от репера, на глубине 3 м. Захоронение, разрушенное в древности, фактически находилось над деревянным перекрытием ямного погребения 10. От погребенного сохранилась лишь теменная часть черепа, судя по расположению которой, он был ориентирован в западном направлении. Безинвентарное.

Погребение 3 (ямной культуры) (рис. 5,7) было выявлено в ЮВ секторе кургана в 36,5 м от репера, на глубине 3,8 м. Погребальная камера прямоугольной формы, с округленными углами, была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Размеры камеры 1,3х1 м, глубина 0,6 м от уровня фиксации. Заполнение представляло собой затечный чернозем. Захоронение нарушено либо ограблено, в древности. В заполнении и на дне погребальной камеры встречались разрозненные человеческие кости, окрашенные охрой красного оттенка. Дно камеры покрывал темно-коричневый тлен с вкраплениями охры ярко-красного оттенка и мела.

Инвентарь: 1. У ЮЗ стенки погребальной камеры найден обломок височного кольца в 1,5

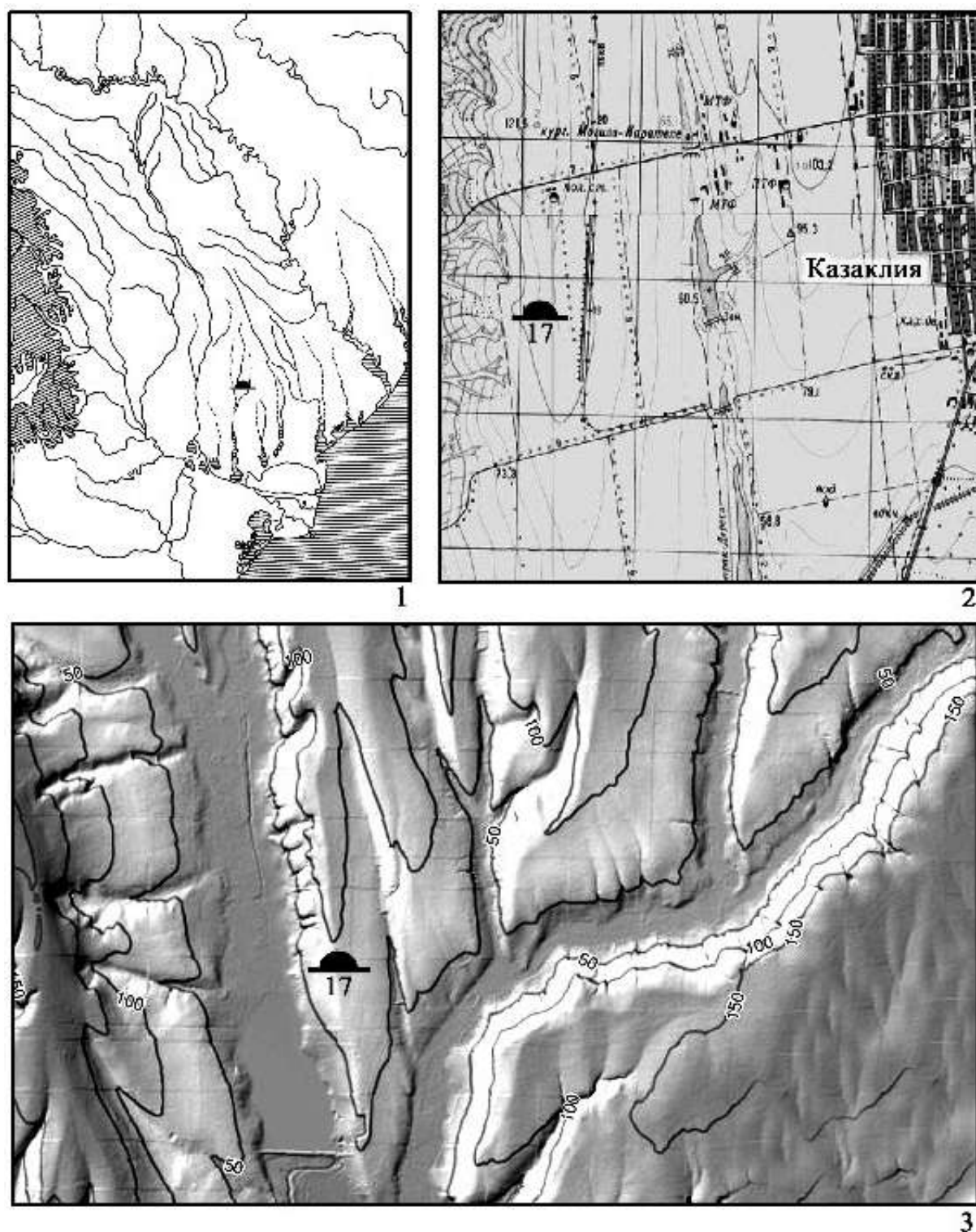

Рис. 1. 1 – Географическое положение кургана 17 у с. Казаклия в Пруто–Днестровском междуречье. 2 – Топографическое положение кургана 17 у с. Казаклия. 3 – Гипсометрическое положение кургана 17 у с. Казаклия.

оборота, выполненный из белого металла (серебро?). Диаметр кольца 8 см, в сечении 0,25 см (рис. 5,5).

Погребение 4 (культура многоваликовой керамики/КМК) (рис. 5,3) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 4,33 м от репера, на глуби-

не 3,75 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами размерами 1,20x0,85 м, глубиной 0,5 м была ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Заполнение было представлено черноземом, перемешанным с материковой глиной. Погребенный был уложен в скорченном положении на левом боку, ориентирован головой на ВСВ. Руки резко согнуты перед грудной клеткой. Ноги резко согнуты влево. Степень скорченности ног сильная. Под погребенным и по дну камеры фиксировался тлен темно-коричневого цвета.

Инвентарь: В области таза погребенного найдена костяная пряжка овальной формы с двумя отверстиями (рис. 5,4). Край изделия отломан в древности. Размеры: длина 3,9 см, ширина 3,5 см, диаметр большого отверстия 1,2 см, диаметр малого отверстия 0,2 см. Малое отверстие несквозное, на дне его зафиксирован фрагмент бронзового изделия - острие иглы, которой, видимо, пытались выполнить данное отверстие.

Погребение 5 (ямной культуры) (рис. 5,7) обнаружено в ЮЗ секторе кургана, в 6,5 м от репера на глубине 1,2 м. Погребальная камера не прослеживалась в черноземной насыпи кургана. Захоронение зафиксировано по костям скелета погребенного, над которыми были прослежены остатки нескольких плах от деревянного перекрытия. Погребенный находился в скорченном на спине положении, головой ориентирован на ЗСЗ. Череп обращен лицевой частью вверх, руки - прямые, уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали вправо. Скелет погребенного окрашен охрой ярко-красного оттенка. Наиболее интенсивно окрашены череп и таз. Под погребенным прослежен тлен темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела. Безинвентарное.

Погребение 6 (эпохи поздней бронзы, КМК?) (рис. 7,3) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 41 м от репера, на глубине 0,45-0,51 м. Погребальная камера не прослеживалась в черноземной насыпи кургана. Скелет поврежден вспашкой. Череп отсутствовал, скелет ориентирован на СВ, скорчен на правом боку, ноги согнуты вправо, степень скорченности сильная. Руки (сохранилась, лишь правая) скорее всего были согнуты перед грудью.

Инвентарь: 1. Между коленями и тазом погребенного находился развал сосуда банковидной формы с выделенным, заглаженным ребром очень плохой сохранности, слабого обжига. Поверхность серого цвета с черными пятнами, тесто в изломе черного цвета, с примесью мелкотолоченного шамота и растительности в керамическом тесте.

2. Там же найден фрагмент венчика от второго сосуда, также, вероятно, баночной формы с поверхностью желто-красного цвета. Тесто в изломе серого цвета, однородное.

Погребения 7-8 (ямной и катакомбной культур) (рис.5,1) обнаружены в ЮВ секторе кургана, в 67 м от репера, на глубине 3,54 м от репера и 1,52 м от современной поверхности кургана. Следует отметить, что данные захоронения были совершены практически в окончании погребения 17.

Погребение 7 (ямное) было совершено в погребальной камере прямоугольной формы с округленными углами. Ориентировано по оси СЗ-ЮВ. Размеры камеры 1,6x 0,9 м, глубина 0,2 м. Заполнение представляло собой чернозем, перемешанный с материковой глиной. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на ВЮВ. Череп, первоначально обращенный лицевой частью вверх, смещен влево (грызунами?), челюсть сохранила свое первоначальное положение. Руки, прямые, уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально поставленные коленями вверх, упали вправо. Скелет окрашен ярко-красной охрой, наиболее интенсивно - череп. Дно покрывал тлен темно-коричневого цвета. Безинвентарное.

Погребение 8 (катакомбной культуры) перерезало СЗ часть камеры погребения 7, и отличалось более светлым цветом заполнения погребальной камеры. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,1x1,35 м, отмеченной глубиной 0,28-0,3 м, была ориентирована по оси С-Ю. Ко дну погребальная камера расширялась, достигая размеров 2,1x1,47 м. Входного колодца не прослеживалось, скорее всего имела место катакомба с вертикальным входным колодцем. Погребенный (ребенок 8-10 л.) был уложен вытянуто, ничком на груди, ориентирован головой на Ю. Череп лежал на боку, лицевой частью обращен вправо на

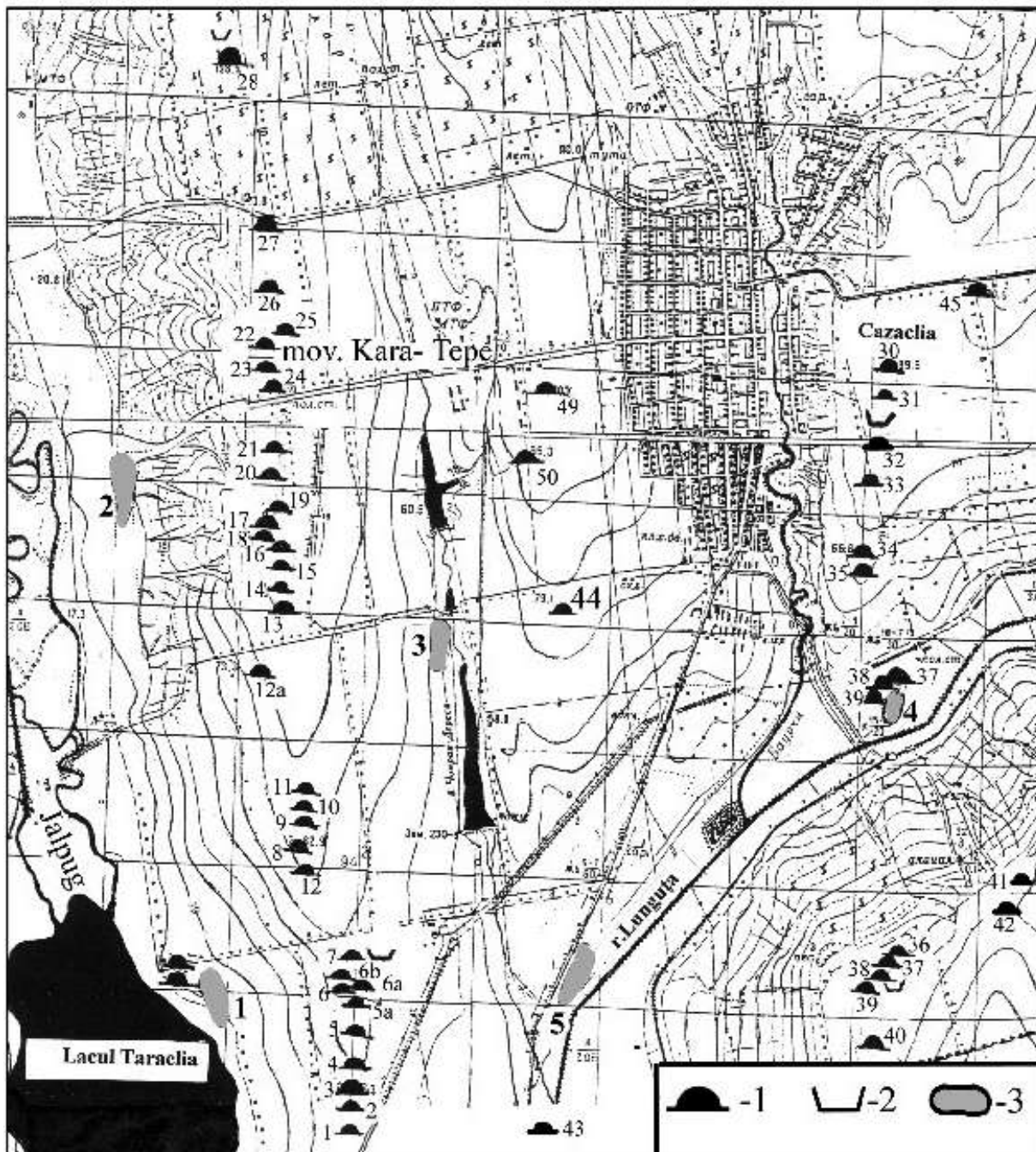

Рис. 2. Ситуационный план курганного могильника у с. Казаклия. 1 – курганы; 2 – грунтовые могильники; 3 – поселения поздней бронзы–римского времени.

В. От рук сохранились лишь плечевые кости, несколько расставленные в стороны. От ног сохранились лишь бедренные кости, уложенные прямо. Под погребенным прослежен тлен темно-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. У правой руки погребенного найден сверленный топор ромбовидной формы (рис. 5,2). Выполнен из базальта. Поверхность

темно-зеленого цвета хорошо отполирована. В центре топора просверлено круглое отверстие для насадки топорика диаметром 2,1 см. Размеры: длина 8,5 см, ширина 4 см.

Погребение 9 (ямной культуры) (рис. 5,8) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 30 м от репера, на глубине 3,15 м. Погребальная камера была впущена с уровня 4-й насыпи (что от-

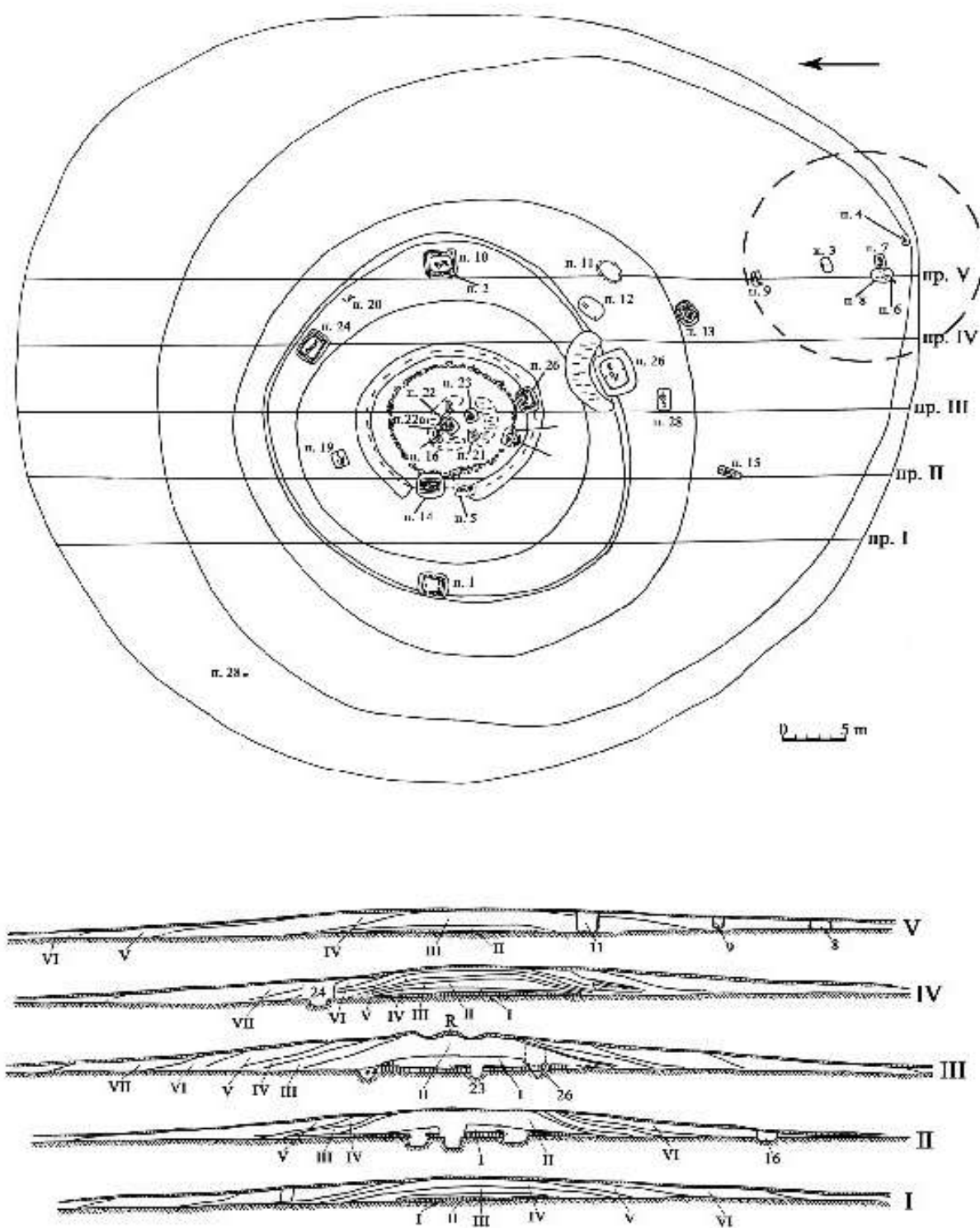

Рис. 3. Общий план и профили кургана 17 у с. Казаклия.

мечено в профиле № 4). Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами, была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры 1,5х0,8 м, глубина 0,5 м от уровня фиксации. Погребенный (скелет ребенка 8-10

л.) был уложен в скорченном положении на спине, головой на ВСВ. Череп обращен лицевой частью вверх, руки прямые, уложенные вдоль корпуса. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали влево. Скелет окрашен

охрой ярко-красного оттенка, наиболее интенсивно череп, таз и позвоночник. Между кистью правой руки и тазом имелось пятно охры диаметром 5 см. Под погребенным и по всему дну погребальной камеры прослежен тлен темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела.

Инвентарь: 1. В 0,1 м справа от черепа найден рог крупного рогатого животного длиной 25 см, в сечении до 3-4 см.

Погребение 10 (ямной культуры) (рис. 4,6) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 12,4 м от репера, на глубине 3 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами, была ориентирована по оси С-Ю. Размеры погребальной камеры 2,1х1,8 м. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине с сильным разворотом влево, головой на С. Череп обращен лицевой частью влево на В. Левая рука, прямая, вытянута вдоль туловища, правая рука согнута поперек корпуса, ближе к тазу. Ноги согнуты влево, степень скорченности - средняя. Скелет окрашен охрой красно-фиолетового оттенка. Слева от черепа, а также у коленного сгиба и в области пяточных костей выявлены скопления охры диаметром 8-9 см. Наиболее интенсивно был окрашен череп. Дно и стенки погребальной камеры покрывал плотный слой тлена серого цвета. Безинвентарное.

Погребение 11 (катакомбной культуры) (рис. 6,5) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 15,4 м от репера, на глубине 2,61 м. Погребальная камера овальной формы была ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Размеры погребальной камеры 1,8х1,5 м, глубина от уровня фиксации 0,4 м. Ко дну погребальная камера расширялась, достигая размеров 2,1х1,65 м. У СВ стенки прослежены остатки входного колодца в виде ступеньки овальной формы размером 0,35х0,1 м. Скелет погребенного отсутствовал, что свидетельствует о том, что захоронение является либо кенотафом, либо разрушено в древности, так как рядом с сосудом, найденным в ЮВ части камеры, имелось несколько разрозненных мелких костей человека.

Инвентарь: В ЮВ части погребальной камеры находился сосуд горшковидной формы с туловом усеченно-конической формы, с коротким вертикальным горлом, коротким, валикообразным венчиком, выделенными плечи-

ками и ребром, на котором было выполнено 8 вертикальных парных налепов остроконечной формы, вершинами вверх (рис. 6,6). В каждом налепе имелись просверленные вертикальные отверстия (для подвешивания). Поверхность сосуда серого цвета, с черными пятнами, заглаженная пучками травы. Следы заглаживания имелись как на внутренней, так и на внешней стороне. Тесто в изломе черного цвета, с примесью песка, шамота и растительности. Размеры: высота 14 см, диаметр дна 8 см, диаметр тулова 20,5 см, диаметр венчика 16 см.

Погребение 12 (катакомбной культуры) (рис. 4,2) обнаружено в ЮВ секторе кургана в 15,5 м от репера, на глубине 3,8 м. Погребальная камера овальной формы, размерами 2,26 х 1,50 м, прослеженной глубиной 0,15-0,2 м была ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Погребение разрушено в древности, но судя по сохранившимся *in situ* длинным костям ног, погребенный находился в вытянутом положении, ориентирован на ЮЗ. На дне и стенках могильной ямы отмечен темно-коричневый тлен от цинковки с вкраплениями мела.

Инвентарь: 1. В ЮЗ части погребальной камеры найдена придонная часть от лепного сосуда, со следами вторичного обжига, плохой сохранности (не реконструируется; жаровня?). Поверхность черного цвета с более темными пятнами вторичного обжига, тесто в изломе черного цвета, очень рыхлое, с примесью растительности и мелкого шамота.

Погребение 13 (КМК) (рис. 8,1; 11; фото 2) выявлено в ЮВ секторе кургана в 23 м от репера, на глубине 3,2 м и в 1,3 м от поверхности кургана. Погребальное сооружение состояла из входной ямы (уступа) и погребальной камеры овальной формы, ориентированных по линии ЮЮЗ-ССВ. Размеры входной ямы 2,3х1,2х1,6 м, глубина от уровня фиксации 0,8 м. На уровне дна входной ямы погребальная камера была перекрыта закладом из необработанных известняковых плит, размерами от 1,5х0,8 м до 0,56х0,3 м, плиты были уложена в два слоя и частично просели в заполнение погребальной камеры (рис. 8,2). Погребальная камера овальной формы, размерами 1,6х1,1 м, глубиной 0,75 м. В заполнении погребальной камеры, состоявшего из смеси серого чернозема и материковой глины, встречались фрагмен-

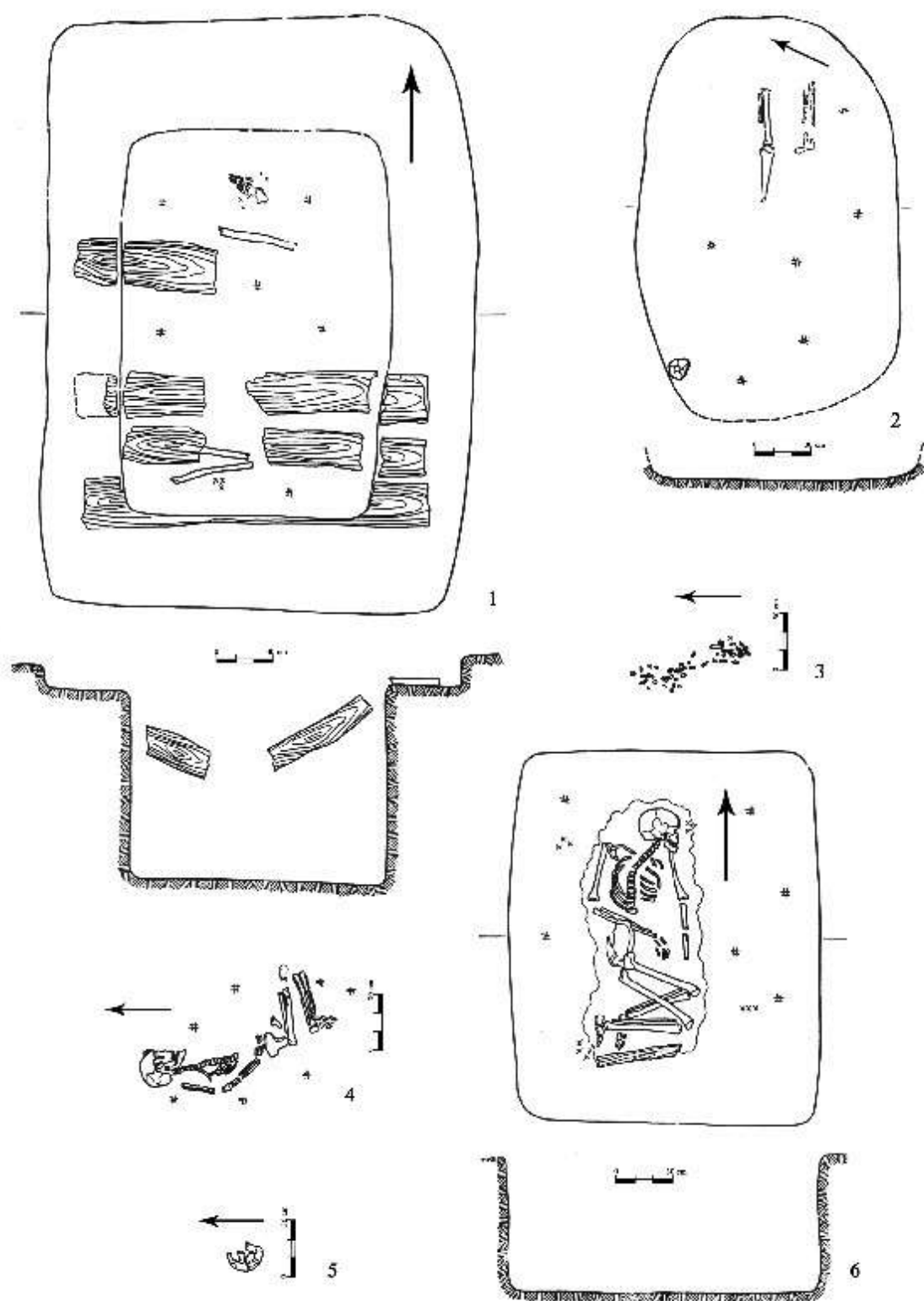

Рис. 4. Погребения из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 1; 2 – погр. 12; 3 – погр. 28; 4 – погр. 20; 5 – погр. 2; 6 – погр. 10.

ты дерева и мелкие известняковые камни. На стенках погребальной камеры отмечены остатки деревянной обшивки, состоявшей из тонких деревянных плах (досок?) длиной 0,75-0,8 м, шириной 0,18-0,2 м. Погребенный был уложен в скорченном положении на левом боку, головой на СВВ. Череп обращен лицевой частью влево, на В. Правая рука согнута под острым углом поперек грудной клетки и кистью, лежащей на плечевой кости левой руки, обращена к лицу. На лучевую кость погребенного был положен известняковый камень овальной формы размерами 0,24х6 см. Поверхность и края камня не обработаны. Левая рука вытянута вдоль и несколько вперед от корпуса, кисть развернута к скелету, соприкасается с бедренной костью правой ноги. Ноги согнуты влево, степень скорченности средняя. Под погребенным и по всему дну погребальной камеры выявлен тлен темно-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. В 0,15 м справа от черепа в СВ углу погребальной камеры находился банковидный сосуд биконической формы с выделенным по центру острым ребром и венчиком, заглаженным и отогнутым во внешнюю сторону (рис. 8,4). Дно было выделено небольшой закраиной. Внешняя поверхность сосуда серого цвета с черными пятнами со следами горизонтального заглаживания пучком травы. Внутренняя поверхность равномерного серого цвета, заглаженная. Тесто в изломе черного цвета, с примесью песка и мелкого шамота. Размеры: высота 21 см, диаметр дна 9,5 см, диаметр тулова в месте максимального расширения 23 см, диаметр венчика 18 см.

2. У колен погребенного найдена круглая костяная пряжка, выполненная из кости крупного рогатого скота, с выпуклым отверстием посередине (рис. 8,3). Поверхность пряжки хорошо залощена. Край бортика отверстия заполирован. Размеры: диаметр 5,4 см, диаметр отверстия 1,8 см.

Погребение 14 (ямной культуры) (рис. 7,1) выявлено в 3 секторе кургана, в 5,5 м от репера, на глубине 2,6 м. В профиле №2 отмечено, что захоронение было впущено с уровня 1-й, древнейшей насыпи кургана. Погребальное сооружение состояло из входной ямы (уступа) и погребальной камеры, ориентированных по оси С-Ю. Входная яма (уступ) прямоугольной

формы с округленными углами. Размеры уступа 2,3х2,1 м, глубина 1,2 м. На уровне уступа погребальная камера была перекрыта вдоль 5 бревнами размерами 2х0,2 м. По контуру уступа, ниже бревен отмечено наличие циновки в виде тлена белого цвета и отдельных длинных волокон со следами плетения. Погребальная камера прямоугольной формы с сильно округленными углами. Размеры 1,4х0,95 м. Глубина от уровня дна входной ямы 1,05 м. В центре погребальной камеры был выполнен глиняный помост, на котором находился скелет погребенного, ниже которого по периметру имелась канавка шириной 0,05-0,09 м. По периметру канавки располагалось 11 круглых отверстий, от кольев, которые, видимо, поддерживали снизу деревянное и циновочное перекрытие. Диаметр отверстий 0,06 м, глубина 0,10-0,12 м. Погребенный (подросток 14-15 л.) был уложен в скорченном положении на спине, с сильным разворотом вправо, головой на С. Череп лежит на боку, лицевой частью влево, на В. правая рука прямая, уложена вдоль туловища. Левая рука согнута в локте и кистью лежит на бедрах. Ноги согнуты вправо, степень скорченности средняя. Погребенный окрашен охрой ярко-красного оттенка, интенсивно череп. Дно покрывал тлен темно-коричневого цвета. Справа от черепа выявлено пятно ярко-красной охры диаметром 0,05 м.

Инвентарь: 1. За черепом погребенного, в 0,15 м находился вверх дном сосуд в виде чаши усеченно-конической формы, с плоским дном, расширяющийся, кверху с заглаженным и несколько загнутым внутрь краем устья (рис. 7,7). Внешняя и внутренняя поверхности чаши серо-желтого цвета, хорошо заглаженные. Тесто в изломе черного цвета с примесью мелкого шамота и песка. На внутренних стенках чаши прослежен тлен черного цвета, органического происхождения. Размеры: высота 5,5 см, диаметр дна 4,5 см, диаметр устья 9,2 см.

Погребение 15 (рис. 6,1) выявлено в ЮЗ секторе кургана, в 25 м от репера, на глубине 2,28 м. Погребальная камера трапецевидной формы была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Размеры камеры: 2,2х0,7х0,5 м, глубина 0,65 м от уровня фиксации. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на СВ. Череп обращен лицевой частью вверх. Руки, прямые,

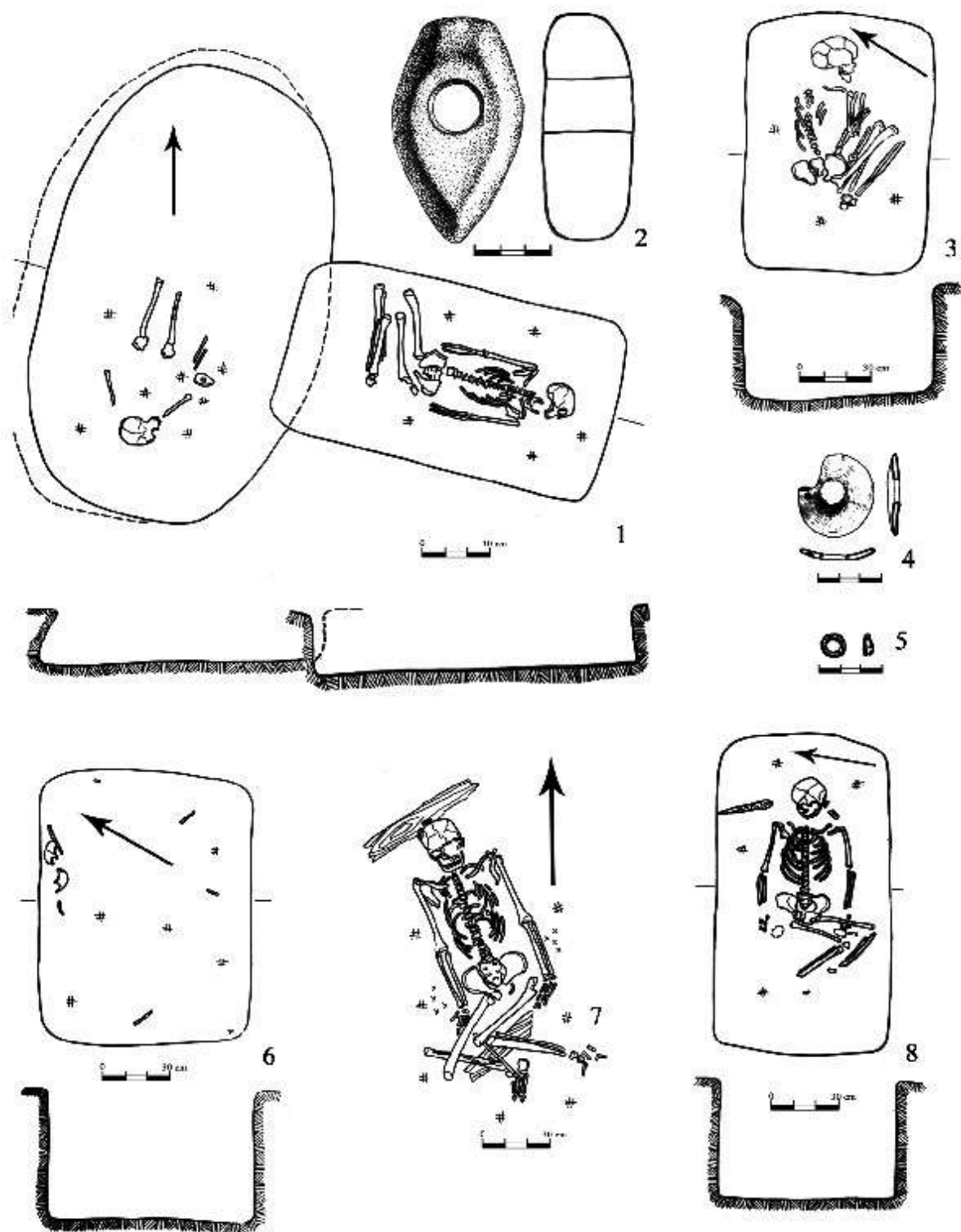

Рис. 5. Погребения и инвентарь из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 7–8; 2 – топор (базальт) из погр. 8; 3 – погр. 4; 4 – пряжка из погр. 4 (кость); 5 – височное кольцо из погр. 3; 6 – погр. 3; 7 – погр. 5; 8 – погр. 9.

уложены вдоль туловища. Ребра с правой стороны грудной клетки отсутствовали. Ноги уложены прямо, но несколько раздвинуты. Дно погребальной камеры и частично стенки стен-

ки ямы покрывал тлен от гробовища темно-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. Слева, в 0,14 м слева от черепа находился кусок сильно истлевшей

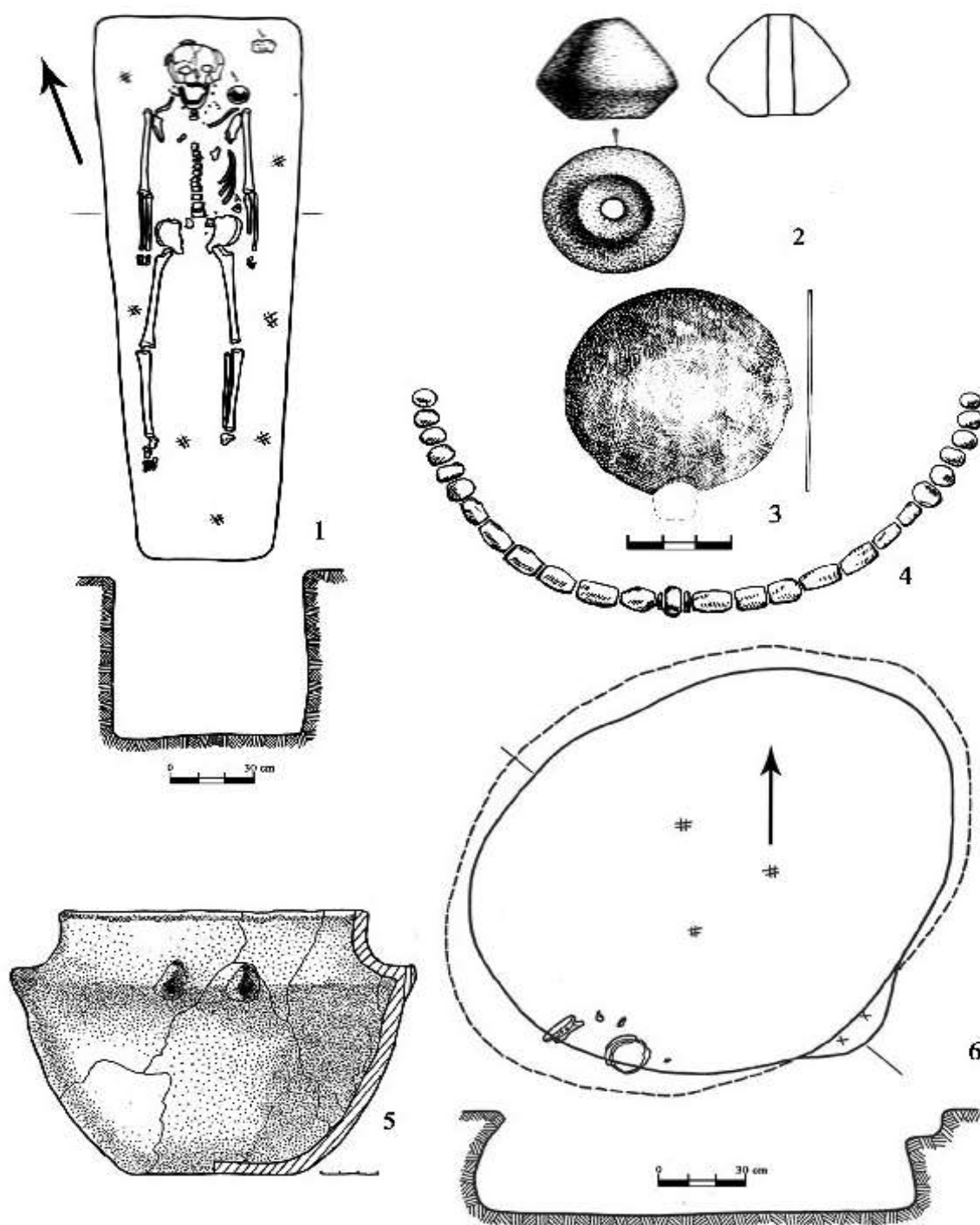

Рис. 6. Погребения и инвентарь из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр.15; 2 – пряслице (глина) из погр.15; 3 – зеркало (бронза) из погр.15; 4 – бусы (стекло, фаянс, сердолик) из погр. 15; 5 – погр.11; 6 – сосуд из погр. 11.

кожи с бронзовыми заклепками, плохой сохранности.

2. У левого плеча погребенного в 0,09 м от черепа находилось бронзовое посеребренное зеркало, с выемкой от рукоятки, отломанной в древности (рис. 6,3).

Зеркало округлой формы, диаметром 6,5 см.

3. В области черепа и грудной клетки имелось скопление из 28 бусин 3-х типов (рис. 6,4):

а) цилиндрические бусы, выполненные из горного хрусталя, диаметром 1,5-2 см (13 шт.).

б) боченовидные бусы из сердолика, диаметром 0,9 см (12 шт.).

в) бусы, выполненные в форме колесиков, из оникса черного цвета (2 шт.).

4. У левой руки погребенного, между рукой и грудной клеткой находилось грибовидное пряслице биусеченно-конической формы (рис. 6,2) высотой 2,3 см, диаметром 4 см, диаметр отверстия 0,5 см. Пряслице изготовлено из глины серого цвета, поверхность хорошо залощена.

Погребение 16 (ямной культуры) (рис. 7,6; 11; фото 3) обнаружено в 1,8 м к 3 от репера, на глубине 2,2 м. Захоронение совершено в черноземной насыпи, контуры погребальной камеры были прослежены только в придонной части. Погребальная камера размерами 1,9х1,2 м, глубиной 0,15 м была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. По стенкам выявлен тлен белого цвета, в заполнении встречались фрагменты дерева от перекрытия. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на ЮЗ. Череп обращен лицевой частью вверх, чуть согнутые в локтях руки, уложены вдоль туловища. Кисти обеих рук растопырены – широко открыты. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, распались ромбом. Скелет погребенного окрашен охрой ярко-красного оттенка, интенсивно в области черепа и грудной клетки. Под погребенным и по всему дну камеры прослежен тлен от подстилки темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела. Дно погребальной камеры обмазано глиной белого цвета.

Инвентарь: 1. В 0,1 м слева от черепа найдены фрагменты стенки от сосуда светло-коричневого цвета с заглаженной поверхностью, тесто в изломе черного цвета с вкраплениями мелкотолченого шамота и песка.

Погребение 17 (ямной культуры) (рис. 7,2) обнаружено в ЮЗ секторе кургана в 5,7 м от репера, на глубине 3,25 м. Данное захоронение перерезало кромлех и первоначальную насыпь. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ. Была перекрыта вдоль плахами плохой сохранности, отмеченной шириной от 0,15 до 0,35 м, длиной до 1,2 м. Размеры камеры 1,52х0,93 м, глубина от уровня фиксации 0,28 м. В заполнении встречались фрагменты

дерева от перекрытия, чернозем, перемешанный с материковой глиной. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на ЗСЗ. Череп обращен лицевой частью вверх, несколько смещен вправо. Согнутые руки уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально стоявшие коленями кверху, завалились вправо. Скелет погребенного окрашен охрой ярко-красного оттенка, наиболее интенсивно череп. Дно ямы покрывал тлен от подстилки темно-коричневого цвета с примесью мела. Безинвентарное.

Погребение 18 (неопределенное) (рис. 7,5) обнаружено в ЮЗ секторе кургана, в 21 м от репера, на глубине 0,4 м. Погребение было разрушено в древности. От погребенного сохранились лишь берцовые кости, судя по их расположению, погребенный был уложен в вытянутом положении, ориентирована на З. Безинвентарное.

Погребение 19 (ямной культуры) (рис. 7,4) обнаружено в СЗ секторе кургана, в 9,5 м от репера, на глубине 3,75 м. Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,5х1,25 м была ориентирована по оси ВСВ-ЗЮЗ. Погребенный находился в скорченном положении на спине, с наклоном влево, головой на ЗЮЗ. Череп обращен лицевой частью вправо. Правая рука, прямая, уложена вдоль скелета, левая, видимо согнутая в локте, направлена лучевой костью к тазу. Ноги согнуты вправо. Скелет окрашен охрой ярко-красного оттенка, интенсивно череп и бедренные кости. Дно камеры покрывал тлен темно-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. У локтевого сгиба левой руки погребенного лежал камень-терочник, выполненный из гальки коричневого цвета, неправильно-овальной формы, размерами 9х7 см, шириной 3 см. На поверхности орудия имелись следы охры (изделие утрачено).

Погребение 20 (позднеямное) (рис. 4,4) обнаружено в 13,5 м к СЗ от репера, на глубине 2,56 м. Совершено в насыпи кургана. Погребенный лежал скорченно на спине с сильным разворотом влево. Череп лежит на боку, обращен лицевой частью влево на В. Правая рука согнута в локте и уложена на таз. Левая не сохранилась. Ноги согнуты влево, степень скорченности средняя. Скелет окрашен охрой ярко-красного оттенка. Под скелетом погреб-

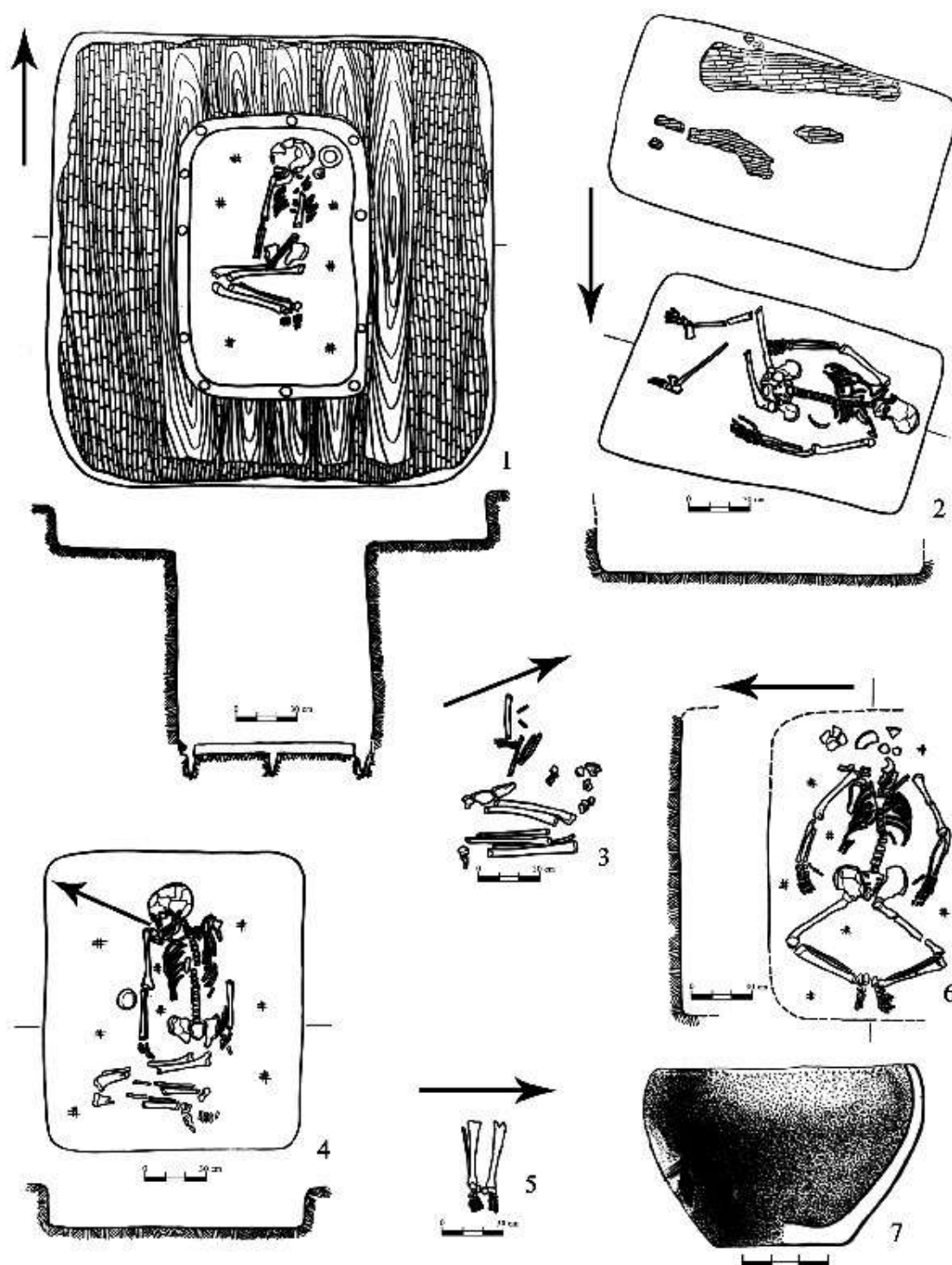

Рис. 7. Погребения и инвентарь из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 14; 2 – погр. 17; 3 – погр. 6; 4 – погр. 16; 5 – сосуд из погр. 14; 6 – погр. 18; 7 – сосуд из погр. 14.

бенного прослежены остатки подстилки в виде тлена темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела. Безинвентарное.

В центральной части кургана были выявлены три основных захоронения, с которыми

связано сооружение первоначальной насыпи кургана, кромлеха и рва. Судя по конфигурации материкового выброса из данных погребений, уложенного полукольцом диаметром 5-5,6 м, шириной 1,5 м, мощностью 0,25-0,35 м, по-

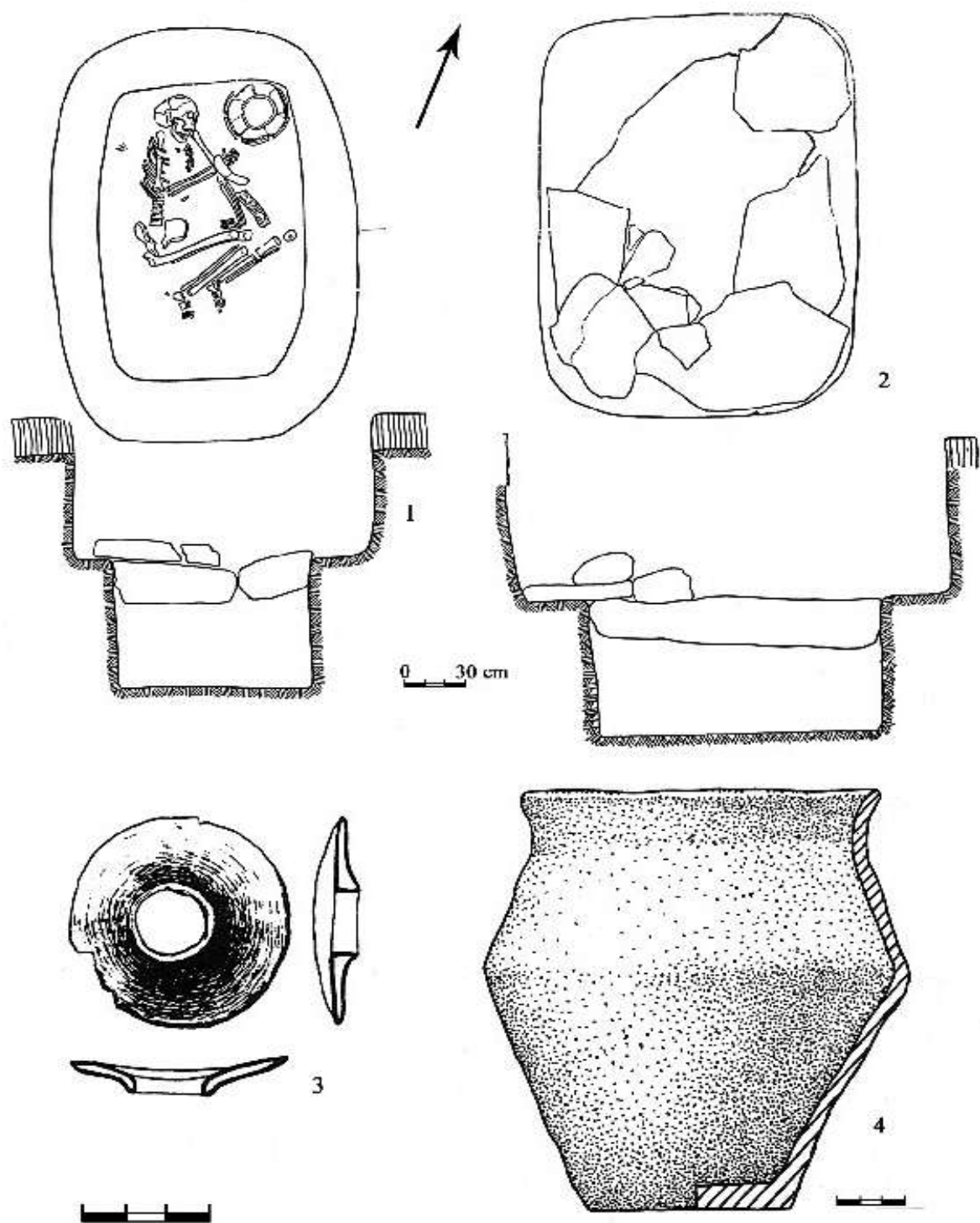

Рис. 8. Погребения и инвентарь из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 13, план–профиль; 2 – каменное перекрытие погр. 13; 3 – пряжка (кость) погр. 13; 4 – из погр. 13.

гребения 21, 22, 23 были совершены одновременно.

Погребение 21 (основное, усатовской культуры) (рис. 9,1) выявлено в центральной части кургана в 2,8 м к ЮЗ от репера, на глубине 3,6

м. Погребальная камера прямоугольной формы с сильно округленными углами была ориентирована по оси 3-В. Размеры камеры составляли 1,6х0,8 м, глубина от уровня фиксации 0,15 м. Заполнение представляло собой материковую

глину, перемешанную с суглинком. Погребенный (ребенок 10-11 л.) был уложен в скорченном положении на правом боку, головой на В. Руки согнуты в локтях перед грудной клеткой, ноги резко согнуты вправо. Степень скорченности - сильная. Скелет погребенного окрашен охрой ярко-красного оттенка. Наиболее интенсивно окрашен череп, где охра принимает багровый оттенок. Дно погребальной камеры покрывала подстилка, сохранившаяся в виде тлена темно-коричневого цвета, с вкраплениями охры и мела.

Инвентарь: 1. У рук погребенного находился лепной плоскодонный кувшин с округло-шаровидным туловом и цилиндрическим, расширяющимся к устью горлом (рис. 9,2; 12; фото 1). Край венчика закругленный и заглаженный. От венчика к середине тулова выполнена вертикальная петлевидная ручка. Поверхность сосуда серо-желтого цвета, хорошо залощенная. Тесто в изломе однородное, серого цвета, хорошо отмученное. Тулово сосуда украшено сетчатым рисунком, выполненным черной краской, ограниченным двумя горизонтальными внизу и одной горизонтальной линией вверху. Пространство между сетчатым рисунком покрыто чередующейся росписью в виде двух горизонтальных линий, внутри которых нанесена зигзагообразная линия. Такой же зигзагообразной линией украшена и верхняя часть шейки, примыкающая к устью. Ручка кувшина орнаментирована фигурами в виде 4-х смыкающихся по краям косых крестов. Размеры: высота 9 см, диаметр дна 5 см, диаметр тулова 11 см, диаметр устья 8,7 см, высота ручки 7 см, толщина до 1 см.

2. В СЗ части погребальной камеры, у стенки, выявлено скопление из 48 астрагалов) и нескольких суставов овцы. Три астрагала имели отполированную поверхность и отверстия для подвешивания. Размеры астрагалов 3x1,5 см.

Погребение 22а (неопределенное, эпохи ранней бронзы?) (рис. 9,7). Погребение 22а было обнаружено в центре кургана, в 0,5 м к З от репера, на глубине 3,45 м. Погребальная камера овальной формы, с заплечиками, была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Размеры камеры 1,56x1,4 м, глубина 0,9 м. На глубине 0,4 м были выявлены заплечики размерами 0,96x0,15 м. Погребение нарушено в древности. На дне

были расчищены разрозненные человеческие кости. Судя по их размерам погребенный был зрелого возраста (45-55 л.). Под костями прослежена прослойка тлена темно-коричневого цвета. Безинвентарное.

Погребение 22 (основное, усатовской культуры) (рис. 9,7) располагалось непосредственно под погребением 22а, и было перекрыто им. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Размеры погребальной камеры 1,4x1,08 м, глубина, отмеченная от уровня дна погребения 22а составляла 0,12 м. На стенках погребальной камеры были зафиксированы следы от землеройного орудия с желобчатой рабочей частью (кирка, мотыга?) шириной -3,5 см. В заполнении, представленном суглинком, перемешанным с материковой глиной встречались фрагменты дерева и отдельные мелкие человеческие кости. Захоронение парное (детское, скелеты 2 детей в возрасте 7-9 л.). Скелет 1 лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Череп уложен на боку, лицевой частью влево на В. Руки согнуты перед лицевой частью черепа. Ноги резко скорчены влево. Степень скорченности-сильная. Скелет равномерно и обильно окрашен охрой ярко-красного оттенка. Скелет 2 также лежал в скорченном положении на левом боку, головой на ССВ. Череп на боку, обращен лицевой частью к В. Руки согнуты перед грудной клеткой. Скелет окрашен охрой бордового оттенка, цвет которой отличался от окраски 1-го скелета. Наиболее интенсивно окрашены череп и грудная клетки. Под черепом скелета 2 имелась «подушка» состоящая из тлена серого цвета, толщиной до 4,5 см. А слева от скелета 1, у В стенки погребальной камеры, находились 2 деревянные плахи (упавшие детали перекрытия?) размерами 0,56x0,07-0,09 м. Следует отметить несколько диагональное расположение погребенных относительно длинной оси могильной ямы.

Инвентарь: 1. В 0,15 м слева от рук 1-го погребенного находилась лепная плоскодонная чаша с туловом полусферической формы и воронковидной, расширяющейся кверху шейкой с выделенным, заглаженным венчиком (рис. 9,10). Шейка отделена от тулова горизонтальной прочерченной линией. Внеш-

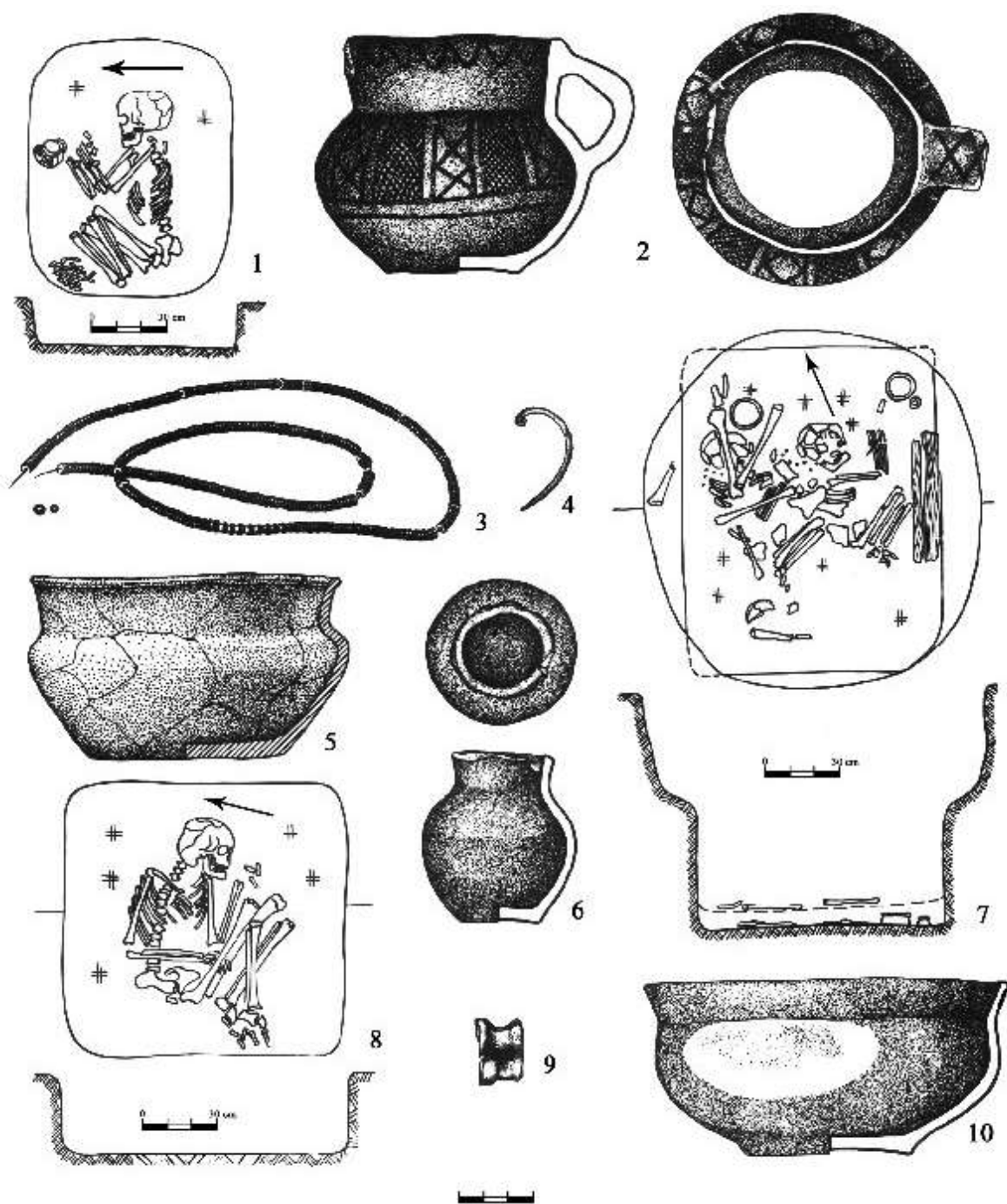

Рис. 9. Погребения усатовской культуры из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 21; 2 – сосуд (кувшин) из погр. 21; 3 – бусы (коралл–кость) из погр. 22; 4 – булавка (медь) из погр. 22; 5 – сосуд (чаша) из погр. 22; 6 – сосуд (горшок) из погр. 22; 7 – погр. 22, 22а; 8 – погр. 23; 9 – сосуд (чаша) из погр. 22.

ная поверхность залощенная, светло-серого цвета с красноватыми пятнами неравномерного обжига. Тесто в изломе черного цвета с вкраплениями мелко толченого шамота. Размеры: высота 6,5 см, диаметр дна 6,5 см, диаметр тулова 13 см, диаметр венчика 15,5 см.

2. Непосредственно рядом с чашей, в 0,18 м от черепа скелета 1 находился миниатюрный горшочек с округлым, шаровидным туловом, покатыми плечиками, цилиндрической шейкой, расширяющейся к ровно срезанному венчику с заглаженным краем (рис. 9,10). Разме-

ры: высота 6 см, диаметр дна 2,5 см, диаметр тулова 6 см, диаметр венчика 3,5 см.

3. В области рук скелета 1 находилась медная булава посоховидной формы, изогнутая в петельку в верхней части (рис. 9,6). Размеры: длина 4 см, толщина в сечении 0,2 см.

4. У окончания рук скелета 1 был найден необработанный астрагал овцы (рис. 9,9).

5. У черепа скелета 2, возле лобной кости находилась лепная плоскодонная чаша с плоским дном, туловом усеченно-конической формы с выделенными покатыми плечиками, цилиндрической шейкой с отогнутым венчиком S-видной формы (рис. 9,5). Край венчика заглажен. Поверхность серого цвета с желтыми пятнами, хорошо залощенная. Тесто в изломе черного цвета с примесью мелкотолченого шамота. Размеры: высота 7 см, диаметр дна 7,5 см, диаметр тулова (макс.) 13 см, диаметр венчика 12,5 см.

6. У черепов и в области шейных позвонков обоих погребенных выявлено скопление бусин, выполненных из минерала коричневого цвета (коралл?), округлой цилиндрической формы (рис. 9,3) диаметром 0,5 см, в сечении 0,2 см - 45 шт., и 10 бусин выполненных из птичьих косточек, такой-же цилиндрической формы диаметром 0,5 см, в сечении 0,2 см.

Погребение 23 (основное, усатовской культуры) (рис. 9,8) было обнаружено в 2 м к Ю от репера, на глубине 3,3 м. Погребальная яма подквадратной формы была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры камеры 1,15х1,15 м, отмеченная глубина 0,25 м. Заполнение состояло из материковой глины, перемешанной с суглинком. Погребенный (ребенок 11-12 л.) находился в скорченном положении на спине, с сильным разворотом влево. Череп обращен лицевой частью влево на Ю. Правая рука согнута поперек туловища и кистью уложена на бедре левой ноги. Левая рука согнута к черепу. Ноги согнуты влево, степень скорченности - резкая, колени поджаты практически на уровень грудной клетки. Ступни развернуты пальцами вниз. Скелет окрашен охрой ярко-красного оттенка, наиболее интенсивно череп. Дно погребальной камеры покрывал тлен от подстилки темно-коричневого цвета, который в области черепа погребенного принимал серый оттенок. Безинвентарное.

Погребение 24 (позднеямное) (рис. 10,3)

было обнаружено в СВ секторе кургана, в 15,6 м от репера, на глубине 1,25 м; впущено с уровня 5-й насыпи, что отмечено в профиле 4. Погребальная камера с уступом была ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ. Размеры входной ямы (уступа) 2,8х2,2 м, глубина от уровня фиксации 1,4 м. На уровне уступа погребальная камера была перекрыта поперек 7 бревнами, длиной 2,2 м, шириной 0,3-0,35 м. Стыки между бревнами были обмазаны глиной белого цвета и засыпаны мелом. Погребальная камера прямоугольной формы, размеры 1,82х1,2 м, глубина от уровня уступа 0,45 м. В заполнении, представленном серым черноземом перемешанным с суглинком, встречались фрагменты дерева. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, с сильным разворотом вправо, головой на ВЮВ. Череп обращен лицевой частью вправо, на СВ. Правая рука прямая, уложена вдоль туловища, кистью обращена к правому бедру. Левая рука, согнутая на грудной клетке, уложена поперек правой. Ноги согнуты вправо. Скелет погребенного окрашен охрой ярко-красного оттенка. Наиболее интенсивно - череп и таз. По всему дну погребальной камеры прослежен тлен темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела. Безинвентарное.

Погребение 25 (ямной культуры) (рис. 10,1) выявлено в ЮВ секторе кургана, в 18,5 м от репера, на глубине 3,7 м. Погребальная камера с уступом была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Уступ (входная яма) прямоугольной формы, размерами 4,2х3,95 м, глубина от уровня фиксации 1,2 м. Выброс материковой глины из погребения 25 в форме полукольца диаметром 7,5 м, толщиной до 0,25 м лег на поверхность 4-й насыпи, с уровня которой данное захоронение было впущено. На уровне уступа погребальная камера была в древности перекрыта деревом, которое сохранилось к настоящему времени в виде темно-коричневого тлена. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами имела размеры 2,4х2 м. В заполнении, представлявшем собой серого цвета чернозем, перемешанный с глиной, встречались фрагменты истлевшего дерева. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на ЗЮЗ. Череп (сильно фрагментирован), скорее всего был обращен лицевой частью вверх. Руки, прямые,

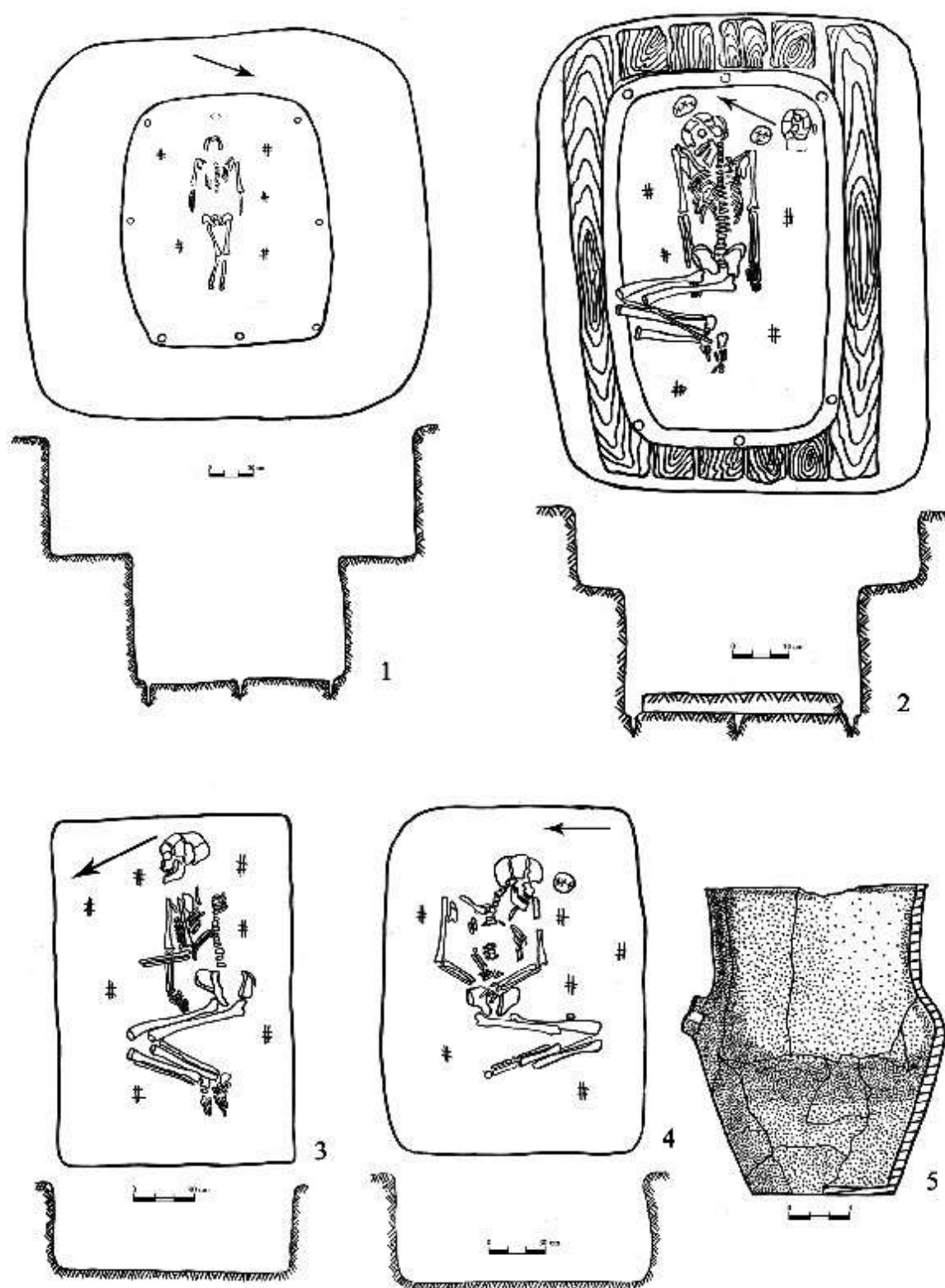

Рис. 10. Погребения и инвентарь из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 25; 2 – погр. 26; 3 – погр. 24; 4 – погр. 27; 5 – сосуд из погр. 26.

уложены вдоль туловища. Ноги, приподнятые коленями вверх, сохранились в первоначальном положении. Скелет погребенного окрашен ярко-красной охрой, наиболее интенсивно в области черепа. Дно погребальной камеры покрывал тлен от подстилки темно-коричневого цвета. По дну погребальной камеры по углам и посередине как длинных, так и широких сторон прослежено 8 отверстий от кольев округлых в сечении, диаметром 0,06-0,08 м, глубиной 0,09-0,1 м. Ямках выявлены фрагменты сильно истлевшего дерева. Безинвентарное.

Погребение 26 (ямной культуры) (рис. 10,2) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 12,5 м от репера, на глубине 3,45 м. Погребальная камера с уступом была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Входная яма (уступ) прямоугольной формы, с округленными углами, размеры 2,6х2,1 м, глубина 0,3 м. На уровне уступа погребальная камера была перекрыта вдоль длинной оси 6 бревнами длиной 2,4 м, шириной 0,3-0,25 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами. Размеры 2х1,25 м, глубина 0,6 м. Заполнение представляло собой чернозем вперемешку с глиной, в заполнении встречались фрагменты дерева. На стенке ямы прослежен белый тлен и желобчатые следы от круглого орудия (мотыга-кирка?). Погребенный был уложен на глиняном помосте, выполненном на дне камеры, помост по периметру окружала канавка шириной 0,1-0,12 м, глубиной 0,1 м. По широким сторонам на дне канавки выявлено 6 отверстий от кольев, по 3 на каждой стороне, диаметром 0,06 м, глубиной 0,1-0,11 м. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на ВСВ. Череп обращен лицевой частью вправо и вниз, к правому плечу. Прямые руки уложены вдоль туловища. Ноги, первоначально стоявшие коленями в верх, упали вправо, в согнутом положении. Степень скорченности средняя. Скелет погребенного был окрашен охрой ярко-красного оттенка, наиболее интенсивно - череп, кости грудной клетки и таз. Дно погребальной камеры, по периметру глиняного помоста, покрывал тлен темно-коричневого цвета с вкраплениями охры и мела. В 0,1 м слева от черепа отмечено округлое пятно ярко-красной охры

диаметром 0,1 м. Перед лобной частью черепа имелось еще одно пятно охры овальной формы, размерами 0,12х0,06 м.

Инвентарь: В 0,2 м слева от плечевой кости погребенного на боку лежал лепной кубковидный сосуд с плоским дном, слегка округленным туловом удлинённых пропорций, плавно переходящим в высокое цилиндрическое горло с ровно срезанным, уплощенным венчиком, заглаженным внутрь (рис. 10,4). С боку сосуда, на месте перехода тулова в горло имелся выделенный слив, округлой в плане формы, длиной 2,5 и диаметром 1,9 см, окончание слива отломано, диаметр отверстия слива 0,8 см. Отверстие слива закрывала истлевшая деревянная пробка диаметром 0,76 см. Поверхность сосуда серого цвета, заглаженная. На горле имелись следы вертикального, а на тулове горизонтального заглаживания. Тесто в изломе черного цвета с включениями мелкотолченого шамота. Размеры сосуда: высота 14 см, диаметр дна 6,5 см, диаметр тулова 12 см, диаметр венчика 10 см.

Погребение 27 (ямной культуры) (рис. 10,4) обнаружено в ЮВ секторе кургана, в 18,6 м от репера, на глубине 3,76 м. Погребальная камера прямоугольной формы с округленными углами была ориентирована по оси В-З. Размеры погребальной камеры 1,8х1,3 м, глубина 0,5 м от уровня фиксации. Погребенный был уложен в скорченном положении на спине, головой на В. Череп обращен лицевой частью влево, к Ю и несколько вниз. Обе руки согнуты в локтях и кистями уложены на таз. Кисти скрещены. Ноги согнуты влево. Степень скорченности - средняя. Погребенный окрашен охрой красного оттенка. Наиболее интенсивно окрашен череп и бедренные кости. Округлое пятно охры диаметром 0,08 м имелось на дне камеры в 0,09 м слева от черепа. Под погребенным и по всему дну погребальной камеры имелся тлен от подстилки темно-коричневого цвета.

Инвентарь: 1. У левой руки погребенного найден фрагмент стенки лепного сосуда с поверхностью серого цвета, тесто в изломе черного цвета с примесью мелкотолченого шамота.

Погребение 28 (неопределенное, трупосожжение) (рис. 4,3) выявлено в СВ секторе кургана, в 29 м от репера, на глубине 3,36 м. Представляло собой скопление кальцинированных костей неправильной овальной формы,

размерами 0,75x0,36 м. Кремация была совершена на месте. Под скоплением зафиксирован прожог толщиной до 3,5 см. Безинвентарное.

Стратиграфия, относительная хронология и конструктивные особенности кургана 17

Первоначальная насыпь кургана 17 была сооружена над группой из трех погребений усатовской культуры, №№ 21-23. Диаметр насыпи составлял 15 м, высота 0,8 м от уровня древней дневной поверхности. Первоначальная насыпь состояла из материкового грунта желтого цвета, перемешанного с предматериковым суглинком, была окружена кромлехом, за пределом которого находился ров. Первоначальная насыпь кургана в процессе оплыва перекрывала кромлех и ров.

Кромлех, окружавший первоначальную насыпь, представлял собой сложное сооружение, состоящее из известняковых плит, вертикально вкопанных в древнюю дневную почву и укрепленных в основании более мелкими известняковыми плитами, уложенными горизонтально. Размеры вертикально вкопанных плит на разных участках кромлеха неодинаковы. Так, в СВ секторе кромлеха плиты достигали размеров 0,4x0,35 x0,25 м. В ЮЗ секторе они достигали размеров 0,9x0,5x0,45 м. Размеры подстилающих плит составляли в среднем 0,35x0,25x0,14 м. В 3 части кромлеха, в 6 м от репера (90) было устроено каменное сооружение в виде двух вертикально вкопанных плит размерами 0,45x0,25 м, которые перпендикулярно примыкали к вертикально вкопанной плите подпрямоугольной формы размерами 0,9x0,3x0,25 м, образуя подобие закрытого «входа» во внутреннее пространство кромлеха (рис. 14). Две вертикально вкопанные плиты перекрывались сверху горизонтально уложенной плитой размерами 0,46x0,25 м. Диаметр кромлеха составлял 11,5 м, ширина 0,75-0,5 м. В 1,5-1,2 м от окружности имелся ров округлой формы с несомкнутыми в 3 секторе окончаниями, диаметром 16,5 м. Ширина рва 1,5 м. Дно округлое. Глубина варьирует от 0,7 до 1 м. В 3 секторе ширина разрыва составляла 5 м. Заполнение рва представляло собой затечный грунт, представленный черноземом серого цвета, предматериковым суглинком, перемешанным с материковой глиной. В заполнении встреча-

лись отдельные камни, попавшие из конструкции кромлеха, кости животных (крупного рогатого скота).

II-я насыпь кургана, высотой 2,5 м, диаметром 25,5 м, состояла из черноземного грунта интенсивно-черного цвета. Сооружение II-й насыпи связано с погребениями ямной культуры №№ 14, 26, 22а. Погребение эпохи ранней бронзы (ямной культуры?) 22а, перекрывшее основное захоронение усатовской культуры 22, и в дальнейшем разрушенное при ограблении, возможно являлось основным для II-й насыпи. Погребение ямной культуры 14 также было впущено с уровня поверхности первоначальной насыпи. В свою очередь захоронения ямной культуры 17 и 26, перерезавшие участки кромлеха и рва создают эффект круговой планировки вокруг погребения 22а и соответственно центра кургана.

III-я насыпь кургана (высота не прослежена из-за интенсивной распашки, с nivelировавшей поверхность кургана), диаметром 31 м, состоявшая из чернозема серого цвета с примесью предматерикового суглинка, была связана с погребением ямной культуры 16, расположение которого также тяготеет к центру кургана, чему не противоречат конструктивные особенности и тип трупоположения данного захоронения.

IV-я насыпь, состоявшая из чернозема более светлого оттенка, чем в III-й насыпи, имела диаметр 32,5 м. Высота её также была nivelирована интенсивной распашкой. По всей вероятности IV-я насыпь также была связана с погребением 16, являясь её дополнительной досыпкой. Но не исключено и то, что сооружение данной насыпи связано с погребением ямной культуры 19, расположенным ближе к центру кургана.

V-я насыпь, диаметром 41,5 м была связана с погребением ямной культуры 25, выкид из которого лег на поверхность IV-й насыпи. Состав насыпи представлял собой чернозем серого цвета, перемешанный с предматериковым суглинком, более светлый по составу чем предыдущие досыпки.

VI-я насыпь, диаметром 48 м, связана с кругом позднейших погребений 1, 10, 20, 24, 27. Состав насыпи состоял из чернозема более темного оттенка чем в предыдущей насыпи.

VII-я насыпь, диаметром 72 м, вероятно, была связана с позднемным погребением 5. Грунт представлял собой чернозем, перемешанный с суглинком светло-коричневого оттенка. По краям VII-й насыпи имелись черноземные клинья, образованные при оплывании полы кургана. С уровня этой, последней для данного кургана насыпи, были впущены погребения катакомбной культуры 11-12 и погребение культуры многоваликовой керамики 13.

Что касается группы разновременных погребений 3, 4, 6-9, то стоит предположить, что на данном участке имелась изолированная курганная насыпь небольших размеров, перекрытая в дальнейшем оплывшими полами более крупного соседнего кургана. Стратиграфия этого погребального комплекса представляется следующей: В начале было совершено погребение ямной культуры 3, далее, в насыпь были впущены ямные погребения 7 и 9, затем захоронение катакомбной культуры 6, и наконец два погребения культуры многоваликовой керамики 4, 6. Наиболее поздними в кургане 17 были совершены сарматское погребение 15 и трупосожжение 28, которое, по ряду аналогий, следует отнести к римскому времени II-III вв. н.э.

Культурные группы

Энеолит-ранняя бронза. Наиболее ранней в кургане 17 у с. Казаклия явилась группа погребений Усатовской культуры 21-23. С этой группой связано сооружение первоначальной насыпи кургана 17. В курганных группах у п. Тараклия и у с. Казаклия, расположенных на водораздельном плато между Ялпугом и Лунгуцей насчитывалось 6 курганов с основными погребениями усатовской культуры – это курганы 2, 10, 18 у п. Тараклия, а также курганы 3, 9, 17 у с. Казаклия (Дергачев, Манзура 1991, 44-50). Материалы усатовского типа из кургана 3 детально рассматривались в специальных работах (Манзура 1986, 384-385; Дергачев, Манзура 1991, 44-50). Здесь следует отметить одну характерную особенность, в первую очередь фиксируемую в конструкциях каменных оград-крепид, исследованных в курганах, расположенных на водоразделе Ялпуг-Лунгуца. Так, в кургане 18 у п. Тараклия 1-я насыпь, связанная с усатовскими погребениями, была окружена кромлехом диаметром 11,5 м. В за-

падном секторе кромлеха (270) были выявлены две вертикально вкопанные плиты, расположенные радиально к центру кургана и образующие подобие «коридора» шириной 0,8 м. В кургане 3 у с. Казаклия, исследованного в 1984 году, отмечена аналогичная ситуация. Там также имелся кромлех, связанный с первоначальной насыпью усатовской культуры, диаметром 19,5 м. С запада к одной из плит кромлеха перпендикулярно примыкали две вертикально вкопанные плиты, образуя какбы «закрытый вход» (Савва, Агульников, Манзура 1984; Дергачев, Манзура 1991, 47.50). В целом эти конструкции, если рассматривать их с архитектурной позиции, визуально напоминают дольмены Северного Кавказа. Но, если дольмен несет функции обрядового сохранения погребенных, уложенных в пределах одной отдельно взятой каменной конструкции (Бианки 2010, 98), то «ворота» скорее всего отображали условный «вход» в границы определенного сакрального пространства и манифестацию принадлежности к конкретной общине или роду. И если рвы с разрывом в западном секторе типичны как для доусатовских, так и для усатовских погребальных комплексов Северо-Западного Причерноморья (Яровой 2000, 14), то такой элемент каменной конструкции как ворота, выявлен впервые в курганах микрорегиона возле р. Ялпуг в её нижнем течении. Близкая по форме, но несколько иная конструкция была отмечена и в кургане 1-12 эпонимного Усатовского курганного могильника. Там в ЮЗ секторе кургана линия кромлеха прерывалась на протяжении 4,7 м, в пределах этого пространства находилась небольшая каменная кладка прямоугольной формы, состоявшая из обработанных плит, уложенных и вкопанных на ребро (Патокова 1979, 68, рис. 26,1). С севера к ней примыкала плита с чашевидными углублениями на внешней поверхности. А сама кладка была укреплена с боков более мелкими камнями (Петренко 1985, 11, рис. 3). Не менее интересная конструкция была отмечена и в кургане 1-9 Усатовского курганного могильника. В ЮЗ секторе кромлеха, в первоначальную насыпь были вкопаны две известняковые обработанные плиты прямоугольной формы - примитивные антропоморфные стелы. Интервал между стелами закрывали 2 вкопанные на ребро плиты,

также образующие подобие «закрытого входа» (Субботин, Петренко 1986, 32, рис. 1). Без сомнения каждый курган периода энеолит-ранней бронзы является реализацией конкретных строительных замыслов, где место, выделенное кромлехом, являлось сакральной основой культового сооружения (Петренко 2010, 358). Символическое значение кромлеха подчеркивалось наличием в его кладках проемов, соответствующих сторонам света. Площадка в основании кургана, с поверхности которой совершались основные захоронения, имела ритуальное значение. А входы и выходы из этого сакрального пространства, как правило совершенные по оси З-В либо ЮЗ-СВ, соответствовали в целом преобладающей ориентировке захоронений Усатовской культуры (Петренко 2010, 358). Скорее всего, данное пространство должно было быть замкнуто, что сводилось к ритуалу создания конструкций, символизирующих закрытый «вход». И, как видно из приведенных аналогий, это могут быть либо стелы крупных размеров вкопанные вертикально, либо отесанные плиты, уложенные параллельно, пространство между которыми закрывалось поперечно уложенными каменными плитами, что имело место в Казаклийских курганах 3,17 и в Тараклийском кургане 18.

Характерной особенностью основных усатовских захоронений в кургане 17, являются прямоугольные, приближающиеся к квадратным, формы погребальных камер, преобладающее скорченное на боку положение погребенных за искл. погр. 23, где скелет погребенного скорчен на спине с сильным разворотом влево. Так, по существующей типологии погребального обряда Усатовской культуры, позы погребенных в погр. 21 и 22 соответствуют типам 2, 5, позиции при которой скелет скорчен на боку с резко согнутыми ногами (Патокова и др. 1989, 94-95, рис. 33,1 у.д.) Вызывает интерес то, что во всех трех захоронениях находились погребенные-дети в возрасте от 6-7 до 11-12 л.

Отдельно следует остановиться на инвентаре погребений. Медная булава из погребения 22 относится к серии «посоховидных» или «крюковидных», присутствующих в ряде подкурганного периода позднего энеолита в Северном и Северо-Западном Причерноморье. Территориально, наиболее

близкими, являются костяные посоховидные булавки, найденные в курганах, исследованных в бассейне реки Ялпуг в западной части Буджакской степи. Одна из них была обнаружена в основном погребении 6/1 Болградского курганного могильника (Субботин, Шмаглий 1970, 125-126, рис. 3,1). Еще одна костяная булава была найдена во впускном погребении 10/3 курганного могильника у п. Тараклия (Агульников 1985, 485). В погребении 6/1 Болградского могильника булава находилась внутри сосуда – расписной амфорки усатовского типа. В погр. 10/3 Тараклийского могильника подобная посоховидная булава сопровождалась сосудом-расписной амфорой и небольшим кубком с округленным туловом и цилиндрическим горлом, а также костяными и коралловыми бусами (Гросу, Агульников, Хахеу 1983). Наиболее северной является находка подобного украшения в основном энеолитическом погребении 1/21 у с. Бурсучень, р-н Сынжерей (бывш. Лазовский) в лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья (Яровой 1979, 491-492). Здесь следует отметить, что как и в Казаклии, в комплексе 1/21 у с. Бурсучень, подобное украшение сопровождало коллективное захоронение из 4-х погребенных и находилось у черепа ребенка (Яровой 1979, 492; 2005, 166-167). В Северном Причерноморье аналогичные булавки были найдены в подкурганых погребениях позднеэнеолитического-животиловского типа из Нижнего Поднепровья (Ковалева 1991, 69-88). Показательными для этих комплексов являются находки костяной (Подгородное погр. 3/7) и медной посоховидных булавок (Новомосковск, погр.1/10) в Нижнем Присамарье (Ковалева 1991, 71,75-78, рис.1,6; 3,2). Следует отметить практически одинаковые размеры: 3,5 см - длина, 0,25 см в сечении у изделия из кургана у Новомосковска и 4 см – длина булавки из Казаклии. По мнению автора исследования, присутствие в Присамарье «крюковидных» подвесок из кости и металла определяет своеобразие животиловских погребальных комплексов и рассматривается как свидетельства связей Северного Кавказа с Нижним Поднепровьем (Ковалева 1991, 84). В определенной степени эту связь подтверждает наличие каменных сооружений с чертами кавказских дольменов в крепидях

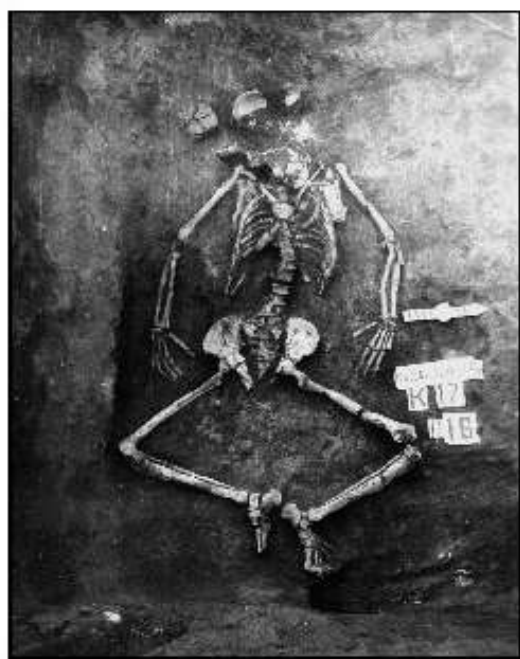

Рис. 11. Фото погребений из кургана 17 у с. Казаклия. 1 – погр. 7–8; 2 – погр. 13; 3 – погр. 16; 4 – профиль V (восточн.) кургана 17 у с. Казаклия.

позднеэнеолитических курганов, исследованных у Тараклии и Казаклии. В свою очередь, наличие этого рода изделий, какими являются «посоховидные» булавки, наряду с позднетрипольской керамикой гординештского типа свидетельствуют о связях в эпоху энеолита Нижнего Поднепровья с Карпато-Днестровским регионом (Дергачев, Манзура 1991а, 57). Очередной раз хочется отметить тот факт, что все три погребения Усатовской культуры были совершены практически одновременно и наличие в одном (№ 22) из них посоховидной булавки «животиловского» типа, отнюдь не удревняет данный комплекс.

Коралловые бусы из погр. 22 аналогичны подобным из погр. 10/2 у Тараклии, в котором находилась и позднетрипольская амфора гординештского типа (Гросу, Агульников, Хахеу 1983; Агульников 2008, 227-244, рис. 3,5-6; Дергачев, Манзура 1991, 256, рис. 35,8).

Горшочек с вытянутым округлым туловом и цилиндрическим горлом из погр. 22, типологически схож с подобным миниатюрным сосудом из основного погребения 10/17, Тараклия, хотя у последнего преобладает кубковидная форма, небольшие размеры обоих сосудов предполагают их вотивное предназначение. Расписной кувшин из погребения 21 относится к достаточно редким для Усатовской культуры Северо-Западного Причерноморья типам 1.5(1) и 2.10 по классификации В.Г. Петренко (Патокова и др. 1989, 106, рис. 36,1.5; рис. 38,2.10). По мнению исследователей, кувшины и асковидные сосуды не вполне свойственны Усатовской культуре региона, а более характерны для культуры Чернавода (Патокова и др. 1989, 111). В какой-то степени это подтверждается типичной для данной культуры формой ручки данного кувшина, петлевидной, оттянутой от корпуса и несколько скошенной назад. Вместе с тем, сетчатый орнамент на кувшине из погр. 21 более свойственен Усатовской и Гординештской культурным группам позднего Триполья Пруго-Днестровского междуречья. Чаши с корпусом усеченно-конической формы свойственны типу А-2 для столовой керамики либо Б-2 для кухонной керамики памятников позднего Триполья Поднепровья (Дергачев 1980, 178, рис. 6; 8). Но если типы А-2 и Б-2, зачастую бывают орнаментированы шну-

ром или насечками, то тип 1, как правило, не имеет примеси ракушки в тесте и бывает неорнаментирован, что имеет место в инвентаре погребения 22. Скорее всего подобная форма чаш происходит с территории Нижнего Подунавья и может быть связана с культурными группами энеолита ранней бронзы типа Чернавода. Таким образом, материал из основных позднеэнеолитических погребений кургана 17 у с. Казаклия несколько выделяется по инвентарю из общей массы усатовских комплексов, исследованных в Днестровско-Дунайском междуречье.

Погребения ямной культуры. В кургане 17 у с. Казаклия было обнаружено 14 погребений ямной культуры, с которыми, как было указано выше, связано сооружение дополнительных насыпей, перекрывших первоначальный курган позднетрипольского времени. Наиболее ранними для ямной культуры явились погребения 3, 5, 7, 9, 16, 17, 19, 25-26. Практически все они были совершены в камерах прямоугольной формы, иногда с уступами, перекрыты деревом (бревнами, плахами), обмазанными на стыках белой глиной и мелом. Остатки циновок фиксируются и под бревнами на перекрытиях погребальных камер. В каждом из этих захоронений скелет погребенного был уложен в скорченном положении на спине, с черепом обращенным преимущественно лицевой частью вверх, или несколько повернутым в одну из сторон, с руками, вытянутыми вдоль туловища - прямыми или несколько согнутыми в локтях. Ноги, первоначально установленные коленями кверху в них завалены в одну из сторон либо распадаются «ромбом». В погребальном обряде, в тех или иных количествах, присутствует охра, на скелете и рядом с ним в виде отдельных конкреций. Под погребенными фиксируются остатки подстилок, либо циновок, зачастую окрашенные охрой и посыпанные мелом. Инвентарь крайне небогат и представлен растиральником (погр. 19), горшком со сливом (погр. 26) и височным бронзовым кольцом со спиралью в 1,5 оборота (погр. 3). Горшок со сливом из погребения 26 в какой-то степени соответствует типу IV (Яровой 1985, 84, рис. 19, IV). Захоронения данной группы являются наиболее многочис-

ленными в регионе и соответствуют выделяемой в последнее время группе 5 (ямные памятники) для территории Северо-Западного

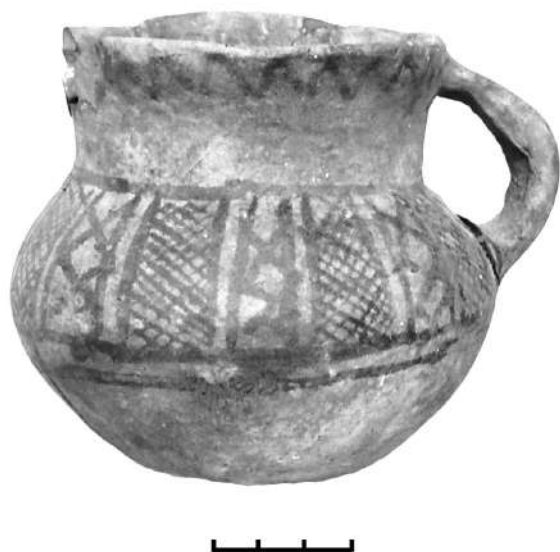

Рис. 12. Фото сосуда из погр. 21, кург. 17 у с. Казаклия.

Причерноморья (Яровой 2000, 21). В свою очередь по своим основным признакам эта группа соответствует Днестровской группе ямных памятников для Пруто-Днестровского междуречья (Дергачев 1986, 74-76). Возможно, что к этой же группе относится и погребение 14, где скелет уложен на спине с небольшим разворотом влево, но руки при этом практически прямые. Его с погребением 26 объединяет такая деталь конструкции как устройство глиняного помоста на дне погребальной камеры. Сосуд-чаша усеченно-конической формы свойственна погребениям ямной культуры как раннего, так и позднего этапа и соответствует V типу сосудов ямной культуры Юго-Западного региона (Яровой 1985, 86, рис. 20, V)

Следующим хронологическим горизонтом периода ранней бронзы в кургане 17 является группа захоронений 2, 10, 14, 24, 27, возможно и погр. 1. Все они также совершены в камерах прямоугольной формы, иногда с уступом, перекрыты деревом, циновками. Погребенные уложены в скорченном положении на спине с наклоном влево или вправо, одна рука вытянута, другая согнута на таз.

Ноги согнуты вправо или влево. Исключение представляет погребение 27, где при скорченном с наклоном положении скелета руки скрещены на тазе. Скелеты окрашены охрой, которая фиксируется в виде отдельных конкреций рядом со скелетом погребенного. Все они, в основном, соответствуют группе 6 (позднеямные памятники) для территории Северо-Западного Причерноморья (Яровой 2000, 22).

Погребения катакомбной культуры.

Погребения катакомбной культуры 6, 11, 12 впущены в насыпи, сооруженные племенами ямной культуры. Захоронения совершены в камерах вытянутой овальной формы, расширяющихся ко дну. Входные колодцы не сохранились в сыпучем грунте курганных насыпей. В 2-х случаях отмечается вытянутое на спине положение погребенных. Подобная поза характерна для I-й обрядовой группы позднекатакомбного горизонта (Тощев 1991, 91), синхронного ингульскому варианту катакомбной культуры, широко распространенному и в курганах Пруто-Днестровского междуречья (Дергачев 1986, 87-89). Самая многочисленная подгруппа катакомбной культуры характеризуется вытянутым положением погребенных и преобладанием погребальных камер овальной формы, основные черты этой подгруппы полностью совпадают с аналогичными комплексами к востоку от территории Северо-Западного Причерноморья, что позволяет связать эти памятники с Ингульской катакомбной культурой (Яровой 2000, 32). В одном случае отмечается прямая стратиграфия, когда погребение катакомбной культуры 6 перерезает погребение ямной культуры 7. Инвентарь представлен сосудом горшковидной формы, украшенным по плечикам налепами-упорами и каменным топором ромбовидной формы. культурой (Яровой 2000, 32). Каменный топор из погребения 6 является типичным инвентарем для катакомбной культуры практически во всем её ареале. В погребальных комплексах катакомбной культуры региона известно более 30 экземпляров подобных изделий (Агульников 1999, 130-131). Они изготовлены в основном из достаточно хрупких пород камня-песчаника,

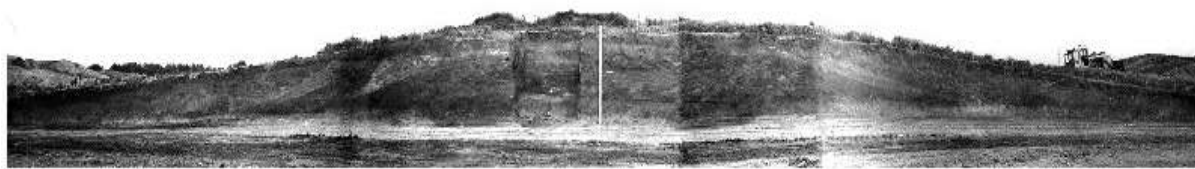

Рис. 13. Фото профиля II (западн.) кург. 17 у с. Казаклия.

галечника, диорита, базальта реже из змеевика или нефрита. Функциональное назначения данной категории изделий до сих пор не окончательно не выяснена. Вполне возможно, что каменные топоры являлись своеобразными амулетами или инсигниями власти наподобие скипетров у населения среднего бронзового века Северного и Северо-Западного Причерноморья (Агульников 1999, 131).

Погребения КМК. В кургане 17 обнаружено 3 погребения КМК, одно из которых (№ 20) разрушено. Погребение 13 совершено в погребальной камере с уступом, овальной формы, перекрытой плитами известняка. Оно относится к III-му типу погребальных сооружений для КМК Днестровско-Прутского междуречья (Савва 1992, 18). Облицовка стен погребальной камеры деревом является определенной имитацией «сруба», при этом доски этой конструкции зафиксировались в вертикальном положении. Скелет погребенного средне-скорчен на левом боку с СВ ориентировкой, свойственной наиболее ранним комплексам КМК региона, в которых преобладает подобная ориентировка и положение скелета. При этом погребение 13 сопровождается пряжкой круглой формы с одним отверстием, относящейся к I-му, наиболее раннему типу подобного рода костяных изделий (Савва 1992, 109) и сосудом V-го типа. В комплексе эти данные позволяют датировать погребение 13 из кургана 17 у с. Казаклия ранним периодом КМК в регионе. Погребение КМК 17/3 по форме погребальной камеры соответствуют типу IV – захоронения в камерах прямоугольной формы. Скелет находится в скорченном положении на левом боку – степень скорченности погребенного характеризуется как «резкая». Погребенный сопровождался пряжкой III-го типа (Савва 1992, 110), что в комплексе с двумя предыдущими признаками

характерно для поздней фазы КМК в регионе. Интересен факт обнаружения фрагмента острия бронзовой иглы-проколки во втором, малом отверстии на пряжке.

Погребение сарматской культуры. Погребение сарматской культуры 15 впущено в наиболее позднюю 6-ю насыпь кургана. Вытянутый на спине скелет погребенного сопровождался бронзовым зеркалом округлой формы (возможно, с отломанной в древности короткой прямоуг. рукояткой). Данное зеркало относится к типу 3 согласно классификации сарматских зеркал А. Хазанова и соответствует типу зеркал господствующему в регионе в среднесарматское время: I в. до н.э. – I в. н.э. (Гросу 1990, 36). Близким по времени и территориально является впускное сарматское погребение 11 из кургана 17 у Тараклии, которое кроме аналогичного зеркала сопровождается таким же пряслищем как и в погр. 15 (Гросу 1990, 184, рис.14.9-10). Халцедоновые, сердоликовые бусы также свойственны погребениям среднесарматского периода в Буджакской степи.

Материалы кургана 17, исследованного у с. Казаклия в 1985 г., как и ряда других, стратиграфически сложных курганов Буджакской степи, отражают яркую и разнообразную картину смены традиций, верований и культов, отображенных в погребальном обряде древнейших скотоводческих племен степной зоны Пруто-Днестровского междуречья с периода энеолита до I-х веков н.э. К сожалению, на протяжении последних 20 лет на территории Республики Молдова не был исследован ни один курган, что само по себе представляет остановку поступления в научный оборот новых материалов по истории первобытно-общинного общества региона.

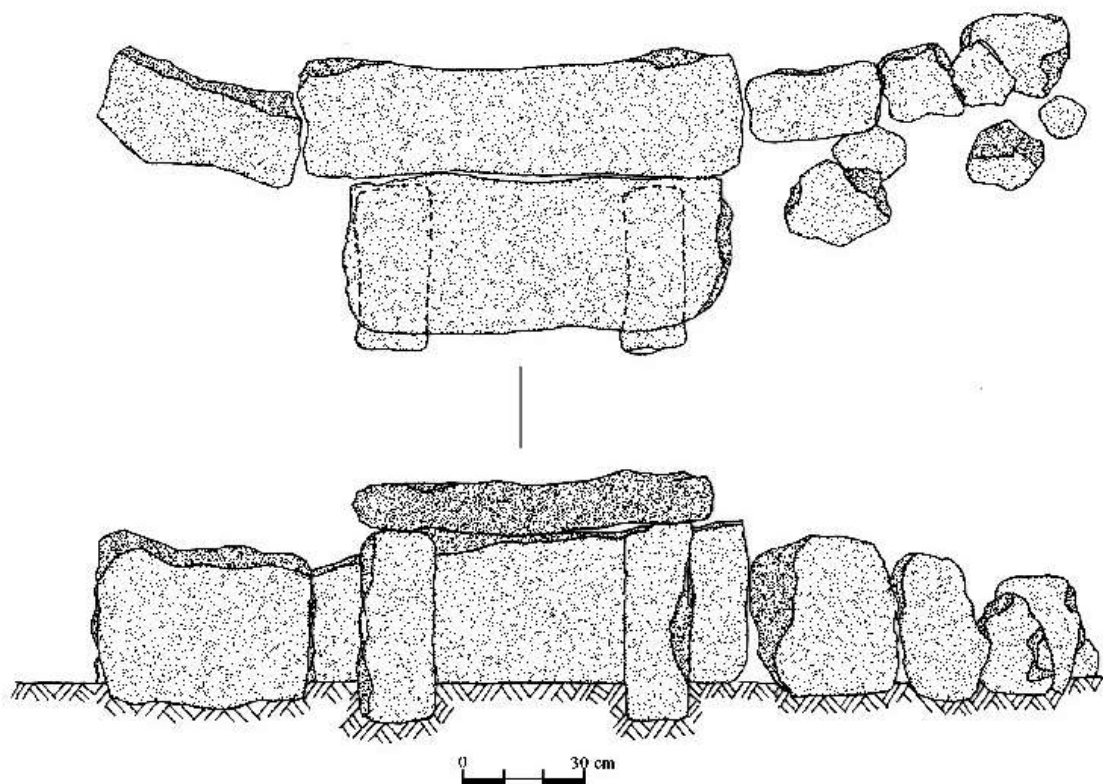

Рис. 14. Каменная конструкция – «ворота» в Западном секторе кромлеха кург. 17 у с. Казаклия.

Библиография

- Агульников 1981:** С.М. Агульников, Раскопки курганов у п. Тараклия. В сб.: АО в СССР за 1980 г. (Москва 1981), 386-387.
- Агульников 1987:** С.М. Агульников, Раскопки курганной группы энеолита – ранней бронзы у п. Тараклия. В сб.: АО в СССР за 1985 г. (Москва 1987), 455-456.
- Агульников 1999:** С.М. Агульников, Новые комплексы катакомбной культуры из Нижнего Поднестровья. ССПК, вып. VII (Запорожье 1999), 118-133.
- Агульников 2008:** С.М. Агульников, Археологическое наследие Буджака. Краткий очерк археологических памятников Буджакской степи. REC III, 2008, 227-244.
- Бейлекчи и др. 1985:** В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской ново-строчной экспедиции в 1985 году, Архив МНАИМ, Инв. № 231 (Кишинев 1985).
- Бианки 2010:** А.М. Бианки, Группа дольменов как тип памятника. В сб.: Древние культуры Евразии (Санкт Петербург 2010), 95-99.
- Дергачев 1980:** В.А. Дергачев, Памятники Позднего Триполья (Кишинев 1980).
- Дергачев 1986:** В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Дергачев, Манзура 1991:** В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Погребальные памятники позднего Триполья (Кишинев 1991).
- Дергачев, Манзура 1991а:** В.А. Дергачев, И.В. Манзура, Европейский компонент Майкопской культуры в контексте взаимосвязей Центрально- и Восточно-Европейских общностей. В сб.: Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы (Ленинград 1991), 57.
- Гросу 1990:** В.И. Гросу, Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1990).
- Гросу, Агульников, Хахеу 1983:** В.И. Гросу, С.М. Агульников, В.П. Хахеу, Отчет о полевых исследованиях Буджакской ново-строчной экспедиции у п.г.т. Тараклия в 1983 году, Архив МНАИМ, Инв. № 195 (Кишинев 1983).
- Ковалева 1991:** И.Ф. Ковалева, Погребения с Майкопским инвентарем в Левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа). В сб.: Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1991), 69-88.

- Патокова и др. 1989:** Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989).
- Петренко 1985:** В. Г. Петренко, Новые находки памятников искусства в Усатово. В сб.: Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 8-15.
- Петренко 2010:** В.Г. Петренко, Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана. МАСП 11, 2010, 303-369.
- Савва 1992:** Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1992).
- Субботин, Петренко 1986:** Л.В. Субботин, В.Г. Петренко, Об архитектуре древнейших усатовских курганных сооружений. В сб.: Памятники древнейшего искусства Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 26-43.
- Субботин, Шмаглий 1970:** Л.В. Субботин, Н.М. Шмаглий, Болградский курганный могильник, Курганы Междуречья Днестра и Дуная. МАСП VI, 1970, 116-130.
- Тощев 1991:** Г.Н. Тощев, Западный ареал катакомбной культуры В сб.: Катакомбные культуры Северного Причерноморья (Киев 1991), 85-101.
- Патокова 1979:** Э.Ф. Патокова, Усатовское поселение и могильник (Киев 1979).
- Яровой 1979:** Е.В. Яровой, Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены. В сб.: АО в СССР за 1978 г. (Москва 1979), 491-492.
- Яровой 1985:** Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
- Яровой 2000:** Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореферат диссертации на соискание научной степени доктора исторических наук (Москва 2000).
- Яровой 2005:** Е.В. Яровой, Мистика древних курганов (Москва 2005).

Сергей Агульников, научный сотрудник Центра Археологии, Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы, бул.Штефан чел Маре 1. МД 2001, Кишинэу, Молдова. E-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

NOI DATE REFERITOARE LA AȘEZAREA CULTURII BABADAG DE LA ENISALA-PALANCA, COM. SARICHIOI, JUD. TULCEA. CERCETĂRILE ARHEOLOGICE DIN PERIOADA 2003-2006

Sorin Cristian AILINCĂI, Gabriel JUGĂNARU, Alexandra ȚÂRLEA, Florian MIHAIL, Mirela VERNESCU, Adina AILINCĂI, Tulcea

Articolul de față prezintă cercetările arheologice efectuate în perioada 2003-2006 în așezarea din prima epocă a fierului de la Enisala-Palanca. Cu această ocazie sunt descrise complexele arheologice și se face o analiză a ceramicii, dar și a obiectelor din piatră și metal. Din punct de vedere cronologic locuirea poate fi atribuită perioadei finale de evoluție a culturii Babadag (sec. VIII – începutul sec. VII a.Chr.), anterioară întemeierii coloniilor grecești pe coasta vestică a Mării Negre.

Новые данные о поселении культуры Бабадаг у с. Енисала-Паланка, Сарикой, уезд Тулча. Археологические раскопки 2003-2006 гг. В статье представлены археологические исследования, проведенные в период 2003-2006 гг. на поселении раннежелезного века у с. Енисала-Паланка. Описываются археологические комплексы, анализируется керамика, но и изделия из камня и металла. Хронологически поселение можно отнести к финальному периоду эволюции культуры Бабадаг (VIII – начало VII в. до Р.Х.), которая предшествовала основанию греческих колоний на западном берегу Черного моря.

New Data Regarding the Babadag Culture Settlement from Enisala-Palanca, Sarichioi, Tulcea County. Archaeological Investigations in 2003-2006. This article focuses on the archaeological investigations carried out in 2003-2006 in the Early Iron Age settlement from Enisala-Palanca, presenting the archaeological complexes, as well as an analysis of the finds. Chronologically, inhabitation can be assigned to the last phase of Babadag culture (8th c. - early 7th c. BC), before the founding of the Greek colonies on the western Black Sea shore.

Key words: Early Iron Age, Babadag culture, settlement, Dobrodja, Enisala

Introducere

Stațiunea arheologică din punctul *Palanca* este situată la cca 1,5 km NE de localitatea Enisala, întinzându-se de o parte și de alta a drumului județean ce duce la Sarichioi, în zona de contact a lacurilor Razim și Babadag (fig. 1). Locuirea hallstattiană se afla pe marginea unei terase joase aflate în imediata vecinătate a apei, extinzându-se și pe un promontoriu stâncos cu diametrul de 115 m și înălțimea de 7 m, pe care, în epoca romană, a fost construită o mică fortificație patrulateră, cunoscută de localnici cu numele de *Palanca* (Ștefan 1977, 15 și urm.). În momentul de față este greu să ne pronunțăm asupra dimensiunilor reale ale sitului datorită numeroaselor intervenții antropice produse mai ales în perioada modernă (fig. 4; pl. 1).

Așezarea a fost semnalată inițial de G. Simion, un sondaj fiind efectuat aici în perioada 1-6 septembrie 1969, chiar pe *Palancă*, de către S. Morintz (fig. 2,5). Deși rezultatele acestuia au fost menționate doar sumar¹ (Morintz, Anghelescu 1970, 403), din planurile aflate în arhiva *Institutului de Arheologie „Vasile Pârvan”* din București

putem observa că secțiunea avea dimensiunile de 16×1,5 m și era orientată E-V, în partea de N a acesteia fiind trasate alte două casete cu dimensiunile aproximative de 4×2,5 m (fig. 2). Stratul de depuneri arheologice avea o consistență de până la 1 m și era parțial afectat de intervenții recente. Acest nivel era urmat de un strat de *loess* ce reprezenta nivelul antic de călcare, care suprapunea direct stânca calcaroasă. S. Morintz menționa descoperirea aici a unor materiale ce pot fi atribuite culturilor Gumelnița, Foltești I, Coslogeni, dar și perioadelor hallstattiană, romană și medievală cărora le atribuia și unele gropi (Morintz, Anghelescu 1970, 403). Pe plan însă se pot observa 14 gropi, care, după însemnări, au fost atribuite primei epoci a fierului (cu marcajul H – Hallstatt, gropile 1, 2, 4, 6, 8-14) și perioadei medievale (cu marcajul F – feudal, gropile 3, 5, 7). Complexele atribuite epocii fierului au dimensiuni diferite și în cele mai multe cazuri au fost cercetate doar parțial. Majoritatea acestor amenajări par a fi avut forme aproximativ circulare sau ovale, cu diametrele cuprinse între 0,70 și 2 m. Acestea au fost săpate în nivelul

¹ Artefactele ilustrate de noi în fig. 5 se aflau în depozitul Muzeului de Istorie din Tulcea și reprezintă probabil doar o mică parte a materialului descoperit în timpul sondajelor efectuate în anul 1969.

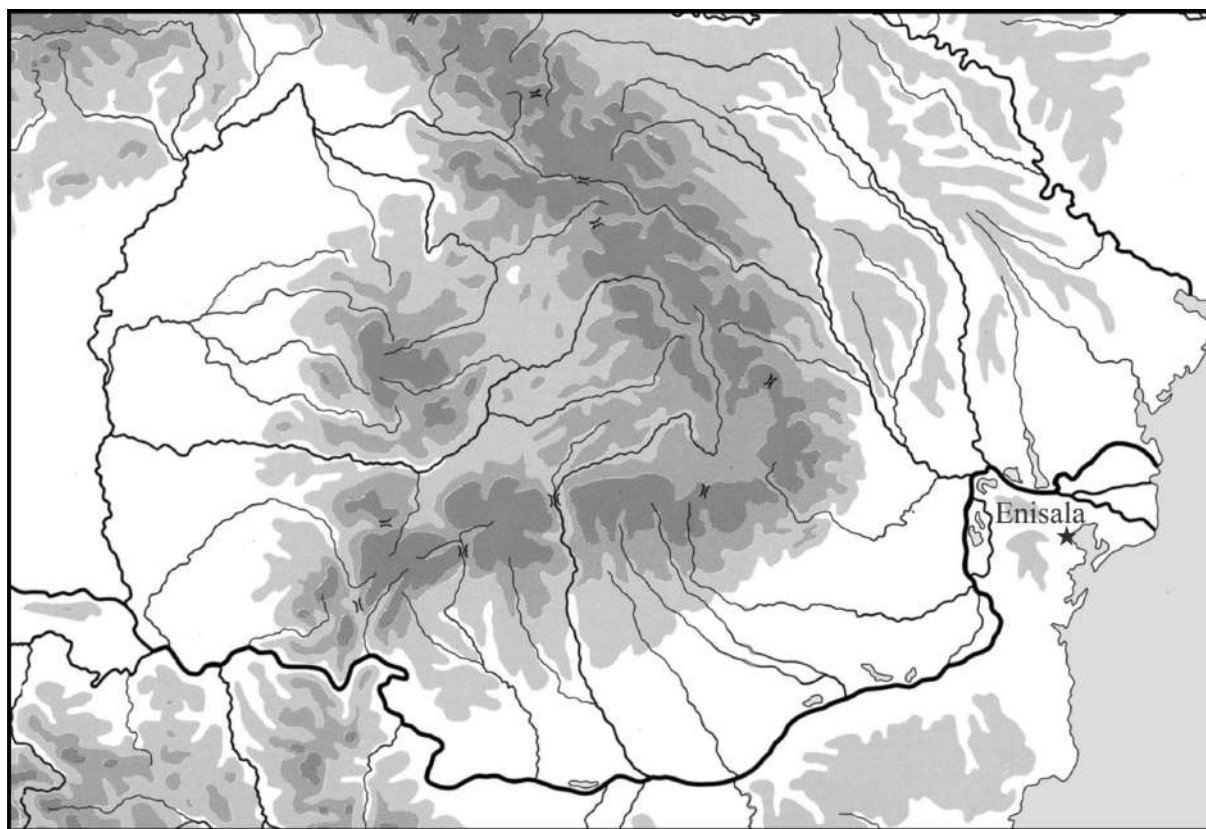

Fig. 1. Localizarea geografică a sitului.

de călcare antic reprezentat de loess, pereții fiind drepți sau oblici (fig. 2).

Ulterior, în 1979, din cauza afectării sitului cu ocazia plantării viței-de-vie, dar și a exploatării mecanizate a pământului galben, au fost efectuate cercetări arheologice preventive conduse de Gh. Mănușu-Adameșteanu, care s-au concretizat într-o secțiune cu dimensiunile de 80×1,5 m. Rezultatele cercetării au fost publicate la scurt timp, ocazie cu care autorii studiului făceau primele referiri concrete asupra locuirii culturii Babadag și a necropolei medievale (Lăzurcă, Mănușu-Adameșteanu 1980). În 1986, obiectivul a fost cercetat și de S. Baraschi, rezultatele fiind încă inedite.

Observând starea deplorabilă a sitului, colectivul șantierului Babadag a solicitat începând cu 2003 autorizații pentru cercetări de salvare în jurul unei suprafețe distruse de o lutărie. Astfel, în perioada 2003-2006 s-a reușit cercetarea integrală a zonei amenințate, rezultatele acestor campanii fiind prezentate succint în *Cronica Cercetărilor Arheologice din România* (Jugănar et al. 2004, 118-119; Jugănar et al. 2005, 144; Jugănar et al. 2006, 153-154; Jugănar et al. 2007, 145-146). Având în vedere întreruperea pe o perioadă nedeterminată

a săpăturilor arheologice sistematice din acest sit, mai ales din cauze financiare, găsim întru totul necesară publicarea datelor arheologice obținute în cele patru campanii arheologice prin două rapoarte: unul dedicat locuirii din prima epocă a fierului, iar celălalt locuirii și necropolei medievale.

Descrierea cercetărilor. Complexele arheologice

Cercetările arheologice din cele patru campanii arheologice² s-au concretizat prin săparea a șapte secțiuni de dimensiuni diferite, majoritatea lor urmărind salvarea informațiilor arheologice din zonele amenințate cu distrugerea. Suprafața cuprinsă de acestea are aproximativ 664 mp, fiind cercetate integral sau parțial 34 de complexe arheologice din prima epocă a fierului (fig. 3).

Secțiunea I (SI/2003) (pl. 2) – avea dimensiunile de 5×10 m (50 mp) și a fost trasată pe direcția N-S. Din punct de vedere stratigrafic, sub stratul vegetal de 0,10-0,17 m se afla stratul arheologic de culoare cenușiu-închis, care ajungea până la o grosime de 0,75 m, acesta fiind urmat de solul steril de culoare galbenă. În această suprafață, împărțită în 10 carouri de 2,5×2 m, au fost descoperite cinci complexe

² La cercetările arheologice din perioada 2003-2006 au colaborat alături de semnatarii articolului, L. Bacumenco și V. Pencu-Marc, cărora le mulțumim și pe această cale.

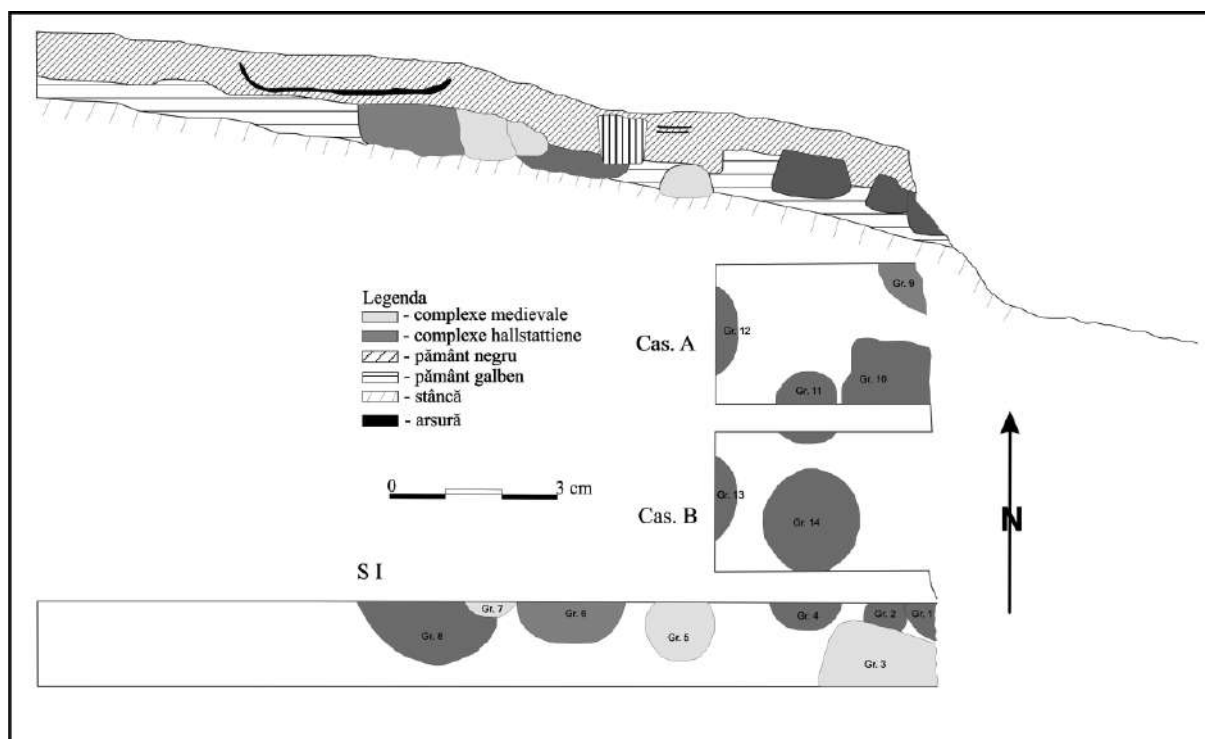

Fig. 2. Planul cercetărilor arheologice efectuate în 1969 în situl de la Enisala-Palanca.

ce pot fi atribuite primei epoci a fierului, după cum urmează:

gr. I – cercetată parțial în caroul B1, avea o formă ovală în plan, cu dimensiunile de 1,67×1,75 m. Pereții acesteia au fost săpați ușor oblic spre exterior, până la adâncimea de 0,75 m. În pământul de umplutură, de culoare brun-cenușie, au fost descoperite puține fragmente ceramice hallstattiene, dintre care am putut reconstitui grafic partea superioară a unui vas grosier decorat cu alveole sub buză (pl. 9,1).

gr. 2 – a fost parțial tăiată de gr. 1, avea probabil o formă circulară în plan, pereții au fost săpați oblic până la adâncimea de 0,21 m, diametrul părții superioare fiind mai mare decât cel al părții inferioare. Din acest complex provin două cești cu corp bitronic și câte o toartă supraînălțată (pl. 9,2-3).

gr. 3 (bordei) – a fost cercetată pe suprafața carourilor 1-3 A-B. Avea probabil o formă ovală cu dimensiunile de 4,5×3,17 m și o adâncime cuprinsă între 0,50–0,65 m. În zonele de N și S au fost sesizate aglomerații de bucăți de chirpici ce păstrau imprimeuri de nuiiele sau stuf, reprezentând resturile suprastructurii. În zona de SE a complexului au fost descoperite numeroase pietre plate, de dimensiuni mari, care probabil marcau locul de acces în locuință.

Pe lângă numeroasele oase de animale descoperite aici, putem menționa și descoperirea unei cantități impresionante de fragmente ceramice ce

proveneau de la cești (pl. 9,7-8; 10,1-6.8), vase bitronconice (pl. 10,7, 9, 10-14; 11,1-3), străchini (pl. 11,4-7; 12,1-7; 13,1-7), vase de bucătărie (pl. 13,8-10; 14,1-9).

gr. 4 – a fost cercetată integral în carourile 3-4 A. Se prezenta sub forma unei alveolări ne-uniforme, cu adâncimea de aproximativ 0,40 m. Complexul conținea puține fragmente ceramice hallstattiene (pl. 9,4) și bucăți de chirpici.

gr. 5 – cercetată integral în carourile 4-5 A-B. A fost tăiată de gr. 6, săpată în perioadă medievală. Complexul avea în plan o formă aproximativ circulară cu diametrul de 2,25 m. Pereții au fost săpați oblic spre interior până la adâncimea de 0,50 m. Groapa conținea puține fragmente ceramice (Pl. 9,5-6) și oase de animale, precum și câteva pietre plate și bucăți de chirpici.

Secțiunea II (S II/2003) (pl. 2) – a fost trasată la E de S I, fiind separată de aceasta printr-un mar-tor stratigrafic lat de 0,50 m. Dimensiunile inițiale au fost aceleași (5×10 m), suprafața fiind extinsă pentru cercetarea exhaustivă a mormântului medi-eval nr. 1 și a gr. 8. În perimetrul S II au fost cer-cetate patru gropi ce pot fi atribuite primei epoci a fierului, după cum urmează:

gr. 3 – a fost identificată la intersecția carourilor 2-3 A-B. Avea o formă aproximativ circulară în plan cu diametrul maxim de 1 m. Pereții au fost săpați vertical până la adâncimea de 0,50 m. Complexul conținea puține fragmente ceramice hallstattiene din

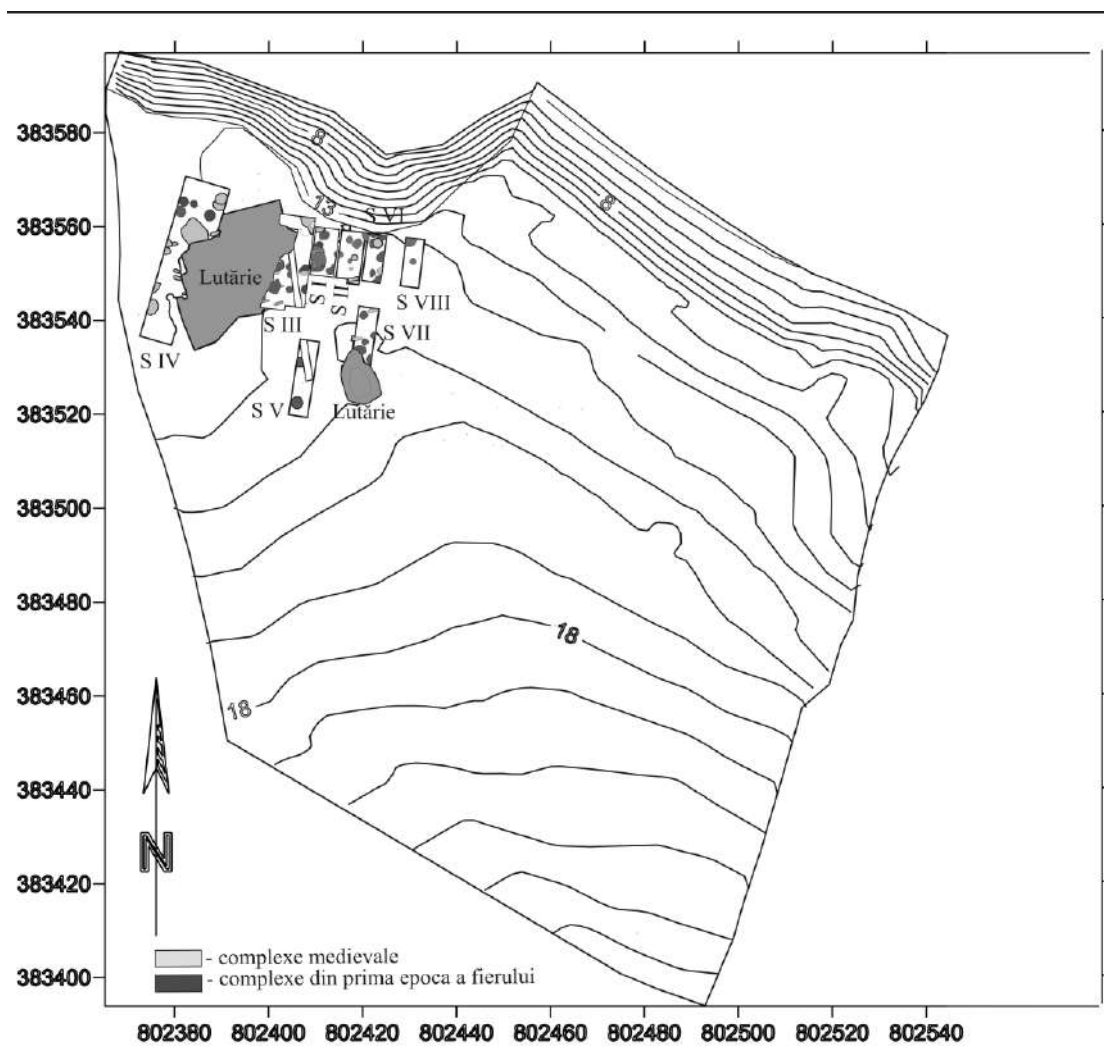

Fig. 3. Planul cercetărilor arheologice din perioada 2003-2006.

care am putut identifica resturile unui vas grosier cu brâu alveolat (pl. 15,1) și a unei cești (pl. 15,2).

gr. 5 – cercetată în profilul vestic al S II, în caroul 3A, a fost surprinsă și în S I. Era ovală în plan, cu diametrele de 1,70×1,84 m, iar în profil avea forma unui trapez cu baza mare în jos. În acest complex au fost descoperite fragmente ceramice ce proveneau de la vase bitronconice (pl. 15,3-4.6), o strachină (pl. 15,5) și vase de bucătărie (pl. 15,7-8).

gr. 7 – a fost cercetată integral în carourile 4-5 B; avea o formă ovală în plan cu dimensiunile de 2,20×1,85 m, pereții fiind săpați aproximativ vertical până la o adâncime de 0,50 m. În groapă au fost descoperite fragmente de la un vas bitronconic (pl. 16,4), o ceașcă decorată cu caneluri în zona diametrului maxim (pl. 1,3), trei străchini (pl. 15,10; 16,1-2) și un vas de bucătărie (pl. 15,9). Alături de acestea a fost identificată și o mică greutate din piatră de formă trapezoidală (pl. 16,5).

gr. 8 – avea o formă ovală în plan (1,90×1,25 m), cu pereții săpați aproximativ vertical până la adâncimea de 0,70 m. În umplutura acestei gropi au fost descoperite fragmente ceramice din prima epocă a fierului ce provin de la vase grosiere de bucătărie (pl. 16,6-7) și străchini (pl. 16,8-9), oase de animale și umane. În sfertul de SV al complexului, la adâncimea de 0,60 m, se aflau grupate mai multe oase umane aflate în conexiune anatomică parțială (pl. 7). Oasele, într-o stare bună de conservare, nu aveau depuneri de crustă, având însă lipsuri din vechime. Acestea proveneau de la doi indivizi, unul de sex masculin cu o vârstă estimată la 18-22 ani și un adult, al cărui sex nu a putut fi determinat. Din pământul de umplutură, printre oasele de animale descoperite, au fost identificate și trei oase care provin de la doi copii. Primului copil îi aparține un femur stâng, cu metafiza distală distrusă, iar cea proximală erodată. Vârsta poate fi aproximată după dimensiunile femurului la începutul

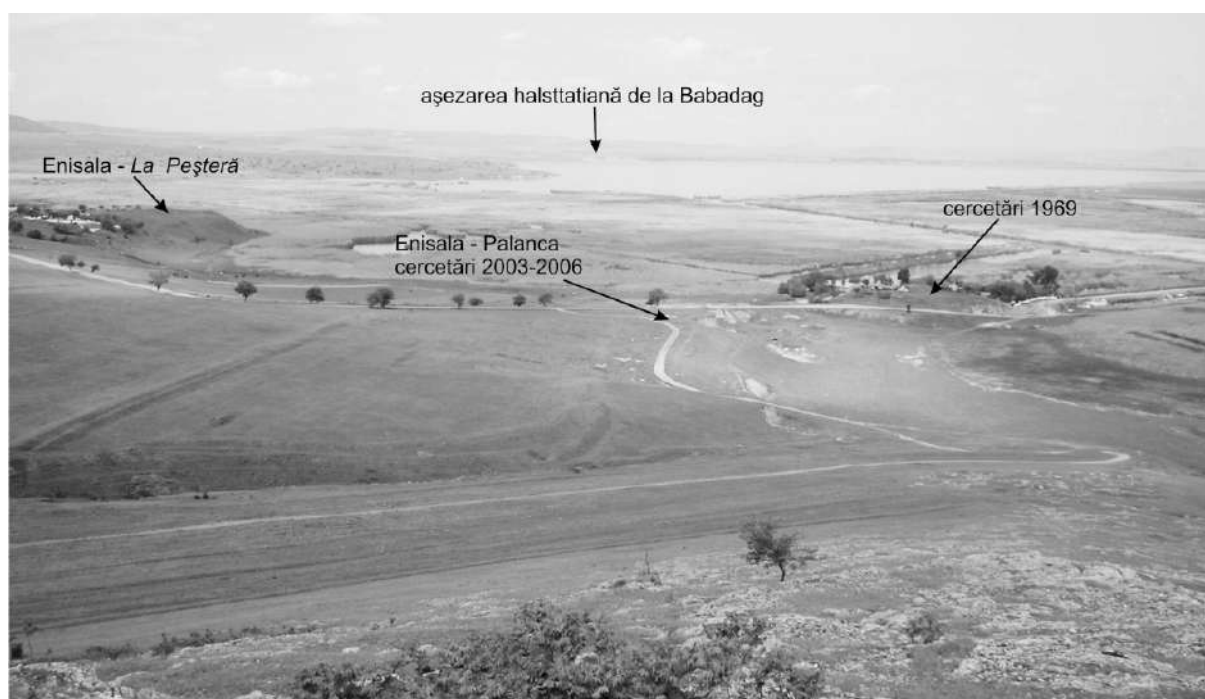

Fig. 4. Așezarea de la Enisala–Palanca, vedere dinspre E.

categoriei *infans I* (1-3 ani). Cel de al doilea este reprezentat de un femur stâng, cu treimea distală ruptă în cursul excavării și treimea distală a unei tibii drepte, de asemenea ruptă modern. Oasele par a aparține aceluiași individ, a cărui vârstă poate fi aproximată spre sfârșitul intervalului *infans I* (4-7 ani) (Ailincăi, Constantinescu 2008, 121-131).

Secțiunea III (S III/2004) (pl. 3). Campania 2004 a avut ca scop cercetarea laturii de E a lutăriei, în al cărei profil se puteau vedea oase umane (provenite de la mormintele medievale) și gropi. În acest sens a fost trasată o suprafață de formă neregulată cu dimensiunile de: la E – 18 m, S – 9 m, N – 7 m, în vreme ce latura de V este reprezentată de limita lutăriei.

Cu această ocazie am identificat opt gropi ce pot fi atribuite locuirii Babadag, un complex de mari dimensiuni în care am găsit foarte puține fragmente ceramice medievale și patru morminte databile în aceeași epocă. Tot în această suprafață am surprins un șanț lat de 1,5 m, (secțiunea din campania 1979) care a tăiat pe jumătate gr. 5 și 6. Primei epoci a fierului îi putem atribui următoarele complexe:

gr. 1 – a fost în cea mai mare parte distrusă de lutărie și de mormântul medieval nr. 4. Pereții acesteia au fost săpați ușor oblic spre exterior până la o adâncime de 0,70 m. Complexul conținea puține oase de animale și câteva fragmente ceramice hallstattiene atipice.

gr. 2 (*bordei* ?) – distrusă parțial de lutărie și

de săparea gropii mormântului medieval nr. 3; a fost cercetată în carourile 2-3 C-D și avea o formă neregulată cu lungimea maximă de 3,30 m, pereții fiind săpați relativ drept până la o adâncime de 0,60 m. În pământul de umplutură am descoperit numeroase oase de animale, un frecător din piatră (pl. 17,8) și fragmente ceramice ce proveneau de la o ceașcă cu toartă supraînălțată (pl. 17,1), vase de bucătărie (pl. 17,2-3), un vas bitronconic (pl. 17,4) și străchini (pl. 17,6-7).

gr. 3 – cercetată în carourile 2 B-C, avea o formă circulară în plan, cu diametrul de 1,20 m. Secționat, complexul prezenta o formă trapezoidală cu adâncimea de 0,60 m, și conținea multă cenușă, fragmente ceramice (pl. 18,1-5; 19,1-6) și bucăți de lut cu imprimeuri de nuiete.

gr. 4 – a fost identificată lângă profilul de E, în carourile 2-3 A. Avea probabil o formă ovală cu diametrul maxim de 2 m, pereții fiind săpați oblic spre exterior, până la o adâncime de 0,55 m. Complexul conținea foarte puține fragmente ceramice hallstattiene atipice.

gr. 5 – a fost parțial cercetată și în campania 1979, avea probabil o formă circulară în plan, cu diametrul de 1,25 m. Pereții au fost săpați oblic spre exterior, până la o adâncime de 1 m. Complexul conținea câteva fragmente ceramice hallstattiene deformate din cauza unei arderi la temperatură excesivă.

gr. 6 – parțial surprinsă și în secțiunea trasată în campania 1979, avea probabil o formă circu-

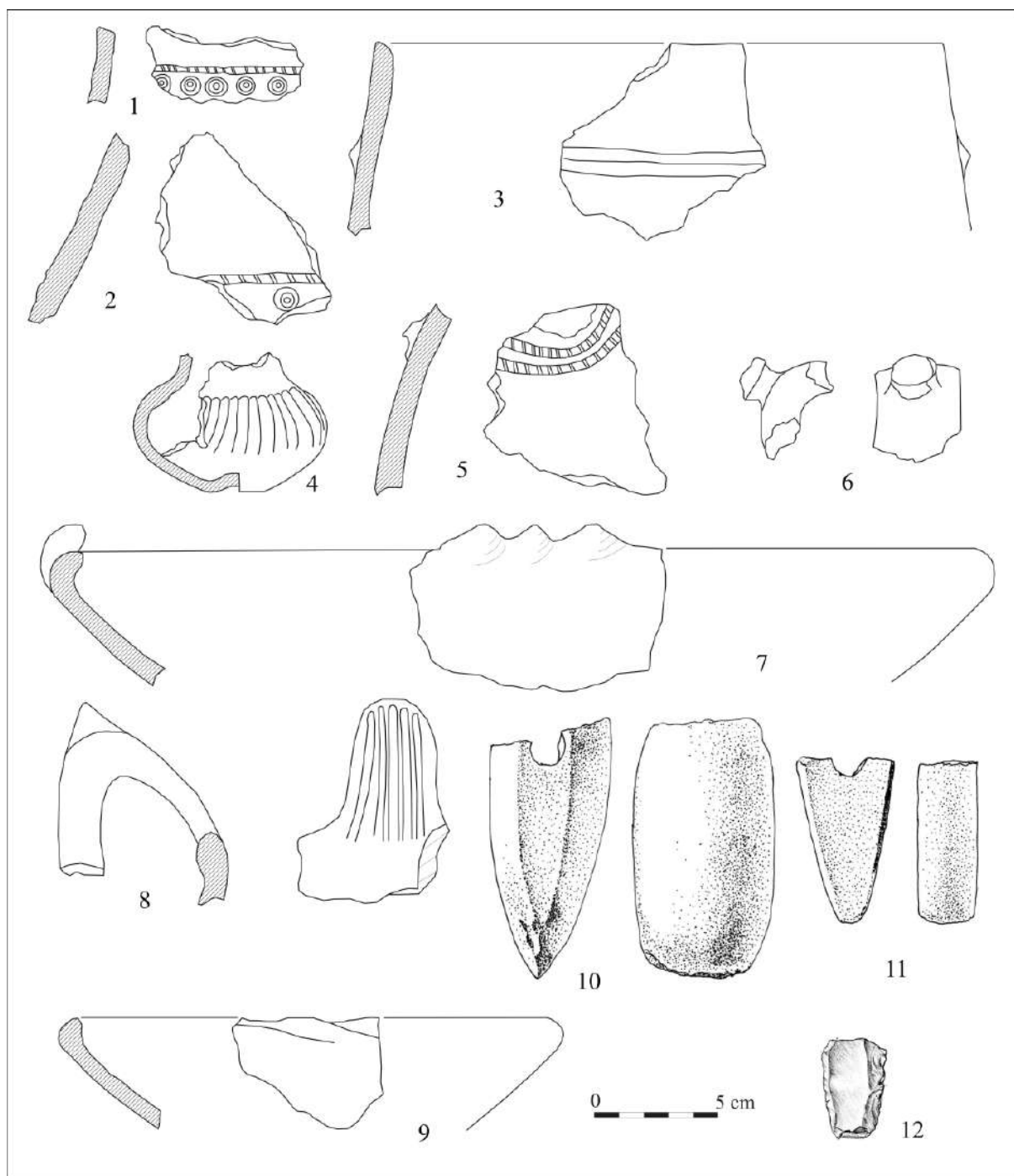

Fig. 5. Obiecte descoperite în campania 1969.

lară, cu diametrul păstrat de 1,55 m. În secțiune avea o formă trapezoidală, cu adâncimea de 0,50 m. Complexul conținea puține fragmente ceramice din care am putut reconstitui grafic două vase groșiere (pl. 20,1.5), o ceașcă (pl. 20,2), un castrol(?) (pl. 20,3) și o strachină (pl. 20,4).

gr: 7 – a fost cercetată parțial în carourile 4-5 A, fiind tăiată de profilul de E și distrusă parțial de săparea gropii mormântului medieval nr. 6. Avea

în plan o formă ovală cu lățimea maximă de 2 m. Pereții au fost săpați relativ vertical, până la o adâncime de 0,75 m, partea inferioară fiind rotunjită. Groapa conținea puține fragmente ceramice hallstattiene atipice.

gr: 9 – a fost parțial distrusă de lutărie, avea în plan o formă probabil ovală, cu diametrul păstrat de 2,40 m. Aceasta era ușor tronconică în profil, cu o adâncime de 0,40 m și conținea fragmente cera-

mice hallstattiene, dintre care am putut identifica o ceaşcă decorată cu caneluri în zona diametrului maxim (pl. 20,6) şi o strachină (pl. 20,7).

Secţiunea IV (S IV/2005) (pl. 4). Campania din anul 2005 a avut ca scop degajarea părţii de V a lutăriei, fapt concretizat într-o suprafaţă (S IV) cu latura de N – 8 m; cea de V – 28 m şi de S – 5,5 m. Latura de E a fost neregulată şi reprezintă marginea lutăriei. Stratigrafia sitului în această suprafaţă este redusă la existenţa unui strat de depuneri moderne (menajere) gros de 0,30 m, sub care se află un strat de culoare cenuşie gros de 0,30-0,50 m, de la baza căruia pornesc complexe, şi care suprapune solul steril.

În acest perimetru am identificat 12 gropi şi 5 morminte de epocă medievală, dintre care culturii Babadag îi putem atribui trei complexe:

gr. 3 – era circulară în plan, cu diametrul N-S de 1,20 m şi se prezenta sub forma unei alveole adânci de 0,20 m, în care au fost descoperite puţine fragmente ceramice atipice hallstattiene.

gr. 4 – circulară în plan, cu diametrul N-S de 1 m, se prezenta în profil sub forma unei alveolări cu adâncimea de 0,50 m, în care au fost descoperite puţine fragmente hallstattiene atipice.

gr. 5 – circulară în plan, cu diametrul N-S de 1,40 m, se prezenta sub forma unei alveolări cu adâncimea de 0,30 m, în care au fost descoperite puţine fragmente ceramice hallstattiene atipice.

Secţiunea V (S V/2006) (pl. 5). A fost trasată spre S, pe acelaşi aliniament cu S I/2003, la o distanţă de 14 m, şi a avut dimensiunile de 4×16 m (64 mp), suprafaţa sa fiind împărţită în 16 carouri cu dimensiunile de 2×2 m. Stratigrafia sitului în această zonă constă în existenţa unui strat vegetal de 0,10 m, urmat de nivelul de depuneri arheologice gros de până la 0,40 m şi solul steril de culoare galbenă.

Cu această ocazie au fost identificate două gropi numerotate cu 1 şi 2 ce conţineau puţin material hallstattian, dar şi capătul sudic al secţiunii din 1979.

gr. 1 – cercetată parţial în carourile 2-3 B, avea probabil o formă ovală în plan, fiind prinsă parţial în secţiunea din 1979 şi în profilul de V al S V/2006. Pereţii gropii au fost săpaţi relativ vertical, până la adâncimea de 0,30 m, iar în pământul de umplutură al acesteia au fost descoperite puţine fragmente ceramice atipice.

gr. 2 – cercetată integral în carourile 7-8 A-B, avea o formă circulară în plan, cu diametrul de 2,40 m. Pereţii au fost săpaţi relativ vertical, partea inferioară fiind rotunjită. În pământul ce o umplea s-au descoperit fragmente ceramice ce proveneau de la vase bitronconice (pl. 21,1-2), o strachină (pl. 21,3) şi o ceaşcă (pl. 21,4).

Fig. 6. Reconstituirea probabilă a locuinţei descoperite în S I / 2003 (desen D. Luchian).

Secţiunea VI (S VI/2006) (pl. 6). Trasată paralel cu S I şi II (2003), pe acelaşi aliniament, aceasta avea dimensiunile de 4×10 m, fiind despărţită de S II de un martor stratigrafic gros de 0,50 m. Suprafaţa sa, de 40 mp, a fost împărţită în opt carouri de 2×2 m.

Depunerile arheologice din această secţiune măsoară cu mici oscilaţii 0,50 m, fiind situate sub un strat de depuneri recente de 0,20 m. Densitatea complexelor arheologice din această suprafaţă este sensibil mai mare, fiind cercetate nu mai puţin de nouă gropi, dintre care cinci cu materiale hallstattiene şi patru săpate în epoca medievală.

Locuirii culturii Babadag i-au fost atribuite următoarele amenajări:

gr. 3 – cercetată în zona de intersecţie a carourilor 1-2 A-B, avea o formă ovală în plan cu diametrele de 1,25×1,75 m. Pereţii au fost săpaţi relativ vertical până la adâncimea de 0,40 m. Complexul conţinea puţine fragmente ceramice hallstattiene, dintre care am putut reconstitui grafic două străchini (pl. 21,5-6), partea superioară a unui vas bitronconic (pl. 21,7) şi un vas de bucătărie (pl. 21,8).

gr. 4 – a fost cercetată parţial în caroul 1B. Pereţii erau săpaţi vertical până la adâncimea de 0,25 m, partea superioară fiind acoperită cu o lentilă de pământ galben. Din umplutura acestei gropi provine un fragment de strachină (pl. 21,9) şi unul de la un vas de bucătărie (pl. 21,10).

gr. 6 – identificată parţial în carourile 3-4 B, a fost tăiată în profilul de E, unde s-a putut observa forma trapezoidală a secţiunii. Groapa avea o adâncime de 1,30 m, iar în umplutura sa au fost descoperite fragmente ceramice ce proveneau de la o strachină (pl. 22,1), un vas bitronconic (pl. 22,2) şi două vase de bucătărie (pl. 22,3-4).

gr. 7 – cercetată în carourile 4-5 A, a fost parţial distrusă de *gr. 1*, atribuită perioadei medievale.

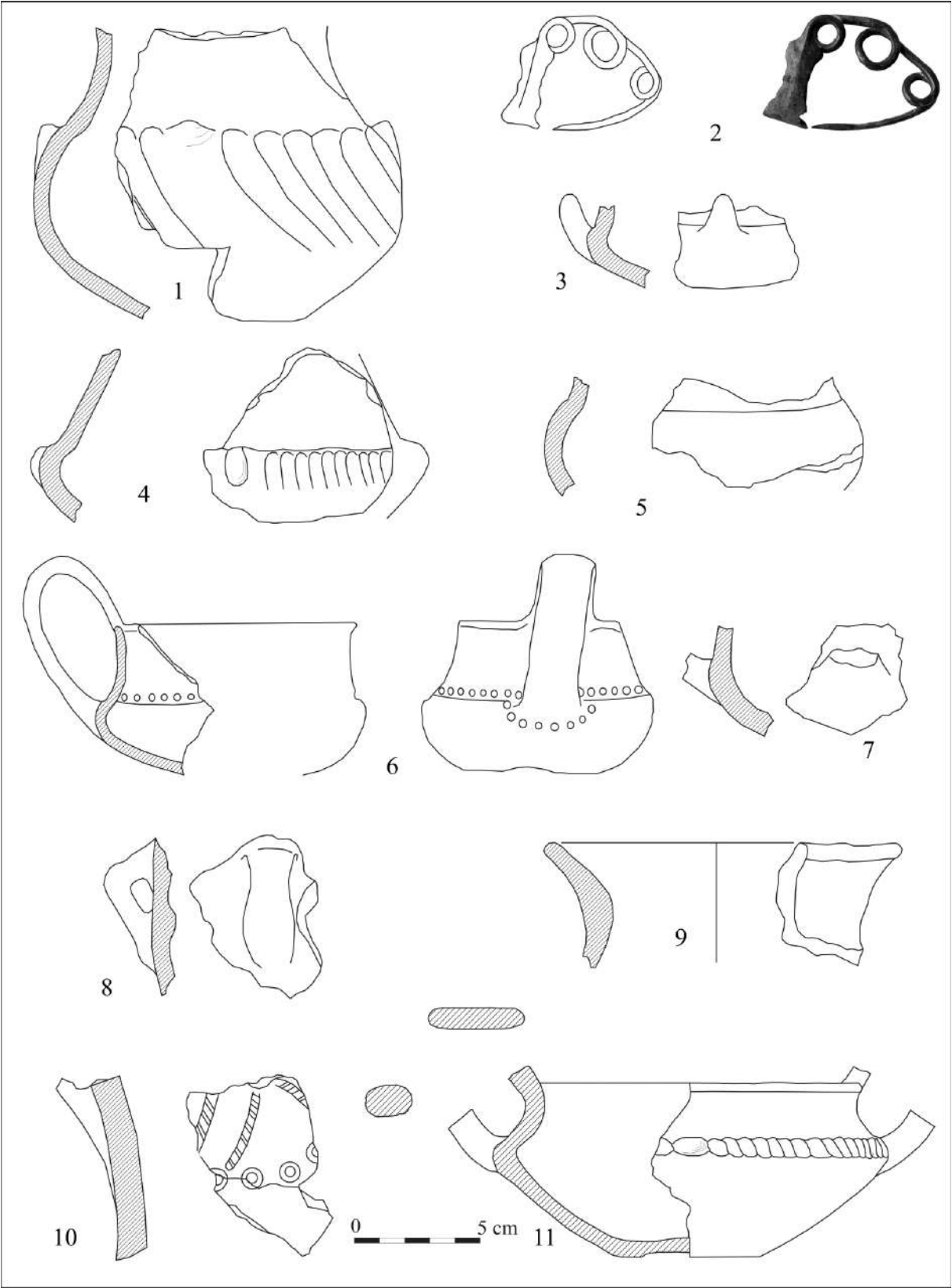

Fig. 7. Inventarul gr. 1, S I/1979.

Fig. 8. Delta Dunării și complexul lagunar Razim–Sinoie în faza Sulina (după Romanescu 2006).

Avea o formă ovală cu diametrul maxim de 2,05 m. Pereții au fost săpați ușor oblic până la adâncimea de 0,80 m. Complexul conținea puține oase de animale și fragmente ceramice ce proveneau de la vase de bucătărie (pl. 22,6-7), străchini (pl. 22,8-10), o ceașcă(?) (pl. 22,5) și un vas bitronconic (pl. 22,11).

gr. 9 – surprinsă parțial în carourile 5 A-B, avea probabil o formă neregulată în plan, pereții fiind săpați atât oblic cât și vertical până la o adâncime maximă de 1,20 m. Groapa conținea puțin material ceramic hallstattian atipic.

Secțiunea VII – a fost trasată pe același aliniament cu S I, S II și S VI, la o distanță de 5 m față de S VI, spațiu ce urma a fi cercetat în campaniile următoare. Lucrările efectuate asupra acestei suprafețe au ajuns la baza stratului de cultură, totuși insuficiența timpului disponibil și a fondurilor ne-au determinat să amânăm finalizarea cercetării pentru campaniile viitoare. Totuși la nivelul datelor înregistrate până în 2006 putem menționa încă două complexe care pot fi atribuite culturii Babadag:

gr. 3 – a fost identificată în zona centrală a secțiunii, în campania 2006 săpându-se jumătatea de N, din care provin două fragmente de la vase de bucătărie (pl. 23,1-2) și partea inferioară a unui vas bitronconic de dimensiuni mari (pl. 23,3). În profilul obținut am putut observa că groapa avea pereții săpați oblic spre interior până la adâncimea de 0,50 m.

gr. 5 (locuință?) – ocupa tot colțul de NV al secțiunii, fiind probabil partea unui complex de mari dimensiuni (locuință?), în care a fost descoperită ceramică hallstattiană (pl. 23,4-6). Pe marginea de S se puteau observa numeroase bucăți de chirpici puternic arse, probabil resturile unei suprastructuri.

Secțiunea VIII (S VIII/2006) (pl. 6). A fost trasată în continuarea sudică a S VI, la o distanță de 7,5 m de aceasta, cu scopul de a extinde cercetarea și în zona sudică a sitului dar și de a salva parțial informațiile arheologice din zona recent distrusă.

Dimensiunile suprafeței cercetate sunt de 4×12 m (48 mp, împărțită în 12 carouri de 2×2 m). Stratigrafic, sub solul vegetal gros de până la 0,10 m se află nivelul arheologic cu o consistență de până la 0,70 m, urmat de solul steril. La baza nivelului de cultură au fost identificate cinci gropi care conțineau material hallstattian și două morminte de înhumare din perioadă medievală.

gr. 1 – cercetată în carourile 3-4 B, a fost tăiată de profilul de E, unde s-a putut observa că deschiderea părții superioare era de aproximativ 0,50 m, iar cea a părții inferioare de 1,30 m, fiind săpată până la o adâncime de 0,80 m. În pământul de um-

plutură au fost descoperite puține oase de animale și fragmente ceramice ce proveneau de la un vas de bucătărie (pl. 23,9), două străchini (pl. 23,10-11), un vas bitronconic (pl. 23,7) și o ceașcă (pl. 23,8).

gr. 2 – a fost identificată în carourile 1-2 A, avea o formă aproximativ circulară în plan, cu un diametru de 1,75 m. Pereții au fost săpați relativ vertical până la o adâncime de 0,60 m. În pământul de umplutură au fost descoperite fragmente ceramice ce proveneau de la un vas bitronconic (pl. 24,2), două străchini (pl. 24,1,3) și două vase de bucătărie (pl. 24,4-5).

gr. 3 – era situată parțial în suprafața carourilor 4 A-B și avea o formă aproximativ circulară în plan cu diametrul maxim de 1,50 m. Pereții au fost săpați relativ vertical până la adâncimea de 0,40 m. Din interiorul gropii am recuperat o cantitate mică de oase de animale, precum și un fragment de strachină (pl. 25,5).

gr. 4 – avea o formă ovală și se întindea pe suprafața carourilor 4-5 A-B, fiind distrusă parțial de extragerea pământului galben. În profil se prezenta ca o alveolă cu adâncimea maximă de 0,40 m. În interiorul complexului am descoperit o ceașcă cu toarta supraînălțată (pl. 25,6) și un fragment de strachină (pl. 25,7).

gr. 5 – a fost cercetată parțial în carourile 5-6 B, fiind secționată în profilul de E, unde s-a înregistrat un diametru de 2,5 m și o adâncime de 0,70 m. Pereții au fost săpați oblic, deschiderea fiind mai mare decât baza. Din acest complex provin fragmente ceramice de la vase de bucătărie (pl. 25,8-9; 26,1-2), un vas bitronconic (pl. 26,3) și trei străchini (pl. 26,4-6).

Din planul topografic al cercetărilor din perioada 2003-2006 se poate observa concentrarea depunerilor și complexelor arheologice spre zona falezei (fig. 3), acestea scăzând în intensitate spre S. Din acest motiv putem considera că cea mai mare și mai importantă parte a sitului a fost distrusă de exploatarea loess-ului.

În cele patru campanii arheologice au fost cercetate 31 de complexe atribuite primei epoci a fierului, cele mai multe dintre acestea fiind gropi menajere sau de provizii. Un caz special îl reprezintă *gr. 8/ S II* care conținea oseminte umane aflate parțial în conexiune anatomică. Astfel de complexe au devenit „comune” în așezările culturii Babadag, numărul lor înmulțindu-se simțitor în urma cercetărilor și studiilor recente (Sîrbu 1994; Sîrbu 1997; Ailincăi et al. 2005-2006; Ailincăi et al. 2007; Ailincăi 2008a; Ailincăi 2008b; Ailincăi, Constantinescu 2008; Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2003; Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2005).

În privința locuințelor, pe lângă podeaua men-

ţionată în urma cercetărilor din 1979 (Lăzura, Mănuşu-Adameşteanu 1980), avem date despre posibila existenţă a unor bordeie în secţiunile cercetate în perioada 2003-2006. Dacă în privinţa complexului din S I/2003 sunt argumente solide pentru a-l considera o locuinţă ce avea o suprastructură uşoară realizată probabil din stuf legat cu pământ şi stabilizată la bază cu bucăţi mari de piatră (fig. 6), anumite urme de îndoială planează atât asupra gr. 2(locuinţă?) /S III, distrusă parţial de lutărie, cât şi a situaţiei nefinalizate din S VII/2006.

Inventarul arheologic

Aşa cum se poate observa din descrierea descoperirilor şi din ilustraţie, cea mai mare parte a descoperirilor din prima epocă a fierului, survenite în cursul campaniilor 2003-2006, constau în fragmente de recipiente ceramice la care se pot adăuga şi cele câteva obiecte realizate prin şlefuirea şi cioplirea pietrei.

Ceramica descoperită în cele patru campanii arheologice în situl de la Enisala-Palanca, prin categoriile descrise în cele ce urmează, poate fi considerată fără îndoială specifică culturii Babadag, asemănătoare mai ales cu cea provenită din nivelurile superioare ale aşezării eponime.

A. Vasele bitronconice sunt reprezentate prin 31 de fragmente, majoritatea provenind din partea superioară (margine şi parţial gât) (pl. 8,3-4; 10,9-10,14; 15,3-4,6; 16,4; 17,4-5; 18,2; 19,2; 20,5; 21,1-2,7; 22,2; 23,7; 26,3) sau din zona mediană a unor astfel de recipiente (pl. 9,4; 10,11-13; 11,1-3; 22,11; 23,3; 24,2).

Deşi starea fragmentară îngreunează stabilirea unei tipologii obiective, putem deosebi totuşi câteva modalităţi de realizare a acestui tip de vas. Astfel, singurul exemplar întreg ilustrează o formă suplă, cu gâtul lung şi diametrul maxim dispus în partea inferioară, unde au fost realizate patru apucători în formă de potcoavă (pl. 11,1). O altă variantă poate fi reprezentată de partea inferioară a unui recipient de mari dimensiuni, al cărui diametru maxim pare să fi fost dispus în zona mediană sau superioară, loc unde se regăsesc patru proeminenţe aplicate diametral opus (pl. 23,3). De asemenea, alte fragmente demonstrează existenţa unor astfel de vase de dimensiuni diferite, dar a căror formă este greu de reconstituit din cauza stării lor fragmentare (pl. 9,4; 11,2-3; 22,11).

Deşi pe cele mai multe dintre fragmentele studiate nu au fost sesizate urme de decorare, există câteva cazuri în care au fost realizate şiruri de puncte incizate simple (pl. 10,12; 24,2) sau duble (pl. 10,11; 11,3).

B. Ceştile reprezintă fără îndoială o categorie

importantă a ceramicii de tip Babadag. Din lotul analizat am reuşit să identificăm 23 de astfel de recipiente păstrate mai ales în stare fragmentară.

O primă variantă o pot reprezenta ceştile cu corpul bitronconic, marginea uşor răsfântă spre exterior, aspect plat şi o toartă supraînălţată. Acestei categorii îi putem atribui două exemplare întregi (pl. 9,2; 25,6) şi probabil cea mai mare parte a recipientelor păstrate fragmentar (pl. 8,2; 10,2-3, 5-8; 15,2; 16,3; 20,2). Un alt tip este reprezentat de recipiente cu corpul bitronconic, marginea răsfântă spre exterior şi diametrul maxim dispus în zona inferioară, unde au fost realizate mici proeminenţe conice dispuse simetric. Aceste vase au aspect suplu şi o toartă supraînălţată, aşa cum se poate observa în cazul exemplarelor întregi sau întregibile grafic (pl. 17,1; 20,6; 21,4). Tot în această categorie putem include şi câteva exemplare din care se păstrează zona torţii (pl. 9,8; 10,1) sau porţiuni importante din corp (pl. 9,7; 10,4; 18,1). Un alt exemplar de dimensiuni reduse, păstrat integral, sugerează existenţa unei forme bitronconice cu marginea trasă spre interior (pl. 9,3), la fel ca şi un fragment descoperit în S VI (pl. 22,5). Tot în categoria ceştilor cu o singură toartă putem încadra şi un mic vas de formă tronconică confecţionat dintr-o pastă uşor mai grosieră decât exemplarele de până acum (pl. 23,8). Deşi nu au fost descoperite în campaniile 2003-2006, ceştile cu două toarte supraînălţate sunt prezente probabil prin exemplarul fragmentar descoperit în gr. 1 din S I/1979 (fig. 7,11).

Patru dintre ceştile identificate prezintă caneluri oblice în zona diametrului maxim (pl. 10,3; 16,3; 20,6; 21,4), în vreme ce alte două au în zona îmbinării gâtului cu corpul câte un şir de puncte (pl. 10,2,6) iar un singur exemplar o bandă realizată prin imprimare (pl. 8,2).

C. Străchinile reprezintă cea mai numeroasă categorie ceramică documentată în aceste campanii în aşezarea de la Enisala-Palanca. Păstrate în cea mai mare parte fragmentar, acestea sunt reprezentate prin părţi ale zonei superioare. Din acest motiv, singurul criteriu obiectiv de stabilire a unei tipologii este modul de realizare al marginii.

O primă categorie şi cea mai numeroasă o reprezintă străchinile cu deschiderea restricţionată (marginea fiind înclinată mai mult sau mai puţin spre interior). Dintre acestea 20 au marginea decorată cu caneluri oblice (pl. 8,7; 9,5; 12,2-3; 13,1.3; 16,1.8; 19,6; 20,7; 21,9; 22,1; 23,11; 24,1.3; 25,5.7), iar în 30 de cazuri aceasta este dreaptă sau uşor undulată (pl. 9,6; 11,4-5.7; 12,1.6-7; 13,2.4-6.8; 15,10; 16,9; 17,6-7; 20,4; 21,3.5.6; 22,8-10; 23,3.6.10; 25,2; 26,4.6).

Străchinile cu deschiderea nerestricționată sunt mult mai puțin numeroase, cele mai multe dintre fragmentele încadrate în această categorie sugerând existența unor vase ceva mai înalte (pl. 13,7; 15,5; 19,5; 26,5) dar și a unui bol de mici dimensiuni (pl. 16,2). Doar un singur exemplar are marginea răsfrântă spre exterior (pl. 9,1).

Ca și în celelalte situri ale culturii Babadag, străchinile reprezintă o categorie ceramică rareori decorată, cu motive realizate prin incizare și imprimare. În cele mai multe cazuri se poate observa realizarea unor caneluri oblice pe marginea vaselor. Totuși două fragmente păstrează un decor format din două șiruri paralele de puncte incizate (pl. 11,5; 15,10) sau alveole (pl. 9,1), iar într-un caz buza a fost decorată cu linii oblice incizate (pl. 21,3). La câteva exemplare se poate observa realizarea unor proeminențe în zona marginii (pl. 24,3; 25,3; 26,4) sau pe corp (pl. 13,6) cu rol de apucători.

D. Vasele de bucătărie, confecționate din pastă grosieră, sunt și ele prezente într-un număr destul de mare (50 de exemplare). Având în vedere starea lor fragmentară, este dificil să reconstituim dimensiunile lor reale, care fără îndoială erau variabile. Din punct de vedere al formei predomină vasele cu contur curbat și deschidere restricționată, cu un aspect mai mult sau mai puțin suplu, deschidere largă, partea superioară fiind ușor trasă spre interior. În cele mai multe cazuri, în zona superioară a corpului se regăsesc brăuri alveolate și apucători (pl. 8,1.5.8; 14,3.5.9; 15,1.7-9; 18,4-5; 20,1; 22,8; 22,4.6-7; 23,1-2.4.9; 24,4.7-8; 25,1.3.9; 26,1-2).

Mai multe fragmente ceramice sugerează și existența unei forme independente cu contur curbat. Vasele din această categorie aveau probabil un aspect suplu, corpul bombat, gâtul scurt și larg, marginea trasă spre exterior iar pe umăr erau realizate obișnuitele brăuri alveolate și apucători (pl. 8,6; 14,2.4.6; 16,6-7; 19,3; 22,3; 24,5; 25,8). Un procent redus îl dețin și recipientele din această categorie care au o formă simplă cu deschidere nerestricționată, marginea fiind verticală (pl. 14,7; 17,3; 19,4; 20,3; 24,6) sau oblică spre exterior (pl. 14,1.8; 21,10).

E. Capacele sunt accesorii mai puțin cunoscute în repertoriul ceramic al culturii Babadag. Din cercetările efectuate în situl de la Enisala-Palanca în campaniile 2003-2006 provine un singur exemplar confecționat dintr-o pastă de calitate grosieră preparată cu aditivi non-plastici de granulație mare. Arderea și modelarea era făcută mai mult rudimentar, fapt ce îi dă un aspect neîngrijit. Acesta avea o

formă conică, apucătoarea fiind realizată prin impresiunea degetelor în lutul moale, fapt ce a creat trei alveole (pl. 18,3).

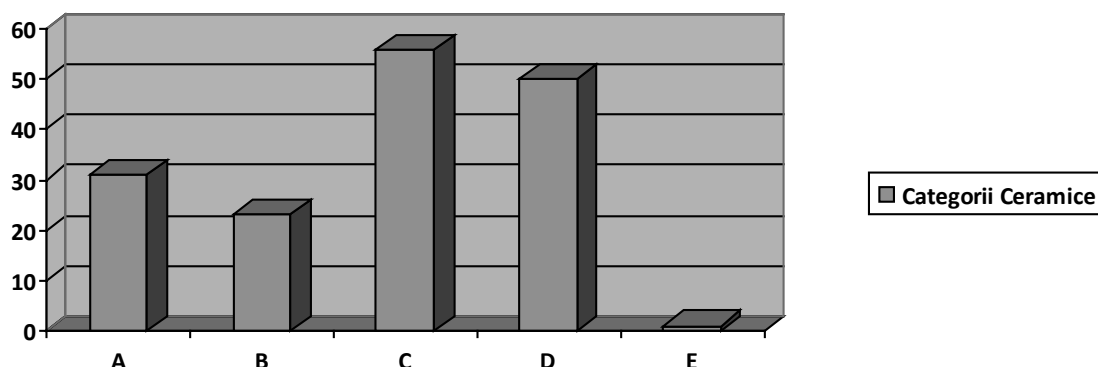
Deși probabil subiectivă prin excluderea materialului ceramic din campaniile 1969, 1979 și 1986, o analiză procentuală a categoriilor ceramice înregistrate în acest articol arată preponderența străchinilor (34,78%) și vaselor de bucătărie (31,56%), vasele bitronconice și ceștile prezentând un procentaj mai redus (19,25%, respectiv 14,29%) (grafic 1).

Un alt element asupra căruia trebuie să atragem atenția ar fi existența decorurilor realizate prin imprimare și în această așezare atribuită fazei finale a culturii Babadag, în ciuda criteriilor fixate de S. Morintz în urma cercetărilor sale de la Babadag (Morintz 1964; Morintz 1987). Deși cea mai mare parte a ceramicii descoperite în campaniile 2003-2006 nu este decorată, loturile din campaniile mai vechi³ (fig. 5,7) păstrează motive ornamentale imprimate sau/și incizate, realizate însă într-o manieră mai puțin complicată în comparație cu reprezentările mai timpurii, precum cele din nivelurile inferioare ale așezării de la Babadag (Morintz 1964; Morintz 1987; Morintz, Jugănar 1995; Morintz, Jugănar, Munteanu 1995) sau cele din așezările de la Jijila-Cetățuie (Sîrbu, Ailincăi, Simion 2008), Niculițel-Cornet (Topoleanu, Jugănar 1995), Platonești-Valea Babii (Rența 2008), Revărsarea-Dealul Tichilești (Ailincăi 2010a), Țibrinu-lă Lac (Ailincăi, Dobrinescu 2006) ș.a.

Această observație nu face decât să pună sub semnul întrebării periodizarea în trei faze de evoluție a culturii Babadag, bazată pe caracteristici stilistice. Criteriile fixate de S. Morintz nu rezistă unei analize bazate pe contextul arheologic al descoperirii, cele trei tehnici de ornamentare (incizie, imprimare, canelură) fiind mai mult legate de decorarea unor anumite tipuri de vase fără a reprezenta un indiciu cronologic, fapt indicat și de asocierea lor în complexe închise și niveluri. Stratigrafia de la Babadag, cu cele șase niveluri de locuire identificate atât în cercetările vechi cât și în cele recente, indică mai degrabă faptul că spre sfârșitul evoluției culturii Babadag se înregistrează o scădere considerabilă a frecvenței decorării recipientelor, tipurile de vase și de decor fiind în linii mari aceleași, fapt vizibil și în așezarea de la Enisala-Palanca.

Obiecte din piatră. Studiarea utilajului litic nu a reprezentat până în prezent o preocupare majoră pentru cercetătorii care și-au dedicat activita-

³ Numărul fragmentelor ceramice decorate cu motive imprimate și incizate descoperite în campaniile 1979 și 1986 este sensibil mai mare decât cel expus în fig. 3 și 7. Trebuie să subliniem faptul că ceramică decorată prin imprimare a fost descoperită și în gr. 1/1979 de unde provine și fibula din bronz cu buclă pe arc, principalul indiciu pentru o datare târzie a așezării.

Grafic. 1. Frecvența categoriilor ceramice în cadrul lotului descoperit pe parcursul campaniilor 2003-2006.

tea studierii culturii Babadag. În articolele sale referitoare la cercetările din aşezarea eponimă, S. Morintz aminte de descoperirea în unele gropi a unor obiecte de piatră (percutoare, lustruitoare și topoare–ciocan) și de silex (lame și răzuitoare) (Morintz 1987, 46), acestea fiind însă ilustrate într-o mică măsură (Morintz, Jugănar, Munteanu 1995; Jugănar 2005). Alte câteva unelte litice au fost publicate în urma cercetărilor de la Bucu–*Pochină* (Rența 2008, 103), Enisala–*Cetatea Medievală* (Dragomir 1974, fig. 3,1-6), Garvăn–*Mlăjitul Florilor* (Jugănar 2005), Luncavița–*Valea Joiței* (Ailincăi 2008c), Platonești–*Valea Babii* (Rența 2008, 103), Satu Nou–*Valea lui Voicu* (Irimia, Conovici 1993) sau Siliștea (Stoian 2007).

Pe parcursul celor patru campanii arheologice prezentate în acest articol au fost identificate doar trei obiecte din piatră ce pot fi atribuite locuirii din prima epocă a fierului. Primul dintre acestea este un percutor de formă ovală descoperit în S III, gr. 2. Pe întreaga sa suprafață sunt vizibile urmele utilizării, sub forma unor spărturi de diferite dimensiuni. Modul de realizare a piesei indică un interes redus cu privire la partea *estetică*, autorul fiind strict interesat de latura funcțională a obiectului (pl. 17,8).

Din S VIII provine un frecător cu o formă aproximativ ovală, aplatizată ca urmare a utilizării (prezintă trei fețe de utilizare, două distruse parțial). Ulterior rolului de frecător, a fost folosit probabil ca percutor, ceea ce a determinat spargerea și desprinderea unei părți semnificative. Spărturi și mici desprinderi ale unor bucăți sunt vizibile și pe suprafața păstrată (pl. 25,4).

Un al treilea obiect din piatră șlefuită, descoperit în S II, gr. 7, avea o formă trapezoidală, cu marginile drepte și întreaga suprafață șlefuită, fiind păstrat în stare fragmentară (pl. 16,5) (Dimensiuni: L păstrată – 6,5 cm; l partea superioară – 1,9 cm; l bază – 2,5 cm; grosime – 1,1 cm). La partea

superioară piesa prezintă o perforație circulară, obținută prin mișcare rotativă, a cărei margine a fost lărgită către exterior pe ambele fețe, semn al uzurii apărute ca urmare a prinderii piesei, cel mai probabil printr-o țesătură de fibre vegetale introdusă prin perforație. Prin intermediul aceleiași țesături piesa putea fi atașată unei structuri de țesut sau plase de pescuit. Poziția suspendată în care se afla făcea ca toată greutatea să fie pe partea superioară a perforației, ceea ce a condus la apariția urmelor de uzură menționate anterior. Piesa a funcționat probabil ca greutate.

Pieselor menționate mai sus li se adaugă cele două topoare cu gaură transversală pentru fixare a cozi, descoperite în campania 1969. Primul dintre acestea (Cas. A, - 0,50 m) avea o formă triunghiular alungită, fiind perforat în vederea atașării unei cozi. Întreaga suprafață a fost șlefuită intens și cu multă atenție. Urmele circulare din interiorul perforației sugerează maniera în care a fost realizată: prin rotirea continuă a unui element (o ipoteză ar fi utilizarea unui băț de stuf în combinație cu nisip – tehnica perforației rotative). Spărturile și fisurile prezente pe partea activă stau mărturie pentru folosirea toporului în cadrul unor activități ce au presupus șocuri puternice. De altfel, considerăm că și spargerea piesei la nivelul perforației s-a produs tot ca urmare a unui asemenea eveniment (fig. 5,11).

Cel de al doilea exemplar (S I/1969, c. 7 - 0,20-0,30 m) prezenta o formă aproximativ triunghiulară, marginile bine individualizate prin șlefuire, fiind perforat în vederea atașării unei cozi. Și în acest caz se pot observa în interiorul perforației urme circulare, ce indică același tip de acțiune pentru obținerea ei. Șlefuirea s-a realizat pe întreaga suprafață în mod uniform, prin intermediul acestei acțiuni obținându-se margini foarte pronunțate pe ambele fețe. Partea activă prezintă urme de uzură, prin existența unor spărturi precum

și a procesului de tocare. De asemenea, toporul a fost spart la nivelul perforației, similar piesei anterioare, probabil în urma unui șoc ce s-a dovedit prea puternic (fig. 5,10).

Tot în campania din anul 1969, în Cas. A, -0,50 m a fost descoperită și o lamă din silex cu profil rectangular, cu următoarele dimensiuni: L – 4 cm; l.max. – 2,5 cm; Gr. – 0,7 cm. Pe suprafața sa pot fi observate depuneri produse pe parcursul șederii în pământ, materia primă utilizată fiind un silex maroniu închis. Suportul a fost debitat, bulbul este discret, iar talonul neted. Cele două nervuri au o dispunere paralelă. Retușele au putut fi sesizate doar pe margini. Acestea au o poziție alternantă pe marginea stângă și directă pe cea dreaptă, localizarea mezială, repartiție parțială, dispunere rectilinie, întindere revărsată, înclinare abruptă și morfologie decortă. Unealta se încadrează în tipul lamelor retușate cu profil rectangular (fig. 5,12).

Obiecte din metal. Singurul obiect din metal descoperit în situl de la Enisala–Palanca, ce poate fi atribuit primei epoci a fierului, este fibula de bronz din gr. 1, S I/1979. Aceasta avea piciorul în formă de clepsidră, două resorturi și o buclă pe arc (Lăzurcă, Mănușu-Adameșteanu 1980, 152, fig. 7,5,6; Bader 1983, 83, fig. 29,224; Jugănar, Ailincăi, Țârlea 2004, 132-133, fig. 1,3) (fig. 7,2).

Concluzii. Considerații cronologice

Cunoscut în literatura de specialitate încă din anii '70 ai sec. XX, situl de la Enisala–Palanca a adus și va aduce fără îndoială numeroase date referitoare la mai multe perioade istorice care vor fi tratate pe viitor într-o manieră monografică. Referindu-ne la vestigiile din prima epocă a fierului, trebuie să atragem atenția că acestea nu sunt singulare în arealul complexului lagunar Razim-Sinoe. În acest sens amintim mai întâi o locuire a culturii Babadag identificată la 500 m SE de punctul Palanca, chiar pe Dealul Gras (pl. 1), unde a fost ridicată ulterior cetatea medievală (Dragomir 1974). La aproximativ 4 km V, la vărsarea pârâului Tabana se află situată așezarea eponimă (Morintz 1964; Morintz 1986; Morintz 1987; Morintz, Jugănar 1995; Morintz, Jugănar, Munteanu 1995); cele două puncte fiind reciproc vizibile (fig. 4), la fel ca și locuirea din punctul La Bursuci, situat la S de localitatea Sarichioi (Ailincăi, Micu 2006). Tot în același areal mai sunt semnalate locuirile identificate la Orgame (Coja 1972; Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2003; Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2006) și Istros⁴. Aceste ultime două descoperiri ridică o problemă destul de importantă, și anume aceea a

raportului purtătorilor culturii Babadag cu primii coloniști greci.

Din acest punct de vedere importantă ar fi o reconstituire cât mai obiectivă a zonei pentru epoca preistorică. Cercetările privitoare la evoluția Deltei Dunării au arătat că aceasta s-a format într-un golf maritim ce includea atât teritoriul său actual cât și al lagunei Razim-Sinoe, prin aluviunile aduse de Dunăre sau re-sedimentate de curentul circular al Mării Negre, care a creat în Pleistocen sistemul de grinduri conjugate din Delta (Letea, Caraorman). După formarea acestui sistem de grinduri, care au închis golful inițial, teritoriul Deltei a devenit o lagună, ce a evoluat ulterior în strânsă legătură cu cele trei brațe, în ordinea formării lor: Sfântu Gheorghe, Sulina și Chilia. Încă din 1983 a fost propusă o cronologie absolută referitoare la formarea Deltei Dunării, bazată pe rezultatele unor date ¹⁴C prelevate de pe scoici bivalve: 1. formarea barierei de aluviuni la cca 12700-8000 B.P.; 2. brațul Sf. Gheorghe I s-a format între 10100-7400 B.P.; 3. formarea brațului Sulina între 7400-1400 B.P.; 4. brațele Sf. Gheorghe II și Chilia și-au început evoluția în jur de 2800 B.P., formarea lor continuând și în prezent (Panin *et al.* 1983, 249-255).

Noile studii efectuate pe grindul Caraorman au inclus și prelevarea unor date ¹⁴C de pe scoici articulate. Pe baza acestor date s-a constatat că sfârșitul formării brațului Sf. Gheorghe I în faza regresivă este concomitent cu începutul formării brațului Sulina la cca 3640 ± 140 B.P., iar sfârșitul fazei regresive a acestuia s-a produs între 2000-1700 B.P. În același timp, primul nivel de aluviuni depus de brațul Chilia apare mult mai târziu, abia spre 1200 B.P. (Giosan *et al.* 2006, 758-759).

Formarea complexului lagunar Razim-Sinoe este legată direct de geneza Deltei Dunării. Cordonul litoral care îl închide are o vârstă relativ recentă, cuprinsă între 1500-3500 de ani. După formarea acestuia, ca un cordon relativ unitar, au dispărut practic și cetățile-porturi Histria și Enisala (Romanescu 2006, 67). Acest proces era în desfășurare în perioada primei epoci a fierului, din acest motiv putem considera că așezările de la Babadag, Enisala, Sarichioi, Orgame, Istros erau situate într-un golf (*Halmyris*) la Marea Neagră, a cărui apă avea probabil o salinitate redusă (fig. 8).

Din punct de vedere cronologic, locuirea halstattiană de la Enisala–Palanca a fost încadrată încă din 1980 în cea de a treia fază de evoluție a culturii Babadag (Lăzurcă, Mănușu-Adameșteanu 1980), conform cronologiei propuse de S. Morintz (Morintz 1964, Morintz 1987). Datarea târzie a acestei locuiri este susținută și de fibula de bronz

⁴Fragmente ceramice specifice culturii Babadag, descoperite la Histria, ne-au fost arătate de dr. C. Domăneanu.

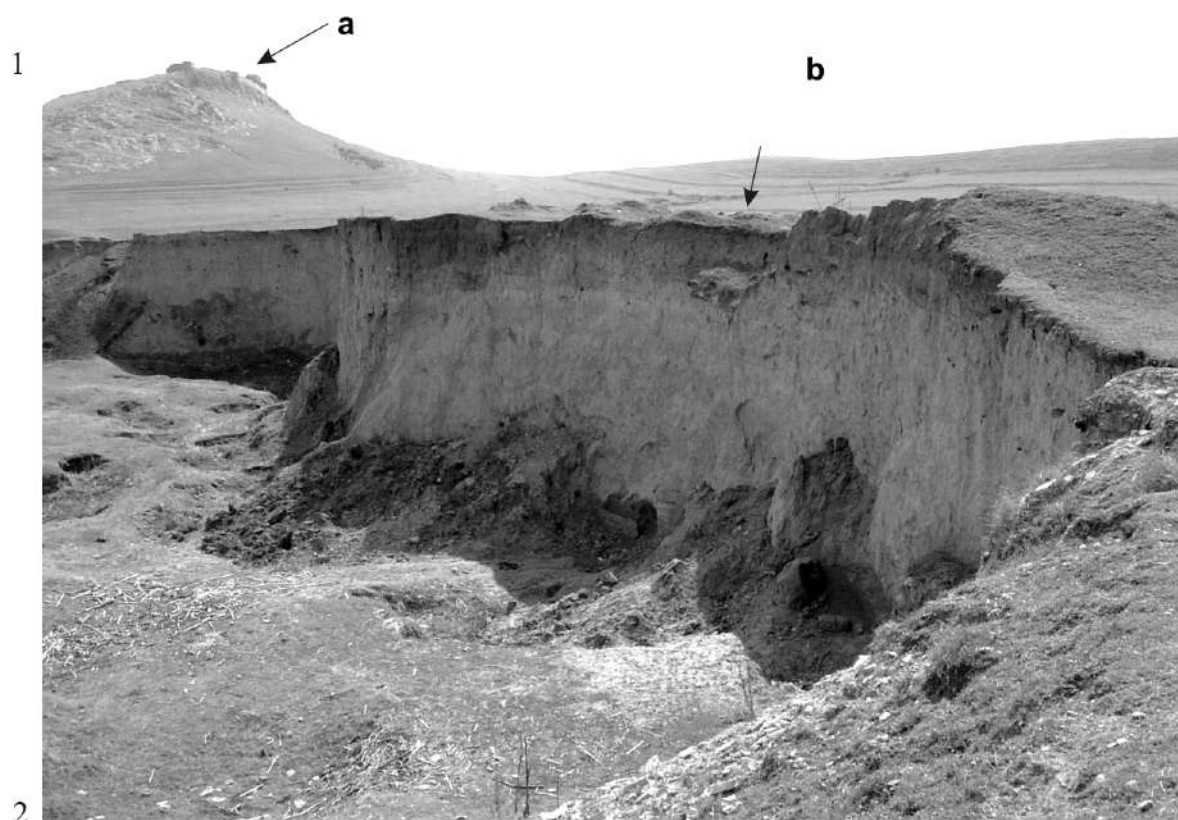
cu buclă pe arc, pe care inițial autorii descoperirii o găseau asemănătoare cu un fragment descoperit în mormântul nr. 1 scitic de la Simeria datat în sec. V a.Chr.; de altfel nici T. Bader nu i-a găsit o analogie potrivită la acea vreme (Bader 1983, 85). Cercetătorul bulgar T. Stoyanov este primul care a observat asemănările cu un exemplar descoperit în Creta, la Psychro (Stoyanov 1997, 77; Sapouna-Sekellarakis 1978, 51, fig. 7,216), datat în perioadă geometrică (tipul IIg după Sapouna-Sekellarakis). Descoperirea recentă a unei astfel de fibule în aşezarea de tip Basarabi de la Mironeşti–*Malu Roşu* (Popa, Schuster 2007, 161, fig. 14,3) susţine încă o dată datarea propusă pentru faza finală a culturii Babadag (cel puțin în sec. VIII a.Chr.), cât și pentru contemporaneitatea cel puțin parțială cu *fenomenul* Basarabi (vezi Ailincăi 2010b).

Stabilirea cu precizie a finalului culturii Babadag este în momentul de față greu de realizat, mai ales în lipsa aplicării unor metode moderne de datare. Elemente noi ar putea aduce însă raportarea cronologică față de unele date istorice, cum ar fi de exemplu întemeierea coloniilor grecești din vestul Mării Negre.

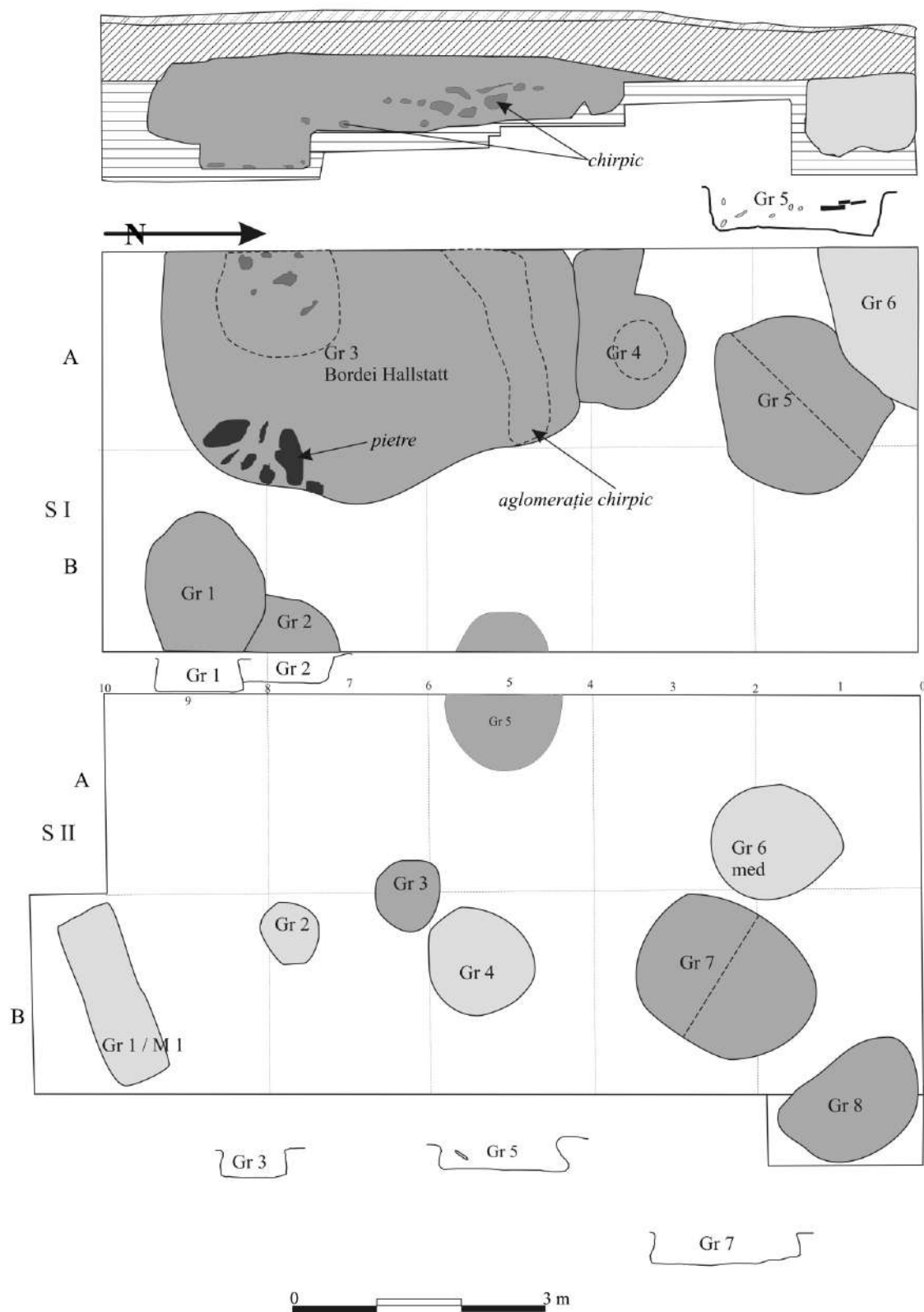
Așa cum am arătat în cele de mai sus, amplasamentul siturilor hallstattiene pe malul unui golf al Mării Negre ar fi înlesnit contactul coloniștilor

greci cu autohtonii, fapt care însă nu a fost încă demonstrat arheologic în situl de la Enisala–*Palanca* și în ultimele niveluri ale aşezării eponime, probabil contemporane și reprezentând cele mai târzii dovezi ale existenței culturii Babadag cunoscute până în prezent.

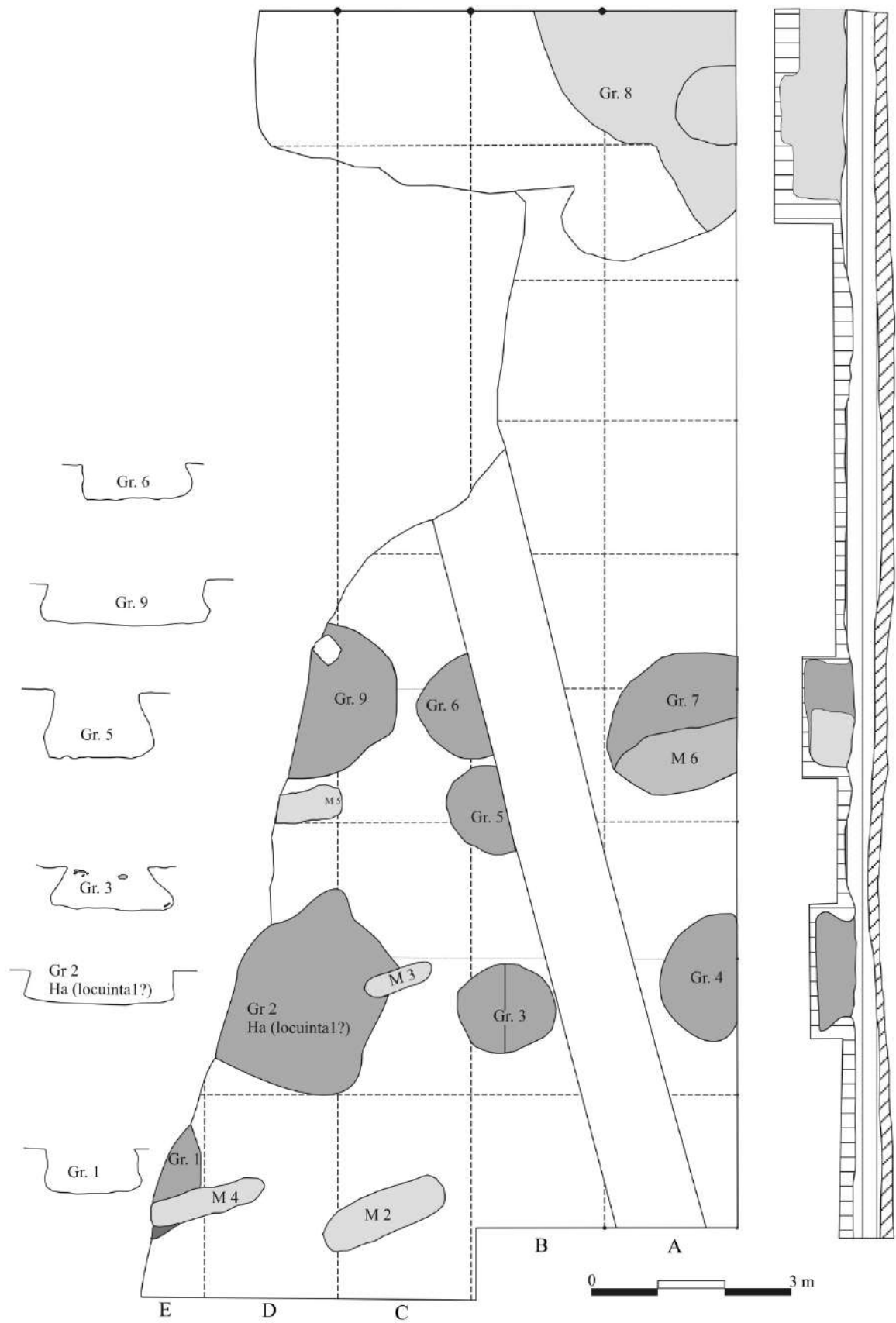
În momentul de față putem considera finalul culturii Babadag până spre mijlocul sec. VII a.Chr., cel mai probabil la începutul acestui veac. Astfel, în opinia noastră, manifestarea culturală de tip Babadag nu mai exista în momentul sosirii aici a primilor coloniști greci. Cea mai veche colonie grecească de pe coasta vestică și probabil din întregul bazin al Mării Negre pare să fi fost *Istros*, fondată de coloniști milesieni pe la jumătatea secolului VII a.Chr., undeva între 657-630 a.Chr. (Alexandrescu 1962; Alexandrescu 1978; Avram 2001; Dimitriu 1964; Dimitriu 1965; Dupont 1983; Vulpe 1997). Aproximativ aceeași datare o urmează și descoperirile cele mai vechi de la *Orgame*, unde pe lângă cele câteva fragmente ceramice din seria *Middle Wild Goat I*, databile în cel de al treilea sfert al secolului al VII-lea (Mănuclu-Adameșteanu 2000; Mănuclu-Adameșteanu 2008, 16.18-19) a fost cercetat și un complex funerar databil pe la 650-630 a.Chr. (Lungu 2000).

Pl. 1. Așezările din prima epocă a fierului de la Enisala. 1, vedere aeriană asupra siturilor din prima epocă a fierului de la Enisala: a, Cetatea Medievală; b, Enisala-Palanca 2, vedere dinspre NV asupra siturilor de la Enisala-Palanca și Cetatea Medievală.

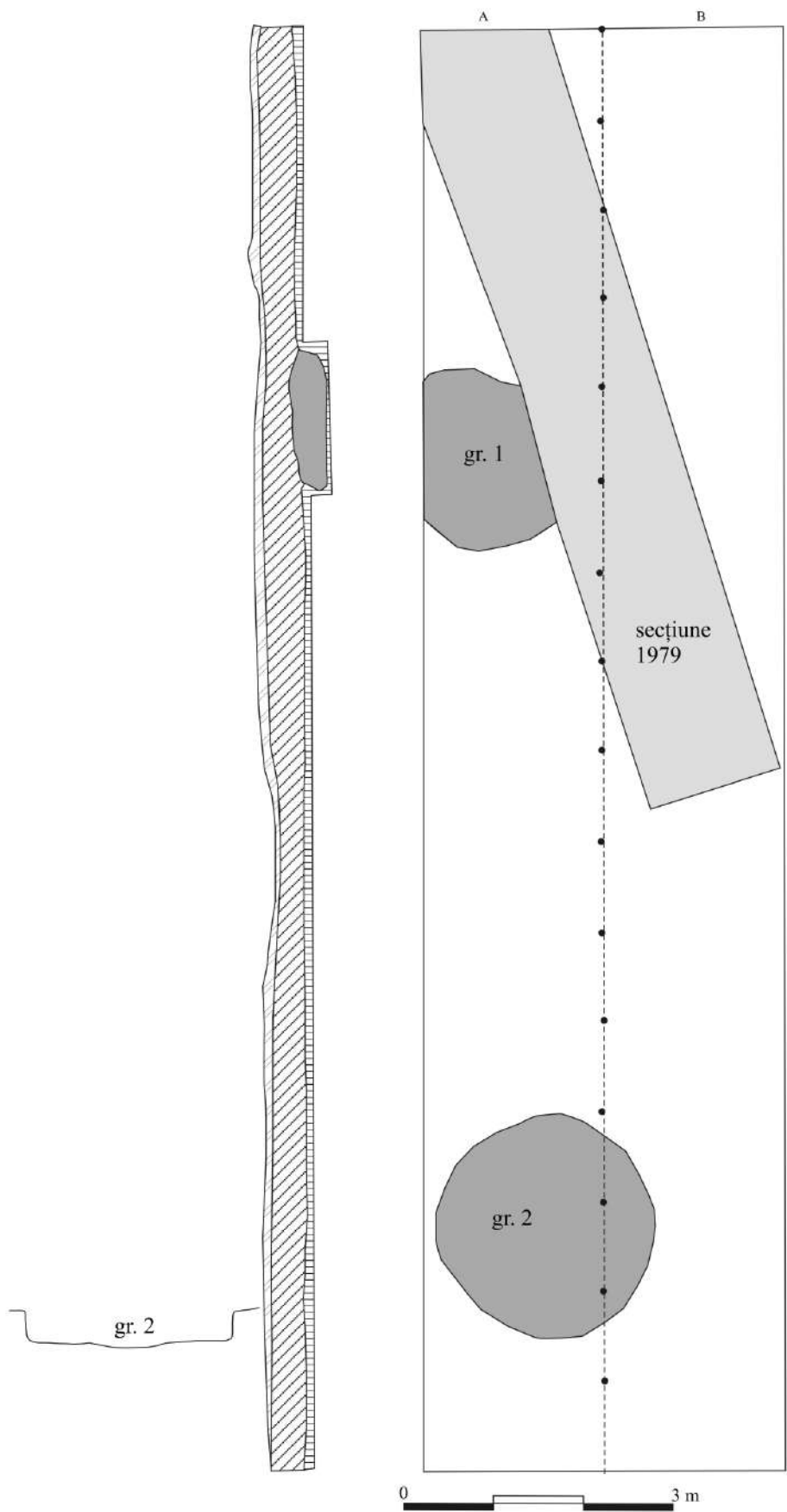
Pl. 2. Aşezarea de la Enisala–Palanca: S I şi S II, plan şi profil.

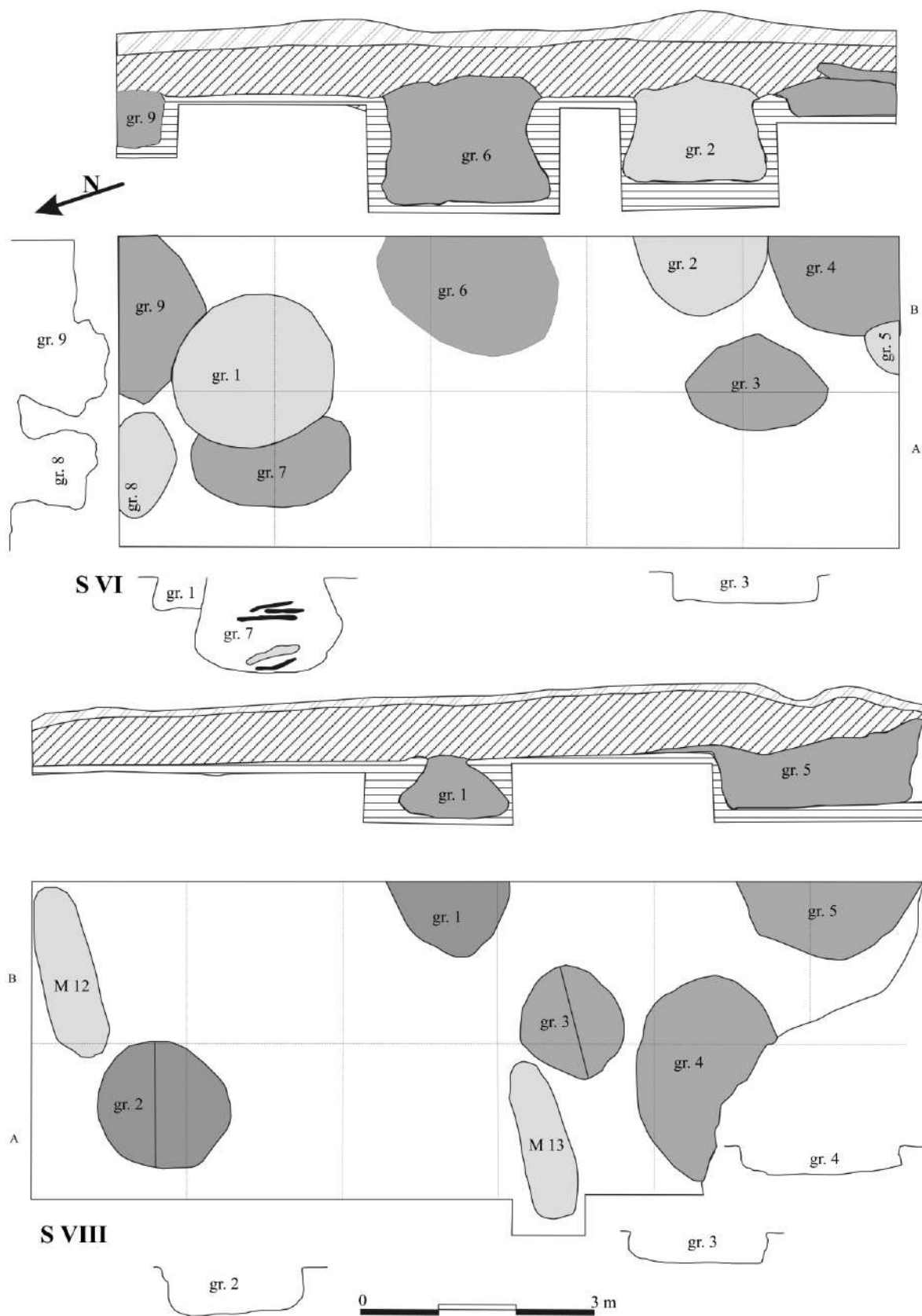
Pl. 3. Așezarea de la Enisala-Palanca: Planul și profilul de E al S III.

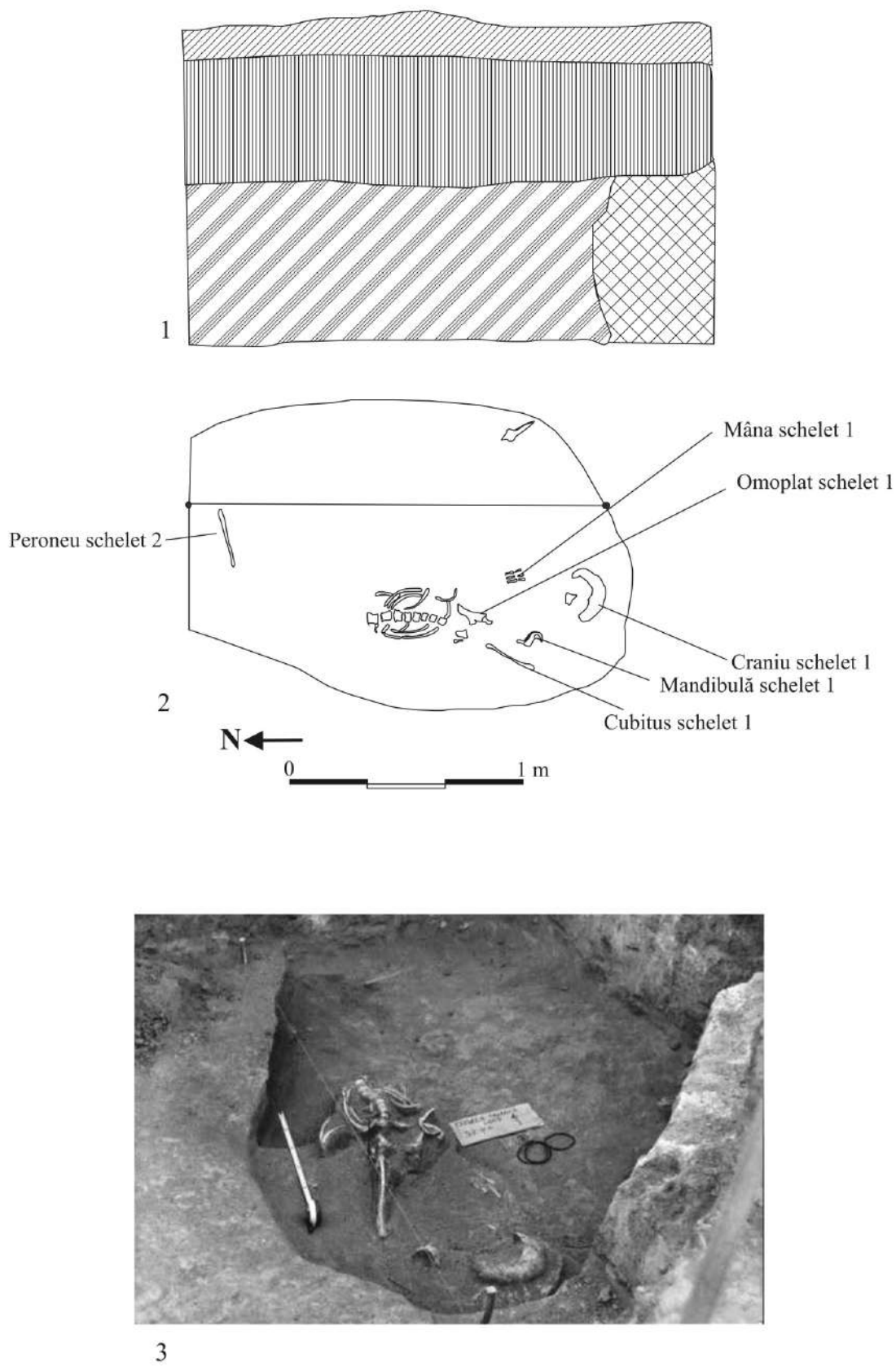
Pl. 4. Aşezarea de la Enisala-Palanca: Planul şi profilul de V al S IV.

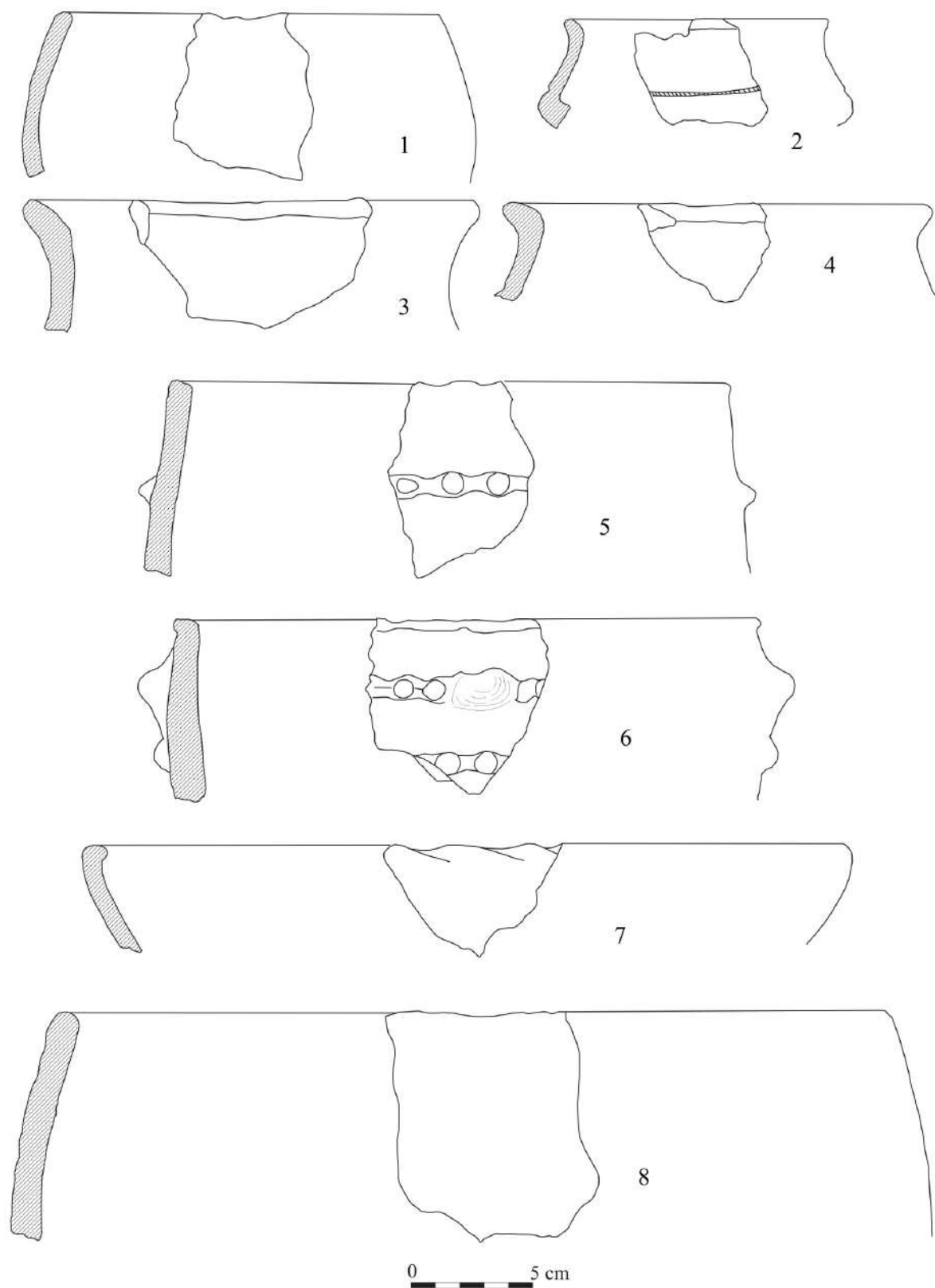
Pl. 5. Așezarea de la Enisala-Palanca: Planul și profilul S V.

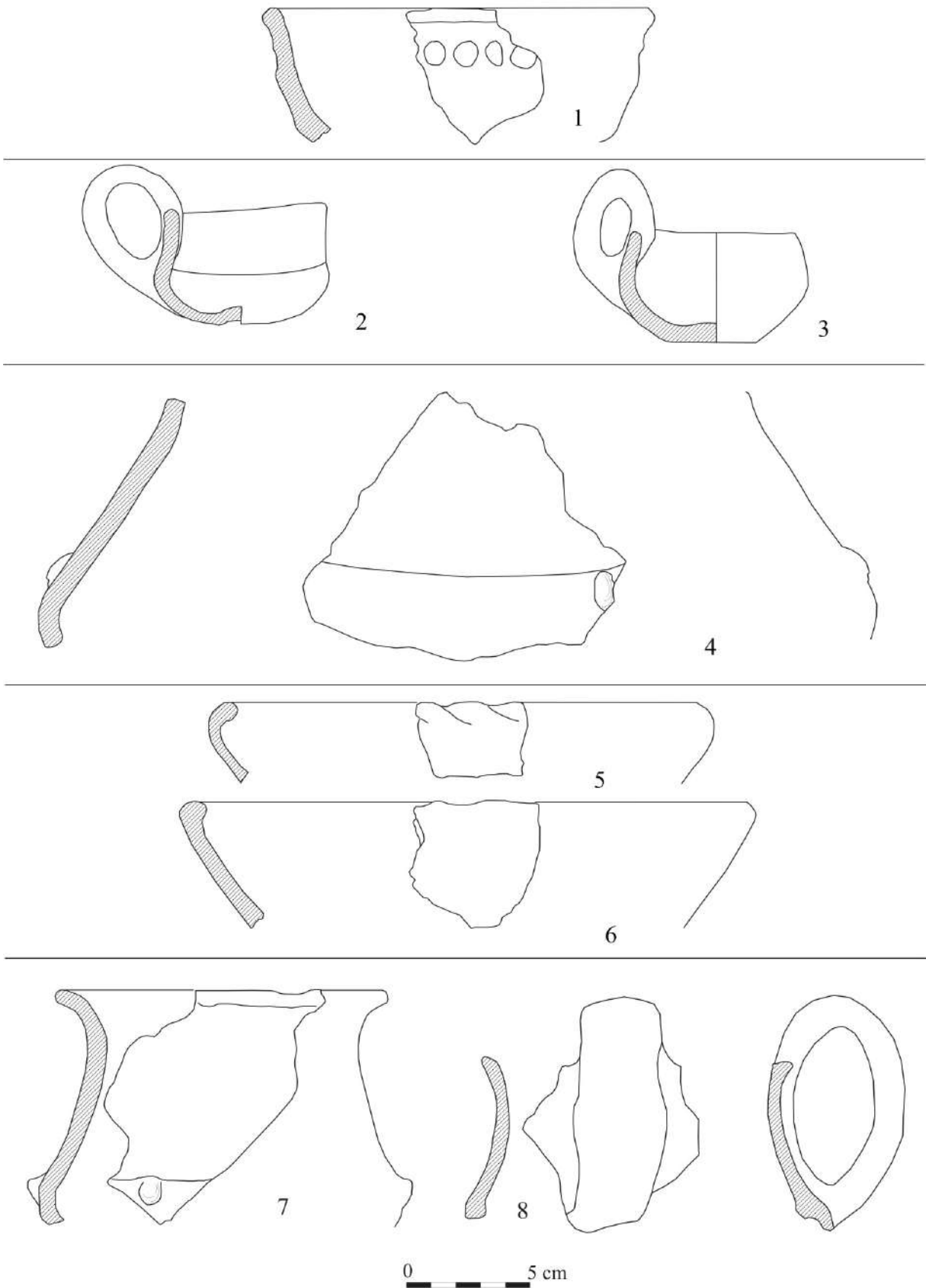
Pl. 6. Aşezarea de la Enisala–Palanca: Planuri şi profiluri: S VI şi S VIII.

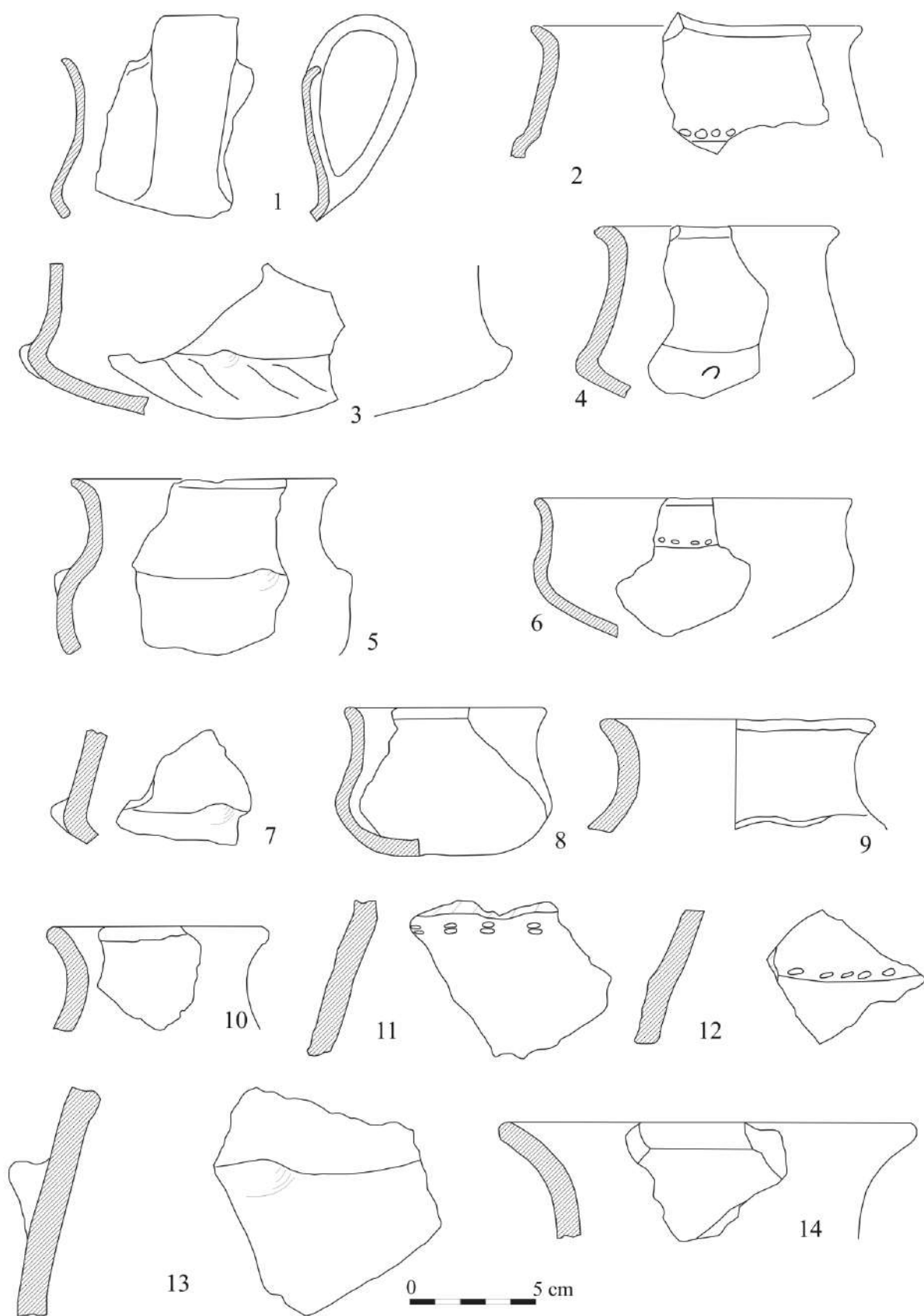
Pl. 7. Așezarea de la Enisala–Palanca: gr. 8 – complexul cu oseminte umane.

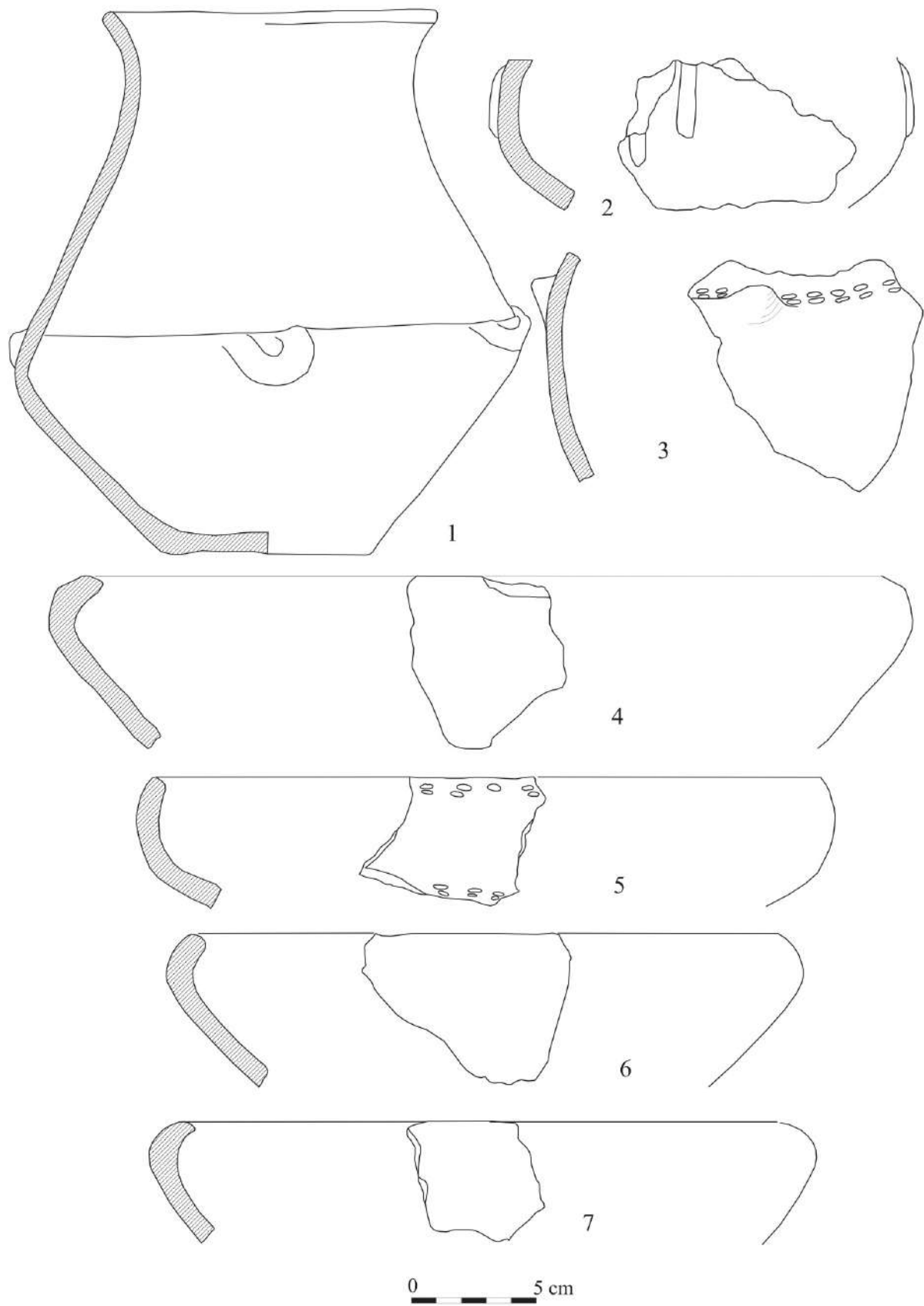
Pl. 8. Aşezarea de la Enisala–Palanca: S I. 1-8, c. 1-2, nivel vegetal.

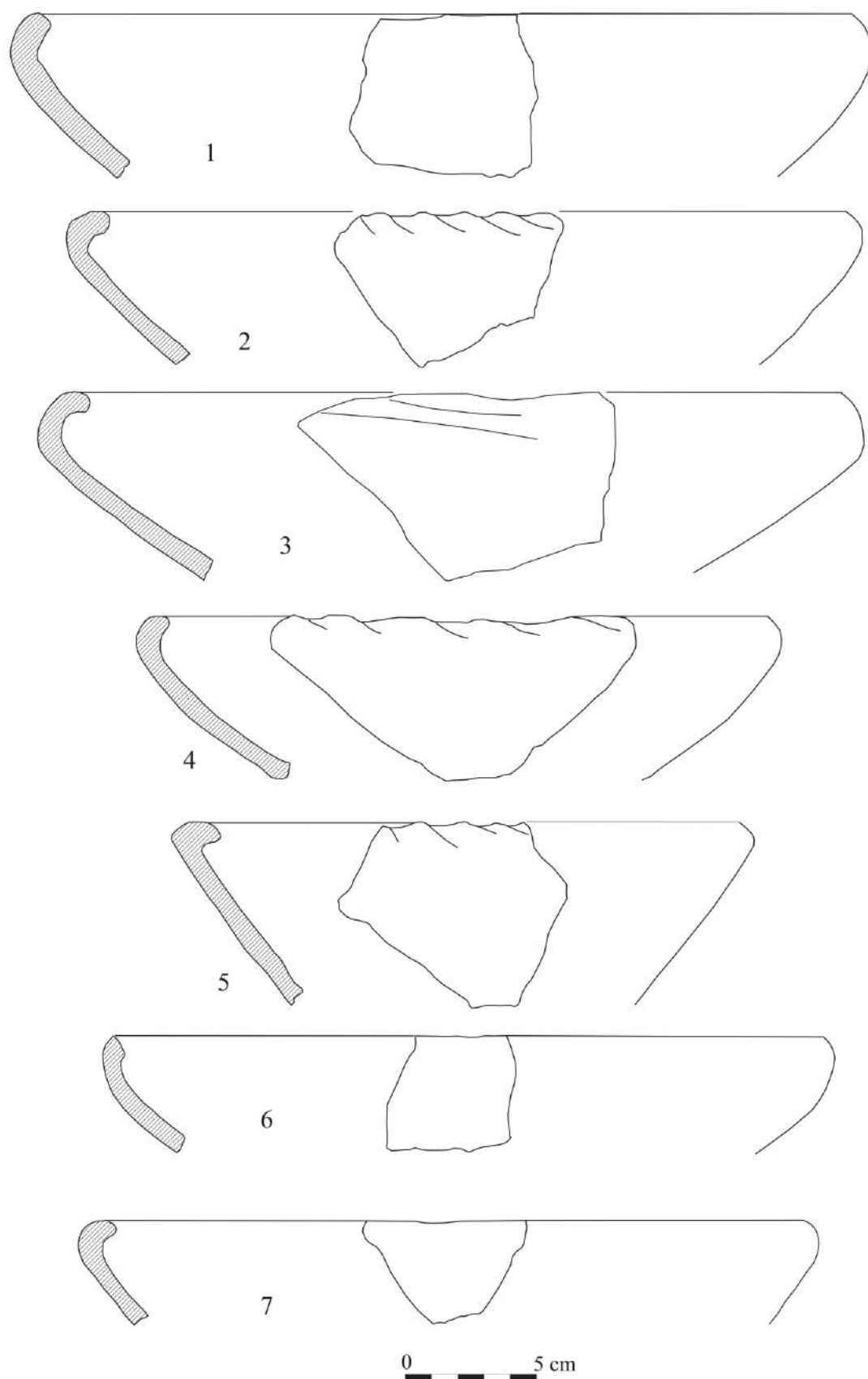
Pl. 9. Așezarea de la Enisala-Palanca: S I. 1. gr. 1; 2-3, gr. 2; 4, gr. 4; 5-6, gr. 5; 7-8, bordei.

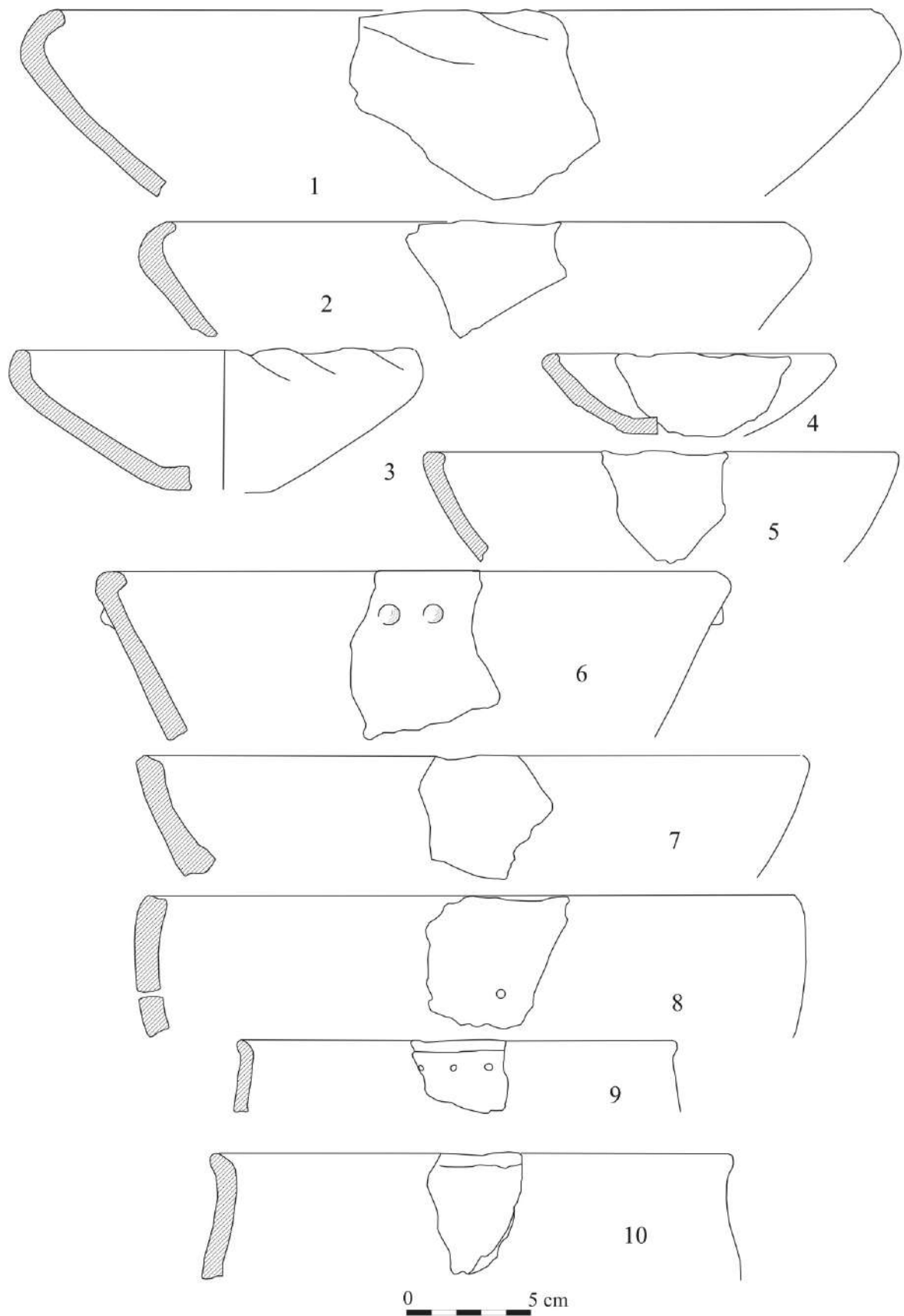
Pl.10. Aşezarea de la Enisala-Palanca. S.I. 1-14, bordei.

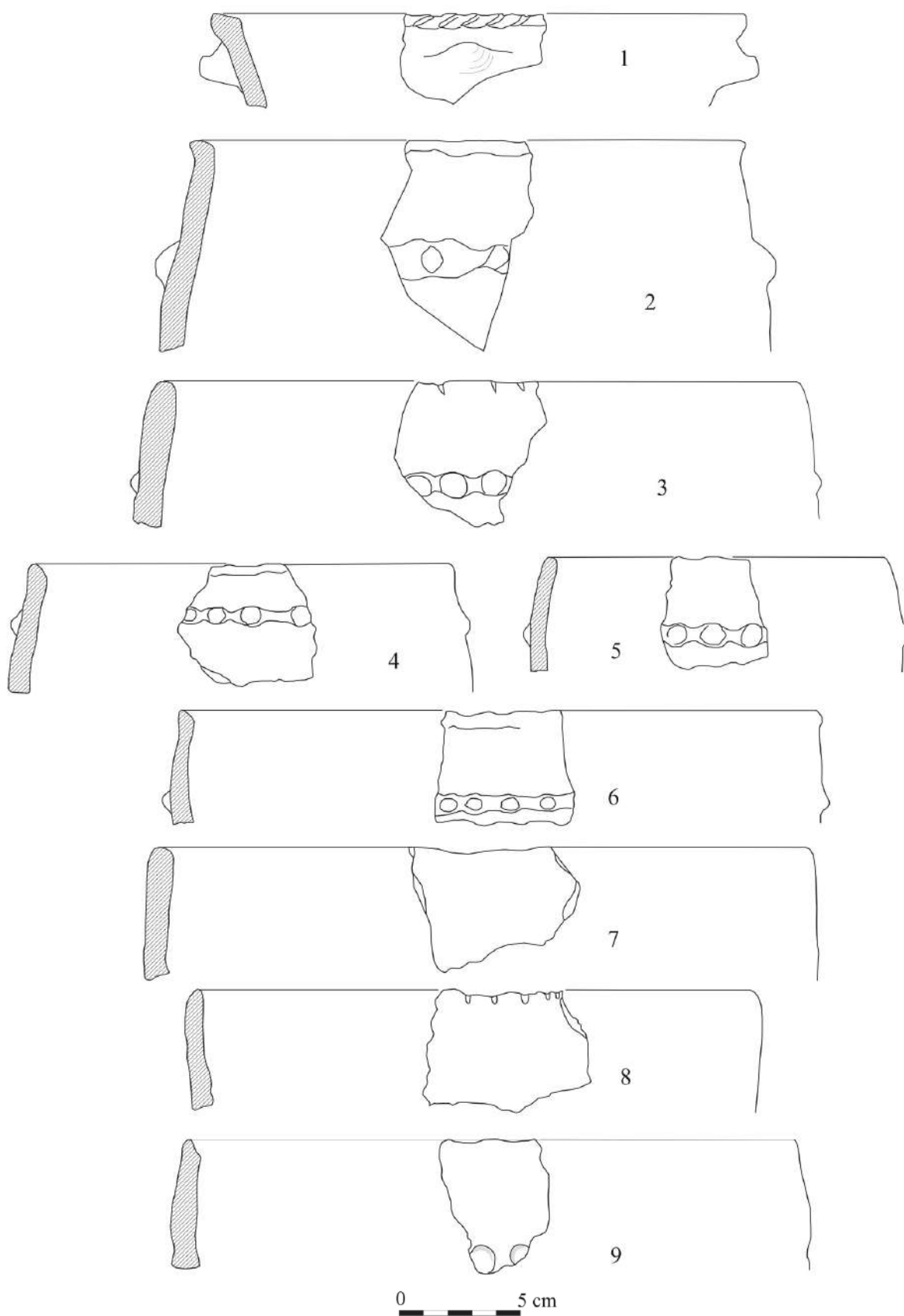
Pl. 11. Așezarea de la Enisala–Palanca: S I. 1-7, bordei.

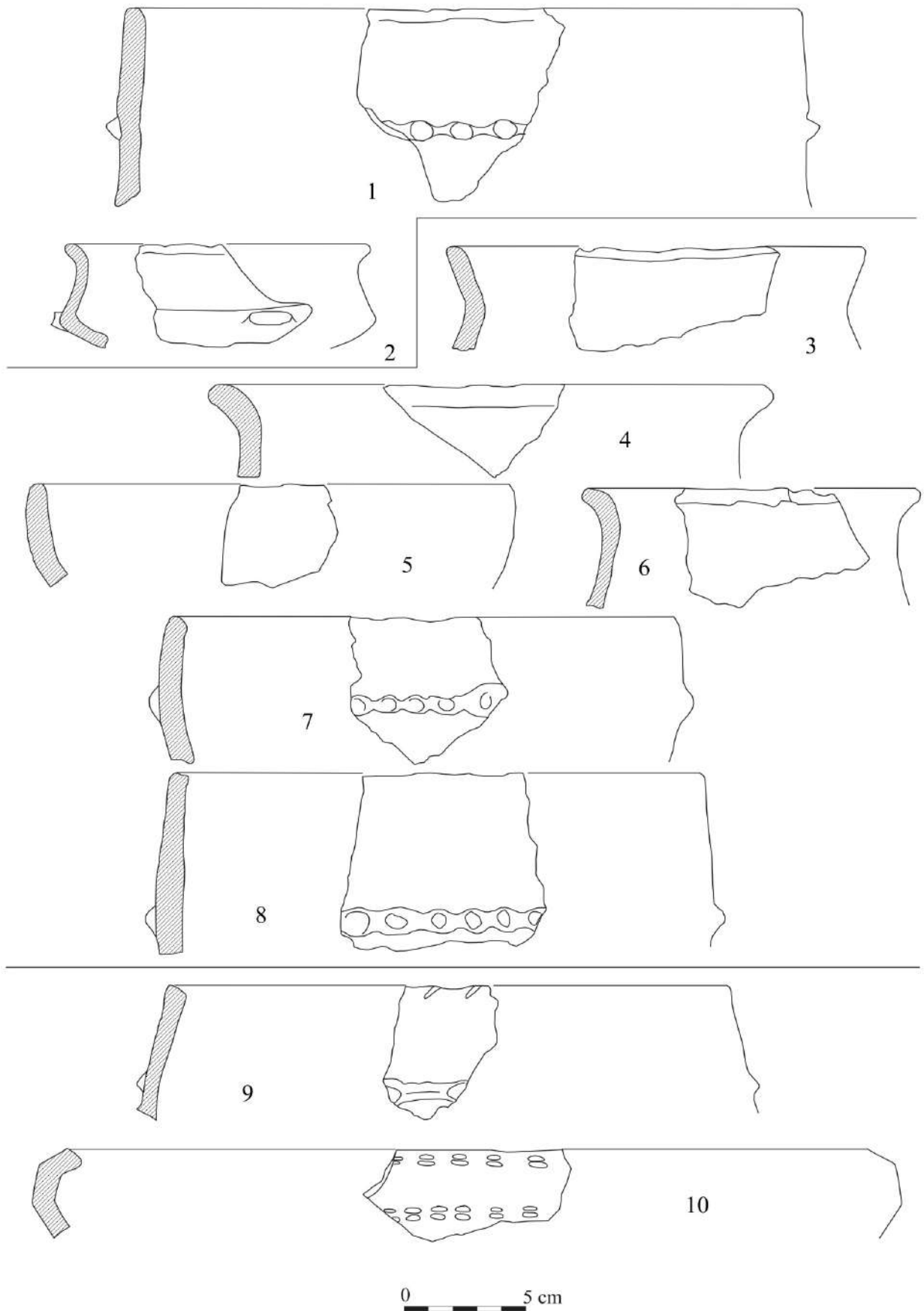
Pl. 12. Așezarea de la Enisala–Palanca. S I. 1-7, bordei.

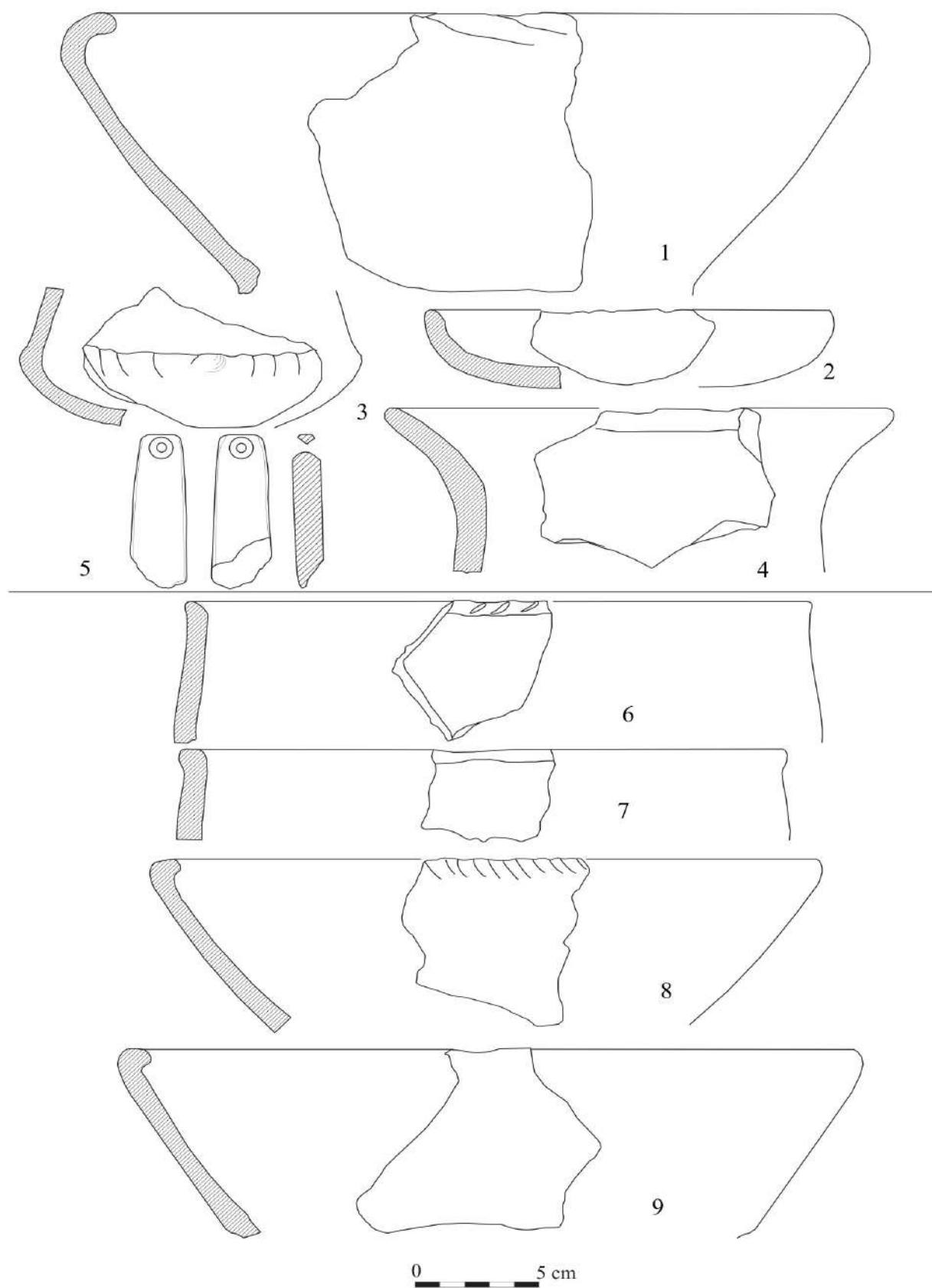
Pl. 13. Așezarea de la Enisala–Palanca: S I. 1-10, bordei.

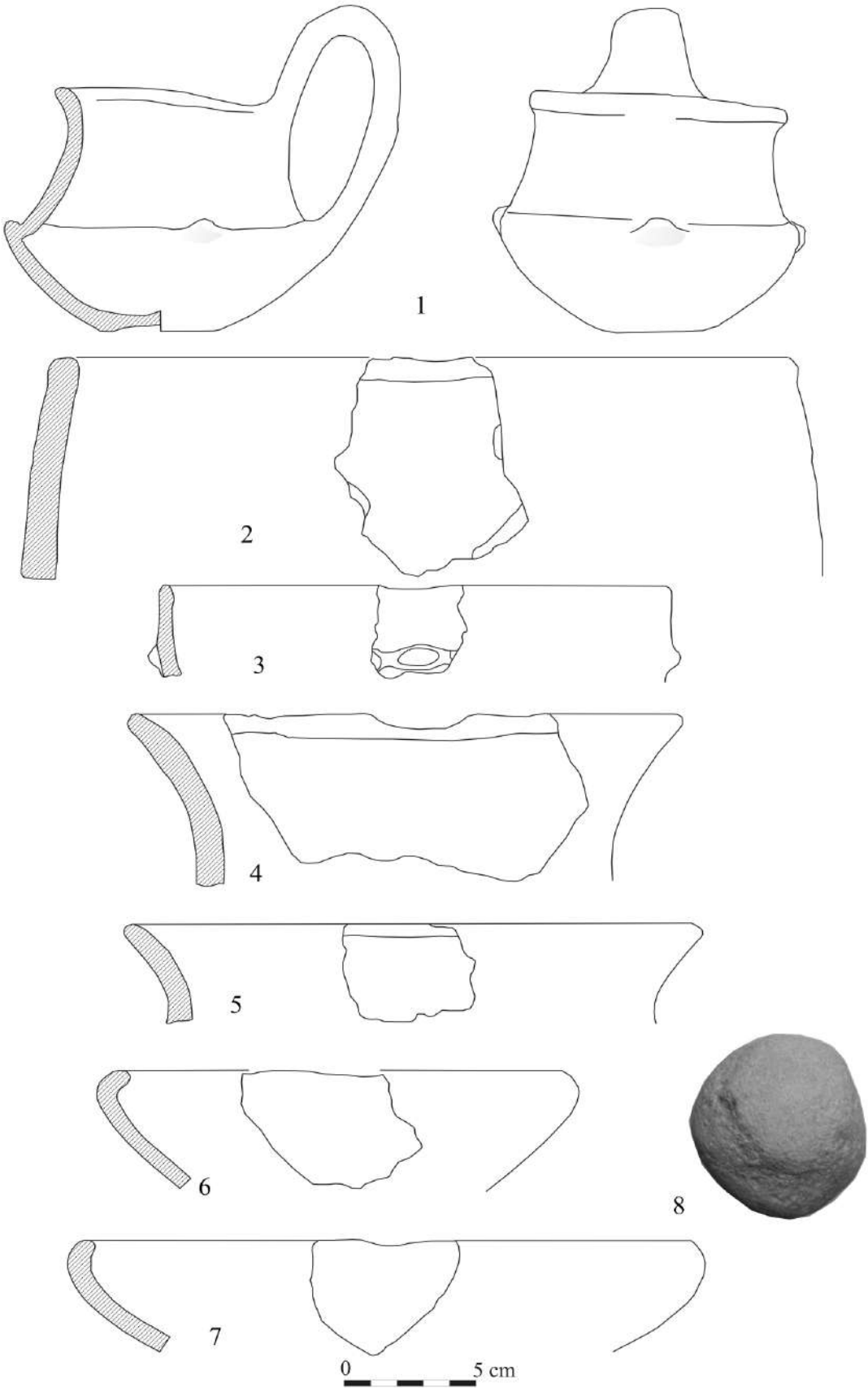
Pl. 14. Așezarea de la Enisala–Palanca: S I. 1-9, bordei.

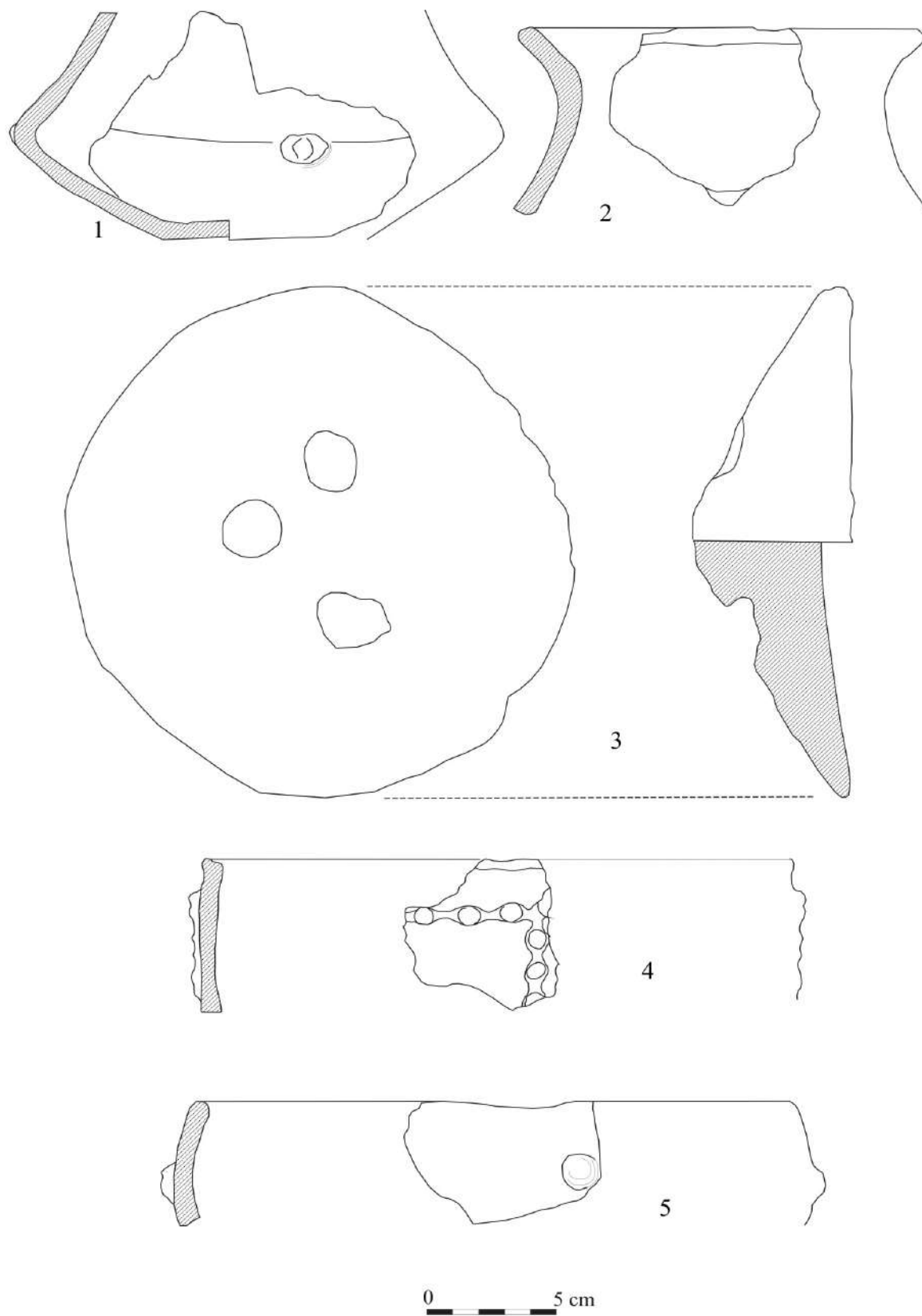
Pl. 15. Așezarea de la Enisala-Palanca: S II. 1-2, gr. 3; 3-8, gr. 5; 9-10, gr. 7.

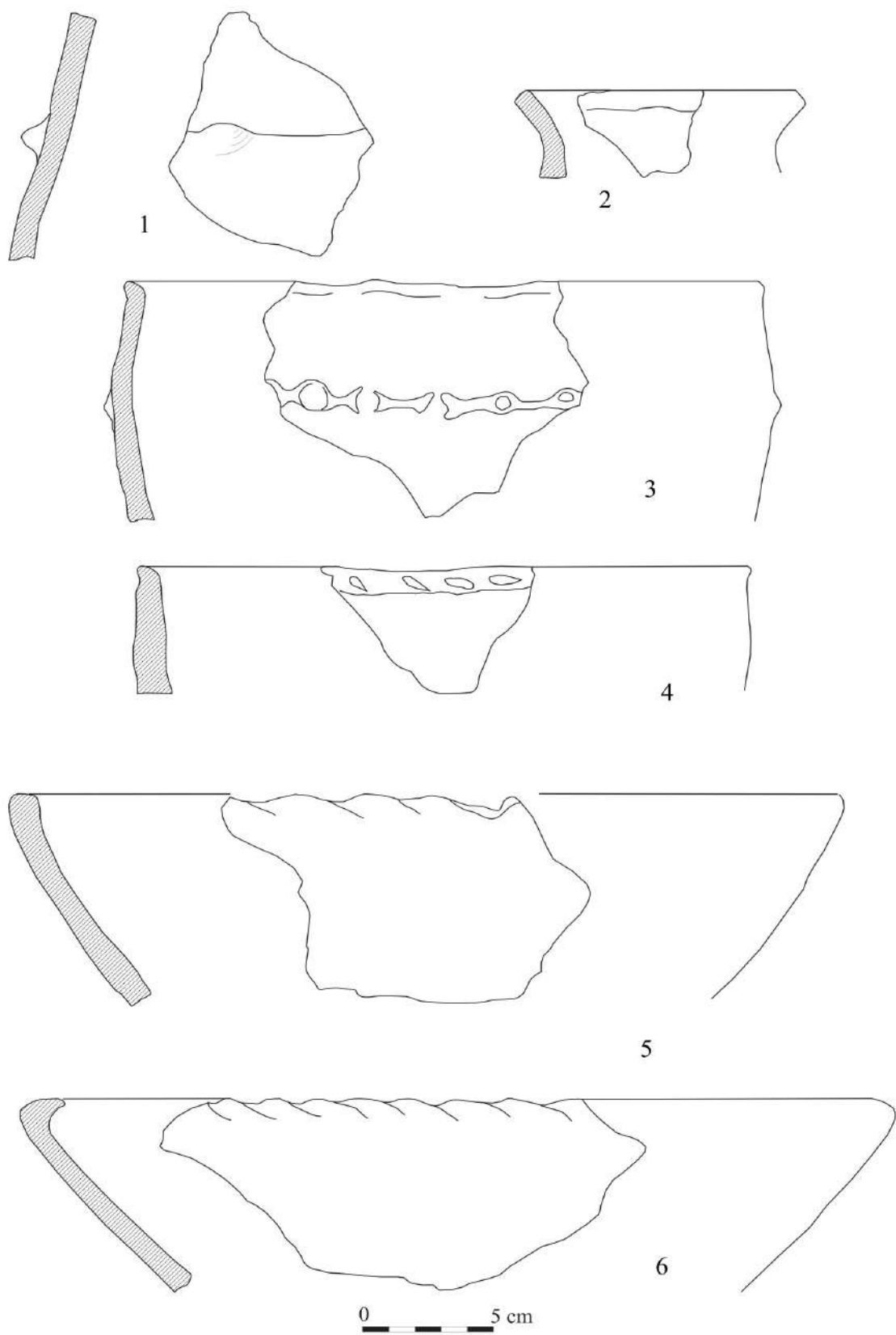
Pl. 16. Aşezarea de la Enisala–Palanca: S II. 1-5, gr. 7; 6-9, gr. 8.

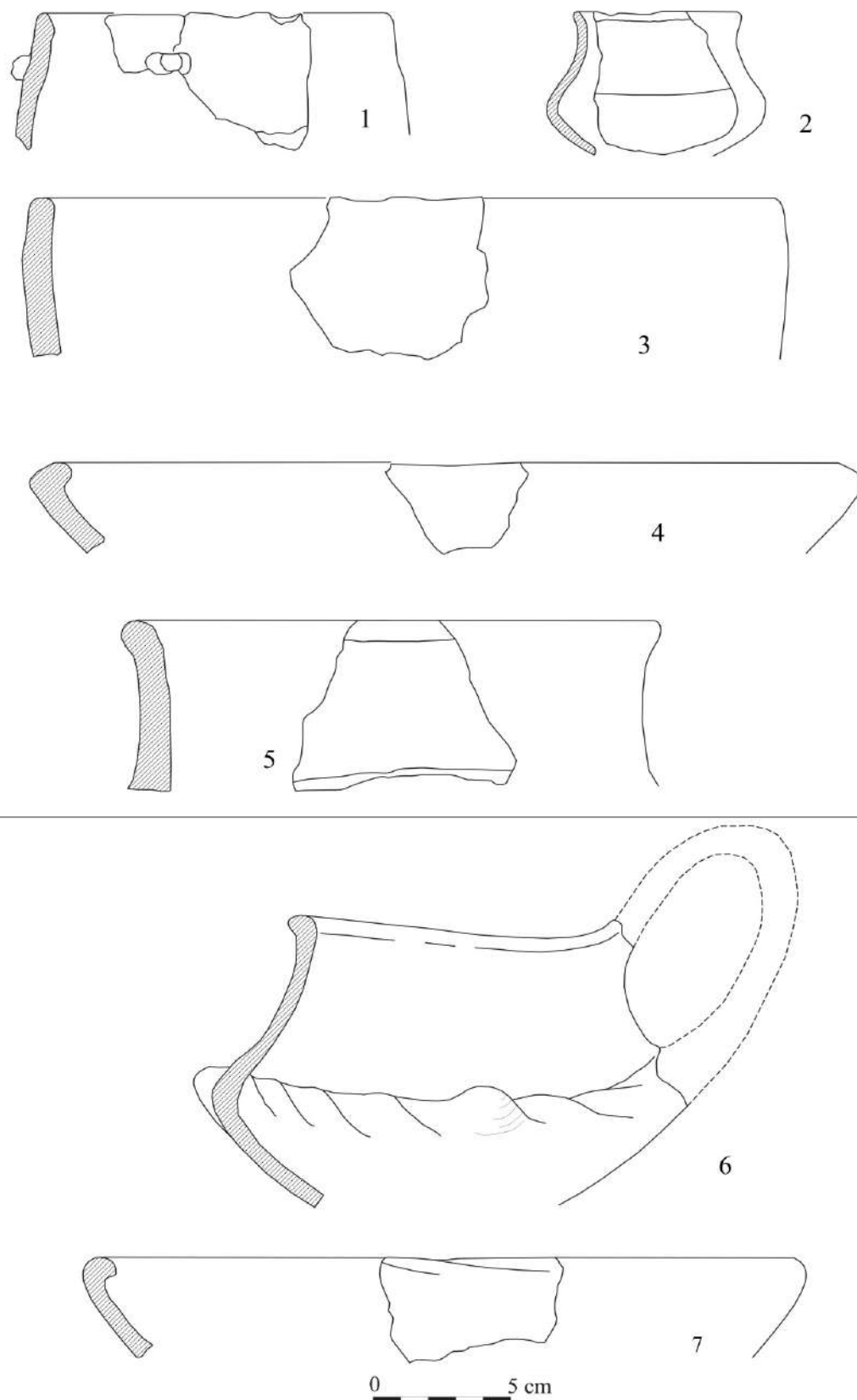
Pl. 17. Așezarea de la Enisala-Palanca: 1-8. S III, gr. 2.

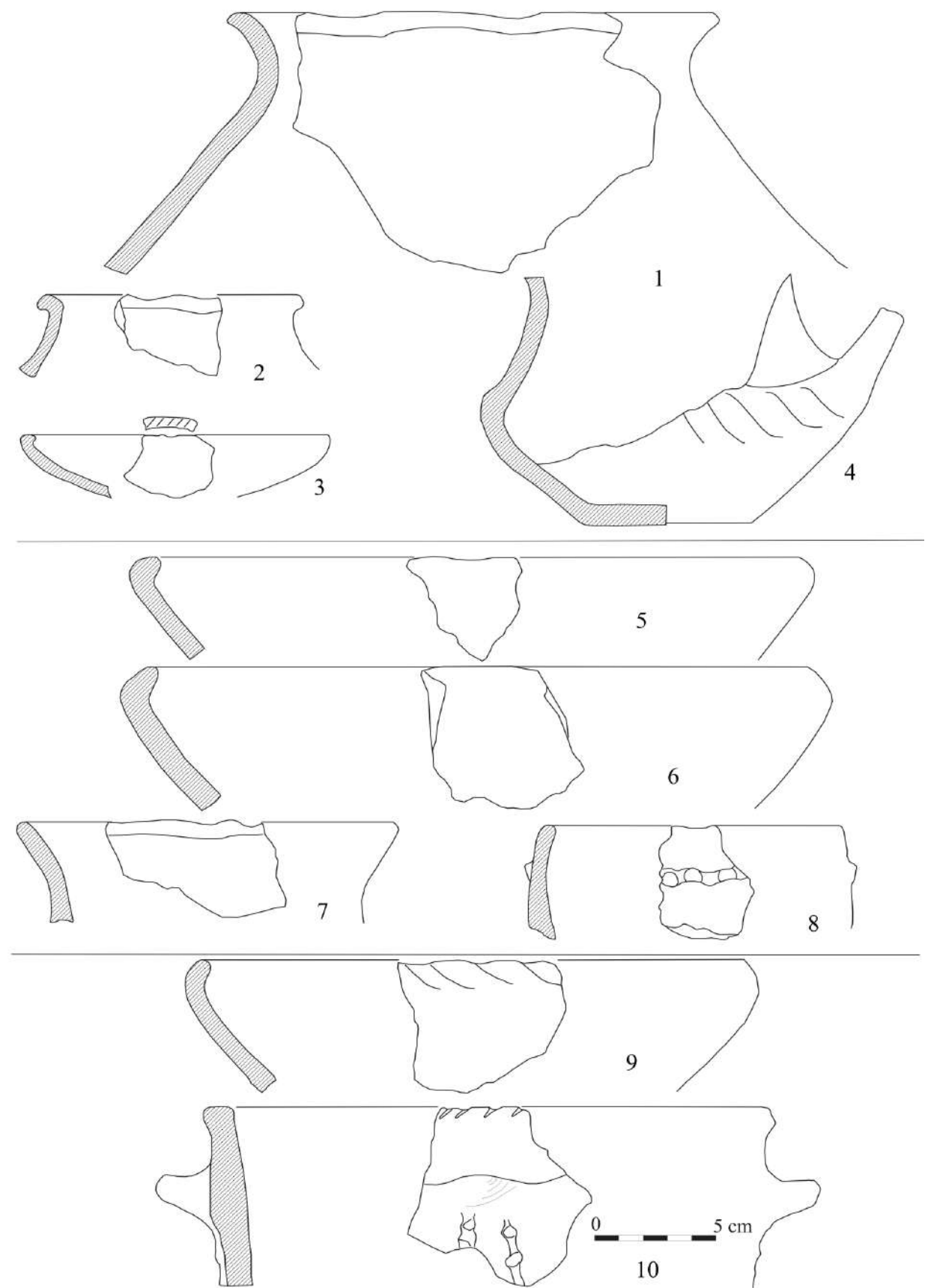
Pl. 18. Aşezarea de la Enisala–Palanca: 1-5. S III, gr. 3.

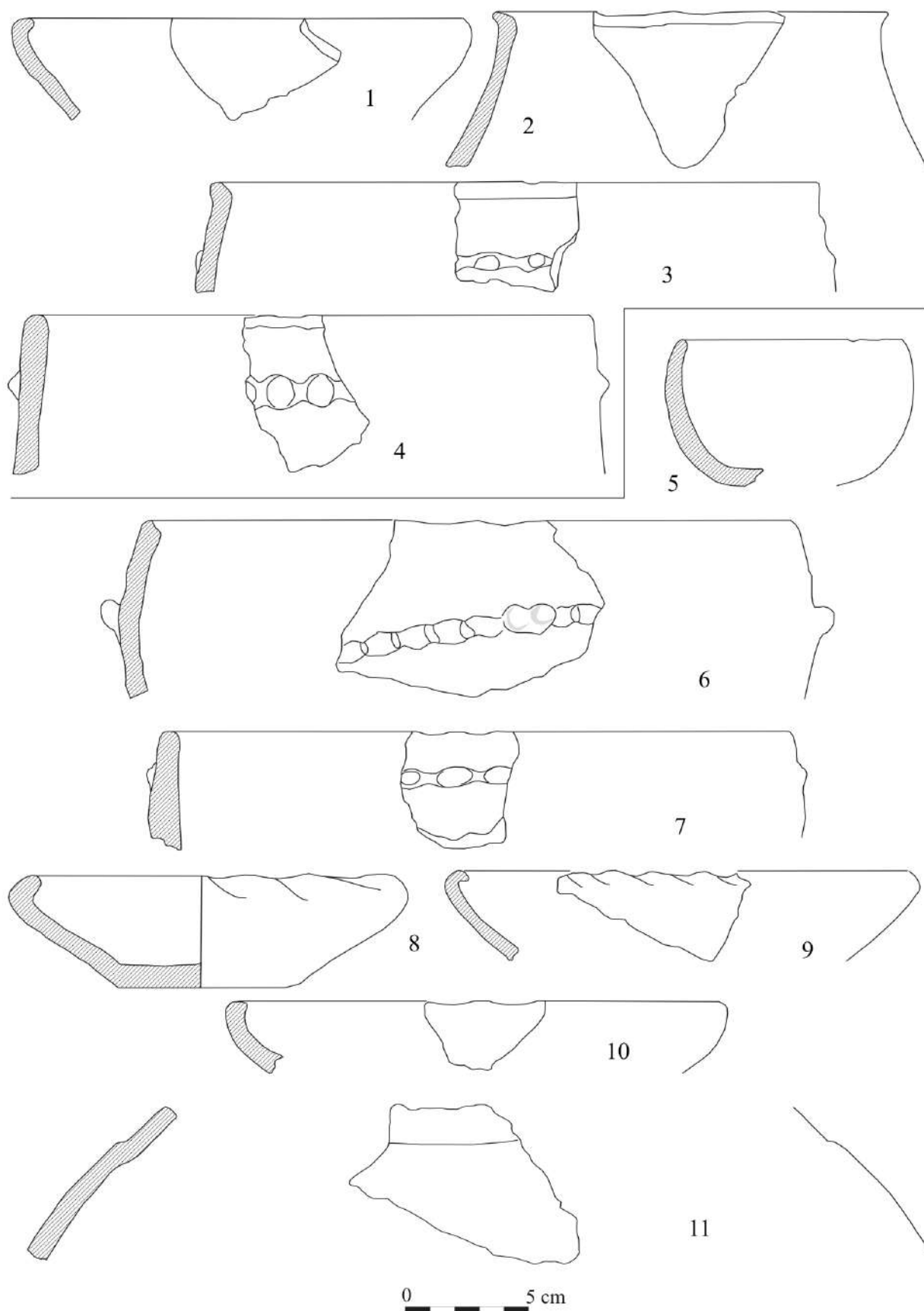
Pl. 19. Așezarea de la Enisala–Palanca. S III. 1-6, gr. 3.

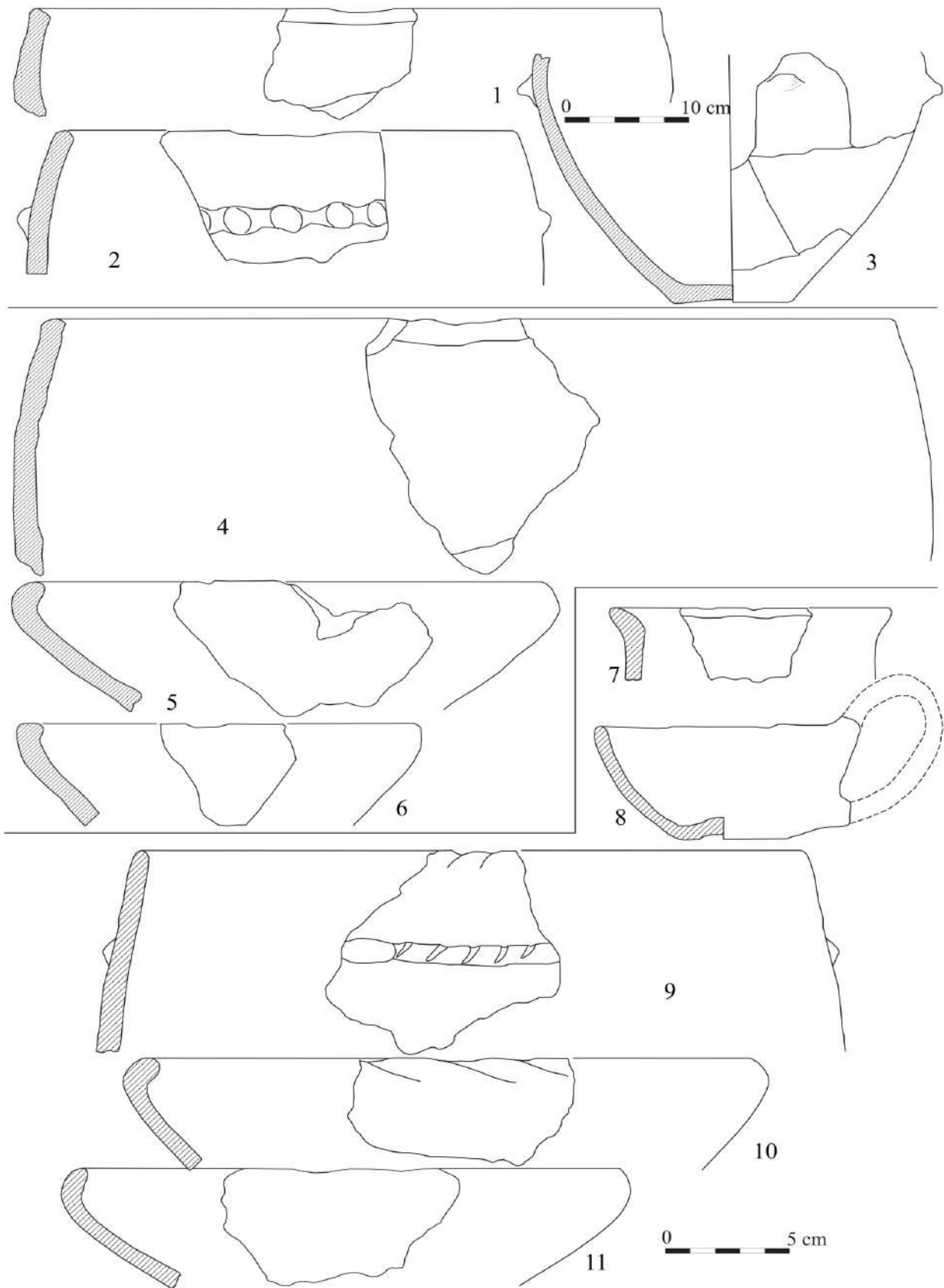
Pl. 20. Aşezarea de la Enisala–Palanca. S III. 1-5, gr. 6; 6-7, gr. 9.

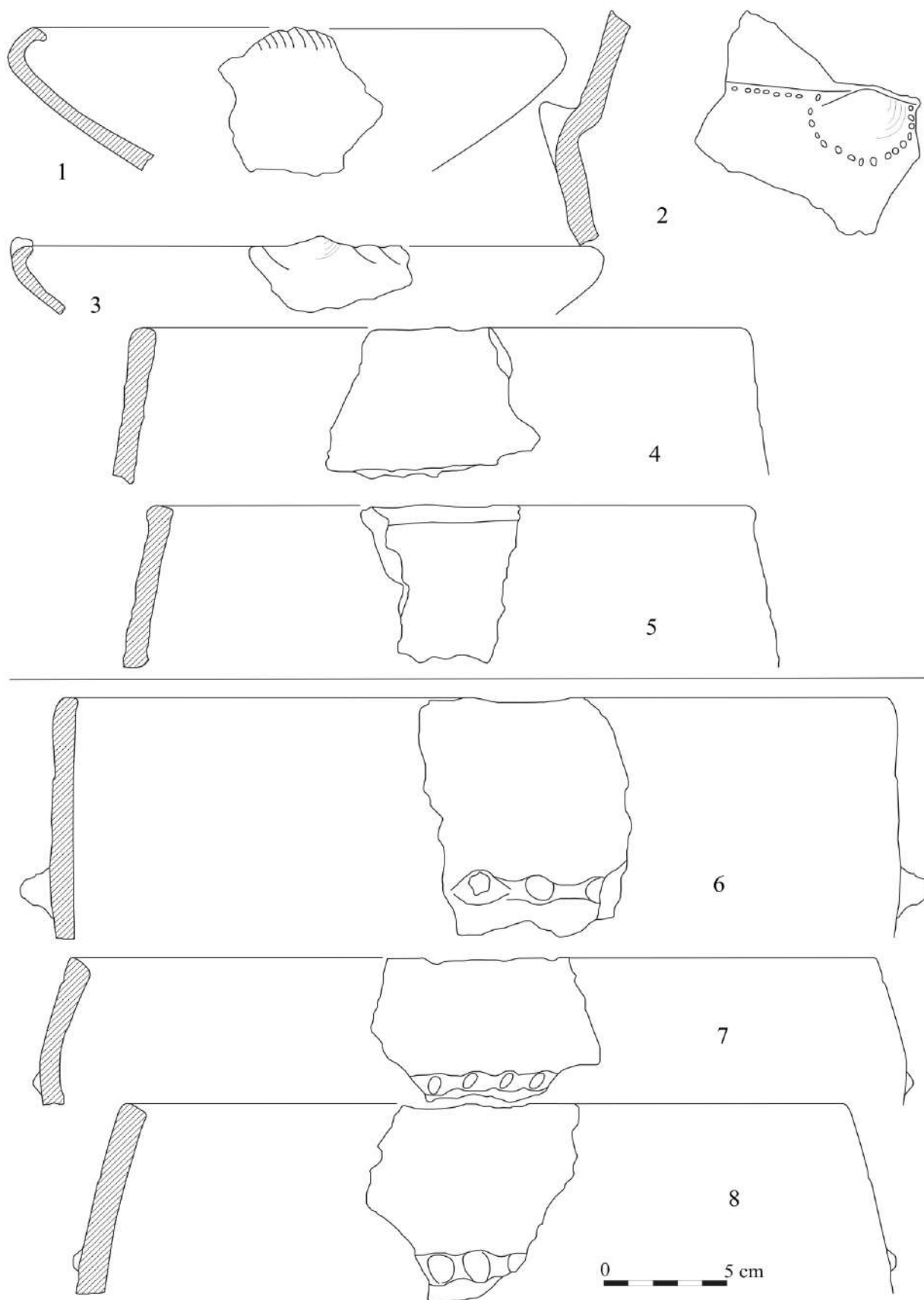
Pl. 21. Așezarea de la Enisala–Palanca. 1-4. S V, gr. 2; S VI, 5-8, gr. 3; 9-10, gr. 4.

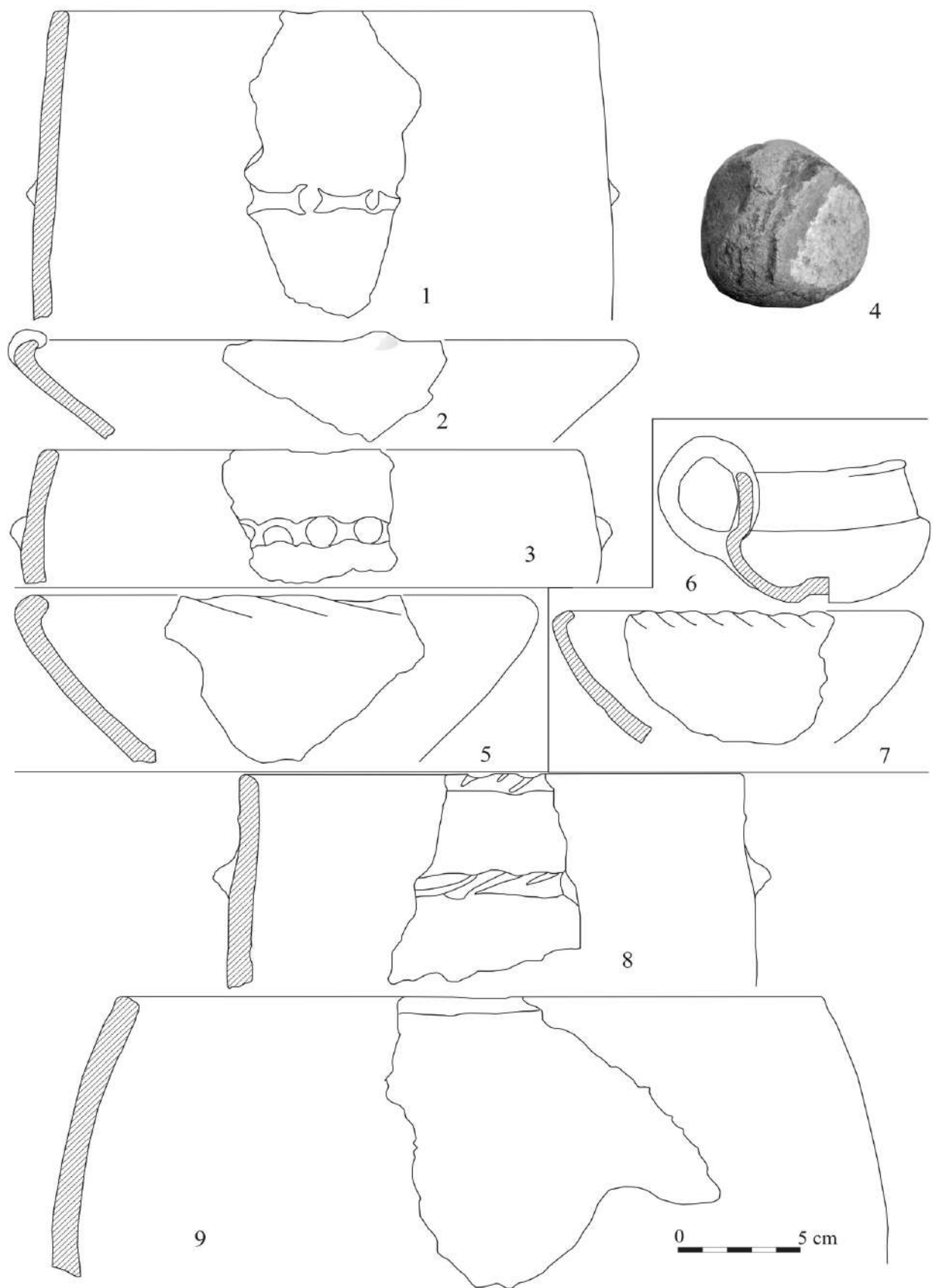
Pl. 22. Aşezarea de la Enisala–Palanca: S VI. 1-4, gr. 6; 5-11, gr. 7.

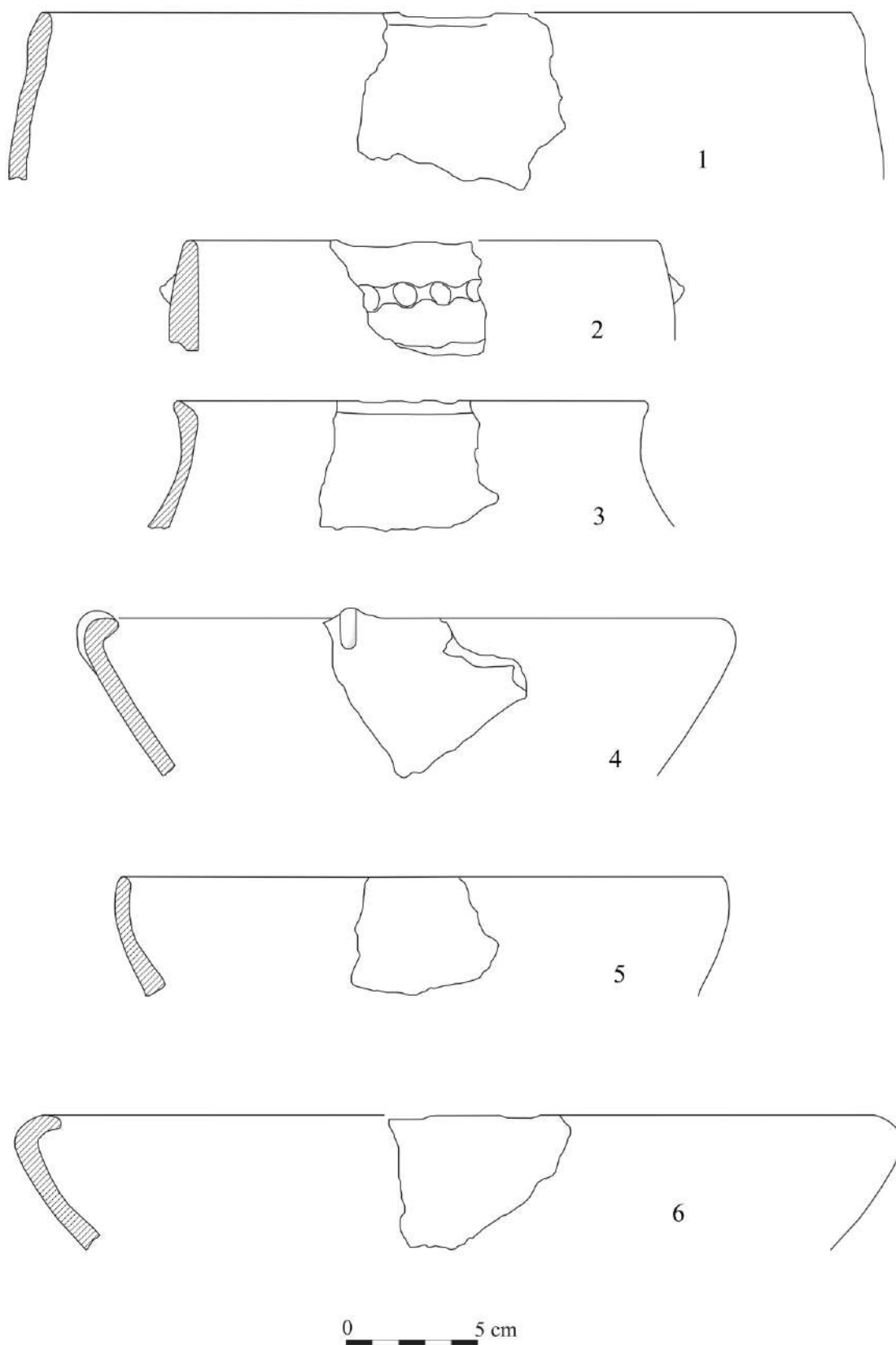
Pl. 23. Așezarea de la Enisala-Palanca: S VII. 1-3, gr. 3; 4-6, gr. 5; S VIII, 8-11, gr. 1.

Pl. 24. Aşezarea de la Enisala–Palanca: S VIII. 1-5, gr. 2; 6-8, c. 3A.

Pl. 25. Așezarea de la Enisala–Palanca: S VIII. 1-4, c. 3A; 5, gr. 3; 6-7, gr. 4; 8-9, gr. 5.

Pl. 26. Așezarea de la Enisala–Palanca: S VIII. 1-6, gr. 5.

Bibliografie

- Ailincăi 2008a:** S.C. Ailincăi, The Place for the Dead in Early and Middle Iron Age Lower Danube Area. In: V. Sîrbu, L.D. Vaida (eds.), *Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Proceedings of the 9th International Colloquium of Funerary Archaeology*, Bistrița, May 9th-11th, 2008 (Cluj-Napoca 2008), 9-33.
- Ailincăi 2008b:** S.C. Ailincăi, The Dead Among the Living in the Babadag Settlement from Niculițel–Cornet (Tulcea county, Romania). In: V. Sîrbu, R. Ștefănescu (eds.), *Funerary Practices in Central and eastern Europe (10th c. BC–3rd c. AD). Proceedings of the 10th International Colloquium of Funerary Archaeology* (Brăila-Brașov 2008), 11-30.
- Ailincăi 2008c:** S.C. Ailincăi, Noi descoperiri din prima epocă a fierului pe teritoriul comunei Luncavița (jud. Tulcea). *Peuce* S.N. 6, 2008, 133-148.
- Ailincăi 2010a:** S.C. Ailincăi, Noi considerații referitoare la cercetările arheologice efectuate în așezarea culturii Babadag de la Revărsarea–Dealul Tichilești, jud. Tulcea. *Peuce* S.N. 8, 2010, 37-78.
- Ailincăi 2010b:** S.C. Ailincăi, New observations on the First Iron Age Discoveries at Revărsarea–Cotul Tichilești, Isaccea, Tulcea County. In: N. Bolohan, Fl. Mățau, F. Tencariu (eds.), *Signa Praehistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuaginto anno* (Iași 2010), 351-379.
- Ailincăi, Constantinescu 2008:** S.C. Ailincăi, M. Constantinescu, O groapă cu oseminte umane descoperită în așezarea culturii Babadag de la Enisala–Palanca. In: S.C. Ailincăi, C. Micu, F. Mihail (eds.), *Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare* (Tulcea 2008), 121-131.
- Ailincăi, Dobrinescu 2006:** S.C. Ailincăi, C. Dobrinescu, Așezarea din perioada timpurie a epocii fierului de la Țibrinu „La lac” (com. Mircea Vodă, jud. Constanța). *Istros* 13, 2006, 135-157.
- Ailincăi et al. 2005-2006:** S.C. Ailincăi, G. Jugănar, A. Țârlea, M. Vernescu, Early Iron Age Complexes with Human Remains from the Babadag Settlement. *Peuce* S.N. 3-4, 2005-2006, 77-108.
- Ailincăi et al. 2007:** S.C. Ailincăi, G. Jugănar, A. Țârlea, M. Vernescu, Complexe cu oseminte umane descoperite în așezarea din prima epocă a fierului de la Babadag. In: *Studia In Honorem Florea Costea* (Brașov 2007), 46-76.
- Ailincăi, Micu 2006:** S.C. Ailincăi, C. Micu, L’habitation du premier Âge du Fer de l’établissement de Sarichioi «La Bursuci» (dép. de Tulcea). *Pontica* 39, 2006, 65-73.
- Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2003:** S. Ailincăi, N. Mirițoiu, A. Soficaru, O groapă cu oseminte umane atribuită culturii Babadag descoperită în nivelul precolonial de la Orgame (com. Jurilovca, jud. Tulcea). *AM* 26, 2003, 307-324.
- Ailincăi, Mirițoiu, Soficaru 2006:** S. Ailincăi, N. Mirițoiu, A. Soficaru, A pit with human remains attributed to the Babadag culture discovered in pre-colonial level at Orgame. In: M. Mănucu-Adameșteanu (ed.), *A la recherche d’une colonie. Actes du Colloque International. 40 ans de recherche archéologiques à Orgamé/Argamum* (București 2006), 81-107.
- Alexandrescu 1962:** P. Alexandrescu, Autour de la date de fondation d’Histria. *SC* 4, 1962, 49-69.
- Alexandrescu 1978:** P. Alexandrescu, Histria IV. La céramique d’époque archaïque (VIIe-IVe s.), avec la collaboration de S. Dimitriu et M. Coja (Bucarest-Paris 1978).
- Avram 2001:** A. Avram, Coloniile grecești din Dobrogea. In: M. Petrescu-Dîmbovița, A. Vulpe (coord.), *Istoria Românilor, I, Moștenirea timpurilor îndepărtate* (București 2001), 533-634.
- Bader 1983:** T. Bader, Die Fibeln in Rumänien. *PBF* 16, 6 (München 1983).
- Dimitriu 1964:** S. Dimitriu, Tot despre data întemeierii Histriei. *SCIV* 15, 2, 1964, 251-257.
- Dimitriu 1965:** S. Dimitriu, Poziția Histriei arhaice în cadrul cronologiilor secolelor VII-VI î.e.n. *SCIV* 16, 4, 1965, 663-674.
- Dragomir 1974:** I.T. Dragomir, Descoperiri hallstattiene în incinta cetății medievale Enisala. *SCIVA* 25, 1, 1974, 131-136.
- Dupont 1983:** P. Dupont, Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d’Istros. *Raport Préliminaire. Dacia N.S.* 27, 1983, 19-43.
- Giosan et al. 2006:** L. Giosan, J.P. Donnelly, Șt. Constantinescu, F. Filip, I. Ovejanu, A. Vespremeanu-Stroe, E. Vespremeanu, G.A.T. Duller, Young Danube delta documents stable Black Sea level since the middle Holocene: Morphodynamic, paleogeographic, and archaeological implications. *Geology* 34, 9, 2006, 757-760.
- Irimia, Conovici 1993:** M. Irimia, N. Conovici, Descoperiri hallstattiene în zona davei getice de la Satu Nou, com. Oltina, jud. Constanța. *Pontica* 26, 1993, 51-114.
- Jugănar 2005:** G. Jugănar, *Cultura Babadag, I* (Constanța 2005).
- Jugănar et al. 2004:** G. Jugănar, S. Ailincăi, A. Stănică, V. Pencu-Marc, L. Bacumenco, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea. *Punct: Palanca. CCAR. Campania 2003* (București 2004), 118-119.
- Jugănar et al. 2005:** G. Jugănar, S. Ailincăi, A. Stănică, V. Pencu-Marc, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea. *Punct: Palanca. CCAR. Campania 2004* (București 2005), 144.
- Jugănar et al. 2006:** G. Jugănar, S. Ailincăi, A. Țârlea, M. Vernescu, V. Pencu-Marc, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea. *Punct: Palanca. CCAR. Campania 2005* (București 2006), 153-154.

- Jugănaru et al. 2007:** G. Jugănaru, S. Ailincăi, A. Țârlea, M. Vernescu, Enisala, com. Sarichioi, jud. Tulcea. Punct: Palanca. CCAR. Campania 2006 (București 2007), 145-146.
- Lăzurcă, Mănușu-Adameșteanu 1980:** E. Lăzurcă, Gh. Mănușu-Adameșteanu, Noi descoperiri arheologice la Enisala, jud. Tulcea. MCA, 1980, 146-156.
- Lungu 2000:** V. Lungu, Une tombe d'un ῥῥος et l'organisation de la nécropole d'une cité milésienne du Pont Euxin: le tumulus T A95 d'Orgamé. In: V. Lungu (ed.), Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe-IVe s. av. J.-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé a Tulcea, 15-20 septembre 1997 (Tulcea 2000), 67-86.
- Mănușu-Adameșteanu 2000:** M. Mănușu-Adameșteanu, Céramique archaïque d'Orgamé. In: A. Avram, M. Babeș (eds.), Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à P. Alexandrescu à son 70e anniversaire (București 2000), 195-204.
- Mănușu-Adameșteanu 2008:** M. Mănușu-Adameșteanu, Orgame/Argamum II. Ceramica arhaică (București 2008).
- Morintz 1964:** S. Morintz, Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas Danube à la lumière des fouilles de Babadag. Dacia N.S. 8, 1964, 101-118.
- Morintz 1986:** S. Morintz, Săpăturile de la Babadag, 1973-1974, 1977-1981. MCA 1986, 58-64.
- Morintz 1987:** S. Morintz, Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag). TD 8, 1-2, 1987, 39-71.
- Morintz, Anghelescu 1970:** S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni, SCIV 21, 3, 1970, 333-415.
- Morintz, Jugănaru 1995:** S. Morintz, G. Jugănaru, Raport privind săpăturile arheologice efectuate în Sectorul V al aşezării hallstattiene de la Babadag (1991-1992), Peuce 11, 1995, 177-202.
- Morintz, Jugănaru, Munteanu 1995:** S. Morintz, G. Jugănaru, M. Munteanu, Aşezarea din prima epocă a fierului de la Babadag. CAANT 1, 1995, 222-235.
- Panin et al. 1983:** N. Panin, S. Panin, N. Herz, J. E. Noakes, Radiocarbon dating of Danube delta deposits, Quaternary Research 19, 249-255.
- Popa, Schuster 2007:** T. Popa, C. Schuster, Descoperiri din Hallstattul Mijlociu (cultura Basarabi) la Mironești. Buletinul Muzeului „Teohari Antonescu” 10, Giurgiu, 2007, 159-180.
- Rența 2008:** E. Rența, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița (Țârgoviște 2008).
- Romanescu 2006:** Gh. Romanescu, Complexul lagunar Razim-Sinoie. Studiu morfohidrografic (Iași 2006).
- Sîrbu 1994:** V. Sîrbu, Sacrificii umane și practici funerare insolite în arealul tracic, în Hallstatt și La Tène, Istros 7, 83-122.
- Sîrbu 1997:** V. Sîrbu, Sacrifices humains et pratiques funéraires insolites dans l'areal thrace du Hallstatt et La Tène. In: Simion G. (coord.), Premier Âge du Fer aux Bouches du Danube et dans les Régions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International, Septembre 1993, Tulcea (Tulcea 1997) 193-221.
- Sîrbu, Ailincăi, Simion 2008:** V. Sîrbu, S.C. Ailincăi, G. Simion, Jijila–Cetățuie o aşezare fortificată a culturii Babadag în nord-vestul Dobrogei (Brăila 2008).
- Stoian 2007:** V. Stoian, Piese de inventar de tip Babadag din aşezarea de la Siliștea, jud. Brăila, Tyragetia I (XVI), 1, 2007, 249-256.
- Ștefan 1977:** Al. S. Ștefan, Cetățile romane de la Enisala. Studiu aerofotografic, RMM-MIA 46, 2, 15-25.
- Topoleanu, Jugănaru 1995:** F. Topoleanu, G. Jugănaru, Aşezarea de tip Babadag de la Niculițel “Cornet” (jud. Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988. Peuce 11, 1995, 203-229.
- Vulpe 1997:** A. Vulpe, En marge de Ps.–Scymnus 766-770, în Simion G. (coord.), Premier Age du Fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la mer Noire. Actes du Colloque International, septembre 1993, Tulcea (Tulcea 1997), 181-185.

Sorin Cristian Ailincăi, doctor în științe istorice, cercetător științific III, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Str. 14 Noiembrie, nr. 1bis, 820009, Tulcea, România; sailincai@yahoo.com.

Gabriel Jugănaru, doctor în științe istorice, cercetător științific II, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Str. 14 Noiembrie, nr. 1bis, 820009, Tulcea, România.

Florian Mihail, doctorand, cercetător științific, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Str. 14 Noiembrie, nr. 1bis, 820009, Tulcea, România.

Alexandra Țârlea, doctor în științe istorice, asistent, Universitatea București, Facultatea de Istorie, Departamentul de Istorie Antică și Arheologie, B-dul Regina Elisabeta, nr. 4-12, Sector 5, 030018, București, România.

Mirela Vernescu, doctor în științe istorice, muzeograf I, Muzeul Brăilei, Str. Piața Traian, nr. 3, 810153, Brăila, România.

Adina Ailincăi, muzeograf I, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Str. 14 Noiembrie, nr. 1bis, 820009, Tulcea, România.

SONDAJELE ARHEOLOGICE DE LA IALOVENI

Vlad VORNIC, Sergiu TABUNCIC, Larisa CIOBANU, Ion URSU, Vasile IARMULSCHI, Chișinău

În articol sunt reflectate rezultatele sondajelor documentare efectuate în toamna anului 2006 în cuprinsul a cinci puncte arheologice din perimetrul orașului Ialoveni. Au fost semnalate vestigii datând din mai multe epoci istorice, începând din neolitic și până în evul mediu târziu, care îmbogățesc considerabil informațiile privind habitatul și dinamica locuirii acestei microregiuni din bazinul râului Ișnovăț.

Археологические исследования у города Яловень. В статье отражены результаты ограниченных раскопок, проведенных осенью 2006 г. на пяти археологических пунктах в периметре города Яловень. Были выявлены материалы разных эпох, начиная с неолита и до позднего средневековья, которые значительно обогащают научную информацию относительно проживания и динамики расселения населения в доисторическое и протоисторическое время в этой микроне зоне бассейна реки Ишновэц.

Archaeological diggings at Ialoveni. The article focuses on the results of archaeological diggings conducted in autumn 2006 at five archaeological sites near Ialoveni, a town situated some 10 km from the Moldovan capital Chisinau. During these researches, archaeologists found numerous vestiges dating from several historical époques, starting with the Neolithic and ending with the late Middle Age. These artifacts significantly enrich the information about the habitat and dynamics of living of this micro-region from the basin of Isnovat River.

Key words: researches, Ialoveni, archaeological sites, historical époques, habitat, vestiges.

Grație sprijinului acordat de administrația publică locală a or. Ialoveni, în anii 2005 și 2006 pe teritoriul acestei importante localități din centrul Moldovei au fost întreprinse cercetări arheologice, care au constat din periegheze și săpături restrânse sau sondaje executate în câteva așezări străvechi și vechi situate în diferite puncte din raza orașului. Recunoașterile de suprafață au urmărit verificarea siturilor deja cunoscute în literatura de specialitate și identificarea unor eventuale noi obiective arheologice, iar sondajele au vizat în principal determinarea gradului de conservare a stratului arheologic și stabilirea particularităților culturale ale stațiunilor, precum și recuperarea materialelor caracteristice pentru alcătuirea unei colecții muzeale privind arheologia și istoria veche a Ialovenilor.

Desfășurate preponderent în primăvara anilor 2005 și 2006, cercetările de suprafață au prilejuit descoperirea mai multor așezări datând din diferite epoci și obținerea unor interesante date arheologice, care îmbogățesc considerabil cunoștințele noastre privind habitatul și dinamica locuirii în pre- și protoistoria acestei microregiuni din bazinul râului Ișnovăț. Rezultatele principale ale recunoașterilor de suprafață au fost prezentate de V. Vornic și S. Tabuncic într-un raport științific preliminar, iar analiza detaliată a datelor și materialelor arheologice acumulate a fost realizată

în două articole publicate curând după încheierea cercetărilor de teren (Vornic, Tabuncic 2006; Iidem 2007).

În ceea ce privește sondajele arheologice de la Ialoveni, ele au fost executate în toamna anului 2006¹ și au constat din câteva secțiuni sau casete mici trasate în șase stațiuni diferite din perimetrul localității, și anume în cele din punctele notate convențional *Marginea de est a orașului*, *Hotarul de est al orașului*, *Marginea de sud a orașului*, *Panta de vest a Șesului lui Mardari*, *Hârtop* și *La sud-vest de Iazul lui Bozu* (fig. 1). Soldate cu descoperiri de însemnătate științifică deosebită pentru istoria medievală a localității și chiar a spațiului pruto-nistean în general, săpăturile arheologice din așezarea cu mai multe niveluri de locuire de la Ialoveni–*Marginea de sud a orașului* au fost valorificate prin publicarea în scurt timp a două lucrări (Vornic, Tabuncic, Ciobanu 2007; Vornic ș.a. 2008). În rândurile de mai jos prezentăm rezultatele sondajelor efectuate în celelalte cinci situri arheologice din împrejurimile or. Ialoveni.

Ialoveni–*Marginea de est a orașului* (fig. 1,1). Așezare aparținând culturii Sântana de Mureș–Cernjachov de la periferia estică a orașului, descoperită de V. Dergacev în anul 1963 cu prilejul unor recunoașteri de suprafață efectuate pe valea râului Ișnovăț (Дергачев 1966, 246; Vornic, Tabuncic 2006, 365; 2007, 322-327).

¹ La investigațiile arheologice de teren din toamna anului 2006 au participat și cercetătorii dr. Nicolai Telnov, Veaceslav Bikbaev și Serghei Agulnicov.

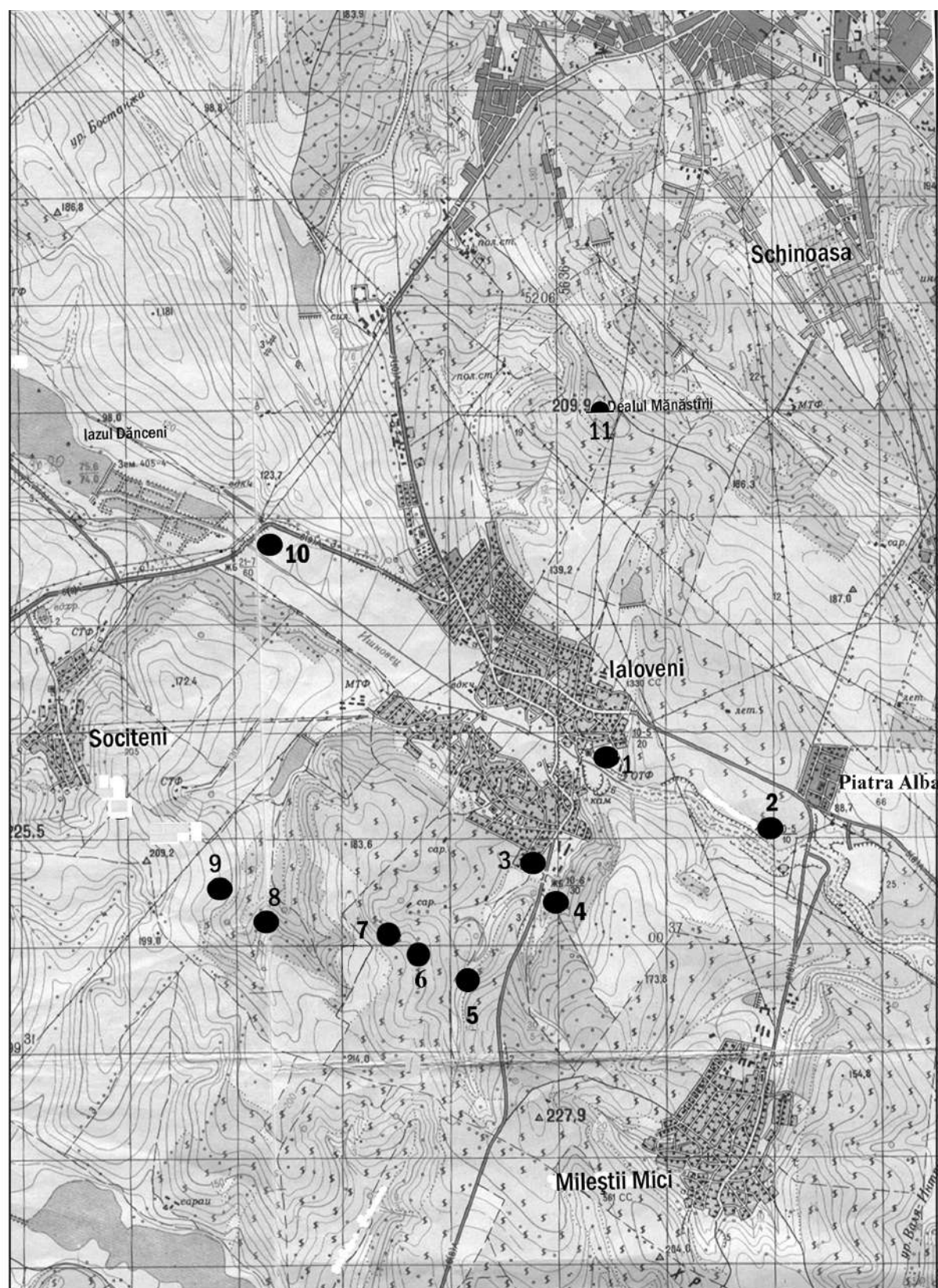

Fig. 1. Harta obiectivelor arheologice din microzona orașului Ialoveni: *Marginea de est a orașului* (1), *Hotarul de est al orașului* (2), *Marginea de sud a orașului* (3), *La sud de oraș* (4), *Panta de est a Șesului lui Mardari* (5), *Panta de vest a Șesului lui Mardari* (6), *Hârtop* (7), *Timileuca* (8), *La sud-vest de Iazul lui Bozu* (9), *La sud-est de Iazul Dănceni* (10), *Dealul Mănăstirii* (11).

În campania arheologică din toamna anului 2006, în cuprinsul stațiunii de la Ialoveni–*Marginea de est a orașului* au fost executate trei secțiuni/sondaje documentare. Consemnăm că inițial am planificat trasarea unei prime secțiuni în colțul de sud-vest al parcelei de pământ a lui Petru Găleată, situată în stânga albiei râului Ișnovăț și la vest de drumul de țară de la marginea de est a orașului Ialoveni, într-un loc unde, cu prilejul periegezelor anterioare, a fost remarcată o aglomerare de bucăți de lut ars și cioburi, care reprezenta urmele unei construcții de suprafață. Dar, din cauza că între timp, în pofida înțelegerii noastre cu proprietarul, terenul a fost prelucrat și semănat cu grâu, nu s-a mai putut efectua săpături în locul preconizat.

Secțiunea I a fost trasată în zona de est a sitului, pe un teren în pantă, înclinat spre S aparținând unei asociații agricole. La suprafața solului aici au fost găsite câteva cioburi de vase lucrate la roată și o cutie din gresie, de formă aproximativ prismatică, cu baza rectangulară (8x5 cm) (fig. 15,9). Secțiunea avea forma unui șanț orientat N–S, cu dimensiunile de 2x10 m, fiind compusă din cinci carouri de 4 m.p., numerotate de la S la N. Colțul de sud-est al secțiunii se afla la 34 m NNV (330°) de stâlpul de electricitate nr. 32/28 și la circa 40 m N de apa Ișnovățului. Pământul din secțiune s-a scos cu cazmaua în trei straturi succesive până la adâncimea de 0,6-0,7 m de la suprafața actuală a solului.

Stratul de cultură s-a dovedit a fi distrus de fierul plugului de plantaj, care a ajuns până la adâncimea de 0,5-0,6 m, afectând chiar și solul galben steril (fig. 3A,1). Straturile I și II de săpătură prezentau pământ de culoare cenușie, în care s-au găsit cioburi (a se vedea mai jos) și rare bucățele de lut ars. În caroul 5, la adâncimea de 0,35 m de la suprafața solului s-a găsit un fragment mic de sticlă(?) zgurificată, iar în caroul 4, aproximativ la aceeași adâncime – două bucățele de zgură de lut. Ca obiecte de inventar notăm: un împungător(?) de fier (fig. 15,4) și un fragment de sârmă de fier, ambele recuperate din solul excavat din secțiune, corespunzător straturilor I-II.

După stratul II efectuându-se răzuirea, s-au evidențiat clar urmele plugului de plantaj, sub forma unor benzi de culoare brun-cenușie late de 20-30 cm, la o distanță de 0,8-1 m una de alta, orientate VNV–ESE.

În stratul III continua parțial pământul arat sau, mai bine spus, solul afectat de fierul plugului, sub care urma lutul steril. În acest strat nu s-au semnalat materiale arheologice.

În secțiunea I s-a descoperit următorul material ceramic: fragmente de vase lucrate la roată din

pastă fină – 69, dintre care 27 în stratul I, 22 în stratul II și 10 în straturile I-II (fig. 7,4.20.22.25; 8,11; 9,1-3); fragmente de vase lucrate la roată din pastă zgrunțuroasă – 17 (fig. 7,3; 8,10), inclusiv nouă în stratul I, trei în stratul II și cinci în straturile I-II; fragmente de vase lucrate cu mâna – trei, dintre care unul în stratul I și două în stratul II; fragmente de amfore romane – șapte (fig. 7,1.2), inclusiv cinci în stratul I și două în straturile I-II.

Secțiunea II a fost executată în partea de est a drumului de țară din marginea de est a localității, la circa 133 m VNV (290°) de secțiunea I. Colțul de NV al săpăturii se afla la 8 m SE (130°) de stâlpul de electricitate nr. 16.

Inițial s-a trasat o secțiune de forma unei tranșei de 2x10 m, împărțită în cinci carouri, având orientarea N-S. Ulterior, în scopul dezvelirii aglomerației de lut ars surprinse în carourile 4-5, s-au mai adăugat încă 9 carouri: trei în partea de V, două în partea de N și patru în partea de E și NE (fig. 2). Drept urmare, săpătura a căpătat o formă neregulată, cu o suprafață de 28 m.p. Numerotarea carourilor s-a făcut de la S la N, în ordinea adăugării lor. Pentru realizarea unor profile, pe latura estică a carourilor 8-10 și pe cea vestică a carourilor 11-14 au fost cruțați niște pereți-martori, lați de 0,3 m, care ulterior au fost excavați.

Pământul din secțiune a fost scos cu cazmaua în patru straturi succesive până la adâncimea de 0,8-0,9 m. Stratul de cultură și aglomerația de lut ars au fost distruse în cea mai mare parte de fierul plugului de plantaj.

Stratul I consta din pământ cenușiu-închis amestecat cu fragmente mici de lut ars, cărbuni și cenușă. În stratul I s-au găsit 17 fragmente de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 7,15.21.23), patru cioburi de vase lucrate la roată din pastă zgrunțuroasă, cinci fragmente de amfore romane și șase oase de animale.

În partea de N a săpăturii (car. 4-13), la adâncimea de 0,2-0,3 m, s-a surprins o aglomerație de lut ars reprezentând resturile unei construcții de suprafață, puternic distrusă de lucrările agricole. Aglomerația consta din bucăți de lut ars de mărimi și culori diferite. Majoritatea vâltucilor aveau culoare roz-cărămizie, mai rar întâlnindu-se și fragmente de culoare cenușie, brună și chiar neagră. Mai multe bucăți de lut prezentau urme de la scheletul lemnos al construcției: nuiele, bărne, pari, uneori păstrând chiar și resturi de lemn carbonizat. Printre bucățile de lut ars s-au semnalat și pietre brute de calcar, unele cu urme puternice de foc.

Forma și dimensiunile aglomerației nu au putut fi precizate, întrucât laturile ei intrau sub pereții

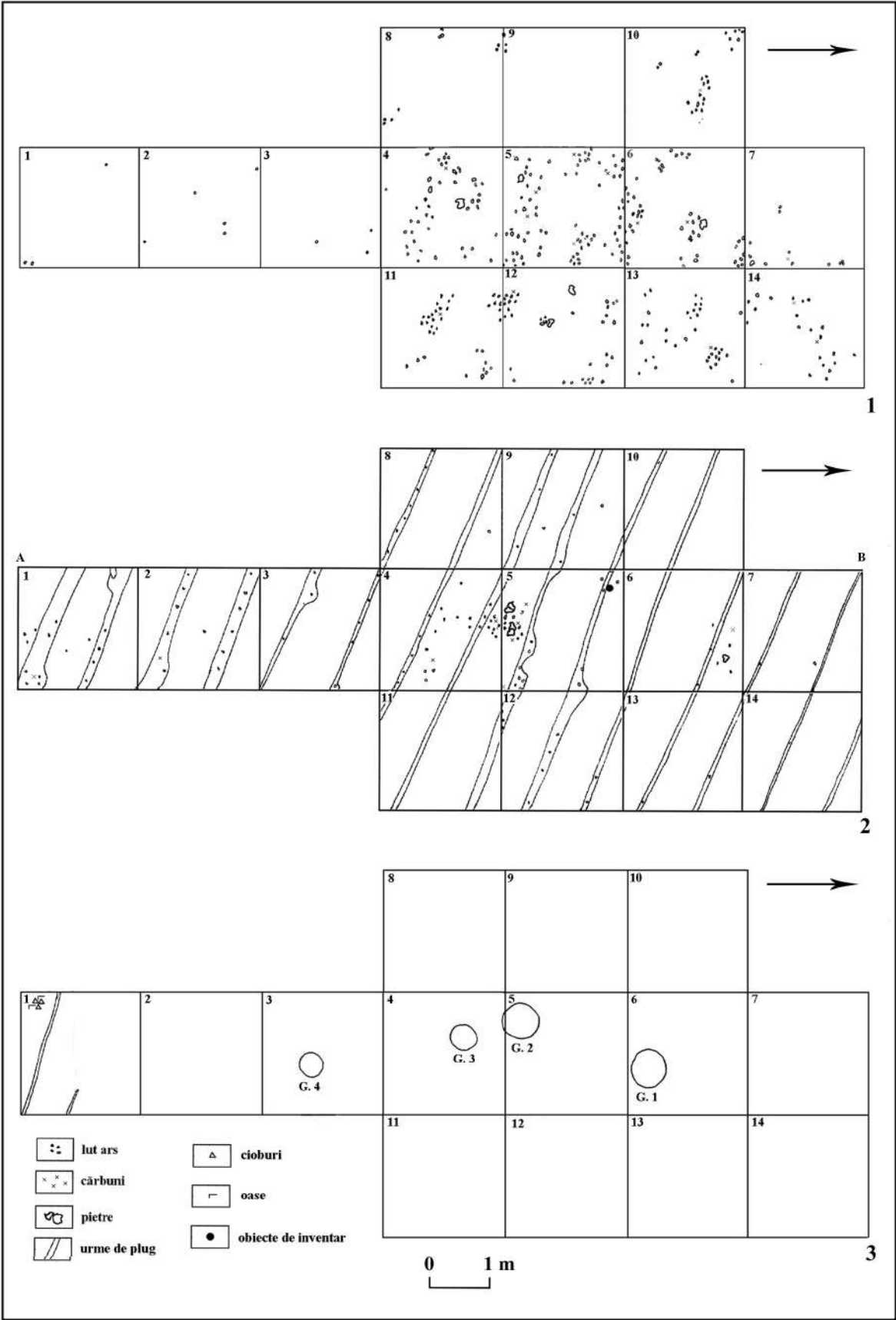

Fig. 2. Ialoveni–Marginea de est a oraşului. Secţiunea II la adâncimile 0,2-0,3 m (1), 0,4-0,5 m (2) şi 0,6-0,7 m (3).

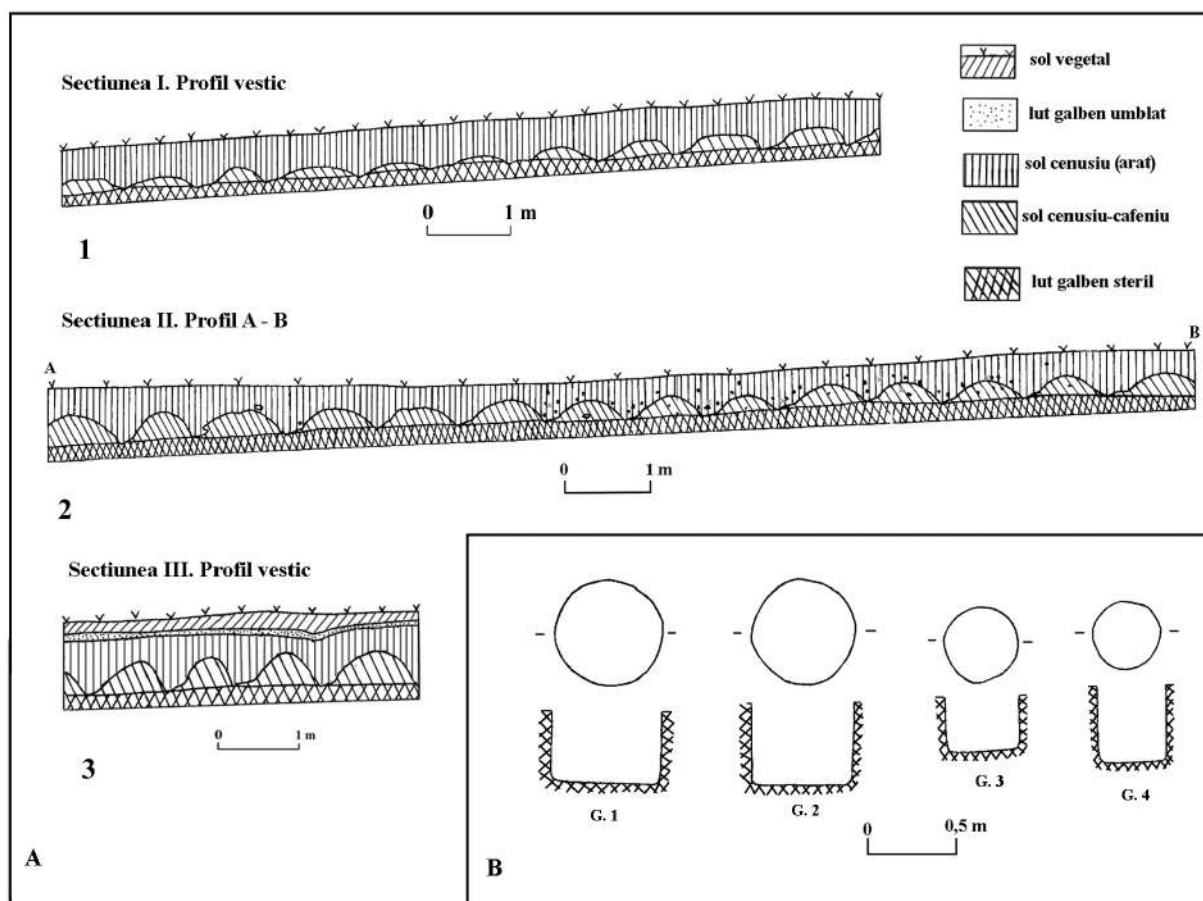

Fig. 3. Ialoveni—Mărginea de est a orașului. A — profile ale secțiunilor I-III, B — gropi de par descoperite în secțiunea II.

săpăturii. Judecând după faptul că în carourile 1-3 și 14 s-au semnalat mai puține resturi de lut ars, se pare că latura scurtă a construcției era orientată N-S, având o lungime de circa 6 m. Din stratul II de săpătură, inclusiv din aglomerația de lut ars s-au recuperat 22 cioburi de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 8, 13, 14), opt fragmente de vase lucrate la roată din pastă zgrunțuroasă (fig. 8, 15), șapte fragmente din amfore romane, un ciob lucrat cu mâna și cinci oase de animale.

Grosimea stratului de chirpici corespunde, în mare parte, stratului II de săpătură. În unele zone din carourile 4-6 stratul de lut ars era mai gros, continuând parțial și în stratul III de săpătură. La limita carourilor 4-5, la adâncimea de 0,4-0,5 m s-a surprins o îngrămadire mică de lut ars, pietre, cărbuni de mici dimensiuni (0,5x0,4 m), care reprezintă, se pare, resturile unei instalații de foc.

La adâncimea de 0,4-0,5 m, pe întreaga suprafață a săpăturii s-au evidențiat urmele fierului de plug, sub forma unor benzi de pământ de culoare mai închisă, care aveau aceeași configurație ca și cele semnalate în secțiunea I.

În stratul III s-au găsit 11 cioburi de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 9, 4, 5), trei cio-

buri de vase din pastă zgunțuroasă, un fragment de amforă romană și câteva oase mici de animale. Se cuvine de remarcat descoperirea în caroul 5 (0,3 m de la latura de V și 0,2 m de la latura de N), la adâncimea de 0,45 m, a unui fragment de vas de sticlă gălbui-verzuie translucidă, decorat cu ove șlefuite (dimensiuni 1,9x1,7 cm; grosimea peretelui 0,25 cm) (fig. 15B, 1).

În colțul de sud-vest al caroului 1, la adâncimea de circa 0,65-0,67 m s-a surprins un mic complex, de fapt o îngrămadire constând din cioburi și câteva oase de animale (fig. 2, 3). Cioburile proveneau de la două vase lucrate cu mâna din pastă grosieră (fig. 7, 27, 28), dintre care se remarcă jumătatea inferioară a unei oale de dimensiuni mari cu corpul bombat.

La adâncimea de 0,65-0,70 m, pe fondul pământului viu s-au surprins limitele a patru gropi de dimensiuni mici, probabil de pari (fig. 2, 3; 3B).

Groapa 1 (car. 6) avea formă cilindrică, cu diametrul de 0,5 m și adâncimea de 0,4 m de la nivelul identificării. Umplutura constă din pământ de culoare cenușiu-cafenie, cu rare bucățele de lut ars. În cuprinsul gropii s-a găsit un ciob atipic și un os de animal.

Groapa 2 (car. 5) era de formă cilindrică, cu

diametrul de 0,5 m și adâncimea de 0,5 m. În solul de umplutură s-au găsit două fragmente de vase lucrate la roată din pastă fină și câteva bucățele de cărbune.

Groapa 3 (car. 4) avea formă cilindrică, cu diametrul de 0,3 m și adâncimea de 0,3 m la nivelul depistării. Fără material arheologic.

Groapa 4 (car. 3) era de formă cilindrică, cu diametrul de 0,25 m și adâncimea de 0,45 m. În solul de umplutură de culoare cenușiu-cafenie s-a găsit un os ars.

Secțiunea III a fost executată pe un lot destinat construcției individuale (proprietar Nicolae Cecan), situat în partea de vest a drumului de țară amintit, pe un teren în paragină, relativ drept. Secțiunea avea forma unui sondaj de 2x4 m, orientat pe axa N-S. Colțul de sud-est al secțiunii se afla la 8 m NV (315°) de stâlpul nr. 16 de la rețeaua electrică și la 16 m NV de secțiunea II. Scopul trasării acestui sondaj a fost de a clarifica dacă stratul de resturi arheologice constatat în secțiunea I se întinde și în această direcție. Pământul a fost scos cu hârlețul în 4 straturi succesive până la adâncimea de 0,8-0,9 m.

Rezultatul cercetării a fost foarte slab, descoperindu-se numai câteva cioburi mici și atipice din epoca romană târzie și modernă.

Stratigrafia verticală (fig. 3A,3) se prezintă în felul următor: sol vegetal de culoare cenușiu-cafenie, gros de circa 0,2 m; un strat subțire, de 0,05-0,10 m de lut umblat, amestecat cu pietriș; de la nivelul de 0,25-0,35 m până la lutul viu de la adâncimea de 0,7-0,9 m urma un strat de pământ de culoare cenușie arat cu plugul de plantaj. Plugul de plantaj a afectat și lutul galben, după cum dovedesc benzile de sol cenușiu.

De pe suprafața stațiunii au fost culese mai multe cioburi de vase lucrate la roată din pastă fină și zgrunțuroasă, câteva fragmente de amfore romane și de vase lucrate cu mâna din pastă grosieră (fig. 7,5-14,16-19; 8,1-9,16-30). De asemenea, s-au găsit o cataramă de fier cu veriga rectangulară și ax central (dim. 5x3,4 cm) (fig. 15B,3), o dălțiță (L 3,2 cm) (fig. 15B,2) și câteva fragmente de sârmă de fier de origine recentă.

Cu excepția câtorva cioburi și piese de metal (fig. 15B,2-4) din epoca modernă sau contemporană și a unui fragment de vas lucrat cu mâna din pastă grosieră decorat cu proeminente în formă de limbă (fig. 8,25), ce pare să dateze din Hallstatul târziu, restul vestigiilor descoperite în punctul *Marginea de est a orașului* aparțin unei așezări de tip Sântana de Mureș-Černjachov (sec. IV d.Hr.). Din păcate însă, așa cum au arătat cele trei sondaje documentare, stratul arheologic al sitului a fost

distrus complet de lucrările agricole, mai precis de arăturile adânci executate cu plugul de plantaj. Puternic afectată de fierul plugului s-a dovedit a fi și construcția de suprafață surprinsă în secțiunea II, neputându-se stabili fie și cu aproximație nici forma, nici dimensiunile ei. Judecând după faptul că era dotat cu o instalație de foc și după alte indicii, complexul în discuție, care a putut fi dezvelit doar parțial, reprezenta o locuință de dimensiuni medii sau mari construită la suprafața solului. Așa cum dovedesc cercetările arheologice de până acum, locuințele de suprafață lucrate din lemn și lipituri de lut erau foarte răspândite în așezările culturii Sântana de Mureș-Černjachov din spațiul pruto-nistrean, complexe de locuire adâncite de tipul semibordeiilor sau bordeiilor fiind atestate mult mai rar (Рикман 1975a, 80-83; 1975c, 50-87; Vornic 2006, 65-69; Levițki ș.a. 2005, 315-321).

Pentru datarea mai restrânsă a locuinței de suprafață de la Ialoveni deosebit de important este fragmentul de vas de sticlă ornamentat cu ove șlefuite, recuperat dintre dărâmăturile construcției. Ciobul (fig. 15B,1) provine de la un pahar de sticlă gălbuie, cu pereții relativ subțiri, având corpul cvasicilindric, decorat cu trei sau patru rânduri de ove polizate. Reprezintă *tipul 2 (Kowalk)* după G. Rau, datat în al doilea și al treilea sfert al sec. IV (Rau 1972, 124.164) sau *seria A a tipului I* după clasificarea lui E. Straume, cu datare la sfârșitul fazei C2 și până în partea finală a fazei C3 (Straume 1987, 28.29). În spațiul pruto-nistrean pahare de sticlă întregi sau întregibile de acest fel se cunosc din descoperirile de la Dănceni (Рафалович 1986, табл. XXXIX, 8), Oselivka (Лихтер 1988, рис. 1) și Ciocîlteni (Ioniță, Mamalaucă, Vornic 2008, 52, nr. 243).

O altă piesă de inventar descoperită în așezarea de la Ialoveni-*Marginea de est a orașului*, dar care nu prezintă valoare cronologică, este o piatră de ascuțit de gresie. De formă relativ prismatică și de dimensiuni relativ mari, piesa are pe două laturi câte un jgheab longitudinal, rezultate de la ascuțirea acelor sau împungătoarelor de metal. La fel ca și alte ustensile, precum fusaiiolele de lut ori cuțitele fe fier, cutele de gresie sunt apariții frecvente în aria culturii Sântana de Mureș-Černjachov, nelipsind aproape din nici o așezare cercetată prin săpături.

Ca în toate complexele culturii Sântana de Mureș-Černjachov, ceramica constituie principalul material arheologic recoltat și în așezarea de la Ialoveni-*Marginea de est a orașului*, cuprinzând următoarele categorii de bază: vase modelate cu mâna, recipiente lucrate la roată din pastă fină sau din pastă zgrunțuroasă și amfore romane de import. Menționăm în context că bogatul material

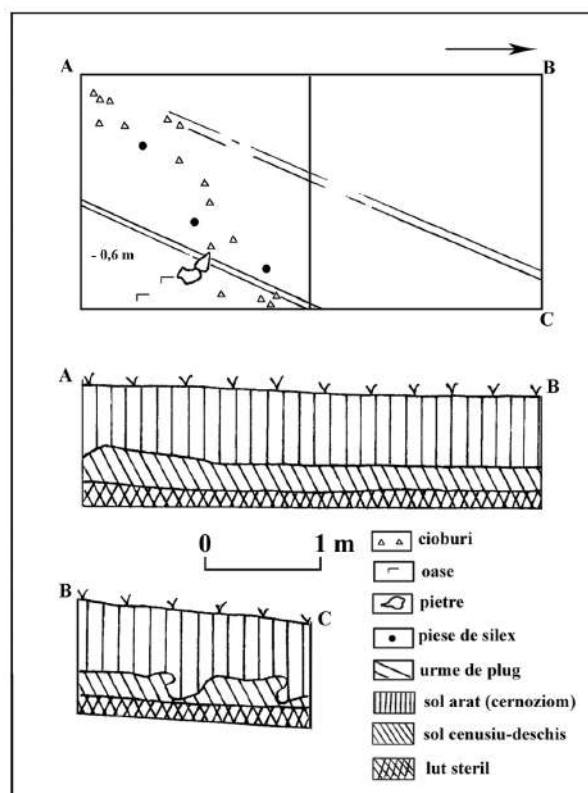

Fig. 4. Ialoveni–Panta de vest a Șesului lui Mardari. Secțiunea I (plan și profile).

ceramic recuperat cu prilejul recunoașterilor de teren din anul 2005 a fost examinat amănunțit într-un alt articol (Vornic, Tabuncic 2007, 322-327), în rândurile de mai jos urmând să prezentăm ceramica provenită din cercetările ulterioare.

Ceramica lucrată cu mâna este puțină, fiind documentată prin câteva cioburi atipice, un rest de buză dreaptă și fragmente din partea inferioară a trei borcane cu fundul plat (fig. 7,26-28; 8,27). Dintre acestea din urmă se remarcă un exemplar cu corpul bombat de dimensiuni mari, având urme de netezire cu măturica pe ambele fețe, tip de borcan atestat mai rar în complexele culturii Sântana de Mureș. Analogii apropiate se cunosc în așezarea recent descoperită și cercetată de la Chișinău-Valea Morilor, situată la distanța de cca 10 km spre N (material inedit, săpături Sergiu Bodean). Recipientele la care ne referim au fost lucrate dintr-o pastă grosieră, cu șamotă și alte impurități în textură, și arse neuniform, căpătând culori diferite, preponderent maroniu-cenușie la exterior și cenușiu-negricioasă în spătură.

Cantitativ și tipologic, cel mai bine reprezentată este ceramica lucrată la roată din pastă fină. Forma mai frecvent întâlnită în cadrul acestei categorii ceramice este castronul, care apare în diverse tipuri și variante (fig. 7,7.9-12.14.15.20; 8,1.5.6.9). Castroanele cu profilul bitronconic sau

cu partea superioară cilindrică sunt deseori ornamentate cu diferite motive executate în relief (nervuri și praguri) și în tehnica lustrului (linia în zigzag, vălurită sau liniile dispuse oblic în rețea) (fig. 7,10.14; 8,6.9). O altă formă de vas specifică ceramicii fine este cana. Posedăm însă numai două fragmente de torți și un rest de buză care provin sigur de la vase de acest fel. O toartă este în formă de bandă cu o șanțuire longitudinală pe latura exterioră (fig. 8,7), iar alta cu secțiunea circulară (fig. 7,13). Un ciob provine de la o cană cu gura largă, gâtul cilindric și marginea evazată, sub care era prins capătul superior al torții (fig. 7,23). În fine, tot din categoria cănilor ar putea face parte cu probabilitate un fragment dintr-un recipient cu pereții subțiri, gâtul cilindric îngust și marginea dreaptă, ușor îngroșată (fig. 8,19). Oalele din pastă fină apar rar. S-a identificat un singur fragment de asemenea vas, care avea corpul rotunjit decorat pe umăr cu un brâu în relief, iar mai jos cu o linie orizontală în zigzag lustruită (fig. 8,8).

Judecând după descoperirile făcute până în prezent, în așezarea de care ne preocupăm ceramica lucrată la roată din pastă zgrunțuroasă a fost întrebuințată într-o proporție mai scăzută decât olăria din pastă fină. Respectiv, dispunem și de mai puține fragmente caracteristice, toate aparținând, se pare, unor vase-borcan. Din cauza micimii cioburilor, tipurile diferențiate ale oalelor nu pot fi reconstituite. După profilul marginii însă, se pot deosebi mai multe variante de borcane, asupra cărora nu mai insistăm (fig. 7,3; 8,3.20-24).

Ceramica romană este puțină. Cu prilejul sondajelor s-au descoperit cca 20 de cioburi, toate provenind de la amfore, dar numai trei caracteristice: o bază inelară și două resturi de torți. Majoritatea cioburilor, printre care baza (fig. 7,2) și un fragment de toartă, utilizat după spargerea amforei în calitate de lustruitor (fig. 7,1), aparțin unor recipiente cu gâtul îngust, corpul piriform și fundul inelar, cilindric, lucrate din pastă zgrunțuroasă de culoare roz-gălbuie, cu particule maronii și negre în textură, corespunzătoare tipului *D (Tanais)* sau *F (Inkerman)* de amfore după clasificarea lui D. Șelov, primul cu datare în sec. III d.Hr., iar al doilea în veacul următor (Шелов 1978, 19-21), ultimul având și cea mai largă răspândire în mediul culturii Sântana de Mureș-Černjachov (Магомедов 2001, 82). Un alt fragment de toartă, din bandă cu trei șanțuiri largi longitudinale la exterior, aparține unei amfore lucrate din pastă cărămie cu nisip fin în compoziție (fig. 7,5), tipul căreia este mai dificil de stabilit. Tot de la o amforă, a cărei formă nu a putut fi stabilită nici măcar cu aproximație, pare să fie și un fragment de perete decorat cu o

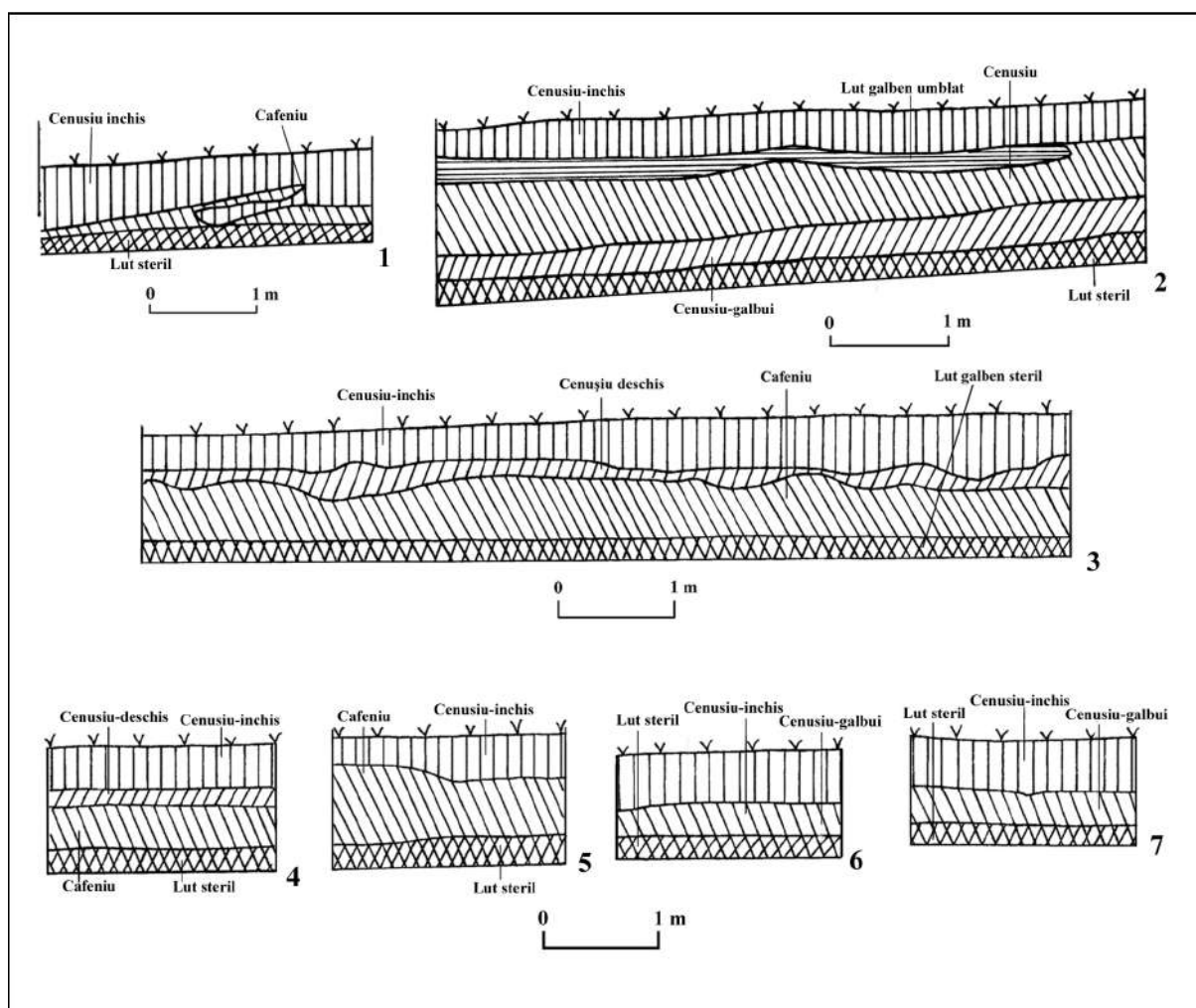

Fig. 5. Ialoveni. *Hotarul de est al orașului*, secțiunea I, profil vestic (1), *Hârtop*, secțiunea II, profil sudic (2), *La sud-vest de Iazul lui Bozu*, profile vestice ale secțiunilor I (3), II (4) și III (5), *Panta vestică a Șesului lui Mardari*, profile vestice ale secțiunilor II (6) și III (7).

bandă de linii incizate orizontale (fig. 7,8). Vasul de la care provine acest ciob a fost lucrat dintr-o pastă mai compactă, cu nisip mărunț în compoziție, și a fost ars la roșu-marونی.

Ialoveni-Hotarul de est al orașului (fig. 1,2). Sit arheologic cu urme de viață umană datând din mai multe epoci: neolitic(?), bronz târziu sau Hallstatt, perioada romană târzie (sec. IV d.Hr.) și evul mediu dezvoltat (sec. XVI-XVIII), descoperit de I. Rafalovič în 1958. Se află la cca 1,4 km ESE de așezarea Sântana de Mureș-Černjachov descrisă mai sus, pe panta de vest a unei văi ce se deschide în valea râului Ișnovăț (Vornic, Tabuncic 2006, 365-367; 2007, 327).

În acest obiectiv arheologic a fost executat un singur mic sondaj, având drept scop precizarea stratigrafiei verticale din acest punct. Sondajul,

de forma unei casete, avea dimensiunile de 1,5x3 m, fiind orientat pe direcția N-S, cu colțul de NE la cca 59 m NNV de stâlpul de electricitate nr. 53. Pământul a fost excavat cu cazmaua în patru straturi succesive, până la adâncimea de 0,8-0,9 m. La fel ca și în așezarea Sântana de Mureș din marginea de est a or. Ialoveni, stratul de cultură s-a dovedit a fi distrus complet de plugul de plantaj, fierul căruia a afectat și lutul viu. Stratigrafia verticală (fig. 5,1) este simplă: sol cenușiu-închis, gros de 0,4-0,5 m, sub care urmează un strat de sol intermediar cenușiu-cafeniu, gros de 0,1-0,2 cm; solul galben se afla la adâncimea de 0,7 cm. Urmele de plug s-au surprins clar, atât în plan orizontal, cât și în profilele sondajului.

În cuprinsul sondajului s-a descoperit următorul material arheologic: 10 fragmente de vase lu-

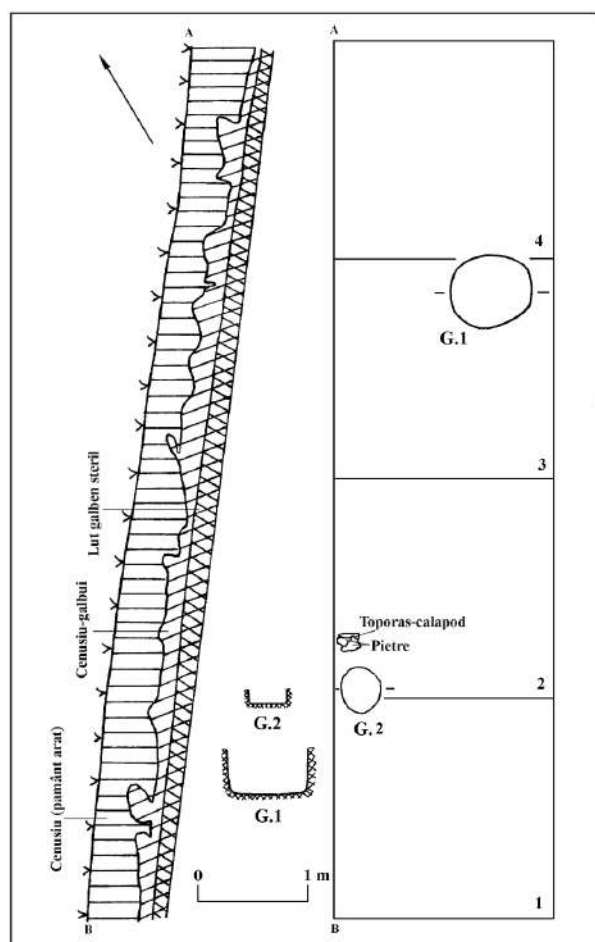

Fig. 6. Ialoveni-Hârtop. Secțiunea I.

crate cu mâna datând din epoca bronzului sau Hallstatt, dintre care se remarcă un rest de toartă prevăzută cu buton cilindric (fig. 9,7) și altul de toartă din bandă lată cu șanțuire pe latura exterioară (fig. 9,8), trei cioburi de vase lucrate la roată din pastă fină cenușie (fig. 9,6), două fragmente atipice de amfore romane și câteva oase de animale.

De pe suprafața stațiunii s-au cules mai multe cioburi provenite de la vase lucrate cu mâna datând din epoca bronzului sau Hallstatt (fig. 9,9-12.14.15) și altele specifice culturii Sântana de Mureș-Černjachov modelate cu mâna (fig. 9,13) sau la roată din pastă fină (fig. 9,17-23.30). Consemnăm în același timp că fragmente de recipiente din pastă grosolană cu păioase în compoziție, descoperite anterior și atribuite epocii neolitice, nu s-au semnalat în cursul cercetărilor de teren din toamna anului 2006. De asemenea, nu s-au găsit decât câteva cioburi atipice aparținând epocii medievale târzii. În schimb, s-au aflat mai multe oase de animale și bucăți de lut ars, ultimele fiind, se pare, resturi de la pereții unor construcții de suprafață.

Așa cum reiese din prezentarea de mai sus, majoritatea ceramicii lucrate cu mâna recuperate din punctul *Hotarul de est al orașului* aparține unei așezări datând din perioada bronzului târziu sau din prima epocă a fierului. Unele cioburi provin de la niște oale și vase în formă de sac, unele fiind ornamentate pe jumătatea superioară a corpului cu brâie simple în relief (fig. 9,9-12). Aceste recipiente au fost lucrate dintr-o pastă impură, cu șamotă în compoziție, și arse neomogen, la cafeiniu-cenușiu sau maroniu, în exterior, și la cenușiu, în interior. Alte cioburi sunt de la niște cești ori căni cu torțile în formă de bandă (fig. 9,8.15) sau ovale în secțiune și prevăzute cu butoni cilindrici (fig. 9,7), lucrate dintr-o pastă compactă, cu nisip fin și resturi de șamotă în structură, arse oxidant, dar incomplet. Tot aceleași categorii ceramice aparține și un fragment de vas cu pereții subțiri, decorat pe umăr cu linii oblice incizate (fig. 9,14). Fiind redus cantitativ și puțin semnificativ, materialul ceramic analizat nu poate fi datat cu precizie în stadiul actual al cercetărilor. Consemnăm totuși că el își găsește anumite analogii între descoperirile complexului cultural Noua-Sabatinovka din perioada bronzului târziu și ale grupului cultural Saharna-Solonceni din prima epocă a fierului².

Un alt nivel de locuire documentat clar cu prilejul sondajului în situl de la Ialoveni-*Hotarul de est al orașului*, dar tot numai prin ceramică, aparține culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Dintre puținele resturi de vase lucrate cu mâna atribuite acestui orizont cultural-cronologic se evidențiază un fragment de oală modelată din pastă grosieră, cu cioburi pisate în compoziție, având marginea arcuită spre interior (fig. 9,13), tip de vas considerat de tradiție nordică și databil în etapele timpurii ale culturii Sântana de Mureș-Černjachov (Магомедов 2001, 46-47; Șovan 2005, 165-166.188-189). Celelalte fragmente ceramice caracteristice provin de la o cană cu toarta din bandă (fig. 9,19) și diferite tipuri de castroane lucrate la roată din pastă fină (fig. 9,17.18.20-23). Dintre acestea din urmă, în chip deosebit se remarcă un ciob de la un castron cu trei torți și marginea în formă de T, având partea de sus decorată cu o linie dreaptă și două în zigzag lustruite (fig. 9,17).

Ialoveni-Panta de vest a Șesului lui Mardari (fig. 1,6). Așezare stratificată cu resturi de locuire din mai multe epoci: neolitic (cultura ceramicii liniare), eneolitic (cultura Cucuteni-Tripolie, faza C), Hallstattul timpuriu (grupul cultural Chișinău-Corlăteni), perioada romană târzie (sec. III-IV d.Hr.) și evul mediu (sec. XVI-XVIII). Situat la

² Pentru determinarea și încadrarea cultural-cronologică a acestor resturi ceramice am solicitat și opinia colegilor noștri, dr.hab. Oleg Levițki, dr. Maia Kașuba și Serghei Agulnicov, cărora le mulțumim și pe această cale.

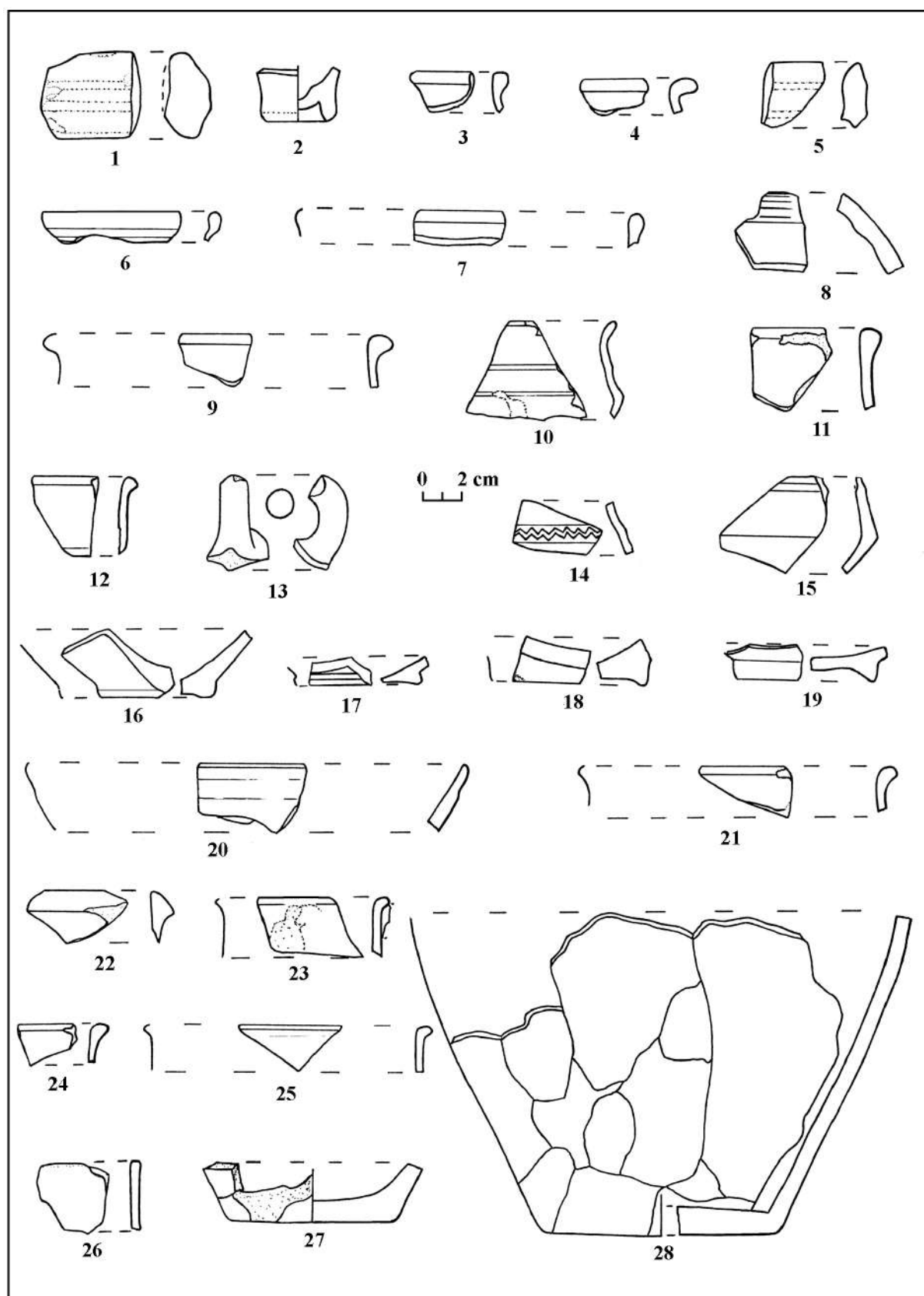

Fig. 7. Ialoveni–*Marginea de est a oraşului*. Ceramică romană (1, 2, 5), lucrată la roată din pastă fină (4, 6-25), zgrunțuroasă (3) și modelată cu mâna (26-28) din secțiunile I (1-4, 20, 22, 25), II (15, 21, 23, 26-28) și de la suprafața solului (5-14, 16-19).

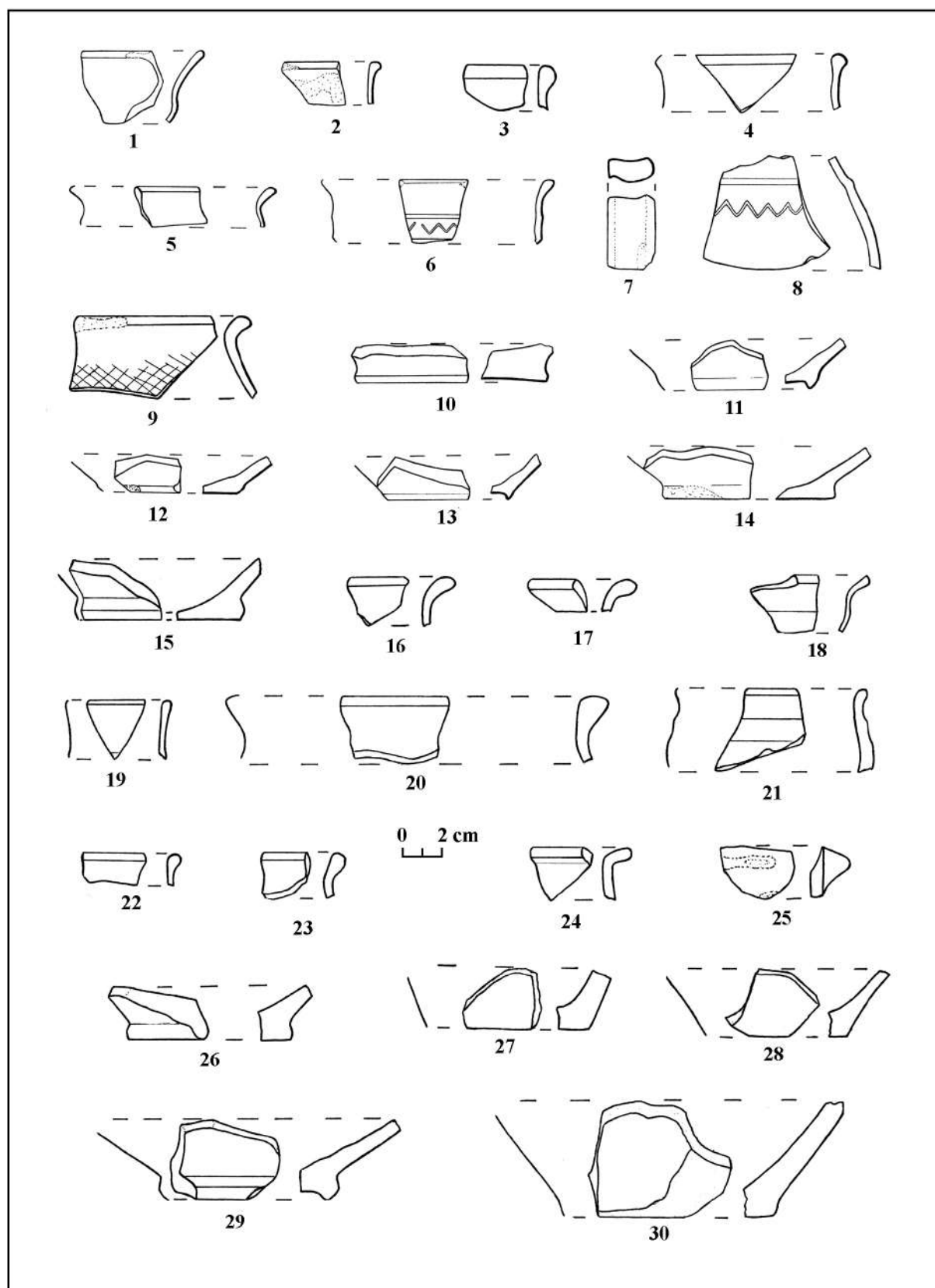

Fig. 8. Ialoveni–*Marginea de est a oraşului*. Ceramică lucrată la roată din pastă fină (1, 2, 4-9, 11-14, 16-19, 29), zgrunțuroasă (3, 10, 15, 20-24, 26, 28, 30) și cu mână (25, 27) din secțiunile I (10, 12), II (11, 13-15) și de la suprafața solului (1-9, 16-30).

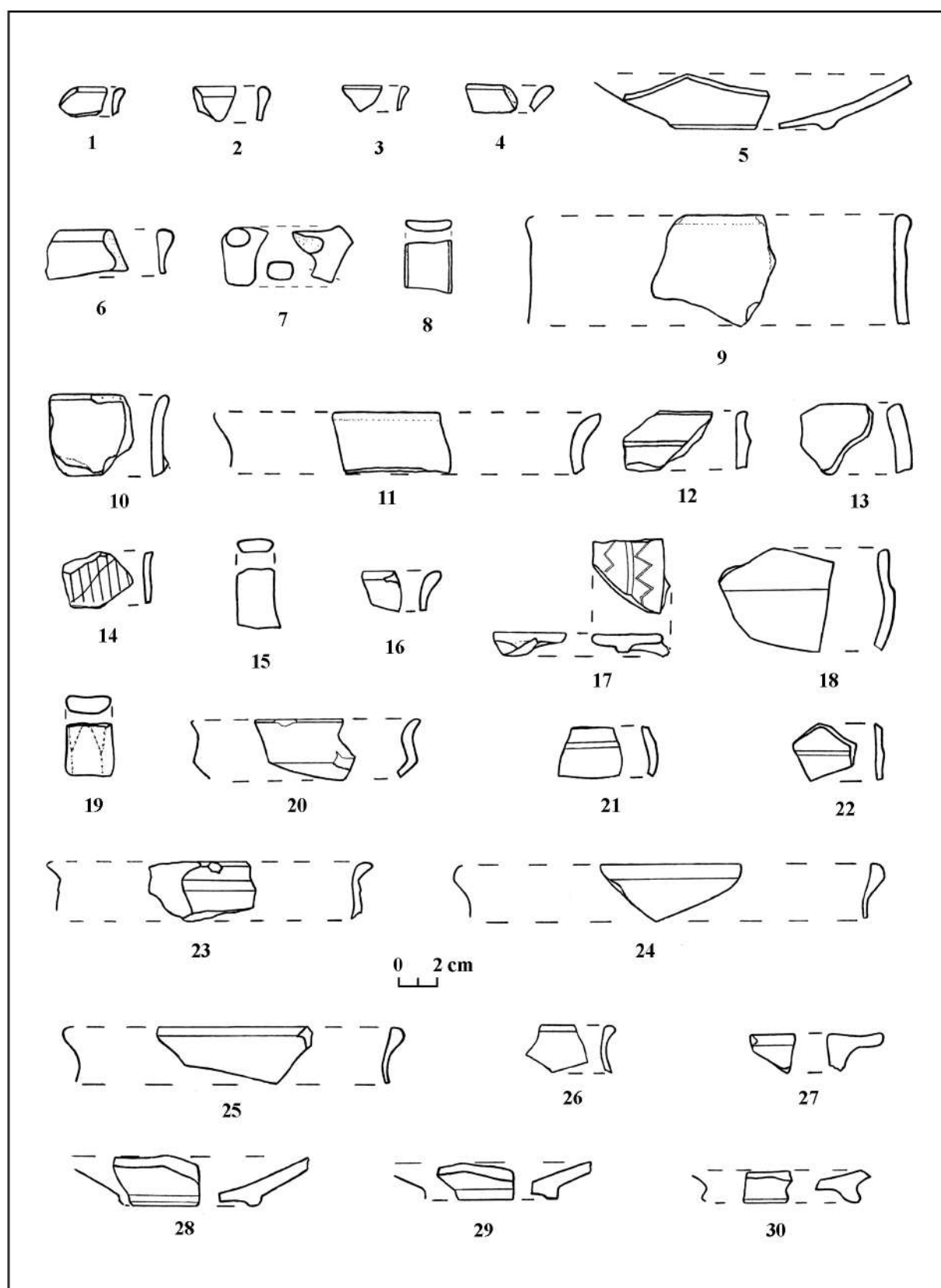

Fig. 9. Ialoveni. Ceramică lucrată la roată din pastă fină (1-6, 16-30) și cu mână (7-15) descoperită în punctele *Marginea de est a orașului*, secțiunile I (1-3) și II (4-5), *Hotarul de est al orașului*, secțiunea I (6-8), *passim* (9-23, 30) și *La sud-vest de Iazul lui Bozu*, de la suprafața solului (24-29).

cca 1 km S de orașul Ialoveni, pe o platformă de pe panta vestică a *Șesului lui Mardari*, situl a fost descoperit de V. Bikbaev în anul 1983 (Ларина 1999, 28.29.115; Vornic, Tabuncic 2006, 371; 2007, 330).

În diferite zone ale sitului au fost executate trei mici sondaje, având ca scop obținerea unor prime date referitoare la stratigrafia verticală și descoperirea a noi materiale arheologice care să permită determinarea mai exactă a orizonturilor culturale și cronologice atestate prin periegheze.

Secțiunea I a fost trasată în partea centrală a platformei din partea superioară a pantei vestice a *Șesului lui Mardari*, pe un câmp cultivat cu porumb, aparținând localnicei Maria Pascal. Secțiunea reprezintă un sondaj de 2x4 m, orientat pe direcția N-S (fig. 4). Pământul a fost excavat în cinci straturi succesive până la adâncimea de 1-1,1 m.

Stratul I consta din pământ arat de culoare cenușiu-închisă, în care s-a găsit un împungător din fier (L 8 cm) (fig. 15B,5), 18 cioburi de vase lucrate cu mâna (dintre care două aparținând orizontului neolitic, opt de tip Cucuteni-Tripolie, două atribuite Hallstattului timpuriu și șase nedeterminate) (fig. 10,16.22; 12.3), trei oase, o piatră cu urme de foc și mai multe bucăți de lut ars.

Stratul II prezenta același sol arat cenușiu-închis, din care s-au recuperat 28 de cioburi de vase lucrate cu mâna (unul atribuit culturii ceramicii liniare, 15 – culturii Cucuteni-Tripolie, două culturii Chișinau-Corlăteni și 10 nedeterminate) (fig. 10,24.26; 12,1), un fragment de vas lucrat la roată din pastă cenușie, datând din epoca romană, o piesă de silex, cinci oase și mai multe bucăți de lut ars.

Stratul III consta, în mare parte, din pământ arat de culoare cenușie-închisă, care trecea spre bază în sol cenușiu-deschis, nederanjat de fierul plugului modern. Din acest strat s-au recuperat 80 de cioburi lucrate cu mâna (66 atribuite orizontului neolitic, 10 de tip Cucuteni-Tripolie, patru nedeterminate) (fig. 11,11-20; 12,2.4), un ciob de vas cenușiu lucrat la roată și un fragment de amforă romană, 16 oase, o piesă de silex, câteva pietre brute de gresie și fragmente de lut ars.

Stratul IV și, în parte, stratul V de săpătură corespundeau stratului de depuneri arheologice din vremea culturii ceramicii band-liniare nederanjat de lucrările agricole, care consta din pământ cenușiu-vinețiu amestecat cu cioburi, oase, piese de silex, pietre de calcar și pigmenți de lut ars și cărbune. Materialul arheologic se găsea cu precădere în partea sudică a secțiunii. Din straturile IV și V s-au recuperat 78 de cioburi aparținând orizontului neolitic (fig. 11,1-10; 12,11-17), două cioburi atipice eneolitice(?), cinci piese de silex (fig. 17,3-5),

45 de oase, 12 pietre neprelucrate de calcar și câteva fragmente de lut ars. Sub stratul arheologic din epoca neolitică, de la nivelul de 0,8-0,9 m urma lutul gălbui steril.

Secțiunea II, reprezentând un sondaj de 2x2 m, cu orientarea N-S, a fost deschisă în partea inferioară a pantei vestice a *Șesului lui Mardari*, la 136 m NE (55°) de Secțiunea I și la 121 m VNV (305°) de o fântână, pe un lot de teren cultivat cu porumb (proprietar Petru Crețu). Stratigrafia verticală (fig. 5,6) se prezintă în felul următor: sol arat de culoare cenușiu-închisă, gros de 0,4 m, sub care urma pământ cenușiu deschis, cu foarte puține resturi arheologice. Solul viu a apărut la nivelul de 0,6-0,7 m. În cuprinsul sondajului, mai exact în straturile I-III de săpătură s-a descoperit următorul material arheologic: 27 de fragmente de vase lucrate cu mâna (patru specifice epocii neolitice, cinci de tip Cucuteni-Tripolie, cinci din prima epocă a fierului și 13 nedeterminate), cinci oase de animale, nouă pietre mici de calcar și un fragment de lut ars. Sondajul a arătat că stratul consistent de depuneri arheologice din epoca neolitică constatat în Secțiunea I în acest sector lipsește, fiind probabil distrus de lucrările agricole.

Secțiunea III a fost un sondaj de 1x2 m orientat N-S, executat pe lotul agricol al Mariei Stegărescu, la 45 m NNE (25°) de Secțiunea I. Pământul a fost scos în patru straturi succesive până la adâncimea de 0,8 m (fig. 5,7). În zona unde a fost deschis sondajul, la suprafața solului s-au semnalat mai multe bucăți de lut ars, resturi dintr-o construcție de suprafață. Stratul I prezenta sol cenușiu-închis pigmentat cu lut ars, din care s-au recuperat două cioburi neolitice, un fragment de tip Cucuteni-Tripolie, două cioburi de vase cenușii lucrate la roată din perioada medievală târzie și alte nouă cioburi ceramice nedeterminate (fig. 11,22), precum și un os de animal. Stratul II conținea același sol cenușiu-închis amestecat cu pigmenți de lut ars, în care s-au găsit trei cioburi tipice Hallstattului timpuriu (fig. 11,21) un ciob de amforă romană, un fragment de vas cenușiu lucrat la roată, 11 fragmente de recipiente lucrate cu mâna nedeterminate, șase oase de animale și mai multe fragmente de lut ars. Stratul III consta din sol de culoare cenușiu-deschis, în care s-au găsit cinci cioburi eneolitice, trei hallstattiene, patru silexuri, două oase și cinci fragmente de lut ars. Stratul IV prezenta lut galben, fără resturi arheologice.

De la suprafața solului din punctul *Panta de vest a Șesului lui Mardari* au fost culese mai multe fragmente ceramice datând din neolitic (fig. 10,9-12.15), eneolitic (fig. 10,27), Hallstattul timpuriu (fig. 10,7.13.14.17-21), epoca romană (fig. 10,1-5; 12,21-24) și evul mediu târziu (fig. 12,18-20).

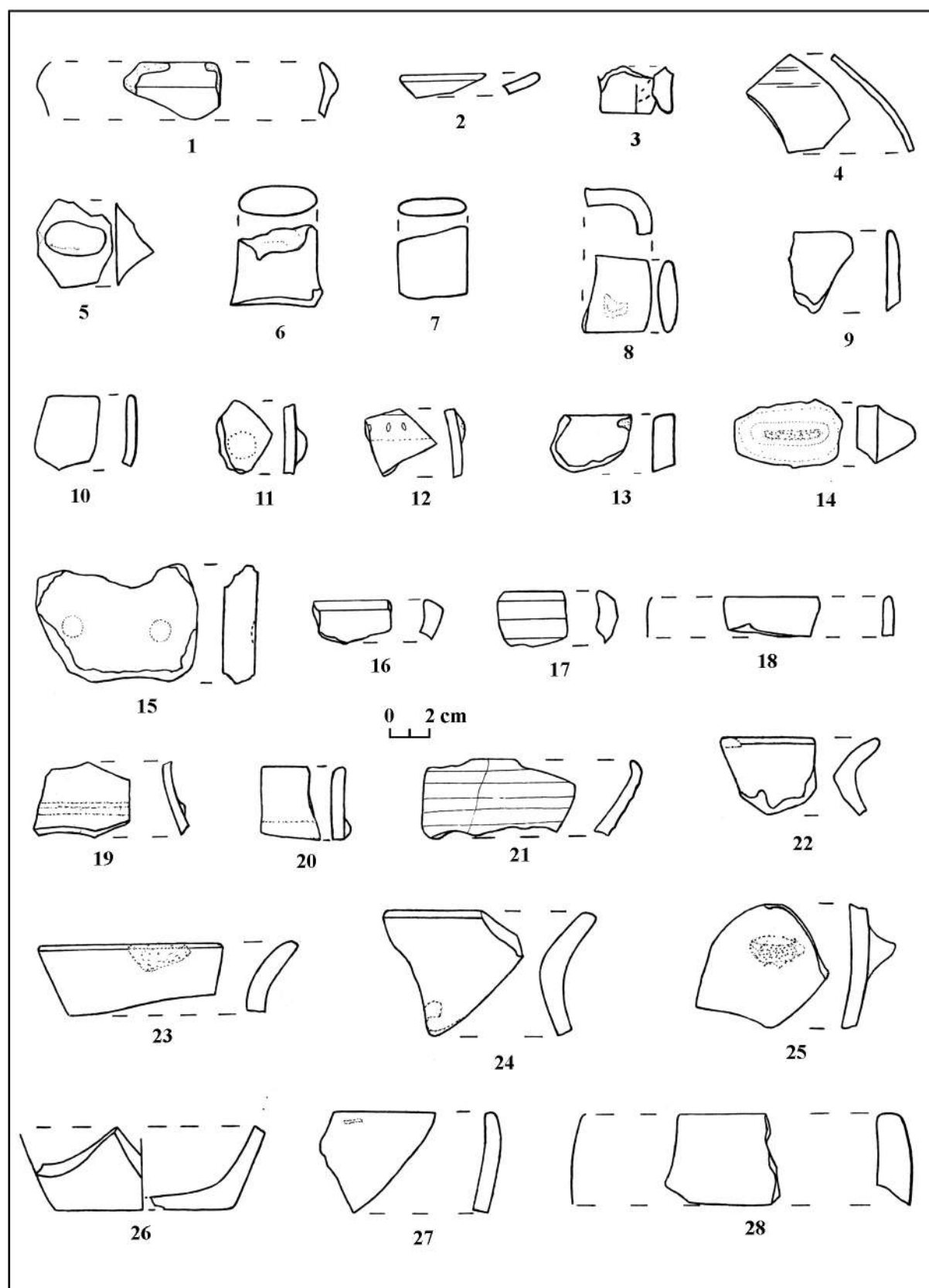

Fig. 10. Ialoveni–*Panta de vest a Șesului lui Mardari*. Ceramică cenușie lucrată la roată din pastă fină (1, 2), de factură romană (3-5), lucrată cu mâna (6-27) și fragment de vas de piatră (28), descoperite în secțiunile I (16, 22, 24-26), II (27) și la suprafața solului (1-15, 17-21, 23, 28).

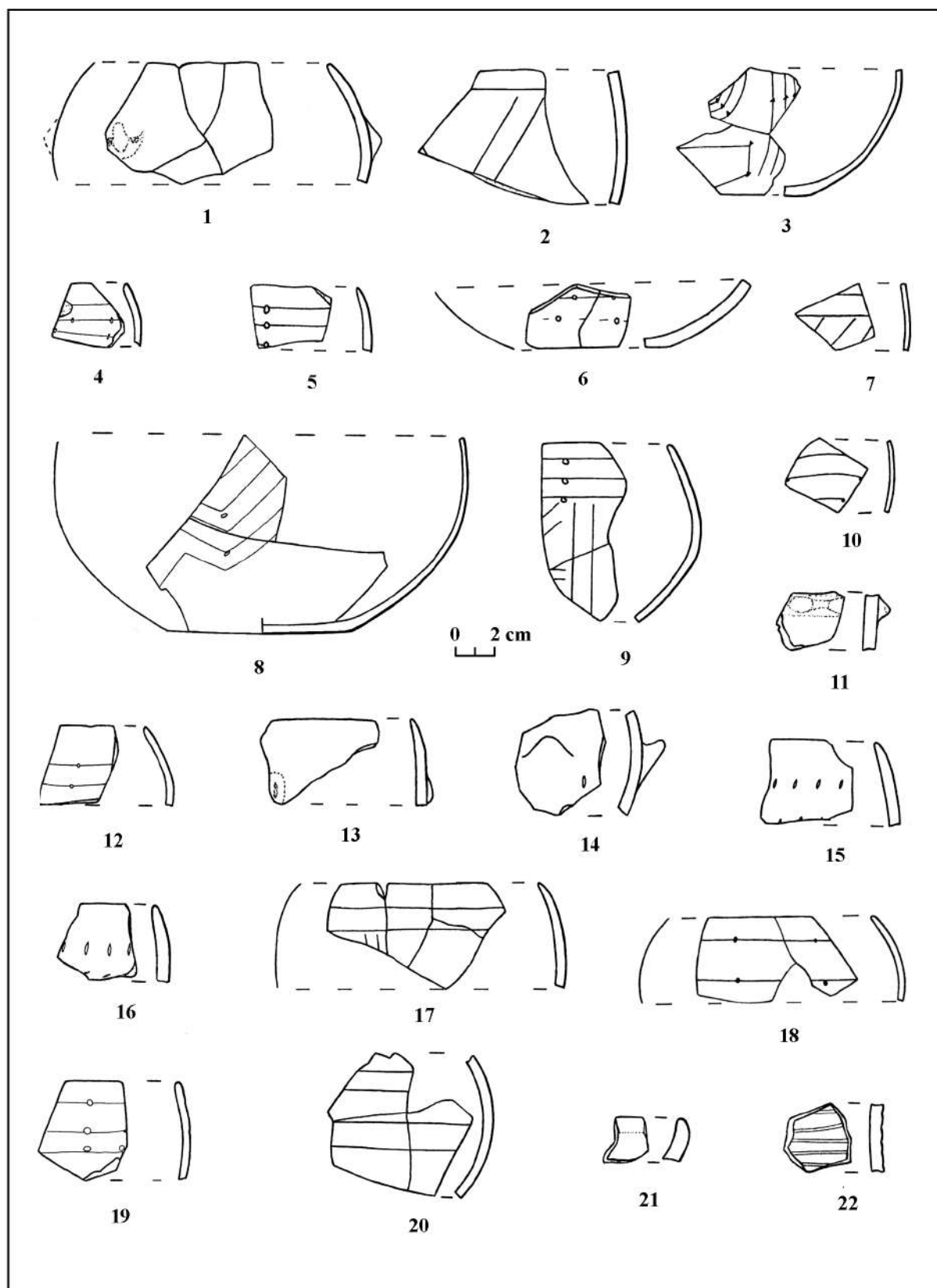

Fig. 11. Ialoveni—*Panta de vest a Șesului lui Mardari*. Ceramică lucrată cu mîna (2-10) din secțiunile I (1-20) și III (21-22).

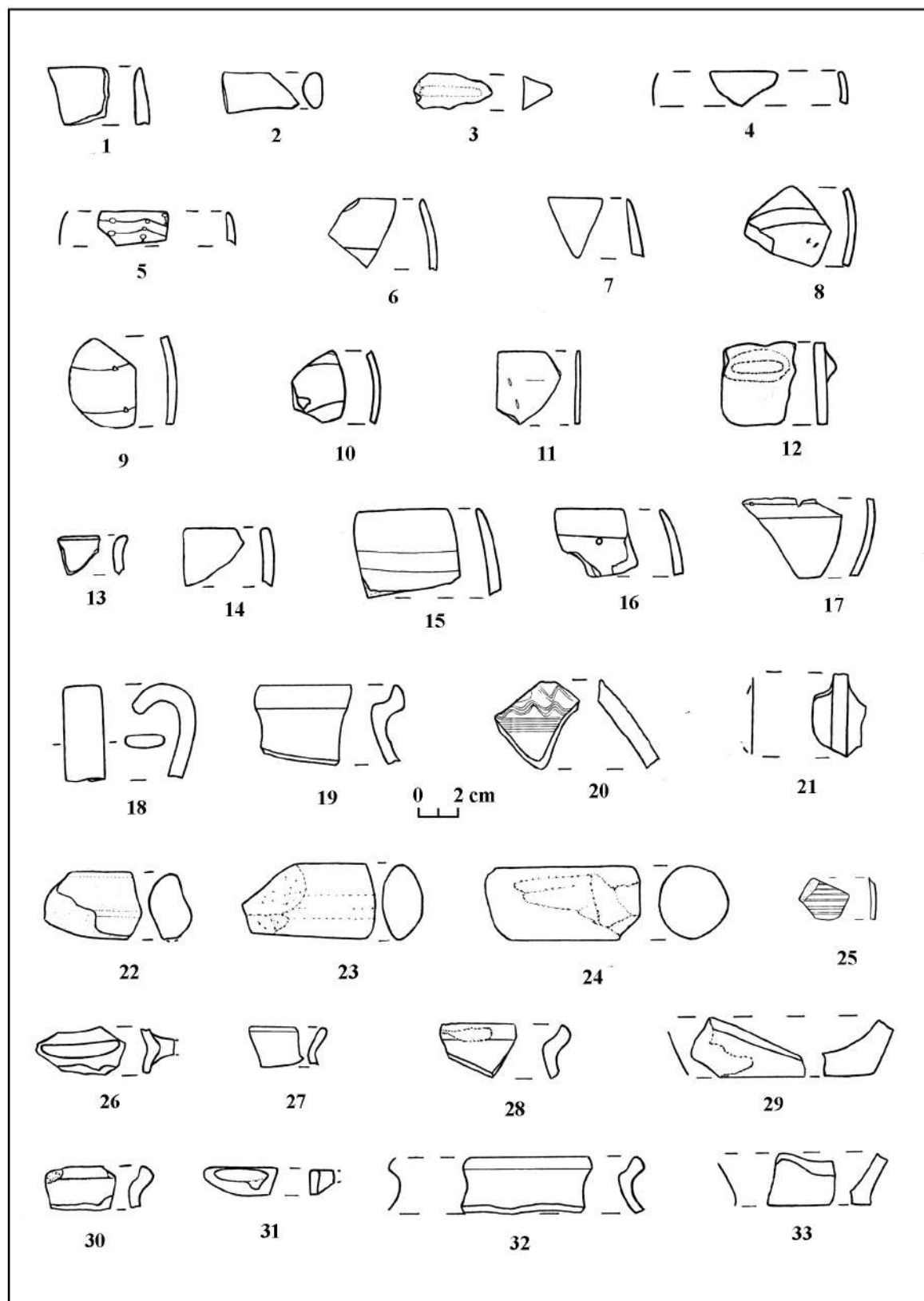

Fig. 12. Ialoveni. Ceramică lucrată cu mână (1-17, 29), de factură romană (21-24) și medievală târzie (18-20, 25-28, 30-33) descoperită în punctele *Panta de vest a Șesului lui Mardari*, secțiunea I (1-17), *passim* (18-24, 29) și *Hârtop, passim* (25-28, 30-33).

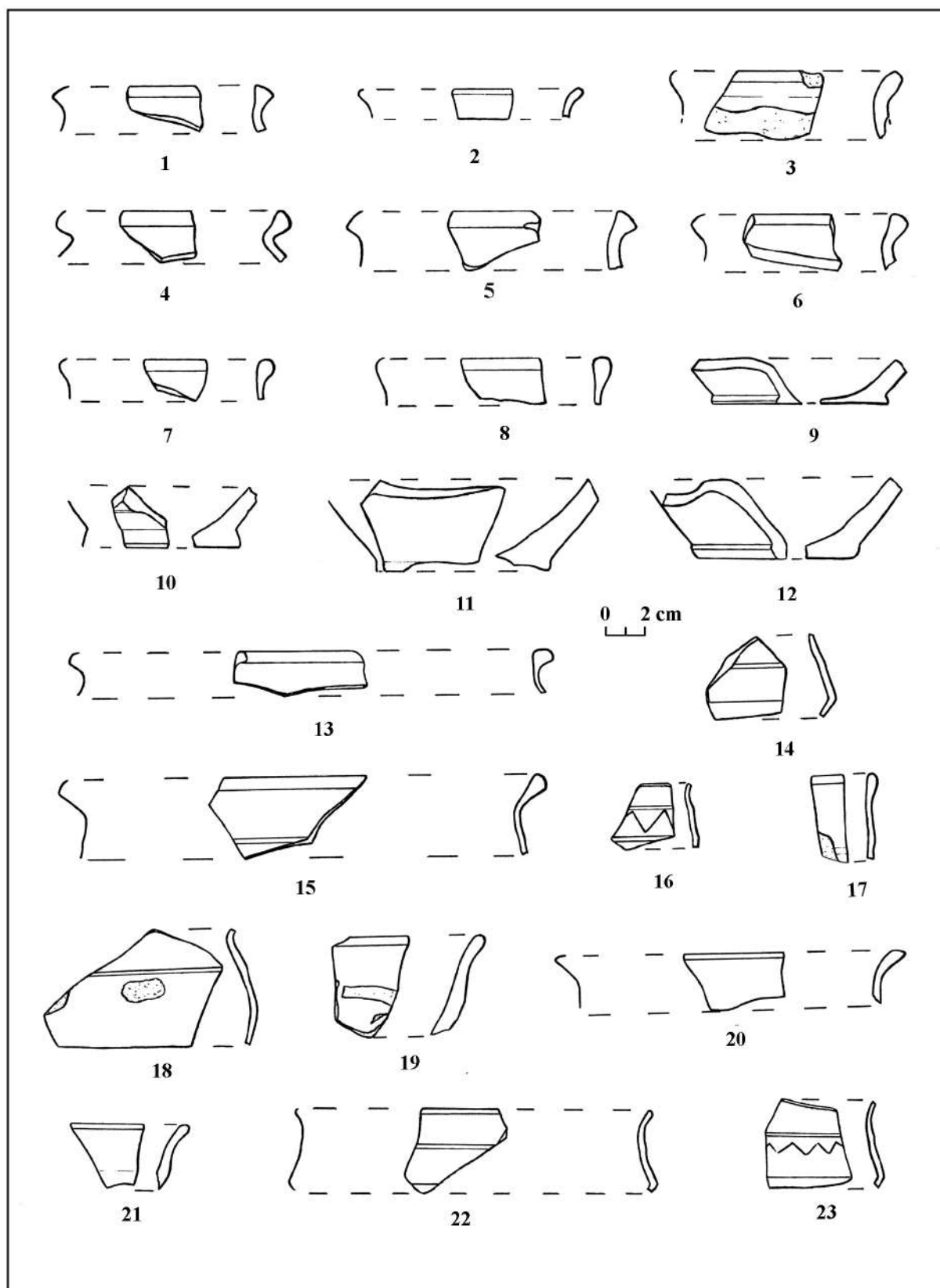

Fig. 13. Ialoveni—*La sud-vest de Iazul lui Bozu*. Ceramică cenușie lucrată la roată din pastă zgrunțuroasă (1-12) și fină (13-23), din secțiunile I (1, 2, 4, 6-7, 10, 14, 15, 18, 22, 23), II (20), III (5, 9, 16, 17) și de la suprafața solului (3, 8, 11-13, 19).

De asemenea, prin recunoașteri arheologice de teren s-au recuperat câteva piese de silex, dintre care se remarcă un nucleu (fig. 17,10). Deosebit de importante sunt câteva unelte din piatră aparținând orizontului neolitic: două toporașe-calapod din șist cenușiu-alburiu, dintre care unul reprezintă un semifabricat (fig. 16,4; 17,11), un frecător și o râșniță din gresie, descoperite în capătul de NE al tăpșanului de pe panta vestică a *Șesului lui Mardari*, în zona unde a fost executat sondajul II (fig. 17,12,13). În același sector al stațiunii s-a mai aflat un amnar de fier de formă ovală, cu capetele neunite, datând din epoca medievală (fig. 15B,8). Un anumit interes prezintă și un fragment de vas din piatră găsit la suprafața solului, a cărui apartenență culturală și cronologică însă nu poate fi deocamdată precizată (fig. 10,28).

Din cele prezentate reiese că descoperirile făcute în punctul *Panta de vest a Șesului lui Mardari* aparțin mai multor orizonturi cultural-cronologice.

Cel mai vechi și, totodată, cel mai bine documentat este orizontul culturii ceramicii liniare din neoliticul dezvoltat (a doua jumătate a mil. V î.Hr.). Așezării datând din această epocă aparține majoritatea ceramicii recuperate din cuprinsul sondajelor și cele mai multe piese de inventar găsite la suprafața solului. După pastă, ardere și ornamentație, ceramica se divide în două categorii principale. O primă categorie o constituie așa-numita ceramică de bucătărie sau de uz comun, lucrată din pastă grosolană, amestecată cu multă pleavă, uneori și cu șamotă sau pietricele. Arderea este incompletă și neuniformă, vasele fiind de culoare cenușiu-cafenie sau cenușiu-cărămizie la exterior și cenușiu-negricioasă în spărtură. Forma de bază a ceramicii de uz comun este aceea de bol mare, cu marginea trasă spre interior (fig. 10,9.11.12.15; 11,1.15.16; 12,12). Unele din aceste vase sunt lipsite de ornament; altele însă sunt decorate cu diferite motive în relief (proeminente conice sau în formă de limbă, alveole, brâie crestate ș.a.). A doua categorie ceramică, care este reprezentată mai bine, cuprinde vase lucrate din pastă fină, cu pereții subțiri, acoperiți frecvent cu angobă de culoare cenușie sau neagră. Majoritatea cioburilor provin de la boluri de dimensiuni mici și medii, cu corpul sferic, buza arcuită spre interior și fundul îngust, plat sau ușor convex, decorate cu linii incizate și gropițe supranumite și „capete de note muzicale”, dispuse în diferite compoziții (fig. 11,2-10.12.17-20; 12,5-11.15-17). Unele dintre vasele din pastă fină erau ornamentate cu butoni sau proeminente (fig. 11,13.14). În tipologia ceramicii culturii liniare din spațiul pruto-nistean, realizată de O. Larina,

bolurile au fost încadrate în *tipul I* de vase, care este și cel mai răspândit în așezările culturii respective (Ларина 1999, 66.73-74, рис. 53).

Așa cum am consemnat deja, pe lângă un bogat material ceramic, așezării neolitice aparțin și câteva piese de silex (lame, gratoare, așchii, nuclee) (fig. 17,3-5.10), un frecător și o râșniță de gresie și două toporașe sau dălți de șist, dintre care unul este nefinisat, aflându-se în stadiul de semifabricat (fig. 16,4; 17,12). Încă un toporaș-calapod din șist, șlefuit, datând din aceeași epocă nouă a pietrei provine din punctul *Hârtop*, situat în imediată vecinătate, dar până unde se dovedește că se întinde așezarea neolitică în discuție (fig. 16,5). Deși sunt de dimensiuni diferite, amândouă piesele de șist finite corespund așa-numitului *Schuhleistenkeil* sau *tipului IA* de unelte șlefuite (dălți și tesle), după clasificarea lui O. Larina (Ларина 1999, 50-51, рис. 40; Ларина, Бикбаев, Кондораки 2010, 93.96-97, рис. 1,2). De rând cu bolurile din pastă fină, toporașele în formă de calapod sunt considerate adevărate embleme ale culturii ceramicii liniare, fiind prezente în mai toate așezările investigate prin săpături (Larina 2010, 210-211).

Următorul orizont cultural și cronologic identificat în punctul *Panta de vest a Șesului lui Mardari* este cel corespunzător epocii eneolitice. Inventarul arheologic atribuit sigur acestui orizont se reduce însă la câteva cioburi (fig. 10,22-24,26), dintre care se remarcă un fund plat și trei margini răsfrânte oblice de vase lucrate din pastă fină cărămizie, cu corpul bombat, pe care s-au păstrat resturi slabe din decorul pictat cu vopsea roșie. Tot orizontului eneolitic aparține și un fragment de vas cărămiziu lucrat din pastă fină, prevăzut cu proeminente pe corp (fig. 10,25). După determinările lui V. Bikbaev, aceste urme sporadice de locuire aparțin etapei Tripolie C (mil. IV î.Hr.) a marelui complex cultural Cucuteni-Tripolie.

Recunoașterile de suprafață și sondajele efectuate au relevat prezența în acest punct și a unor urme de locuire din Hallstattul timpuriu (cultura Chișinău-Corlăteni). La fel ca și în cazul orizontului eneolitic, materialul arheologic atribuit culturii Chișinău-Corlăteni constă tot numai din ceramică, dar care este ceva mai numeroasă și mai variată. Privite din punct de vedere al pastei din care au fost lucrate, recipientele acestui orizont cultural aparțin la două categorii. Unele cioburi provin de la așa numitele vase de uz comun, care sunt lucrate dintr-o pastă grosieră, cu multă șamotă și nisip în compoziție, fiind aspre și chiar zgrunțuroase la pipăit. Arderea este preponderent oxidantă, dar incompletă. Formele acestor vase sunt mai greu de stabilit pe baza materialului avut la dis-

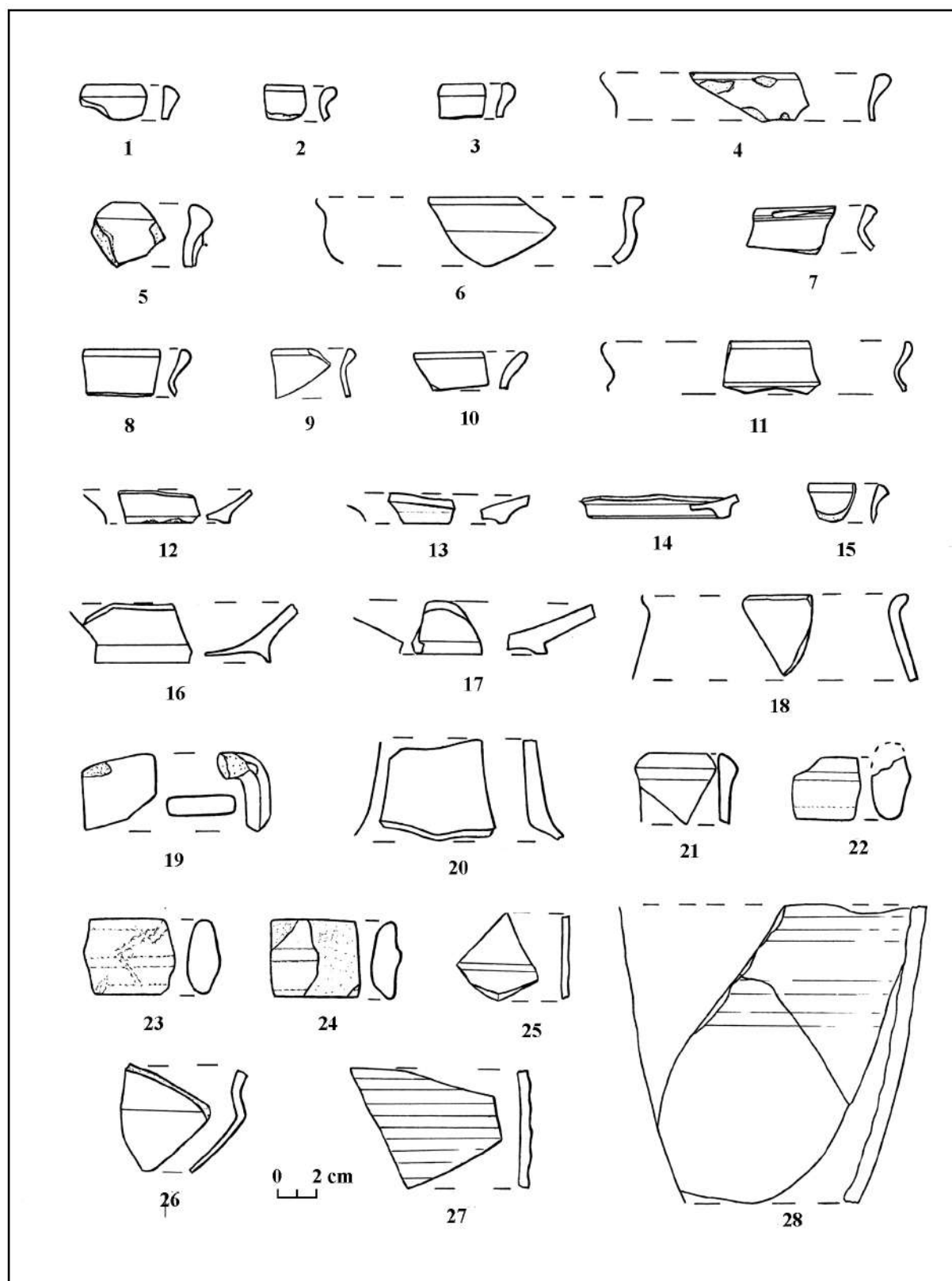

Fig. 14. Ialoveni—La sud-vest de Iazul lui Bozu. Ceramică lucrată cu mână (18, 19), la roată din pastă zgrunțuroasă (1-6), fină (7-17, 25, 26) și de factură romană (20-24, 27, 28) din secțiunile I (1, 4-6, 9, 10, 13, 14, 17, 18, 20-22, 24, 25, 26, 28), II (8), III (3, 7, 12, 13, 16) și de la suprafața solului (19, 23, 27).

poziție. Se pare însă că cele mai multe fragmente provin de la borcane și vase în formă de sac (fig. 10,13.14.19.20; 12,3). Unele din aceste recipiente prezentau drept ornament diferite proeminente, iar altele brăie în relief orizontale.

Cealaltă categorie de ceramică din așezarea hallstattiană timpurie de la Ialoveni-*Panta de vest a Șesului lui Mardari* este reprezentată de fragmente de vase lucrate din pastă fină, cu firicele de nisip și resturi de cioburi pisate în textură, având suprafața exterioară, uneori și cea interioară, lustruite. Dintre formele identificate, menționăm mai întâi strachina tronconică cu marginea îndoită spre interior, decorată pe suprafața exterioară cu caneluri largi orizontale (fig. 10,16.17.21). Al doilea tip de vas documentat clar este cana cu toarta din bandă supraînălțată (fig. 10,7; 12,2.18). Cât privește chiupul de tip *protovillanova*, care, precum se știe, reprezintă forma cea mai răspândită în așezările culturii Chișinău-Corlăteni (Levițki 1994, 84-87), acesta apare aici doar prin câteva fragmente de pereți groși, ornamentați la exterior cu șanțuri largi orizontale lustruite.

Cu prilejul cercetărilor de teren în punctul Ialoveni-*Panta de vest a Șesului lui Mardari* s-au semnalat și câteva resturi ceramice datând din epoca romană. La fel ca și în cazul periegezelor anterioare, s-au recuperat doar fragmente de amfore, care sunt predominante, și de vase lucrate la roată din pastă fină. Majoritatea cioburilor (fig. 10,3-5; 12,21-22) provin de la amfore din pastă de nuanță dischisă, cu mult nisip și particule maronii în structură, având corpul piriform, gâtul înalt și îngust, torțile cu șanțuri și jgheaburi longitudinale și fundul tubular, pe suport inelar, corespunzătoare tipurilor *C* (*Neapolis*) și *D* (*Tanais*) după clasificarea lui D. Šelov, databile, primul, în sec. II și, al doilea, în sec. III d.Hr. (Шелов 1978, 18.19; Тировский и др., 2001, 59; Șovan, Șadurschi 1981, 54.55). Menționăm și un fragment de toartă aproximativ ovală în secțiune de la o amforă lucrată din pastă cărămizie cu multă mică în compoziție, al cărui tip este mai dificil de precizat (fig. 12,23). În fine, tot de la o amforă de factură romană, a cărei formă nu poate fi determinată, provine un rest de toartă circulară în secțiune (fig. 12,24). Acest recipient a fost lucrat dintr-o pastă fină, cu nisip mărunț și rare paiete de mică în compoziție, fiind ars oxidant, dar incomplet, miezul rămânând cenușiu. Amintim în context că un fragment de toartă similară a fost semnalat în cursul cercetărilor din 2006 și în stațiunea de la Ialoveni-*Marginea de sud a orașului*, aflată la cca 1 km spre NV (Vornic ș.a. 2008, 193, fig. 6,8).

Ceramica lucrată la roată din pastă fină cenușie

este reprezentată prin două fragmente de buze provenind de la vase de tipuri diferite. Un ciob aparține unui castron de formă tronconică, cu pereții oblici și marginea ușor îngroșată, arcuită spre interior (fig. 10,1), iar altul este de la un recipient (oală?), cu marginea subțiată, răsfrântă puternic în exterior (fig. 10,2). Corespondențe apropiate pentru amândouă aceste forme de vase se găsesc în centrul de olărie dacic din epoca romană de la Pruteni (Vornic ș.a. 2007, 79.105, pl. 28; fig. 29,8.10; 46,4).

Judecând după materialul descoperit până acum, reiese că locuirea de epocă romană din punctul Ialoveni-*Panta de vest a Șesului lui Mardari* a fost de scurtă durată. Subliniem totodată că, din cauza cantității reduse a ceramicii avute la îndemână, nu putem stabili exact orizontul cultural și cronologic documentat aici. Ținând cont însă de proporția mare a amforelor romane de import și de lipsa totală a ceramicii zgrunțuroase lucrate cu roata, considerăm că vestigiile materiale descoperite aparțin unui orizont anterior culturii Sântana de Mureș-Černjachov, corespunzător celui atribuit dacilor liberi.

Prin recunoașterile de suprafață efectuate în stațiunea de pe panta vestică a *Șesului lui Mardari* s-au pus în evidență și vestigii răzlețe datând din evul mediu. Un anumit interes prezintă amnarul de fier recuperat de la suprafața solului, din sectorul nordic al sitului. Piesa este de formă cvasiovală, cu capetele barei îngroșate, neunite, unul dintre capete fiind rupt din vechime (fig. 15B,8). Se atribuie *subtipului 1* al primului tip de amnar din clasificarea lui I. Tentiuc, datat preponderent în a două jumătate a sec. X – prima parte a sec. XIII (Tentiuc 1996, 84-86), sau *variantei 1* a secției I după tipologia lui A.V. Evglevskij și T.M. Potemkina, cu datare în sec. X-XIV (Евглевский, Потемкина 2000, 183-185.189-192, рис. 5-6). Cât privește piesa de la Ialoveni, ea nu poate fi pentru moment datată mai strâns, întrucât nu dispunem și de alte materiale caracteristice evului mediu timpuriu. La fel ca și anterior, în toamna anului 2006 în punctul respectiv s-au descoperit și câteva fragmente de vase lucrate la roata rapidă datând din epoca medievală târzie (sec. XVI-XVIII). Dintre acestea se remarcă un rest de buză evazată, cu șanțuire pe latura interioară pentru capac, și un fragment de perete, decorat cu benzi de linii incizate drepte sau vălurite, ambele provenind de la vase de culoare cărămizie lucrate la roata rapidă din pastă cu nisip în textură (fig. 12,19.20). Tot orizontului medieval târziu aparține, se pare, și împungătorul de fier descoperit în cuprinsul secțiunii I, la adâncimea de cca 15 cm (15B,5). Piesa este lucrată dintr-o tijă rectangu-

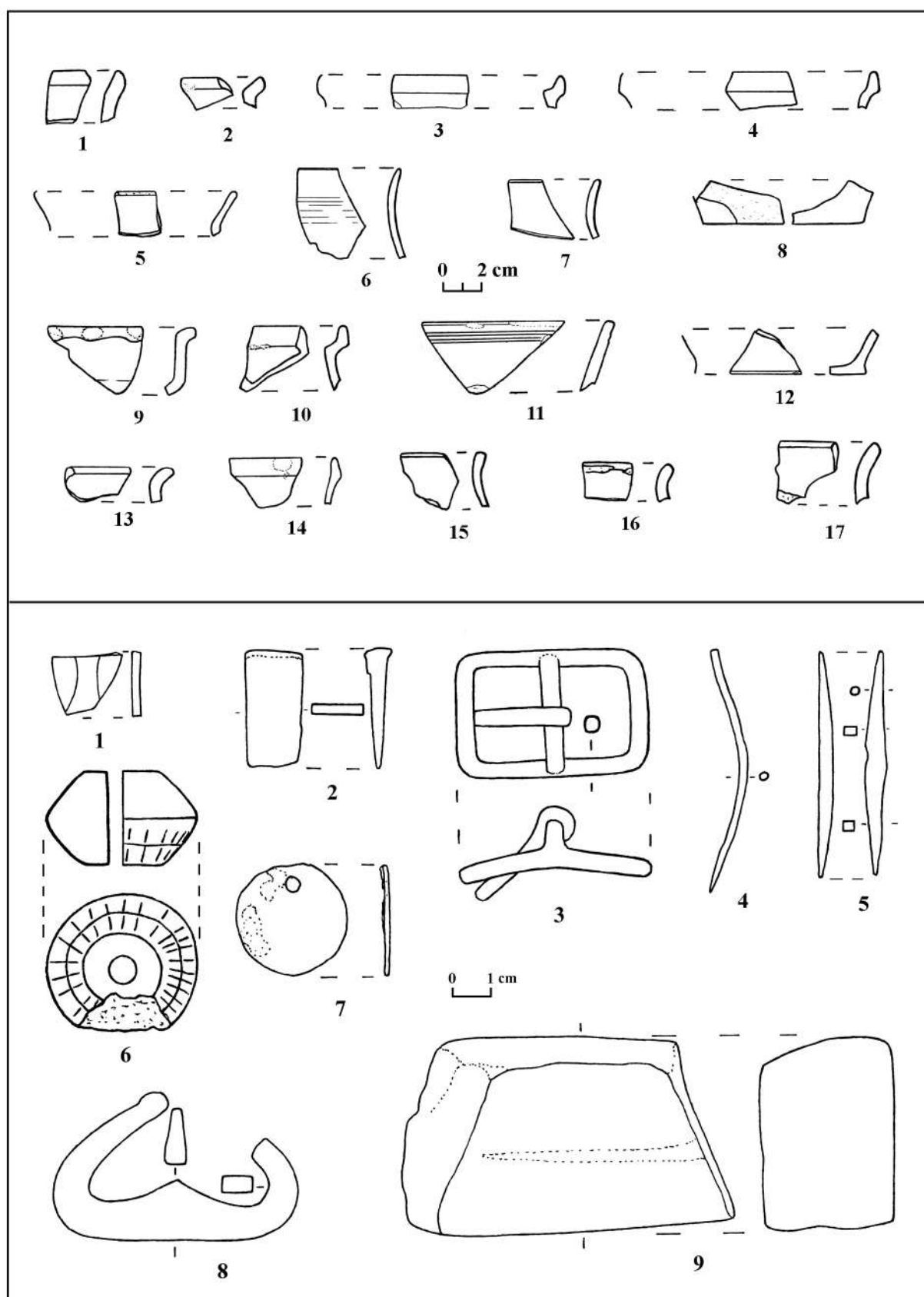

Fig. 15. Ialoveni. A – Hârtop, ceramică lucrată la roată (1-14) și cu mâna (15-17); B – Obiecte de inventar descoperite în punctele *Marginea de est a orașului* (1-4, 9), *Panta de vest a Șesului lui Mardari* (5, 8), *Hârtop* (7) și *La sud-vest de Iazul lui Bozu* (6). 1 – sticlă, 2-5, 7, 8 – fier, 6 – lut ars, 9 – gresie.

lară în secțiune, ascuțită la ambele capete, unul fiind rotund în secțiune, iar celălalt pătrat.

Ialoveni-Hârtop (fig. 1,7). Așezare cu urme de locuire datând din diferite epoci, situată la cca 1 km SV de oraș și în imediată apropiere, spre NV, de punctul *Panta de vest a Șesului lui Mardari*, în locul denumit *Hârtop*, pe versantul sudic al unei depresiuni (Vornic, Tabuncic 2006, 371-372).

În punctul *Hârtop* au fost executate două secțiuni, în același scop de stabilire a stratigrafiei depunerilor antropogene și de obținere a noi vestigii materiale.

Secțiunea I a fost deschisă în zona centrală a pantei sudice a hârtopului, la circa 60 m SSE (150°) de o fântână veche situată pe firul văii, lângă un pâraiaș fără nume ce curge dinspre VSV spre ENE. Secțiunea, fiind orientată NNE (35°) – SSV și trasată pe direcția pantei, avea forma unui șanț de 2x8 m, împărțit în patru carouri numerotate de la S la N. Pământul a fost scos cu cazmaua în patru straturi succesive până la adâncimea de 0,8 m.

Stratigrafia verticală se prezintă în felul următor (fig. 5,5): sol arat de culoare cenușie, cu grosimea de 0,4-0,5 m; sol de tranziție castaniu-gălbui, cu grosimea de cca 0,2 m; solul viu se afla la adâncimea de 0,6-0,7 m de la nivelul de călcare actual.

În stratul I de săpătură s-au găsit cinci cioburi neolitice, opt fragmente atipice de vase lucrate cu mâna, șase cioburi de vase lucrate la roată din epoca medievală (fig. 15A,1.7), nouă oase de animale, peste 40 de pietre brute de calcar și câteva bucățele de lut ars.

Din stratul II a fost recuperat următorul material ceramic: șase cioburi neolitice, cinci fragmente nedeterminate de vase lucrate cu mâna, șase cioburi de vase lucrate la roată din epoca medievală (fig. 15B,6). De asemenea, s-au găsit câteva oase, pietre de calcar și bucățele de lut ars.

În caroul 2, lângă peretele vestic al săpăturii, la adâncimea de 0,4-0,5 m s-au găsit două pietre de calcar, cu dimensiunile de 26x13x8 cm și 17x14x8 cm. Sub pietre, la adâncimea de 0,6 m s-a aflat un topo-raș-calapod de piatră, care era depus cu tăișul îndreptat spre V. Piesa, lucrată din șist alburii, are formă relativ prismatică, cu baza patruleterală și întreaga suprafață lustruită (L 10,7 cm) (fig. 16,5).

Stratul III prezenta sol cafeniu-gălbui, în care s-au aflat trei cioburi atipice neolitice. Pe fondul solului viu, la adâncimea de 0,6-0,7 m au fost surprinse două gropi.

Groapa 1 (car. 3) era de formă ovală, cu diametrele de 0,6x0,8 m și adâncimea de 0,3 m de la nivelul identificării. În solul de umplutură, de culoare cenușie, s-au semnalat două cioburi neolitice din pastă grosieră și resturi de lemn putrezit.

Groapa 2 (car. 1 și 2) era de formă cilindrică,

cu diametrul de 0,4 m și adâncimea de 0,15 m de la nivelul depistării. Umplutura consta din pământ cenușiu-gălbui fără resturi arheologice.

Secțiunea II a fost executată la baza pantei de sud a hârtopului, pe un teren relativ plan, la 20 m SSV (220°) de fântâna amintită și la 50 m NNV (320°) de secțiunea I. Reprezenta o suprafață rectangulară, de 2x6 m, orientată pe direcția V-E; a fost împărțită în 3 carouri, de câte 2 m.p., numerotate de la V la E. Pământul a fost scos în șapte straturi succesive până la adâncimea de 1,4 m.

Stratul I prezenta sol vegetal de culoare cenușiu-închisă, în care s-au găsit cinci fragmente nedeterminate de vase lucrate cu mâna, 28 cioburi de recipiente lucrate la roată din perioada medievală, dintre care 23 de culoare roșiatică (fig. 12,26; 15A,6), trei fragmente cenușii (fig. 15A,2), unul alburii și unul smălțuit, precum și două oase și 15 pietre.

Stratul II consta în cea mai mare parte a secțiunii din lut galben amestecat cu sol cenușiu, în care s-au găsit următorul material arheologic: un fragment de potcoavă de fier (fig. 16,6), trei bucăți informe de fier, două fragmente de fusaiole(?) de lut, șapte cioburi atipice de vase lucrate cu mâna, 43 de fragmente de recipiente lucrate la roată din perioada medievală (31 de culoare roșiatică, patru cenușii, unul alburii și șapte smălțuite) (fig. 12,31; 15A,3.10), 17 oase, 16 pietre și nouă bucățele de lut ars.

În caroul 2 (la 0,4 m de latura de S și 0,37 m de latura de V), la adâncimea 0,4 m s-a găsit o monedă tătarească de cupru (fig. 16,1).

Straturile III și IV prezentau sol cenușiu-deschis, în care s-au găsit un ciob neolitic, un fragment de vas Cucuteni, 18 cioburi atipice de vase lucrate cu mâna, 19 – de recipiente medievale lucrate la roată (opt roșii și unul cenușiu), șase oase, 22 de pietre și câteva bucățele de lut ars.

În caroul 1 (0,8 m de latura de V și 0,4 m de taluzul de S), la adâncimea de 0,6 m s-a descoperit o piesă discoidală de fier, prevăzută cu un orificiu (fig. 15B,7).

Stratul V și, parțial, VI constau din sol cenușiu-gălbui, corespunzând, în mare, stratului de depuneri arheologice din perioada culturii ceramicii liniare.

În stratul V s-au găsit trei cioburi neolitice (fig. 15A,15), un fragment de vas eneolitic, patru cioburi provenind de la recipiente medievale și câteva oase.

În caroul 1, la adâncimea de 0,9-1 m, pe o suprafață de 0,1x0,6 m s-au semnalat resturi de arsură de culoare cărămizie și un ciob neolitic cenușiu. Urme de pământ ars s-au semnalat și în peretele sudic al săpăturii, într-un gang de animale.

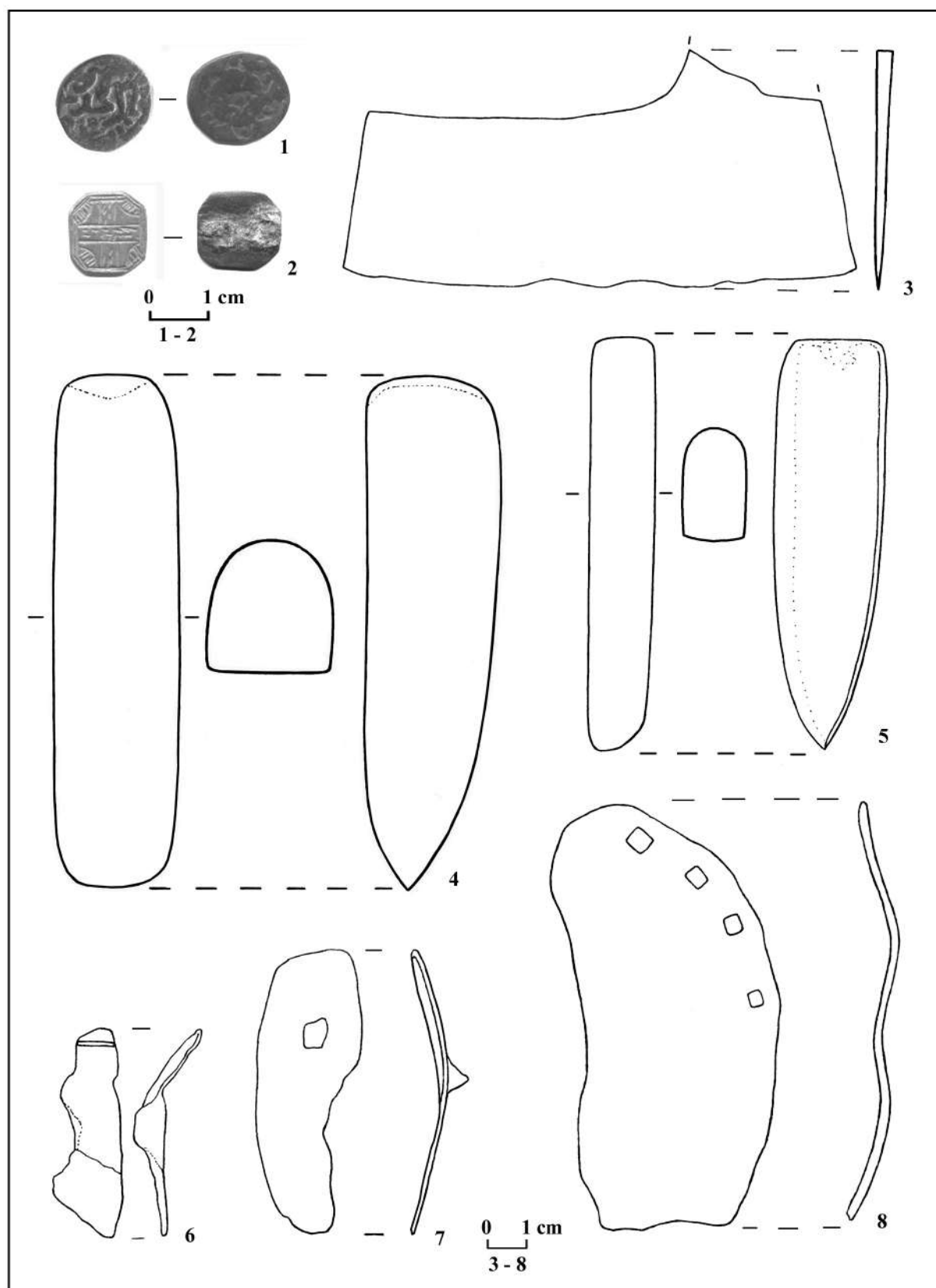

Fig. 16. Ialoveni. Monedă de cupru (1) și obiecte de bronz (2), fier (3, 6-8) și șist (4, 5) descoperite în punctele *Hârtoș* (1-3, 5-8) și *Panta de vest a Șesului lui Mardari* (4).

De la suprafața solului au fost recuperate mai multe cioburi provenind de la vase lucrate la roată, dintre care unele smălțuite, date în perioada medievală târzie (fig. 12,25.27.28.30.32.33; 15A,4.5.7.8.9.11.12.13.14). Acestui orizont aparțin și câteva obiecte de inventar, incluzând o bardă fragmentară de fier (fig. 16,3), două potcoave de fier de dimensiuni diferite (fig. 16,7.8) și o plăcuță octogonală de la un inel de bronz, care are gravată o cruce cu brațele egale (fig. 16,2). De asemenea, s-au semnalat și resturi ceramice răzlețe din epocile neolitică, Hallstattul timpuriu³ și romană (fig. 15A,17). Cele câteva piese de silex, printre care și un nucleu (fig. 17,1.2.6-9), aparțin culturii ceramicii liniare din neoliticul dezvoltat.

Cercetările arheologice de teren întreprinse în punctul *Hârtop* au documentat prezența aici a unor resturi de cultură materială datând din neolitic, Hallstattul timpuriu, epoca romană și evul mediu. Este de relevat însă că ceva mai semnificative și caracteristice sunt doar vestigiile aparținând culturii ceramicii liniare și epocii medievale târzii.

Recunoașterile de suprafață mai amănunțite și, în special, sondajele au arătat că locuirea din epoca neolitică, atestată anterior doar pe panta vestică a *Șesului lui Mardari*, ocupă o arie mai mare, fiind clar documentată și în punctul *Hârtop*. Așezării culturii ceramicii liniare aparțin o groapă de dimensiuni mici cu resturi menajere, un toporaș-calapod de șist (fig. 16,5), câteva piese de silex (fig. 17,1.2.6-9) și fragmente ceramice. Dintre acestea din urmă se remarcă un ciob de vas din pastă semifină, cu șamotă în compoziție și ars oxidant, dar incomplet, căpătând culoare gălbui-cărămizie la exterior și cenușie la interior. Recipientul avea pereții relativ subțiri și marginea scundă, înclinată în afară, putând fi încadrat în *tipul II* de vase de uz comun din clasificarea lui O. Larina, întâlnit mai rar în așezările culturii ceramicii liniare (Ларина 1999, 61, рис. 48,II).

Între descoperirile realizate în punctul *Hârtop* un loc aparte îl ocupă moneda de cupru (1,65 g; 16,5x17,2 mm) (fig. 16,1). Potrivit determinării făcute de numismatul Eugen Nicolae⁴, moneda este o piesă tătarească anonimă, de tipul cu rozetă pe avers, emisă în a doua parte a domniei lui Djanibek, adică în anii 1350-1357, dar și ulterior până cel puțin în 1369, la Saray al-djedid, conform inscripției de pe revers. Piesa noastră prezintă pe avers varianta de rozetă cu petale pline (naturale), iar pe revers e posibil a se citi anul (7)51 al hegirei (1350/1351 d.Hr.) (Янина 1970, 201-201, №

25). Aceste caracteristici nu asigură datarea ei la 1350/1351 și nici atribuirea atelierului de la Saray al-djedid. Monedele de acest tip sunt majoritare în descoperirile de piese tătarești de cupru din Basarabia, dar și din alte părți din spațiul Hoardei de Aur, iar studiile recente au demonstrat că o bună parte sunt imitații oficiale sau clandestine, deci provin din alte ateliere și au fost bătute în alți ani decât cei care apar în inscripții (Nicolae, Bugoi, Constantinescu 2009, 385-392). Deocamdată însă nu există criterii de identificare a atelierelor și de stabilire a cronologiei. În aceste condiții, ținând cont de faptul că piese de acest tip au pătruns în interfluviul Prut-Nistru, în principiu, până la 1369, când regiunea se desprinde de sistemul politic al Hoardei de Aur, că pe plan local ele sunt folosite ca materie primă în anii anteriori acestui eveniment, de aspectul și starea bună de conservare a piesei, moneda de la Ialoveni poate fi datată în deceniile șase-șapte ale secolului al XIV-lea. Este important de subliniat însă că, la fel ca și în situl din vecinătate Ialoveni-*Marginea de sud a orașului*, unde cu prilejul sondajelor din 2006 s-au găsit un brăzdar și o brasardă de fier din perioada stăpânirii Hoardei de Aur (Vornic ș.a. 2008, 198-206), ceramica caracteristică sec. XIV lipsește cu desăvârșire în punctul *Hârtop*, fapt care este mai greu de explicat pentru moment.

Majoritatea inventarului de obiecte și a ceramicii descoperite până în prezent în situl de la Ialoveni-*Hârtop* aparțin unei așezări medievale târzii datând din sec. XVI-XVIII. Dintre obiecte, menționăm mai întâi o plăcuță octogonală de la un inel de bronz (fig. 16,2), decorată prin incizare (o cruce cu brațele egale încadrată într-un chenar). Montura respectivă aparține unei podoabe destul de simple, care a avut, după cât se pare, o circulație îndelungată. Tot o podoabă (medalion?) reprezintă probabil și piesa discoidală de fier, prevăzută pe margine cu o perforație pentru prindere (fig. 15B,7). Un obiect interesant, cu destinație specială pentru dulgherie (pentru cioplit și despicat butucii în scânduri), întâlnit relativ des în așezările medievale (Matei, Emandi 1982, 89, fig. 11,2; 12,15; Neamțu, Neamțu, Cheptea 1984, 126-128, fig. 45,4-6), îl constituie barda de fier, de la care s-a păstrat însă doar lama (fig. 16,3). Piesa era de dimensiuni medii, cu lama prelungă, de formă aproximativ trapezoidală. Partea superioară a corpului fiind ruptă, tipul bardei nu poate fi stabilit cu precizie. În sfârșit, printre obiectele de inventar caracteristice se numără și trei potcoave de fier,

³ Hallstattul timpuriu aparțin probabil și puținele fragmente ceramice descoperite anterior, atribuite inițial epocii bronzului (Vornic, Tabuncic 2006, 372).

⁴ Adresăm grațitudinea noastră dlui dr. Eugen Nicolae pentru determinarea piesei monetare și pentru bibliografia de specialitate sugerată și cu acest prilej.

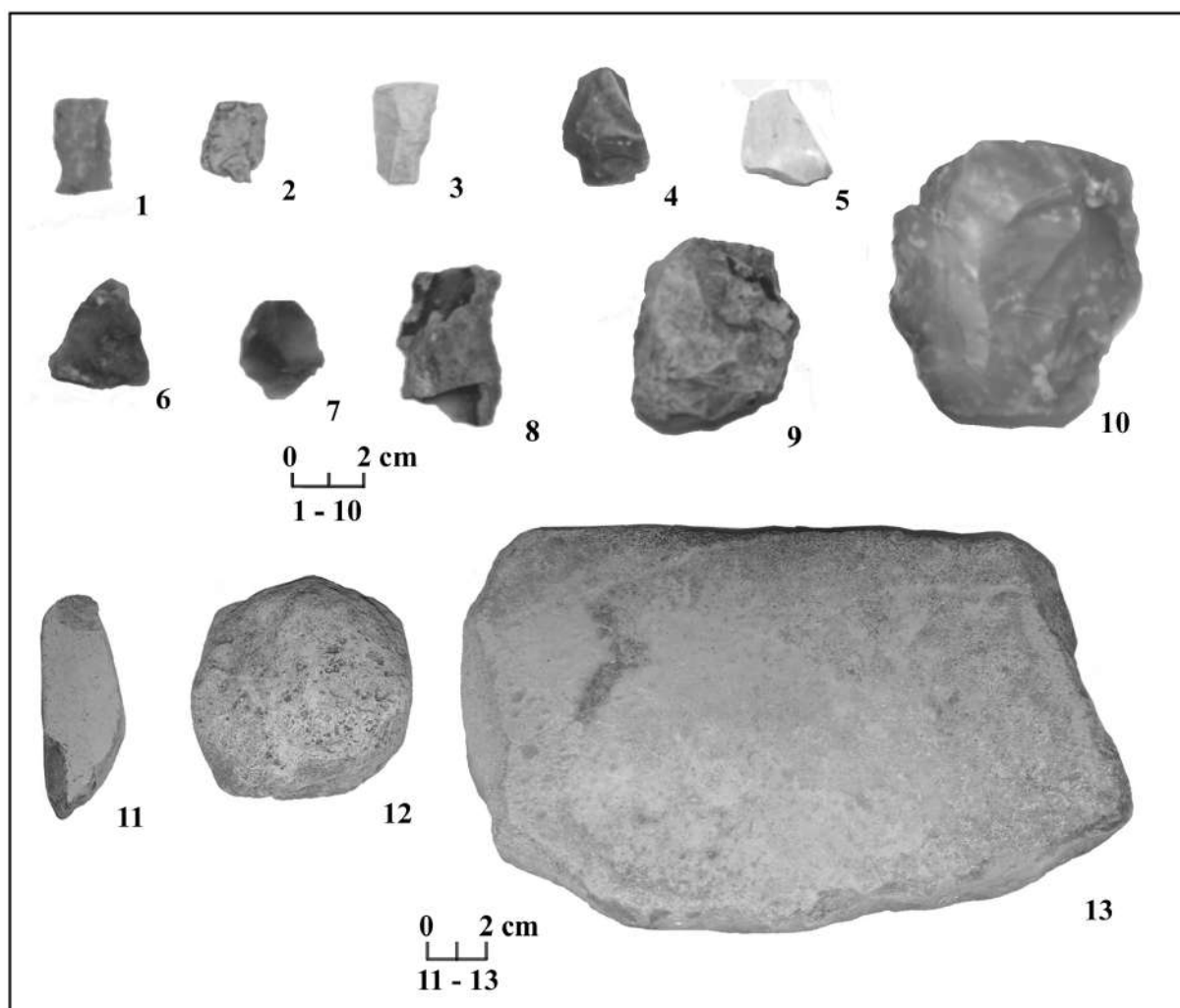

Fig. 17. Ialoveni. Piese de silex (1-10), frecător și râșniță de gresie (11, 13) și toporaș-calapod nefinisat de șist (12), descoperite în punctele *Panta de vest a Șesului lui Mardari* (3-5, 10-13) și *Hârtop* (1-2, 6-9).

toate păstrate în stare fragmentară (fig. 16,6-8). Un exemplar, de dimensiuni mari, prezenta patru perforații rectangulare pentru caiele, iar altul, mai mic, un singur orificiu. De la a treia piesă s-a păstrat doar un fragment, care nu prezintă perforații.

Deși relativ numeroasă, ceramica corespunzătoare secolelor XVI–XVIII este extrem de fragmentară, din care cauză identificarea formelor întâmpină mari dificultăți. Fără excepție, vasele au fost lucrate la roata cu turație rapidă. Pasta din care au fost modelate recipientele însă nu este aceeași. O parte dintre cioburi aparțin unor oale-borcan cu marginea răsfrântă cu o șanțuire pe latura interioară pentru capac, lucrate din pastă zgrunțuroasă, de culoare cenușie (fig. 12,30.32; 15B,1.2.10) sau roșie (fig. 12,28; 15B,3.4.14). Din aceeași categorie de pastă au fost executate și unele oale cenușii (fig. 15A,7) sau cărămizii (15A,6) având marginea neîngroșată ușor arcuită în afară. Alte vase, oale ori căni, cu marginea înaltă, răsfrântă oblic în

afară (fig. 12,27.31; 15A,5), au fost lucrate dintr-o pastă relativ fină, cu nisip mărunț în textură, și arse la cărămiziu. Din același fel de pastă au fost confecționate și unele recipiente, în special castroane, străchini și căni, acoperite cu smalt de culoare albă, cafenie sau verde (fig. 12,26; 15A,11). Dintre acestea din urmă în chip deosebit se remarcă un castron cu partea superioară cilindrică și buza răsfrântă, decorată cu alveole, având interiorul și marginea acoperite cu glazură albă (fig. 15A,9). În sfârșit, o ultimă grupă de vase, reprezentată prin cioburi atipice, a fost modelată dintr-o pastă caolinată. Unele dintre recipientele lucrate din caolin aveau suprafața emailată sau decorată cu dungi pictate din humă cafenie (fig. 12,25). După aprecierea unor cercetători, ceramica glazurată și vasele lucrate din pastă caolinată și-au făcut apariția în așezările rurale moldovenești în ultima parte a sec. XVI – prima jumătate a sec. XVII (Полевой, Бырня 1974, 62).

Ialoveni—La sud-vest de Iazul lui Bozu (fig. 1,9). Așezare de tip Sântana de Mureș-Černjahov (sec. IV d.Hr.) situată la cca 2 km SV de marginea vestică a orașului, la 0,8 km SV de *Iazul lui Bozu*, pe panta vestică a unei văi orientate de la N la S (Vornic, Tabuncic 2007, 330-331).

În stațiunea de la Ialoveni—*La sud-vest de Iazul lui Bozu* au fost executate trei secțiuni, una în formă de tranșee și două pătrate. Săpăturile au fost efectuate pe un câmp rămas în paragină, aflat în partea de NV a unei vile (proprietar Vasile I. Scurtu). Spre V și S terenul respectiv este delimitat de un drum de țară.

Secțiunea I reprezenta un șanț de 2x8 m, orientat pe axa N—S. Latura sudică a secțiunii se găsea la 5 m NNE (20°) de baza unui dâmb aflat pe o porțiune din partea de est a drumului de țară amintit. Secțiunea a fost împărțită în patru carouri de 2x2 m, numerotate de la S spre N. Pământul a fost excavat cu cazmaua în cinci straturi succesive până la adâncimea de 1 m (fig. 5,3).

Stratul I prezenta sol vegetal de culoare cenușiu-închisă, în care s-au găsit 42 de fragmente de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 13,14.19.22.23; 14,10.17), 31 de cioburi de recipiente din pastă zgrunțuroasă (fig. 13,2; 14,4), două fragmente de vase lucrate cu mâna și șapte fragmente de amfore romane (fig. 14,20). De asemenea, s-au mai recuperat șase oase, cinci pietre de calcar și câteva fragmente de lut ars.

Stratul II consta din același fel de sol, de culoare cenușiu-închisă, din care s-au recuperat 30 de cioburi de recipiente lucrate la roată din pastă fină (fig. 13,22; 14,9.14), 23 de fragmente de vase lucrate la roată din pastă zgrunțuroasă (fig. 13,1.3; 6-8.10; 14,6), șase fragmente de vase lucrate cu mâna (fig. 14,18), un fragment de amforă romană (fig. 14,24), 11 oase, cinci pietre și mai multe fragmente de lut ars. În caroul 3, la adâncimea de 0,4 m s-a semnalat un fragment de piatră de râșniță din calcar cochilifer, cu partea activă netedă. S-a putut constata că până la adâncimea de circa 0,4 m stratul de cultură a fost distrus de lucrările agricole din perioada contemporană.

Stratul III prezenta în partea superioară sol cenușiu-deschis cu resturi arheologice, iar în cea inferioară sol cafeniu fără materiale. În stratul III s-au găsit 34 de cioburi de recipiente lucrate la roată din pastă fină (fig. 13,13.15.18; 14,4.7.12.14.26), 20 — din pastă zgrunțuroasă (fig. 14,1.5), trei fragmente de vase modelate cu mâna, șapte fragmente de amfore romane (fig. 14,20-22.28), șapte oase de animale, o piatră neprelucrată de calcar și câteva bucățele de lut ars.

Stratul IV consta din sol cafeniu fără material

arheologic, care la adâncimea de circa 0,8 m trecea în lut galben.

Secțiunea II a reprezentat un sondaj de 2x2 m, cu orientarea N—S. A fost executată în josul pantei, la 5 m E de colțul de SE al Secțiunii I.

Registrul stratigrafiei verticale (fig. 5,4) este destul de simplu: sol cenușiu închis, arat, gros de 0,3-0,4 m, sub care urma un pământ cafeniu fără resturi arheologice. Lutul galben a apărut la adâncimea de 0,8-0,9 m. Material arheologic s-a descoperit doar în straturile I și II.

Din stratul I s-au recuperat 27 de cioburi de vase cenușii lucrate la roată, dintre care 13 din pastă fină și 14 din pastă zgrunțuroasă (fig. 13,20; 14,8).

În stratul II s-au aflat 12 cioburi de vase cenușii lucrate la roată (5 din pastă fină și 7 din pastă zgrunțuroasă) și un fragment de lut ars.

Secțiunea III a fost executată la 12 m NNE (10°) de Secțiunea I. Reprezenta un pătrat de 2x2 m, orientat N—S. Stratigrafia verticală (fig. 5,5) se prezintă în felul următor: pământ cenușiu-închis gros de 0,4 m, sub care urma un strat de pământ cenușiu-deschis, gros de 0,1-0,15 m, constituind stratul arheologic neafectat de fierul plugului modern; la nivelul de 0,5-0,8 m se găsea un sol cafeniu fără material arheologic; solul galben a apărut la adâncimea de 0,9 m. Din acest sondaj s-au recuperat mai multe cioburi decât în Secțiunea II.

În stratul I s-au găsit cinci cioburi de vase lucrate la roată, dintre care patru din pastă fină și unul din pastă zgrunțuroasă, două oase, o piatră și câteva bucățele de lut ars.

Din stratul II s-au recuperat 11 cioburi de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 14,12.17), șapte din pastă zgrunțuroasă (fig. 13,1; 14,3), un fragment de amforă romană, un ciob de vas modelat cu mâna, două pietre și 12 bucățele de lut ars.

În stratul III s-au găsit 34 de fragmente lucrate la roată din pastă fină (fig. 13,16; 14,10.13.16), 25 fragmente de vase zgrunțuroase (fig. 13,9), un fragment de vas lucrat cu mâna și 15 oase de animale.

Din stratul IV s-au recuperat 19 cioburi de vase lucrate la roată, dintre care 14 din pastă zgrunțuroasă și cinci din pastă fină, și cinci oase de animale.

De pe suprafața sitului au fost culese mai multe fragmente de vase lucrate la roată din pastă fină (fig. 14,13) și zgrunțuroasă (fig. 13,8.11.12; 14,2), câteva cioburi de vase lucrate cu mâna (fig. 14,19) și de amfore romane (fig. 14,23.27). De asemenea, de la suprafața solului a fost recuperată o fusaiolă de lut de formă bitronconică, cu bazele plate (D 4 cm) (fig. 15B,6).

Așa cum dovedesc recunoașterile de suprafață și sondajele efectuate, obiectivul arheologic de

la Ialoveni-*La sud de Iazul lui Bozu* reprezintă o așezare cu un singur nivel de locuire aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov din epoca romană târzie. În cuprinsul celor trei secțiuni/sondaje complexe arheologice nu au fost surprinse. S-a putut însă constata că, spre deosebire de celelalte două situri Sântana de Mureș prospectate, stratul de cultură este doar parțial distrus de lucrările agricole, în partea inferioară el rămânând intact. Materialul arheologic descoperit până acum este relativ sărac și puțin variat, cuprinzând o fusaiolă de lut ars, un fragment de piatră de râșniță și mai multe cioburi ceramice.

Dintre obiectele de inventar, un anumit interes prezintă fusaiola de lut (fig. 15B,6). Piesa, lucrată la roată din pastă fină, are formă bitronconică, cu bazele plate, unul dintre registre fiind decorat cu o linie orizontală și o serie de linii radiale incizate. Considerate prin însușirile lor drept cele mai funcționale (Никитина 1995, 108), fusaiolele bitronconice cu bazele concave sau plate sunt foarte răspândite în mediul culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Majoritatea covârșitoare a pieselor de acest fel sunt însă neornamentate, exemplarele decorate prin incizare sau alte tehnici apărând destul de rar.

În ceea ce privește ceramica, ea cuprinde principalele categorii caracteristice culturii Sântana de Mureș-Černjachov, și anume vase modelate cu mâna, vase lucrate la roată din pastă fină sau din pastă zgrunțuroasă, precum și vase romane de import.

Ceramica lucrată cu mâna este reprezentată doar prin câteva cioburi, între care se remarcă un fragment de margine de oală și un rest de toartă de la o cană(?). Primul ciob aparține unei oale lucrate din pastă cu șamotă în compoziție, având buza răsfântă oblic în afară și corpul, se pare, piriform sau ovoidal (fig. 14, 18). Celălalt fragment, descoperit la suprafață, prezintă un rest de toartă din bandă lată provenind de la o cană(?) lucrată din pastă cu șamotă și pietricele în textură (fig. 14,19). Așa cum arată cercetările arheologice, vasele cu torți (căni, amforete sau castroane) modelate cu mâna se întâlnesc extrem de rar în complexele culturii Sântana de Mureș-Černjachov, forma caracteristică pentru această specie ceramică fiind vasul-borcan.

Olăria lucrată la roată cuprinde categoriile obișnuite din pastă fină și zgrunțuroasă. La fel ca și în așezarea sincronă de la periferia de est a Ialovenilor, mai bine documentată este ceramica lucrată la roată din pastă fină. Forma mai des întâlnită în cadrul acestei specii ceramice se dovedește a fi castronul, care cunoaște mai multe tipuri și variante, asupra cărora nu insistăm (fig. 13,13-16.18-23; 14,11). O parte dintre castroane, îndeosebi cele cu profilul bitronconic, sunt decorate pe umăr

cu diferite motive lustruite (linii în zigzag, drepte sau vălurite) și/sau cu nervuri în relief (fig. 13,14-16.18.22.23; 14,11). O altă formă de vas specifică ceramicii fine este cana. Dispunem însă doar de un singur ciob mai semnificativ care poate proveni de la un asemenea tip de recipient (fig. 13,17). Vasul respectiv avea gâtul cilindric, prevăzut cu o nervură în relief, și marginea rotunjită, ușor îngroșată.

Deși numărul fragmentelor de vase din pastă zgrunțuroasă nu este mare, formele identificate sunt mai variate, chiar dacă nici una nu a putut fi reconstituită. Între acestea se remarcă în primul rând vasul-borcan, reprezentat de cele mai multe cioburi. Tipurile diferențiate nu pot fi precizate, dar, în funcție de conformația marginii, se pot distinge mai multe variante (fig. 13,1-10; 14,1-3). Alte două forme ceramice identificate sunt castronul și amforeta sau cana, ambele documentate doar prin câte un ciob caracteristic. Castronul avea profilul aproximativ tronconic, cu pereții arcuiți, umărul marcat printr-o carenă și buza răsfântă orizontal (fig. 14,6). Vasele de acest tip se întâlnesc destul de rar în complexele culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Dintre analogiile apropiate menționăm pe cele din necropolele de la Budești (Vornic 2006, 223, fig. 102,14) și Dănceni (Рафалович 1986, таб. XXVII,16; XLIV,1; LX,1). Cât privește celălalt recipient din pastă zgrunțuroasă, fiind păstrat doar un fragment de buză îngroșată cu un rest de toartă (fig. 14,5), tipul lui nu poate fi determinat.

Ceramica de import romană este redusă cantitativ, fiind documentată prin doar câteva cioburi provenite de la amfore. Remarcăm mai întâi prezența a trei fragmente dintr-o amforă cu gâtul îngust, buza îngroșată și corpul probabil piriform, prevăzut pe alocuri cu șanțuiri orizontale, confecționată dintr-o pastă gălbuie relativ fină, cu nisip mărunț în textură (fig. 14,21.28). Tot unor amfore cu gâtul îngust, dar lucrate din pastă roz-gălbuie zgrunțuroasă, cu particule maronii în compoziție, aparțin alte patru cioburi găsite în stratul de cultură și la suprafața solului (fig. 14,20.22-24). În fine, menționăm și un fragment de perete decorat cu caneluri largi orizontale, ce provine de la o amforă cărămie modelată dintr-o pastă fină cu puțin nisip în textură, având suprafața exterioară acoperită cu angobă de culoare roșiatică, al cărui tip este mai dificil de stabilit (fig. 14,27).

Deși cercetările de suprafață și sondajele documentare executate în anul 2006 în unele obiective arheologice din perimetrul or. Ialoveni au avut un caracter restrâns, ele au furnizat informații importante privind gradul de conservare a straturilor

de cultură și conținutul depunerilor antropogene, scoțându-se la lumină unele vestigii materiale în măsură să contribuie la cunoașterea mai aprofundată a realităților istorico-arheologice din această zonă.

În ceea ce privește așezarea de tip Sântana de Mureș-Černjahov din marginea de est a or. Ialoveni, cele trei sondaje executate în diferite sectoare ale stațiunii au dovedit că stratul de cultură este distrus complet de fierul plugului de plantaj. Construcția de suprafață, sau mai exact spus platforma de lut ars care reprezenta resturile unei construcții de suprafață, surprinsă în secțiunea II, s-a dovedit a fi și ea puternic distrusă de lucrările agricole din perioada contemporană, neputându-se stabili nici forma, nici dimensiunile ei. Dată fiind această situație, materiale aflate cu siguranță *in situ* s-au păstrat, eventual, numai în complexe adâncite (bordeie, gropi) neafectate de fierul plugului modern. Exceptând câteva cioburi și piese de fier de origine recentă, materialul arheologic recuperat din cuprinsul secțiunilor și de la suprafața solului aparține așezării de tip Sântana de Mureș-Černjahov din epoca romană târzie. Din inventarul de obiecte și ceramic descoperit, se remarcă un fragment de pahar de sticlă de tip *Kowalk*, datat în al doilea și al treilea sfert al secolului al IV-lea, și partea inferioară a unei oale lucrate cu mâna din pastă grosieră de dimensiuni mari, tip de vas care nu este caracteristic pentru cultura Sântana de Mureș.

Sondajul documentar executat în punctul arheologic de la Ialoveni-*Hotarul de est al orașului* a arătat că și în această stațiune stratul de cultură este distrus de fierul plugului de plantaj, care a pătruns până la adâncimea de 0,55 m, afectând și solul cafeniu-gălbui fără resturi arheologice. Inventarul arheologic recuperat din cuprinsul sondajului și de la suprafața solului, alcătuit din cioburi și oase de animale, aparține la două orizonturi culturale. Ceramica lucrată cu mâna, constând din resturi de vase-borcan, căni și cești cu torți prevăzute cu butoni, datează probabil din epoca bronzului. Orizontul cultural din care provin cioburile respective însă deocamdată nu poate fi precizat. Ținem să subliniem că fragmente de vase din pastă grosolană cu resturi de păioase în compoziție, descoperite cu prilejul periegezei din 2005 și atribuite neoliticului, în cursul cercetărilor din 2006 nu s-au semnalat. Cât privește ceramica lucrată la roată, aceasta aparține unei așezări de tip Sântana de Mureș-Černjahov din vremea migrației goților.

O altă așezare de tip Sântana de Mureș, prospectată prin câteva sondaje mici, este cea din

punctul *La sud-vest de Iazul lui Bozu*. Komplexe arheologice în cuprinsul sondajelor nu au fost surprinse. S-a putut constata însă că stratul de cultură este doar parțial distrus de lucrările agricole, în partea inferioară el rămânând intact. Materialul arheologic, constând din ceramică lucrată cu mâna și la roată și fragmente de amfore romane, o fusaiolă și un fragment de piatră de râșniță, aparține în totalitate orizontului din epoca romană târzie.

Date arheologice interesante au fost obținute prin cercetările din punctele *Panta de vest a Șesului lui Mardari* și *Hârtop*. Recunoașterile de suprafață mai amănunțite și, mai ales, sondajele au arătat că locuirea din epoca neolitică, atestată anterior doar pe panta vestică a *Șesului lui Mardari*, ocupă o arie mai mare, fiind clar documentată și în punctul *Hârtop*. De asemenea, în acest din urmă punct au apărut și materiale ceramice sporadice caracteristice eneoliticului, Hallstattului timpuriu și epocii romane, ceea ce dovedește o dată în plus că vestigiile materiale reperate în *Hârtop* și pe *Panta de vest a Șesului lui Mardari* aparțin unei întinse stațiuni arheologice cu mai multe niveluri de locuire. Dar, urmele de locuire nu sunt răspândite uniform, în *Hârtop* descoperindu-se până acum mai multe materiale din evul mediu târziu, iar în punctul al doilea prevalând cele caracteristice culturilor ceramicii liniare și Chișinău-Corlăteni. Stratul de cultură al stațiunii s-a dovedit a fi în mare parte distrus de lucrările agricole. Deși parțial și ele au fost răscolite, depunerile arheologice neolitice au putut fi clar înregistrate stratigrafic în unele zone ale sitului. Materialul arheologic din așezarea aparținând culturii ceramicii liniare este reprezentativ, cuprinzând fragmente ceramice caracteristice, diferite piese de silex, un frecător și o râșniță din gresie și două toporașe-calapod executate din sist alburiu. Vestigiile materiale datând din eneolitic, prima epocă a fierului și epoca romană sunt mai puține și constau numai din cioburi, în majoritate atipice. Un anumit interes prezintă un fragment de vas de piatră, care însă nu poate fi precis datat. Mai variat este inventarul așezării medievale, care cuprinde pe lângă ceramică și diferite piese de metal, dintre care se remarcă o monedă tătarească din secolul al XIV-lea. Dar, trebuie subliniat că ceramica și obiectele de metal descoperite în punctul *Hârtop* datează dintr-o perioadă mai târzie (secolele XVI–XVIII).

Fără îndoială, descoperirile cele mai importante în cursul cercetărilor din 2006 fost făcute în stațiunea cu mai multe niveluri de locuire de la periferia sudică a orașului Ialoveni (Vornic ș.a. 2008). Deși așezarea respectivă a fost doar sondată, la fel ca și alte obiective arheologice din peri-

metrul oraşului, în cuprinsul suprafeţei dezvelite s-au identificat şi cercetat patru gropi menajere sau de provizii şi un cuptor de piatră amenajat în aer liber, datând din epoca romană şi medievală. Din inventarul arheologic recuperat un interes cu totul aparte îl prezintă brăzdarul de fier asimetric de dimensiuni mari şi două piese, tot de fier, provenind de la echipamentul militar folosit pentru protecţia individuală a ostaşului din evul mediu. Semnificaţiile ştiinţifice pe care le relevă aceste descoperiri impun cercetarea cât mai complet posibilă a monumentului arheolo-

gic din marginea de sud a Ialovenilor, cu atât mai mult că persistă pericolul distrugerii sitului în cauză, terenul pe care se află fiind destinat construcţiei individuale. Subliniem totodată că valorificarea muzeografică corespunzătoare a antichităţilor recuperate cu prilejul cercetărilor arheologice recente pe teritoriul Ialovenilor reclamă fondarea unui muzeu modern în această localitate, muzeu în care să fie prezentate în mod adecvat principalele aspecte ale dezvoltării comunităţilor locale din cele mai vechi timpuri până în epoca medievală târzie.

Bibliografie

- Matei, Emandi 1982:** M.D. Matei, I.E. Emandi, Habitatul medieval rural din valea Moldovei şi din bazinul Şomuzului Mare (secolele XI–XVII) (Bucureşti 1982).
- Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984:** E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul Medieval Baia în secolele XIV–XVII, vol. II. Cercetările arheologice din anii 1977–1980 (Iaşi 1984).
- Ioniţă, Mamalauca, Vornic 2009:** I. Ioniţă, M. Mamalauca, V. Vornic, Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog (Bârlad 2009).
- Larina 2010:** O. Larina, Cultura ceramicii liniare. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 205–212.
- Leviţki 1994:** O. Leviţki, Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi (Bucureşti 1994).
- Leviţki ş.a. 2005:** O. Leviţki, V. Haheu, V. Vornic, L. Ciobanu, Aşezarea de tip Sântana de Mureş–Cernjachov de la Giurgiuleşti – Stâna lui Ion şi Stâna lui Mocanu. RA, vol. I, nr. 2, 2005, 312–350.
- Nicolae, Bugoi, Constantinescu 2009:** E. Nicolae, R. Bugoi, B. Constantinescu, Compositional analyses of some Golden Horde period copper coins. In: Studia archaeologiae et historiae antiquae, Doctissimo viro Scientiarum Archaeologiae et Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur (Chişinău 2009), 385–392.
- Rau 1972:** H. Rau, Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. Nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Wechsel-Rau. In: Acta Prachistorica et Archaeologica, 3, 1972.
- Straume 1987:** E. Straume, Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhundert n.Chr. (Oslo 1987).
- Şovan 2005:** O.L. Şovan, Necropola de tip Sântana de Mureş–Cernjachov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani) (Târgovişte 2005).
- Şovan, Şadurschi 1981:** O.L. Şovan, P. Şadurschi, Noi descoperiri de amfore romane în judeţul Botoşani. Hierasus III, 1981, 51–62.
- Tentiuc 1996:** I. Tentiuc, Populaţia din Moldova Centrală în secolele XI–XIII (Iaşi 1996).
- Vornic 2006:** V. Vornic, Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş–Cernjachov de la Budeşti (Chişinău 2006).
- Vornic, Tabuncic 2006:** V. Vornic, S. Tabuncic, Contribuţii la cunoaşterea realităţilor arheologice din microzona oraşului Ialoveni. RA, vol. II, nr. 1–2, 2006, 364–383.
- Vornic, Tabuncic 2007:** V. Vornic, S. Tabuncic, Obiective arheologice din epoca romană identificate în microzona oraşului Ialoveni. RA, vol. III, nr. 1–2, 2007, 321–338.
- Vornic, Tabuncic, Ciobanu 2007:** V. Vornic, S. Tabuncic, L. Ciobanu, Un brăzdar de plug descoperit la Ialoveni. Contribuţii la cunoaşterea uneltelor de arat din spaţiul est-carpatic în epocile romană şi medievală. Revista de Istorie a Moldovei, nr. 3 (71), 2007, 22–33.
- Vornic ş.a. 2007:** V. Vornic, N. Telnov, V. Bubulici, L. Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană (Chişinău 2007).
- Vornic ş.a. 2008:** V. Vornic, S. Tabuncic, L. Ciobanu, I. Ursu, V. Iarmulski, Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a oraşului. RA, vol. IV, nr. 1, 2008, 186–208.
- Дергачев 1966:** В.А. Дергачев, Археологические разведки в долине реки Ишновец. В сб.: Сборник работ молодых ученых. Академия Наук Молдавской ССР (Кишинев 1966), 244–250.
- Евглевский, Потемкина 2000:** А.В. Евглевский, Т.М. Потемкина, Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья. Том I (Донецк 2000), 181–207.
- Ларина 1999:** О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто–Днестровского региона. Stratum plus 2, 1999, 10–140.
- Лихтер 1988:** Ю. Лихтер, Стекло черняховской культуры. В сб.: Могильники черняховской культуры (Москва 1988), 101–110.
- Магомедов 2001:** Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).
- Никитина 1995:** Г.Ф. Никитина, Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у с. Оселивка (Москва 1995).

Полевой, Бырня 1974: Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV–XVII вв. Археологическая карта Молдавской ССР. Выпуск 7 (Кишинев 1974).

Рафалович 1986: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. (Кишинев 1986).

Рикман 1975а: Э. А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Археологическая карта Молдавской ССР. Выпуск 5 (Кишинев 1975).

Рикман 1975б: Э.А. Рикман, Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры (Москва 1975).

Рикман 1975с: Э.А. Рикман, Жилище племен черняховской культуры Днестровско–Прутского междуречья. В сб.: Древнее жилище народов Восточной Европы (Москва 1975), 50–87.

Туровский и др. 2001: Е.Я. Туровский, М.Ю. Николаенко, В.Н. Горячук, И.В. Ладюков, Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель (Киев 2001).

Шелов 1978: Д. В. Шелов, Узкогорлые светоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология. КСИА, вып. 156, 1978, 16–21.

Янина 1970: С.А. Янина, Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. В сб.: Поволжье в средние века (Москва 1970), 194–223.

Vlad Vornic, doctor în istorie, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Sergiu Tabuncic, doctor în istorie, Centrul de Istorie al IISD al AȘM, str. 31 August 1989 82, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: tabuncic2005@yahoo.com

Larisa Ciobanu, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ciobanu.lora@yahoo.com

Ion Ursu, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ion_ursu11@yahoo.com

Vasile Iarmulschi, cercetător științific, Centrul de Arheologie al IPC al AȘM, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile_iarmulschi@yahoo.com

ORNAMENTELE CERAMICII MODELATĂ CU MÂNA DIN SITUL DE LA ROȘIORI-NEAMȚ¹

George Dan HÂNCEANU, Roman-Neamț

Săpăturile arheologice desfășurate în așezarea de la Roșiori, com. Dulcești, jud. Neamț, ne-au dezvăluit existența unei interesante așezări dacice din perioada secolelor II–III d.Hr., situată pe terasa superioară a râului Moldova. Materialul ceramic dominant, din inventarul complexelor închise (locuințe de suprafață și adâncite, gropi de provizii, menajere sau de cult), dar și din strat, a permis identificarea tipurilor de vase specifice intervalului de timp amintit. Ceramica modelată cu mâna este majoritară, fiind depistate în principal două tipuri de recipiente: vasul-borcan și ceașca dacică (cățuia), lucrate de regulă dintr-o pastă cu nisip, pietricele și scoică pisată, ingrediente care au conferit un aspect grosier și mai puțin fin pentru vasele respective. Îndeosebi fragmentară, pe o parte a ceramicii lucrate cu mâna au fost imprimate în pasta crudă, înainte de ardere, câteva motive decorative caracteristice perioadei menționate: brâuri, simple sau duble (alveolate ori crestate), reprezentate pe orizontală, verticală ori oblic; alveole sau crestături simple, neasociate cu alte motive decorative, dispuse de obicei pe buzele vaselor; butoni aflați în zona superioară a recipientelor, ușor turtiți și plasați pe orizontală, singuri sau în combinație cu alte motive ornamentale (alveole și linii incizate); nervuri situate orizontal (la mijlocul recipientelor) sau vertical (spre partea superioară ori inferioară a vaselor), simple sau combinate (alveole). Cele patru tipuri decorative, ce se observă pe ceramica modelată cu mâna de la Roșiori, sunt specifice olăriei locale, fiind de certă tradiție geto-dacică. Dintre ele, primele două au fost mai des utilizate pe ceramica din situl dacic de pe malul Moldovei. Toate ornamentele demonstrează măiestria olarilor locali, prin modalitatea redării lor, dar și păstrarea/continuarea motivisticii dacice, din perioadele mai vechi, Hallstatt și La Tène, până în secolele II–III d.Hr.

Орнамент лепной керамики с поселения у с. Рошиорь-Нямц. Археологические раскопки, проведенные у с. Рошиорь, коммуна Дулчешть уезда Нямц в Румынии, выявили древности интересного дакийского памятника II–III вв. от Р.Хр., расположенного на верхней террасе реки Молдова. Преобладающий керамический материал, обнаруженный в закрытых комплексах (наземные и углубленные жилища, хозяйственные и культовые ямы), равно как и в культурном слое, позволил идентифицировать типы сосудов, характерных для этого периода времени. Больше всего лепной керамики. В основном обнаружены фрагменты двух типов сосудов: горшков баночной формы и дакийских чаш, в состав теста которых входит, как правило, песок, дресва и измельченные ракушки, вследствие чего поверхность посуды грубоватая. На некоторых фрагментах присутствует характерный для этого времени орнамент, нанесенный до обжига. Это простые или двойные валики (с пальцевыми вдавлениями или насечками), расположенные горизонтально, вертикально или косо; простые пальцевые вдавления или насечки вне ассоциации с другими орнаментальными мотивами, расположенные как правило, по краю венчика; уплощенные усеченно-конические выступы, расположенные горизонтально в верхней части сосуда, иногда в сочетании с другим орнаментом (пальцевые вдавления или насечки); валики расположенные горизонтально (в средней части сосуда) или вертикально (в верхней или нижней части сосуда), иногда в сочетании с пальцевыми вдавлениями. Эти четыре орнаментальные мотива, отмеченные на лепной керамике из Рошиорь, являются специфическими для местной керамики и, безусловно, относятся к гето-дакийской традиции, первые два из которых наиболее часто встречаются. Все типы орнамента доказывают преемственность дакийских мотивов с более давних периодов (Гальштатт, Латен) до II–III вв. от Р.Хр.

Les ornements de la céramique travaillée à main du site de Roșiori-Neamț. Les fouilles archéologiques de l'établissement de Roșiori, com. Dulcești, dep. Neamț ont démontré l'existence d'un très intéressant établissement dace des II–III-ème siècles ap. J.C., situé sur la terrasse supérieure de la Rivière Moldova. A partir de la céramique découverte aussi bien dans l'inventaire des complexes fermés (habitations de surface et huttes creusées, fosses de provisions, ménagers ou de culte) que dans la couche archéologique on a réussi à identifier une typologie céramique pour l'intervalle sous nommé. On enregistre une prédominance de la céramique travaillée à main:

¹ Conținutul acestui articol a fost prezentat cu prilejul unei comunicări, susținută la Simpozionul Național „V. Pârvan”, desfășurat la Complexul Muzeal „Iulian Antonescu” Bacău, în perioada 6-7 octombrie 2008.

les deux types céramiques principales sont le vase-pot et la cassolette (tasse dace), pour lesquelles on a utilisé une pâte qui contient du sable, des cailloux et coquillages pilés, qui donnent un aspect grossier pour l'ensemble de la céramique de ce type. On doit préciser aussi l'état fragmentaire de la plupart de la céramique travaillée à main qui présente quelques motifs imprimés dans la pâte crue (avant l'opération de brûlage), motifs caractéristiques pour la période respective: cercles simples ou doubles (alvéoles ou entaillés) représentés horizontalement, verticalement ou oblique; alvéoles ou entaillés simples qui ne sont pas associées avec d'autres motifs décoratifs qu'on trouve d'habitude sur la lèvre des vases céramiques; boutons placés dans la partie supérieure des pièces céramiques légèrement aplatis, en position horizontale; ils apparaissent seuls ou avec d'autres éléments décoratifs (alvéoles et lignes incisées); nervures placées horizontalement (au milieu du récipient) ou verticalement (vers la partie supérieure ou inférieure des vases), simples ou avec d'autres éléments (alvéoles). Les quatre types décoratifs, identifiés sur la céramique travaillée à main du site de Roșiori, sont spécifiques pour la tradition de poterie locale – on peut retracer l'influence geto-dace en suivant l'évolution de ces motifs décoratifs. D'entre eux, les premiers deux types ont été fréquemment utilisés sur la céramique provenant du site de Roșiori. La variété des motifs décoratifs témoigne de la habileté des potiers, mais aussi sur le processus de garder et continuer à utiliser l'héritage dace (des périodes anciennes: Hallstatt et La Tène) jusqu'au II–III siècles ap. J. C.

Mots clef: Roșiori, la rivière Moldova, l'établissement dace des II–III ème siècles ap. J.C., les potiers, la céramique travaillée à main, le vase-pot, la cassolette, motifs décoratifs, cercles, alvéoles, entaillés, boutons, nervures.

Generalități

Cercetarea arheologică a urmărit de-a lungul timpului acoperirea tuturor aspectelor legate de cultura materială a dacilor, prin observarea și explicarea problemelor legate de viața economică, socială, spirituală etc. În privința olăriei, care reprezintă o componentă importantă, cantitativ și calitativ, a ocupațiilor de bază autohtone din întreg spațiul românesc, se remarcă rolul dominant din inventarele siturilor arheologice și totodată disproporția dintre cele două categorii, una lucrată cu mâna și cealaltă modelată la roată. În majoritatea cazurilor, ceramica modelată cu mâna este mai numeroasă decât cea executată la roată, situație observată în ambele epoci ale fierului, în perioada clasică, dar și ulterior în secolele II–III d.Hr. Pentru ultimul interval de timp, în ciuda modificărilor apărute în privința evoluției ceramicii (diferențe în compoziția pastei, a tipologiei), se păstrează aceleași proporție, în care predomină ceramica modelată cu mâna. Acestei situații i se alătură și așezarea descoperită pe terasa superioară a râului Moldova, la Roșiori, comuna Dulcești, județul Neamț, datată în secolele II–III d.Hr.

Săpăturile sistematice, desfășurate în stațiunea menționată, au permis descoperirea mai multor complexe închise (locuințe, gropi de provizii sau menajere). Inventarul acestor complexe, alături de cel găsit în stratul arheologic, a dezvăluit prezența mai multor obiecte dacice, din lut, os, piatră și metal, dintre care se detașează ceramica lucrată cu mâna. Din punct de vedere cantitativ, ceramica executată cu mâna reprezintă circa 60% din totalul acesteia. Statistica s-a întocmit pe baza întregului material ceramic descoperit în așezare și nu doar din complexe, unde de asemenea predomină cera-

mica lucrată cu mâna, urmată de cea confecționată la roată, de culoare cenușie. Principalele tipuri de vase, lucrate cu mâna, în ordinea cantității lor, sunt vasele-borcan, cătuile și vasele de provizii.

Tehnica de pregătire a compoziției pastei vaselor-borcan, din situl amintit, a avut în vedere utilizarea pentru degresarea argilei ingredientii precum nisip, cioburi sau scoică pisate, dar și microprundișuri (materiale ușor de găsit pe malul râului Moldova), care i-au conferit un aspect grosier, uneori sfărâmicos ori poros. În consecință, datorită pastei dispunem de mai multe categorii de vase-borcan:

- *Vase-borcan de aspect grosier*, care au pereții groși, de regulă sfărâmicioși și arse neuniform;
- *Vase-borcan cu aspect fin*, bine realizate, fără imperfecțiuni de modelare, cu pereții subțiri și arse uniform.

Dacă primele erau utilizate ca vase pentru gătit și au urme de ardere secundară, celelalte serveau ca recipiente pentru depozitarea hranei.

Pentru *ceștile dacice* compoziția pastei aduce cu cea de la vasele-borcan, întrucât la degresarea argilei s-au folosit materiale precum nisip, scoică pisată și pietricele. Spre deosebire de vasele-borcan, unde s-au găsit doar forme medii și mari, cătuile din inventarul sitului de la Roșiori au dimensiuni mari, medii și mici, lipsesc cele miniaturale. Majoritatea acestor cești sunt grosiere și au urme accentuate de ardere secundară, fapt explicabil prin rolul lor.

Vasele de provizii conțin ca degresant nisip, cioburi sau scoică pisate și multe pietricele. De dimensiuni mari, acestea sunt grosiere, arse neuniform și prezintă defecțiuni de fabricație (strâmbe,

nelustruite). Probabil erau folosite la depozitarea semințelor sau pentru păstrarea apei (rol de găleți). Așadar, pentru ultimele două forme de vase nu se remarcă existența unei categorii fine, așa cum s-a identificat la vasele-borcan. Culorile celor trei tipuri de vase sunt de regulă galben-cărămizie, cărămizie, cenușie, cenușiu-neagră, maronie, maroniu-neagră, în funcție de arderea oxidantă sau reducătoare la care au fost supuse.

Descrierea motivelor decorative

Conform ornamentelor întâlnite pe suprafața recipientelor amintite, s-au deosebit următoarele tipuri de motive²:

a) *brăuri*, simple sau duble (alveolate ori crestate), reprezentate pe orizontală, verticală ori oblic;

b) *alveole* sau *crestături* simple, neasociate cu alte motive decorative, dispuse de obicei pe buzele vaselor;

c) *butoni* aflați în zona superioară a recipientelor, ușor turtiți și plasați pe orizontală, singuri sau în combinație cu alte motive ornamentale (alveole și linii incizate).

d) *nervuri* situate orizontal (la mijlocul recipientelor) sau vertical (spre partea superioară ori inferioară a vaselor), simple sau combinate (alveole).

Cele patru tipuri decorative, ce se observă pe ceramica modelată cu mâna de la Roșiori, punctul *Țarina Veche*, sunt specifice olăriei locale, fiind de certă tradiție geto-dacică. Dintre ele, primele două au fost mai des utilizate pe ceramica din situl amintit. Ordinea menționării se datorează frecvenței lor. Perpetuarea formelor și decorurilor din perioada Hallstatt-ului final și din La Tène până în secolele II-III d.Hr. denotă păstrarea obiceiurilor și tradițiilor locale intacte, de către membrii comunităților autohtone.

Detalierea decorurilor amintite urmărește să stabilească pe ce tipuri de vase erau mai frecvent utilizate și totodată ordinea frecvenței lor:

a. *Brăurile* erau folosite în două variante, *simple* sau *duble*, prevăzute cu *alveole* sau *crestături*, situate de obicei pe vasele-borcan sau cele de provizii (fig. 1-3). De regulă, sunt prezente încă de pe ceștile și borcanele dacice, mai vechi, cum ar fi exemplarele de la Brad (Ursachi 1995, 429, pl. 63,2-6.8.9.13-15; 432, pl. 79,1-6.8; 433, pl. 71,1-4.11.13-15.18), Răcățau-Bacău (Căpitanu, Ursachi 1969, 102, fig. 7; 103, fig. 8,4; 105, fig. 10,2) sau Poiana-Galați (Teodor 1995, 21, fig. 3,5.9; 24, fig. 6,1-6; Vulpe, Teodor 2003, 629, fig. 150,3-5; 630, fig. 151,1.5.7-10; 632, fig. 153,1-4.6.7.9.10; 633, fig. 154,3.7-10; 634, fig. 155,2.4; 655, fig. 176,1.2.6; 657, fig. 178,2.4.6.8.9; 662,

fig. 183,1-6.9.11), însă nu și pe căuile târzii de la Roșiori. Acest motiv ornamental era situat de regulă la mijlocul vasului sau spre partea sa superioară. Din punct de vedere al utilității, vasele-borcan care erau întrebuințate la pregătirea hranei, alături de căuile folosite la iluminat, prezintă puternice urme de ardere secundară, spre deosebire de vasele pentru provizii, utilizate la depozitarea alimentelor sau pentru apă. În privința formelor, dar îndeosebi a decorului menționat, se pot observa similitudini și la alte recipiente descoperite în siturile de la Gabăra-Moldoveni (Ursachi 1968, 112, 114, fig. 2,9), Săbăoani (Ursachi 1968, 158, 161, fig. 37,2.3.10; 164, fig. 39,3; Ursachi 2007b, 309, pl. 40,9; 311, pl. 42,4.5; 312, pl. 43,5.7.10.11), Poiana-Dulcești (Bichir 1973, 258, pl. XLII; 259, pl. XLIII,1-4; 270, pl. LIV,2,4; 271, pl. LV,1-5), Butnărești (Bichir 1973, 260, pl. XLIV,2-4), Piatra Neamț-Lutărie (Bichir 1973, 266, pl. L,2), Văleni (Ioniță, Ursachi 1988, 120, fig. 18,2; 121, fig. 19,30; 122, fig. 20, 48; 126, fig. 24,17; 132, fig. 30,47; 133, fig. 31,8.22; 135, fig. 33,1.30; 139, fig. 37,54; 140, fig. 38,184; 143, fig. 41,24.28; 146, fig. 44,66.76; 147, fig. 45,7; 148, fig. 46,57; 151, fig. 49,26), Pancești (Ursachi 2000, 104, pl. VII,2.4.8; 110, pl. XIX,4.7.9; 112, pl. XXIII,2.4.6), Tămășeni (Ursachi 2001, 242, pl. X,6), Rocna (Ursachi 2007a, 249, pl. I,8-11), Stănița – Neamț (Ursachi 2009, 73, fig. 3,1-4), Dărmănești-Bacău (Bichir 1973, 265, pl. XLIX,2), Zvorăștea-Suceava (Ignat 1999, 172, pl. 10,1-M27; 174, pl. 12,1-M40A), Șirna-Prahova (Olteanu, Grigore, Nicolae 2007, 193, pl. I,1-4; 194, pl. II,1-3; 196, pl. IV,2), Obreja-Alba (Protase 2002, 259, pl. XIV,1; 263, pl. XVIII,1; 264, pl. XIX,11.12; 265, pl. XX,10; 267, pl. XXII,3; 269, pl. XXIV,7; 271, pl. XXVI,5.7; 272, pl. XXVII,9; 273, pl. XXVIII,2; 274, pl. XXIX,2; 275, pl. XXX,1-6; 278, pl. XXXIII,4.6; 279, pl. XXXIV,1.5.6; 280, pl. XXXV,3.5.6; 281, pl. XXXVI,1.3.9; 283, pl. XXXVIII,6.7.9), specifice secolelor II-III d.Hr.

b. *Alveolele* și *brăurile*, deja amintite, sunt cele mai frecvent întâlnite pe vasele de la Roșiori. Primele sunt dispuse de regulă pe buzele vaselor, iar celelalte la mijlocul lor. Pe lângă brăurile simple sau duble cu alveole, există recipiente ornamentate doar cu *alveole* ori *crestături* pe buze sau pe fund (fig. 4; 5,5.6). De certă tradiție dacică, *alveolele* și *crestăturile* constituie vechi motive ornamentale, întâlnite încă din perioada hallstattiană și păstrate ulterior până în Evul Mediu timpuriu. Decorurile menționate sunt des remarcate pe ceramica geto-dacică, de la Răcățau-Bacău (Teodor 1995, 21, fig. 3,7) sau Cuco-

² Mulțumim pentru acuratețea redării lor desenatorului Muzeului de Istorie Roman, muzeograf-inginer Dan Spătariu.

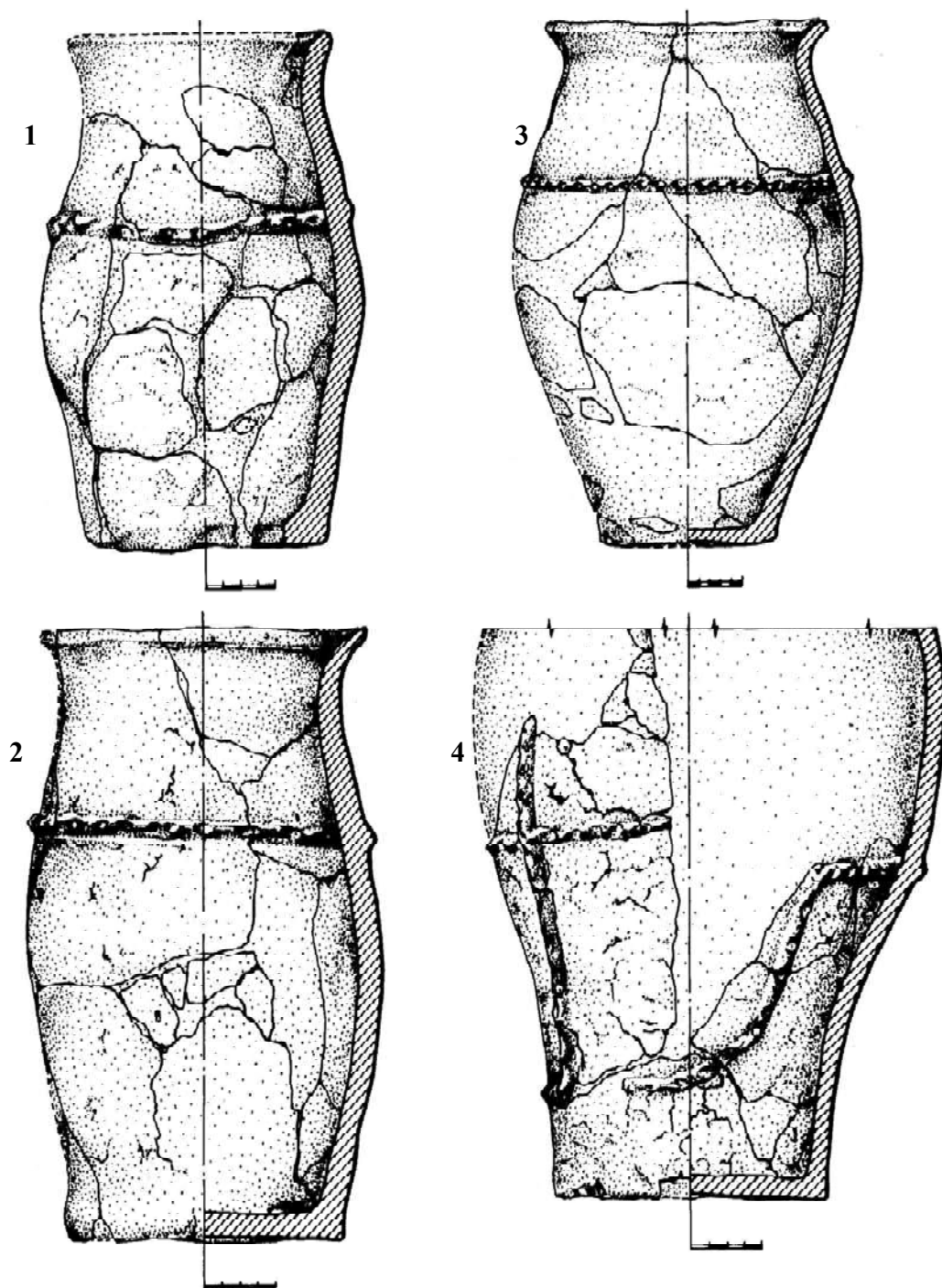

Fig. 1. 1-2, vase-borcan cu brăuri simple alveolate, dispuse orizontal; 3-4, vase de provizii cu brăuri simple alveolate, dispuse orizontal, vertical și oblic (Roșiori, sec. II-III d.Hr.).

răni–Suceava (Teodor 1995, 25, fig. 7,2.6), dar și pe cea caracteristică secolelor II–III d.Hr., din siturile identificate la Stănița (Ursachi 1968, 154, 156, fig. 32,10), Piatra Neamț–*Lutărie* (Bichir 1973, 256, pl. XL,8), Butnărești (Bichir 1973, 275, fig. LIX,3), Poiana-Dulcești (Bichir 1973, 275, fig. LIX,1), Pâncești (Ursachi 2000, 104, pl. VII,3), Tămășeni (Ursachi 2001a, 235, pl. V/8), Săbăoani – Neamț (Ursachi 2007b, 309, pl. 40,10; 310, pl. 41,6.8), Obreja–Alba (Protase 2002, 264, pl. XIX,2.3; 265, pl. XX,3; 268, pl. XXIII,8.11; 272, pl. XXVII,4.5; 277, pl. XXXII,7; 279, pl. XXXIV,4; 283, pl. XXXVIII,2), Șirna–Prahova (Olteanu, Grigore, Nicolae 2007, 193, pls. III,1) ș.a.

c. *Butonii* reprezintă un alt decor de factură geto-dacică, întâlnit încă de pe vasele mai vechi, hallstattiene și La Tène, dar menținut ulterior în perioada secolelor II–III d.Hr. Dispus în partea superioară a recipientelor, de regulă pe vase-borcan, de diferite dimensiuni, inclusiv miniaturale, vase de provizii și pentru păs trarea apei, ornamentul este prezent singur sau alături de alte motive (alveole, linii incizate). Înaintea perioa-

târziu, pe recipientele caracteristice secolelor II–III d.Hr., precum cele găsite la Văleni (Ioniță, Ursachi 1988, 127, fig. 25,33; 135, fig. 33,29; 139, fig. 37,50.51.53.55; 141, fig. 39,47; 145, fig. 43,38; 147, fig. 45,14; 148, fig. 46,53; 153, fig. 51,30), Poiana-Dulcești (Bichir 1973, 262, pl. XLVI/3; 264, pl. XLVIII,1.3; 266, pl. L,1.3; 268, pl. LII,13; 269, pl. LIII,7.9.10; 273, pl. LVII,4-6; 274, pl. LVIII,8.9.11), Piatra Neamț–*Lutărie* (Bichir 1973, 263, pl. XLVII,2.4), Tămășeni (Ursachi 2001a, 235, pl. V,12; 236, pl. VI,10), Rocna (Ursachi 2007a, 249, pl. I,14; 254, pl. VI,1.7; 260, pl. XII,13), Săbăoani–Neamț (Ursachi 2007b, 310, pl. 41,11), Obreja–Alba (Protase 2002, 253, pl. VIII,5; 264, pl. XIX,10).

Potrivit descrierii principalelor tipuri decorative ale ceramicii lucrate cu mâna din așezarea de la Roșiori, primele două motive domină din punct de vedere procentual, fiind de altfel o perpetuare în timp a trăsăturilor olăriei locale, geto-dacice. Tabelul următor are menirea să confirme cantitativ dispunerea acestor decoruri pe ceramica menționată:

Ceramică/ Decoruri	Brâuri	Alveole/Crestături	Butoni	Nervuri
Ceramica la mână	40%	30%	15%	5%

dei clasice (secolele I î.Hr.–I d.Hr.) acești butoni erau proeminenți și situați orizontal, în număr de doi până la patru. Mai târziu, inclusiv în secolele II–III p.Hr. dispunerea lor se păstrează însă, ca aspect ei suferă mici modificări, fiind applatizați. Comparativ cu etapele anterioare, acum nu mai ies în relief fiind turtiți, plați și nicidecum pronunțați (fig. 5,4.5). Asemănări privind forma și poziționarea acestui motiv se observă pe vasele găsite la Poiana-Dulcești (Bichir 1973, 260, pl. XLIV,1; 269, pl. LIII,12), Piatra Neamț–*Lutărie* (Bichir 1973, 263, pl. XLVII,3.5), Văleni (Ioniță, Ursachi 1988, 134, fig. 32,30; 141, fig. 39,47; 144, fig. 42,36), Gădinți (Ursachi 2001b, 17, pl. III,2), Rocna (Ursachi 2007a, 250, pl. II,6; 257, pl. IX,3; 260, pl. XII,1), Săbăoani–Neamț (Ursachi 2007b, 310, pl. 41,9), Șirna–Prahova (Olteanu, Grigore, Nicolae 2007, 193, pl. III,2), Obreja–Alba (Protase 2002, 263, pl. XVIII,1; 264, pl. XIX,11.12; 271, pl. XXVI,3; 272, pl. XXVII,4; 273, pl. XXVIII,2; 281, pl. XXXVI,7.8) și altele din secolele II–III d.Hr.

d. *Nervurile* sunt singure sau în asociere cu alte decoruri (alveole) și dispuse pe orizontală, sub forma unor cercuri pronunțate, în partea superioară a vaselor ori pe verticală, ca niște linii îngroșate (fig. 5,1-3). Cunoscute de pe vasele geto-dacice vechi, nervurile s-au menținut și mai

Pe lângă aceste decoruri, pe ceramica geto-dacică sunt întâlnite și alte motive de tradiție, cum ar fi *brăduțul*, simbolul vieții, incizat pe vasele executate cu mâna sau redat prin lustruire pe cele lucrate la roată, dar care la Roșiori este semnalat doar pe ceramica confecționată la roată (până în momentul de față), fiind realizat tot prin metoda lustruirii (Hânceanu 2010). Nu este exclus, ca ulterior, cu prilejul noilor campanii arheologice, de pe șantierul Roșiori, să se descopere vase modelate cu mâna cu decorul amintit ori cu alte simboluri ornamentale (pastile). Oricum, în procentul de 10% neacoperit de cele patru motive decorative intră vasele lipsite de ornamente, simple sau cele cu decoruri mai rar reprezentate, precum brăduțul.

Ornamentele ceramicii lucrate cu mâna analizate mai sus se atribuie gamei geto-dacice cunoscute specialiștilor și evidențiază măiestria meșterilor olari locali, prin modalitatea redării lor, fapt ce accentuează păstrarea și continuarea motivisticii dacice, din perioadele mai vechi (Hallstatt, La Tène) și până în secolele II–III d.Hr., o parte a decorurilor fiind regăsite și pe vasele autohtone din perioada Evului Mediu timpuriu, cum este cazul alveolelor, crestăturilor și a motivului brăduțului.

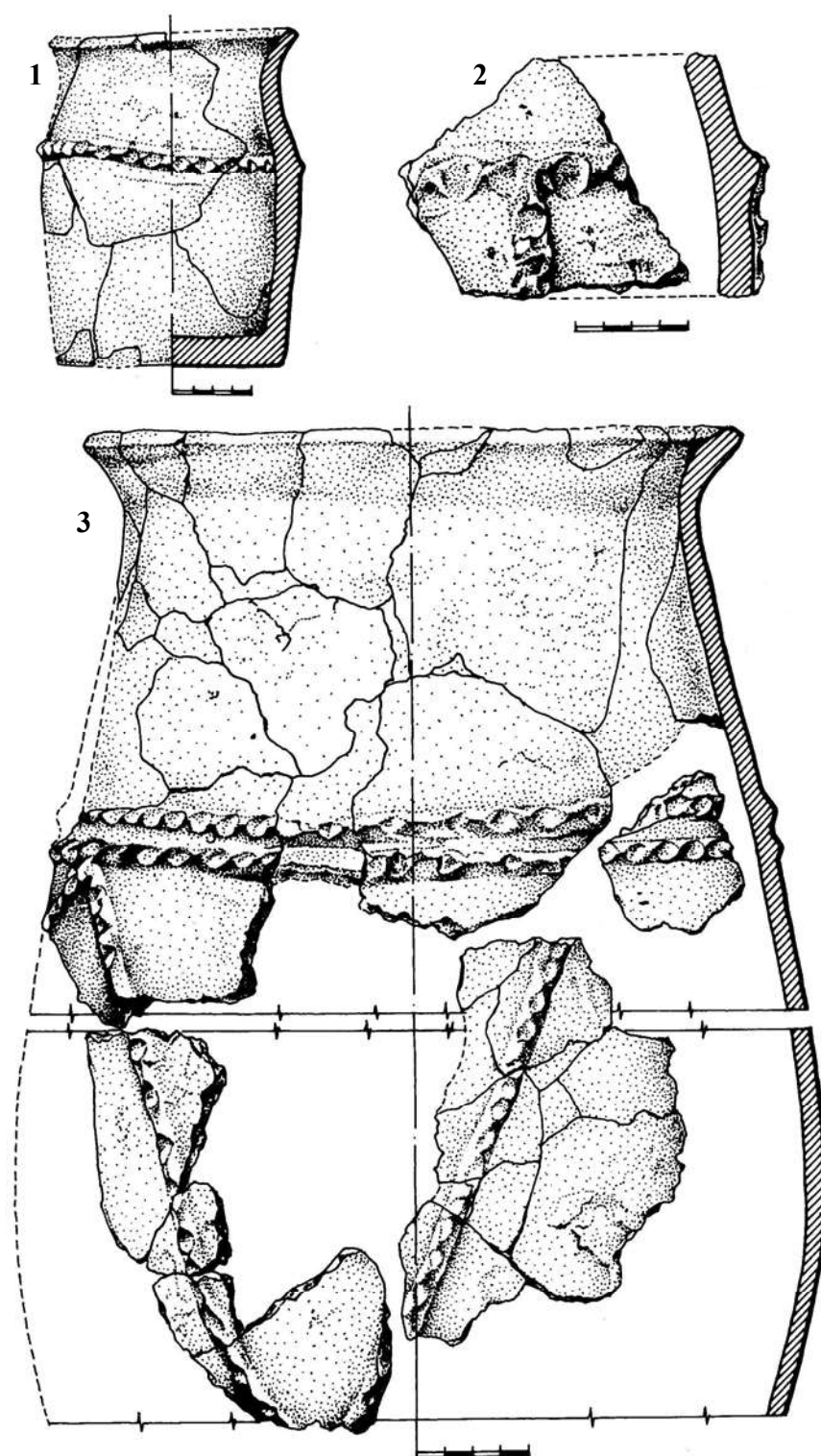

Fig. 2. 1, 2, vase-borcan cu brăuri simple alveolate, dispuse orizontal și vertical; 3, vas-borcan cu brău dublu alveolat, dispus orizontal și oblic (Roșiori, sec. II-III d.Hr.).

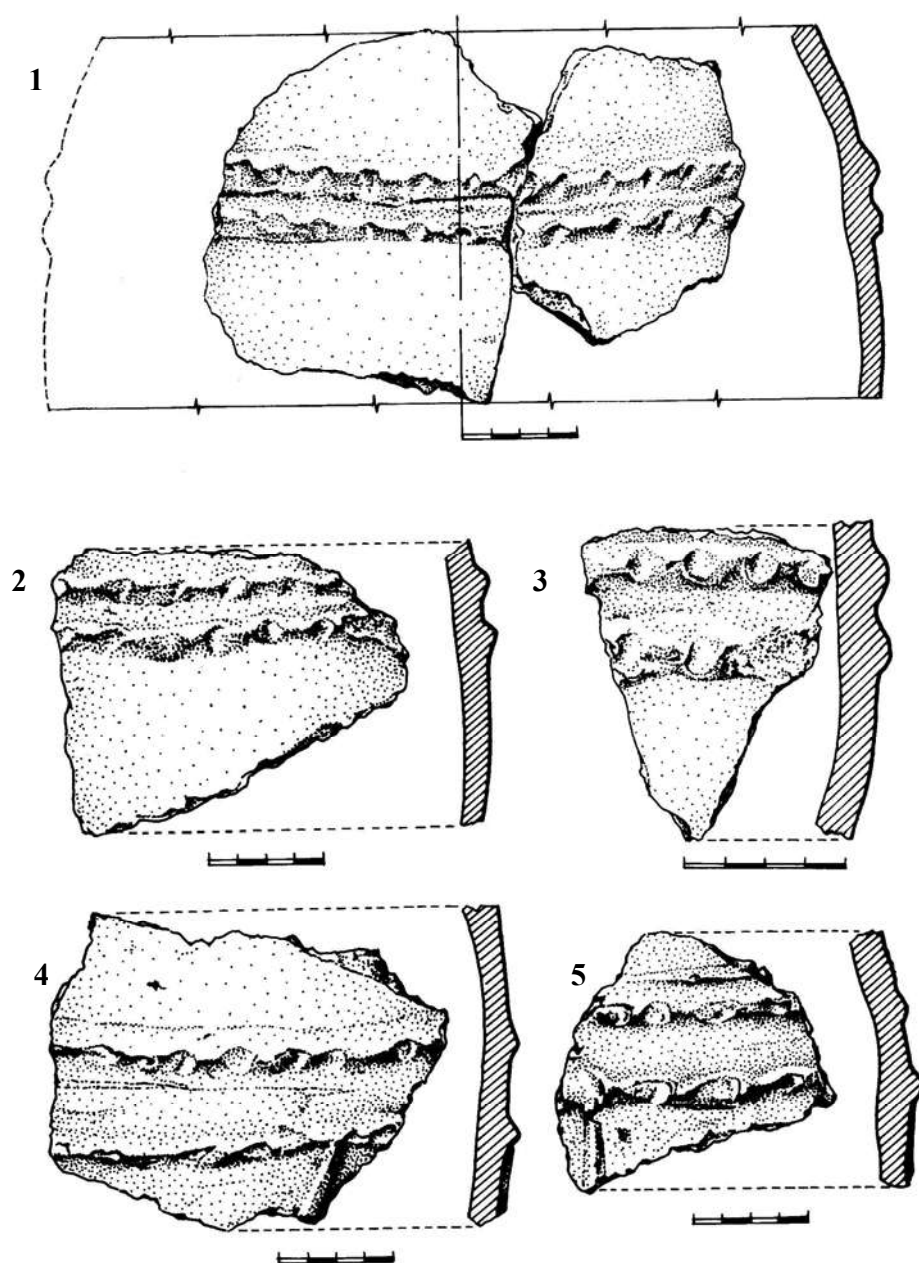

Fig. 3. 1-5, fragmente de vase-borcan cu brâuri duble crestate (pe alocuri combinate cu alveole), dispuse orizontal (Roşiori, sec. II-III d.Hr.).

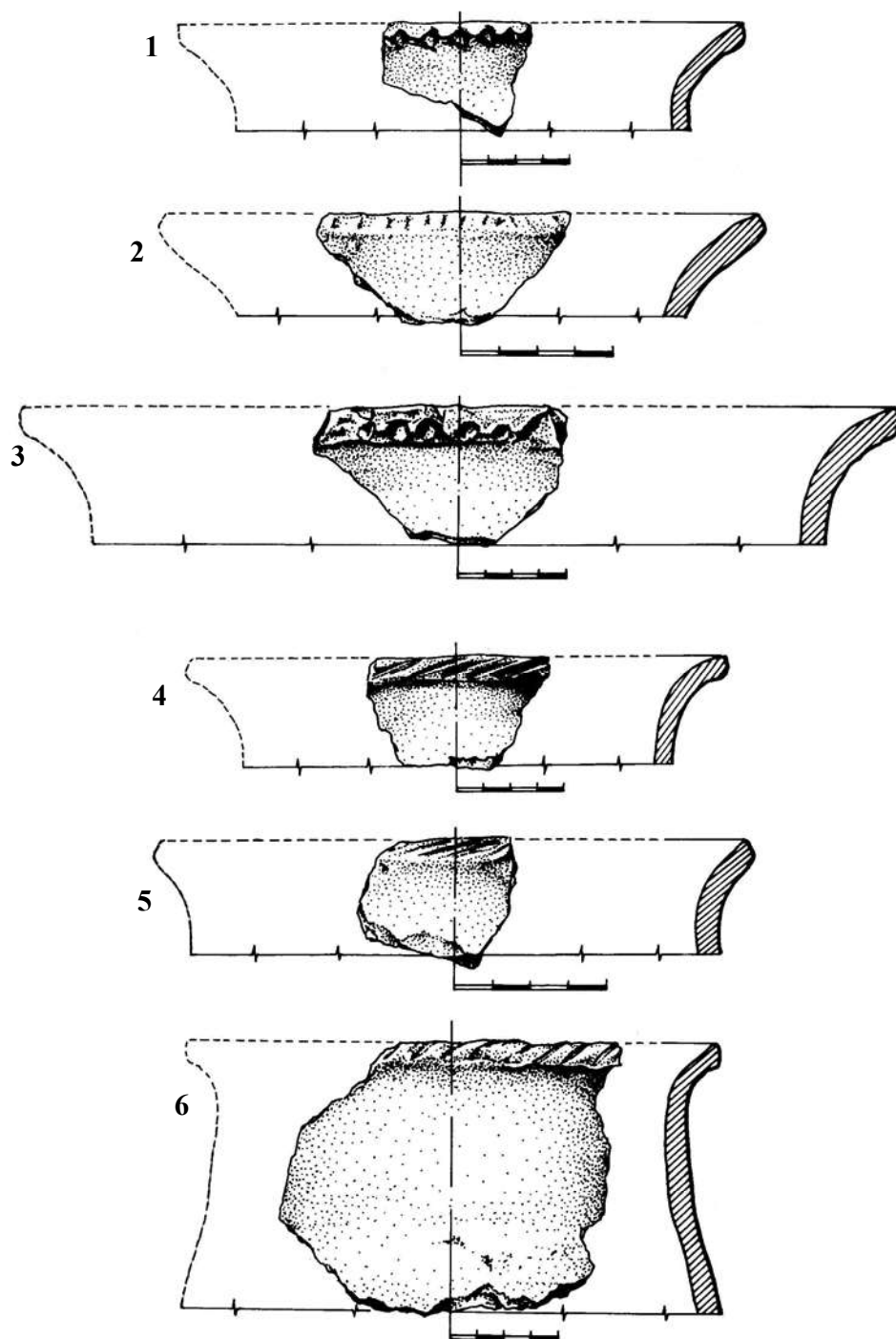

Fig. 4. 1, 3, buze de vase-borcan ornamentate cu alveole; 2, buză de cățuie decorată cu alveole; 4-6, buze de vase-borcan ornamentate cu creștături (Roșiori, sec. II-III d.Hr.).

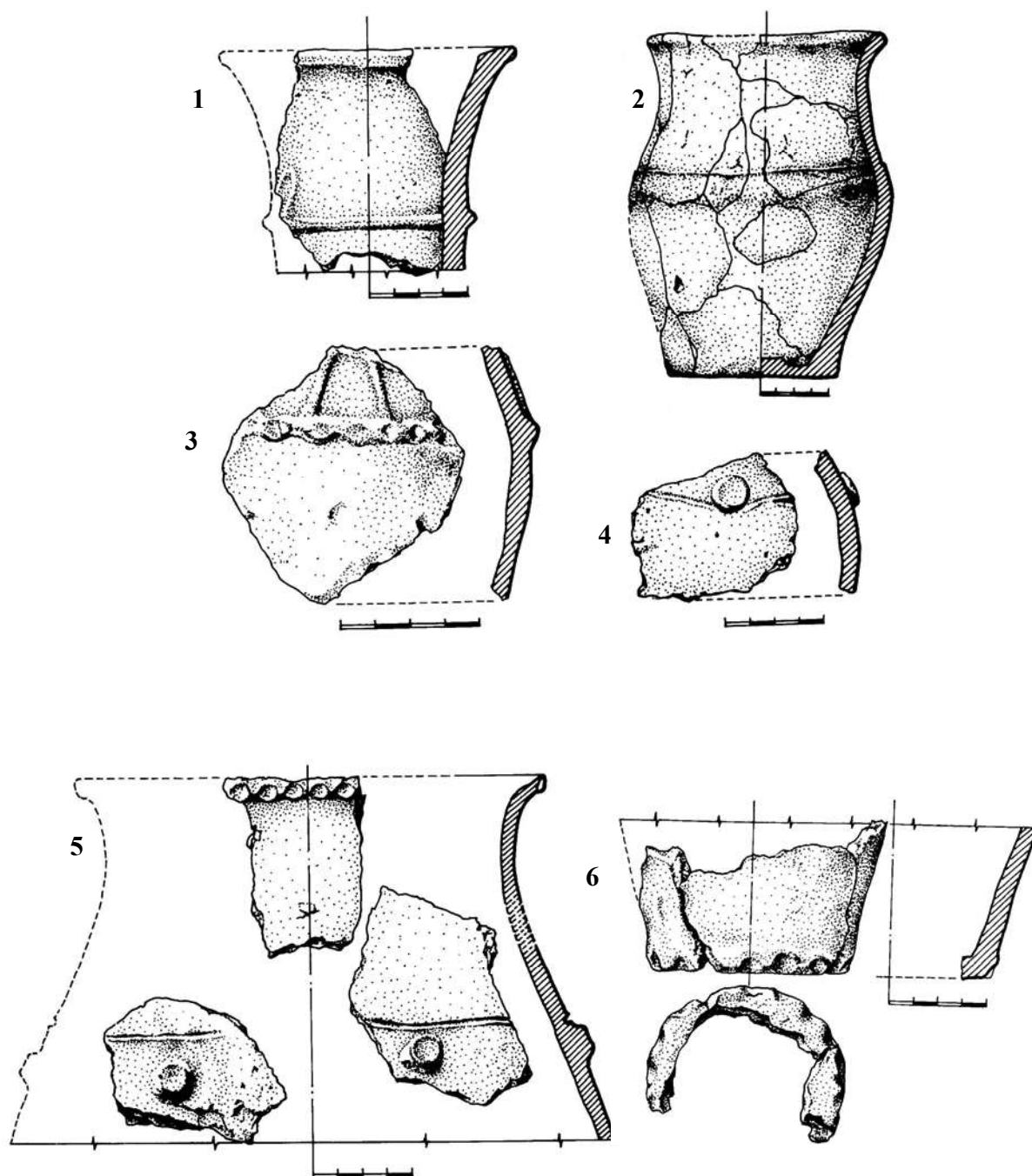

Fig. 5. 1-3, vase-borcan decorate cu nervuri orizontale simple sau verticale, combinate cu alveole; 4, 5, vase-borcan ornamentate cu butoni, în asociere cu alveole și linii incizate; 6, fund de vas-borcan decorat cu alveole (Roșiori, sec. II-III d.Hr.).

Bibliografie

- Bichir 1973:** Gh. Bichir, Cultura carpică (București 1973).
- Căpitanu, Ursachi 1969:** V. Căpitanu, V. Ursachi, O nouă cetățuie dacică pe valea Siretului. Carpica II, 1969, 93-130.
- Hânceanu 2010:** G.D. Hânceanu, Decorurile ceramicii la roată din așezarea dacică de la Roșiori-Dulcești (jud. Neamț). AMT V, 2010, 76-87.
- Ignat 1999:** M. Ignat, Dacii liberi din Moldova – contribuții arheologice. Necropolele de la Podeni și Zvorâștea (Iași 1999).
- Ioniță, Ursachi 1988:** I. Ioniță, V. Ursachi, Văleni – o mare necropolă a dacilor liberi (Iași 1988).
- Olteanu, Grigore, Nicolae 2007:** Șt. Olteanu, N. Grigore, V. Nicolae, Comunitatea sătească de la Șirna, județul Prahova (secolele II-X d.H.) în lumina izvoarelor arheologice (București 2007).
- Protase 2002:** D. Protase, Obreja. Așezarea și cimitirul daco-roman, secolele II-IV. Dovezi ale continuității în Dacia (Cluj-Napoca 2002).
- Teodor 1995:** S. Teodor, Decorul pe vasele borcan geto-dacice. AM XVIII, 1995, 17-31.
- Ursachi 1968:** V. Ursachi, Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie Roman. Carpica I, 1968, 111-188.
- Ursachi 1995:** V. Ursachi, Zargidava. Cetatea dacică de la Brad (București 1995).
- Ursachi 2000:** V. Ursachi, Așezarea dacică de la Pâncești, com. Poienari, jud. Neamț. Carpica XXIX, 2000, 83-112.
- Ursachi 2001a:** V. Ursachi, Cercetările arheologice de la Tămășeni-„La Siliște”, jud. Neamț. MA XXII, 2001, 219-289.
- Ursachi 2001b:** V. Ursachi, Așezarea dacică de la Gâdinți, com. Sagna, jud. Neamț. Carpica XXX, 2001, 9-38.
- Ursachi 2007a:** V. Ursachi, Așezarea dacilor liberi de la Rocna. Stvdia, 2007, 237-270.
- Ursachi 2007b:** V. Ursachi, Săbăoani. Monografie arheologică, vol. I (Iași 2007).
- Ursachi 2009:** V. Ursachi, Descoperiri arheologice în comuna Stănița, județul Neamț. In: Comuna Stănița – Neamț. File de istorie (Piatra-Neamț 2009), 59-84.
- Vulpe, Teodor 2003:** R. Vulpe, S. Teodor, Piroboridava. Așezarea geto-dacică de la Poiana (București 2003).
- George Dan Hânceanu, doctor în istorie, muzeograf-arheolog la Muzeul de Istorie Roman – Complexul Muzeal Județean Neamț, str. Cuza Vodă 19, cod. 611009, Roman, jud. Neamț, România; e-mail: georgehanceanu@yahoo.com.*

К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ В МОЛДАВИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI вв. КЛАД ИЗ с. ПЭНЭШЕШТЬ (СТРЭШЕНСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА)¹

Лилия ДЕРГАЧЕВА, Андрей КРИВЕНКО, Кишинэу/Тирасполь

Cu privire la circulația monetară în Moldova la sfârșitul sec. XV – prima jumătate a sec. XVI. Tezaurul de la Pânășești (raionul Strășeni, Republica Moldova). Autorii publică un tezaur de monede medievale descoperit în apropierea satului Pânășești din raionul Strășeni în anul 2010. Tezaurul conținea 44 de piese de argint, dintre care 23 de denari ai Ungariei; un medin, 18 accele și o imitație a unei accele a Imperiului otoman; o accea a hanatului Crimeii. Piese din tezaur au fost bătute în perioada 1469-1540. Specificul circulației monetare a statului medieval moldovenesc, precum și componența tezaurului, ne permite să considerăm că tezaurul de la Pânășești s-a format într-o perioadă scurtă de timp și cel mai probabil a fost ascuns nu mai târziu de anul 1540. Se discută circulația monetară din a doua jumătate a sec. XV – prima parte a sec. XVI și unele tezaure specifice perioadei respective.

В статье представлен клад средневековых монет, найденный недалеко от села Пэнэшешть Стрэшенского района в 2010 году. Клад состоял из 44 серебряных монет, из которых 23 – денары Венгрии; один медины, 18 акче и одна имитация акче Османской империи; один акче Крымского ханства. Было выявлено, что монеты клада были отчеканены в период 1469-1540 гг. Специфика клада, как впрочем и денежного обращения молдавского средневекового государства, позволяет утверждать что клад из Пэнэшешть является кратковременным депонированием и, по-видимому, был сформирован не позднее 1540 года. Также, в статье рассматривается денежное обращение второй половины XV – первой половины XVI в. и некоторые клады, характерные для данного периода.

The money circulation in Moldova at the end of XVth – first part of XVIth century. The coin hoard from the village of Panasesti (Straseni district, Republic of Moldova). The article presents a hoard of medieval coins founded near the village of Panasesti, Straseni district in 2010. The hoard consisted of 44 silver coins: 23 are a denarius of Hungary, one medini, 18 akches and an imitation of akche of the Ottoman Empire, and one akche of Crimean Khanate. It was found out that the hoard coins were minted in the period 1469-1540. Specificity of the treasure as well money circulation of Moldovan medieval state allows us to suggest that the hoard of Panasesti is of a short deposition and, apparently, was formed not later than 1540. The article also deals with the money circulation from the second half of XVth - the first half of XVIth century and some of the treasures typical for this period.

Key words: money circulation, denar of Hungary, akche of Ottoman Empire, akche of Crimean Khanate, medieval Moldova.

В 2010 году, недалеко от села Пэнэшешть Стрэшенского района был обнаружен клад средневековых монет, отчеканенных в последней четверти XV – первой половине XVI вв. В общей сложности было обнаружено 44 серебряные монеты, из которых одна была вскоре утеряна², а оставшиеся 43 попали в частную коллекцию. Монеты из клада относятся к трем странам-эмитентам: Венгрии (22 экз.), Османской империи (20 экз.) и Крымскому ханству (1 экз.).

Венгерские эмиссии представлены двумя правителями - Матияшем I Корвином (1458-1490) и Владиславом II (1490-1516). Матияшем

И было отчеканено подавляющее большинство монет – 19 денаров. Все они, за исключением одной монеты, выпущенной в Байя Маре (каталог, № 19) и двух монет, которые, в силу объективных причин, не могли быть с точностью атрибутированы (каталог, №№ 17-18), были отчеканены в Кремнице (каталог, №№ 1-16). Сопоставление изображений аверса и реверса, а также других знаков монетных резчиков выявили, что денары Матияша были отчеканены различными мастерами: два экземпляра в 1469 г. (каталог, №№ 1-2), два в 1472/1478 гг. (каталог, №№ 3-4) и семь в 1479/1485 гг. (каталог, №№ 5-10, 19). В 1488 году было выпущено че-

¹ Клад был представлен в виде доклада на международной научной конференции в Одессе «IX чтения памяти П.О. Карышковского» в марте 2011 г. и опубликован в виде тезисов (Дергачева, Кривенко 2011, 131-135).

² Данные об этом экземпляре не сохранились. Известно лишь, что это был венгерский денар (по-видимому, Матияша I Корвина или Владислава II).

тыре экземпляра (каталог, №№ 11-14), а в 1489 г. еще два (каталог, №№ 15-16). Два фрагментированных экземпляра были отчеканены, видимо, в тот же период, что и остальные денары Матияша (каталог, №№ 17-18).

К чеканкам Владислава II относятся только три денара. Они были выпущены на монетном дворе Кремница (каталог, №№ 20-22), в сравнительно короткий период времени: один экземпляр в 1490/1491 гг. (каталог, № 20) и два в 1500/1502 гг. (каталог, №№ 21-22).

Монеты Османской империи, представленные в кладе, были отчеканены от имени Селима I (1512-1520) и Сулеймана I (1520-1566). К эмиссиям Селима I принадлежит шесть акче, один из которых выпущен на монетном дворе в Константинополе (каталог, № 23), другой в Эдирне (каталог, № 24), третий в Юскупе (каталог, № 25), четвертый, вероятно, в Новаре (каталог, № 26) и еще два экземпляра на монетном дворе, который не был определен (каталог, №№ 27-28). Все монеты, по существовавшей традиции, датированы годом восшествия на престол Селима I - 918 г.х. (1512).

Ко времени правления Сулеймана I относятся 14 монет, из которых были выявлены медини (1 экз.), акче (12 экз.) и одна фальшивая монета, подражающая акче Сулеймана I. Медини³ отчеканен на монетном дворе Халеб⁴ (каталог, № 29), акче: один экз. в Константинополе (каталог, № 30), два экз. в Кратова (каталог, №№ 31-32), два экз. в Новаберде (каталог, №№ 33-34), два экз. в Новаре (каталог, №№ 35-36), один экз. в Новаре или Новаберде (каталог, № 37), один экз. в Серезе (каталог, № 38), один экз. в Юскупе (каталог, № 39), один экз. вероятно в Бурсе (каталог, № 40) и последний - на монетном дворе, который не был определен (каталог, № 41).

Фальшивая монета имитирует акче Сулеймана I, с названием монетного двора Кратова⁵ (каталог, № 42). Обратная сторона этой монеты подражает типу реверса I⁶, что позволяет с большой долей вероятности отнести эту монету к имитациям оригинальных акче раннего типа Сулеймана.

Последняя монета комплекса – акче Крымского ханства. Была выпущена от имени Сахиб Гирея I (1532-1551) на монетном дворе в Кырк Йер⁷ и датируется 940 г.х. (1533) (каталог, № 43).

Оригинальные эмиссии Сулеймана I, как и в случае с монетами Селима I, несут дату восшествия - 926 г.х. (1520). Все акче этого прави-

теля располагают легендой «Султан Сулейман шах бин Селим шах» и принадлежат, согласно классификации С. Сречковича (Srećković 2003), к типам аверса А и В. Наличие в комплексе акче Сулеймана I только типов А и В служит подтверждением имеющейся классификации, относящей монеты этих типов к первому периоду правления Сулеймана I (1520-1540). Из вышесказанного следует, что самая поздняя монета комплекса не могла быть выпущена позднее 1540 г.

Совокупность всех представленных монет свидетельствует о двух горизонтах в накоплении клада – западно-европейском, который покрывает период 1469-1502 гг., и восточном, который датируется 1512-1540 гг. Судя по датам выпуска монет, само депонирование можно датировать временным отрезком 1469-1540 гг., поскольку после 1540 года производился выпуск османских акче второго типа, активно поступавших в денежное обращение, но не обнаруженных в составе описываемого комплекса. Таким образом, мы склонны полагать, что время тезаврирования самого комплекса можно уверенно приблизить к 1540 году.

Касательно самого периода формирования и депонирования клада, мы полагаем, что представленный комплекс является кладом краткого времени накопления, зафиксировавшего монеты текущего обращения. Важными доводами выступают: 1) отсутствие молдавских монет Стефана III (как известно, в период его правления местная монета выступала важной составной частью денежного обращения); 2) невысокая сохранность акче, свидетельствующая о том, что они находились в длительном обращении; и 3) наличие в составе клада монеты, имитирующей акче Сулеймана I.

Монеты Венгрии, в данном случае, могут выступать не в противовес, а, скорее, в поддержку данной гипотезы. Известно, что эмиссии Венгрии, чеканенные в конце XV – начале XVI вв., благодаря большому объему выпусков и качественному металлу, оставались в денежном обращении Молдавии на протяжении XVI века. Даже из отчетов секретаря Г. Рейхерсдорфера (G. Reichersdorffer или G. Reicherstorffer (Diaconescu 1939, 8)) отправленного императором Фердинандом I (1521-1564) ко двору молдавского господаря Петра Рареша (1527-1546), следовало, что наравне

⁴ Монета определена С. Сречковичем (г. Белград, Сербия).

⁵ Монета атрибутирована С. Сречковичем (г. Белград, Сербия).

⁶ По классификации С. Сречковича.

⁷ Определение монеты было уточнено Я. Студитским (г. Москва, Россия).

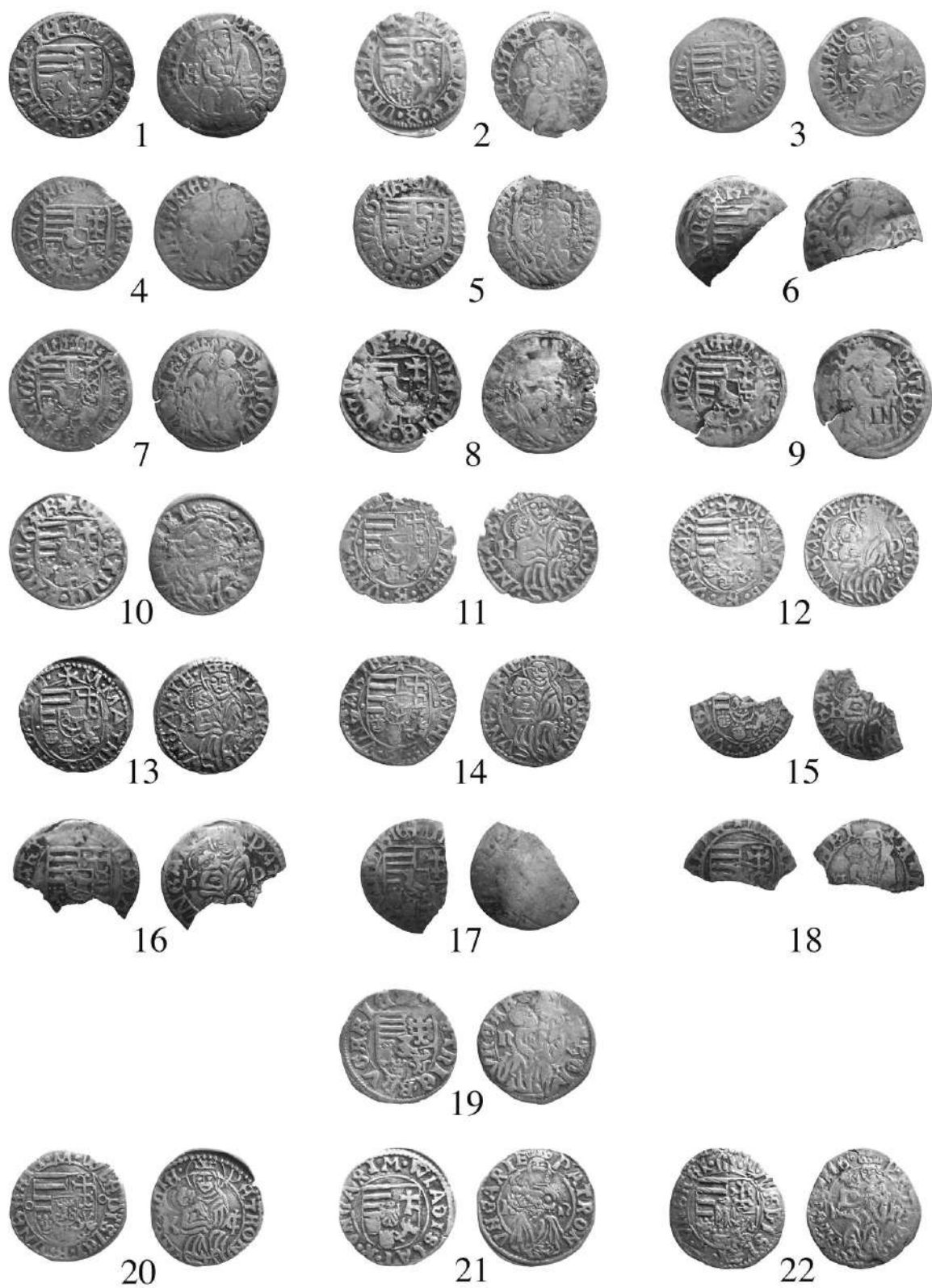

Рис. 1. Венгерские монеты из клада Пэнэшесть. Денары Матияша I Корвина (1-19) и Владислава II (20-22).

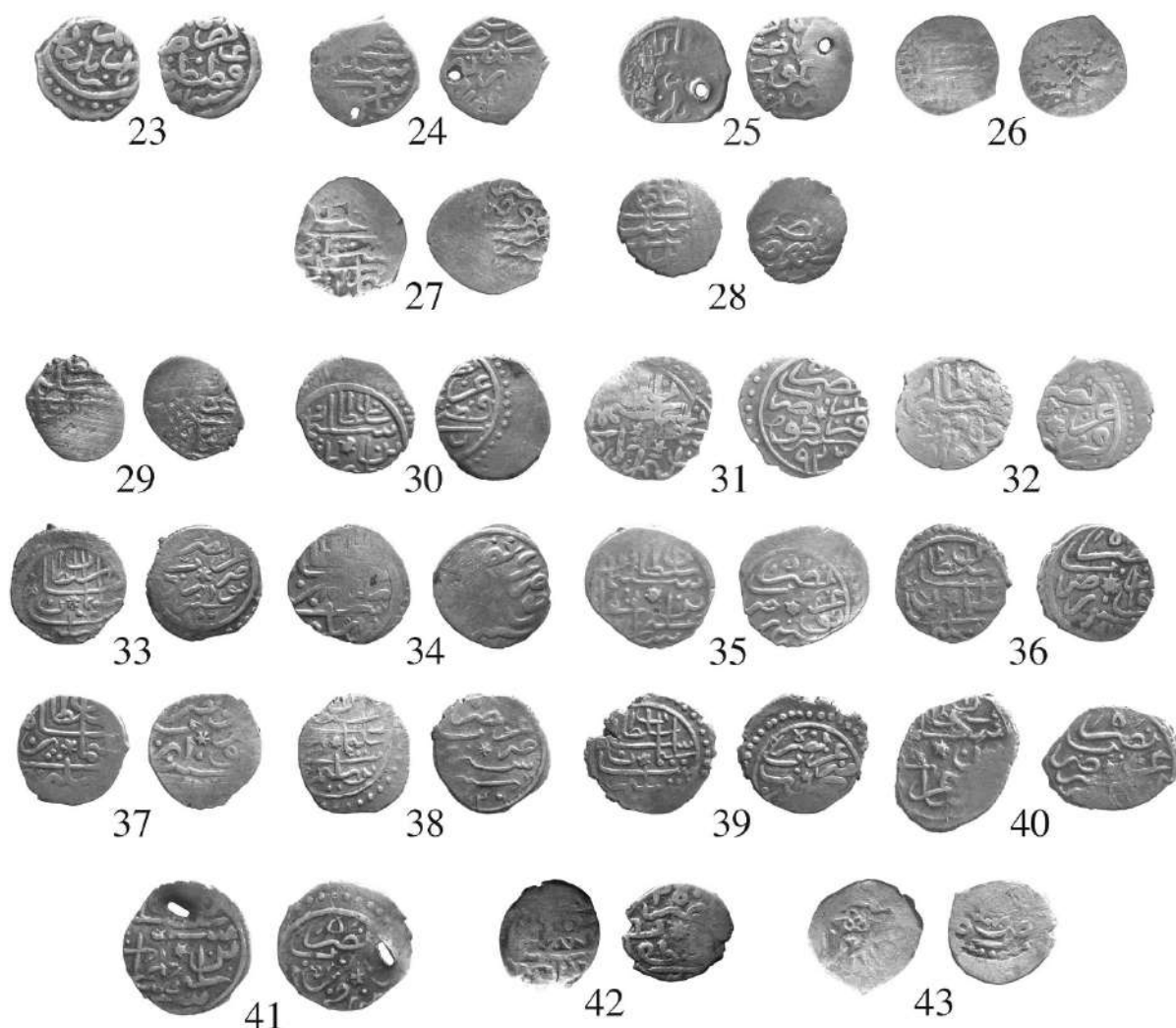

Рис. 2. Монеты Османской империи и Крымского ханства из клада Пэнэшешть. Акче Селима I (23-28); медини (29) и акче (30-41) Сулеймана I; фальшивая монета по образцу акче Сулеймана I (42); акче Сахиб Гирея I (43).

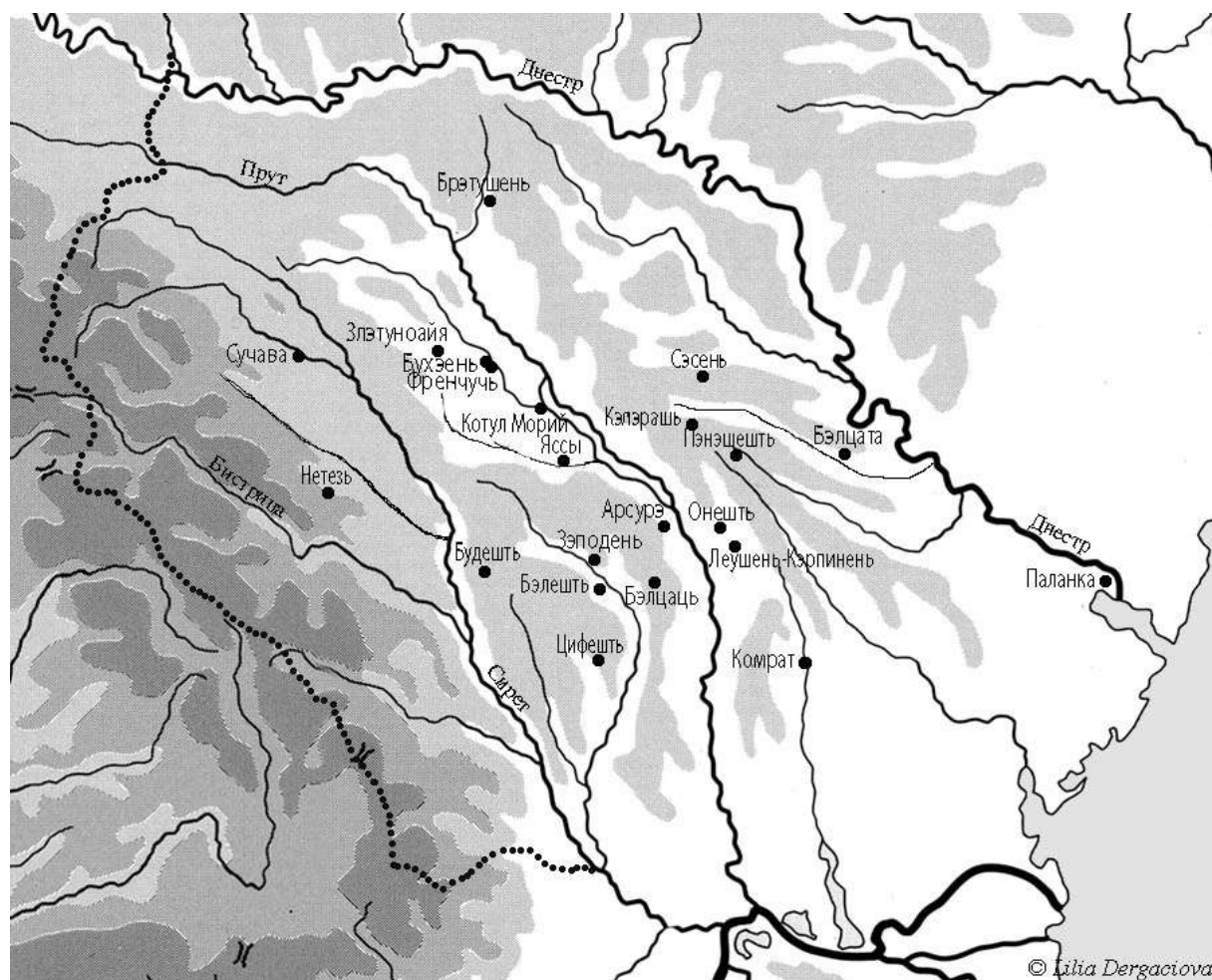
с венгерскими монетами⁸ широкое хождение имели и турецкие деньги (Istoria României 1962, 847; Нудельман 1989, 210). Еще одним подтверждением нашей гипотезы выступают статистические исследования, проведенные Б. Мурджеску (Murgescu 1998, 39-44). Из них следует, что наибольший наплыв венгерских денаров на территорию Молдавии приходится на конец XV – первую половину XVI вв. (т.е. в период правления Матияша I, уменьшаясь в правление Владислава II и становясь совсем незначительным при Людовике II (1516-1526) – Фердинанде I (Murgescu 1998, 40, table 2; 41, table 4).

Таким образом, венгерские денары (в частности, монеты Матияша I и Владислава II)

одновременно могли выступать платежным средством наравне с турецкими акче Селима I – Сулеймана I и, как результат, находиться в одном депонировании.

Основные пути поступления венгерских монет на рынок Молдавского государства проходили через Трансильванию и ее основные торговые города – Брашов, Бистрицу и Сибиу. Этому способствовали выгодные торговые привилегии, выданные в разное время молдавскими господарями купцам Трансильвании. Так, первым молдавским господарем, который регламентировал торговлю с иноземными купцами был Александр I (1400-1432). В привилегии от 3-8 октября 1408 года, помимо условий торговли львовских купцов на Мол-

⁸ К сожалению, мы не можем утверждать однозначно, о монетах каких эмитентов шла речь.

Карта 1. Распределение кладов с венгерскими и турецкими серебряными монетами XV–XVI вв. на территории Молдавского средневекового государства.

давской земле оговаривались условия ввоза и вывоза товаров в Бистрицу (Costăchescu 1932, nr. 176; ИСНСССРР 1965, № 1). Вслед за привилеем Молдавии, актом от 21 июля 1412 года, воеводой Трансильвании Штибором, уточняются условия торговли и пошлины на товары, ввозимые из Молдавии в Бистрицу (Hurmuzachi 1911, nr. 7).

Вслед за Александром I, целый ряд молдавских господарей переподтверждает привилей 1408 года. Одна из последних грамот, наиболее приближенная к дате выпуска венгерских монет из нашегоклада и переподтверждающая условия торговли молдавских и бистрицких купцов была отписана в 1458 году Стефаном III (1457-1504) (Bogdan 1913, nr. CXXV). Вскоре и венгерская денежная система претерпела существенные изменения. С проведением монетной реформы Матияшем Корвином в 1468-1470 гг. денар стал чеканиться из добротного серебра (Pohl 1972, 64). Совокупность этих

факторов способствовала тому, что венгерские денары стали ввозиться в Молдавию и покрывать нужды внутреннего денежного рынка.

Доминированию венгерских монет в депонированиях средневековой Молдавии способствовала и экономическая обстановка в княжестве. Молдавская монета, выпускавшаяся в этот период Стефаном III, да и его преемниками (Богданом III, Стефаном IV и т.д.), чеканилась в сравнительно небольшом количестве. В условиях постоянного развития экономики, ее попросту не хватало. Именно поэтому, в образовавшийся денежный вакуум конца XV – начала XVI в. устремились добротные венгерские эмиссии среднего достоинства.

Основным регионом концентрации венгерских монет в кладах и случайных находках выступает зона главного таможенного пункта в Сучаве, простираясь к центральной части Молдавского княжества и тяготея, преимущественно, к судоходным рекам (Карта 1).

Монеты Османской империи также широко представлены в депонированиях Молдавии. С расширением владений Порты и захватом ею больших залежей серебра Балканского полуострова количественно увеличивается присутствие акче на денежном рынке княжества. Как и венгерские денары, они встречаются практически на всей территории вдоль основных водных магистралей – Сирета, Прута и Днестра (Карта 1).

В отличие от достаточно мирных условий проникновения венгерских денаров, распространение османских акче на денежном рынке Молдавского княжества часто носило принудительный характер. Проникновение монет империи происходило посредством черноморской торговли, особенно после соглашения, заключенного в 1456⁹ г. После военных событий 1484 года выход Молдавии к Черному морю был закрыт, а торговля в южном направлении велась под непосредственным контролем Османской империи. Видимо, здесь сказалось экономическое давление Порты. Принудительные расчеты именно в турецкой серебряной монете способствовали, с одной стороны, введению акче на уровень счетного номинала (Дергачева 2011, 24), а с другой – его повсеместному распространению. Вместе с турецкими эмиссиями, по-видимому, в ходе черноморской торговли, на территорию Молдавии спорадично проникают монеты Крымского ханства, имевшие близкую к османским акче весовую норму.

Как уже отмечалось, на территории Молдавского средневекового государства (Карпато-Днестровского региона) венгерские и османские монеты были обнаружены в многочисленных кладках периода средневековья, как сопутствующий компонент или независимо друг от друга. К примеру, венгерские монеты XV-XVI вв. встречаются или выступают основным составляющим компонентом в кладках: Сучава; Данку; Шкея; Стэучень/1964; Карбаля; Балатина; Стэучень/1970; Ветришоара; Точилень; Фурчень; Вэрзэрешть и др. Турецкие монеты (преимущественно серебряные акче XV-XVI вв.) встречаются в кладках Семень; Ватра Молдовицей; Спея; Стохная; Унгень; Екимэуць; Топала; Бэлэбэнешть; Пэун и др. В подавляющем большинстве кладов серебряные монеты

Венгрии и Османской империи XV-XVI вв. депонировались совместно, иногда дополняясь эмиссиями других государств.

Это следующие кладки:

- ЦИФЕШТЬ (уезд Бырлад, Румыния). Найден в 1912 г., состоит из 384 AR, период аккумуляирования 1451-1490 гг. (Moisil 1916a, 3-16; Moisil 1916b, 42-43, nr. 61; Полевой 1956, 98, № 13; Iliescu 1958a, 27; Iliescu 1968, 259-261; Нудельман 1975, 103, № 29; Berciu-Drăghicescu 1990, 90, nr. 144; Niculiță, Nicolae 1999, 299-306; Nicolae 2003, 88).
- СЭСЕНЬ (ком. Сэсень, р-н Кэлэрашь, Р. Молдова). Найден в 1973 г., состоит из 266 AR + около 80 экз. не опубли., период аккумуляирования 1322-1510/1517 гг. (Нудельман 1974, 204-208, № 2; Нудельман 1975, 103-105, № 31; Нудельман 1976, 96-97, № 8; Berciu-Drăghicescu 1990, 83, nr. 121; Popa, Nicolae 1992, 145; Niculiță, Boldureanu, Nicolae 1997, 201-209; Николае 1999, 142-146; Руссев 1999, 206-208, № 3; Nicolae 2002a, 145-150; Nicolae 2003, 89; Дергачева 2005, 364-367; Postică 2005, 14-15; Nicolae 2007, 183-210; Niculiță 2007, 211-222; Boldureanu 2007, 356, nr. 17; Boldureanu 2008, 358, nr. 14).
- СУЧАВА (церковь Св. Дмитрия, уезд Сучава, Румыния). Найден в 1967-1969 г., состоит из 15 AR, период аккумуляирования 1468-1521 гг. (Artimon 1969, 343-348; Foit 1973, 21; Нудельман 1975, 104-106, № 32; Foit 1981, 79; Berciu-Drăghicescu 1990, 87, nr. 130l).
- БУХЭЕНЬ (ком. Андриешень, уезд Яссы, Румыния). Найден в 1965 г., состоит из 9 AV + 6162 AR + ювелирные изделия, период аккумуляирования 1464-1563 гг. (Stancu 1976, 291-297; Mitrea 1976, 291, nr. 121; Coin Hoards 1978, 149, nr. 495; Știrbu, Petolescu, Stancu 1978, 77, nr. 6; Mitrea 1978, 368, nr. VI.99; Mitrea 1981, 602-603, nr. 335; Chirica, Tanasachi 1984, 36, nr. II.2.H; Mihăilescu-Bîrlița, Butnariu 1988, 319, nr. 57; Berciu-Drăghicescu 1990, 60-61, nr. 19a-b; Butnariu 1988, 269, nota 12 (приводит даты 1395/1402-1566/1574); Нудельман 1991, 140, № 9).
- БЭЛЕШТЬ (ком. Делешть, уезд Васлуй, Румыния). Найден в 1936 г., состоит из 918 AR, период аккумуляирования 1395-1564 гг. (Știrbu, Velter 1983, 97-127; Iliescu 1958b,

⁹ Непокойная внешнеполитическая ситуация Молдавии и военные успехи Османской империи способствовали тому, что в 1456 году по требованию турецкого султана Мехмеда II (1444-1445, 1451-1481) молдавский господарь Петр III Арон (1451-1457, с перерывами) был вынужден временно выплатить харадж в 2000 венгерских флоринов для заключения мира. Это соглашение являлось не только откупом от военного конфликта, но во многом носило характер турецко-молдавского договора. В документе оговаривались условия торговли молдавских купцов в городах империи (Iorga 1924, 105).

- 459, nr. 32; Știrbu, Petolescu, Stancu 1978, 76, nr. 2; Berciu-Drăghicescu 1990, 58, nr. 9).
- КЭЛЭРАШСКИЙ р-н (Р. Молдова). Найден в 2009 г., состоит из 24 AR, период аккумуляирования 1451-1490 гг. (Boldureanu 2009a, 22-23; Boldureanu 2009b, 275, nr. 2).
 - ФРЕНЧУЧЬ (ком. Шкея, уезд Яссы, Румыния). Найден приблизительно в 1958 г., состоит из 7 AR, период аккумуляирования 1471-1574 гг. (Butnariu 1988, 269; Berciu-Drăghicescu 1990, 67, nr. 52; Boldureanu 2001, 151-156; Velter, Știrbu 2002, 284, nr. 20).
 - ЛЕУШЕНЬ-КЭРПИЕНЬ (р-н Хынчешть, Р. Молдова). Найден в 1968 г., состоит из 923 AR, период аккумуляирования 1467-1566/1574 гг. (Нудельман 1974, 214-215, № 6; Нудельман 1976, 99, № 13; Știrbu, Petolescu, Stancu 1978, 77, nr. 8; Berciu-Drăghicescu 1990, 73, nr. 71; Tezaure din muzeele 1994, 19-21, nr. 5; Boldureanu, Tabuică 2011, 85-95).
 - ОНЕСТЬ (р-н Хынчешть, Р. Молдова). Найден в 1954 г., состоит из 291 AR + ювелирные изделия, период аккумуляирования 1405/1447-1566/1574 гг. (Нудельман 1976, 98-99, № 12; Berciu-Drăghicescu 1990, 78, nr. 96; Tezaure din muzeele 1994, 21-24, nr. 6; Velter, Știrbu 2002, 284; Nicolae 2003, 91; Boldureanu, Tabuică 2005, 157-162; Boldureanu 2007, 356, nr. 14 (приводит 288 AR)).
 - БРЭТУШЕНЬ (бывшая Сэрата Албэ, р-н Единец, Р. Молдова). Найден в 1956-1957 гг., состоит из 10 AR + ювелирные изделия, период аккумуляирования 1479-1566/1574 гг. (Бырня, Нудельман, Рябой 1990, 239-249; Tezaure din muzeele 1994, 18-19, nr. 4; Niculiță, Nicolae 1999, 299-306; Nicolae 2003, 91; Niculiță, Nicolae 2003, 143-151).
 - БУДЕШТЬ (ком. Плопана, уезд Бакэу, Румыния). Найден в 1976 г., состоит из 1072 AR, период аккумуляирования 1468-1584 гг. (Mitrea 1977, 381, nr. 137; Coin Hoards 1978, 149, nr. 494; Artimon, Mitrea 1979, 231-247; Mitrea 1981, 602, nr. 334; Coin Hoards 1985, 410, 693; Berciu-Drăghicescu 1990, 60, nr. 18; Nicolae 2003, 91).
 - КОМРАТ (ком. Комрат, УТАГ, Р. Молдова). Найден в 1952 г., состоит из 148 AR, период аккумуляирования 1463-1592/1595 гг. (Нудельман 1976, 100-101, № 16; Berciu-Drăghicescu 1990, 71, nr. 63; Tezaure din muzeele 1994, 32-35, nr. 11; Niculiță, Tabuică, Boldureanu 2001, 151-156; Velter, Știrbu 2002, 284, nr. 20).
 - БЭЛЦАТА (ком. Бэлцата, р-н Криулень, Р. Молдова). Найден в 1962 г., состоит из 18 AV + 264 AR + ювелирные изделия, период аккумуляирования 1468-1595 гг. (Нудельман 1976, 122-123, № 49; Berciu-Drăghicescu 1990, 58, nr. 10; Бырня, Нудельман, Рябой 1990, 239-249; Нудельман 1991, 138, № 3; Tezaure din muzeele 1994, 34-38, nr. 12; Niculiță, Nicolae 1996, 167-177; Velter, Știrbu 2002, 284, nr. 24).
 - АРСУРА (уезд Васлуй, Румыния). Найден в 1935 г., состоит из 641 AR, период аккумуляирования 1468-1596 гг. (Moisil 1945, 58, nr. 2 (приводит 640 экз.); Stancu 1996, 173-190; Velter, Știrbu 2002, 284, nr. 22; Nicolae 2003, 92).
 - ЗЛЭТУНОАЙЯ (ком. Лунка, уезд Ботошань, Румыния). Найден в 1972 г., состоит из 26 AR + ювелирные изделия, период аккумуляирования 1458-1596 гг. (Păunescu, Șadurschi, Chirica 1976, 158, nr. XXXV.3.A (приводят 24 AR); Mitrea 1978, 368, nr. VI.112; Coroliuc 1979, 353-359; Mitrea 1980, 390, nr. 241; Coin Hoards 1985, 411, nr. 695; Berciu-Drăghicescu 1990, 91, nr. 152).
 - БЭЛЦАЦЬ (ком. Тэтэрэнь, уезд Васлуй, Румыния). Найден в 1998 г., состоит из 811 AR + 1 AV, период аккумуляирования 1445/1459-1611 гг. (Monnaies et parures 2007, 57-69, nr. 4).
 - НЕТЕЗЬ (ком. Грумэзешть, уезд Нямц, Румыния). Найден в 1981 г., состоит из 514 AR, период аккумуляирования около 1458-1632 гг. (Bătrîna, Bătrîna 1983, 259-260; Mitrea 1987, 177, nr. VI.38; Preda 1987, 103, nr. 629; Berciu-Drăghicescu 1990, 76-77, nr. 92).
 - ПАЛАНКА (ком. Паланка, р-н Стефан-Водэ, Р. Молдова). Найден в 1902 г., состоит из 16 AR (из большего количества), период аккумуляирования 1490-1687 гг. (Нудельман 1976, 127-128, № 63; Berciu-Drăghicescu 1990, 79, nr. 100; Chetaru, Ghimpu 2001, 214).
 - ЯССЫ (Яссы, ул. Василе Лупу, уезд Яссы, Румыния). Найден в 2002 г., состоит из 14251 AR, период аккумуляирования XIV-XVII вв. (Mihăilescu-Bîrlița și al. 2002, 147, nr. 96; Munteanu, Mihailescu-Bîrlița, Oberländer-Târnoveanu 2006, 57-368; Munteanu, Popovici, Lipovanu 2007, 221-235).
 - ЗЭПОДЕНЬ (уезд Васлуй, Румыния). Найден в 1937 г., состоит из 1486 AR, период аккумуляирования XV-XVII вв. (Moisil 1945, 58, nr. 3; Moisil 1947, 3, nr. 48; Berciu-Drăghicescu 1990, 91, nr. 151).
- Наиболее схожим по структуре с нашим кладом является клад из Котул Морий (Ясский уезд, Румыния) (Neamțu 1961, 283-295; Нудельман 1975, 106,

№ 33; Chirica, Tanasachi 1985, 444, nr. LXXXV.1.D).

Клад состоял из 179 монет и украшений. При его публикации наибольшее внимание исследователя Е. Нямцу было уделено его вещевой части, нумизматический компонент был исследован поверхностно и суммарно описан. Известно, что из 179 монет Крымское ханство представлено одним акче Менгли Гирея I (1466-1467, 1469-1474/1475, 1478/1479-1515), который был отчеканен в 1482 году; Османская империя представлена эмиссиями Мехмеда II (второе правление, 1451-1481), Баязида II (1481-1512), Селима I и Сулеймана I общим количеством в 54 акче. Эмиссии Венгрии, общим числом 124 денара, относятся к периоду правления Матияша I Корвина и Владислава II. По мнению исследователя, период накопления депонирования покрывает временной отрезок 1451-1520 гг. (Neamțu 1961, 283-295).

На наш взгляд, окончательное время формирования комплекса из Котул Морий вполне может быть перенесено на более поздний период, поскольку 926 г.х. (1520) – год восшествия султана на престол, традиционно помещался на большинстве монет, чеканенных в период правления Сулеймана. Именно этот факт указывает на то, что отчеканенные монеты не отражают реальной даты выпуска и должны быть более досконально изучены. Таким образом, время депонирования клада с территории Румынии должно быть расширено и, вероятно, приближено к той же дате, что и рассмотренный нами комплекс из Пэнэшешть. Проводя параллели между кладами из Котул Морий и Пэнэшешть можно отметить, что клад из Котул Морий мог вполне быть комплексом кратковременного накопления, как и клад Пэнэшешть (тем более, что распределение их монетных компонентов по странам-эмитентам во многом совпадает). К сожалению, описание клада из Котул Морий, не позволяет нам прийти к более определенным выводам.

Что касается клада из с. Пэнэшешть, то стоит отметить, что самой поздней датированной монетой является акче Крымского ханства (1533). Османские монеты Сулеймана I из состава комплекса выпускались в достаточно долгий период времени – с 1520 по 1540 гг. (по мнению С. Сречковича) и более точно датированы быть не могут. Поэтому, наиболее логичным нам представляется связать время сокрытия клада с военными кампаниями султана Сулеймана I против молдавского господаря Петра Рареша в 1538. В таком случае, клад из с. Пэнэшешть представляется близким к известным намкладам из Бырлешть, ком. Ербичень Ясского уезда (Chirica, Tanasachi 1984, 147, nr. XXVI.6.C; Nicolae 2002b, 128; Nicolae 2003, 90) и Ватра Молдовицей Сучавского уезда (Vasilescu 1969, 50; Nicolae 2002b, 127-129; Nicolae 2003, 90) и мог быть сокрыт при

тех же условиях, тем самым подтверждая тяжелую ситуацию, в которой оказалась Молдова в этот период.

Таким образом, состав монетного клада из села Пэнэшешть свидетельствует об особенностях денежного обращения Карпато-Днестровского региона. Начиная уже с середины XV века для внутреннего денежного рынка Молдавского средневекового государства характерно использование иностранной монеты среднего достоинства, которая, уже к концу XV века, полностью покрывает нужды внутреннего денежного рынка страны.

КАТАЛОГ

Венгрия

Матияш Корвин (1458-1490)

Монетный двор: Кремница

Денар

1. AR, 0,45 г, 17x16,7 мм, 4h, Йоханнес Консторфер [Johannes Constorfer] (1469);
Аверс. +MMATHIE•RVNGARIE
Реверс. PATRON-VNGARI
Pohl 1982, cf. Nr. 216-9; Huszar 1979, cf. Nr. 717.

2. AR, 0,32 г, 17x15 мм, 6h, изображение реверса стерто; Йоханнес Консторфер [Johannes Constorfer] (1469);
Аверс. +MMATHIE•R•VNGARIE
Реверс. PATRON-VNGARI
Pohl 1982, cf. Nr. 216-9; Huszar 1979, cf. Nr. 717.

3. AR, 0,43 г, 16,2x15,5 мм, 5h, Паул Пек [Paul Peck] (1472-1478);
Аверс. ...MONETA•MATHIE•R•VNGA...
Реверс. ...RON-VNGARIE•
Pohl 1982, Nr. 219-4; Huszar 1979, cf. Nr. 718.

4. AR, 0,43 г, 15,5 мм, 10,30h, Паул Пек [Paul Peck] (1472-1478);
Аверс. +...NETA•MATHIE•R•VNGAR
Реверс. PATRON-VNGARIE•
Pohl 1982, cf. Nr. 219-4; Huszar 1979, cf. Nr. 718.

5. AR, 0,39 г, 15,5 мм, 12h, Паул Пек [Paul Peck] (1479-1485);
Аверс. +M•MATHIE•R•hVNGAR
Реверс. ...ATRON-VNGAR...
Pohl 1982, Nr. 221-2; Huszar 1979, cf. Nr. 719.

6. AR, 0,27 г, 15x10 мм, 2h, монета фрагментирована, Паул Пек [Paul Peck] (1479-

1485) или Паул Пек [Paul Peck] (1479-1485)/
Вайт Мюлштайн [Veit Mühlstein] (1479-1485);
Аверс. +M...hVNGAR
Реверс. PA...NGAR•
Pohl 1982, cf. Nr. 221-1 – 221-3; Huszar 1979, cf. Nr. 719.

7. AR, 0,38 г, 16,5 мм, 1,30h, Вайт Мюлштайн [Veit Mühlstein] Августин Лангсфелдер [Augustin Langsfelder] (1479-1485);
Аверс. +M•MATHIE•R•hVNGARIE
Реверс. •PATRON-VNGARI
Pohl 1982, Nr. 221-4; Huszar 1979, cf. Nr. 719.

8. AR, 0,28 г, 16,8x16,2 мм, 5h, Вайт Мюлштайн [Veit Mühlstein] Августин Лангсфелдер [Augustin Langsfelder] (1479-1485);
Аверс. +M•MATHIE•R•hVNGARIE
Реверс. •PATRON-VNGARIE
Pohl 1982, cf. Nr. 221-4; Huszar 1979, cf. Nr. 719.

9. AR, 0,26 г, 17,5x16,2 мм, 8,30h, Вайт Мюлштайн [Veit Mühlstein] Августин Лангсфелдер [Augustin Langsfelder] (1479-1485);
Аверс. +M•MATHIE•R...VNGARIE
Реверс. •PATRON-VNGARI
Pohl 1982, Nr. 221-4; Huszar 1979, cf. Nr. 719.

10. AR, 0,39 г, 16,8 мм, 1h, мастер не опр. (1479-1485);
Аверс. +MMATHIE•R•hVNGAR
Реверс. •PATRON-VNGARI
Pohl 1982, cf. Nr. 221-5 (неизданный вариант); Huszar 1979, cf. Nr. 719 (неизданный вариант).

11. AR, 0,30 г, 15x15,5 мм, 11h, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1488);
Аверс. +M•MATHIE•R•VNGARIE•
Реверс. PATRON-VNGARIE•
Pohl 1982, Nr. 223-1; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

12. AR, 0,31 г, 15,5 мм, 7h, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1488);
Аверс. +M•MATHIE•R•VNGARIE•
Реверс. PATRON-VNGARIE•
Pohl 1982, Nr. 223-1; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

13. AR, 0,40 г, 16 мм, 12h, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1488);
Аверс. +M•MATHIE•R•VNGARIE•
Реверс. PATRON-VNGARIE•
Pohl 1982, Nr. 223-1; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

14. AR, 0,43 г, 16x14,5 мм, 9h, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1488);

Аверс. +M•MATHIE•R•VNGARIE•
Реверс. PATRON-VNGARIE
Pohl 1982, Nr. 223-1; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

15. AR, 0,19 г, 12,8x9,5 мм, 10h, монета фрагментирована, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1489);
Аверс. ...THIE•R•VNG...
Реверс. ...N-VNGARI...
Pohl 1982, cf. Nr. 223-1; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

16. AR, 0,37 г, 15,4 мм, 1h, монета фрагментирована, Петер Шайдер [Peter Schaidler Oberkammergraf] (1489);
Аверс. +...•MATH...A•RI...
Реверс. PAT...VNGARIE
Pohl 1982, cf. Nr. 223-2; Huszar 1979, cf. Nr. 722.

Монетный двор: Кремница (?)

Денар

17. AR, 0,24 г, 15,5 мм, 8h, монета фрагментирована, изображение реверса сильно стерто;
Аверс. +M...•R•hVNGARIE
Реверс. ...RI

18. AR, 0,20 г, 15x10,4 мм, 11,30h, монета фрагментирована, мастер не установлен;
Аверс. +MMAT...ARIE
Реверс. PATR...ARI

Монетный двор: Байя Маре

Денар

19. AR, 0,41 г, 15,5 мм, 10h, городской чекан ? (1479-1485), изображение реверса стерто;
Аверс. +M•MATHIE•RNVNGARIE
Реверс. ...RON-VNGARE
Pohl 1982, Nr. 222-9 – 222-10; Huszar 1979, cf. Nr. 720.

Владислав II (1490-1516)

Монетный двор: Кремница

Денар

20. AR, 0,42 г, 16x15,2 мм, 8,30h, Каспар Стек [Caspar Stek] для Петера Шнайдера [Peter Schneider] (1490-1491);
Аверс. M•WLADISLAI•R•VNGARIE•
Реверс. PATRON-VNGARIE•
Pohl 1982, cf. Nr. 237.

21. AR, 0,37 г, 16 мм, 4h, Ганс Турзо [Hans Thurzó] (1500-1502);
Аверс. M•WLADISLAI•R•VNGARI

Реверс. PATRON-VNGARIE

Pohl 1982, cf. Nr. 242-1; Huszar 1979, cf. Nr. 807.

22. AR, 0,40 г, 16,5 мм, 1h, Ганс Турзо [Hans Thurzó] (1500-1502);

Аверс. M•WLADISLAI•R•VNGARI•

Реверс. PATRON-SVNGARIE•

Pohl 1982, cf. Nr. 241-1; Huszar 1979, cf. Nr. 806.

Османская империя

Селим I (1512-1520)

Монетный двор: Константинополь

Акче 918 г.х.

23. AR, 0,69 г, 11,0 мм;

Аверс. ... / ... / Селим хан / Баязид / бин

Реверс. насруху бе / аззе дури / Костантинийя / сене 918

Srećković 2000, D/IV, 158, Nr. 63; Damali 2009, 391, Nr. 9-K-G1e.

Монетный двор: Эдирне

Акче 918 г.х.

24. AR, 0,67 г, 11,5 мм, пробита;

Аверс. ... [ха]н / ... / Селим / шах / Баязид ха[н]

Реверс. насруху / аззе дури / бе / Эдирне / сене 918

Srećković 2000, B/II, 151, Nr. 30; Damali 2009, 375, Nr. 9-Ed-G1d.

Монетный двор: Юскуп

Акче 918 г.х.

25. AR, 0,71 г, 11,7 мм, пробита;

Аверс. Султан / шах / Селим хан / Баязид / ...

Реверс. ... бе / ... дури / Юскуп / сене 918

Srećković 2000, E/IV, 159, Nr. 67; Damali 2009, 423, Nr. 9-U-S-G1e.

Монетный двор: Новар (?)

Акче 918 г.х.

26. AR, 0,66 г, 10,5x11,0 мм;

Аверс. ... / Селим / шах / бин / Баязид хан

Реверс. насруху / аззе дури / бе / сене / Новар (?) / ...

Srećković 2000, A/I, 147, Nr. 12; Damali 2009, 411, Nr. 9-No-G1a.

Монетный двор: не определен

Акче 918 г.х.

27. AR, 0,61 г, 12,5 мм;

Аверс. Султан / Селим / шах / бин / Баязид хан

Реверс. насруху / ... дури / бе / сене ...

Srećković 2000, A/I, 135.

28. AR, 0,45 г, 11,0 мм;

Аверс. Султан ... / бин / Селим / шах / Баязид ...

Реверс. насруху / аззе дури / бе / сене (?)

Srećković 2000, B/I, 135.

Сулейман I (1520-1566)

Монетный двор: Халеб

Медины 926 г.х.

29. AR, 0,59 г, 11,0 мм, обрезана;

Аверс. Султан / Сулейман / шах / ... / Селим / ...

Реверс. ... / аззе ... / бе / Ха[леб] / ...

Damali 2010, 582, Nr. 10-HP-G1f

Монетный двор: Константинополь

Акче 926 г.х.

30. AR, 0,69 г, 11,5x13,0 мм;

Аверс. Султан / Сулейман / бин ... / Селим / ...

Реверс. ... / аззе ... / Костантинийя / сене / [92]6

Srećković 2003, A/I, 90, Nr. 04; Damali 2010, 616, Nr. 10-K-G2a.

Монетный двор: Кратова

Акче 926 г.х.

31. AR, 0,68 г, 13,0 мм, двойной удар;

Аверс. Султан / Сулейман / бин шах / Селим / шах

Реверс. насруху / бе / аззе дури / Кратова / сене / 926

Srećković 2003, A/I, 103, Nr. 01; Damali 2010, 627, Nr. 10-KR-G1a.

32. AR, 0,72 г, 11,0x12,0 мм;

Аверс. Султан / Сулейман / бин шах / Селим / ...

Реверс. насруху / ... / аззе ... / Кра[това] / сене / ...

Srećković 2003, A/I, 103, Nr. 02; Damali 2010, 627, Nr. 10-KR-G1a.

Монетный двор: Новаберда

Акче 926 г.х.

33. AR, 0,72 г, 12,5 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман бин / шах / Селим

Реверс. насруху / аззе бе / дури / Новаберда / сене / 926

Srećković 2003, B1*b/II, 135, Nr. 12; Damali 2010, 670, Nr. 10-NV-G1a.

34. AR, 0,49 г, 12,5 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман бин / шах / Селим

Реверс. насруху / аззе ... / дури / Нова[берда] / сене / ...

Srećković 2003, B3/II, 136, Nr. 21.

Монетный двор: Новар

Акче 926 г.х.

35. AR, 0,67 г, 13,0 мм;

Аверс. Султан / Сулейман / бин шах / Селим / шах
Реверс. насруху / бе / азде дури / Новар / сене / ...

Srećković 2003, A/I, 157, Nr. 01; Damali 2010, 680, Nr. 10-NO-G1a.

36. AR, 0,65 г, 12,5 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман бин / шах / Селим

Реверс. насруху / бе / азде дури / Новар / сене / 926

Srećković 2003, B/I, 158, Nr. 10; Damali 2010, 680, Nr. 10-NO-G1b.

37. AR, 0,72 г, 12,0 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман бин / шах / Селим

Реверс. насруху / азде бе / дури / Нова[r] / сене / 926

Srećković 2003, B2*a/II, 160, cf. Nr. 22-24 (неопубликованная штемпельная разновидность написания монетного двора).

Монетный двор: Серез

Акче 926 г.х.

38. AR, 0,70 г, 12,0x12,5 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман ... / шах / Селим

Реверс. насруху / азде бе / дури / Серез / сене / 926

Srećković 2003, B2*b/II, 168, Nr. 12; Damali 2010, 693, Nr. 10-SE-G1b.

Монетный двор: Юскуп

Акче 926 г.х.

39. AR, 0,53 г, 12,5x14,0 мм;

Аверс. Султан / шах / Сулейман бин / шах / Селим

Реверс. насруху / азде бе / дури / Юскуп / ...

Srećković 2003, B1*b/II, 203, Nr. 16; Damali 2010, 738, Nr. 10-US-G1b.

Монетный двор: Бурса (?)

Акче 926 г.х.

40. AR, 0,69 г, 14,5 мм;

Аверс. Султан / Сулейман / бин шах / Селим / шах

Реверс. насруху / бе / азде дури / Бурса (?)

Srećković 2003, A/I, 65, Nr. 01.

Монетный двор: не определен

Акче 926 г.х.

41. AR, 0,69 г, 14,0 мм, двойной удар, пробита;

Аверс. ... / Сулейман / шах бин / Селим / шах

Реверс. насруху / ... бе / ... / ...

Srećković 2003, A/I, 36, Nr. 45.

Фальшивая монета по образцу акче Сулеймана
I монетного двора Кратова

42. AR, 0,40 г, 11,5 мм;

Аверс. нечитаемая имитативная легенда

Реверс. подражательная легенда: насруху / ...
азде (в зеркальном виде) /[Кра]това / сене
/ [9]2[6]

Крымское ханство

Сахиб Гирей I (1532-1551)

Монетный двор: Кырк Йер

Акче 940 г.х.

43. AR, 0,41 г, 12,0 мм;

Аверс. Легенда, разделенная горизонтальной
линией с четырехлепестковой виньеткой
посередине: + / [бин] Менгли Гирей

Реверс. Круговая легенда между двух
точечных ободков: + дури бе Кырк [Йер] +
Лебедев 1998, № 5.

Библиография

Бырня, Нудельман, Рябой 1990: П.П. Бырня, А.А. Нудельман, Т.Ф. Рябой, Два монетно-вещевых клада XVI и XVII вв. АИМ в 1985 г., 1990, 239-249.

Дергачева 2005: Л. Дергачева, Неизвестные монеты Богдана III из Сесенского клада. RA I, 1, 2005, 364-367.

Дергачева 2011: Л. Дергачева, Монеты и денежное обращение на территории Молдавии (середина XIV – первая четверть XVI в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора истории (Кишинев 2011).

Дергачева, Кривенко 2011: Л. Дергачева, А. Кривенко, Клад серебряных монет XV-XVI вв. из с. Пэнэшешть (Стрэшенского района, Республики Молдова). В сб.: ДП IX (Одесса 2011), 131-135.

ИСНСССРР 1965: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV - начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. Том I (1408-1632) (Москва 1965).

Лебедев 1998: В.П. Лебедев, Несколько примеров неизданных монет Крымского ханства XV-XVII вв. НФ 3, 1998, 18-19.

Николае 1999: Е. Николае, Две монеты финальной стадии золотоордынского господства к западу от Днестра. Stratum plus 6, 1999, 142-146.

Нудельман 1974: А.А. Нудельман, Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. АИМ в 1973 г., 1974, 188-229.

- Нудельман 1975:** А.А. Нудельман, К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV-XVI вв. В сб.: Карпато-Дунайские земли в средних веках (по материалам кладов) (Кишинев 1975), 94-124.
- Нудельман 1976:** А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта Молдавской ССР. № 8 (Кишинев 1976).
- Нудельман 1989:** А.А. Нудельман, Венгерские денарии Матьяша Хуньяди и его преемника в молдавских кладах. АИМ в 1984 г., 1989, 204-219.
- Нудельман 1991:** А.А. Нудельман, Золотые монеты в денежном обращении Молдовы. В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 113-156.
- Полевой 1956:** Л.Л. Полевой, К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XV вв. ИМФАН СССР 4 (31), 1956, 91-103.
- Руссев 1999:** Н.Д. Руссев, На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв. (Кишинев 1999).
- Artimon 1969:** Al. Artimon, Un tezaur monetar din secolele XV-XVI, descoperit la Suceava. Carpica II, 1969, 343-348.
- Artimon, Mitrea 1979:** Al. Artimon, I. Mitrea, Un tezaur monetar din secolele XV-XVI, descoperit la Budești-Plopana, jud. Bacău. Carpica XI, 1979, 231-247.
- Bătrîna, Bătrîna 1983:** L. Bătrîna, A. Bătrîna, Tezaurul monetar de la Netezi, jud. Neamț. CA VI, 1983, 259-260.
- Berciu-Drăghicescu 1990:** A. Berciu-Drăghicescu, Repertoriul descoperirilor monetare de pe teritoriul Moldovei (secolele XIV-XVI). Caietul seminarului special de științe auxiliare ale istoriei. Opuscula bibliologica, genealogica, numismatica. Vol. II (București 1990), 54-92.
- Bogdan 1913:** I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare. Hrisoave și cărți domnești 1493-1503. Tractate, acte omagiale, solii, privilegii comerciale, salv-conducte, scrisori. Vol. II (1457-1503) (București 1913).
- Boldureanu 2007:** A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (I). Tyragetia I [XVI], nr. 1, 2007, 351-360.
- Boldureanu 2008:** A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (II). Tyragetia II [XVII], nr. 1, 2008, 353-360.
- Boldureanu 2009a:** A. Boldureanu, Un tezaur din secolele XV-XVI descoperit recent în raionul Călărași. In: Al X-lea Simpozion de Numismatică (Chișinău 2009), 22-23.
- Boldureanu 2009b:** A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (III). Tyragetia III [XVIII], 1, 2009, 345-352.
- Boldureanu, Tabuică 2005:** A. Boldureanu, R. Tabuică, Date noi privind tezaurul de la Onești, raionul Hîncești. In: Simpozion de Numismatică 2003 (București 2005), 157-162.
- Boldureanu, Tabuică 2011:** A. Boldureanu, R. Tabuică, Asprii otomani din tezaurul de la Leușeni, raionul Hîncești, Rep. Moldova. SCN I (XIII), 2011, 85-95.
- Butnariu 1988:** V. Butnariu, Tezaure monetare din secolele XV-XVII descoperite în Moldova. AIIA XXV, 1, 1988, 267-274.
- Chetraru, Ghimpu 2001:** N. Chetraru, V. Ghimpu, Descoperiri monetare în Basarabia în secolul al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea. In: Simpozion de Numismatică 2000 (București 2001), 213-216.
- Chirica, Tanasachi 1984:** V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. Vol. I (Iași 1984).
- Chirica, Tanasachi 1985:** V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. Vol. II (Iași 1985).
- Coin Hoards 1978:** Coin Hoards, vol. IV (London 1978), 149-151.
- Coin Hoards 1985:** Coin Hoards, vol. VII (London 1985), 409-416.
- Coroliuc 1979:** G. Coroliuc, Tezaurul feudal descoperit la Zlătunoaia-Lunca, județul Botoșani (sec. XV-XVI). Hie-rarus I (1978), 1979, 353-359.
- Costăchescu 1932:** M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Documnte interne. Urice (ispisoace), surete, registre, traduceri 1438-1456. Documente externe. Acte de împrumut, de omagiu, tractate, solii, privilegii comerciale, salv=conducte, scrisori 1387-1458. Vol. II (Iași 1932).
- Damali 2009:** A. Damali, History of Ottoman Coins. Vol. 1 (Istanbul 2009).
- Damali 2010:** A. Damali, History of Ottoman Coins. Vol. 2 (Istanbul 2010).
- Diaconescu 1939:** E. Diaconescu, Vechi drumuri moldovenești. Contribuțiuni în legătură cu luptele lui Ștefan cel Mare pentru ocuparea domniei (Iași 1939).
- Foit 1973:** Gr. Foit, Succese ale cercetării numismatice pe teritoriul județului Suceava în anii puterii populare. SMI III, 1973, 17-25.
- Foit 1981:** Gr. Foit, Suceava – centru de interes major pentru numismatica medievală a Moldovei. Suceava III, 1981, 47-84.
- Hurmuzachi 1911:** E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor. Vol. I (1358-1600) (București 1911).
- Huszar 1979:** L. Huszar, Münzkatalog Ungarn von 1000 bis heute (Battenberg 1979).
- Iliescu 1958a:** O. Iliescu, Numismatica medievală și modernă a țării noastre, oglindită în colecțiile restituite de la Moscova. In: Studii asupra tezaurului restituit de U.R.S.S. (București 1958), 15-33.
- Iliescu 1958b:** O. Iliescu, Însemnări privitoare la descoperiri monetare (II). SCN II, 1958, 447-463.
- Iliescu 1968:** O. Iliescu, Notes de numismatique orientale. SAO VII, 1968, 259-261.
- Iorga 1924:** N. Iorga, Actul lui Mohammed al II-lea pentru negustorii din Cetatea-Albă (1456). RI X, 1-3, 1924, 105.
- Istoria României 1962:** Istoria României, vol. II (București 1962).

- Mihăilescu-Bîrliba și al. 2002:** V. Mihăilescu-Bîrliba, C. Asăvoaie, G. Bilavschi, C. Stoian, Iași, jud. Iași, Punct: str. Vasile Lupu, nr. 28. CCAR. Campania 2002 (București 2002), 147-148, nr. 96.
- Mihăilescu-Bîrliba, Butnariu 1988:** V. Mihăilescu-Bîrliba, V. Butnariu, Descoperiri monetare din Moldova I. AM XII, 1988, 311-320.
- Mitrea 1976:** B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie (1975) (XIX). Dacia XX, 1976, 287-293.
- Mitrea 1977:** B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie, 1976 (XX). Dacia XX, nr. 1-2, 1977, 375-381.
- Mitrea 1978:** B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie, 1977 (XXI). Dacia XXII, 1-2, 1978, 363-369.
- Mitrea 1980:** B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie – 1980 (XXIV). Dacia XXV, 1980, 381-390.
- Mitrea 1981:** B. Mitrea, Descoperiri monetare în România (1976-1979) (XVIII-XX). BSNR LXX-LXXIV (1976-1980), nr. 124-128, 1981, 559-608.
- Mitrea 1987:** B. Mitrea, Découvertes monétaires en Roumanie – 1986 (XXX). Dacia XXXI, nr. 1-2, 1987, 173-177.
- Moisil 1916a:** C. Moisil, Monete și podoabe de la sfârșitul veacului al XV-lea (tezaurul din Țițești, jud. Putna). SCN VII, 1916, 3-16.
- Moisil 1916b:** C. Moisil, Monete și tezaure monetare găsite în România și ținuturile românești învecinate (vechiul teritoriu geto-dac). BSNR 27, 1916, 42-43.
- Moisil 1945:** C. Moisil, O monetă curioasă: Costanda (urmare). Cursul costandei sau a patronului. CNA XIX, nr. 135-136, 1945, 56-59.
- Moisil 1947:** C. Moisil, Statistica tezaurelor monetare, intrate până la 31 Decembrie 1946 (urmare și sfârșit). BL II, nr. 6-12, 1947, 3-5.
- Monnaies et parures 2007:** Monnaies et parures du Musée Départemental „Ștefan cel Mare” de Vaslui. Corpus Nummorum Moldaviae III, coord. V. Butnariu (Iași 2007).
- Munteanu, Mihailescu-Bîrliba, Oberländer-Târnoveanu 2006:** L. Munteanu, V. Mihailescu-Bîrliba, E. Oberländer-Târnoveanu, The catalogue of the coin hoards. In: The great medieval coin hoards of Iași (Iași 2006), 57-368.
- Munteanu, Popovici, Lipovanu 2007:** L. Munteanu, A. Popovici, I. Lipovanu, Addendum la tezaurul monetar de la Iași (2002). AM XXX, 2007, 221-235.
- Murgescu 1998:** B. Murgescu, The circulation of the Hungarian denars in the Romanian Principalities in the 16th century. NK XCVI-XCVII (1997-1998), 1998, 39-44.
- Neamțu 1961:** E. Neamțu, Obiecte de podoabă din tezaurul medieval de la Cotul Morii, Popricani (Iași). AM I, 1961, 283-295.
- Nicolae 2002a:** E. Nicolae, Două monede din perioada de sfârșit a dominației Hoardei de Aur la vest de Nistru. In: Simpozion de numismatică 2001 (București 2002), 145-150.
- Nicolae 2002b:** E. Nicolae, Le dépôt d'aspers ottomans de Vatra Moldoviței, dép. de Suceava. BSNR, XC-XCI (1996-1997), nr. 144-145, 2002, 127-129.
- Nicolae 2003:** E. Nicolae, Moneda otomană în Țările Române în perioada 1451-1512 (Chișinău 2003).
- Nicolae 2007:** E. Nicolae, Monedele tătarești din tezaurul de la Săseni, raionul Călărași, Republica Moldova. In: Simpozion de numismatică 2004 (București 2007), 183-210.
- Niculiță 2007:** A. Niculiță, Monedele europene din tezaurul de la Săseni, raionul Călărași, Republica Moldova. In: Simpozion de numismatică 2004 (București 2007), 211-222.
- Niculiță, Boldureanu, Nicolae 1997:** A. Niculiță, A. Boldureanu, E. Nicolae, Les aspres ottomans du trésor de Săseni, dep. de Călărași (Rep. de Moldavie). SCN XI (1995), 1997, 201-209.
- Niculiță, Nicolae 1996:** A. Niculiță, E. Nicolae, Monedele de aur otomane din tezaurul de la Bălțata, raionul Criuleni, Rep. Moldova. BSNR LXXXVI-LXXXVII (1992-1993), 1996, 167-177.
- Niculiță, Nicolae 1999:** A. Niculiță, E. Nicolae, Tezaurul de la Brătușeni (Sărata Albă), raionul Edineț (sec. XVI). In: Studia în onorarea Ion Niculiță (Chișinău 1999), 299-306.
- Niculiță, Nicolae 2003:** A. Niculiță, E. Nicolae, Le trésor de Brătușeni (Sărata Albă), dép. d'Edineț Rép. de Moldavie (XVIe siècle). In: Romano-Turcica. Vol. I (Istanbul 2003), 143-151.
- Niculiță, Tabuică, Boldureanu 2001:** A. Niculiță, R. Tabuică, A. Boldureanu, Asprii otomani din secolul al XVI-lea din tezaurele de la Comrat și Semeni, jud. Ungheni. In: Simpozion de numismatică 2000 (București 2001), 151-156.
- Păunescu, Șadurschi, Chirica 1976:** A. Păunescu, P. Șadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al județului Botoșani. Vol. I (București 1976).
- Pohl 1972:** A. Pohl, Hunyadi Matyas birodalmanak ezüstpenzei 1458-1490. Az eremgyűjtők kiadványsorozata VIII, nr. 2 (Budapest 1972).
- Pohl 1982:** A. Pohl, Münzzeichen und Meisterzeichen auf ungarischen Münzen des Mittelalters 1300-1540 (Budapest 1982).
- Popa, Nicolae 1992:** L. Popa, E. Nicolae, Un tezaur de aspri otomani de la începutul secolului al XVI-lea în colecțiile Muzeului Județean Brașov. BSNR LXXX-LXXXV (1986-1991), nr. 134-139, 1992, 139-154.
- Postică 2005:** Gh. Postică, Noi informații despre tezaurele monetare descoperite la Săseni și Mereni. In: Simpozion de numismatică (Chișinău 2005), 14-15.
- Preda 1987:** C. Preda, Rezumat la Bătrîna L., Bătrîna A. Tezaurul monetar de la Netezi, jud. Neamț. Materiale 1982

(Vaslui 1986), 243-244. In: Eastern Europe and the Balkans. Numismatic Literatur, september 1987, 118 (New-York 1987), 103, nr. 629.

Srećković 2000: S. Srećković, Akches, vol. 2 (Belgrade 2000).

Srećković 2003: S. Srećković, Akches, vol. 3 (Belgrade 2003).

Stancu 1976: P. Stancu, Unele aspecte ale circulației monetare în Moldova în sec. al XVI-lea, oglindite în tezaurul de la Buhăieni. MN III, 1976, 291-297.

Stancu 1996: P. Stancu, Contribuții la circulația monetară din Moldova în secolele XV-XVI pe baza tezaurului descoperit la Arsura (jud. Vaslui). CN VII, 1996, 173-190.

Știrbu, Petolescu, Stancu 1978: C. Știrbu, C.-M. Petolescu, P. Stancu, Un tezaur din secolul al XVI-lea descoperit în satul Buhăeni, com. Andrieșeni, jud. Iași. CN I, 1978, 42-83.

Știrbu, Velter 1983: C. Știrbu, A.-M. Velter, Tezaurul de la Bălești, jud. Vaslui și importanța lui istorică. CN V, 1983, 97-129.

Tezaure din muzeele 1994: Tezaure din muzeele orașului Chișinău, secolele XVI-XVIII. Coordonator V. Butnariu (Chișinău 1994).

Vasilescu 1969: Al. Vasilescu, Drumurile «tătărești» în lumina noilor descoperiri arheologice din județul Suceava. SMI, 1969, 43-65.

Velter, Știrbu 2002: A.-M. Velter, C. Știrbu, Circulația în Țările Române a monedelor de argint cu valoare ridicată emise de statele, orașele și forurile ecleziastice germane, în perioada secolelor XVI-XVII. CN VIII, 2002, 273-308.

Лилия Дергачева, доктор исторических наук, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы, bd. Ștefan cel Mare, nr. 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Андрей Кривенко, доктор географических наук, доцент кафедры экономической географии и региональной экономики, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко Ул. 25 Октября, 128, MD-3300, Тирасполь, Республика Молдова

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

SCULPTURA MONUMENTALĂ ZOOMORFĂ A CULTURII USATOVO

Sergiu POPOVICI, Chișinău

Studiul abordează problema pieselor sculpturale zoomorfe descoperite în cadrul necropolelor culturii Usatovo. Repertoriul vestigiilor cuprinde 19 piese provenite din necropolele de la Usatovo, Grigoriopol, Nicolscoe și Krestovaja Mogila. Este prezentată și clasificarea sculpturii zoomorfe, incluzând două tipuri distincte a câte trei variante fiecare. Sculptura zoomorfă a fost descoperită în diferite contexte: ringuri de piatră, gropi de cult, acoperământul gropilor sepulcrale, mantaua tumulară. Este abordată și problema cultului taurului, particularitățile acestuia fiind evidențiate în credințele religioase ale culturii Usatovo.

Монументальная зооморфная скульптура усатовской культуры. В предлагаемой работе рассматривается проблема археологических комплексов с монументальной зооморфной скульптурой, открытых в результате исследования погребальных сооружений Усатовской культуры. Свод источников включает в себя 19 скульптурных изображений, найденных в результате раскопок древнейших курганов в Усатово, Григориополе, Никольском и Крестовой Могиле на территории Северо-Западного Причерноморья. Приводится классификация зооморфных изваяний, преимущественно представленных изображением быка, где выделяются два основных типа, подразделяющихся на три основных варианта в каждом. Зооморфная скульптура была открыта в различных контекстах: в каменных cromlechs, в перекрытиях захоронений, в культовых ямах, в насыпях курганов. Рассматривается также проблема культа быка, присутствующая в религиозных культах и верованиях культуры Усатово и древнейших скотоводческих племен северопричерноморских степей.

Monumental zoomorphic sculpture of the Usatovo culture. This article considers the problem of the archaeological complexes with monumental zoomorphic structure, discovered during the excavations of the Usatovo culture funeral sites. Our database includes 19 sculptures, unearthed in ancient tumuli in Usatovo, Grigoriopol, Nikols'koe and Krestovaya Moghila from the North-West Pontic region. A classification of zoomorphic representations has been made. Most of these sculptures depict a bull. Two main variants, each consisting of three main types, have been traced. The context of the finds vary: the zoomorphic sculptures have been found within stone cromlechs, among the stones placed above the graves, in cultic pits, in the earthen mounds of the barrows. An emphasis is being made on the question about the existence of the bull-cult within the religious cults and beliefs of the Usatovo culture and the most ancient stock-breeding tribes from the steppes of the Northern Pontic region.

Key words: Usatovo, tumulus, sculpture, bull-cult.

Introducere

O categorie distinctă a inventarului descoperit în complexele funerare a culturii Usatovo o alcătuiesc plăcile din piatră prelucrată, purtând forma unor reprezentări antropomorfe sau zoomorfe. În cele ce urmează vom trata subiectul reprezentărilor zoomorfe, care constituie o parte componentă a sculpturii monumentale Usatovo (Popovici 2010, 16). Sculptura zoomorfă prin esența sa redă plastic, în trei dimensiuni, prin cioplirea unui material dur sau modelarea în lut, reprezentarea anumitor animale. Acestea din urmă, în cadrul culturii Usatovo, și-au găsit reflectarea în unele elemente decorative ale ceramicii, în plastica de dimensiuni reduse modelată din lut (Патокова 1957, 34; Збенович 1974, 105; Патокова 1979, fig. 14; Патокова и др. 1989, 105) și în sculptura monumentală cioplită în piatră (Новицкий 1990, 40).

Pentru prima dată sculptura monumentală zoomorfă a fost identificată și documentată în urma cercetărilor de la Usatovo, care s-au soldat cu descoperirea a două necropole tumulare și două plame¹. Aici în anul 1926 în tumulul I-1, investigat de către M.F. Boltenko și P.Z. Rjabkov au fost depistate două reprezentări sculpturale de capuri de taur (Субботин, Петренко 1986, 26-43). Urmează o descoperire similară în anul 1936, documentată de către V.I. Selinov și E.F. Lagodovskaja în tumulul II-2 de la Usatovo (Селинов, Лагодовская 1940, 239-263), după care în urma investigațiilor tumulului I-9 (1939), în partea estică a ringului de piatră a mai fost depistat un cap de taur sculptat (Патокова 1979, 60). În anii postbelici descoperiri de acest fel au fost înregistrate doar după demararea amplelor cercetări sistematice ale complexelor tumulare în steпа nord-vest pontică.

1. De remarcat existența unei necropole tumulare complet distruse (Usatovo III), urmele căreia au fost investigate perieghetic în anul 1961 de către I.T. Černjakov și V.I. Zbenoviči la marginea promontoriului de la Usatovo (Černjakov 1963, 4).

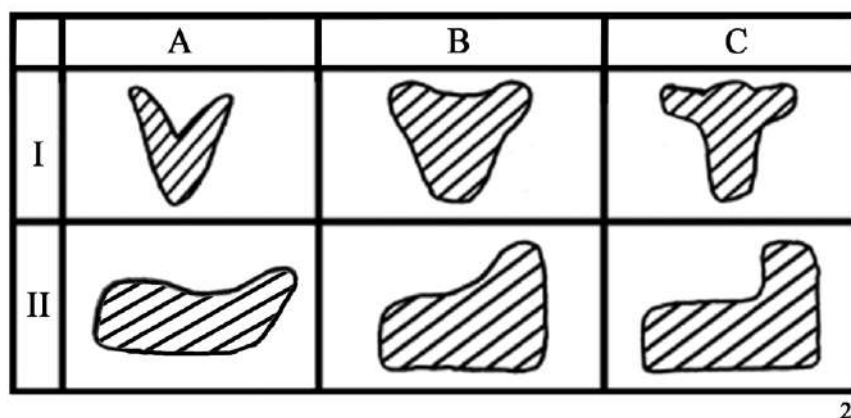
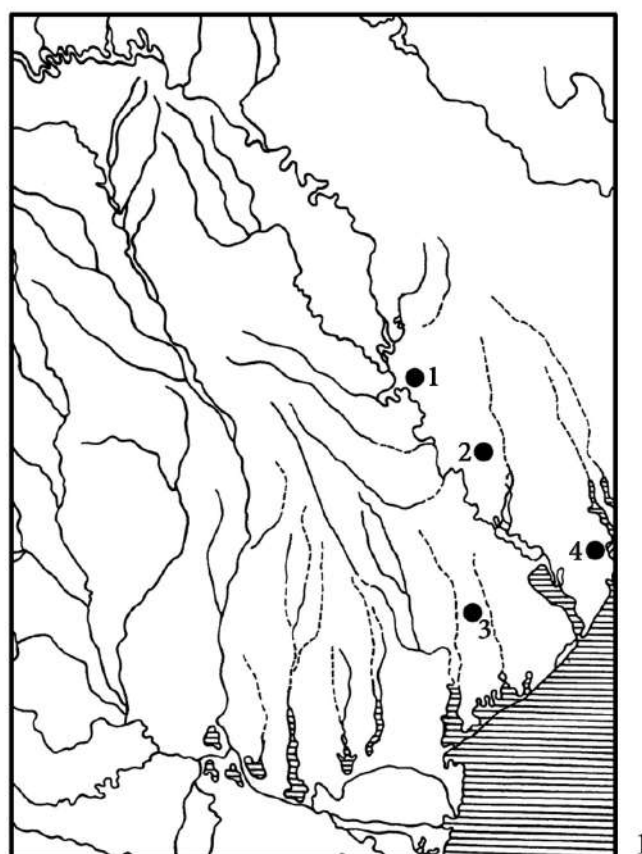

Fig. 1. 1 - Amplasarea geografică a necropolelor Usatovo cu descoperiri de plăci zoomorfe (1 - Grigoriopol, 2 - Nicol'scoe, 3 - Krestovaja Mogila, 4 - Usatovo), 2 - Tipologia sculpturii zoomorfe.

Repertoriul descoperirilor²

1. **Usatovo, așezare.** Placă de calcar, ambele părți bine prelucrate. Are o formă triunghiulară, cu coarnele bine evidențiate orientate pe verticală în sus. Descoperită în urma cercetărilor întreprinse pe teritoriul așezării de către M.F. Boltenko

în anul 1926. Dimensiuni: 35x22x8 cm (fig. 4,5) (Перпенко 1985, 8).

2. **Usatovo I-1.** Confectionată dintr-o placă de calcar, ambele părți bine prelucrate. Este de formă triunghiulară, cu toate colțurile ascuțite. Coarnele bine evidențiate. Depistată în anul 1926

2. Toate descoperirile sunt ordonate cronologic după anul în care au fost depistate.

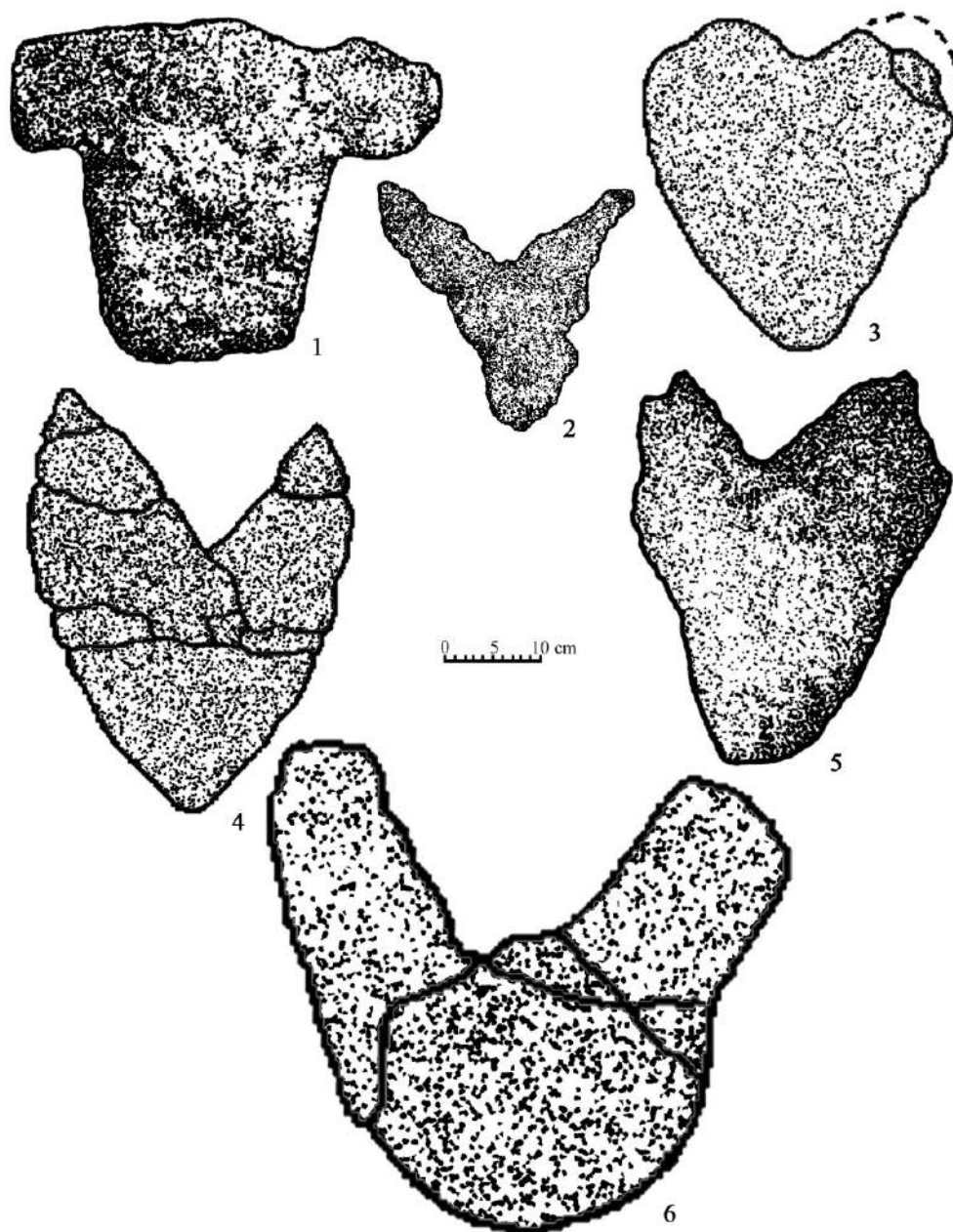

Fig. 2. Plăci zoomorfe. 1 - Usatovo I-9, 2 - Usatovo II-2, 3 - Usatovo I-9 (a), 4, Usatovo I-1, 5 - Usatovo III (c), 6 - Usatovo I-1/3 (1, 2 - după: Збенович 1974, fig. 43; 3, 4, 6 - după: Субботин, Петренко 1986: fig. 1; 5- după: Петренко 1985, fig. 1,2)

de către M.F. Boltenko în componența crepidei tumulului I-1. Dimensiuni: 50x38x10 cm (fig. 2,4) (Субботин, Петренко 1986, 28-32).

3. **Usatovo I-1/3.** A fost prelucrată dintr-o placă de calcar, ambele părți bine șlefuite. Toate colțurile sunt rotunjite, coarnele bine evidențiate. Descoperită de către M.F. Boltenko în anul 1926,

în componența crepidei tumulului I-1 și în apropierea mormântului 3. Dimensiuni: 59x53x15 cm (fig. 2,6) (Субботин, Петренко 1986, 28-32).

4. **Usatovo II-2.** Obținută dintr-o placă de calcar, ambele părți relativ bine prelucrate. Are o formă triunghiulară, toate colțurile ascuțite. Coarnele bine evidențiate. Pe fundul gropii, în partea

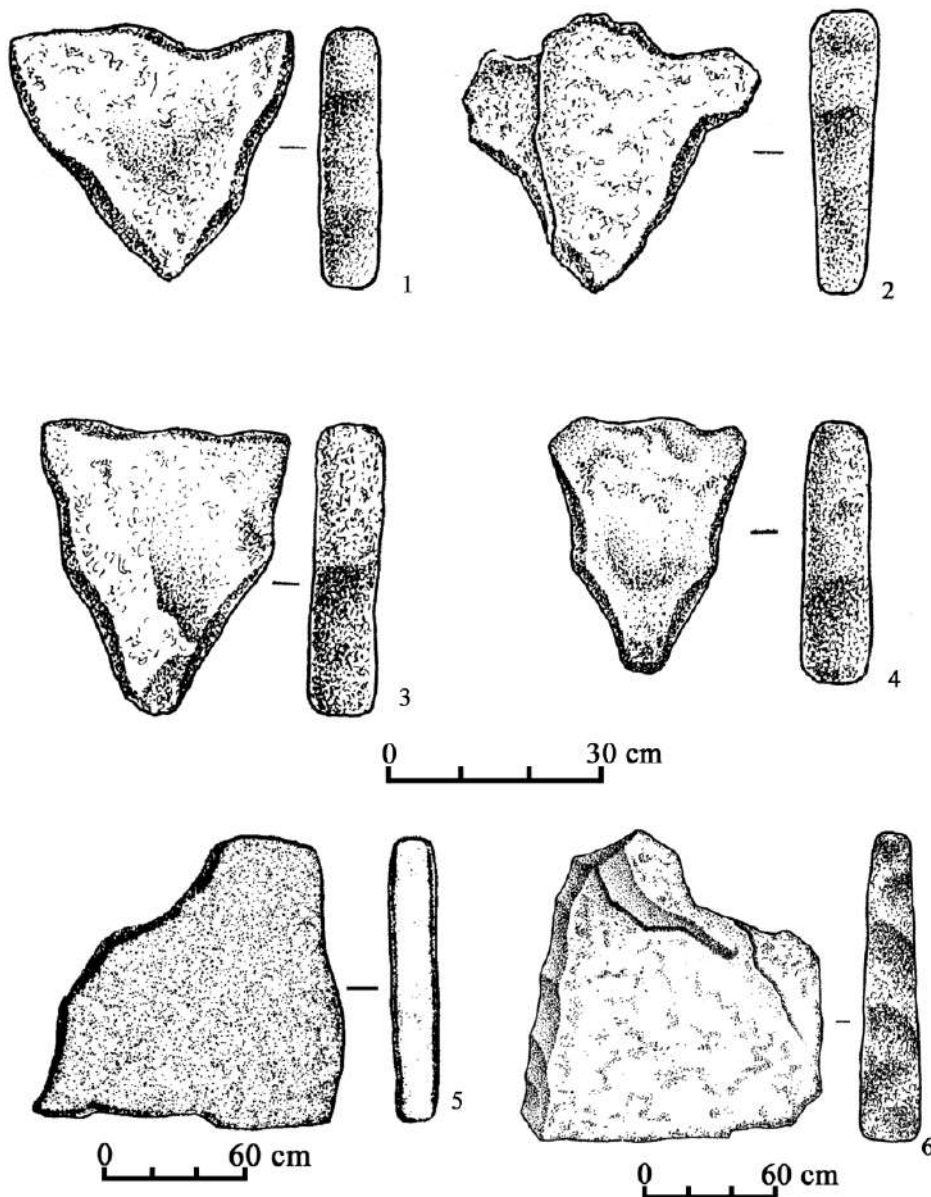

Fig. 3. Plăci zoomorfe. 1 - Grigoriopol 9 (a), 2 - Grigoriopol 9 (b), 3 - Grigoriopol 9 (c), 4 - Grigoriopol 9/9 (b) 5 - Grigoriopol 9/11, 6 - Grigoriopol 9/9 (a) (1-6 - după: Серова, Яровой 1987).

stângă a sculpturii au fost depistate concrețiuni de ocru roșu. Mai jos erau patru statuete antropomorfe modelate din lut, nesupuse arderii. Descoperită de către V.I. Selinov și E.F. Lagodovskaja în anul 1936 în groapa de cult nr. 3 a tumulului II-2. Dimensiuni: 23x24x10 cm (fig. 2,2; 5,4) (Патоква 1979, 81).

5. **Usatovo I-9 (a).** Confectionată dintr-o placă de calcar, ambele părți fiind bine șlefuite. Toate colțurile sunt rotunjite, coarnele bine evidențiate, cornul stâng deteriorat din vechime. Descoperită

de către E.F. Lagodovskaja în anul 1939. A fost depistată în componența litică a crepidei tumulului I-9. Dimensiuni: 50x40x10 cm (fig. 2,3) (Субботин, Петренко 1986, 28-32).

6. **Usatovo I-9 (b).** A fost prelucrată dintr-o placă de calcar cu ambele părți bine șlefuite. Are formă dreptunghiulară, lărgindu-se puțin spre partea superioară, unde se marchează coarnele (urechile?). Descoperită de către E.F. Lagodovskaja în anul 1939 în partea estică a crepidei tumulului I-9. Dimensiuni: 31x48x14 cm (fig. 2,1) (Патоква 1979, 60).

7. **Usatovo III** (a). Confectionată dintr-o placă de calcar, ambele părți relativ bine prelucrate. Are o formă apropiată de trapezul, cu partea inferioară (botul) rotunjită, partea superioară (coarnele) fiind mai prost prelucrată, cu colțurile ascuțite. Pe suprafața sculpturii (în partea ei superioară), plasându-se spre cornul drept, au fost gravate două figuri, una dintre ele cu trăsături antropomorfe. Descoperită de către I.T. Černjakov și V.I. Zbenoviči pe teritoriul necropolei distruse în anul 1961. Dimensiuni: 33x32x13 cm (fig. 4,1) (Петренко 1985, 10).

8. **Usatovo III** (b). A fost realizată dintr-o placă de calcar, având ambele părți relativ bine prelucrate. Este de formă trapezoidală cu toate colțurile rotunjite. Descoperită de către I.T. Černjakov și V.I. Zbenoviči pe teritoriul necropolei distruse în anul 1961. Dimensiuni: 42x41x16 cm (fig. 4,2) (Петренко 1985, 10).

9. **Usatovo III** (c). Obținută dintr-o placă de calcar, ambele părți relativ bine șlefuite. Are o formă triunghiulară cu toate colțurile ascuțite. Descoperită de către I.T. Černjakov și V.I. Zbenoviči pe teritoriul necropolei distruse în anul 1961. Dimensiuni: 31x25x10 cm (fig. 2,5) (Петренко 1985, 10).

10. **Grigoriopol 9/9** (a). Confectionată dintr-o placă de calcar, ce avea ambele părți bine prelucrate. A fost depusă în calitate de acoperiș, pe lângă alte plăci, deasupra mormântului 9/9. Este de formă aproape pătrată, cu o supraînălțare deasupra colțului drept al părții superioare, pe suprafața acesteia printr-un șanțuleț este marcat simbolic cornul taurului. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 125x125x22 cm (fig. 3,6) (Серова, Яровой 1987, 53).

11. **Grigoriopol 9/9** (b) Placă de calcar, ambele părți ale căreia erau bine prelucrate. A fost depusă în calitate de acoperământ, printre alte pietre, deasupra mormântului 9/9, în imediata apropiere a unei alte sculpturii. Are o formă triunghiulară cu toate colțurile ascuțite. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 35x28x5-8 cm (fig. 3,4) (Серова, Яровой 1987, 53).

12. **Grigoriopol 9/crepidă** (a). Confectionată dintr-o placă de calcar ce avea ambele părți bine prelucrate. A fost găsită în componența crepidei tumulului 9. Are o formă triunghiulară, toate colțurile ascuțite. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 40x36x8 cm (fig. 3,1) (Серова, Яровой 1987, 79).

13. **Grigoriopol 9/crepidă** (b). A fost lucrată dintr-o placă de calcar cu ambele părți bine șlefuite. Depistată în componența crepidei tumulului 9. Are o formă triunghiulară, toate colțurile ascuțite,

cornele bine evidențiate, cel drept puțin deteriorat. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 40x40x12 cm (fig. 3,2) (Серова, Яровой 1987, 53).

14. **Grigoriopol 9/crepidă** (c). Realizată dintr-o placă de calcar având ambele părți bine prelucrate. A fost depistată în componența crepidei tumulului 9. Are o formă triunghiulară, toate colțurile ascuțite. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 40x36x8 cm (fig. 3,3) (Серова, Яровой 1987, 53).

15. **Grigoriopol 9/11**. Obținută dintr-o placă de calcar, ambele părți relativ bine prelucrate. A fost depusă în calitate de acoperământ deasupra mormântului 9/11. Are o formă triunghiulară, baza dreaptă cu ambele colțuri ascuțite, partea superioară (capul) puțin rotunjit. Descoperită de către E. Jarovoj în anul 1983. Dimensiuni: 130x138x22 cm (fig. 3,5) (Серова, Яровой 1987, 53).

16. **Nicolscoe 6**. Confectionată dintr-o placă de calcar cu ambele părți relativ bine prelucrate. Depistată în umplutura mantalei tumulului. Are o formă triunghiulară, coarnele ascuțite, bine evidențiate. Descoperită de către S. Agulnikov în anul 1988. Dimensiuni: 55x45x20 cm (fig. 4,4) (Агульников, Савва 2004, 49).

17. **Nicolscoe 8**. A fost obținută dintr-o placă de calcar având ambele fațete relativ bine prelucrate. Are o formă trapezoidală cu baza dreaptă. A fost depistată în componența crepidei tumulului 8. Descoperită de către S. Agulnikov în anul 1988. Dimensiuni: 68x98x13 cm (fig. 4,7) (Агульников, Савва 2004, 95).

18. **Șalvirii Noi 3/2**. A fost realizată dintr-o placă de calcar cu ambele părți bine șlefuite. Are formă triunghiulară, coarnele și botul rotunjite, bine evidențiate. A fost depusă într-un mormânt jamnaja (3/2), pe prima treaptă, în partea nordică a gropii. Descoperită de către S. Kurceatov în anul 1989³. Dimensiuni: 20x24x10 cm (fig. 4,3).

19. **Krestovaja Mogila 1/23**. Confectionată dintr-o placă de calcar, ambele părți relativ bine prelucrate. A fost depusă în umplutura camerei funerare a mormântului 1/23. Are formă dreptunghiulară, cu o supraînălțare în partea dreaptă a părții superioare. Descoperită de către A.V. Gudkova în anul 1990. Dimensiuni: 150x60x30 cm (fig. 4,6) (Гудкова 1993, 25).

Înainte de a trece la o analiză a descoperirilor cunoscute la moment, propunem o clasificare a sculpturii zoomorfe Usatovo. Anterior încercări în această direcție au fost făcute de către E. Ju. Novickij (Новицкий 1990, 41-45), care s-a bazat însă pe un număr redus de descoperiri.

3. Inedit. Informație oferită cu amabilitate de către Serghei Kurceatov.

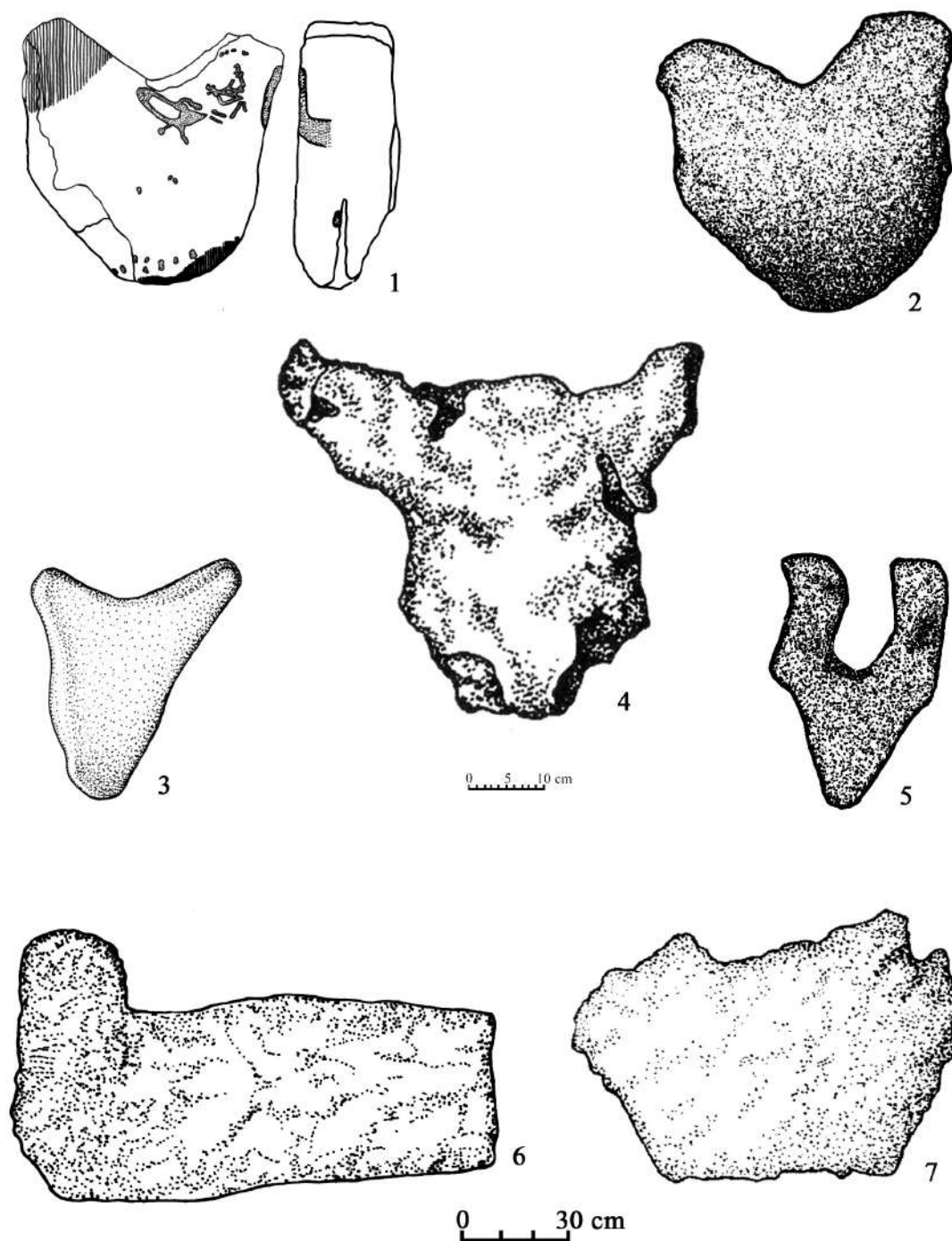

Fig. 4. Plăci zoomorfe. 1 - Usatovo III (a), 2- Usatovo III (b), 3- Șalvirii Noi 3/2, 4- Nicolscoe 6, 5 - Usatovo-așezare, 6- Krestovaja Mogila 1/23, 7- Nicolscoe 8 (1 - după: Петренко 1985, fig. 2, 1; 2, după: Петренко 1985, fig. 1, 1; 4, 7 - după: Агульников, Савва 2004, fig. 23, 5; 44, 4; 5 - după: Петренко 1985, fig. 1, 4; 6 - după: Гудкова 1993, fig. 3, 4).

Clasificare

În rezultatul analizei sculpturii zoomorfe din cultura Usatovo, putem deosebi două tipuri distincte ale acestor vestigii, fiecare incluzând câte trei variante (fig. 1,2).

Tipul 1. Plăci de piatră prelucrate intenționat care reprezintă schematic, *en face*, forma unui cap de taur sau a unei alte vite mari cornute (*Bovonae*, *Bos Primigenius*, *Bizon bonasus*). Acestea sunt de dimensiuni modeste, cu coarnele sau urechile bine

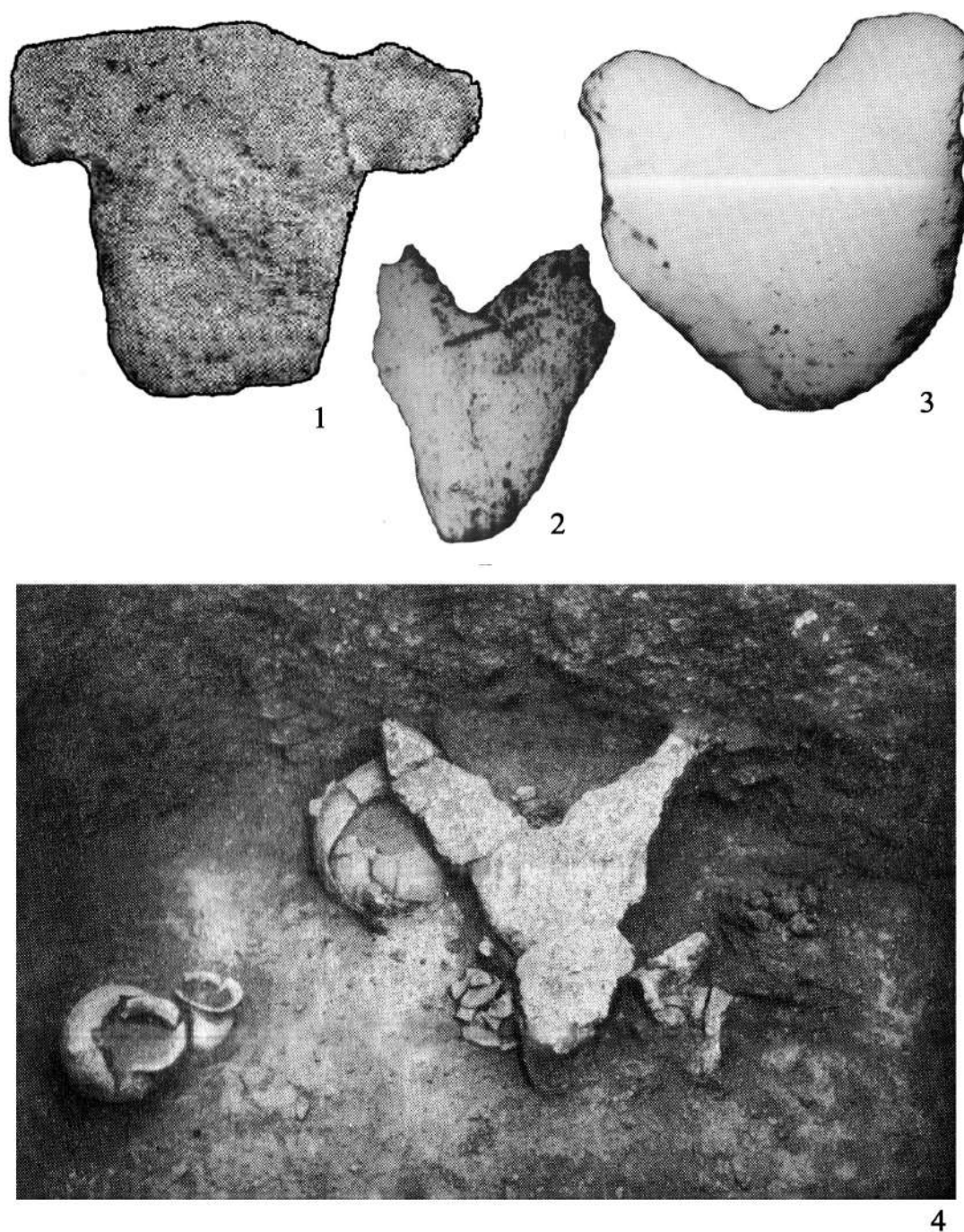

Fig. 5. Fotografii ale unor plăci zoomorfe: 1 - Usatovo I-9, 2- Usatovo III (b), 3 - Usatovo III (c), 4 - groapa de cult nr. 3 din tumulul II-2 (1- după: Патокова 1957, fig. 1; 2, 3- după: Петренко 1985, fig. 1; 1, 2; 4 - după: Патокова 1979, fig 33).

evidențiate. Înălțimile variază de la cele mai mici de 25 cm, la cele mai mari de 59 cm, lățimile de la 22 cm la 55 cm și grosimea de la 5-8 cm la 20 cm.

1/A. Varianta se distinge prin forma redării coarnelor, adică poziționarea lor într-o linie sub un

unghi de 50-70° față de partea inferioară ascuțită.

1/B. Această variantă se caracterizează prin reprezentarea schematică a coarnelor și botului cu toate colțurile rotunjite.

1/C. Se deosebește de alte variante printr-o

realizare realistă a capului de taur cu coarnele și botul bine evidențiate.

Tipul 2. Plăci de piatră de dimensiuni mai mari, care reprezintă schematic figura în profil a unei vite mari cornute, fără evidențierea picioarelor. Înălțimile variază de la cele mai mici de 68 cm, la cele mai mari de 150 cm, lățimile de la 88 cm la 138 cm și grosimea de la 13 cm la 30 cm.

2/A. Se evidențiază prin schematizarea profundă a formei animalului reprezentat.

2/B. Varianta dată se caracterizează și se deosebește de cea următoare prin trecerea lentă a liniei spatelui în partea superioară a sculpturii.

2/C. Se deosebește de varianta anterioară datorită formei specifice a părții superioare, adică prin trecerea bruscă a liniei spatelui spre gât și cap.

Contextul descoperirilor

Pentru o mai bună înțelegere a rolului acestor reprezentări sculpturale în procesiunile funerare ale culturii Usatovo, este necesară analiza contextului depistării a respectivelor vestigii. Pentru marea majoritate a descoperirilor a fost relativ bine documentată situația stratigrafică și contextul de depunere în construcțiile sepulcrale. Aici putem evidenția câteva dintre principalele direcții spre care a fost îndreptat ritualul de depunere.

Ringuri de piatră. În tumulul I-9 de la Usatovo, sculptura capului de taur a fost descoperită în sectorul de est al ringului de piatră, depusă ca parte componentă în construcția acestuia. A fost depistată la 5,5 m distanță de centru, îndreptată cu botul spre est (Патокова 1979, 60). Tot în acest tumul este înregistrat și un alt exemplar al sculpturii zoomorfe, în sectorul de vest al cromlechului (Субботин, Петренко, 1986, 32). În urma cercetării primului tumul al primei necropole de la Usatovo - I-1, în 1926, autorii săpăturilor au remarcat forma deosebită a unei pietre prelucrate din componența ringului distrus. Ea a fost descrisă ca având forma unei săgeți (Субботин, Петренко 1986, 29). O altă descoperire similară a fost sesizată la Grigoriopol, unde în componența ringului de piatră (sectorul de vest) au fost documentate trei exemplare de sculpturi zoomorfe (Серова, Яровой 1987, 79). În astfel de context mai semnalăm o descoperire de la Nicolscoe, unde printre pietrele cromlechului a fost depistată sculptura figurii în profil a unei vite mari cornute (Агульников, Савва 2004, 95).

Gropi de cult. Un exemplu remarcabil îl reprezintă gropa de cult nr. 3 (6) a tumulului II-2 de la Usatovo. Acoperișul gropii a fost format dintr-o stelă fără trăsături antropomorfe, cu orificii pe suprafață. Groapa avea în plan formă pătrată (1 x 1

m). Pe fundul gropii a fost depusă o reprezentare zoomoră – cap de taur – îndreptată cu botul spre centrul movilei, unde se afla mormântul principal. În partea stângă a capului de taur a fost depistată o amforă sferică neornamentată. Pe fundul gropii se mai aflau două vase, o amforă și o ceașcă cu gât supraînălțat. Spațiul dintre vase a fost presărat cu un praf alb. În partea dreaptă a sculpturii era un cheag de ocru purpuriu, mai jos patru statuete feminine modelate din lut (Парокова 1979, 82). Menționăm poziționarea acestei gropi în imediata apropiere a ringului exterior al tumulului.

Acoperământul gropilor sepulcrale. De obicei mormintele au fost plasate în spațiul din interiorul ringurilor de piatră, și se acopereau cu una sau mai multe pietre (Збенович 1974, 39). În acest context printre pietrele acoperămintelor au fost descoperite și exemplare de sculptură zoomoră. Astfel, deasupra mormântului I-1/3 de la Usatovo, printre pietrele depuse a fost remarcată și reprezentarea unui cap de taur (Субботин, Петренко 1986, 29). La Grigoriopol, în acoperământul mormântului 9/9 au fost documentate două sculpturi zoomorfe, una deasupra alteia, prima reprezentând figura în profil a unei vite mari cornute, cea de-a doua – un cap de taur (Серова, Яровой 1987, 123). Încă o descoperire în situații similare a fost înregistrată în tumulul de la Krestovaja Mogila, unde în mormântul principal (nr. 23) în calitate de acoperiș a fost depusă sculptura figurii în profil a unei vite mari cornute (Гудкова 1993, 22, fig. 2,10).

Mantaua tumulară. În procesul cercetărilor tumulului 6 de la Nicolscoe, în sectorul de nord-est a movilei, la 1,4 m distanță de centru și la 0,47 m adâncime a fost depistată o reprezentare a capului de taur (Агульников, Савва 2004, 49). Alte descoperiri în astfel de context nu ne sunt cunoscute.

Descoperiri de acest fel practic lipsesc în afara regiunii Nistrului de Jos și limanelor nord-vest pontice. În această ordine de idei se prezintă stranie apariția unui exemplar al acestor vestigii în zona Podișului Moldovei de Nord, în apropierea satului Șalvirii Noi. Aici în mormântul 3/2 a necropolei tumulare cercetate în anul 1989, într-un mormânt jamnaja, pe treapta nordică a gropii, a fost depusă o piatră care după formele sale amintește descoperirile similare din arealul culturii Usatovo (fig. 4,3).

În cele ce urmează, vom încerca să elucidăm încărcătura simbolică și ritualică reflectată în respectivele descoperiri, integrându-le în sistemul credințelor magico-religioase a culturii Usatovo. Ne dăm bine seama că reconstituirea bazată doar pe izvoare arheologice este dificilă și incompletă. Izvoare scrise nu există, drept urmare cercetarea se lovește de piedici insurmontabile, care fac im-

posibilă reconstituirea integrală. Analiza ritului și ritualului funerar din cadrul necropolelor reflectă un sistem complicat al credințelor religioase a comunităților Usatovo, bazat pe principalele activități economice și sociale. Ideologia religioasă Usatovo își găsește reflecții în credințele magico-religioase ale culturii Cucuteni-Tripolie din fazele mai timpurii. Astfel, există un șir de dovezi privind practicarea cultului soarelui (Патокова 1979, 152). Construcțiile megalitice descoperite în cadrul necropolelor de la Usatovo poartă amprenta acestui cult. Păstoritul și practicile agricole și-au găsit reflectarea în practicarea cultului taurului (Макаревич 1960, 294; Збенович 1974, 125; Патокова 1979, 152). Un loc aparte îi revine cultului calului. Au fost descoperite mai multe imagini ale acestuia, de remarcat reprezentările calului pe stela din tumulul I-3 de la Usatovo (Патокова 1979, 47; Петренко 1984, 14) și de pe vasul din mormântul 1/1 de la Tudora (Мелюкова 1962, 74-83).

În continuare schițăm particularitățile cultului taurului evidențiate în credințele religioase a culturii Usatovo. Marea majoritate a descoperirilor care ar putea fi raportate cultului taurului se concentrează în așezările și necropolele Usatovo. În așezarea de la Usatovo o categorie distinctă a plasticii sunt statuetele zoomorfe. Puține la număr, ele reprezintă în miniatură figurile unor vite mari cornute. Imaginea taurului mai este redată și prin modelarea unui mâner de vas ceramic (Збенович 1974, 110). Tot de pe suprafața așezării ne sunt cunoscute și câteva vetre de cult baza cărora a fost adâncită în calcar, umplutura constituită din cenușă. Forma acestora se apropie de imaginea stilizată a unui cap de taur. În apropierea vetrelor au mai fost descoperite și câteva oase de bou și un fragment de statueta zoomorfă (Патокова 1979, 19; Патокова и др. 1989, 85, fig. 31,2). În afara

complexelor funerare, în cuprinsul așezării de la Usatovo este documentată o sculptură de piatră reprezentând capul de taur (Петренко 1985, 8).

Necropolele culturii Usatovo ne oferă un material bogat privind practicarea cultului taurului în cadrul procesiunilor funerare. Este vorba despre forma unei construcții megalitice din interiorul crepidei de piatră a tumulului I-12 de la Usatovo (Патокова 1979, 66; Суботин, Петренко 1989, 33) și forma șanțului din tumulul 14 de la Želtyj Jar (Суботин, Петренко 1989, 33). În ambele cazuri asemănarea cu capul de taur este evidentă. Însă cea mai reprezentativă în acest sens este sculptura zoomorfă în piatră, care prin esența sa constituie un element inalienabil al cultului taurului practicat de către comunitățile Usatovo. Privind schematizarea puternică a sculpturii zoomorfe în piatră, credem că „artistul” (sculptorul) ne oferea o imagine proprie asupra lumii și nu avea pretenția ca reprezentarea finală să fie o copie exactă a ceea ce este în realitate. În esență, „artistul” dorește să explice privitorului modul în care el (și comunitatea) vede și înțelege cultul taurului. Atât forma sculpturilor cât și contextul descoperirilor indică apartenența lor respectivului cult. În această ordine de idei se înscriu și descoperirile osteologice din șanțul tumulului 9 de la Grigoriopol. Aici în diverse puncte ale șanțului au fost descoperite șase cranii de tauri și zimbri, un craniu de vițel și două cranii de bou domestic (Сева, Яровой 1987, 123).

În fond cultul taurului este legat de importanța acestui animal în cadrul practicilor agricole. Astfel, animalul obținea atribuțiile unei divinități a fertilității, contopindu-se în alte direcții ideologice asemănătoare formând respectivul cult. În mai toate religiile preistorice și antice taurul a fost asimilat forței, puterii irezistibile, de factură cosmică, regeneratoare și fertilizatoare a pământului, a oricărei naturi de creativitate (Chirica, Văleanu 2008, 133).

Bibliografie

- Chirica, Văleanu 2008:** Vasile Chirica, Mădălin-Cornel Văleanu, Sacralizarea taurului celest. Mărturii ale spiritualității comunităților cucuteniene de la Ruginoasa-Iași (Iași 2008).
- Popovici 2010:** Sergiu Popovici, Sculptura monumentală antropomorfă și zoomorfă a culturii Usatovo în zona Nistrului de Jos. In: Terra Blaccorum, ediția a III-a, aprilie 2010 (rezumatele comunicărilor) (București 2010).
- Агульников, Савва 2004:** С. Агульников, Е. Савва, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).
- Гудкова 1993:** А.В. Гудкова, Курган ямной культуры Крестовая Могила в низовьях Днестра. Древности Причерноморских степей (Киев 1993).
- Збенович 1974:** В.Г. Збенович, Позднетрипольские племена Северного Причерноморья (Киев 1974).
- Макаревич 1960:** М.Л. Макаревич, Об идеологических представлениях у трипольских племен. ЗОАО 1 (Одесса 1960).
- Новицкий 1990:** Е.Ю. Новицкий, Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья (Одесса 1990).
- Патокова 1957:** Э.Ф. Патокова, Изображение животных на памятниках Большого Куяльника – Усатова. МАСП 1 (Одесса 1957).

Патокова 1979: Э.Ф. Патокова, Усатовское поселение и могильники (Киев 1979).

Патокова и др. 1989: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники Трипольской культуры Северо-Западного Причерноморья (Киев 1989).

Петренко 1984: В.Г. Петренко, Каменная плита с изображениями из Усатово. В сб.: Северное Причерноморье (Киев 1984).

Петренко 1985: В.Г. Петренко, Новые находки памятников искусства в Усатово. Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985).

Серова, Яровой 1987: Н.А. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинэу 1987).

Субботин, Петренко 1986: Л.В. Суботин, В.Г. Петренко, Об архитектуре усатовских курганных сооружений. Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986).

Sergiu Popovici, Cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: popovicisergiu@mail.ru

NOI DATE PRIVIND PROCESUL DE ORGANIZARE A PRIMELOR EXPEDIȚII ARHEOLOGICE DIN RSS MOLDOVENEASCĂ

Adrian PELIVAN, Chișinău

În articolul de față autorul încearcă de a face o reconstituire a procesului de organizare a primelor expediții arheologice din fosta RSS Moldovenească. Se prezintă date inedite din perioada anilor '40 ai sec. XX, care ne vor ajuta mult la acoperirea unor lacune istoriografice. De asemenea, se atrage atenția asupra faptului că înainte de anul 1946 în RSSM au avut loc pregătiri active ale expedițiilor arheologice și ce anume s-a discutat anterior începerii săpăturilor arheologice de pe teritoriul pruto-nistrean; acestea sunt întrebări la care autorul încearcă să dea un răspuns pentru a restabili pagini încă nevalorificate ale istoriei arheologiei moldovenești.

Новые данные по процессу организации первых археологических экспедиций в Молдавской ССР. В этой статье автор пытается сделать реконструкцию процесса организации первых археологических экспедиций в бывшей Молдавской ССР. Приводятся новые интересные документы за период 40х годов XX-го века, которые помогут нам восполнить некоторые историографические лакуны. Также обращается внимание на тот факт, что до 1946 года в МССР шла активная подготовка археологических экспедиции и на то, какие дискуссии были проведены до начала археологических раскопок на территории исследуемого региона - это вопросы, на которые автор пытается ответить, чтобы восстановить страницы истории молдавской археологии.

New data on the first archaeological expeditions' organization process in the former Moldavian SSR. In this paper the author tries to make a reconstruction of the organizing process of the first archaeological expedition in the former Moldavian Soviet Socialist Republic. There will be presented some original documents from the period of '40 of the XX century, which will help us to cover more historiographical shortcomings. It also will draw attention to the fact that before 1946 in the MSSR there were made massive archaeological expedition preparations and what was discussed before the start of archaeological excavations on the Prut-Nistru territory - are questions that will have to be answered in order to restore an untapped page of the history of Moldovan archeology' history.

Key words: MSSR, USSR, archaeological expedition, archaeological discoveries.

Introducere

Prin articolul de față încercăm să acoperim, fie și parțial, un domeniu de reflecție istorică încă nevalorificat de cercetătorii din Republica Moldova asupra problemelor ce țin de istoria organizării primelor expediții arheologice de pe teritoriul fostei Republici Sovietice Socialiste Moldovenești (RSSM). Pornind de la titlul acestui studiu, am dori să aducem la cunoștință faptul că despre câteva date fragmentare din procesul de organizare a primelor expediții arheologice am relatat cu diferite ocazii (Pelivan 2010a; Pelivan 2010b), însă cercetările efectuate de noi în arhivele din Republica Moldova și Ucraina ne-au făcut să revenim la această temă destul de actuală. Ne-am propus în articolul dat să prezentăm situația reală a procesului de organizare a primelor cercetări și expediții arheologice efectuate pe teritoriul Basarabiei, imediat după cel de-al Doilea Război Mondial. Depistarea unor documente noi și inedite ne-au permis să recuperăm o mică parte din istoria organizării primelor cercetări arheologice de pe teritoriul pruto-nistrean în perioada anilor '40-'50 ai sec. XX. Aceste surse ne-au dat posibilitatea să scoatem la suprafață anumite fapte, care astăzi ne-ar îndrepta

tăți să abordăm din mai multe puncte de vedere o serie de procese care au avut loc în perioada analizată. Includerea în circuitul științific a acestor documente inedite ar permite să se acorde o importanță din ce în ce mai sporită problemelor ce țin de istoria arheologiei moldovenești și a primelor cercetări de pe teritoriul Basarabiei din perioada postbelică. În același timp ne exprimăm convingerea că toate documentele acumulate și prezentate până la ora actuală de către noi nu reprezintă altceva decât mici fragmente dintr-un uriaș *puzzle* care încă urmează a fi definitivat de către generațiile actuale și viitoare. Suntem de acord cu ideea istoricului român Lucian Boia, că „(...) izvoarele, oricât ar fi de abundente și de variate, nu acoperă decât o mică parte din ceea ce oamenii au gândit, au proiectat și au făcut de-a lungul istoriei”. Același autor amintește de acel *puzzle* menționat, susținând că „reconstruirea trecutului seamănă cu un joc de *puzzle*, însă, în timp ce jucătorul dispune de toate elementele unei imagini virtuale și nu trebuie decât să le combine, istoricul este lipsit de cea mai mare parte a lor” (Boia 1998, 119). Din aceste considerente, istoricul este nevoit să recreeze imaginea pornind de la elemente izolate care treptat se

răresc până ce dispar cu totul cu cât el coboară mai adânc în trecut. Apelul la documente se impune din cauza imposibilității de a vorbi cu acei oameni care au activat și au contribuit cu forțele proprii la cercetarea siturilor arheologice la acel moment de pe teritoriul Basarabiei, deși conștientizăm că documentele reflectă foarte palid o generație care a activat atunci. De aceea, reflectarea clară a unor procese și evenimente care au avut loc după cel de-al Doilea Război Mondial în domeniul cercetării arheologice în spațiul pruto-nistean reprezintă o temă care încă urmează a fi redescoperită.

Referindu-ne la anumite impedimente în procesul de cercetare, am putea sublinia că, cu regret, nu am avut posibilitatea de ne documenta și în alte arhive în afară de cele existente în Republica Moldova și Arhiva Științifică Centrală a Institutului de Arheologie al Academiei Naționale de Științe din Ucraina (în continuare AȘCIAANȘU), de asemenea în Arhiva Cadrelor respectivului institut. Suntem absolut convinși de faptul că materiale prețioase referitoare la perioada analizată de noi se află încă depozitate în mai multe arhive din Ucraina și Rusia, arhive la care nu am avut acces din cauza resurselor financiare limitate. În cercetarea noastră am întâlnit dificultăți serioase chiar și în acele arhive, în care am avut posibilitatea să lucrăm. Astfel, de exemplu, Arhiva Științifică Centrală a Academiei de Științe a Moldovei din Chișinău (în continuare AȘCAȘM) a catalogat mai mult de un an anumite dosare referitoare la activitatea Institutului Moldovenesc de Cercetări Științifice în domeniul Istoriei, Economiei, Limbii și Literaturii (IMCȘ în domeniul IELL, prescurtat IMCȘ), la care abia recent am avut acces. Deși cercetătoarea Irina I. Fabricius, - asupra rolului personalității căreia vom stărui în articolul de față, deja din anul 1951 activa în cadrul Institutului de Arheologie al AȘ a RSS Ucrainene (în continuare IAAȘRSSU), în Arhiva Cadrelor actualului Institut de Arheologie din Kiev dosarul personal lipsește, iar cauzele dispariției dosarului nu se cunosc. Ne vom opri aici cu exemplificarea dificultăților întâlnite în cercetare, legate de lacunele reorganizării arhivelor științifice și lipsei unor dosare prețioase care ar putea vărsa lumină asupra proceselor destul de complexe privind organizarea primelor cercetări arheologice în spațiul pruto-nistean. Perspectivele deschise de cercetarea în cauză sunt destul de mari, deoarece ar permite și altor cercetători să dispună de un punct de reper în vederea restabilirii unui tablou cât mai obiectiv al procesului de constituire a științei arheologice moldovenești în perioada de ocupație sovietică.

Primele cercetări de pe teritoriul Basarabiei în perioada sovietică, după cum este bine cunoscut,

erau de regulă efectuate de către arheologi veniți din Kiev, Moscova, Leningrad, Odesa, Lvov etc., dar pe parcurs la aceste lucrări se vor include și arheologi din RSSM. Fondatori ai științei arheologice sovietice moldovenești sunt considerați în istoriografie următoarele personalități: academicianul P.P. Efimenko (1884-1969), doctorii în științe istorice T.S. Passek (1903-1968) și S.N. Bibikov (1908-1988), precum și G.D. Smirnov (1903-1978) și G.P. Sergeev (1907-1974) (Chetraru 1994, 132).

La început, preocupările arheologilor se limitau doar la căutarea monumentelor străvechi și descrierea lor. Primele direcții de cercetare erau următoarele: *studierea monumentelor din epoca pietrei, celor din perioada slavo-rusă și a celor moldovenești din epoca medievală*, mult mai târziu fiind cercetate și alte epoci (Гросул, Мохов 1970, 50). Aceste direcții nu vor fi modificate până către sfârșitul anilor '50 ai sec. XX, reprezentând o reflectare mai mult decât clară a unei politizări masive a științei arheologice în perioada existenței regimului sovietic din RSSM (AȘCAȘM, fond 1, inv. 1/1, d. 93, f.2).

Împrejurările dificile de organizare a primelor expediții arheologice

Problema condițiilor dificile de organizare a cercetărilor arheologice de teren după anul 1945 în RSSM am tratat-o parțial în alte studii anterioare (Pelivan 2010a, 5-8; Pelivan 2010b, 109-110), dar am dori să punem aici în discuție și alte aspecte ale acestei chestiuni complexe. În perioada anilor 1945-1947 desfășurarea unor expediții arheologice de sine stătătoare din partea IMCȘ era un lucru practic imposibil de realizat. Deși era la acel moment unica instituție științifică de stat care se ocupa de explorarea problemelor de arheologie, Institutul Moldovenesc va putea deveni independent în organizarea cercetărilor sale abia la sfârșitul anilor '60 ai sec. XX (Dergacev 1994, 10). De ce nu era posibilă o cercetare autonomă a institutului, este o problemă complexă asupra căreia vom stărui în cele ce urmează. Astfel, de exemplu, într-un raport din anul 1945 al Institutului Moldovenesc (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 12, 38-39) se menționa că atunci când institutul a revenit la Chișinău în octombrie 1944, din cauza lipsei spațiului locativ, nu a fost posibilă și revenirea tuturor cercetătorilor științifici (...), iar în iarna anului 1944-1945 institutul nu obținuse alocații nici din partea organelor centrale, nici din partea celor locale. Din aceste motive institutul va avea de înfruntat serioase probleme în ceea ce privește reabilitarea lui. În raport sunt indicate mai multe probleme cu care se confrunta la început de cale IMCȘ, precum:

a) Institutul nu dispunea de literatura strict necesară cercetării.

b) Clădirea instituției de cercetare era grav avariata în urma bombardamentelor din timpul războiului. În perioada 1944-1945 clădirea nu putea fi încălzită, iar majoritatea încăperilor nu aveau geamuri, din aceste considerente în perioada rece a anului lucrările institutului au fost sistate.

c) Lipsa mobilierul necesar și doar în perioada de vară, cu eforturile comune ale colaboratorilor institutului, s-au efectuat lucrări de restaurare a clădirii și a putut fi restabilită biblioteca (50000 de cărți au fost aduse de colaboratori și 70000 fiind readuse din România). Au fost construite 550 m de rafturi pentru cărți, deși se specifica că „nu s-a acordat nici o scândură din partea statului pentru aceasta” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 12, 39). (De aici și întrebarea: dacă statul nu a acordat nici un fel de materiale de construcție, atunci de unde colaboratorii au putut „găsi” sau „achiziționa” aceste scânduri? *n.n.*).

Primele discuții privind organizarea expedițiilor arheologice din RSSM

Deși se consideră că primele planuri de cercetare arheologică pe teritoriul RSSM au fost schițate de directorul IAAȘRSSU P.P. Efimenko în iulie 1946 (ANRM, F.P. 2261, inv.1, d.17, f.5), totuși colaborarea IMCȘ cu IAAȘRSSU în domeniul arheologiei este mult mai timpurie. Depistarea unor documente inedite de arhivă ne-a dat posibilitatea să vedem care au fost începuturile acestei colaborări rodnice. Astfel, o scrisoare oficială (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d.14, 141), adresată de către directorul Institutului Moldovenesc V.M. Senkevici directorului IAAȘRSSU L.M. Slavin (1906-1971), ne permite să constatăm că colaborarea dintre aceste două structuri științifice a început în primele luni ale anului 1945. Având în vedere că scrisoarea datează din 31 martie 1945 și că în textul acesteia este fixat că s-au purtat tratative cu reprezentantul Institutului de Arheologie, L.D. Dmitrov (1885-1965)¹, în vederea pregătirii cercetărilor arheologice comune pe teritoriul RSSM, putem presupune că acesta a vizitat anterior Institutul Moldovenesc, unde au avut loc și primele convorbiri cu directorul V.M. Senkevici și conducerea institutului. Redăm conținutul integral

al acestei scrisori, care este destul de importantă pentru restabilirea primilor pași în domeniul cercetării siturilor arheologice de pe teritoriul Basarabiei în perioada de ocupație sovietică:

„În rezultatul convorbirilor cu reprezentantul Dvs. L.D. Dmitrov, noi am ajuns la concluzia că este necesar să coordonăm munca institutelor noastre în domeniul arheologiei Basarabiei.

Pentru noi acest lucru este destul de important, deoarece cercetări arheologice pe teritoriul RSSM nu au avut loc până la Războiul Doi Mondial, din cauza inexistenței specialiștilor pregătiți în acest domeniu și din aceleași motive nu se efectuează asemenea lucrări nici în prezent. Având în vedere faptul că problematica arheologică este unitară și sarcinile muncii de cercetare științifică în domeniul arheologiei Basarabiei sunt comune vă rugăm să acordați institutului nostru ajutor pentru:

1. organizarea cercetărilor arheologice pe teritoriul RSSM;
2. pregătirea specialiștilor arheologi;
3. organizarea expedițiilor arheologice comune.

Ar fi binevenit să ne puneți la dispoziție arheologi cu experiență din cadrul Institutului Dvs., în vederea păstrării legăturilor permanente cu institutul nostru și pentru ca aceștia să ne ajute permanent la organizarea cercetărilor arheologice în republica noastră, precum și la pregătirea cadrelor de arheologi. Pentru începerea lucrului asupra organizării expedițiilor arheologice, considerăm necesar de a convoca în a doua jumătate a lunii aprilie a.c. pe toți reprezentanții instituțiilor științifice din republică privitor la organizarea evidenței siturilor arheologice, alcătuirea hărții arheologice a RSSM și organizarea expedițiilor arheologice pentru vara anului 1945. Convocarea Adunării va putea avea loc doar cu condiția participării reprezentanților Dvs. Institutul Moldovenesc își ia angajamentul să susțină financiar lucrările expediției arheologice din vara anului 1945.

Directorul Institutului Științific Moldovenesc de Cercetări (Senkevici)” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d.14, 141).

În rezultatul acestui demers, la 8 și 9 iunie 1945, în Chișinău au loc două ședințe ale secției de istorie a IMCȘ (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, f. 17-18), unde cercetătorul științific superior al IAAȘRSSU L.D. Dmitrov va vorbi despre

¹ L.D. Dmitrov (1885-1965) – arheolog, doctor în istorie, născut în Kiev la data de 4 iunie 1885. În 1909 a absolvit Institutul de Arheologie din Sankt Petersburg. Din 1910 se ocupă cu arheologia, iar concomitent predă limba greacă, mai întâi în școlile medii din Kiev până în anul 1934, apoi la Facultatea de Filologie a Universității din Kiev. Din 1928 el va lucra în cadrul Comitetului arheologic din toată Rusia, care s-a transformat mai târziu în Institutul de Istorie a Culturii Materiale, iar din 1938 activează la IAAȘRSSU. A participat la peste 25 de expediții arheologice. L.D. Dmitrov a manifestat un interes aparte pentru siturile vechi ale orașului Kiev. Între anii 1941-1942 devine cercetător științific superior la Institutul de Științe Sociale, iar în anii 1942-1943 va activa în calitate de cercetător științific superior și membru al Consiliului Științific al Institutului de Istorie și Arheologie. În 1944-1945 este desemnat în calitate de cercetător științific superior în cadrul secției Arheologia Antică și a

perspectivele dezvoltării arheologiei în RSSM. La aceste ședințe, în afară de cercetătorii științifici, au participat și cadre didactice din instituții pedagogice, lucrători din arhive și muzee. În prima sesiune arheologul Dmitrov, care la acel moment era cercetător științific superior în secția Arheologie Antică și a Sciților a IAAȘRSSU, va susține un raport despre „Câteva rezultate și perspective ale dezvoltării arheologiei în Moldova”. Raportorul va răspunde la întrebările auditoriului legate de numele „Dacia” și „Dava”, metodele de conservare a materialelor istorice din perioada celui de-al Doilea Război Mondial, despre straturile arheologice ale „culturii moldovenești și slave” în lumina cercetărilor de la Cetatea Albă (Belgorod-Dnestrovsk); realitatea arheologică în privința Valurilor lui Traian pe teritoriul Basarabiei (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 17). După ce L.D. Dmitrov a răspuns la toate întrebările, un șir de cercetători din RSSM – V.M. Senkevici, N.V. Berezneakov, N.A. Narțov, I.I. Meșeriuk și E.M. Russev, au venit cu propunerile lor în privința procesului de organizare a lucrărilor arheologice în Moldova. Participanții la sesiune au hotărât să prelungească ședința cu scopul de a preconiza acțiuni practice în vederea desfășurării expedițiilor arheologice și a cercetărilor pe teritoriul RSSM (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 17).

În ziua următoare (9 iunie 1945), L.D. Dmitrov și N.V. Berezneakov, șeful secției de istorie a IMCȘ, au expus pe scurt care ar fi pașii de urmat în vederea organizării lucrărilor arheologice de pe teritoriul RSSM. La această ședință au participat din partea IMCȘ Porucic și Berezneakov, din partea Muzeului - Suhov, Sergeev și Dvoretșkoi, iar din partea arhivei Bogdanov (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 18). În urma dezbaterilor s-a aprobat o rezoluție care cuprindea un șir de puncte. Textul acestei rezoluții îl redăm mai jos având în vedere că informația prețioasă adusă de acest important document acoperă la ora actuală multe goluri istoriografice din istoria arheologiei moldovenești:

„1. A considera necesară pregătirea cadrelor științifice locale (în domeniul arheologiei n.n.). Pentru aceasta trebuie: a) să se predea un ciclu de lecții practice la disciplina *Arheologia*, conform programei stabilite de colegii din RSS Ucraina-

nă; b) să rugăm IAAȘRSSU să pregătească două colecții de artefacte arheologice: una pentru Institutului Moldovenesc și alta pentru Muzeu, în scopul facilitării predării lecțiilor practice populației, dar și celor care se vor specializa în domeniul arheologiei; c) cei cărora li se va preda acest ciclu de lecții vor fi colaboratori ai instituțiilor vizate (muzee, arhive, Institutul de perfecționare, Institutului Moldovenesc), precum și studenții din universități; d) să se creeze pe lângă IMCȘ doctorantura (aspirantura) în domeniul arheologiei și să se ofere consultații permanente din partea specialiștilor Institutului de Arheologie al Academiei de Științe din RSSU; e) directorul Bibliotecii IMCȘ, tov. A. Kidel, să fie rugat să pregătească toată literatura disponibilă referitoare la domeniul arheologiei.

2. A se conveni crearea unei comisii speciale pe lângă Sovietul Comisarilor Norodnici din RSSM, care ar duce evidența, ar restaura și ocroti monumentele istorice.

3. A constitui pe lângă sectorul de istorie o secție de arheologie.

4. A organiza în luna august împreună cu IAAȘRSSU cercetări de teren pe teritoriul RSSM două expediții arheologice: a) Nisteană și b) Tiraspoleană, cu condiția ca în fiecare din acestea să participe nu mai puțin de două persoane din partea instituțiilor științifice din RSSM. De asemenea, a veni cu o cerere către IAAȘRSSU pentru a expedia IMCȘ planurile și bugetele expedițiilor. A considera oportună includerea în aceste expediții a tov. Sergeev din partea Muzeului, Porucic din partea IMCȘ și Bogdanov din partea arhivei. Toate vestigiile, adunate în urma expedițiilor arheologice de pe teritoriul RSSM, vor fi transmise Muzeului Ținutului Natal din Chișinău, pentru ca acestea să fie supuse prelucrării în laborator și folosite în calitate de exponate de muzeu. Participanții din partea instituțiilor științifice de profil din RSSM, care vor participa la aceste expediții, vor prezenta secției de istorie un raport, fotografii, desene, zilnicele de săpătură, dar și un studiu colectiv pentru tipografiile din țară nu mai târziu de luna octombrie. Conducătorul științific al expediției va trebui să prezinte în sectorul de istorie raportul nu mai târziu de 31 decembrie 1945. A solicita direcției IMCȘ elaborarea unui demers Sovietului Comisa-

Sciților a IAAȘRSSU (O.C. Онищенко 2007, 238). Pe parcursul a mai multor ani va conduce expediția care avea în vizor cercetarea cetății antice Tyras și a celei medievale Belgorod, dar și a altor orașe medievale (Бібіков 1966, 233, 234; Самойлова 2007, 120-130). În privința lucrului științific, un principiu statornic al savantului era acela de a nu da vreun studiu spre publicare până nu erau clarificate toate detaliile. Este de luat în considerație străduința lui în vederea pregătirii cadrelor în domeniul arheologiei, atitudinea sa față de primele lucrări ale tinerilor cercetători. El a avut o contribuție însemnată și la elaborarea primelor planuri de cercetare arheologică din RSSM. A fost cel care a depus toate eforturile pentru a educa și crește cadre calificate în domeniul arheologiei în RSSM. Astfel, L.D. Dmitrov a contribuit la instruirea cadrelor nu doar în Ucraina, dar și a celor din Basarabia, printre ucenicii lui fiind și istoricul din RSSM I.I. Meșeriuk (AȘCIAANȘU, 1946, dosar 8, 1-13; AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 14, 119, 141).

rilor Norodnici din RSSM pentru alocarea sumei de 19080 de ruble participanților din partea instituțiilor științifice din RSSM la expedițiile menționate mai sus.

5. A se adresa Institutului Pedagogic pentru a repartiza la practica arheologică studenții de la Facultatea de Istorie în expediții pe teritoriul RSSM, fiind selectați de IAAȘRSSU, împreună cu cercetătorii științifici din instituțiile de profil din RSSM. Dacă direcția va socoti de cuviință studenții vor putea face practica și pe teritoriul RSS Ucrainești.

6. A considera necesar de a desfășura în acest an (1945) două conferințe științifice referitoare la arheologia Moldovei cu comunicări din partea colaboratorilor științifici ai IAAȘRSSU, conform planului institutului, precum și a cercetătorilor din instituțiile de profil din RSSM: tov. Porucic „Despre elaborarea hărții arheologice a RSSM”, tov. Sergeev „Planul perspectiv de cercetare arheologică a RSSM pentru cinci ani”, tov. Suhov „Alcătuirea planului de viitor a cercetărilor etnografice de pe teritoriul RSSM” - componenta arheologică a Muzeului de Etnografie.

7. A ruga Direcția să facă un demers către Sovietul Comisarilor Norodnici din RSSM pentru a asigura expedițiile arheologice și de cercetare a rezervațiilor naturale cu transport.

8. A solicita Direcției să ceară Sovietului Comisarilor Norodnici din RSSM de a urgenta crearea *Comisiei de Evidență, Restaurare și Salvare a Monumentelor Arheologice și Istorice din RSSM*.

Președintele Ședinței: Berezneakov” (AȘ-CAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 18 și următoarea).

Dintr-o altă scrisoare, din 9 octombrie 1945, aflăm că cercetătorul științific superior I.I. Meșeriuk trebuia să participe la expediția arheologică de la Belgorod-Dnestrovsk condusă de L.D. Dmitrov. Scrisoarea, semnată de V. Senkevici, este adresată din nou directorului Institutului de Arheologie din Kiev. În textul scrisorii sunt redată anumite detalii importante ale colaborării moldo-ucrainene. Astfel, se indică că la data de 3 octombrie 1945 în Belgorod-Dnestrovsk sosise cercetătorul științific superior al Institutului Moldovenesc I.I. Meșeriuk. Era planificată o întâlnire cu arheologul L.D. Dmitrov, ce urmărea stabilirea contactelor cu arheologii din RSS Ucraineană, precum și participarea la săpăturile arheologice comune de la Cetatea Albă. Totuși aceste contacte nu au putut fi stabilite, deoarece L.D. Dmitrov la acel moment era în Kiev, iar problema prelungirii săpăturilor arheologice în comun cu reprezentantul IMCȘ așa a și rămas

deschisă. Directorul Institutului Moldovenesc va cere explicații colegului său din Kiev și-l va ruga să-i dea un răspuns asupra deciziilor pe care direcția IAAȘRSSU urmează să o ia în privința acestei colaborări, precum și a posibilității ca IMCȘ să participe la aceste săpături arheologice. V. Senkevici va menționa că este disponibil de a delega un cercetător științific din cadrul institutului său la lucrările din Belgorod-Dnestrovsk și să preia o parte din cheltuielile pentru cercetările arheologice. În plus, Senkevici va ruga direcția Institutului de Arheologie din Kiev să-i expedieze în cel mai scurt timp o informație succintă privind rezultatele obținute în urma cercetărilor arheologice din anul 1945 de la Cetatea Albă².

În încheierea scrisorii Senkevici readuce din nou în discuție problema organizării conferinței științifice comune a Institutului Moldovenesc și a Institutului de Arheologie din Kiev în domeniul problemelor de arheologie. Conform acordului dintre cele două instituții, conferința trebuia să se desfășoare în luna decembrie 1945, și el cere: a) precizarea datei conferinței; b) lista invitaților din partea Institutului de Arheologie din Kiev, precum și a reprezentanților instituțiilor și societăților științifice interesate de tematica conferinței; c) titlurile referatelor și comunicărilor care vor fi prezentate, precum și numele referenților; d) suma aproximativă a cheltuielilor pentru conferință din partea Institutul Moldovenesc. V.M. Senkevici sublinia că ar dori să obțină rezumatele comunicărilor, precum și planul perspectiv de cercetări arheologice pentru anul 1945 chiar și în variantă de proiect, în special a acelei părți, la care IMCȘ ar putea lua parte activă cu personalul său științific și suportul material (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 14, 119).

La începutul lunii noiembrie 1945 în RSSM va veni directorul IAAȘRSSU P.P. Efimenko. Academicianul Efimenko întreprinde o vizită în satul Costești (raionul Rîșcani), în locul numit „La Perla”, unde va depista un bogat material ceramic din perioada neolitică. În data de 10 noiembrie în cadrul IMCȘ el va relata despre principalele probleme ale arheologiei din RSSM și va contribui esențialmente la elaborarea și editarea planului de cercetări arheologice pentru anul 1946 (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 27-29). Sarcinile concrete pentru teritoriul RSSM, academicianul Efimenko le va schița anume în această ședință. El va expune succint care au fost principalele descoperiri până în anul 1945 și la ce anume trebuie să se atragă

² Deși de origine ucraineană (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 14, 1), Vasili Markovici Senkevici se va dovedi a fi un apărător fervent al continuității populației romanizate de pe teritoriul dintre Prut și Nistru, fiind în opoziție cu ideile istoricului N. Mohov, care privea geneza „poporului moldovenesc” de pe poziții migraționiste (Negru 2000, 61,63).

atenția pentru fiecare epocă preistorică în parte. Astfel, pentru *paleoliticul inferior*, academicianul Efimenko susținea că situri arheologice sunt cunoscute în raioanele din bazinul râului Nistru, descrise de Pavlova. Urmele omului din perioada acheuleană, sublinia savantul la acel timp, se întâlnesc în Europa de Est doar în regiunea orașului Tiraspol (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 27). *Paleoliticul mijlociu* este legat de cultura musteriană, foarte răspândită pe teritoriul Basarabiei, ceea ce a demonstrat și N. Moroșan în cercetările sale de pe râul Prut și P.P. Efimenko lângă Odesa. Academicianul consideră că trebuie de continuat aceste cercetări pe teritoriul Basarabiei, de exemplu în raionul Fălești. *Paleoliticul superior*, considera P.P. Efimenko, trebuie să fie studiat în partea superioară a râului Nistru. *Perioada neolitică* este o perioadă foarte interesantă pentru Basarabia, datorită faptului că în partea de nord sunt răspândite siturile culturii Tripolie. Încă de pe atunci savantul sublinia faptul că Basarabia are cele mai timpurii și cele mai frumoase situri ale acestei culturi, ca de exemplu Camenca pe Nistru (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 27).

Directorul IMCȘ, V.M. Senkevici, luând cuvântul după cele expuse de Efimenko, va atrage atenția asupra faptului că la baza cercetărilor arheologice din RSSM stau niște sarcini imense, iar acestea pot fi realizate doar cu sprijinul și aportul IAAȘRSSU și cu ajutorul specialiștilor din Leningrad și Moscova. El mai atenționa asupra faptului că în anul următor, adică în 1946, se preconiza o expediție arheologică de proporții, la care vor participa cu forțele proprii arheologi din instituțiile de profil din orașele menționate. Expediția era direcționată de-a lungul râului Nistru. De asemenea, se planificau săpături arheologice a tumulilor din împrejurimile Chișinăului, Orheiului Vechi și altor așezări fortificate, ca de exemplu cea din raionul Costești (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 27-28). El mai considera necesară inițierea săpăturilor din împrejurimile orașului Bender și a Cetății Tighina, precum și acumularea materialului corespunzător pentru alcătuirea hărții arheologice a RSSM, pentru a dispune de un punct de reper. Atrage atenția asupra necesității de a consulta și literatura românească, chiar dacă considera că în perioada românească s-au cercetat foarte puțin ținuturile dintre Prut și Nistru. De asemenea își exprimă dorința de a încheia un acord cu Leningradul, dar și cu alte orașe pentru a aduce literatura arheologică necesară pentru cadrele autohtone. Consideră că cercetătorul științific superior I.I. Meșeriuk trebuie să plece la Akerman, pentru a lua parte la săpăturile în incinta orașului antic Tyras, iar o parte a mate-

rialelor descoperite să le aducă la Chișinău, deoarece aceste materiale ar reprezenta o însemnătate colosală pentru RSSM. Referindu-se la conferințele arheologice, el menționa faptul că acestea se vor desfășura în baza descoperirilor de la Tyras și a celor de pe Nistru, iar la lucrările acestor conferințe vor fi invitați arheologi din țările vecine (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 11, 28).

Cheltuieli și bugete

Referindu-ne la bugetul și cheltuielile expedițiilor arheologice, ar trebui să menționăm că acestea erau aprobate doar de către Sovietul Comisarilor Norodnici din RSSM. Astfel, spre exemplu, pentru cercetările arheologice din vara anului 1946 IMCȘ i s-a alocat suma totală de 415 550 ruble, dintre care pentru expediții și săpături arheologice 230 660 ruble și 184 890 ruble pentru procurarea echipamentului necesar (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d. 9, f. 85-94). În afară de bani, institutului i s-au oferit 8 corturi, 10 foi de cort, 10 mantouri impermeabile, 10 costume speciale, 20 perechi de bocanci, 15 kg sfoară, hârtie de scris, hârtie pentru desen, hârtie milimetrică, hârtie de calc, doi metri cubi de material din lemn etc., precum și un camion și automobil. Sovietul Comisarilor Norodnici din RSSM pentru expedițiile arheologice din 1946 urma să acorde IMCȘ trei tone de combustibil în afara planului preconizat (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, f. 85), dar și a permis IMCȘ să procure din rezervele sale financiare echipament necesar expedițiilor arheologice pentru anul 1946 în suma de 50000 ruble (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, f. 85-94). Pentru fiecare obiectiv cercetat erau prevăzute sumele necesare de bani, precum și remunerarea cercetătorilor științifici și a lucrătorilor recrutați din rândurile populației locale. Astfel, spre exemplu pentru săpăturile din incinta Cetății Tighina era preconizată o sumă totală de 45 480 ruble, pentru cercetarea cetăților Costești și Stolniceni – câte 37 480 ruble, iar pentru Belgorod-Dnestrovsk – 28980 ruble (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, f. 92-94). Conform acelorasi date de arhivă este interesant de a vedea care erau remunerările celor implicați în expediții arheologice. Astfel, șeful expediției pentru o perioadă de două luni primea suma totală de 4420 de ruble, asistentul său pentru aceeași perioadă – 2420 de ruble, iar un lucrător simplu care doar săpa primea 750 de ruble pe lună sau aproximativ 25 ruble pe zi (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, f. 92-94).

Inițial, suma calculată de șeful sectorului de istorie a IMCȘ N. Berezneakov și șeful secției arheologice I.I. Meșeriuk era de 353730 ruble (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 88), bugetul chel-

tuielilor fiind expediat spre aprobare directorului IMCȘ pe data de 27 noiembrie 1945. Totuși în urma revizuirii bugetului s-a constatat că lipsesc unele obiecte de lucru, precum și faptul că nu au fost incluse anumite cheltuieli care anterior nu au fost prevăzute. Astfel, suma destinată primei expediții arheologice se va majora cu încă 61 820 de ruble (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 94). Având în vedere că un singur cort costa în 1945 - 625 de ruble, iar un topor spre exemplu trebuia să fie achiziționat cu 50 de ruble (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 91), aceste sume nu păreau a fi exagerate. Totuși lipsa unor investiții apropiate celor din domeniul arheologiei în alte domenii științifice a făcut să apară o nemulțumire din ce în ce mai vădită față de aceste cheltuieli care pentru generația de atunci reprezentau cifre de neimaginat. Toate aceste sume destinate unor săpături arheologice păreau enorme pentru acea perioadă, în condițiile în care sărăcia și consecințele dezaastroase a războiului mai persistau pe teritoriul dintre Prut și Nistru. O opoziție destul de acerbă față de cheltuielile pentru organizarea primelor expediții arheologice exista și în interiorul *Bazei Moldovenești de Cercetări Științifice a AȘ a URSS*³. Pe lângă faptul că Baza Moldovenească se confrunta cu multiple probleme la constituirea bazei în general și în/la organizarea primelor expediții arheologice în particular, în interiorul instituției științifice se observă o ostilitate exprimată deschis față de secția de arheologie. Chiar din primii ani de cercetări arheologice, invidia și nemulțumirile din cadrul altor sectoare în privința faptului că sectorul de istorie primea cei mai mulți bani, care în mare măsură erau destinați săpăturilor arheologice, nu întârzie să apară. Astfel, la data de 10 noiembrie 1946 în cadrul unei ședințe a consiliului științific al Bazei Moldovenești, șeful sectorului de economie, N.B. Iakubanis se arăta revoltat că sectorul de istorie este cel mai promovat dintre toate sectoarele, susținând că „acest lucru este un neajuns serios al întregului Institut de Cercetări Științifice” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d.10, 61). El incrimina conducerea instituției științifice: „Direcția Institutului face tot posibilul pentru a asigura secția de arheologie cu materiale și instrumente necesare lucrului. Astfel sectorul de istorie domină peste tot, pe când celelalte sectoare rămân în umbră”. Califică că „acest lucru este regretabil, iar conducerea institutului ar trebui să aibă o atitudine echilibrată față de toate sectoarele” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d.10, 61). El mai consideră că săpăturile arheologice nu ar

reprezenta lucrul Bazei Moldovenești, ci al cercetătorilor veniți din afara RSSM, iar cadrele locale, susținea în mod eronat, după cum vom vedea și din documentele pe care le vom prezenta mai jos, că nu au participat la nici o expediție arheologică. „Aceasta este o minciună!” – exclama el. Aceleași acuzații le aduce și lucrului bazei în vederea alcătuirii hărții geografice a RSSM, considerând că aceasta este elaborată doar de către Institutul de Geografie al AȘ URSS. Încheindu-și discursul, Iakubanis sublinia că: „În asemenea condiții noi niciodată nu vom crește numărul de cadre naționale calificate” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, d.10, 61).

Alte nedumeriri și nemulțumiri persistă în interiorul sectorului de istorie. Este vorba de un doctor în istorie, prof. N.A. Narțov. Deși nu avea nici cea mai vagă idee asupra problemelor de arheologie și ce anume presupune organizarea unor expediții arheologice, în aceeași ședință din 10 noiembrie 1946, el se va arăta indignat de faptul că Baza Moldovenească a alocat prea mulți bani pentru cercetările arheologice din RSSM, chiar mai mulți bani decât a cheltuit Academia de Științe din URSS. Pe lângă toate acestea, el se va arăta nemulțumit de faptul că în RSSM „nu au venit toți arheologii cu renume mondial”, despre care i s-a comunicat lui în Moscova (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, dosar 10, 62). Arheologul proaspăt venit în RSSM - G.D. Smirnov, auzind toate aceste declarații incompetente ale vorbitorilor la această ședință, va încerca să apere poziția secției arheologice și să argumenteze necesitatea tuturor alocațiilor în vederea efectuării săpăturilor arheologice. A subliniat faptul că la Baza Moldovenească el se află doar de o singură lună, majoritatea timpului fiind în expediții arheologice de teren. Va cădea de acord cu faptul că săpăturile arheologice necesită sume mari de bani, dar va accentua că „aceste cheltuieli bănești se vor recupera în viitor, deoarece fără arheologie nici nu poate fi vorba despre o abordare serioasă a epocilor vechi din istoria Moldovei” (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, dosar 10, 62). În legătură cu desfășurarea unor expediții arheologice pe arii întinse de pe teritoriul RSSM, G.D. Smirnov propune ca secția de arheologie din cadrul sectorului de istorie să devină un sector aparte (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, dosar 10, 62). Tot el va menționa că dacă se dorește cu adevărat ca cercetările arheologice să aibă succes, atunci pentru aceasta sunt necesare cadre calificate și o organizare cât mai bună a lucrului. În privința problemei că RSSM nu are specialiști săi în domeniul arheologiei, ar trebui să se depună

³ Statutul Institutului Moldovenească de Cercetări Științifice în domeniul Istoriei, Economiei, Limbii și Literaturii în anul 1946 se va modifica. Astfel, pe 29 iunie la Chișinău este deja înființată Baza Moldovenească de Cercetări Științifice a AȘ a URSS, în fruntea căreia este numit academicianul V.P. Volghin (AȘCAȘM, fond 1, inv.2, dosar 31, 4; dosar 4, 20).

toate eforturile pentru a pregăti astfel de specialiști. Răspunzând la întrebările provocatoare ale lui N.A. Narțov că așa și nu au sosit în RSSM toți arheologii vizați, G.D. Smirnov a spus că toamna timpurie din anul 1946 a stopat lucrările arheologice, în plus toate mijloacele financiare acordate săpăturilor arheologice pentru anul 1946 au fost epuizate (AȘCAȘM, fond 3, inv. 1, dosar 10, 62-63).

Primele cercetări arheologice din RSSM

Conform materialelor de arhivă de care dispunem la momentul de față, asupra problemei monumentelor vechi și a stațiunilor arheologice de pe teritoriul RSSM s-a discutat în repetate rânduri la ședințele sectorului de istorie a Institutului Moldovenesc încă la începutul anului 1945. În acest an arheologii Institutului de Arheologie din Kiev împreună cu cercetători științifici de la Institutului Moldovenesc vor efectua cercetări de suprafață a tumulilor din județul Tighina. Despre aceasta se vorbește într-un raport al șefului sectorului de istorie al Institutului Moldovenesc N.V. Berezneakov. El menționa, de asemenea, faptul că Institutul Moldovenesc colaborează intens cu IAAȘRSSU în vederea pregătirii unor expediții arheologice, care se vor desfășura pe teritoriul RSSM în vara anului următor (1946, n.n.) (AȘCAȘM, fond 3, inv 1, dosar 13, 9).

Între 1945-1946, cel care va fi responsabil din partea Institutului Moldovenesc de cercetările arheologice în RSSM va fi cercetătorul științific superior I.I. Meșeriuk. Anume asupra sa vor cădea toate sarcinile și problemele desfășurării adecvate a primelor expediții. După cum am văzut, el a fost inițiat în problematica complexă a diferitor tipuri de monumente arheologice, fiind delegat în permanență de către institut pentru a lua parte la săpăturile arheologice de la Cetatea Albă. În 1946 va avea o deplasare la Moscova pentru a se documenta în privința elaborării regulamentului și statutului Societății istorico-arheologice din RSSM de pe lângă Baza Moldovenească de Cercetări Științifice, dar mai ales s-a dus ca să achiziționeze materiale și instrumente de lucru necesare expedițiilor arheologice de pe teritoriul RSSM. Pe parcursul verii anului 1946, el împreună cu V.M. Adiasevici și cu alți cercetători din partea Institutului Culturii Materiale al AȘ URSS, condus de academicianul P.P. Efimenko, vor efectua două periegeze și săpături ale unui tumul din epoca bronzului, a două cetăți „scitice” și a unei așezări fortificate a „slavilor”⁴ (AȘCAȘM, fond 3, inv 1, dosar 12, 243).

În 1945, la sfârșitul lunii octombrie și începutul lunii noiembrie, un mic grup de arheologi

ucraineni din Kiev în frunte cu cercetătorul științific superior al Institutului de Arheologie al Academiei de Științe din Ucraina I.V. Fabricius (1882-1966), vor efectua cercetări de suprafață în baza invitației IMCȘ nu departe de satul Copanca, lângă lacul Rotunda din fostul județ Bender (AȘCAȘM, fond 3, inv 2, dosar 16, 9). De asemenea vor fi cercetate de către acest grup de arheologi și zonele din împrejurimile orașului Tiraspol și satelor Parcani, Ternovca, Sucleia, Cioburciu etc. Ei au marcat pe hartă în apropierea satelor Chițcani și Copanca o serie de movile și vestigiile câtorva așezări ale geților (dar pe care le considerau ale sciților, deoarece pe atunci încă nu se cunoștea de cultura getică în spațiul pruto-nistean), precum și ale culturii Cerneahov (Arhiva MNAIM, dosar 491, 41-48).

Planul cercetărilor de teren a fost elaborat de IAAȘRSSU în colaborare cu Institutul Moldovenesc. Expediția condusă de I.V. Fabricius din start a fost numită *Expediția Moldovenească*. Această expediție viza cercetarea siturilor din epoca bronzului, scito-sarmate și a așezărilor greco-romane (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 26). Este de menționat faptul că *Expediția Moldovenească din 1945* va purta un caracter de periegeză, având două direcții: a) pe partea stângă a râului Nistru; b) în zona de la Borodino până la râul Saca. Scopul expediției era acela de a studia din nou, însă sub o altă formă, punctele care încă de la sf. sec. XIX reprezentau descoperiri arheologice și situri din mileniul II și I a.Chr. destul de cunoscute pentru lumea științifică. I.V. Fabricius va aduce argumente destul de solide pentru acea vreme asupra necesității acestei expediției arheologice. Astfel, făcând o comparație între arealul de răspândire a culturii Cucuteni-Tripolie și a culturii ceramicii band-lineare în regiunile de silvostepă ale Nistrului Inferior (regiunea Marii Negre), cercetătoarea atenționa asupra faptului că sesizează un fenomen destul de interesant. Acest fenomen constă în aceea că în regiunile de silvostepă nu sunt atestate până la acel moment (anul 1945, n.n.) înmormântări ale *culturii ceramicii band-lineare*, pe când în regiunea râului Nistru sunt cunoscute câteva, dar sublinia că „nimeni nu s-a străduit să descopere cel puțin o așezare a acestei culturi”. Cercetătoarea va argumenta de ce este necesară această expediție, fie și în forma ei de periegeză. Ea susținea că *cultura ceramicii band-lineare* este foarte importantă pentru istoria URSS, deoarece rezolvarea acestei probleme ar putea clarifica etnogeneza răs-strămoșilor noștri” (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 26). Expediția a fost

⁴ Desigur etnonimele luate între ghilimele specifică cunoașterea la acel moment a realităților etno-culturale în domeniul arheologiei din întreaga URSS, imediat după cel de-al Doilea Război Mondial.

programată pentru o lună de zile: 15 august - 15 septembrie 1945. După cum vedem, desfășurarea ei la timpul programat a întârziat. Conform documentului din Arhiva Științifică Centrală a AȘM, I. Fabricius urma să fie remunerată cu 1500 de ruble, iar cei doi cercetători științifici din partea Institutului Moldovenesc, numele cărora cu regret deocamdată nu le cunoaștem, urmau să fie remunerați cu câte 900 de ruble fiecare (AȘCAȘM, fond 3, inv.1, d.9, 26).

Totuși cercetările arheologice de bază și sistematice pe teritoriul Moldovei s-au început abia în anul următor – 1946, și au fost coordonate conform deciziei Consiliului Comisarilor Norodnici din RSSM de la 21 decembrie 1945, unde se hotărâra organizarea cercetării arheologice în Moldova, deoarece se considera că anterior nu au fost întreprinse astfel de cercetări, în special în perioada anilor 1918-1944 (AMNAIM, dosar 385 „A”, 1).

Prima expediție a început la 30 iunie 1946, după planul și sub conducerea academicianului P.P. Efimenko, iar șeful-adjunct al cercetărilor arheologice din Moldova a fost G.D. Smirnov, trimis de la IAAȘRSSU (AMNAIM, dosar 385 „A”, 1). Din partea Institutului de Arheologie din Kiev au mai participat T.G. Oboldueva, I.M. Samoilovskij, A.P. Černyš, D.T. Berezoveț (Смирнов 1966, 70), iar din partea IMCȘ cercetătorul științific superior I.I. Mișeriuk, cercetătorul științific inferior V.M. Adiasevici⁵. De la Muzeul Ținutului Natal a participat cercetătorul științific Gh. Sergheev (Смирнов 1966, 70), iar din partea Institutului de Istorie a Culturii Materiale a Academiei de Științe a URSS au fost repartizate la această expediție aspirantele A.V. Gusarkina și O.D. Dașevskaja, precum și aspiranta Universității de Stat din Moscova A.I. Meljukova (Arhiva MNAIM, dosar 385 „A”, 1).

În vara anului 1947 pe teritoriul RSSM a lucrat o expediție arheologică complexă a Institutului de Istorie a Culturii Materiale al AȘ a URSS și a Institutului de Istorie, Limbă și Literatură al Filialei Moldovenești a Academiei de Științe a URSS sub conducerea generală a cercetătoarei T.S. Passek și M.V. Voevodskij (AMNAIM, dosar 491, 115). La această expediție a participat și arheologul P.I. Zasurțev din Moscova, care va întocmi un raport despre lucrările detașamentului slav al expediției arheologice moldovenești (AMNAIM, dosar 491, 115-126). Detașamentul lui avea misiunea de a depista și cerceta așa-zisele „așezări slave”, având în vedere că așezările așa-zise „scitice” erau cercetate de G.D. Smirnov, iar cele tripoliene de T.S. Pas-

sek. Aceste așezări „slave” erau doar înregistrate de detașamentul lui Zasurțev, dar nu și cercetate. Punctul de pornire a cercetărilor au fost raioanele Rezina și Rîbnița, în partea de mijloc a râului Nistru, unde în anul 1946 au fost depistate un șir de monumente, inclusiv și o cetățuie „slavă”, de către G.D. Smirnov. Lucrările s-au derulat în perioada 23 septembrie - 17 octombrie 1947 (AMNAIM, dosar 491, 115). Aceste cercetări însă nu au fost duse până la capăt, fiind reluate de arheologul G.B. Fiodorov (1917-1992) în anul 1950, atunci când în RSSM va activa *Expediția arheologică Pruto-Nistreană*, care se preocupa de studierea siturilor medievale.

Concluzii

Spre final, ținem să precizăm că după cel deal Doilea Război Mondial încep a fi puse bazele științei arheologice sovietice în RSSM. Sunt create primele instituții academice și universitare care aveau în planurile lor de cercetare și studierea monumentelor arheologice. Organizarea expedițiilor arheologice pe teritoriul RSSM a reprezentat un proces complex și anevoios, la care în faza inițială și-au adus aportul specialiști versați din cadrul IAAȘRSSU, apoi la aceștia au aderat și arheologi vestiți din întreaga Uniune Sovietică, care au venit din Moscova și Leningrad (actualmente Sankt-Petersburg).

Cea mai dificilă problemă pentru oamenii de știință din RSSM, la începutul activității în domeniul expedițiilor arheologice, era problema lipsei totale a cadrelor calificate. Cauzele lipsei acestor cadre trebuie căutate în politica dusă de regimul sovietic în vederea extirpării intelectualității locale. Ori, represiunea și expatrierea, din motive ideologice și politice, a unei părți a intelectualității științifice și culturale în anii 1940-1941 și în primii ani postbelici a diminuat substanțial contingentul local al oamenilor de știință. Prigonirea acestora, în proporții mai reduse, a continuat și în anii următori. Printre cei circa 618 lucrători din cultură, știință și învățământ, eliberați din funcție din motive politice în perioada ianuarie 1949 – mai 1950, figurau 11 cercetători științifici, doi dintre care au fost deportați. Printre acei arheologi din Basarabia care au fost condamnați din motive politice și care au fost deportați, putem să menționăm pe Nicolae Moroșan (n. 1902, satul Cuconestii Vechi – m. 2 februarie 1944, Moscova) și Victor Adiasevici (n. 1898, s. Rogojeni,

⁵ În textul din 1966 al lui G.D. Smirnov s-a strecurat o eroare, deoarece el îl califică pe V. Adiasevici ca laborant (Смирнов 1966, 70), ceea ce este absolut greșit, deoarece toate materialele de arhivă indică că el a activat ca cercetător științific inferior la IMCȘ (AȘCAȘRM, fond 1, inv. 1/1, dosar 3, 22,87)

jud. Soroca – m. 1966, s. Băcioi), cărora li s-au fabricat dosare.

La etapa inițială, formarea și consolidarea potențialului de cadre științifice avea loc mai mult pe cale extensivă, prin atragerea savanților din Ucraina, Rusia și din alte republici sovietice. Foarte multe planuri preconizate așa și nu au fost realizate. Spre exemplu, alcătuirea unei hărți arheologice a RSSM de către V. Adiasevici nu a putut fi definitivată, printre altele, din cauza lipsei transportului. Lipseau cele mai elementare instrumente de lucru, iar seceta din vara anului 1946 și foametea organizată din 1946-1947 au reprezentat serioase obsta-

cole în realizarea planurilor de cercetare arheologică. Din documentele analizate vedem că lipsea și o coordonare la nivel de direcție a instituțiilor de cercetare din RSSM și RSS Ucraineană, deoarece fiecare instituție avea propriile griji și probleme. Însă în pofida tuturor acestor vicisitudini, cercetările arheologice au avut loc în RSSM și au scos din impas problema dezvoltării cunoștințelor despre siturile arheologice de pe teritoriul RSSM. Multe din aceste situri, descoperite încă la mijlocul și sfârșitul anilor '40 ai secolului XX, reprezintă aștăzi adevărate perle atât din punct de vedere științific, cât și turistice ale Republicii Moldova.

Bibliografie

Boia 1998: L. Boia, Jocul cu trecutul. Istoria între adevăr și ficțiune (București 1998).

Chetraru 1994: N.A. Chetraru, Din istoria arheologiei Moldovei (Basarabia și Transnistria) (Chișinău 1994).

Colesnic 2002: I. Colesnic, Basarabia necunoscută. Vol. 4 (Chișinău 2002).

Dergacev 1994: V. Dergacev, Arheologia Republicii Moldova. Retrospectivă istorică. Thraco-Dacica, tomul 15, nr.1-2 (București 1994), 7-18.

Negru 2000: Gh. Negru, Politica etnolingvistică în R.S.S. Moldovenească (Chișinău 2000).

Pelivan 2010a: A. Pelivan, Debutul științei arheologice în Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Studia Universitatis (Seria Științe Umanistice), USM nr. 4 (34) (Chișinău 2010), 5-11.

Pelivan 2010b: A. Pelivan, Cercetarea paleoliticului în spațiul pruto-nistean (1923-1973). RA, serie nouă, vol. VI, nr.1 (Chișinău 2010), 108-124.

Бібіков 1966: С. Бібіков (відп. ред.), Археологія, Хроніка: Л.Д. Дмитров, т. XX (Київ 1966), 233-234.

Гросул, Мохов 1970: Я.С. Гросул, Н.А. Мохов, Историческая наука МССР (Москва 1970).

Онищенко 2007: О.С. Онищенко (відп. ред.), Історія Національної Академії Наук України (1941–1945). Частина 2. Додатки (Київ 2007).

Самойлова 2007: Т. Самойлова, Основные итоги работ на памятнике Тира-Белгород и дальнейшие перспективы исследования. Археологічні дослідження Львівського Університету, Вип. 10 (Львів 2007), 120-130.

Смирнов 1966: Г.Д. Смирнов, О работе Молдавской и Пруто-Днестровской археологических экспедиций Института Истории Академии Наук МССР за 1946-1964 гг. Известия Академии Наук Молдавской ССР, Серия общественных наук, № 2 (Кишинев 1966), 70-75.

Adrian Pelivan, cercetător științific, Secția Arheologie Antică și Medievală a Centrului de Arheologie, IPC al AȘM; e-mail: pelivan_adrian@yahoo.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИРОДУ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Роман КРОЙТОР, Кишинэу

Influența activității umane asupra naturii spațiului pruto–nistrean din perspectivă istorică. Autorul analizează impactul activității umane asupra mediului înconjurător al regiunii dintre Nistru și Prut pe partursul ultimelor milenii pe baza datelor arheologice și arheozoologice, precum și a documentelor istorice. Datele acumulate sugerează caracterul predominant silvic al condițiilor geografice ale interfluviului și permit stabilirea cronologiei și a cauzelor dispariției mamiferilor de talie mare pe teritoriul dat.

В статье предлагается анализ воздействия человеческой деятельности на природу Пруто–Днестровского региона на основании археозоологических и археологических данных, а так же исторических документов и свидетельств. Собранные данные позволили выяснить первоначальный лесной характер ландшафта большей части междуречья, хронологию и причины вымирания крупных млекопитающих исследуемой исторической области.

The influence of human activity over nature of Prut-Dniester Area in the historical perspective. The article presents an analysis of archaeological, archaeozoological data and historical documents and evidences on influence of human activity over the natural environment in Prut–Dniester area. The collected data revealed the original forested character of natural landscape on the main part of the region and chronology of large mammal species extinction on the territory under consideration.

Key words: Prut-Dniester Area, Holocene, anthropogenic influence, forests, mammal fauna.

Введение

Климатические условия, экологическая продуктивность экосистемы, характер почв и особенности ландшафта, которые вместе определяют геоботанические особенности местности – являются важным условием, а в некоторых случаях – решающим фактором, определяющим тип хозяйственной деятельности общества, особенности традиций и характер общественно-политического развития (Кириков 1959, 1960, 1979, 1983). Как правило, обращаясь к природно-климатическому контексту археологических памятников Пруто-Днестровского междуречья, исследователи допускают, что условия окружающей среды в далёком и не очень далёком прошлом мало отличались от нынешних (Цалкин 1960, Рикман 1975, Маркевич 1981, Яровой 1985). Однако, сам факт того, что территория Пруто-Днестровского региона наряду с Балканами и Центральной Европой принадлежит к области распространения древнего земледелия на ев-

ропейском континенте, предполагает, что активное воздействие человека на окружающую среду так же имеет длительную историю. Исследователи неоднократно обращались к некоторым аспектам воздействия человека на окружающую среду в исторической перспективе. Изменения растительного покрова в Пруто-Днестровском междуречье в историческом прошлом изучали Петрунь (1957) по старому картографическому материалу и Ткаченко (1961) по историческим документам XIX века. Изменение состава фауны крупных млекопитающих и птиц на протяжении последних нескольких веков на территории междуречья рассматривалось в работах Аверина (1960), Цалкина (1962) и Давида (1982). Однако целостная картина влияния человека на окружающую среду в Пруто-Днестровском регионе остаётся неясной, характер воздействий различных культурно-исторических процессов и событий на растительный и животный мир региона так же не раскрыт. Некоторые изложенные в лите-

ратуре интерпретации, касающиеся причин и хронологии сведения лесов и истребления животных, требуют уточнения. В предлагаемом исследовании проводится комбинированный анализ археологических и археозоологических данных, исторических документов и свидетельств, которые позволяют проследить хронологию, причины и последствия воздействия деятельности человека на окружающую среду в Пруто-Днестровском междуречье и прилегающих территорий.

Изменение ландшафта

Активное воздействие человека на природу Пруто-Днестровского региона насчитывает несколько тысяч лет, начиная с возникновения первых производящих неолитических обществ примерно с конца VII тысячелетия до нашей эры (Larina 2010). На ранних этапах развития земледелия в Пруто-Днестровском регионе под пашни отводились плодородные земли затопляемых речных долин, и, поскольку земледелие на этом этапе имело экстенсивный характер (Larina 2010), становится очевидным, что экосистемы речных долин начали испытывать на себе давление хозяйственной деятельности человека уже на заре истории земледелия в крае.

В среднем энеолите (культура Кукутень-Триполье) земледелие имело экстенсивный подсечно-огневой характер (Маркевич 1981, 138-139). Такой способ ведения земледелия приводит к быстрому истощению распаханной площади и падению плодородия уже на третий год. Поскольку естественное восстановление плодородия происходит в течение нескольких десятков лет, трипольские земледельцы были вынуждены осваивать новые площади под пашни (*ibidem*, 139). В ту эпоху весь центр и север Пруто-Днестровского междуречья покрывали сплошные леса из дуба, лесного ореха, ивы белой, соединяясь с обширными прикарпатскими лесами (Полевой 1961). Карта расположения трипольских памятников показывает, что поселения в среднем энеолите в основном приурочены к долинам Прута, Днестра, Реута и их притоков в северной части междуречья (Маркевич 1981, 14, рис. 1). Таким образом, в среднем энеолите наиболее сильному и разрушительному антропогенному воздействию подверглись плодородные речные долины северной части Пруто-Днестровского региона. Тем не менее, техника мотыжного земледелия не позволяла трипольским племенам внести сколько-нибудь существенные изменения в окружающий ландшафт (Полевой 1961).

Степные биотопы с характерной типчаково-ковыльной растительностью были приурочены к придунайской и причерноморской низменности на крайнем юге края. Косвенным подтверждением степного характера причерноморской части Бессарабии являются находки курганных памятников ямной культуры кочевых скотоводов эпохи энеолита – ранней бронзы (III тысячелетие до нашей эры) (Яровой 1985: 37, рис. 1). Находки курганов ямной культуры многочисленны в причерноморских районах, однако, несмотря на единичный характер, курганы кочевых скотоводов обнаружены также и в центральных, и в северных районах Пруто-Днестровского междуречья. Заметной особенностью расположения курганов в центральной и северной части междуречья является их приуроченность к речным долинам, а именно к долинам рек Прут, Реут, Большой Ялпуг и Когильник. В качестве интерпретации такой специфической географии распространения ямных курганов напрашивается вывод о том, что долины рек, освобождённые от лесов древними земледельцами, выступали в качестве магистральных путей для продвижения кочевых скотоводов в лесные зоны центра и севера междуречья.

Существенные изменения ландшафта Пруто-Днестровского междуречья под воздействием деятельности человека, по мнению Полевого (1961), начали проявляться в первых веках нашей эры. Цитируемый автор напоминает, что в эту эпоху Среднее Поднестровье и территория Бельцкой степи были густо заселены оседлыми земледельцами и скотоводами, носителями черняховской культуры. Разнообразие орудий для вспашки земли указывает на то, что черняховцы обрабатывали как мягкие почвы, подготовленные подсечно-огневым способом, так и возделываемые участки, требующие глубокой вспашки (Рикман 1975, 126). Совершенно очевидно, что относительно равнинная северная часть пруго-днестровского междуречья с благоприятным режимом осадков была наиболее пригодна для земледелия. Обладая более совершенными железными орудиями обработки земли, черняховские земледельцы осваивали и закрепляли большие площади новых пахотных земель. Все еще примитивная техника обработки земли приводила к быстрому истощению почвы и необходимости освоения новых территорий. В эту эпоху, согласно Полевому (1961), постепенно исчезают леса в Среднем Поднестровье и в северной части Пруто-Днестровского междуречья, на месте которых появляется

обширное открытое степное пространство, известное сегодня как Бельцкая степь. Подтверждение этой точки зрения мы находим у Бибикова (1958), который отмечает, что резкие сезонные колебания уровня воды в Днестре начали проявляться в первых веках нашей эры, свидетельствуя об ощутимом уничтожении человеком лесов в бассейне Днестра. В качестве еще одного аргумента в пользу точки зрения Полевого (1961) может рассматриваться очень позднее появление в северной части Пруто-Днестровского междуречья курганов и других погребальных объектов обитателей степей сарматов. Согласно Гросу (1990), археологические памятники сарматов в Пруто-Днестровском междуречье датируются первыми веками нашей эры, хотя присутствие сарматов в причерноморских степях зафиксировано гораздо раньше, уже к началу второго века до нашей эры. По мнению С.М. Агульникова (устное сообщение), ощутимые последствия сведения лесов севера пруро-днестровского междуречья могли иметь место еще раньше, уже в конце бронзового века.

Однако, допуская, что современная Бельцкая степь была первоначально покрыта сплошными лесами, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом, который на первый взгляд вступает в противоречие с точкой зрения Полевого (1961). Противоречие состоит в распространении в Бельцкой степи чернозёма, характерного для современных степей и происхождение которого связывается со степным растительным сообществом (Цветков 1957). Действительно, как отмечают Войцеховский и Голубчиков (1998), в наши дни южная граница лесов умеренного пояса приблизительно совпадает с северной границей чернозёма в Восточной Европе. Однако исторические документы XII–XVII веков указывают на гораздо более южную границу распространения водораздельных дубрав, приблизительно совпадающую с линией Днепропетровск-Луганск-Камышин-Оренбург (Войцеховский, Голубчиков 1998). Интенсивная эксплуатация лесных ресурсов на протяжении веков и расширение площади пахотных земель за счёт сведения лесов привела к перемещению южной границы смешанных лесов на несколько сотен километров к северу. Следовательно, как отмечают Войцеховский и Голубчиков (1998), по крайней мере, часть нынешних степных чернозёмов имеют лесное происхождение.

К аналогичному заключению ранее пришли Авдеев (1945: 86) и Марков (1948), наблюдая за характером современной кустарниковой растительности по склонам оврагов, опушкам лесов и некоторым участкам степи в Татарстане. По-видимому, формирование чернозёмов определяется в большей мере широтно-климатическим фактором, а не типом растительного сообщества. Таким образом, сложившаяся на сегодня южная граница широколиственных лесов в Восточной Европе является результатом влияния антропогенного фактора, и определяется распространением наиболее благоприятных для земледелия чернозёмов, отвоёванных человеком у лесов. Низкое плодородие расположенных к северу подзолистых и серых лесных почв могло выступать в качестве ограничивающего фактора распространения пахотных земель и как следствие – сокращение лесов до северной линии чернозёмов.

Тем не менее, вплоть до позднего средневековья Пруто-Днестровский регион оставался преимущественно лесной страной. К. Джуреску (Giurescu 1992, 22) приводит цитату анонимного католического путешественника, датированную 1587 годом, который отмечает, что Молдова сплошь покрыта холмами и лесами, что естественным образом уберегает её от нападений и разграблений чинимых татарами. О непроходимых и густых лесах на севере междуречья сообщает венгерский источник 1587 года, описывающий путешествие из Сучавы на восток к «земле русской» (*ibidem*, 38). Так же французское дипломатическое сообщение от 11 июня 1798 года, описывающее запасы строительного леса Молдовы, упоминает большой лесной массив между Прутом и Днестром, именуемый “Codrul Bîcului” (*ibidem*, 42).

В нескольких исторических документах упоминается обширный лесной массив на юге Пруто-Днестровского междуречья. Первое упоминание так называемого “Codrul Tigheciului” относится к 1532 году в распоряжении Петру Рареша (Giurescu 1992, 36). Кантемир (1789) рассказывает о знаменитой в его время обширной Тигечской дубраве, раскинувшейся в пределах южной Бессарабии на возвышенности. Этот же лесной массив отмечен на карте Güssefeld изданной в 1785 году в Нюрнберге. На карте, иллюстрирующей первое немецкое издание “Descriptio Moldaviae” 1769-1770 (Cantemir

Рис. 1. Карта Молдавского Княжества из первого немецкого издания “Descriptio Moldaviae” Д. Кантемира (1769-1770), выполненная анонимным художником предположительно по оригиналу Д. Кантемира (приводится по: Cantemir 1956).

1956), в районе Тигечской возвышенности показаны два лесных массива, на севере и на юге (рис. 1)¹. Данные о протяженности Тигечской дубравы противоречивы, однако, сопоставляя старые описания и картографический материал, можно сказать, что в максимальных своих пределах во времена Молдавского Княжества она простиралась от Верхнего

Траянова Вала на севере (в районе низовий реки Сарата) и почти до Нижнего Траянова Вала на юге. Таким образом, Верхний Траянов Вал проходил через лесной массив и отделял Тигечские Кодры от центрального лесного массива (Codrul Bîcului).

Петрунь (1957), изучая старый картографический материал, установил, что первоначаль-

¹ Карта не вполне точна (отсутствуют придунайские озёра, очертания причерноморских лиманов искажены, центральный массив Кодр почти не обозначен), однако она показывает, что лесной массив покрывает северную и южную части Тигечской возвышенности. Эти обозначения лесной растительности разделены топографическими названиями и обозначениями возвышенности, из чего можно предположить, что вся Тигечская возвышенность и долины прилегающих рек были покрыты лесами. Леса так же обозначены в окрестностях Бендер, к северу от Оргеева, на Северо-молдавском плато, в окрестностях Сорок и в пространстве между основной частью бассейна Реута и Прутом.

ная южная граница распространения лесов в Пруто-днестровском междуречье проходила по линии Рени – верховья реки Киргиз-Китай – среднее течение реки Когильник – село Сеймены на Днестровском лимане. То есть практически все возвышенности более сотни метров над уровнем моря и речные долины между ними первоначально были покрыты лесами. Таким образом, еще в сравнительно недавнее время территория современной Республики Молдова, за исключением левобережья и Бельцкой степи, была по большей части лесной страной. Ткаченко (1961), основываясь на исторических документах, отмечает, что лесные ресурсы Бессарабии попали под пристальное внимание российской военной администрации задолго до официального присоединения этой исторической области к Российской Империи в 1812 году. Причиной тому был развивающийся российский черноморский флот, который нуждался в высококачественной древесине для кораблестроения и ремонта судов. По свидетельству Сумарокова, который посетил Севастополь в 1799 году, «кораблей же при оном по причине затруднительного и дальнего привоза леса не строят» (Сумароков 1800, 114).

Поскольку Бессарабия являлась наиболее близкой к базированиям российского черноморского флота лесной страной, к тому же соединённой с морем пригодными для дешевой транспортировки древесины реками, она обрела особое военно-стратегическое значение для Российской Империи. В 1809 году в Молдавское княжество был направлен корабельных дел мастер Тарусов для изыскания корабельных лесов. Ткаченко (1961) приводит цитаты из отчёта экспедиции Тарусова, в котором указано, что наиболее подходящие корабельные леса были найдены в Оргеевском цинуте. До присоединения Бессарабии к Российской Империи из оргеевских лесов добывалось значительное количество дубовой древесины для нужд русской армии, в том числе для строительства мостов, изготовления и ремонта повозок, и т.д. Уже в 1817 году Свиный (1917, 187) сообщает, что к тому времени корабельный и строевой лес в Оргеевском и Хотинском уездах вырублен почти весь и призывает отказаться от варварского истребления лесов, приводя в пример Австрийскую Буковину, где леса сохранялись в хорошем состоянии благодаря продуманной системе лесопользования. После колонизации Бессарабии Российской Империей лесозаготовка для нужд армии и флота ограничивалась казёнными лесами из южной части

Бессарабии и Хотинского уезда на севере Бессарабии. Из первого описания казённых лесов датируемого 1927 годом становится ясным, что большинство лесов, перешедших в ведение казны, уже подвергались рубке и представляли собой порослевое возобновление, которое, к тому же, нередко уничтожалось выпасом скота (Ткаченко 1961). К 1840 году голые безлесые пространства в Бессарабии, по свидетельству Нордманна, начинались непосредственно от Кишинёва к югу (Nordmann 1840, 24).

Гейдеман с соавторами (1964) полагают, что катастрофическое сокращение площади лесов в Пруто-днестровском междуречье происходило во второй половине XIX века, однако следует заметить, что точных данных о масштабах воздействия человека на природу края в первой половине столетия просто не имеется, поскольку учёт истреблению природных ресурсов в то время не вёлся. Судя по тому, что Bougnion (1846, 109), описывая климат Бессарабии, задаётся вопросом, были ли характерны леса для большей части этого края, уже к концу первой половины XIX века бессарабские дубравы в значительной мере были уничтожены. Исходя из материалов статистического описания лесов Бессарабии, площадь казённых корабельных дубрав уменьшилась в восемь с половиной раз за период времени с 1844 г. до 1861 г. К восьмидесятым годам XIX века в статистических сведениях и описаниях лесов Бессарабии корабельные дубравы вообще не упоминаются. Темпы сокращения общей площади казённых лесов Бессарабии так же впечатляют: с 1861 года до 1878 года она сокращается с 30989 десятин до 6000 десятин, то есть в пять раз. В последующие годы сообщается о незначительном увеличении площади казённых лесов за счёт искусственного возобновления (Ткаченко 1961, Гейдеман и др. 1964).

Большая часть лесных ресурсов Бессарабии в XIX веке находилась в частном владении (80% всех лесов губернии) или принадлежали монастырям (порядка 17%). Об интенсивности сведения этих лесных массивов можно судить по данным из сводной таблицы, которую приводят Гейдеман с соавторами (1964): с 1848 года до 1918 года площадь лесов Бессарабии сокращается с 366209 гектаров до 230000 гектаров, то есть на 37%.

Помимо драматического сокращения площади лесов, вследствие различных факторов претерпевает изменения и их видовой состав. Лесокультурные мероприятия в казенных лесах, первые сведения о которых дошли до нас

с 1825 года, так же внесли свой вклад в изменение первоначального облика фитоценозов. В частности, неоднократно встречаются сообщения об искусственных посадках из преимущественно нетипичной для края североамериканской акации белой (*Robinia pseudoacacia*). Лесокультурные мероприятия, проводившиеся в Бессарабии в 30 годы XX-го столетия, так же широко использовали посадки белой акации (Гейдеман и др. 1964). Под влиянием выпаса скота и вырубки лесов возникли видоизменённые производные типы древостоев, которые в наши дни преобладают над коренными. Это порослевые грабняки, ясенники, липняки, реже дубняк или насаждения смешанного состава (Гейдеман и др. 1964).

К шестидесятым годам двадцатого столетия площадь лесов составляла всего лишь 6% площади Республики Молдова (Гейдеман и др. 1964). На севере страны (от Липкан до Сорок) сохранились лишь небольшие участки осветлённых дубрав, состоящих из дуба черешчатого (*Quercus robur*) и некоторых сопутствующих форм (черешня, клён полевой), которые представляют собой остатки некогда сплошного лесного массива (Гейдеман и др., 1964). Сравнительно большие площади лесов сохранились в центральной части страны, однако воздействие человека на так называемые свежие буковые дубравы Кодрской возвышенности привело к изменению видового состава этих лесных ассоциаций. В производных древостоях, которые возникли на месте вырубленных дубрав, отмечено повышенное участие граба. Быстрорастущая пневая поросль граба является причиной того, что зачастую происходит полная замена этой породой исходного лесообразующего дуба скального (*Quercus petraea*) и сопутствующего ему бука (*Fagus silvatica*) (Вайнштейн 1968, Гейдеман 1969).

В результате неоднократных вырубок значительно изменён облик южных гырнецовых дубрав. Это особый тип леса, который по своему видовому составу и фитоценотической структуре относится к присредиземноморской лесной растительности как крайний северо-восточный её форпост (Гейдеман и др. 1964). В настоящее время этот тип полуксерофильного леса по большей части разрушен (Гейдеман 1968). Дуб пушистый (*Quercus pubescens*), который образует эти дубравы, в коренных древостоях достигает высоты 9-15 м и обладает хорошо оформленными кронами, которые образуют почти сомкнутый полог. В настоящее время коренные древостои дуба пу-

шистого встречаются крайне редко, в то время как порослевые деревья невысокие, зачастую с корявыми стволами. Деградировавший гырнец представляет собой мелкий, часто кустарниковидный лес, в котором рощицы дубняка чередуются с сильно остепнёнными полянами, зачастую используемые как сенокосные и пастбищные угодья (Гейдеман и др. 1964). По-видимому, именно эти порослевые кустарниковидные дубы в описании Bounion (1846, 109) и были приняты за якобы характерные для Бессарабии карликовые древесные формы.

Степная типчаково-ковыльная растительность была в прошлом распространена в южной части Бессарабии, прилегающей к Дунаю и черноморскому побережью. Анализ погребённой под Нижним Траяновым валом почвы показал, что в начале нашей эры в этом районе был развит степной фитоценоз на чернозёмах (Крупенников 1960). Кириков (1959, 15) указывает, что еще в середине XIX века Буджакская степь, наряду с причерноморскими степями, продолжала оставаться целинной и даже не была занята стадами овец. В настоящее время все без исключения степи распаханы, и степь как тип растительности совершенно исчезла с территории Молдовы (Гейдеман и др. 1964).

Изменения состава фауны млекопитающих

О характере и интенсивности эксплуатации ресурсов дикой фауны в эпоху Неолита может косвенно свидетельствовать структура археозоологического материала. Хозяйство ранней фазы Буго-Днестровской культуры частично основывалось на разведении домашних свиней и крупного рогатого скота, однако, судя по тому, что костные остатки диких промысловых животных составляли более 80 % всего археозоологического комплекса (Цалкин 1960, 1970), охота имела ведущее хозяйственное значение. Животноводство имело второстепенный сопутствующий характер. На среднем этапе развития Буго-днестровской культуры, судя по снижению доли костных остатков диких промысловых животных до 75%, следует отметить незначительное усиление хозяйственного значения скотоводства по отношению к охоте, а так же незначительное увеличение относительной численности крупного рогатого скота.

Структура археозоологического материала линейно-ленточной культуры свидетельствует об устойчивом характере животноводства, однако охотничий промысел сохраняет свою важность в хозяйстве. Остатки диких животных в археозоологическом комплексе составляют

немногим менее половины (40%), причем подавляющее большинство промысловых диких животных имеют мясное значение (благородный олень, косуля, кабан) (Цалкин 1960, 1970). Охота с целью добычи пушнины практически не велась.

Охота сохраняла своё значение в трипольском хозяйстве, однако её удельный вес постепенно падал от приблизительно 50% от общего количества поголовья археозоологического комплекса раннего Триполья до в среднем 20% в позднем Триполье (Цалкин 1960, 1970). На протяжении всего периода развития Трипольской культуры характер эксплуатации охотничьих угодий мало менялся: приблизительно 70% поголовья промысловых животных составляли крупные копытные, служившие важным источником мяса (тур, зубр, благородный олень, косуля, кабан), и около 30% добычи составляли дикие хищники и мелкие животные (бобр, заяц, белка), которых можно классифицировать как пушных зверей (*ibidem*). Особое достаточно постоянное место в комплексе костных остатков диких животных имеют так называемые трофейные части скелета, такие как роговые стержни тура, клыки медведя и дикого кабана, рога оленей.

Начиная с позднего бронзового века охота имеет подчиненное значение в хозяйстве, тогда как скотоводство в Пруто-Днестровском междуречье приобретает полностью сложившийся характер и приобретает ведущее значение в хозяйстве наряду с земледелием. Такой многоукладный характер ведения хозяйства способствовал освоению в средней и поздней бронзе практически всей территории междуречья, включая и удалённые от рек степные участки (Левицкий, Савва 1991: 57). Костные остатки диких животных составляют менее 10% археозоологического комплекса (Цалкин 1960, 1970). Чаще всего дикие животные представлены «трофейными» остатками: клыки дикого кабана, рога благородного оленя и косули.

Хозяйственная деятельность человека начинает сказываться на фауне Пруто-Днестровского региона начиная с энеолита (см. таблицу). Численность костей речного бобра (*Castor fiber*) заметно уменьшается в памятниках позднего Триполья (Давид 1982), что, помимо прямого преследования, можно объяснить разрушением естественных мест обитания этого вида – вырубка лесов в речных долинах и распашка долин для нужд земледелия. Согласно археозоологическим данным, бобр исчез с территории Пруто-Днестровского

междуречья уже во втором или первом тысячелетии до нашей эры (Давид, 1982). Таким образом, речной бобр является первым представителем фауны, который исчез на большей части междуречья под воздействием антропогенного фактора. Кириков (1959, 74), не ссылаясь на первоисточник, сообщает, что бобры жили в низовьях Дуная еще до 30-х годов XX столетия, хотя были уже редки. Возможно, в сообщении Кирикова вкралась ошибка, поскольку гораздо раньше Nordmann (1840, 16) пишет, что речной бобр к тому времени был уже довольно редок в дельте Дуная. Harper (1945, 194), ссылаясь на Calinescu (1931, *n.v.*), сообщает, что речной бобр вымер в Молдове (очевидно, в западной предгорной части) в 1823 году.

К началу нашей эры, согласно Harper (1945) относится вымирание в балканском регионе европейского льва (*Panthera leo*). В пределах Пруто-Днестровского региона костные остатки льва описаны из позднетрипольского памятника Маяки (III тысячелетие до нашей эры) на левобережье нижнего Днестра и гуменицкого памятника (середина IV тысячелетия до нашей эры) близ Болграда (Бибикова 1973). Судя по этим находкам, помимо балканского региона, степи северо-западного Причерноморья в ту далёкую эпоху также входили в ареал распространения этого крупного хищника. В античное время, согласно свидетельствам Геродота и Аристотеля, лев ещё встречался в Македонии и Фракии, однако к концу первого века нашей эры полностью исчезает на территории Балканского полуострова (Harper 1945, 291).

Сведения о воздействии человека на природу в средневековье имеют скудный и косвенный характер, однако, судя по обрывочным данным, к концу этой эпохи на территории Пруто-Днестровского междуречья под неослабевающим давлением человеческой деятельности исчезают наиболее крупные виды млекопитающих. Кириков (1979, 169) связывает резкое сокращение численности крупных хищников и копытных в эту эпоху с распространением огнестрельного оружия, которое повсеместно заменило стрелы и копья.

Судя по археозоологическим данным, в средние века в междуречье исчезает кулан (*Equus hemionus*) (Давид 1982, 77). Документальных свидетельств о присутствии этого животного к западу от Днестра не имеется, однако, по некоторым свидетельствам, кулан встречался к востоку от Днестра вплоть до XVI-XVII веков (Соколов 1959).

Последнее документированное свидетельство о присутствии бурого медведя (*Ursus arctos*)

в междуречье сделано французским путешественником Francois de Pavie. Описывая в 1585 году свой путь от Аккермана до Ясс, он рассказывает об охоте на медведей, которых они поджидали, затаившись на деревьях с арбалетами (Giurescu, 1992: 38). Вопреки ошибочным ссылкам Аверина (1960) и Давида (1982), Кантемир (1789) не упоминает бурого медведя в составе фауны Молдовы. Имеются сведения, что бурый медведь в соседней Подолии встречался до XVI века (Кириков: 1979: 80). К настоящему времени сохранилась изолированная группа популяций бурого медведя в труднодоступных горных карпатских лесах (Haimovici 1963).

Судя по археозоологическим свидетельствам, лось всегда был редок на территории Пруто-Днестровского междуречья (Давид 1982: 97). Давид (*ibidem*) ошибочно ссылается на упоминание лосей в составе молдавской фауны Кантемиром (1789). По-видимому, лось исчез на этой территории в Средневековье как следствие сокращения его ареала под давлением усиливающегося антропогенного фактора.

Последнее сообщение о существовании в Молдавии тарпана, или дикой лошади (*Equus caballus* ssp.) мы находим у Кантемира (1789). В последующих описаниях Бессарабии тарпан не упоминается. По-видимому, этот вид исчез в Пруто-Днестровском междуречье еще в XVIII веке. Harper (1945, 332) приводит свидетельства в пользу существования тарпана в диком состоянии в Херсонских степях до 1870-х годов, однако он отмечает, что последние дикие лошади уже представляли собой гибридную форму как следствие многочисленных скрещиваний с домашними лошадьми.

В эпоху позднего средневековья на территории междуречья также исчез первобытный бык, или тур (*Bos primigenius*). Botezat (1913) отмечает, что в историческую эпоху этот зверь был всегда редок. Точных данных о времени и обстоятельствах истребления этого вида в междуречье нет. В средневековых поселениях отмечено сравнительно небольшое количество костных остатков, что говорит о немногочисленности тура, но также и сложности охоты на него (Давид 1982, 101). Из дошедших до нас исторических документов можно отметить пересказ в Воскресенской летописи (1359-1504, 56) легенды об охоте мол-

давского князя Драгоша на тура (описываемые события происходят в северо-восточных предгорьях Карпат). Последнее животное погибло в 1627 году в Польше (Botezat 1913).

Упомянутые Кантемиром (1789) «лесные быки» (*bubali silvestes*), которые проникали в Пруто-Днестровское междуречье с территории Украины, очевидно, являются зубрами (Кириков, 1983: 73). Судя по всему, это сообщение Кантемира следует расценивать как последнее свидетельство присутствия в Пруто-Днестровском регионе зубра (*Bison bonasus*). Кириков (1979: 39), анализируя исторические документы, сообщает, что зубры к середине XVI века были еще очень обычным животным в Подолии, однако к XVII веку их численность явно уменьшилась (Кириков, 1979: 80). Botezat (1913) и Harper (1945: 533) отмечают, что зубры водились на Буковине вплоть до начала XIX века.

Варварское истребление лесов в Бессарабии в XIX веке также пагубно сказалось на фауне края. По мнению Успенского (1979), благородный олень (*Cervus elaphus*) был полностью истреблен на территории Прутско-Днестровского междуречья к сороковым годам XIX века, но, по-видимому, этот вид исчез здесь еще раньше. Перечисляя состав фауны Бессарабии в 1816 году, Свиньин (1817: 191) не упоминает благородного оленя, который, возможно, к этому времени в междуречье уже был истреблен². Nordmann (1840), описывая животный мир стран черноморского бассейна, так же не упоминает благородного оленя в составе фауны Бессарабии. Очевидно, следом за благородным оленем в междуречье исчез другой лесной зверь – рысь (*Lynx lynx*). Рысь упоминается Кантемиром (1789) как один из обитателей молдавских лесов. Nordmann (1840: 24) сообщает, что к 1837 году рысь является обычным обитателем лесов северной Бессарабии. Однако, в описании Бессарабии, изданном в 1846 году в Одессе (Bougnion 1846: 115), рысь уже не упоминается. Описывая природу Бессарабии, Bougnion (1846: 113) так же отмечает бедность местной фауны. Из крупных млекопитающих упоминаются только волк, лиса, косуля, дикий кабан и барсук. К концу XIX века косуля и дикий кабан становятся в Бессарабии крайне редкими (Arbure 1898: 87).

² Начиная с 1954 года, в лесные хозяйства Молдавской ССР завозились гибридные формы оленей из Аскании Новой. Успенский (1979) использует в этом случае некорректный термин «реакклиматизация», что буквально означает вторичную акклиматизацию нехарактерного для местной фауны животного. Асканийский олень был результатом бессистемного скрещивания двух подвидов европейского благородного оленя (*C. elaphus elaphus* и *C. elaphus maral*) и канадского оленя (*C. canadensis sibiricus*) (Соколов 1959, Успенский 1979) и, с зоологической точки зрения, ценность вновь созданной гибридной популяции невелика. Ввезенный несколько позже в те же лесные хозяйства пятнистый олень (очевидно, подвид *Cervus nippon hortulorum*) так же был вовлечен в процесс межвидовой гибридизации.

Последнее свидетельство о присутствии сайгака в степной части Пруто-Днестровского междуречья также относится к 1716 году и принадлежит Кантемиру (Harper 1945: 679). Andrzejowski (1823: 79) сообщает, что в окрестностях Рашкова на левом берегу Днестра еще можно было встретить сайгаков, однако его ареал продолжал стремительно сокращаться. Уничтожение степных местообитаний привело к исчезновению к концу XIX века в Бессарабии обитателя степей перевязки (*Vormela peregusna*) (Аверин 1979: 139).

Обсуждение и выводы

Анализ исторических источников позволяет сделать вывод, что первоначально большая часть Пруто-Днестровского междуречья представляла собой лесную страну, крайний юго-восточный форпост огромного европейского лесного массива. Леса в южной части Пруто-Днестровского междуречья представляли собой крайний северо-восточный форпост присредиземноморских ксерофильных лесов, которые, определяли уникальный облик природы юга междуречья. К сожалению, в значительной степени первоначальный облик лесов междуречья разрушен и видоизменён.

Описывая фауну примыкающих к Чёрному Морю с севера исторических областей, Nordmann (1840) отмечает исключительное богатство животного мира Бессарабии, объясняя этот феномен разнообразием рельефа и пограничным положением этой исторической области в природных зонах. Однако такое пограничное положение объясняет так же хрупкость биоразнообразия Пруто-Днестровского междуречья, поскольку через него проходили так же границы ареалов распространения многих видов животных, в том числе и млекопитающих. Любое негативное влияние на демографическое состояние вида (в данном случае – отрицательное влияние антропогенного фактора) ведёт к сокращению ареала распространения вида, которое становится ощутимым, прежде всего, у границ ареала. Именно по этой причине многие крупные млекопитающие исчезали на территории Пруто-Днестровского междуречья раньше, чем в соседних регионах. Это касается, прежде всего, видов открытых пространств, таких как сайга, кулан и тарпан, которые исчезли в Пруто-Днестровском междуречье раньше, чем в причерноморских степях к востоку от Днестра. Это же справедливо и в отношении лесных видов. Популяции бурого медведя, рыси и благородного оленя и по сей день сохранились в труднодоступных горных карпатских лесах, в то время как в Пруто-Днестровском междуречье медведь исчез в позднем Средневековье, благо-

родный олень и рысь были истреблены здесь в начале XIX века.

Первые ощутимые изменения в облике окружающей среды междуречья в результате деятельности человека появились в эпоху энеолита, когда освоение речных долин древними земледельцами привело к сведению значительной части пойменных лесов и разрушению местообитаний речного бобра. Следующее значительное наступление на природу междуречья произошло в начале нашей эры, когда черняховскими земледельцами были сведены значительные площади лесов в северной равнинной части междуречья, в результате чего образовался степной ландшафт, известный сегодня как Бельцкая степь (Полевой 1961). По-видимому, современная южная граница лесов в Восточной Европе, приблизительно совпадающая с северной границей распространения чернозёмов, так же имеет «рукотворное» происхождение и сложилась в историческое время как следствие освоения лесов на чернозёмах под пашни.

XVI-XIX века по своим последствиям для природы Пруто-Днестровского междуречья оказались наиболее разрушительными. Распространение огнестрельного оружия привело к истреблению большинства видов крупных млекопитающих, которые оказались наиболее уязвимыми для прямого преследования и в силу продолжительного биологического цикла не могли восстановить численность популяции. Катастрофическими последствиями для природы междуречья так же обернулось включение Бессарабии в состав Российской Империи в 1812 году. Лесные ресурсы Бессарабии, расположенные в непосредственной близости к базированиям недавно созданного Черноморского Флота, представляли военно-стратегический интерес для Российской Империи, которая нуждалась в корабельном лесу. Вырубка корабельных дубрав Бессарабии началась задолго до её официального включения в состав Империи. По-видимому, уже в первой половине XIX века значительная часть лесных ресурсов уже был истреблена. К концу XIX века все так называемые корабельные дубравы и, в значительной степени, дикая фауна были истреблены.

Благодарности. В заключение хочу выразить искреннюю благодарность коллегам С. Агульникову, С. Поповичу, Н. Тельнову, И. Черетеу, В. Ворнику, О. Левицкому, В. Хахеу, С. Бодяну, которые любезно предоставили мне необходимую литературу и приняли участие в обсуждении работы, что позволило значительно улучшить качество статьи...

Хронология исчезновения крупных млекопитающих в Пруто-Днестровском междуречье

Вид	Научное название	Последнее сообщение	Источник	Причины исчезновения
Речной бобр	<i>Castor fiber</i>	I-II тысячелетие до нашей эры	Давид (1982)	Разрушение экосистем речных долин ранними земледельцами.
Европейский осёл	<i>Equus hydruntinus</i>	Неолит	Давид (1982)	Причины вымирания не известны.
Кулан	<i>Equus hemionus</i>	Средние Века	Давид (1982)	Прямое преследование
Тарпан	<i>Equus caballus ssp.</i>	1716 год	Кантемир (1789)	Разрушение мест обитания; прямое преследование
Тур	<i>Bos primigenius</i>	Средние Века		Прямое преследование
Зубр	<i>Bison bonasus</i>	1716 год	Кантемир (1789)	Прямое преследование (появление огнестрельного оружия)
Сайга	<i>Saiga tatarica</i>	1716 год	Кантемир (1789)	Прямое преследование (появление огнестрельного оружия)
Благородный олень	<i>Cervus elaphus</i>	1716 год	Кантемир (1789)	Разрушение мест обитания; прямое преследование (появление огнестрельного оружия)
Лось	<i>Alces alces</i>	X – XII века н. э.	Давид (1982)	Сокращение ареала на фоне усиления антропогенного давления
Европейский лев	<i>Panthera leo ssp.</i>	До нашей эры (точных данных нет)		Антропогенное давление на всю экологическую пирамиду, на вершине которой находился лев; прямое преследование.
Рысь	<i>Lynx lynx</i>	1837 год	Nordmann (1840)	Истребление лесов; прямое преследование.
Бурый медведь	<i>Ursus arctos</i>	1585 год	Giurescu (1992)	Прямое преследование (появление огнестрельного оружия)
Перевязка	<i>Vormela peregusna</i>	Конец XIX века	Аверин (1979)	Разрушение степных мест обитаний

Библиография

Авдеев 1945: В.Д. Авдеев, История леса и степи в Западном Закарье. Известия Всесоюзного Географического общества, 1-2 (Москва 1945), 70-87.

Аверин 1960: Ю.В. Аверин, Главнейшие изменения в видовом составе фауны млекопитающих и птиц Молдавии в XVII-XIX столетиях. Бюллетень Московского общества испытателей природы, 65 (2) (Москва 1960).

Аверин 1979: Ю. В. Аверин, Перевязка – *Vormela peregusna* Güld – Вортелэ. В кн.: Ю.В. Аверин, М.Н. Лозан, А.И. Мунтяну, Г.А. Успенский (ред.), Животный мир Молдавии. Млекопитающие (Кишинёв 1979), 139.

Бибиков 1958: С.Н. Бибиков, О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра. СА 3, 958, 27.

Бибикова 1973: В.И. Бибикова, Костные остатки льва из энеолитических поселений северо-западного Причерноморья. ВЗ 1, 1973, 57-63.

Вайнштейн 1968: А.И. Вайнштейн, Порослевое возобновление древесных пород на сплошных лесосеках в Кодрах Молдавии. В кн.: Дубравы центральной Молдавии (Кишинёв 1968), 15-22.

Войцеховский, Голубчиков 2008: М.Б. Войцеховский, Ю.Н. Голубчиков, О лесной природе чернозёма. Лесное хозяйство, 6, 2008, 14-15.

Воскресенская летопись 1793: анонимный автор, Сказание вкратце о молдавских государях, и отколе началась Молдавская земля. Русская летопись с Воскресенского списка, I (Санкт-Петербург 1793), 53-58.

- Гейдеман и др. 1964:** Т.С. Гейдеман, Б.Ф. Остапенко, Л.П. Николаева, М.С. Улановский, Н.В. Дмитриева, Типы леса и лесные ассоциации Молдавской ССР (Кишинёв 1964).
- Гейдеман 1968:** Т.С. Гейдеман, О классификации лесных фитоценозов Молдавии. В кн.: Дубравы центральной Молдавии (Кишинёв 1968), 5-14.
- Гроссу 1990:** В.И. Гроссу, Хронология памятников сарматской культуры днестровско-прутского междуречья (Кишинёв 1990).
- Давид 1982:** А.И. Давид, Формирование териофауны Молдавии в Антропогене (Кишинёв 1982).
- Кантемир 1789:** Д. Кантемир, Описание Молдавии. Пер. с лат. яз. Леонида Панкратиева; ред., вступ. статья, примеч. и коммент. В. И. Ермуратского (Кишинёв 1973).
- Кириков 1959:** С.В. Кириков, Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII – XIX вв.), степная зона и лесостепь (Москва 1959).
- Кириков 1960:** С.В. Кириков, Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII – XIX вв.), лесная зона и лесотундра (Москва 1960).
- Кириков 1979:** С.В. Кириков, Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX вв. (Москва 1979).
- Кириков 1983:** С.В. Кириков, Человек и природа степной зоны (Москва 1983).
- Крупеников 1960:** И.А. Крупеников, Погребенные почвы Нижнего Траянова вала и некоторые вопросы палеопочвоведения. Охрана природы Молдавии, 1, 1960, 55-69.
- Левицкий, Савва 1991:** О.Г. Левицкий, Е.Н. Савва, Некоторые аспекты развития хозяйственных систем эпохи средней и поздней бронзы в Молдове. В кн.: Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы (Кишинёв 1991), 46-60.
- Маркевич 1981:** В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена Северной Молдавии (Кишинёв 1981).
- Марков 1948:** М.В. Марков, Растительность Татарии (Казань 1948).
- Петрунь 1957:** Ф.Е. Петрунь, Південна межа лісової рослинності у межиріччі Прут-Дністро. Праці одеського державного університету, рік ХСІІІ, 147, серія геологічних та географічних наук (5) (Одесса 1957).
- Полевой 1961:** Л.Л. Полевой, Археологические сведения о растительном покрове и фауне млекопитающих Прут-Днестровского междуречья. В кн.: Охрана природы Молдавии, 2 (Кишинёв 1961), 99-104.
- Рикман 1975:** Э.А. Рикман, Этническая история населения поднепровья и прилегающего подунавья в первых веках нашей эры (Москва: «Наука», 1975), 336 с.
- Свиньин 1817:** П.П. Свиньин, Описание бессарабской области. Записки Одесского общества истории и древностей, 6 (Одесса, 1867), 175-320.
- Соколов 1959:** И.И. Соколов, Копытные звери (отряды Perissodactyla и Artiodactyla). В кн.: Фауна СССР, млекопитающие, 1 (3), новая серия № 71 (Москва-Ленинград, 1959), 1-639.
- Сумароков 1800:** П.И. Сумароков, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году (Москва 1800).
- Ткаченко 1961:** А.И. Ткаченко, Из прошлого лесов Молдавии. В кн.: Охрана природы Молдавии, 2 (Кишинёв 1961), 27-41.
- Цалкин 1960:** В.И. Цалкин, Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА 53, 1960, 7-109.
- Цалкин 1962:** В.И. Цалкин, Млекопитающие древней Молдавии. Бюллетень Московского общества испытателей природы, 67 (5) (Москва 1962).
- Цалкин 1970:** В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы. МИА 161, 1970, 1-266.
- Цветков 1957:** М.А. Цветков, Изменение лесистости европейской России с конца XVII столетия по 1914 год (Москва 1957).
- Успенский 1979:** Г.А. Успенский, Олени или плотнорогие. В кн.: Ю.В. Аверин, М.Н. Лозан, А.И. Мунтяну, Г.А. Успенский (ред.), Животный мир Молдавии. Млекопитающие (Кишинёв 1979), 160-179.
- Яровой 1985:** Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинёв 1985).
- Andrzejowski 1823:** A. Andrzejowski, Rys botaniczny krain zwiedzonych w podrózach pomiędzy Bohem i Dniestrem od Zbruczy aż do Morza Czarnego odbytych w latach 1814, 1816, 1818 i 1822 (Wilno 1823), 1-126.
- Arbore 1898:** Z.C. Arbore, Basarabia în secolul XIX (București, 1898), 1-790.
- Botezat 1913:** E. Botezat, Bourul și Zimbrul. Analele Academiei Române, Seria II, T. XXXVI (București 1913), 1-23.
- Bugnion 1846:** M. Bugnion, La Bessarabie ancienne et moderne. Ouvrage Historique, Geographique et Statistique (Lausanne-Odessa 1846), 1-194.
- Cantemir 1956:** D. Cantemir, Descrierea Moldovei. Traducerea de P. Pandrea; cu pref. C.I. Gulian (București 1956), 1-295.

Giurescu 1992: C. Giurescu, Pădurea Carpato-Danubiană în preistorie, în Dacia și în Dacia Romană. In: Pădurea – rădăcina sufletului (Chișinău 1992), 19-24.

Giurescu 1992: C. Giurescu, Păduri importante menționate în izvoarele istorice. In: Pădurea – rădăcina sufletului (Chișinău 1992), 28-43.

Güssefeld 1785: F.L. Güssefeld, Charte fon der Moldau und Walachey (Nurenberg 1785).

Haimovici 1963: S. Haimovici, Contribution a l'étude morphologique et zoogéographique de l'ours brun dans le néolithique roumain. Travaux du Muséum d'histoire naturelle "Grigore Antipa" 4 (Iași 1963), 533-539.

Harper 1945: F. Harper, Extinct and vanishing Mammals of the Old World. American Committee for International Wild Life Protection, Special Publication No. 12 (New York 1945), 1-850.

Larina 2010: O. Larina, Începuturile economiei productive. Neoliticul. Orânduirea gentilico-tribală. In: V.A. Dergaciov (ed.): Istoria Moldovei, epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 177-217.

Nordmann 1840: A. Nordmann, Observations sur la faune pontique. In: A. de Démidoff. Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie exécuté en 1837 par A. de Demidoff, vol. III (Paris 1840), 355-635.

Роман Кройтор, доктор биологии, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: romancroitor@europe.com

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PARER AND BOOK REVIEW

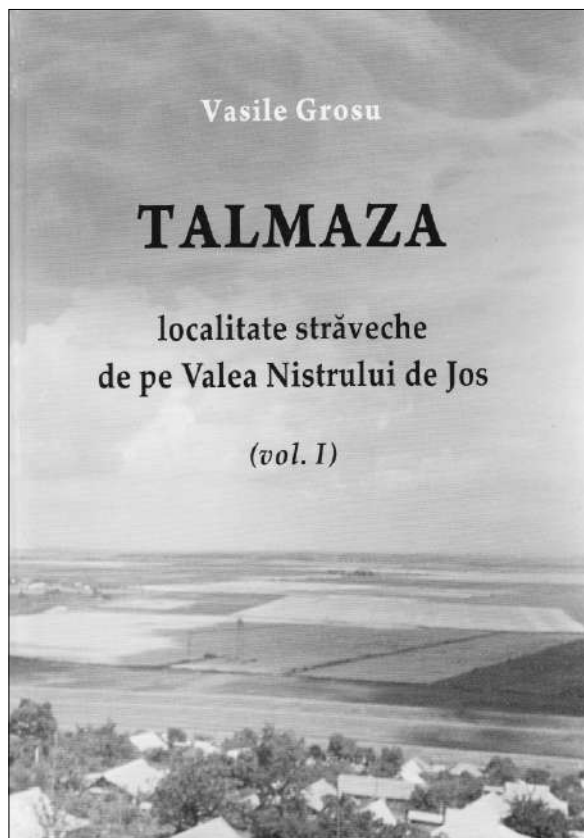
Vasile Grosu, *Talmaza: Localitate străveche de pe Valea Nistrului de Jos (vol. I)*,

Chișinău, Ed. Elan Poligraf, 2009, 462 pag., ISBN 978-9975-4047-3-0

La onorabila vârstă de 75 de ani, distinsul nostru coleg de breaslă, doctor în științe istorice Vasile Grosu a reușit să editeze primul volum¹ al monografiei consacrate istoriei satului său de baștină Talmaza din raionul Ștefan Vodă, adus drept „omagiul părinților mei și tuturor talmăzenilor care, sporind avuția strămoșilor, au pus temelia pentru cele care au fost, pentru cele care vor urma, păstrând din generație în generație veșnicia acestui colț de rai”. Cartea, la care a lucrat ani buni, beneficiind și de câteva deplasări de documentare la arhivele din București (în 1996, 1997 și 1999), a apărut sub auspiciile Muzeului Național de Etnografie și Istorie Naturală, unde dl Grosu a activat în perioada de timp de până la pensionare, între anii 1993–2007.

Volumul este alcătuit din introducere (p. 2-7), șapte capitole (p. 8-427), note bibliografice (p. 428-457) și lista abrevierilor (p. 458). Fiecare compartiment, la rândul său, cuprinde de la trei la 11 subcapitole sau paragrafe, care structurează tematic materialul factologic selecționat cu acribie de autor.

Introducerea constă din patru paragrafe mici. Primul este *Nota autorului*, din care aflăm, în primul rând, că drept model pentru elaborarea lucrării au servit investigațiile Institutului de Cercetări Sociale al României în satele Iurcenii, Copanca etc., efectuate în perioada interbelică. Deși este conștient de eventualitatea ca „... un cercetător mai sânguinos va găsi lucruri noi, sub semnul unor idei noi care vor contrazice poate unele concluzii ale mele”, dl V. Grosu susține că are totuși mulțumirea sufletească de a fi contribuit cu ceva la cunoașterea trecutului localității sale de baștină. Mai recunoaște că monografia n-ar fi fost scrisă fără îndemnul și sprijinul colegilor de serviciu în frunte cu directorul MNEIN, dl Mihai Ursu, fără umărul de prieten al profesorului bucureștean Mircea Vlad, originar din Talmaza, și fără susținerea și ajutorul acordat de membrii familiei. De asemenea, autorul a beneficiat de înțelegere din partea ficei și nepotului renumitului talmazez, istoricului Ștefan Ciobanu, Ala Mancaș (Ciobanu) și Victor-Dorian Mancaș, care i-au pus la dispoziție biblioteca academică-

nului și i-au furnizat „prin scrisori o mulțime de date și fapte privitoare la istoria satului”.

Al doilea paragraf al capitolului introductiv, numit *În loc de prolog*, conține pasaje semnate de cunoscutul istoric, prof. univ. Anatol Petrencu: „Demonstrând o erudiție excepțională, o competență profesională demnă de invidiat, o tenacitate deosebită, autorul își vede realizată munca de o viață. Avem în fața noastră o operă literară în două volume deosebit de bogate în fapte istorice, depistate de autor în numeroasele arhive în care a trudit cu migală, fapte și detalii inedite culese de autor de la martorii oculari ai evenimentelor”.

Ultimele două secțiuni, *Vasile Grosu – pedagog, cercetător, muzeograf și Cultura materială și spirituală* – o pasiune, sunt consacrate biografiei

¹ Întâmplarea a făcut ca din motive obiective volumul I (secolul XVI – anii 1940) să apară cu o întârziere de doi ani, după publicarea în 2007 a volumului II, ce tratează perioada anilor 1940-2000.

și realizărilor științifice ale autorului, născut într-o familie de țărani din satul Talmaza, județul Tighina, la 28 februarie 1934. După absolvirea școlii de 7 ani din satul natal, între 1950–1954 învață la Școala Pedagogică din Bender (Tighina). În următorii trei ani este înrolat în armata sovietică. După demobilizare, până în 1963 lucrează ca învățător de clasele primare la școala de opt ani din satul Tîrnauca, pe atunci raionul Tiraspol. În perioada 1961–1967 își continuă studiile la Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Chișinău, secția cu frecvență redusă. Din 1964 este profesor de istorie la școala nr. 1 din satul natal, între 1967–1970 deținând și postul de director al școlii. Pasiunea pentru arheologie îl face să părăsească școala în 1972, când devine cercetător științific în Sectorul de Arheologie al AȘM. În anii 1972–1973 participă la investigațiile unei așezări a culturii Sântana de Mureș–Cernjachov din preajma s. Ruseni (r. Edineț). În 1974–1975, deja în calitate de șef-adjunct al expedițiilor arheologice, cercetează așezările aceleiași culturi arheologice de la Costești (r. Rîșcani) și Corpaci (r. Edineț). Tot în 1975 se află în fruntea unei echipe de specialiști care sapă un tumul sarmatic cu o amenajare funerară deosebită de lângă s. Corpaci. În următorii doi ani, 1976–1977, conduce expedițiile care cercetează un grup de tumuli din preajma s. Corpaci, așezarea de la Caracușeni Noi (r. Briceni) și necropola de lângă s. Brăviceni (r. Orhei), ultimele două situri fiind atribuite culturii Sântana de Mureș–Cernjachov. La cimitirul antic de la Brăviceni investigațiile continuă în 1980–1981, numărul mormintelor dezvelite fiind de cca 180. Între anii 1982–1983 coordonează activitatea a cinci expediții, care investigau necropola din preajma s. Slobozia-Chișcăreni (fost Lazo) (r. Sîngerei), așezarea de lângă s. Prodăneșt (r. Florești), ambele datând din epoca romană târzie, un cimitir sarmatic și un tumul din epoca bronzului din vecinătatea s. Cioropcani (r. Ungheni), două grupuri tumulare din preajma orașelor Tiraspol și Taraclia. Stagiul de doctorat, cu tema *Sarmații din interfluviul Nistru-Dunăre*, sub îndrumarea reputatului arheolog Em. Rikman, îl urmează la Universitatea „M. Lomonosov” din Moscova în perioada 1973–1977, iar teza, cu titlul *Periodizarea monumentelor culturii sarmatice din interfluviul Prut-Nistru*, este susținută în 1988 la această prestigioasă universitate. În anii 1981–1985 deține postul de șef al secției *Expediții arheologice la noile șantiere de construcții*, din 1986 până în 1989 este șef al secției *Cultură materială* și director al Muzeului de Arheologie și Etnografie al AȘM. În 1989 este conducătorul secției *Ocrotirea monumentelor de istorie și cultură* la Ministerul Culturii de la Chișinău, în anul următor însă revine în arheologie, la AȘM. Din 1993, timp de zece ani activează în calitate de director-adjunct, iar apoi ca

cercetător științific principal la Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală. Este autor a cca 10 monografii și peste 200 de articole științifice și de popularizare a științei.

Capitolul I, **Condițiile naturale**, unul dintre cele mai elaborate, conține subcapitolele *Așezarea geografică, Geologia, Hidrologia și cutremurele, Solurile, Flora, Fauna, Clima regiunii*. Comuna Talmaza, cu o populație de cca 10 mii de locuitori, se află la distanța de 100 km de capitala țării, Chișinău și 12 km de centrul raional Ștefan Vodă, la hotarul dintre regiunea de câmpie a Bugeacului cu cea de luncă a Nistrului. În opinia autorului, care se bazează pe un act bisericesc interbelic, numit *Chestionar în vederea întocmirii monografiei bisericii din parohia comunei Talmaza, jud. Tighina*, localitatea sa de baștină face parte din satele organizate pe cartiere ce au, în funcție de relief, formă pătrată, rectangulară, triunghiulară sau trapezoidală. În prezent Talmaza se întinde pe o lungime de 17 km, iar strada centrală are lățimea de cca 20 m. Textul acestui capitol este ilustrat prin hărți (nu numai geografice, fiind inserată și o hartă a solurilor), poze, tabele statistice, planșe.

Capitolul II, **Istoria satului**, cel mai extins din lucrarea prezentată, este structurat în trei subcapitole: *Preistoria regiunii, Trecutul satului și Date demografice, sanitare și structura etnică*, la care se adaugă o consistentă *Anexă*-tabel reflectând pe 29 de pagini datele recensământului populației satului Talmaza din 12 octombrie 1835.

Cele mai vechi urme de locuire umană din raza localității Talmaza datează din paleoliticul superior. În anul 1989 arheologul Serghei Agulnicov (Chișinău) a descoperit, iar cercetătorul Igor Sapozhnikov (Odesa) a cercetat stațiunea *Știubei*, de unde au fost recuperate cca 130 de unelte de silex. Din cei 30 de tumuli semnați în perimetrul moșiei satului, șase au fost cercetați în 1989 de Serghei Agulnicov. Mormintele descoperite în aceste movile (în număr de 49) se repartizează cronologic în felul următor: două complexe funerare aparțin epocii eneoliticului, 27 – epocii bronzului, două – sciților, șapte – populației sarmatice și 10 – turanicilor târzii (un mormânt n-a putut fi determinat). Pe teritoriul comunei Talmaza au mai fost descoperite și două așezări – una getică și alta aparținând culturii Sântana de Mureș–Cernjachov.

Referitor la prima mențiune documentară, autorul susține că este un act de la 7040 (1532), în care este scris: „*Gluga Tălmăzanu de la Talmaza vinde partea sa de ocină din Haliță și Mogoșești surorii sale, Nastasia, drept 55 de florinți*” (sursa: Documente moldovenești de la Ștefan cel Mare publicate de Mihai Constantinescu. Iași 1933, 63) (p. 98). În 1595 satul Talmaza este enumerat printre satele cedate de către Ieremia Vodă hanului de Crimeea. De asemenea, călătorul turc Evlia Celebi

scrie în 1657, când mergea cu trupele turcești spre Polonia: „... pornind de aici spre apus, noi am sosit în satul Talmaza. Acesta-i un sat de valahi...”, iar la întoarcerea sa din Bender în Akkerman, în 1660, menționează că acest sat „se află sub stăpânirea comandantului (agă) agiei de coastă” (citată după: Евлия Челеби, Книга путешествия. Москва 1961, 41) (p. 98).

Dintr-un buletin din 1789 aflăm că satul Talmaza cuprindea 35 de gospodării, în care locuiau 140 de suflete, inclusiv 84 bărbați și 56 femei; erau 62 vite mari cornute și 8 cai, o moară de vânt. Din tabelul 1 (p. 105-106), printre altele, observăm că în 1816 la Talmaza locuiau 813 oameni în 105 gospodării, în 1835 – 1258, repartizați în 351 de familii, în 1885 – 2902, din 522 familii, în 1923 – 5943 persoane ocupând 1298 case, în 1934 erau 1796 familii în număr de 7189 oameni și în 1943 – 1381 de case cu 6799 de suflete.

Date interesante spicuim și din tabelul 7 (p. 123), referitor la componența etnică a populației satului. În 1827 la Talmaza, din cei 1021 locuitori, 828 erau moldoveni, 91 ucraineni, 28 evrei, 15 țigani și 22 de alte etnii; în 1930, din 6240 locuitori, 5295 erau moldoveni, 28 ucraineni, 433 ruși, 308 evrei, 146 țigani și 30 de alte etnii; în 1943 în sat locuiau 6799 oameni, inclusiv 6016 moldoveni, 107 ucraineni, 439 ruși, 227 țigani și 10 de alte etnii. Autorul urmărește detaliat istoria construcției spitalului de la Talmaza în anii 1908–1914, rolul zemstvei de voloste și a unei persoane particulare (nobila A. Efremova) în realizarea acestui proiect. La fel de amănunțit sunt analizate cele mai răspândite nume de familie și prenumele preferate de săteni conform recensămintelor din 1835 și 1859 (p. 130-136).

Capitolul III, *Viața economică*, a fost alcătuit din opt compartimente: *Agricultura și creșterea vitelor, Viticultura, pomicultura și grădinăritul, Grădinile statului Talmaza-Copanca, Albinăritul, pescuitul și vânătoarea, Ocolul silvic, Industriile și meseriile, Comerțul și cooperația, Arenda, prestațiile de muncă și impozitele*. În anul 1827 moșia satului Talmaza atinge suprafața de cca 10 mii desetine (cca 11 mii ha) de pământ, inclusiv 533 ha de pădure. În conformitate cu Regulamentul din 14 iulie 1868, fiecare familie de țărani a primit câte 30 de desetine (31,8 ha) de pământ. Vatra satului ocupa 40 ha, viile și livezile – cca 200 ha, pământul arabil și fânețele – cca 8 mii ha, pășunile – cca o mie ha. Talmazenii aveau în 1827 un număr de 70 de cai, 1066 vite cornute mari și 556 oi, iar către mijlocul sec. XIX – 400 de cai, 2020 vite cornute mari, 3200 oi, 250 de porci. Deseori însă, din cauza secetei, a molimelor (1891–1892) sau lăcustelor (1824, 1856), situația economică a locuitorilor se înrăutățea brusc. Către mijlocul sec. XIX – începutul sec. XX suprafața viilor, livezilor,

grădinilor și bostănăriilor crește simțitor la Talmaza. Proprietarul unei livezi de meri, peri, pruni etc. Ion Chirienco timp de decenii (din 1887) a experimentat cultivarea diferitor soiuri de mere și pere, pentru ca în 1898 să fie recompensat cu medalii de argint la expozițiile din Odesa și Tiflis, iar în 1890 – cu medalia de aur, la Harkov. Un eveniment pentru Talmaza s-a produs în iulie 1942, când satul este vizitat de un grup de savanți ai Academiei Române, printre care Nae Popescu, Ion Lupaș, Ion Nistor, Ion Ciucă, Ștefan Ciobanu și Dimitrie Gusti (p. 189, fig. 15). Regiunea pomicolă Chițcani, Copanca, Talmaza a fost considerată de ei drept „California României”.

Din compartimentul referitor la industrii și meserii menționăm că împletitul în lozie se menține tradițional până astăzi la Talmaza, meșterindu-se nu numai coșuri, ci și piese de mobilier – fotolii, balansoare, mese, etajere etc. Se descrie prelucrarea cânepei și a lânii, utilizate pentru țesutul covoarelor, păretarelor, pânzei; meșteșugul prelucrării lemnului, precum și croitoria, cizmăria, tâmplăria, dogăritul. Bunicul autorului, Trofim Grosu, a fost fierar la Talmaza până în 1934, când a decedat.

În 1906 la Talmaza se înființează *Cooperativa de credit nr. 21* din județul Cetatea Albă. În 1917 este aprobat statutul *Societății de consum din Talmaza*. Între anii 1925–1926 în sat apare banca populară *Plugarul*, în 1927 sunt înregistrate cooperativa de consum *Nădejdea* și cooperativa agricolă *Viitorul țăranului*. Între 1941–1944 funcționează cooperativa de consum *Unirea*. Ultimul subcapitol se referă la condițiile de arendă, prestațiile de muncă și impozitele suportate de talmazenii pe parcursul secolelor XIX–XX. Starea economică precară a țăranilor din sat este ilustrată elocvent prin faptul că ei erau nevoiți să-și vândă produsele agricole intermediarilor-evrei, care încasau un beneficiu de trei-cinci ori mai mare din aceste tranzacții. Drept exemplu, autorul publică un act de vânzare a recoltei pe cinci ani înainte dintr-o livadă cu suprafața de cca 3 ha (mere, pere, prune) semnat în august 1937 de un țăran localnic cu Abram Carasic pentru suma de 30 mii de lei (p. 243-244).

În capitolul IV, *Manifestări administrative, juridice și politice*, autorul analizează modul de administrare a localității în perioada de după anexarea Basarabiei la Imperiul rus în 1812 și cea ulterioară Unirii din 1918 cu România. Din 1862 Talmaza devine centru de plasă (voloste), în care mai intrau șase sate mai mici: Cioburciu, Purcari, Ermoclia, Răscăieți, Popeasca și Antonești. Din documente de arhivă, publicații și periodice vechi sunt identificate numele a 37 de primari, notari, încasatori ș.a. funcționari ai administrației satului Talmaza din 1768 până în 1944 (tabelul 1, pp. 247-248). Alte trei tabele (nr. 3-5) reflectă repartitia populației volostei Talmaza după gen (bărbați-fe-

mei) în anii 1870, 1875, 1897 și 1906. Către anul 1927 satul Talmaza avea o populație de cca 7 mii de locuitori, inclusiv 1300 contribuabili. În paragraful *Manifestări juridice* autorul prezintă esența a câtorva dosare întocmite talmazenilor în perioada administrației țariste (p. 263-266). Ultimul compartiment al acestui capitol inserează considerațiile autorului despre orizontul politic destul de restrâns al majorității sătenilor pe parcursul timpului, dar și spicuiuri din articolul unui învățător din Talmaza, Nicolae Donțu, publicat în periodicul *Cuvânt moldovenesc* din august 1937. Edificatoare este concluzia: „Acest îndemn făcut de către învățătorul Nicolae Donțu cu mai bine de 70 de ani în urmă rămâne actual și în zilele noastre” (articolul se intitula *Despre folosința votului obștesc*).

Capitolul V, *Manifestări culturale și spirituale*, este structurat în trei subcapitole mari: *Biserica*, *Școala* și *Căminul cultural*. Complexitatea abordării acestor subiecte poate fi înțeleasă chiar și numai prin enumerarea celor 15 paragrafe ce alcătuiesc compartimentul *Biserica* (Introducere; Bisericiile de lemn; Biserica de piatră; Clerul bisericii; Limba slujbelor în biserică; Sursele de existență a bisericii; Cărțile de cult; Obiecte și odore bisericești; Obiceiuri religioase la naștere; Obiceiuri religioase la cununii; Obiceiuri la înmormântare; Obiceiuri la sărbători; Cimitire, cruci de morminte și inscripții funerare; Alte confesiuni existente în Talmaza; Încheiere) sau șase din *Școala* (Știința de carte până la 1861; Învățământul în perioada anilor 1861–1918; Învățământul în perioada anilor 1918–1944; Localurile școlilor; Personalul didactic; Populația școlărească). Prima informație referitoare la biserica din Talmaza este din 21 august 1794 – preotul Gavriil Handănesc este rânduit de episcopul Partenie la biserica cu hramul Adormirii Precistei din sat. Se mai cunoaște că în 1812 biserica de lemn a ars, iar către sfârșitul anului 1815 este înălțată o alta, pe temelie de piatră, acoperită cu șindrilă. Biserica de piatră este construită între 1866-1876. Timp de 33 de ani (între 1911–1944) păstorește la Talmaza preotul Andrei Eșanu (1886–1960), despre care autorul cărții scrie cu o căldură deosebită, amintindu-și lecțiile lui de religie la școală (p. 283). În 1947 preotul A. Eșanu se stabilește la Iași, unde slujește la biserica Sf. Dumitru Balș, apoi la biserica Sf. Nicolae Domnesc, până la pensionare. Este înmormântat la cimitirul *Eternitatea* din Iași.

Prima școală (parohială) din Talmaza a fost inaugurată în 1861. Aici învățau 15 băieți. Se predă religia, limba rusă și slavonă, scrisul, cititul și aritmetica. În 1863 ea este reorganizată în școală primară, unde în 1867 învățau 25 de elevi, iar în 1873 – 44, inclusiv patru fete. Din 1897 la Talmaza funcționează două școli: școala primară de șase clase și școala parohială de patru clase. Emoționant este descris momentul despărțirii profesorilor

de elevii lor din primăvara anului 1944. Învățătorul Nicolae Donțu scrie: „le-am împărțit elevilor cărțile bibliotecii și le-am spus: să le păstrați, să le citiți și recitiți și să nu uitați că sunteți români. Când roata evenimentelor se va întoarce, voi le veți aduce înapoi și vom refăce din nou biblioteca” (p. 326). În nota 330 Vasile Grosu menționează: „la acest careu de bun rămas, fiind elev în clasa a II, am primit și eu o carte din biblioteca școlii, care ulterior s-a pierdut” (p. 452).

Căminul cultural din sat își are începuturile prin organizarea unui cerc cultural al *Astrei* și a unei biblioteci de către directorul școlii nr. 1 din Talmaza Miclea Popoiu în iulie 1922. Programul de activitate era unul patriotic, de educare a maselor în direcția însușirii unui minimum de cunoștințe de cultură generală, combaterea sectelor religioase, a alcoolismului, înființarea cooperativelor, cantinelor pentru săraci, farmaciilor sătești, grija de igiena casei țărănești, înfrumusețarea satului ș.a. Primul aparat de radio apare în sat în 1936 (p. 341, fig. 23), iar în 1939 M.S. Regele Carol II prin Fundația Regală trimite 26 de pluguri celor mai merituoși țărani din județul Tighina, unul revenind locuitorului Talmazei Sârghi Epifan.

Capitolul VI, *Creația orală*, include 11 compartimente: *Cântece* (clasificate în Doine, Cântece de pahar, Cântece de dor și jale, de înstrăinare, Cântecele ostășești și păstorești), *Literatura legată de datina nunții*, *Bocetul*, *Cântece de stea*, *colinde și hăituri*, *Zicale și jocuri de copii*, *Legende și snoave*, *Tradiții*, *viața din trecut*, *povestiri*, *Superstiții și credințe*, *medicina populară*, *Obiceiurile*, *Expresii din grai popular*, *Informatorii*. Autorul s-a bazat, la elaborarea acestui capitol, pe cercetările folclorice realizate „în vara și toamna anilor 1932, 1934 și 1935 pe Valea Nistrului de Jos de către marele folclorist basarabean Petre Ștefănuță” și de „talmăzeanul Nicolae Donțu între anii 1934-1944” (p. 352). Importantă ni se pare și publicarea listei celor 25 de informatori audiați de P. Ștefănuță și N. Donțu, cu vârste cuprinse între 12 și 84 de ani (p. 398).

În capitolul VII, *Personalități, tipuri de case și glosar toponimic*, este omagiat mai întâi Vasile Chirienco (1827–1900), „unul din primii cărturari ai satului, om de înaltă cultură și bun organizator al obștii țărănești din sat”, care a contribuit substanțial la prosperarea localității. Fiind președintele plasei (volostei) Talmaza din 1862, V. Chirienco realizează noua amenajare a satului, cu străzi drepte, cea principală având lățimea de 22 m, inițiază și este responsabil de construcția bisericii de piatră din sat. Pe lângă acestea și multe alte merite, V. Chirienco împreună cu fiul său Ion Chirienco (1867–1940) au pus baza unei livezi cu suprafața de cca 6 ha, organizată și întreținută exemplar, timp îndelungat, mai ales de I. Chirienco, devenit

pomicultor emerit al Basarabiei. Experiența sa în această ramură agricolă I. Chirienko o împărtășea prin articolele publicate în reviste de specialitate din Chișinău și Sankt Petersburg. La fel ca și părintele său, el era membru al Consiliului de Zemstvă din județul Cetatea Albă, a fost ales epitrop al școlii agricole din Purcari, epitrop de onoare al școlii primare nr. 1 din Talmaza. În testamentul scris din aprilie 1940, I. Chirienko ruga să fie înmormântat în livada sa, pentru ca „copiii mei să vadă mormântul meu și să nu uite cum am făcut eu această livadă, și în același fel și ei în mod cinstit să muncească în ea, continuând lucrarea mea și mai departe”. Știrea despre eventuala cedare a Basarabiei i-a provocat dureri de inimă, și în rezultatul unui atac de cord, I. Chirienko se stinge la 15 iunie 1940, la vârsta de 73 de ani. Din cauza evenimentelor dramatice din iunie 1940, cerința sa testamentară n-a mai putut fi respectată...

O altă strălucită personalitate originară din Talmaza a fost și academicianul Ștefan Ciobanu (1883–1950). Urmând școala primară și gimnazială din satul natal, el merge în 1901 la cursurile seminarului pedagogic din Bairamcea, unde se remarcă prin rezultate eminente la învățătură și purtare excelentă. După terminarea seminarului, în 1905, se angajează ca profesor suplinitor la liceul nr. 1 din Chișinău, unde strânge banii necesari pentru studii universitare. În 1907 se înscrie la Universitatea din Kiev, Facultatea de Litere, secția slavorusă, pe care o absolvă în anul 1911. Beneficiind de o bursă a zemstvei județului Cetatea Albă în timpul studiilor la Bairamcea, tânărul Șt. Ciobanu solicită (și obține) bursa aceleiași zemstve și pentru perioada studenției la Kiev. Din 1912 până în 1917 lucrează ca profesor de limba rusă la Žitomir, unde se căsătorește în 1913 cu Anna Schmidt, fiica unui inginer de origine germană. Au avut doi copii – Alla (născută în 1914) și Valeriu (născut în 1917). În contextul evenimentelor din 1917, se întoarce în Basarabia, ca profesor la liceul din Bolgrad. Împreună cu prietenul său Ion Pelivan, care era judecător în Bolgrad, Ștefan Ciobanu se include în lupta de eliberare națională. În aprilie-mai ambii se transferă la Chișinău, unde joacă un rol deosebit în activitatea Partidului Național Moldovenesc. Cu toate că n-a fost deputat în Sfatul Țării, Ștefan Ciobanu a contribuit la elaborarea programului acestui for. În 1917–1918 el activează „colosal de fructuos” (p. 411) în funcția de Director general de Instrucție Publică de la Chișinău. În toamna anului 1918 Șt. Ciobanu este ales membru titular al Academiei Române. Timp de 10 ani activează ca profesor de limba română și director al liceului „Aleco Russo” din Chișinău, alți 12 – în calitate de conferențiar la

Facultatea de Teologie a Universității din Iași cu sediul la Chișinău. Din 1938 este profesor titular la catedra de istorie a literaturii române vechi de la Facultatea de Litere și Filosofie a Universității din București. Din 1942 până în 1948 (anul „reorganizării” comuniste) Ștefan Ciobanu a fost vicepreședinte al Academiei Române. Se stinge în februarie 1950, cu securitatea la poartă, după mărturisirea ficei sale.

Cel de-al doilea subcapitol cuprinde analiza și prezentarea (ilustrată prin poze și planuri) a caselor particulare și clădirilor obștești (școli, farmacii, prăvălii, brutării etc.) de la Talmaza.

Urmează apoi *Glosar toponimic*, ce include nume de văi (Valea Adâncă, Valea Cănică, Valea Dinei, Valea Moș, Valea Oitei, Valea Părului, Valea Popii ș.a.), câmpii (Alțița, Arpintea, Frasânul, La Căzâl, La Fântâna Țăganului, La Hârlău, La Sărături, Știubei ș.a.), de ape (Nistrul cel Mare, Nistrul cel Chior, Gârla Cucului, Gârla Satului, Adana, Bahna Cioroiului, Bătlănița, Balta Florii ș.a.), de fântâni și izvoare (Fântâna lui Buivan, Fântâna lui Donos, Fântâna lui Dogaru, Fântâna Răului, Fântânele Șusmea ș.a.), de dealuri (Chiscu lui Murg, În Deal, La Ruptură, La Hârtoape), râpe (Râpa cei Mare, Râpa lui Cădea, Baba Motrea, Râpa lui Carabulea, Râpa Cheptănărița, Râpa lui Donos ș.a.), porecle de oameni (Crăcănici, Bot Bălan, Văghioi, Cloșcă, Ghiroi, Gâscă, Chișcari, Cal Alb, Boghiță, Țapu, Zgârâie Brânză, Ermocleanu, Slobozeanu ș.a.) cunoscute și utilizate la Talmaza.

Notele bibliografice sunt grupate pe capitole: 83 la cap. I, 160 la cap. II, 261 la cap. III, 75 la cap. IV, 382 la cap. V, 26 la cap. VI și 55 la cap. VII – în total 1042. Impresionează însă nu doar numărul publicațiilor periodice, literaturii și documentelor de arhivă consultate de autor, ci și paleta largă a domeniilor științifice abordate – de la arheologie, geografie, etnografie și istorie (V. Pârvan, N. Iorga, A. Zaščuk, N. Moroșan, C. Brătescu, Șt. Ciobanu, C. Cihodaru ș.a.) la soluri (N. Frolov), floră și faună (I. Junghietu, A. Arvat), toponimie (A. Eremia) și onomastică (M. Cosniceanu).

La finalul prezentării ținem să felicităm autorul pentru publicarea acestui consistent volum, apărut în condiții grafice excelente, care se vede că a fost scris cu mult suflet, pasiune și dragoste față de satul de baștină, cu tenacitate, răbdare, dar și sacrificii. Regretabilele greșeli (comise din cauza lipsei unei redactări finale a textului vol. I) nu diminuează totuși valoarea lucrării. Monografia elaborată de dl Vasile Grosu este o contribuție esențială și o componentă de reală importanță în mozaicul istoriilor localităților noastre rurale, editate în ultimii 20 de ani.

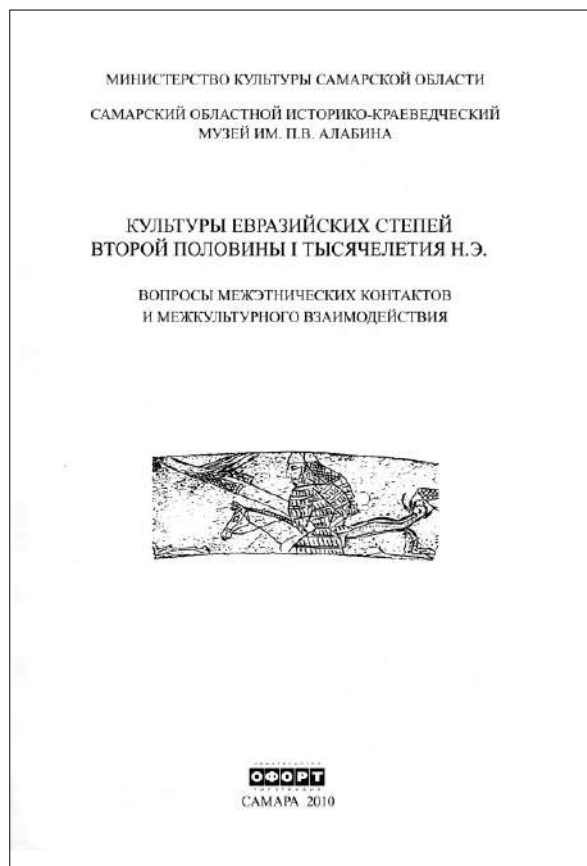
Larisa CIOBANU (Chișinău)

А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков (ред.),
Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Вопросы
межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия,
Изд. ОФОРТ, Самара, 2010, 268. с., ISBN 978-5-473-00653-7

Город Самара является одним из признанных научных археологических центров России. Благодаря стараниям, энтузиазму и кропотливому труду сотрудников Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина здесь регулярно проводятся конференции, объединенные общей проблематикой. Название этой серии международных научных форумов (проводившихся в 1995, 1997, 2000 и 2008 гг.), собирающих исследователей из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы и Средней Азии: «Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.», при этом, на каждом из них рассматривается отдельный пласт материальной или духовной культуры кочевого и оседлого населения. К началу конференций издавались тезисы, по материалам их работы – сборники статей. Сборники материалов вышли в свет в 1996, 1998, 2001 и 2010 гг.

Безусловно, эти тома занимают достойное место среди публикаций, посвященных культуре оседлого и кочевого населения первого тысячелетия новой эры, и заслуживают обстоятельной презентации. Хотелось бы подробнее остановиться на вышедших в свет в 2010 г. материалах IV Международной археологической конференции, рассматривавшей такую актуальную проблематику как «Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия». В сборнике представлены как обобщающие работы, так и публикации результатов недавних археологических исследований, но их объединяет рассмотрение определенных пластов древности в рамках заявленной проблематики.

Исследователь из Челябинска С.Г. Баталов в статье «**Раннетюркские ареалы в системе кочевой цивилизации Евразии**» (с. 3-41), ставит цель очертить границы этнополитических объединений гуннского и раннетюркского времени. По мнению исследователя, начиная с постгуннского рубежа (конец V–VI вв.) евразийское кочевое сообщество вступает в новый этап своего социально-культурного развития, когда его интеграция достигает такого уровня, при котором можно говорить о «кочевой цивилизации Евразии». В ее рамках, на основе сопоставления данных археологических и письменных источников, С.Г. Баталов выделяет целый ряд ареалов. К **гуннским ареалам** были отнесены

следующие: *гунно-болгарский* V (VI)–VIII вв. (в Северо-Восточном Причерноморье и Северо-Западном Предкавказье, ограниченный небольшим новороссийско-анапским регионом), *Кавказская Гунния* IV–VIII вв. (Степной, Предгорный и Прикаспийский Дагестан), соотносимая с данными письменных источников о Прикаспийской Гуннии, *Гуннский Танаис* IV–VI вв. (на Недвиговском городище возможно до VIII в.), *Гуннский Чертовицко-Замятнинский* III–VI вв. (Кривая Лука), *Гуннский именьковский* IV–VII вв. (Волго-Клязьминский регион) и *гуннско-турбаслинский* (Белько-Уфимский регион), *гуннский джетыясарский* (эфталитский) V–VIII вв. (в оазисах дельты Сырдарьи). Таким образом, по мнению исследователя, рассмотренные ареалы в большинстве своем существуют в V–VIII вв., их обитатели связаны с населением, которому принадлежали более ранние памятники II–III вв. При этом на заключительном этапе происходит этнокультурная интеграция постгуннского и раннетюркского населения.

Раннетюркские ареалы были выделены в *урало-казахстанских степях*, где располагался ареал, связываемый, по мнению исследователя, с Западно-Тюркским каганатом. В VIII в. с приходом в регион огузов, кыпчаков – сеянто и восточно-тюркских карлуков происходит этнокультурная трансформация, нашедшая свое отражение, в том числе, и в смене погребального обряда. Несмотря на дисперсное распространение раннетюркских ареалов в *восточноевропейских степях*, С.Г. Баталов предлагает выделять два основных ареала – *причерноморский* и *поволжский (хазаро-болгарский)*. В VI – первой половине VII в. существование причерноморского ареала напрямую связано с Тюркским каганатом и Великой Болгарией. Его население автор определяет как гунно-болгарское (утигуры, кутригуры, сарагуры, уроги, оногуры, пришедшие из Юго-Западного Алтая и Центральной Азии, а также вернувшиеся вместе с гуннами из центрально-европейских походов). В конце VII–VIII вв. идет его включение в орбиту Хазарского каганата. В результате распада Великой Болгарии, сопровождавшегося оттоком болгарского населения, и хазарской экспансии культура крымского ареала претерпевает изменение. Отдельно выделен *Днестровско-Донской* ареал, отнесенный исследователем ко второй половине VI – первой половине VII вв.

Много внимание в работе уделено рассмотрению историографической ситуации, касающейся определения территориальных и хронологических рамок бытования *аварского ареала*. Хронологические рамки существования данного объединения определены как 568–780 гг., рассмотрена динамика изменения особенностей погребального обряда. При этом исследователь приходит к выводу, что принципиальные составляющие погребального обряда – широтная ориентировка погребенных, простые могильные ямы, захоронение коня или его шкуры соотносит его с традициями восточноевропейских тюркских ареалов. При этом (особенно среди предметов вооружения и конской сбруи) выделяется целый пласт заимствований, в том числе и из регионов Китая и Кореи. Кроме того, на набор предметов вооружения и конской упряжи, так же как и на формирование комплексов ременной упряжи и ювелирного убора оказали значительное влияние и традиции Византии, культура кочевников восточноевропейских степей и собственно аварский культурогенез.

Останавливается исследователь и на вопросе о приходе в конце VII в. в Карпатский регион новой группы населения и о гипотетической

связи ее с оногурами-уграми и на проблеме сложения венгерского культурогенеза в рамках позднеаварского периода. От дискуссии по поводу венгерской «праистории» и «двойного обретения Родины», С.Г. Баталов переходит к вопросам степного этногенеза, который шел, по его мнению, от близкородственных сообществ (нуклеарный этнос) через праэтнический горизонт к формированию народов. Данный процесс шел внутри Кочевой цивилизации на фоне общетюркского, угорского и, вероятно, палеоиранского единства. При этом, что касается позднеаварской и поставарской культуры отмечается ее развитие именно в рамках антропо-культурогенеза и высказывается предположение, что завершение мадьярского этногенеза было задержано на период около столетия. Тем не менее, автор отмечает, что к середине VIII в. на территории протяженной «степной кромки», идущей от Иртыша до Дуная формируется собственно мадьярский историко-культурный горизонт.

В работе томской исследовательницы Л.М. Плетневой «**Томское Приобье во второй половине I тыс. н.э.**» (с. 42–43) рассматривается этнокультурная ситуация в Томском Приобье во второй половине I тыс. н.э. В этническом плане население относится к угро-самадийцам или самадийцам. На рассматриваемой территории представлены материалы, относимые исследователями к древностям верхнеобской и релкинской культур, характеризующихся скотоводческо-земледельческим характером, развитым железоделательным производством и строительством мощных укреплений. Во второй половине I тыс. н.э. исследователями отмечается проникновение на данную территорию представителей тюркского этноса. Во II тыс. здесь формируется группа тюркских татар, в языке которых сохранились компоненты, восходящие к древнетюркской основе.

В исследовании А.В. Распопова (Самара) «**Вопросы этнокультурной истории лесостепного Поволжья второй половины I тыс. н.э. и миграция населения**» (с. 45–49) дается характеристика трех волн кочевников последней четверти I тыс. н.э., отмечающихся в Поволжском регионе. Приток населения с юга Восточной Европы в лесостепное Поволжье начинается со второй половины VII в., что связано, по мнению исследователей, с созданием Хазарского каганата и распространением его влияния на юге Восточной Европы и последовавшим за этим переломом кочевий. При этом наиболее заселенным регионом лесостепного Поволжья становится внутренняя часть Самарской Луки. Здесь выде-

ляется группа подкурганных погребальных памятников (характеризующихся наличием камней в насыпи), за которыми закрепилось название памятники новинкинского типа. Как культурная принадлежность, так и хронология данных памятников до сих пор остается дискуссионной. С юго-западным импульсом в поволжском регионе связывается и весьма выразительный Шиловский погребальный комплекс, этнокультурная интерпретация которого также сопряжена со сложностями. Исследователь предлагает для данных памятников название «памятники раннеболгарского времени» с учетом полиэтничности рассматриваемых регионов.

Столь же проблемной представляется и интерпретация культурной принадлежности именковской культуры, хронология миграции на ее территорию этнокультурных групп с юга Восточной Европы, а также дальнейшая судьба этой культуры в основном ее ареале с одной стороны, и ее роль в формировании волынцевских древностей Среднего Поднепровья с другой. По всей видимости, большая часть именковского населения мигрировала из южной Лесостепи Поволжья не позднее рубежа VII–VIII вв., памятники VIII в. на данной территории уже принадлежат смешанному населению.

Время существования памятников новинкинского типа на Самарской Луке ограничивается третьей четвертью VIII в. В период второй половины VIII – первой половины IX в. в лесостепном Поволжье представлено ряд погребальных памятников, оставленных группами населения, вероятно, имеющими юго-западные истоки. К наиболее значимым относится Второй Больше-Тарханский могильник, в котором традиционно выделяется как болгарский компонент, так и близкий к прикамским древностям неволинской археологической культуры. Вопрос о выделении хазарских и венгерских памятников остается открытым и дискуссионным. С конца X в. этнокультурная ситуация в Поволжской лесостепи приходит к относительной стабилизации, значительных миграций на ее территорию не отмечается, начинается процесс формирования этноса волжских болгар.

В статье Ю.А. Мотова (Алма-Аты, Казахстан) «**К истории появления древнетюркских каменных оград**» (с. 54–56) на основании исследования погребально-поминального комплекса, расположенного на территории поселка Алатау, ставится вопрос о степени вклада юэджей в культуру тюрок Семиречья.

Вопросам исследования древнетюркских погребально-поминальных памятников посвя-

щена и работа новосибирских археологов Г.В. и В.Д. Кубарова «**О результатах исследования древнетюркского погребально-поминального мемориала в долине р. Хар-Яматын-Гол (Монгольский Алтай)**» (с. 57–63). Международная монгольско-корейско-российская экспедиция проводила раскопки поминального сооружения, принадлежащего, по всей видимости, древнетюркскому аристократу, а также двух древнетюркских курганов. Именно с регионом Монгольского Алтая исследователи склонны связывать наиболее древний период истории и этногенеза тюрок. Поминальный мемориал с валом и рвом маркирован одним из самых редких изваяний, известных на территории Монголии. Древнетюркские курганы составляли единый комплекс с поминальным сооружением. Особенностью конструкции курганов (вероятно, предназначенных для парного мужского и женского захоронения) являлось возведение каменного кольца в основании насыпи. Кроме того, с восточной стороны кургана №8 было исследовано девять поминальных колец, огибавших курган полукругом. Поминальный комплекс кроме мужского, возможно, содержал и женское изваяние (фрагменты еще одной скульптуры были найдены при обследовании).

В статье «**Катакомбное захоронение в могильнике Кич-Малка I близ Кисловодска**» (с. 57–72) Д.С. Коробов (Москва) представляет результаты раскопок 2007 г. Катакомбный могильник располагался неподалеку от укрепленного поселения. Памятник подвергся разрушению, была доследована уцелевшая камера №1. В камере находились останки не менее 9 человек, анатомический порядок не прослеживался, по всей видимости, при совершении захоронений, более старые погребения отодвигались вглубь катакомбы. Судя по половозрастным характеристикам захороненных, катакомба являлась семейным склепом и содержала парное захоронение и погребения семи детей. Вещевой комплекс представлен достаточно многочисленными бусами, амулетами, колокольчиком, небольшими зеркалами, серьгами с вертикальными подвесками, деталями поясных наборов, литыми пуговками и, по мнению исследователя, имел длительный период формирования. По мнению автора публикации, материал данного погребального комплекса может быть датирован рубежом VII – VIII – первой половиной VIII в. то есть временем, предшествовавшим прекращению совершения катакомбных захоронений в Кисловодской котловине.

Антропологический материал из раскопок этого погребального комплекса представлен в ра-

боте Н.Я. Березиной **«Антропологический материал из раскопок могильника Кич-Малка I»** (с.с. 73–75).

Материалы еще одного кавказского могильника представлены в следующей статье: Д.С. Коробов, А.А. Калиева **«Могильник Конхуторский 2 близ Кисловодска»** (с.с. 76–92). Могильник расположен в непосредственной близости от четырех раннесредневековых укреплений. В 2007 и 2008 г. производилось исследование пяти катакомб, все они оказались ограбленными. Камеры имели овальную форму и располагались перпендикулярно дромосу. В кат. 1 и 2 сохранились заклады входа в камеру, судя по всему, камеры земель не забивались. Была выявлена черта погребального обряда, характерная для захоронений, исследованных в Кисловодской долине – наличие ниш в стенках камер. Из-за разграбленности захоронений погребальный инвентарь представлен весьма фрагментарно. Это несколько серег (бронзовая калачиковидная, две золотые с пирамидками зерни, сцепленные дужками, и, возможно, являвшиеся заукокойными дарами, несколько фрагментов серег с шариками зерни, выполненных из белого металла), две бронзовые и две железные фибулы, два фрагмента железных пряжек, пуговка-застежка, фрагмент кольчужной сумочки, бронзовые бляшки-накладки. Кроме того были найдены: серия из 17 бронзовых полусферических нашивных бляшек, бусы и бисер, керамические сосуды и их фрагменты. По мнению исследователей, несмотря на скудность материала, он позволяет в целом датировать катакомбы в пределах VI – второй половины VII вв. При этом, наиболее ранняя первая катакомба может быть отнесена и к V в. Наиболее поздней является катакомба №3, где была найдена накладка с имитацией стиля «клуазоне», возможно датируемая рубежом VII–VIII вв. Данный некрополь был интерпретирован как родовое кладбище алан, занимавших с середины V по конец VII вв. укрепленное поселение Зуретинское, расположенное неподалеку.

Вопросу изучения погребальных памятников, их хронологии и этнической интерпретации посвящена и работа украинского исследователя из Днепропетровска М.Л. Швецова **«Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье в IV–VIII вв.»** (с.с. 93–102). В работе вводится в научный оборот материал из разрушенного погребения, собранный в у с. Новогригорьевка Волноваховского района Донецкой области. Предпринимается и попытка определения этнической принадлежности погребенного. Кроме того дается и характеристика близлежащих

памятников, известных в литературе как «памятники зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры». На основе анализа данных пеньковских (Новогригорьевка) и салтовских (Старица, Зливки, Маяки) памятников рассматривается этническая ситуация в Приазовье. Новогригорьевский комплекс содержал две бронзовые пальчатые фибулы с циркульным орнаментом, два медных проволочных браслета, три медные проволочные височные серьги с кубическими бусинами, маленькую железную В-образную пряжку, фрагменты лепных округлобоких горшков. По мнению автора, хронологически материалы данного погребения укладываются в период середины I тыс. н.э., фибулы могли бытовать и в более позднее время до VI в. Кроме того, исследователь анализирует и вещи, сохранившиеся от Ясиноватовского погребального комплекса (серебряная антропоморфная фибула, серебряная звездовидная серьга с псевдозернью, железный втулчатый наконечник стрелы).

Приведены в работе и материалы из поселения Старица, расположенного на левом берегу старого русла Северского Донца в одном километре от с. Богородичное Славянского района Донецкой области. На поселении исследованы как полуземлянки, так и круглые юртообразные (?) жилые сооружения, а также, каменные сооружения с ямами-кострищами, возможно, имевшие сакральное назначение. Данные памятники автор относит к кругу древностей пеньковского облика. Истоки их появления в бассейне Донца исследователь относит к эпохе переселения народов. Опираясь на наличие сходных древностей в ранних слоях праболгарских памятниках типа Зливки и Маяки, автор делает вывод как о широком их территориальном распространении, так и о длительном бытовании вплоть до начала VIII в.

В работе А.А. Иванова (Ростов-на-Дону) **«Ритуальное захоронение коня с Крымского городища»** (с.с. 103–105) представлены материалы достаточно редкого для памятников салтово-маяцкой культуры Нижнего Подонья конского погребения. Исследованный комплекс был атрибутирован как захоронение конской шкуры (или чучела) с предметами конского убора (стремя, удила), совершенное на поселении. Никаких следов человеческих захоронений выявлено не было. Найденные детали упряжи коня характерны для круга салтовских и кочевнических памятников X в.

Казанский исследователь К.А. Руденко в работе **«Тетюшское II городище имениковской культуры. Проблемы датирования»** (с.с. 107–111) представляет результаты исследования дан-

ного многослойного поселения. Вскрыты слои относящиеся к XV–XIX, XI–XIV вв. (булгарский период) и слой VI–IX вв. с материалами именниковской и кушнаренковской культур. Слой, маркированный находками древностей азелинской культуры датируется III в. до н.э. – V в.н. э. Слой, относящийся к раннему железному веку датируется к IX–VII вв. до н.э.

Первый вал городища был сооружен в эпоху раннего железа, подвергался подправке в азелинское время. Новое поселение именниковской культуры первоначально было неукрепленным. Со временем, после сильного пожара, были возведены деревянные конструкции из частокола и подрезан слой оврага, а также устроена сеть волчьих ям. Однако, система укреплений на этом участке прослеживается с трудом, так как они были скрыты в булгарское и последующее время.

В сборнике представлена и целая серия работ самарских исследователей. Так, в работе **«О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье»** (с. 118-127) Д.А. Сташенков анализирует материалы из раскопок поселенческих и погребальных памятников хазарского времени. Автором выделено четыре группы погребальных памятников:

1) курганные и курганно-грунтовые могильники конца VII – середины VIII вв. Самарско-Симбирского Поволжья (памятники новинковского типа, Шиловский и Березовский курганный могильники);

2) курганные могильники второй половины VIII–IX вв. Симбирского Поволжья (Кайбельский, Урень II);

3) грунтовые могильники VIII–IX вв., исследованные преимущественно на территории Татарстана (такие известные памятники, как Больше-Тарханский, Большетигинский, Танкевский);

4) разрозненные погребения преимущественно мадьярского круга IX в. (окрестности г. Самары, с. Немчатка, Палимовское погребение).

Ставятся в работе и вопросы о датировке и этнокультурной атрибуции кратковременных поселений хазарского времени на территории Самарской и Ульяновской областей. При этом было выделено четыре группы памятников: 1) памятники Ульяновского левобережья Волги (Чертов городок); 2) памятники Ульяновского правобережья Волги (Абрамовское селище, Новослободское городище); 3) памятники Самарской Луки (Северюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII, Жигулевское, Кармалинское селище); 4) памятники Самарского левобережья Волги (Пролетарское городище, селище Власть Труда). Данные поселения

датируются в основном не ранее второй половины VIII–IX вв. и являются сезонными стойбищами или ремесленными поселками. При этом курганные и курганно-грунтовые «раннеболгарские» могильники с рассматриваемыми поселениями не связаны. Поселения хазарского времени в Среднем Поволжье оставлены различными группами населения: близким к салтово-маяцкому, славянским, угорским. Выделенные четыре группы поселений, по всей видимости, оставлены разнотипным населением. Свидетельств достоверных контактов с предшествующим именниковским населением не было выявлено.

Тематику изучения памятников Самарской Луки продолжает и статья Л.А. Вязова, И.А. Нерушана **«Исследование поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг.»** (с. 128-146). В результате исследования селища было раскопано несколько сооружений, собрана представительная подборка лепной и гончарной керамики. Материалы, выявленные в ходе исследования, позволяют датировать это поселение VIII–X вв., отнести его к кругу памятников периферии салтово-маяцкой культуры и предположить связь его обитателей с населением Хазарского каганата. Древности Самарской Луки демонстрируют процесс этнокультурного взаимодействия оседлых (вероятно, славянских) и степных кочевых коллективов, мигрировавших из районов Подонья.

В работе исследователя из Слободзеи (Румыния) Э. Корбу **«An hypothesis about dwellings from early middle-age settlements (9th – 11th) from Romania»** (с. 147-154) рассмотрены данные о 42 печах-канах, исследованных на поселениях половины IX–XI вв. в Румынии. Автор анализирует особенности конструкции и планиграфии печей, топографические и хронологические связи между особенностями расположения жилищ и хозяйственных построек. Подобные печи, состоящие из предпечной ямы и очага, встречаются как на городских, так и сельских поселениях. Между датировкой построек и печей могут существовать хронологические различия. Не исключено использование этих печей не только для приготовления пищи, но и в ремесленных целях. Исследователь выдвигает предположение, что подобные печи, расположенные вне сооружений, могли принадлежать печенегам и сопровождать их юртообразные жилища.

Представлены в данном сборнике и статьи, посвященные вопросам хронологии отдельных категорий инвентаря. Так, в работе самарского археолога А.В. Богачева **«В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжка-**

ми предгеральдических форм» (с. 155–168) рассматривается состав и хронология комплексов с подобными застежками в Поволжско-Приуральской лесостепи. Основываясь на достаточно представительной выборке материала, исследователь выделяет особую предгеральдическую группу пряжек, относимую им к третьей четверти VI в. Некоторые из этих пряжек входили в состав поясных гарнитур, другие, вероятно, служили застежками для обуви, часть украшало конскую сбрую. Исследователь рассматривает морфологические и конструктивные особенности В-образных пряжек из Среднего Поволжья, а также аналогичные находки из среднего Прикамья, Южного Приуралья, Северного Кавказа, Приаралья и Южнорусских степей. По мнению А.В. Богачева, начальный момент перемены моды на поясные украшения в Волго-Уралье фиксируют комплексы Бирск, п. 18 и Коменгерн-П п. 43, а наиболее поздними являются такие памятники как Алтынсар п. 349, Армиево п. 191, Поболотье п. 186, маркирующие уже переход к собственно «геральдическому стилю». Среди инвентаря рассмотренных комплексов представлены вещи, встречающиеся практически во всех регионах, а также характерные лишь для какой-то определенной этнической среды.

Автор приходит к мнению, что геральдический стиль формировался не одномоментно, его основы закладывались в третьей четверти VI в., а во второй половине VI в. новый (геральдический мотив) придал изделиям стилистически законченный вид.

Безусловно, пристального внимания читателей заслуживает и скрупулезное исследование киевского археолога А.В. Комара **«К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников среднего Поволжья»** (с. 169–206). Автор отмечает, что в последнее время в археологической литературе одними из весьма дискуссионных моментов являются проблемы раннесредневековых кочевнических памятников юга Восточной Европы, вопросы времени появления на Волге булгарского и родственного ему населения. В статье рассмотрена история изучения памятников новинковского типа, представлены основные концепции исследователей (Г.И. Матвеева, Е.П. Казаков, А.В. Богачев, И.О. Гавритухин, Д. А. Сташенков, Н.А. Лифанов), касающиеся вопросов хронологии и этнической принадлежности памятников Среднего Поволжья VII–VIII вв. Особое внимание уделяется таким значимым памятникам, как новинковские курганы, Брусняны, Шиловские курганы. Касается автор и вопросов методики археологического ис-

следования, особенно в плане выделения «культурных горизонтов», а также синхронизации древностей Восточной и Центральной Европы.

Уделено в работе большое внимание и вопросам датировки так называемых «геральдических» ременных наборов, в том числе и синхронизации находок из степных регионов, Поволжья, Кавказа и Приуралья.

В качестве одного из опорных памятников, рассмотрены материалы первого Шиловского кургана. Представлен широкий круг аналогий бронзовой византийской пряжке с U-образным щитком из этого погребального комплекса. При этом исследователь приходит к выводу, что рассматриваемый экземпляр был изготовлен путем оттиска деталей разобранный пряжки, причем не непосредственно с византийской пряжки, а с ее копии. Еще одна шарнирная пряжка из этого кургана отлита из латуни при помощи восковой модели, выполненной с неразобранной пряжки-образца, технологическая схема ее изготовления подробно смоделирована автором. При этом специфические особенности пряжки, возникшие при отливке ее язычка, позволили исследователю выделить группу пряжек, характерных именно для древностей Хазарского каганата, а в Прикамье аналогичные вещи считать «восточным» импульсом. Близки к шиловской находке и пряжки из п. 2, к. 2 Саловского IV могильника, а также целый круг вещей с территории Венгрии, Болгарии и Украины. Третья шиловская пряжка бронзовая с позолотой амальгированием и вставкой горного хрусталя и является копией византийской шарнирной пряжки, очень близкой к находкам из раннесалтовского горизонта (однако, не инкрустированным). В Шиловском кургане представлен и поясной наконечник с инкрустациями хрусталем и стеклянными вставками. По мнению исследователя, все три пояса из Шиловки представляют собой «варварские» копии с византийских образцов со специфической местной переработкой и принадлежали к захоронениям ребенка, девушки и взрослого мужчины. Мужское захоронение было отнесено к периоду формирования раннесалтовского культурного комплекса, комплекс женских украшений маркирует «поствознесенский» этап, к «горизонту Вознесенки» с некоторыми оговорками было отнесено детское захоронение.

От анализа материалов 1 Шиловского кургана исследователь обращается к рассмотрению поясных наборов Среднего Поволжья, эволюции развития салтовских поясных наборов, отмечая, что она шла по линии адаптации сложных византийских прототипов к простым техническим на-

выкам салтовских ремесленников. Уделено место и уточнению датировки «брусянского» этапа новинковских комплексов, а также раннесредневековых комплексов Поволжья в целом.

Много внимания уделено и датировке горизонта Вознесенки, характеризующегося, по мнению исследователя, ярким «византийско-варварским» симбиозом. Несколько позже (в начале VIII в.) византийское влияние предстает в более чистом виде, что находит свое отражение в горизонте Шиловки. При этом византийское влияние достигает своего максимума в раннесалтовском горизонте. Исследователь отмечает, что этот максимум приходится на период правления тестя византийского императора Константина V, кагана Вирхора (730–750 гг.), затем, после 761 г. это влияние идет на спад и происходит трансформация культуры к «классическому» салтовскому облику.

Рассматривается исследователем и динамика распространения восточных «катандинских» поясов. Весьма интересной представляется и предложенная автором схема распределения кочевнических комплексов Среднего Поволжья VII–VIII вв., учитывающая как период их формирования, так и время археологизации, позволяющая перейти на следующий уровень обобщений по поводу этнополитической ситуации с Среднем Поволжье в VII–VIII вв.

К концу вознесенского этапа относятся наиболее ранние новинковские курганы, маркирующие переселение, совершившееся около 710 г., т.е. ко времени завершения аvarами «крымской компании». В 30–40 гг. на Самарской Луке появляются первые группы волжских болгар, около 780–790 гг. «самарская» группа кочевников исчезает. Таким образом, существование памятников новинковского типа автор относит к промежутку 710–790 гг.

Последующие переселения болгарских и хазарских племен внутри каганата приводят к появлению «черных болгар» в степном Подонье, переносу центра каганата в Атиль, усилению Волжской Булгарии и исчезновению «самарской» группы, выполнившей свою роль пограничного отряда.

Несколько работ посвящено истории оружия. Венгерский автор из Будапешта Г. Чики в работе **«Сабли аварского периода в Карпатской котловине: вопросы типологии»** (с. 207–216), подходу к вопросам типологического деления холодного клинкового оружия, подробно рассматривает мнения предшественников (Й. Гампел, Д. Ласло, Л. Шимон, Е. Гарам и др.). Отмечая, что в вен-

герской литературе термин «сабля» применяется и к саблям и к палашам, Г. Чики под саблями предлагает понимать оружие с изогнутым клинком, поперечным сечением, как правило, прямоугольным или треугольным и выпуклыми боками. Время распространения сабель рассматриваемых типов он ограничивает VII – началом IX в. (со среднеаварского периода, до конца времени, когда оружие есть в аварских могилах). Постепенное сокращение количества находок, по мнению автора, может быть объяснено как изменением погребального обряда, так и разрушением могил с оружием. При классификации сабель Г. Чики как основные выделяет такие признаки, как кривизна клинка, характер перекрестья и елмана. Он отмечает, что различные типы сабель появляются в Карпатской котловине в разное время, при этом выделяются различные переходные типы между палашами и саблями. После военной реформы VII в., в течение VIII в. произошли изменения в вооружении авар. В позднеаварское время развитие сабли в Карпатской котловине шло параллельно с ранним этапом салтово-маяцкой культуры.

В работе болгарского исследователя В. Йотова (Варна) **«Ранние сабли (VIII–X вв.) на Нижнем Дунае»** (с. 217–225) рассмотрены находки сабель происходящих из могильников (первая группа), а также с поселений и из случайных находок (вторая группа). Автор отмечает, что погребальный обряд и находки из рассмотренных могильников аналогичны представленным в раннеболгарских памятниках VIII–IX вв., известных на территории Украины и России. Сабли, представленные на поселениях и в качестве случайных находок, близки к «хазарским саблям», известным из салтовского могильника и Северного Кавказа в VIII–IX вв. Во второй половине IX – начале X в. подобное оружие получает распространение на Нижнем Дунае, попадая сюда с болгарскими, возможно во время второй волны переселения, произошедшей после гражданской войны в Хазарском каганате во второй половине IX в. и особенно после печенежского нашествия в последней четверти IX в. По мнению автора, рассмотренные сабли можно выделить в «болгарский» тип.

Болгарские авторы Б. Тотев (Добрич) и О. Пелевина (Варна) в статье **«Звериный стиль» в языческом искусстве Дунаской Булгарии** (с. 226–243) обращаются к истокам орнаментальных мотивов на предметах поясной гарнитуры VIII вв. Рассмотренные в статье изделия декорированы специфическим орнаментом, включающим в себя сцену борьбы мифических

хищников (драконов) за зайца и растительные мотивы (вьющиеся побеги, пальметты). Данная орнаментация находит параллели на согдийских металлических сосудах VII–VIII вв. Подобный стиль оформления был популярен и у дунайских болгар. В отличие от аварских предметов торевтики, где в основном представлены орлиноголовые грифоны и лани, в болгарских памятниках встречаются драконы и зайцы. Подобные изображения, а также образы хищной птицы, терзающей животного, единичные изображения реальных и фантастических зверей складываются в специфический болгарский звериный стиль, возникший на территориях, прилегающих к Дунаю под влиянием различных культурных традиций.

В работе венгерских авторов Л. Бенде, Т. Леренци и А. Тюрк (Будапешт) **«Индивидуальный тип предметов в археологическом материале X–XI вв. Карпатской котловины и его салтовские параллели»** (с. 244–254) рассмотрены находки необычных предметов, выполненных из скрученной проволоки и оканчивающихся подпрямоугольными петлями. Вне Карпатской котловины подобные изделия встречаются в памятниках салтовской культуры, в Шестовице, и в Скандинавии. Их зачастую находят в погребениях с конем, что может служить одним из аргументов в реконструкции их предназначения как деталей бича (нагайки, плети).

В статье российских исследователей Е.А. Беговатова, О.А. Кашиной (Казань), А.Ф. Кочкиной (Самара) **«База знаний на сайте «Археологического музея Казанского Университета»**» (с. 255–266) представлены наработки, полученные при применении методов информационных компьютерных технологий в археологии. В частности при решении задач идентификации археологических экспонатов с помощью клиент-серверного приложения на сайте археологического музея КГУ.

Таким образом, проблематика сборника многогранна: миграции и определение этнокультурной принадлежности групп населения, проблемы датировки и атрибуции (как археологических комплексов, так и отдельных категорий вещей), изучение специфики погребального обряда и инвентаря, вопросы методологии археологического исследования, использования информационных технологий. Материалы, собранные под одной обложкой дают возможность взглянуть на некоторые спорные вопросы археологии и истории I тыс. н.э. как бы с разных сторон, вникая в точки зрения специалистов, зачастую высказывающих весьма различающиеся дискуссионные взгляды и суждения. Безусловно, данная подборка материалов позволяет сделать новый шаг в исследовании многих дискуссионных проблем в истории и археологии Евразии во второй половине I тыс. н.э.

Светлана РЯБЦЕВА (Кишинэу)

CÂTEVA STUDII INTERDISCIPLINARE REFERITOARE LA ISTORIA ALIMENTAȚIEI MEDIEVALE¹

Problema reconstituirii istoriei și culturii alimentației din Moldova în perioada evului mediu nu a constituit o preocupare de cercetare sistematică în istoriografia românească, astfel încât avem încă o imagine destul de vagă și confuză asupra regimului alimentar al locuitorilor acestui spațiu, a locurilor de desfacere a alimentelor, a ustensilelor folosite în bucătărie și a modului de preparare a hrănilor, a ritmului și compoziției meselor la curtea domnească, în casele boierești sau în cele ale oamenilor simpli, în așezămintele monahale etc. În istoriografia occidentală însă se constată un nivel înalt de cunoaștere a problemelor legate de istoria alimentației populației medievale din spațiul european, o abordare interdisciplinară, profundă și complexă, a numeroase aspecte ale acestei teme.

Una dintre primele lucrări de sinteză privind istoria alimentației în Europa a fost publicată încă în anul 1926 (tradusă și în limba franceză în 1932) de către A. Maurizio, căruia i se datorează elaborarea unei istorii a alimentației vegetale (Maurizio 1932). Această sinteză a fost apreciată de către marele istoric francez Fernand Braudel drept o capodoperă, scriind, la câteva decenii de la apariția acesteia, că este o lucrare clasică, a cărei lecție pentru istorici rămâne valabilă, utilă, indispensabilă (Braudel 1961, 727).

O etapă istoriografică importantă în cercetarea istoriei alimentației medievale se anunță la începutul deceniului al șaptelea al secolului trecut, când, prin intermediul cunoscutei reviste franceze *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, a fost lansată o dezbatere științifică consacrată vastului domeniu al vieții materiale. Atunci, în anul 1961, Fernand Braudel recunoștea faptul că istoriografia domeniului vieții materiale a vechilor comunități nu cuprinde decât descrieri mai mult sau mai puțin sigure și cronologii destul de incerte ori reluări ale unor aspecte comune, propunând un program de cercetare, care să fie orientat spre inventarierea surselor și a datelor existente, detectarea izvoarelor inedite, studiind dacă există posibile serii de surse; stabilirea unor metode de analiză, punerea accentului pe interpretări concrete, particulare, în speranța ca generalizările și abstracțiile să se facă în ultimul stadiu al anchetei/cercetării (Braudel 1961a, 545-549). Pentru explorarea vastului domeniu al vieții materiale, Fernand Braudel identifica cinci

mari sectoare de studiu, primul fiind alimentația, alături de locuință și vestimentație, nivelul de viață, tehnicile și datele biologice (corpul), toate relevând anumite obișnuințe, moșteniri, lucruri de durată. Totodată, el ne arată care sunt avantajele și necesitatea metodei regressive.

În această dezbatere, Fernand Braudel este urmat de un alt cunoscut istoric al Școlii Analelor Robert Philipe, care îndeamnă să se înceapă cu cercetarea istoriei alimentației, arătând vastitatea domeniului, multiplele căi deschise pentru cercetare și necesitatea utilizării numeroaselor date ale științelor actuale și interpretarea cu prudență a acestora (Philipe 1961, 549-552). Cunoscutul istoric ne indică obligațiile cercetătorului care se ocupă de istoria alimentației: să țină cont de rezultatele cercetărilor actuale și plecând de la acestea să calculeze, recalculeze, să cartografieze, revenind de fiecare dată la rezultate, cifre, localizări.

Implicându-se în aceeași dezbatere, Robert Mandrou, una dintre vocile importante din istoriografia franceză, ne prezintă o posibilă schemă de analiză și reconsiderare a unor mărturii istorice și a unei ipoteze de lucru, având ca bază lucrarea lui Wilhelm Abel din anul 1937 (Abel 1937, 411-452), autor care dezvoltă o cercetare mai veche referitoare la consumul cărnii în Germania medievală și modernă, semnată la 1871 de Gustav Schmoller (Schmoller 1871, 284-362).

În continuarea aceleiași anchete istoriografice, Fernand Braudel revine cu îndemnul de a cerceta sectorul de istorie a alimentației, fără grabă, pas cu pas, în toată complexitatea sa, relevând câteva elemente importante ale acestei imense teme: plantele hrănitoare și cele „călătoare”, animalele, vasele și ustensilele de bucătărie ș.a., insistând asupra necesității scrierii unei istorii complexe, nu numai a unei istorii a pâinii sau a vinului, însă o istorie simultană a acestor asociații (regimuri) alimentare, fiind vorba despre o „asamblare” a elementelor și bazată pe cercetări comune ale istoricilor, geografilor, antropologilor etc. (Braudel 1961, 723-728).

În cadrul aceleiași debateri europene, în anul 1962 apare lucrarea polonezului Andrzej Wyczański referitoare la alimentația din Polonia în secolul al XVI-lea (Wyczański 1962, 318-323), în care istoricul începe prin a arăta că sursele unei

¹ Textul a fost elaborat în cadrul Proiectului POSDRU/89/1.5/S/49944 - Dezvoltarea capacității de inovare și creșterea impactului cercetării prin programe post-doctorale.

asemenea cercetări nu diferă de cele folosite pentru reconstituirea istoriei alimentației din alte țări, acestea fiind condicile de cheltuieli și registrele unor colectivități (spitale, mănăstiri, curți), documentele referitoare la comerț, listele de provizii din castele sau case boierești, și, de asemenea, literatura de epocă. Analizând informațiile cuprinse în condicile de cheltuieli ale domeniului regal de la Nowe Miasto Korczyn pe anii 1560-1570, istoricul folosește metoda care constă în a întocmi tabloul hrăni consumate pentru a calcula apoi, prin eșantioane cronologice, media consumului de produse dintre cele mai importante, pe persoană și pe zi, iar plecând de la această evaluare să facă verificări și să stabilească variațiile în funcție de perioadă și spațiu. El identifică alimentele de origine vegetală, alimentele de origine animală, băuturile și produsele complementare folosite pe acest domeniu, scoțând în evidență și alte aspecte, cum ar fi problema conservării alimentelor și variațiile sezoniere ale alimentației, diferențele dintre hrana locuitorilor de la orașe și a celor din așezările rurale.

În această perioadă au fost elaborate numeroase articole și studii, semnate de istorici de seamă ai istoriografiei europene, cum ar fi B. Bennassar (1961, 728-740), J. Le Goff (1962, 959-961), G.C. Haupt (1962, 84-93), J.-L. Flandrin (1983, 369-401) ș.a. Totodată, perioada anilor '80 ai secolului trecut se caracterizează prin apariția unor lucrări consacrate problemei resurselor alimentare. O sinteză referitoare la istoria sării, tehnicilor și mentalităților determinate de producerea și comercializarea acesteia a fost elaborată de J.-Fr. Bergier (1982).

În ultimele decenii, cercetătorii europeni au elaborat numeroase monografii și sinteze consacrate istoriei alimentației în Europa medievală, cum ar fi următoarele: J.-L. Flandrin, M. Montanari, *Histoire de l'alimentation* (1996), M. Carlin, J.T. Rosenthal (ed.), *Food and Eating in Medieval Europe* (1998), M. Dembińska, W.W. Weaver, *Food and drink in medieval Poland: rediscovering a cuisine of the past* (1999), M. Bruegel, B. Laurieux (ed.), *Histoire et identités alimentaires en Europe* (2002), M.W. Adamson, *Food in medieval times* (2004), K. Albala, *Cooking in Europe, 1250-1650* (2006) ș.a.

În ultimii ani, lucrările consacrate istoriei alimentației medievale, care apar în istoriografia occidentală, aparțin atât istoricilor și arheologilor medieviști, cât și grupurilor de cercetători care reprezintă anumite domenii conexe științei istorice. În această conjunctură, arheologia este disciplina care folosește și dialoghează într-o

manieră destul de fecundă cu științe, cum ar fi biologia, antropologia, etnologia ș.a. în abordarea interdisciplinară a diverselor categorii de surse în vederea reconstituirii diferitor aspecte ale istoriei și culturii alimentației medievale.

Un exemplu în acest sens este studiul semnat de Tanja Märkle, *Nutrition, aspects of land use and environment in medieval times in southern Germany: plant macro-remain analysis from latrines (late 11th-13th century A.D.) at the town of Überlingen, Lake Constance* („Vegetation History and Archaeobotany”, 14, 2005, 427-441), consacrat problemei evoluției regimului alimentar al populației din Germania medievală. Autoarea scoate în evidență importanța studierii compoziției umpluturii din latrine, gropi menajere, depozite etc. pentru reconstituirea alimentației locuitorilor din așezările urbane și rurale în perioada evului mediu, având în vedere și numeroasele date arheobotanice, colectate din siturile arheologice atât din Germania, cât și din Elveția. În această lucrare, Tanja Märkle ne prezintă rezultatele analizei a 17 probe arheobotanice, prelevate din șapte latrine datate în perioada secolelor XI-XIII, descoperite în situl medieval de la Überlingen, sit amplasat în sudul Germaniei, pe malul lacului Constance. Probele prelevate din aceste latrine conțin cantități mici de plante cultivate, precum și semințe și fructe de plante sălbatice, destul de bine conservate. Cele mai multe cereale găsite sunt reprezentate prin grâul spelta/alacul (*Triticum spelta*), urmate de secară (*Secale cereale*). Potrivit rezultatelor determinărilor arheobotanice, locuitorii Germaniei foloseau în alimentația lor plante oleaginoase, precum macul de grădină (*Papaver somniferum*) și inul (*Linum usitatissimum*). Printre fructele consumate în comunitățile medievale germane sunt următoarele: diferite soiuri de prune (*Prunus sp.*), mere (*Malus sylvestris/domestica*), pere (*Pyrus communis*), măceșe/fructe de pădure (*Rubus fruticosus*) și fragi (*Fragaria vesca*). De asemenea, în umplutura latrinelor au fost găsite resturi de smochine (*Ficus carica*), fructe importate din regiunile mediteraneene. În încheierea lucrării, autoarea conchide că investigarea paleo-etno-botanică a umpluturii latrinelor din așezarea medievală de la Überlingen completează într-un mod valoros harta siturilor arheologice cercetate din sudul Germaniei. Datele obținute indică asupra importanței grâului spelta/alacului și secarei în alimentația locuitorilor orașului german în perioada evului mediu. Tanja Märkle aduce în discuție ipoteza, potrivit căreia grâul spelta era folosit mai mult în casele populației mai bogate, întrucât proporția acestuia este mai mare în multe

din latrinele cu structură mai sofisticată. Totodată, analiza datelor arheobotanice au scos în evidență consumul destul de variat de fructe, majoritatea fiind cultivate în gospodăriile orășenești sau în cele din împrejurimile așezării urbane. Autoarea presupune că singura specie de plantă importată ar fi smochinele. Rezultatele arată clar faptul că cercetările efectuate în situri arheologice situate doar la câțiva kilometri distanță unul de celălalt, precum Überlingen, Konstanz și Schaffhausen diferă în anumite puncte esențiale. Spre exemplu, meiul (*Panicum miliaceum*), care este foarte frecvent întâlnit în siturile din sud-vestul Germaniei, a jucat un rol important în orașul medieval Konstanz și, probabil, în Schaffhausen, ceea ce nu pare a fi valabil și pentru populația din Überlingen. În același timp, a fost identificată una dintre plantele foarte dăunătoare pentru culturile cerealiere, și anume, o plantă cunoscută ca iarba vacii (*Vaccaria hispanica*).

Din același domeniu al interacțiunii arheologiei cu botanica face parte și lucrarea elaborată de Ksenija Borojevič *Nutrition and environment in medieval Serbia: charred cereal, weed and fruit remains from the fortress of Ras* („Vegetation History and Archaeobotany”, 14, 2005, p. 453-464). În acest studiu, autoarea prezintă rezultatele analizelor arheobotanice ale resturilor din complexul medieval de la Ras din sud-vestul Serbiei. Probele au fost prelevate în timpul săpăturilor arheologice efectuate în perioada anilor 1972-1984 atât din fortăreața medievală, situată pe un platou (Gradina), cât și de pe suprafața așezării din vale (Podgradje). Probele provin din umplutura unor construcții, datate în perioada secolelor XII-XIII, care conțineau cereale, parțial carbonizate, de grâu, secară, orz, ovăz și mei; resturi de legume și fructe. Ca rezultat al cercetărilor efectuate, autoarea ajunge la concluzia, potrivit căreia alimentul de bază al locuitorilor din acest sit era pâinea din grâu (*Triticum aestivum/durum*), urmată de cea de secară. Ea evidențiază trei probe din complexul cu nr. 50, care, potrivit autoarei, oferă cel mai bun exemplu în ceea ce privește diversitatea culturilor și a modalităților de depozitare a acestora. Autoarea crede că descoperirea boabelor de mei în situl de la Ras reprezintă o mărturie în plus a diversității cerealelor consumate în această regiune, dar și discrepanța dintre datele arheobotanice și cele cuprinse în scrierile bizantine. În structura probelor analizate ies în evidență și numeroase semințe de plante ruderales, de diferite specii, care alături de neghină (*Agrostemma githago*) erau contaminanți periculoși ai câmpurilor cu cereale. Dintre descoperirile excepționale de la Ras sunt

menționate următoarele: o bucată rotunjită de pâine carbonizată, un vas cu cereale și resturi de sămburi de piersică (*Prunus persica*). Descoperirea sămburilor de piersică reprezintă dovada certă a faptului că piersicile erau consumate în fortăreața de la Ras încă din secolul al XII-lea, adică mai devreme cu două secole decât ne indică sursele documentare. Autoarea consideră că informațiile anterioare referitoare la agricultura și alimentația locuitorilor din Serbia medievală s-au bazat doar pe surse documentare, scrise ulterior acestei perioade și puțin valabile pentru această regiune, spre deosebire de datele obținute ca rezultat al analizelor arheobotanice, date care constituie mărturii directe în ceea ce privește regimul alimentar al populației din Serbia medievală. În finalul lucrării sale, Ksenija Borojevič ajunge la un șir de concluzii importante pentru înțelegerea unor aspecte ce țin de viața cotidiană a populației sud-slave din perioada secolelor XII-XIII. Astfel, autoarea scoate în evidență faptul că locuitorii acestei regiuni foloseau preponderent în alimentație grâul, în acest caz vestigiile arheobotanice descoperite în fortăreața de la Ras confirmând mărturiile scrise. Ea semnalează faptul că pentru verificarea și întregirea tabloului asupra istoriei alimentației populației din această perioadă este nevoie de un număr mai mare de cercetări arheobotanice, în mai multe situri din regiunea locuită de slavii sudici.

O altă contribuție la reconstituirea istoriei alimentației medievale din perspectivă interdisciplinară aparține unui grup de cercetători francezi, precum R. Esclassan, A.M. Grimoud, M.P. Ruas, R. Donat, A. Sevin, F. Astie, S. Lucas, E. Crubezy, intitulată *Dental caries, tooth wear and diet in an adult medieval (12th-14th century) population from Mediterranean France* („Archives of oral Biology”, 54, 2009, 287-297). În această lucrare, autorii și-au propus reconstituirea unor importante aspecte ale istoriei alimentației populației rurale din Franța mediteraneană în perioada secolelor XII-XIV. În demersul lor, cercetătorii pleacă de la studierea materialului antropologic, prelevat din cimitirul medieval de la Vilarnau d'Amont, sit arheologic amplasat în sud-vestul Franței. Ei își apleacă atenția asupra studierii cariilor dentare, identificate la 58 de schelete aparținând unor indivizi adulți, bărbați și femei. Astfel, rezultatele analizei datelor antropologice obținute, coroborate de către autorii lucrării cu alte categorii de surse, cum ar fi cele arheologice, paleobotanice și scrise, ne oferă o imagine cât se poate de clară asupra evoluției și a particularităților regionale ale regimului alimentar

din societatea rurală franceză în epoca medievală.

Pe același palier al interdisciplinarității se încadrează și lucrarea cercetătoarei Cassady Yoder, *Diet in medieval Denmark: a regional and temporal comparison* („Journal of Archaeological Science”, 37, 2010, 2224-2236), consacrată problemei compoziției regimului alimentar din Danemarca în perioada evului mediu, în care autorul realizează o analiză comparativă a surselor istorice și a datelor arheozoologice, precum și a celor antropologice, obținute din cercetarea unor cimitire medievale din Danemarca. Principalul material de studiu al cercetătoarei îl reprezintă cele 154 de schelete umane, provenite din trei cimitire de pe teritoriul danez, dintre care 55 de indivizi din necropola unei mănăstiri rurale, Øm Kloster, întemeiate în anul 1172, care a funcționat până la jumătatea secolului al XVI-lea, restul fiind din cimitirele urbane St. Mikkel (Viborg) - 45 de schelete (secolele XII-XVI) și Ribe - 54 de schelete (secolele XIII-XV). Utilizând diverse metode de cercetare, precum cea cronologică, statistică, metoda de stabilire a izotopilor, analiza collagenului ș.a., autoarea ajunge la importante rezultate, care, coroborate cu cele obținute anterior de alți cercetători, permit stabilirea anumitor diferențe regionale și temporale în regimul alimentar din societatea medievală daneză, existente de-a lungul secolelor XI-XVI. Analiza datelor din cele trei situri medievale sugerează faptul că alimentația daneză medievală era compusă din plante, carne și produse lactate, provenite de la animalele terestre,

precum și din cantități variate de pește marin. În cercetarea sa, autoarea a urmărit, îndeosebi, identificarea anumitor diferențe semnificative de nutriție în cadrul celor trei așezări. Autoarea recunoaște faptul că anumite opinii inițiale n-au fost confirmate prin rezultatele finale ale investigației sale. Astfel, sursele analizate indică o alimentație bogată în hrană de proveniență terestră și marină la populația orașului Ribe. Totodată, materialele recoltate de pe suprafața sitului de la Øm Kloster ilustrează faptul că în comunitatea acestei mănăstiri alimentația era foarte variată, fiind compusă din diverse soiuri de plante și produse animale terestre. De asemenea, Cassady Yoder scoate în evidență și alte particularități regionale ale nutriției populației din regiune, constatând pentru această perioadă anumite modificări în sistemul agricol, dar nu însă și schimbări radicale în regimul alimentar. În finalul lucrării, autoarea concluzionează faptul că rezultatele cercetării sale confirmă existența unor variații în nutriția individuală în cadrul aceleiași așezări, precum și între siturile analizate, dar mai puțin evidentă de-a lungul timpului.

În concluzie, lucrările prezentate mai sus, venite din tradiții istoriografice diferite, reprezintă contribuții valoroase la reconstituirea istoriei alimentației medievale, acestea putând fi receptate și din perspectiva mai largă a istoriei vieții cotidiene a populației din spațiul european în epoca medievală, dar și modele veritabile de abordare indisciplinară a unor segmente ale vieții materiale pentru cercetătorii de la noi.

Bibliografie

- Abel 1937:** W. Abel, Wandlungen des Fleischverbrauchs und der Fleischversorgung in Deutschland seit dem ausgehenden Mittelalter. Berichte über Landwirtschaft, Zeitschrift für Agrarpolitik und Landwirtschaft 22, 3, 1937, 411-452.
- Bennassar 1961:** B. Bennassar, L'alimentation d'une ville espagnole au XVI-e siècle. Quelques données sur les approvisionnements et la consommation de Valladolid. AESC 16, 4, 1961, 728-740.
- Bergier 1982:** J.-Fr. Bergier, Une histoire du sel (Fribourg 1982).
- Braudel 1961:** F. Braudel, Alimentation et catégories de l'histoire. AESC 16, 4, 1961, 723-728.
- Braudel 1961a:** F. Braudel, Présentation. AESC 16, 3, 1961, 545-549.
- Flandrin 1983:** J.-L. Flandrin, Le goût et la nécessité: sur l'usage des graisses dans les cuisines d'Europe occidentale (XIVe-XVIIIe siècle). AESC 38, 2, 1983, 369-401.
- Haupt 1962:** G.C. Haupt, Le maïs arrive dans les Balkans. AESC 17, 1, 1962, 84-93.
- Le Goff 1961:** J. Le Goff, Une enquête sur le sel dans l'histoire, AESC 16, 5, 1961, 959-961.
- Maurizio 1932:** A. Maurizio, Histoire de l'Alimentation végétale (Paris, 1932).
- Philipe 1961:** R. Philipe, Commençons par l'histoire de l'alimentation. AESC 16, 3, 1961, 549-552.
- Schmoller 1871:** G. Schmoller, Die historische Entwicklung des Fleischconsums sowie der Vieh und Fleischpreise in Deutschland, I, Die Zeit bis zum 30 Jährigen Kriege. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 27, 1871, 284-362.
- Wyczański 1962:** A. Wyczański, La consommation alimentaire en Pologne au XVIe siècle. AESC 17, 2, 1962, 318-323.

Ludmila BACUMENCO-PÎRNĂU (*Chișinău*)

IN HONOREM

PROFESORUL ION IONIȚĂ LA 75 DE ANI

Distinsul istoric și arheolog român, profesorul Ion Ioniță de la Institutul de Arheologie din Iași al Academiei Române, specialist de talie europeană în problemele epocii romane și a perioadei de început a epocii migrațiilor, a atins recent respectabila vârstă de 75 de ani. Începând cu anul 1990, încă până la proclamarea independenței Republicii Moldova, Domnia Sa a fost printre oamenii de știință și cultură din România care au pus temelia colaborării dintre instituțiile științifice și de învățământ de pe cele două maluri ale Prutului, răspunzând cu fapte și acțiuni concrete solicitărilor colegilor de breaslă basarabeni, ce își recăpătaseră dreptul la alfabetul latin firesc și la istoria națională adevărată. În afară de trimiterea la Chișinău a unor consistente loturi de literatură de specialitate, inițierea unor proiecte și a schimbului de experiență științifică, dl Ion Ioniță a acceptat cu generozitate să fie și conducătorul de doctorat a câțiva tineri istorici originari din stânga Prutului pasionați de arheologie și istorie veche, inclusiv a semnatarilor acestor rânduri.

Momentul aniversar evocat ne oferă prilejul și totodată ne onorează să consacrăm în *Revista Arheologică* un medalion multstimatului nostru Profesor, care ne-a marcat hotărâtor în anii de doctorat la Iași – prin exemplul propriu în primul rând, prin exigență, dar și prin sprijin concret, sfaturi și încurajări – pregătirea profesională.

Ion Ioniță s-a născut la 8 ianuarie 1936 în localitatea Răusenii din județul Botoșani, unde a mers și la școala primară¹. A urmat apoi cursurile Liceului Pedagogic din Iași, după terminarea căruia, în anul 1954, a fost înmatriculat la Facultatea de Istorie și Filologie a prestigioasei Universități „Al.I. Cuza” din Iași. Disciplina și ordinea deprinsă din anii de liceu l-au ajutat să atingă performanțe și în timpul studenției. La facultate este pasionat de arheologie și perseverează în acest domeniu, participând la expediții și proiecte coordonate de cunoscuți profesori ieșeni, precum Mircea Petrescu-Dîmbovița, Nicolae Gostar, Neculai Zaharia, Adrian C. Florescu ș.a. (despre care ne vorbea și nouă, doctoranzilor, cu un respect deosebit pe la mijlocul anilor 1990).

În 1958, după absolvirea facultății, este angajat la Institutul de Istorie și Arheologie „A.D. Xeno-

pol” din Iași al Academiei Române (reorganizat în 1990 în Institutul de Arheologie și Institutul de Istorie „A.D. Xenopol”), căruia i-a rămas fidel mai bine de o jumătate de secol. Aici tânărul cercetător Ion Ioniță devine coleg de breaslă cu renumiți specialiști ieșeni, ce l-au inițiat în tainele arheologiei. Peste ani, el va remarca îndeosebi rolul lui Adrian C. Florescu în formarea sa profesională, de la care a învățat nu numai rigurozitatea metodei de lucru în teren, dar și acuratețea redactării articolelor științifice.

Sub îndrumarea profesorului Ion Nestor, primul conducător științific al tezei de doctorat, s-a specializat în istoria și arheologia dacilor liberi, sarmaților și a goților din prima jumătate a mileniului I p.Chr. Dintre primele sale lucrări, s-a remarcat studiul de sinteză *Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul Republicii Socialiste România*, publicat în 1966, care rămâne până astăzi unul de referință pentru specialiștii din domeniu.

¹ Unele detalii privind biografia, pregătirea și activitatea prof. Ion Ioniță sunt preluate din introducerea în limba germană PROFESSOR ION IONIȚĂ WIRD 70, semnată de dl V. Mihailescu-Bîrliaba, a volumului omagial MISCELLANEA ROMANO-BARBARICA. *In honorem septagenarii magistri Ion Ioniță oblata* (ed. Virgil Mihailescu-Bîrliaba, Cătălin Hriban, Lucian Munteanu) (București 2006), 13-17.

În anul 1969 dl Ion Ioniță devine bursier al Fundației Alexander von Humboldt, la Universitatea din Saarbrücken (Germania), avându-l drept conducător științific pe ilustrul savant Rolf Hachmann. Pe durata acestui stagi de specializare este elaborată o altă valoroasă lucrare, intitulată *Das Gräberfeld von Independența (Walachei). Zur relative Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfelds der Černjachov-Sîntana-de-Mureș-Kultur*, publicată sub forma unei micromonografii la Bonn în 1971. Apariția studiului, după aprecierea tânărului pe atunci arheolog Mircea Babeș, a reprezentat un eveniment pentru cercetarea românească, fiind prima încercare de a grupa complexe dintr-o necropolă investigată (fie și numai parțial) după cronologia lor relativă și după alte criterii (etnic, social, religios), în care metoda statistico-combinatorie și a stratigrafiei orizontale și-au aflat o aplicare sistematică, temeinică și, în același timp, inventivă, modernă².

De-a lungul prodigioasei cariere științifice, profesorul Ion Ioniță a efectuat săpături arheologice sistematice sau de salvare pe numeroase șantiere, inițial ca membru în diferite colective de cercetare, apoi și sub coordonare proprie: Trușești, Vaslui, Trifești, Poieniști, Pogorăști, Dumitrești-Gălății, Botoșani, Băiceni-Siliște, Iacobenii, Văleni, Miorcani, Iași-Fabrica de cărămizi, Stânca, Ștefănești, Iași-Nicolina, Todireni, Tocileni ș.a.

Mai multe din investigațiile menționate mai sus, dintre care se evidențiază cele de la Băiceni-Siliște, Văleni, Miorcani și Iași-Nicolina, au constituit baza documentară a tezei sale de doctorat: *Moldova în epoca romană, secolele II-IV e.n.*, susținută în anul 1982 la Universitatea din București, având drept conducător științific pe profesorul Dumitru Tudor, după dispariția prematură a magistrului Ion Nestor. După scurt timp, lucrarea apare la Iași în varianta unei solide monografii de sinteză cu titlul *Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în sec. II-IV e.n.*, fiind distinsă cu premiul „Vasile Pârvan” al Academiei Române pe anul 1982. Este important de remarcat în context că, spre deosebire de alte lucrări științifice publicate în acei ani în România, aceasta tratează diferitele aspecte ale istoriei și arheologiei epocii romane din întregul spațiu est-carpatic, incluzând și Basarabia. Așa cum subli-

nia într-o recenzie la această monografie reputatul arheolog Ioan Mitrea, din ansamblul problematicei privind spațiul carpato-nistean în sec. II-IV p.Chr. „se evidențiază, ca adevărate constante, permanența populației autohtone și desfășurarea procesului de romanizare, proces ireversibil care a avut loc în etape, în timp și spațiu, și s-a încheiat în prima jumătate a secolului VI”³.

O altă carte valoroasă, scrisă în colaborare cu cunoscutul arheolog și muzeograf Vasile Ursachi, vizează rezultatele cercetării sistematice a necropolei cu peste 600 de morminte aparținând dacilor liberi de la Văleni (com. Botești, jud. Neamț), care „este cea mai mare necropolă dacică din câte se cunosc până acum pe pământul locuit de daci în îndelungata lor istorie din spațiul ponto-danubian și carpato-balcanic”⁴. Lucrarea, editată în 1988, a fost încununată și ea cu premiul „Vasile Pârvan” al Academiei Române. Pentru generațiile mai tinere de arheologi monografia *Văleni* a fost și este, indiscutabil, un model de publicare și de analiză a datelor și materialelor obținute în decursul mai multor ani de investigații într-un reprezentativ sit arheologic datând din epoca romană.

Studiile valoroase publicate, de rând cu cercetarea efectuată riguros și competent, i-au adus dlui Ion Ioniță recunoașterea binemeritată atât printre specialiștii din țară, cât și printre cei din străinătate. O intensă activitate a desfășurat de-a lungul anilor în cadrul Institutului de Arheologie din Iași, unde conduce sectorul de arheologie daco-romană și a epocii migrațiilor (1981-2009) și depune un efort apreciabil în colegiul de redacție al revistei *Arheologia Moldovei*, mai întâi ca membru (1970-2004), apoi ca secretar de redacție (1972-1982), iar recent și ca editor (din 2004).

Numele profesorului Ion Ioniță este bine cunoscut și citat în mediul științific european încă din anii 1970, invitațiile unor prestigioase universități și instituții de cercetare pentru a participa la cele mai importante foruri științifice din Germania, Italia, Austria, Suedia, Polonia, Bulgaria, Slovacia, Ungaria ș.a. constituind dovada cea mai elocventă a aprecierii deosebite a aportului său științific la cunoașterea realităților istorico-arheologice din prima jumătate a mileniului I p.Chr. De asemenea, publicațiile Domniei Sale apar cu regularitate în diferite volume și reviste de specialitate europene, dar mai ales în cele din Germania. Datorită talen-

² Mircea Babeș, Recenzie: Ion Ioniță, *Das Gräberfeld von Independența (Walachei). Zur relative Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfelds der Černjachov-Sîntana-de-Mureș-Kultur*, in col. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, vol. 10, Bonn, Rudolf Habelt Verlag, 1971, 66 pag. cu 15 fig. în text și 6 pl. SCIV 24, 4, 1973, 684-689.

³ Ioan Mitrea, Recenzie: Ion Ioniță, *Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e.n.*, Ed. Junimea, Iași, 1982, 126 p. + ilustrații. AIIAI XX, 1983, 446-448.

⁴ Dumitru Protase, Recenzie: Ion Ioniță, Vasile Ursachi, *Văleni – o mare necropolă a dacilor liberi din Moldova*, Iași, 1988. AM XIV, 1991, 170-171.

tului său de cercetător asiduu, perspicace și inovator, dar și calităților umane deosebite, a contribuit în mare măsură la continuarea sau constituirea unor colaborări științifice fructuoase dintre arheologii români și germani, reușind să lege și să mențină peste ani relații de prietenie sinceră cu distinși savanți, precum Volker Bierbrauer, Siegmar von Schnurbein ș.a.

Drept recunoaștere a contribuțiilor sale științifice, în anul 1988 profesorul Ion Ioniță a fost ales membru corespondent al Institutului Arheologic German, iar zece ani mai târziu – redactor științific al celebrei și vastei enciclopedii *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* (HOOPS²), în paginile căreia a publicat între timp un mare număr de articole.

În contrast cu spațiul liber european, în fosta RSS Moldovenească arheologii de la Chișinău au cunoscut preocupările științifice ale dlui Ion Ioniță din păcate indirect, mai ales datorită lucrărilor unui reputat arheolog sovietic, Emanuil Rikman, domiciliat la Moscova. Timp de câteva decenii el a efectuat numeroase investigații arheologice în interfluviul Prut-Nistru și, subliniem, a avut curajul, în împrejurări deloc favorabile abordării fenomenului romanizării, să enunțe clar ideea că în sec. IV p.Chr. spațiul Daciei răsăritene, în comparație cu teritoriile de la est de Nistru, receptase mult mai profund influențele civilizației romane.

Abia după 1989 se schimbă radical situația – în librăriile și bibliotecile chișinăuene apar lucrările specialiștilor români. În anul 1990 Ion Ioniță împreună cu alți distinși arheologi ieșeni vizitează șantierul de la Hansca (coordonat de cunoscuții specialiști Ion Hîncu și Gheorghe Postică), iar în 1991 și 1996 ne onorează cu prezența la sesiunile științifice organizate de Universitatea de Stat din Moldova și Academia de Științe a Moldovei, prezentând două consistente referate consacrate unor probleme extrem de importante ale arheologiei și istoriei noastre naționale: *Continuitate dacică, migratori și romanizare în spațiul carpato-nistrian în prima jumătate a mileniului I e.n.*, publicat în culegerea *Probleme actuale ale istoriei naționale și universale* (Chișinău 1992), și *Romanizarea Daciei răsăritene în prima jumătate a mileniului I d.Hr.*, apărut în *Probleme actuale ale istoriei, economiei și culturii moldovenilor de la est de Prut. Caietul 2. Romanizarea la est de Carpați. Materialele sesiunii din 3 iulie 1996* (Chisinau 1996).

Numărându-se la ora actuală printre cei mai de seamă specialiști în problematica complexă a arheologiei și istoriei secolelor II–IV p.Chr., profesorul Ion Ioniță este solicitat pentru participarea la proiecte științifice naționale de importanță majoră, cum ar fi spre exemplu elaborarea și publicarea tratatului academic *Istoria Românilor*, vol. II (2001), la care a contribuit prin scrierea mai multor compartimente, precum: *Dacii liberi. Cadrul general*; *Dacii liberi din Muntenia*; *Dacii liberi din Moldova*; *Relațiile dacilor liberi cu romanii, sarmații și cu germanii*; *Populația locală în secolul al IV-lea în regiunile extracarpătice*; *Sarmații*; *Goții* – în total 113 pag. De asemenea, a acumulat o bună experiență în realizarea unor programe științifice internaționale, fiind de pildă unul din coordonatorii proiectului de mare anvergură *Corpus der römische Funde im europäischen Barbaricum*, în colaborare cu Römisch-Germanische Kommission, Frankfurt am Main (1993–2001), și responsabil pentru proiectul *Descoperiri romane în aria culturii Sântana de Mureș–Cernjachov* (începând din 2001).

În ultimii ani, din nou grație receptivității profesorului nostru, am beneficiat de un text de prefăcare pentru monografia *Budești*⁵, editată la Chișinău în 2006, iar la scurt timp – și pentru *Pruteni*⁶ (apărută *de facto* în 2008), care chiar la sugestia Domniei Sale a inaugurat seria de monografii *Biblioteca de Arheologie* a Centrului de Arheologie din cadrul Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM. Ambele prefete reprezintă de fapt veritabile sinteze – scurte, dar consistente – în care, printre altele, se tratează diferite aspecte ale evoluției cercetărilor arheologice privind epoca romană din Basarabia pe parcursul mai multor decenii.

A urmat apoi o fructuoasă colaborare la proiectul transfrontalier Phare *Antichitatea târzie în bazinul Prutului*, inițiat de directorul Muzeului de Istorie „Vasile Pârvan” din Bârlad Mircea Mamalaucă, ce a inclus numeroase și variate manifestări. Dintre acestea se evidențiază în primul rând organizarea unei mari expoziții itinerante cuprinzând antichități de excepție din sec. I–V p.Chr. de la muzeele din Bârlad, Chișinău, Botoșani și Tecuci, precum și elaborarea *Catalogului descoperirilor*⁷, tipărit în condiții grafice excelente, avându-l drept prim coordonator pe profesorul omagiat de noi.

La vârsta respectabilă pe care a împlinit-o, dl Ion Ioniță este de o tinerețe spirituală molipsitoa-

⁵ Ion Ioniță, Prefață. In: Vlad Vornic, Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș–Cernjachov de la Budești (Chișinău 2006), 9–17.

⁶ Ion Ioniță, Prefață. In: Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Valeriu Bubulici, Larisa Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană (Chișinău 2007), 7–12.

⁷ Ion Ioniță, Mircea Mamalaucă, Vlad Vornic (coord.), Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog (Bârlad 2009).

re. La fel de energic și de activ, mereu prezent la manifestări științifice importante, neobosit căutător (și deținător!) de informație recentă, cercetător meticulos și autor prodigios, se bucură de bine-meritata prețuire a întregii bresle a arheologilor, de admirația sinceră a prietenilor, colaboratorilor

și învățăceilor pentru calitățile sale umane deosebite. Îi urăm atât noi cât și membrii colegiului de redacție al Revistei Arheologice, cu tot respectul și considerația, multă sănătate, putere de muncă și mulți ani plini de realizări frumoase în continuare spre binele și progresul istoriografiei românești!

Vlad VORNIC, Larisa CIOBANU (*Chișinău*)

Lista lucrărilor științifice

1961

1. Recunoașteri arheologice în regiunea satelor Pogorăști și Răuseni (r. Botoșani, reg. Suceava). AM 1, 1961, 295-306.
2. Recenzie: G.B. Fedorov, O dvuch obrjadach pogrebenija v černjachovskoj kul'ture. SCIV 12, 1, 1961, 170-174.

1962

3. Săpăturile de salvare de la Trifești. MCA 8, 1962, 733-739.
4. Șantierul arheologic de la Vaslui. MCA 8, 1962, 795-802 (în colab. cu Al. Andronic și Fl. Banu).

1964

5. Noi descoperiri sarmatice pe teritoriul Moldovei. AM 2-3, 1964, 311-328.

1966

6. Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul Republicii Socialiste România. AM 4, 1966, 189-259.

1967

7. Cercetări arheologice în Podișul Sucevei. AM 5, 1967, 309-325 (în colab. cu D. Teodor).

1968

8. Noi date arheologice privind riturile funerare la carpo-daci. SCIV 19, 2, 1968, 211-226 (în colab. cu V. Ursachi).
9. Un cimitir din secolul al IV-lea e.n. la Negrești - Vaslui. SCIV 19, 2, 1968, 293-296.
10. Abitato dacico del III-IV sec. e.n. FA 18-19, 1968, 399 (nr. 5605).

1969

11. Necropola daco-carpică de la Dumitreștii Gălății, județul Iași. AM 6, 1969, 123-135.
12. Pogorăști. In: J. Filip (coord.), Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas 2. Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften (Prag 1969), 1053.
13. Recenzie: J. Werner, Herkuleskeule und Donar-Amulett (JbRGZM 11, 1964, 176-199). Dacia N.S. 13, 1969, 555-559.

1971

14. Das Gräberfeld von Independența (Walachei). Zur relativen Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfeldes der Černjachov-Sîntana-de-Mureș-Kultur (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 10). Rudolf Habelt Verlag (Bonn 1971). Recenzie: M. Babeș, SCIV 24, 4, 1973, 684-689.
15. Elemente autohtone în cultura Sîntana de Mureș (sec. IV e.n.) din Moldova. Carpica 4, 1971, 197-206.

16. Nouvelles données archéologiques concernant les Carpo-Daces. In: Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques (Prague 21-27 août 1966) 2. Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften (Prag 1971), 1022-1024 (în colab. cu V. Ursachi).

1972

17. Probleme der Sîntana-de-Mureș-Černjachov-Kultur auf dem Gebiete Rumäniens. In: Hagberg U.E. (red.), Studia Gotica (Antikvariska serien 25) (Stockholm 1972), 95-104.
18. Așezarea de tip Sîntana de Mureș-Cerneahov de la Iași - Fabrica de cărămizi. AM 7, 1972, 267-306.
19. Unele probleme privind populația autohtonă din Moldova în secolele II-V e.n. Crisia 2, 1972, 183-198.
20. Așezarea prefeudală tîrzie de la Băiceni-Siliște. AM 7, 1972, 307-330 (în colab. cu V. Spinei).

1973

21. Expediția de săpături arheologice de la Kamid el-Loz, Liban. AIIAI 10, 1973, 651-652.

1974

22. Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani, jud. Botoșani. CI 5, 1974, 81-92.

1975

23. The social-economic structure of society during the Goths' migration in the Carpatho-Danubian area. In: Constantinescu M., Pascu St., Diaconu P. (ed.), Relations between the autochthonous population and the migratory populations on the territory of Romania, Ed. Academiei R.S.R. (București 1975), 77-89.
24. Recenzie: E.B. Thomas, Helme, Schilde. Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde. AM 8, 1975, 320-321.

1976

25. Miorcani. Pogorăști. Văleni. In: DIVR, 1976, 394.475.608-609.

1977

26. La nécropole du IV siècle de n.è. à Miorcani. Inventaria Archaeologica, Roumanie, Fascicule 8, R42-R51. Ed. Academiei R.S.R. (București 1977).
27. La nécropole carpe des II-III siècle de n.è. à Văleni. Inventaria Archaeologica, Roumanie, Fascicule 9, R52-R63, Ed. Academiei R.S.R. (București 1977) (în colab. cu V. Ursachi).

1978

28. Simpozionul de la Zwettl - Austria. AIIAI 15, 1978, 680.

1980

29. Quelques problèmes concernant la continuité dace à Vest des Carpates au cours des II-IV s. de n. ère. In: R. Vulpe (éd.), Actes du II Congrès International de

Thracologie (Bucarest, 4-10 septembre 1976). II. Histoire et archéologie. Ed. Academiei (București 1980), 331-338.

30. Civilizația dacică în secolele II-III e.n. Hierasus 1, 1978 (1980), 141-146.

31. Die Römer-Daker und die Wandervölker im donauländischen Karpatenraum im 4. Jahrhundert. In: H. Wolfram u. F. Daim (coord.), Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Berichte des Symposions der Kommission für Frühmittelalterforschung, 24. bis 27. Oktober 1978, Stift Zwettl, Niederösterreich, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Wien 1980), 123-129.

32. La romanisation des Daces du Sud de la Moldavie. In: Roumanie. Pages d'histoire 5, 1, 1980, 126-136.

33. Necrolog: Nicolae Gostar. AM 9, 1980, 149-150.

34. Recenzie: V.M. Cygylk, Naselennja verchn'ogo Podnistrov'ja peršykh stolit'našoj ery. Plemena lypyc'koj kul'tury (Kiev 1975). AM 9, 1980, 144-145.

1981

35. Despre unele formațiuni teritoriale ale dacilor liberi de la est de Carpați în sec. II-III e.n. MN 5, 1981, 103-108.

36. Moldova în epoca romană, secolele II-IV e.n. Rezumatul tezei de doctorat (București 1981).

1982

37. Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e.n., Ed. Junimea (Iași 1982). Recenzii: V. Mihailescu-Bîrliaba. In: „Universitatea Alexandru Ioan Cuza” – Iași, 1982 (ianuarie - iunie), 120-123; S. Dumitrașcu. Crisia 13, 1983, 639-642; M. Andronic. Suceava 10, 1983, 896-897; Gh. Bichir. TD 5, 1984, 194-202; I. Mitrea. AIIAI XX, 1983, 446-448; N. Ciudin. CI 14-15, 1983-1984, 297-300.

38. Eine Siedlung der Jüngerer Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Iași – Nicolina (Rumänien). Ein Beispiel für die Möglichkeiten chronologischer Gliederungen von Siedlungsmaterial. In: Papenfuss D., Stročka V.M. (coord.), Palast und Hütte. Beiträge zum Bauen und Wohnen im Altertum von Archäologen, Vor- und Frühgeschichtlern. Tagungsbeiträge eines Symposium der Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn-Bad Godesberg, veranstaltet vom 25.-30. November 1979 in Berlin. Verlag Philipp von Zabern (Mainz 1982), 567-586.

39. Geto-dacii în context european. Simpozion româno-vestgerman de istorie și arheologie. AIIAI 19, 1982, 892-894.

40. Simpozionul de arheologie organizat de Fundația Alexander von Humboldt. AIIAI 19, 1982, 891-892.

41. Recenzie: Gottfried Schramm, Eroberer und Eingessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n.Chr. (Stuttgart 1981). AIIAI 19, 1982, 743-749.

1983

42. Necropola din secolul IV e.n. de la Horlești, com. Rediu, jud. Iași. SAA 1 (Corolla memoriae Nicolai Gostar dedicata) (Iași 1983), 194-199 și fig. 1.

43. Săpăturile arheologice de la Ipotești, jud. Botoșani. Hierasus 4, 1981 (1983), 45-49 (în colab. cu O.L. Șovan).

44. Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e.n. (Iași 1982). In: Cărți noi în științele istorice. Referate și recenzii.

Materialul documentar în sprijinul cadrelor didactice și cadrelor de științe sociale, 1 (București 1983), 14-28.

45. Recenzie: G. Popilian, Necropola daco-romană de la Locusteni (Craiova 1980). Carpica 15, 1983, 269-273.

1984

46. Idei despre romanizarea lumii dace în opera lui Părvan. Hierasus 5, 1983 (1984), 329-333.

47. Necropola dacică de la Stînca, comuna Ștefănești, jud. Botoșani. Hierasus 5, 1983 (1984), 89-121 (în colab. cu O.L. Șovan).

48. Călătorie de documentare științifică în R.F. Germania. AIIAI 21, 1984, 715.

1985

49. Importante descoperiri arheologice din perioada de formare a poporului român în așezarea de la Iași-Nicolina. AM 10, 1985, 30-49.

50. Recenzie: H. Roth, Kunst der Völkerwanderungszeit, Propyläen Kunstgeschichte, Supplementband 4, Propyläen Verlag (Frankfurt a. M.-Berlin-Wien 1979). AM 10, 1985, 118-120.

51. Recenzie: V. Mihailescu-Bîrliaba, La monnaie romaine chez les Daces Orientaux (București 1980). AM 10, 1985, 113-117.

52. Recenzie: Carpica 15 (Bacău 1983) (1984). AIIAI 22, 1985, 963-964.

1986

53. Chronologie der Sîntana-de-Mureș-Černjachov-Kultur(1). In: Kmiecinski J. (coord), Peregrinatio Gothica I (Archaeologia Baltica 7) (Łódź 1986), 295-351.

54. Obîrșia vocației pentru universal. In: Agrigoroaie I., Buzatu Gh. și Cristian V. (red.), Românii în istoria universală 1, Ed. Academiei (Iași 1986), 1-3.

55. Mărturii milenare în vatra Iașilor. In: Fortus. Un deceniu în universul muncii și creației tehnice românești. Combinatul de Utilaj Greu (Iași 1986), 60-84.

56. Recenzie: Th.S. Burns, A History of the Ostrogoths, Indiana University Press (Bloomington 1984). Germania 64, 2, 1986, 657-660.

57. Mutations démographiques au debut du Moyen Age: autochthones et migrants. In: A. Nitschke (red.), XVI Congrès International des Sciences Historiques, Stuttgart, du 25 août au 1 septembre 1985, III. Actes. Grand themes, methodologie, sections chronologiques, tables rondes, organismes affilies et commissions internes (Stuttgart 1986), 418.

58. Contribuții în: Novotny B. (coord.), Enzyklopedia archeologie (Bratislava 1986).

1987

59. Viața social-politică și statală în Dacia liberă. File din istoria militară a poporului roman. Studii 17, 1987, 156-174.

60. Simpozionul internațional de arheologie de la Białe Błota - Pommerania. AM 11, 1987, 287-288.

61. O nouă călătorie de studii în R.F. Germania: 25 august - 14 septembrie 1985. AM 11, 1987, 293.

1988

62. Văleni. O mare necropolă a dacilor liberi, Ed. Junimea (Iași 1988) (în colab. cu V. Ursachi). Recenzii: C. Pop. Apulum 26, 1989, 638-640; D. Protase. AM 14, 1991, 170-171.

63. Recenzie: M. Tempelmann-Maczynska, Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum

(Römisch-Germanische Forschung 43) (Mainz 1985). AM 12, 1988, 335-337.

64. Recenzie: D. Claude, Der Handel im westlichen Mittelmeer während des Frühmittelalters. Bericht über ein Kolloquium der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas im Jahre 1980. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, 3. Folge, Nr. 144 (Göttingen 1985). AM 12, 1988, 337-338.

65. Reeditare: N. Iorga, Istoria românilor. I/1. Strămoșii înainte de romani (ediția a 2), Ed. Științifică și Enciclopedică (București 1988) (text, note și comentarii: cartea a III, capitolele 5-8), 260-284.

66. Reeditare: N. Iorga, Istoria românilor. I/2. Sigiliul Romei (ediția a 2). Ed. Științifică și Enciclopedică (București 1988) (text, note și comentarii: cărțile III și IV), 196-250.

1989

67. Veränderungen der Bestattungssitten im Gräberfeld von Tîrșor, in Kmiecinski J. (coord.), Peregrinatio Gothica II (Archeologia Baltica 8), Łódź 1989, 159-183.

68. Recenzie: B.A. Raev, Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR IntSer 278, 1986, Germania 67, 1, 1989, 243-246.

1990

69. Necrolog: Emil Condurachi (1912-1987). AM 13, 1990, 277-278.

1992

70. Die Fibel mit umgeschlagenem Fuß in der Sântana-de-Mureș-Černjachov-Kultur. In: Straume E., Skar E. (red.), Peregrinatio Gothica III (Fredrikstad, Norway 1991) (Universitets Oldsaksamlings Skrifter Nr. 14). Universitetsforlaget (Oslo 1992), 77-90.

71. Die Fibel als Kleidungszubehör in der Tracht der Daker (2.-3. Jh. u.Z.). FolArch 16 (volum omagial J. Kmiecinski), 1992, 179-189.

72. Continuitate dacică, migratori și romanizare în spațiul carpatonistrian în prima jumătate a mileniului I e.n. In: Petrencu A. (red.), Probleme actuale ale istoriei naționale și universale. Culegere de studii și materiale (Chișinău 1992), 88-98.

73. Simpozionul de la Isegran - Fredrikstad, Norvegia, 26-31 octombrie 1991. AM 15, 1992, 224.

74. Reeditare: N. Iorga, Istoria romanilor. II - Oamenii pământului (pînă la anul 1000) (ediția a 2), Ed. Enciclopedică (București 1992) (text, note și comentarii: cărțile I și III; încheiere), 15-64. 151-193. 357-368.

1993

75. Elemente creștine în practica riturilor de înmormîntare din Moldova în secolele IV-V e.n. Teologie și Viață. Revistă de gîndire și spiritualitate (Serie nouă) 3 (69), Nr. 4-7 (Aprilie-Iulie), 1993, 54-59.

76. Prefață: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor (Galați 1993), 13-16.

77. Recenzie: E. Straume, Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n.Chr. (Oslo 1987). Germania 71, 1, 1993, 266-267.

78. Recenzie: A. Kokowski, Lubelszczyzna w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Lubelskie Materiały Archeologiczne 4 (Lublin 1991). AM 16, 1993, 327-329.

1994

79. Cultura di Sîntana de Mureș: Romania e Repubblica Moldava. In: "I Goti", Milano, Palazzo Reale, 28 gennaio - 8 maggio 1994. Ausstellungskatalog, Electa Lombardia (Milano 1994), 93-107 (Cat. n. I.28-I.33), fig. 1, 137-1, 173.

80. Contribuții (Bogdănești 2; Broscăuți; Comarna). In: EAIVR I, 1994, 191. 215. 336.

81. Römische Einflüsse im Verbreitungsgebiet der Sântana-de-Mureș-Černjachov-Kultur. AM 17, 1994, 109-116.

82. Simpozionul „Geoarheologia tumulilor în Europa antică (mileniul I î.e.n. - mileniul I e.n.)” organizat la Cosenza/Calabria (iunie 1993). AM 17, 1994, 347.

83. Necrolog: Vasile Palade (1923-1993). AM 17, 1994, 353-354.

84. Expoziția "I Goti" de la Milano, 27 ianuarie - 8 mai 1994. AM 17, 1994, 347-348.

1995

85. Einzelne Bronzefunde aus der Moldau und Siebenbürgen. In: SOROCEANU T. (coord.), Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10 (Berlin 1995), 255-259 (în colab. cu O.L. Șovan).

86. Elemente creștine în practica riturilor de înmormîntare din Moldova în secolele IV-V e.n. In: Dumitrașcu S., Moga V., Chiriac A., Șipo S. (coord.), Din istoria Europei romane /From the history of the roman Europe (Oradea 1995), 253-262.

87. Necrolog: Joach im Werner (1909-1994). AM 18, 1995, 357-359.

1996

88. Romanizarea Daciei răsăritene în prima jumătate a mileniului I d.Hr. Limba română. Revistă de știință și cultură filologică VI, nr. 5-6 (29-30) (Chișinău 1996), 180-187. Reluat în: Seminarul cu statut permanent. Probleme actuale ale istoriei, economiei și culturii moldovenilor de la est de Prut. Caietul 2. Romanizarea la est de Carpați. Materialele sesiunii din 3 iulie 1996 (Chișinău 1996), 24-34. Reluat din nou în: Revista de Istorie a Moldovei, nr. 1-2 (Chișinău 1999), 19-26.

89. Contribuții (Dancu; David 1; Dochia 2; Doina; Dumăștii Vechi; Dumităștii Gălății; Hănești; Iacobești 2; Iași; Ionășeni; Lețcani; Lunca 1). In: EAIVR II, 1996, 26. 28. 68. 93. 223. 246-248. 264. 308. 334.

1997

90. Archéologie des Goths en Roumanie: paganisme et christianisme. In: Rouche M. (réd.), Clovis. Histoire et memoire. Actes du Colloque international d'histoire de Reims. Vol. I: Clovis et son temps, l'événement, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne (Paris 1997), 159-170.

91. Eine Glasschale mit eingeritztem Wabenmuster und Facettenschliff von Iacobești (Bez. Iasi), Dacia N.S. 38-39 (Hommage à Ion Nestor. Vingt ans après sa disparition), 1994-1995 (1997), 151-162.

92. Die freien Daker an der nordöstlichen Grenze der römischen Provinz Dakien /Dacii liberi la granița nord-estică a provinciei Dacia romană. In: Gudea N. (red.), Romani și barbari la frontierele Daciei romane /Römer und Barbaren an den Grenzen des römischen Dazien. AMP 21, 1997, 879-905.

93. Recenzie: T. Capelle, Die Miniaturenketten von Szilagy-

somlyo (Șimleul Silvaniei). Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 22, Verlag Rudolf Habelt (Bonn 1994). Germania 75, 2, 1997, 804-806.

1998

94. Eine scheibengedrehte Schale mit Sonnensymbolen bei Tăcuta. In: Ilkjæra J. și Kokowski A. (red.), 20 lat archeologii w Masłomeczcu 2, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (Lublin 1998), 55-60.

95. Geto-dakische Kultur und Kunst. In: RGA² 11, 1998, 569-577.

1999

96. Sondajul arheologic de la Tăcuta (judetul Vaslui). AM 20, 1997 (1999), 89-106.

2000

97. Jutas. In: RGA² 16, 2000, 140-141.

98. Karpaten (2. Archäologisches). In: RGA² 16, 2000, 318-322.

99. Kerč. In: RGA² 16, 2000, 462-464.

100. Vase de sticlă romane la dacii liberi (secolele II-III p.Chr.). Istros 10, 2000, 325-361.

101. Contribuții (Mihălășeni, Miorcani, Moara Nica, Negrești, Nemțisor, Onișcani, Petricani 1, Podu Pietris, Pogorăști, Probotă). In: EAIVR III, 2000, 72.79.86-87.181.183.232.308.330-331.333-334.378.

102. Recenzie: H. Friesinger, F. Daim (coord.), Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Berichte des Symposions der Kommission für Frühmittelalterforschung, 27. bis 30. Oktober 1986, Stift Zwettl, Niederösterreich, Teil II. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften, 204. Band. Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung 13, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Wien 1990). Dacia N.S. 40-42, 1996-1998 (2000), 517-519.

103. Sesiune de lucru la Academia de Științe din Göttingen. AM 21, 1998 (2000), 350-351.

2001

104. Istoria Românilor, vol II (Daco-romani, romanici, alogeni), Ed. Enciclopedică (București 2001), Autor al următoarelor capitole: Dacii liberi. Cadrul general; Dacii liberi din Muntenia; Dacii liberi din Moldova; Relațiile dacilor liberi cu romanii, sarmații și cu germanii; Populația locală în secolul al IV-lea în regiunile extracarpătice; Sarmatii; Goții, 401-437.449-463.617-637.663-693.742-744.750-754.

105. Krimgoten (4. Archäologisches). In: RGA² 17, 2001, 375-377.

106. O necropolă aparținând dacilor liberi la Dumești Vechi (com. Dumești, jud. Vaslui). In: Cornea L., Drețin M., Ștefănescu B., Chiriac A., Crișan I. (red.), Adevărul omeneste posibil pentru rânduirea binelui. Volum omagial Sever Dumitrașcu (Oradea 2001), 235-247.

107. Malaja Pereščepina. In: RGA² 19, 2001, 182-184.

108. Martynovka. In: RGA² 19, 2001, 369-371.

109. Medieșu Aurit. In: RGA² 19, 2001, 480-482.

2002

110. Mezöberény. In: RGA² 20, 2002, 8-10.

111. Morești și Noșlac. In: RGA² 20, 2002, 241-243.

112. Odobescu Alexandru. In: RGA² 21, 2002, 561-562.

113. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß Almgren Gruppe VI, 1. In: Kunow J. (coord.), 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Internationale Arbeitsta-

gung 25.-28. Mai 1997 in Kleinmachnow, Land Brandenburg. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 5, Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte (Wünsdorf 1998), 2002, 231-240.

2003

114. Olbia – Archäologisches. In: RGA² 22, 2003, 83-86.

115. Osztropataka. In: RGA² 22, 2003, 376-378, tab. 12-13.

116. Penkovka-Kultur. In: RGA² 22, 2003, 553-558.

117. Vase de sticlă romane la dacii liberi (secolele II-III d.Hr.). AM 23-24, 2000-2001 (2003), 219-247.

118. Porumbenii Mici. In: RGA² 23, 2003, 298-300.

119. Proștea Mica. In: RGA² 23, 2003, 508-509.

120. Rumänien und Republik Moldau: Völkerwanderungszeit. In: RGA² 25, 2003, 479-483.

2004

121. Ein gehenkelter Toneimer der Sântana-de-Mureș-Kultur aus Miorcani. In: Europa Barbarica. Cwiercie wieku archeologii w Masłomeczcu. Monumenta Studia Gothica 4, Lublin 2004 (2005), 163-171.

122. Sântana-de-Mureș-Černjachov-Kultur. In: RGA² 26, 2004, 445-455.

123. Sarmaten – Archäologisches. In: RGA² 26, 2004, 508-512.

124. Masivul Carpatic – un reper geografic de rezonanță în istoria Europei (mileniul I d.Hr.). In: Studia Historica et Archaeologica. In Honorem Magistrae Doina Benea (Timișoara 2004), 217-229.

125. Prefață: V. Palade, Așezarea și necropola de la Bârlad – Valea Seacă (sfârșitul sec. al III-lea – a doua jumătate a sec. al V-lea) (București 2004), 7-32.

2005

126. Les Carpates pendant la préhistoire et la proto-histoire: une barrière entre l'Occident et l'Orient de l'Europe? In: Famille, violence et christianisation au Moyen Âge. Mélanges offerts à Michel Rouche. Études réunies par Martin Aurell et Thomas Deswarte. Cultures et Civilisations Médiévales N° 31. Presses de l'Université Paris Sorbonne (Paris 2005), 283-298.

127. Tombes tumulaires pendant l'antiquité tardive et la grande migration des peuples dans l'espace Carpatodniéstrien. AM 26, 2003 (2005), 59-90.

128. Șeica Mică. In: RGA² 30, 2005, 247-249.

129. Obiceiuri de port în secolul IV d.Hr. (Podoabe, amulete, accesorii vestimentare și obiecte de toaletă). In: Mamalaucă M. (coord.), Obiceiuri de port în aria culturii Sântana de Mureș. Catalogul expoziției Muzeului „Vasile Pârvan” Bârlad, 15 mai – 15 iunie 2005 (București 2005), 12-15.

130. Contribuție la Catalog: Mici descoperiri din necropola din sec. IV d.Hr. de la Miorcani. In: Mamalaucă M. (coord.), Obiceiuri de port în aria culturii Sântana de Mureș. Catalogul expoziției Muzeului „Vasile Pârvan” Bârlad, 15 mai – 15 iunie 2005 (București 2005), 64-67.83-84.99.119.

131. Necrolog: Helmut Roth (1941-2003), AM 26, 2005, 368-370.

132. Prefață: O.L. Șovan, Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Mihălășeni (jud. Botosani). Bibliotheca Archaeologica „Hieranus”. Monographica I. Ed. Cetatea de Scaun, Târgoviște 2005, 7-9.

2006

133. Valea lui Mihai. In: RGA² 32, 2006, 42-43.

134. Prefață: V. Vornic, Asezarea și necropola de tip Sântana de Mureș–Cernjachov de la Budești, Ed. Pontos (Chisinau 2006), 9-17.

2007

135. Necropola din secolul al IV-lea d.Hr. de la Rânzești (com. Fălciu, jud. Vaslui). AMT II, 2007, 63-69.

136. Prefață: V. Vornic, N. Telnov, V. Bubulici, L. Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană, Biblioteca de arheologie I (Chișinău 2007), 7-12.

137. Prefață: V. Ursachi, Săbăoani. Monografie arheologică (vol. I), Ed. Demiurg (Iași 2007), 9-15.

138. Barboși–Tirighina (Piroboridava ?) après dix-sept décennies depuis l'apparition de la monographie par Gh. Săulescu. In: V. Sîrbu (ed.), Important Sites from the Pre-Roman and Roman Time on the Lower Danube Valley (4th century BC – 4th century AD). Proceedings of the International Colloquium Galați, 10th – 12th of May 2007. Supplementum Istros XIV (Brăila 2007), 71-80.

2008

139. Volker Bierbrauer la 65 de ani. AM XXX, 2007 (2008), 467-476.

140. Siegmund von Schnurbein la 65 de ani. AM XXX, 2007 (2008), 477-484.

2009

141. Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog, Ed. Sfera (Bârlad 2009) (în colab. cu M. Mamalaucă și V. Vornic).

142. Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Un proiect

transfrontalier Phare. In: I. Ioniță, M. Mamalaucă, V. Vornic (coord.), Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog, Ed. Sfera (Bârlad 2009), XIII-XX.

2010

143. Istoria Românilor, vol. II (Daco-romani, romani, alogeni), ediția a II-a, revăzută și adăugită, Ed. Enciclopedică (București 2010). Autor al următoarelor capitole: Dacii liberi. Cadrul general; Dacii liberi din Muntenia; Dacii liberi din Moldova; Relațiile dacilor liberi cu romanii, sarmații și cu germanii; Populația locală în secolul al IV-lea în regiunile extracarpatice; Sarmatii, Goții, 433-469, 481-495, 741-761, 787-817, 876-879, 884-889.

144. Un cuptor de olărie din secolul al IV-lea d.Hr. descoperit la Siliștea (com. Iana, jud. Vaslui). AMT V, 2010, 191-206.

145. Sacrificii și înhumări rituale de animale în așezarea dacilor liberi de la Băiceni–Siliște (com. Cucuteni, jud. Iași). [Sacrifices et inhumations rituelles d'animaux dans l'établissement des Daces libres de Băiceni–Siliște, com. de Cucuteni, dép. d'Iași]. In: I. Căndea (ed.), Tracii și vecinii lor în antichitate // The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in honorem Valerii Sîrbu, Ed. Istros (Brăila 2010), 649-659.

2011

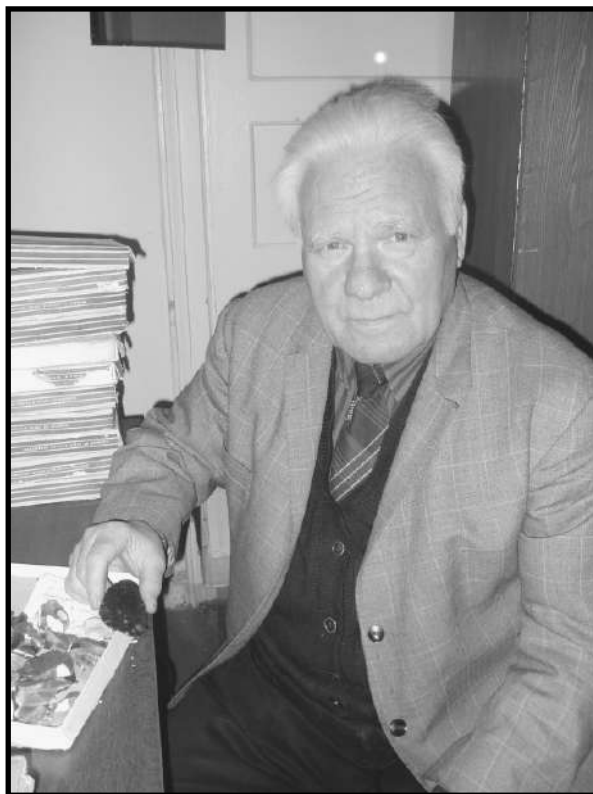
146. Necropola dacilor liberi de la Siliștea (com. Iana, jud. Vaslui). AMT VI, 2011, 35-47

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АНТОНОВИЧА КЕТРАРУ

Горечь утраты, чувство невосполнимой потери охватывает каждого из нас, кто был тесно связан с Николаем Антоновичем узами палеолитического братства и воспринимал его как учителя, наставника и опору в постижении невероятно сложных и запутанных проблем древнекаменного века. Его вклад в археологию палеолита необычайно велик и неоспорим. Без получивших широкую известность пещерных памятников Старые Дуруиторы, Буздужаны, Брынзены, Бутешты, Тринка 1-2 в Среднем Попрутье, грота Офатинцы (Выхватинцы) на Днестре, первоклассных стоянок Костешты на Пруте, Чутулешты на Реуте и Рашков 7 на Днестре, немыслимо восприятие древнейшей истории нашего края. Огромный опыт работы с археологическими коллекциями, глубокое знание типологии каменных индустрий, необычайно развитая научная интуиция, позволили ему заложить основы палеолитоведения нашего региона и оказать существенное влияние на восприятие многих культурно-исторических процессов в Юго-Восточной Европе. Это выглядит закономерно потому, что многие идеи, определенные Николаем Антоновичем еще много лет назад, нашли подтверждение в наши дни. Сколько споров велось о пресловутом «молдавском селете», сколько противоречивых трактовок высказывалось в ходе постижения его сущности, а возобладали все-таки версия его первооткрывателя.

Дар предвиденья дается не каждому, но им в полной мере обладал Николай Антонович. В личных беседах, без суеты, часто сопутствующих научным дискуссиям, в доверительной обстановке, он выстраивал невероятно логичную и привлекательную модель развития палеолитического общества. Он увлеченно рассказывал о переходе тейяжских индустрий к зубчатому мустье, о спонтанном появлении леваллуазских комплексов. Находясь под магическим воздействием и очарованием брынзенской археологической культуры, он с особо проникновенным чувством упоминал о бифасах и остроконечниках, которые воспринимал в качестве самых совершенных элементов боевого оружия, используемого древним человеком в противостоянии с пещерными медведями, львами и гиенами. Каждая исследованная

им стоянка, приоткрывая тайну жизни наших предшественников, становилась «жемчужиной в ожерелье» памятников, составляющих сокровищницу археологии Молдавии. Раскопки многих из них сейчас воспринимаются как легенды. Вспомнить хотя бы грандиозные по масштабам экспедиции в зоне строительства Костештской ГЭС, когда палаточные лагеря напоминали города, а их обитатели первопроходцев. Среди них можно было заметить маститых ученых (П.И. Борисковского, А.П. Черныша, Г.П. Григорьева, Г.М. Левковскую, И.К. Иванову и В.Н. Грищенко), опытных полевых исследователей (Н.К. Анисюткина, Г.В. Григорьеву, Н.Д. Праслова), молодых подающих надежды юношей (И.А. Борзияка, В.Н. Шонцу, В.И. Дышкан). Общий исследовательский настрой, жажда открытий, романтика экспедиционной жизни соединила воедино людей разных возрастов и устремлений, ученых и художников, законопослушных граждан и диссидентов, авантюристов и искателей приключений.

От природы Николай Антонович был наделен редким качеством, он умел «чувство-

вать камень». Иногда казалось, что он ощущал «тепло рук» древних мастеров и мог проникнуть в их замысел по созданию любого, даже самого изощренно выполненного каменного изделия. Сколько раз он прерывал мучения своих учеников, испытывающих страдания от безуспешных попыток распознать за оббитым булыжником или мелким осколком кремня их истинное назначение. В его подходе к типологии каменных изделий и технике их изготовления проявлялись глубокие знания, выработанные еще французской школой палеолитоведения, апробированные советскими учеными и дополненные личными наблюдениями. Он щедро делился своим опытом, из его рук нам впервые представилась возможность увидеть клювовидные острия, скребки *карене* с рыльцем, многофасеточные резцы, пластинки *дюфур* и граветтские микроострия. С особым волнением нам демонстрировалась поистине уникальная находка амулета-подвески из бивня мамонта, обнаруженная в гроте Брынзены.

Волей судьбы Николаю Антоновичу было суждено провести широкомасштабные исследования курганов у сел Буторы, Красное, Дубоссары, Глиное. Его уникальная находка золотой гривны из скифского захоронения до сих пор остается одним из самых ценных экспонатов Национального музея археологии и истории Молдовы. При его активном содействии вышли многие сборники научных статей из серии «Археологические исследования в Молдавии» и «*Tyragetia*». Много сил и энергии он потратил на подготовку историографических работ, заново открыв имена Иона Суручана и Николая Морошана. Бесценным вкладом в популяризацию археологических открытий остаются его научно-популярные рассказы.

Мы склоняем голову перед Николаем Антоновичем Кетрару, оставившим нам богатое научное наследие, мы скорбим по поводу ухода этого замечательного ученого и человека, которого уважали и ценили.

**С.И. КОВАЛЕНКО, Н.К. АНИСЮТКИН, Н.П. ОЛЕНКОВСКИЙ,
В.А. БУРЛАКУ, Т.Ф. ОБАДЭ** (*Кишинэу/Санкт-Петербург*)

CONTRIBUȚII LA GENEALOGIA FAMILIEI PROFESORULUI ION HÎNCU

Unul dintre cei mai cunoscuți arheologi din Republica Moldova, Profesorul Ion Hîncu, ar fi împlinit anul acesta, pe 28 iulie, 80 de ani. A încetat din viață la 24 mai 2003, la vârsta de 71 de ani. Savantul care și-a pus amprenta asupra arheologiei spațiului pruto-nistean a ultimilor cinci decenii rămâne unul dintre cei mai respectați specialiști ai domeniului, discipolii și colegii de breaslă păstrându-i o vie amintire. Rândurile de față reprezintă un modest omagiu adus memoriei lui Ion Hîncu, spiritului de descoperitor dar și de sacrificiu pe care învățatul l-a întruchipat.

Profesorul Ion Hîncu se trage dintr-o viță nobilă moldovenească de la Mateuți, sat situat pe malul stâng al râulețului Ciorna, din ținutul de altădată al Orheiului. Zona în care sunt atestați străbunii lui Ion Hîncu este una încărcată de istorie: Valea Ciornei, precum și versanții ce o străjuiesc, încă din secolele XIII-XIV erau stăpânite de clanul Negrea, denumit Caragine (=Negru, Negriciosul) de tătaro-mongoli după ocuparea de către Hoarda de Aur a unei părți din teritoriul de la răsărit de Carpați. După întemeierea Țării Moldovei, numele neamului Negrea va căpăta, după corespondentul slav, încă un dublet – Ciorna –, întâlnit în unele acte redactate de dieci în limba oficială slavă folosită pe atunci în cancelaria statului. În epoca lui Alexandru cel Bun, Valea lui Negrea sau Ciorna Dolina era stăpânită de Negrea vornic, mare boier, membru al sfatului domnesc între anii 1403-1429, și fratele său Cananău. Mai târziu, unii dintre urmașii lor sunt menționați ca proprietari de sate în această regiune, tot ei stăpânind și Valea Rezinei, situată mai spre miazăzi și paralel cu Valea Ciornei.

În această veche vatră românească este așezat de secole satul Mateuți, sat în care vede lumina zilei Ion Hîncu – om de știință, arheolog, profesor universitar. Prin realizările sale profesionale Ion Hîncu rămâne legat prin sute de fibre de acest colț al Basarabiei, prin alte sute de fibre de întreaga Moldovă istorică și de tot neamul românesc. Mai mult, înainte de trecerea sa în țărâmul veșniciei, încercase într-un fel să vegheze pașii spre lumină pe care-i făcea arheologia moldovenească. Acum, după ce a pășit peste pragul acestei lumi, Ion Hîncu, cine știe, poate că veghează de sus, din Ceruri, asupra adevărilor rostite și realizărilor înfăptuite de discipolii săi.

Schița genealogică pe care o prezentăm aici este o încercare de deslușire a filiațiunilor dinastiei profesorului Ion Hîncu. Această schiță se probează

prin documente aflate la Arhiva Națională a Republicii Moldova, prin acte păstrate în arhiva familiei Hîncu, cât și prin memoria genealogică pe care profesorul a moștenit-o și imortalizat-o într-un manuscris¹.

Comentariile noastre genealogice nu vor fi prea extinse. Ne rezumăm la cele mai necesare observații, care îngăduie să urmărim liniile principale ale familiei sale. Constatăm totodată că și descendenții altor ramuri ale neamului Hîncu de la Mateuți, precum și urmașii actuali ai familiilor Catană, Straistă, Ursachi, Cucu, Donică, Dascăl, Tontici, Pascaru, din aceeași localitate, își vor putea descoperi, în schița noastră genealogică, unii dintre predecesori. De altfel, cercetările viitoare ar putea să furnizeze noi date care vor îmbogăți arhiva genealogică a acestor dinastii și, implicit, vor aprofunda cunoștințele noastre despre ele.

Prin strămoșii săi pe linie paternă Ion Hîncu este un vlăstar boieresc. Dovezi privind titlul de noblețe al neamului Hîncu de la Mateuți există în materialele recensământului din 30 iulie 1835, efectuat în localitate de administrația țaristă a Basarabiei. Catagrafia îl înregistrează pe Teodor Dimitrievici Hîncu², înscris în rândul reprezentanților păturilor privilegiate, ca boier naș și postelnicel. Pentru dovedirea apartenenței sale la starea socială amintită, Teodor Hîncu a prezentat o gramotă din 10 decembrie 1804 cu

¹ Se păstrează în arhiva personală a dlui prof. Gh. Postică.

² Numele de familie este ortografiat în recensăminte și cărți metrice bisericești alternativ: Ghinca, Ghinco, Ghincu, Ghincul, Gîncu, Gîncu sau Hîncu.

semnătura domnului Moldovei Alexandru Moruzi și un certificat eliberat de Comitetul Provizoriu al Basarabiei în data de 20 decembrie 1816.

Așa cum se știe, după anexarea părții răsăritene a Moldovei în 1812 de către Imperiul Rus, guvernarea țaristă a menținut o perioadă de timp orânduirea socială preexistentă în acest teritoriu, pentru a nu accentua și mai mult starea de spirit profund antirusescă a populației băștinașe din Basarabia. În secolul al XVIII-lea și primele decenii ale veacului următor, în principatul Moldovei, iar după 1812 și în Basarabia, postelniceii, la fel și unii locuitori ce aveau "cărți gospod de neamuri și de iertare", nu făceau parte din categoriile de contribuabili și erau liberi de obligații fiscale. Postelniceii constituiau o tagmă a boiernașilor, scutirea lor de plata birului și a dajdiei făcându-se, cum arată cuvintele citate, prin cărți oficiale scrise de domn, adresate personal beneficiarilor.

Unul dintre boiernașii și postelniceii de la Mateuți a fost Teodor Hîncu, rangul social moștenindu-l, foarte probabil, de la tatăl său Dimitrie Hîncu. Referindu-ne la ascendența paternă a profesorului Ion Hîncu, constatăm că cel mai îndepărtat înaintaș al său, cunoscut documentar, este acest Dimitrie Hîncu, născut cândva prin anii '30-40 ai veacului al XVIII-lea. Fiul său Teodor, amintit mai sus, vede lumina zilei în anul 1768 sau 1775 și a avut o soție – nu-i cunoaștem numele –, care îi naște la 1805 un fecior, Costache (Constantin). Teodor a mai fost căsătorit cu Csenia, mult mai tânără decât el, născută pe la 1798. Încă doi fii – Ion (Ianache) și Petrea – se nasc în 1822 și 1827. Boiernașul Teodor Hîncu s-a trecut din viață în anul 1851, jupâneasa sa Csenia murind înainte de 1850.

Costache Hîncu a putut să-și mențină, un timp, privilegiile sociale și fiscale de care s-a bucurat tatăl său, purtând și el rangurile de boiernaș și postelnicel. Către anul 1850, însă, Costache Hîncu intrase în rândul birnicilor, nemaifiindu-i acordate scutirile de dări. Schimbările sociale și economice intervenite în Basarabia la acea vreme explică impasul în care intrase atâtea neamuri de țară, odinioară privilegiate; în timp ce unele se scoborau, altele se înălțau, după cum hotăra soarta, mereu schimbătoare.

Soția lui Costache Hîncu a fost Maria Lucovna, născută la 1810, iar descendenții lor s-au numit Ion,

Csenia, Maria (Eudochia) și Anastasia. Fiul Ion vede lumina zilei în anul 1829 și se va căsători cu Irina Pantelemonovna. Urmașii lor au fost Andrei, născut în anul 1867 și Grigore (Goriță), adus pe lume în anul 1870.

Grigore Hîncu a avut-o de soție pe Anastasia, o descendentă a unei vechi și respectate dinastii din Mateuți, Catană. Strămoșul cel mai îndepărtat al Anastasiei, atestat documentar, este Todor Catană, născut pe la mijlocul veacului al XVIII-lea.

Grigore și Anastasia au avut trei copii, Maria, Pintilii și Gheorghe, ultimul fiind nimeni altul decât tatăl profesorului Ion Hîncu. Mama lui Ion Hîncu, Olga, a fost fiica lui Teodor Straistă și a Dochiței. Crâmpeiul de spiță al neamului Straistă arată că această dinastie de vază de la Mateuți coboară la un Onufrie Straistă, trăitor în a doua jumătate a veacului XVIII și începutul celui următor; purtători mai vechi ai acestui nume de familie la Mateuți deocamdată n-au fost consemnați documentar. Ne-a interesat și neamul din care descinde Dochița, soția lui Teodor Straistă: din păcate, numele lui n-am putut să-l stabilim.

Ion Hîncu pornise cândva în lumea mare din Mateuții natali, conștient de faptul că înaintașii săi au făcut istorie pentru locul și timpul în care au trăit, dorind și el, în chip firesc, să-și facă simțită existența pe scena istoriei. A ales să se ocupe de scrierea ei și astfel a umplut cu personalitatea sa cele peste șapte decenii cât i-a fost hărăzit să trăiască. Prezența sa în viața științifică și universitară moldovenească a fost foarte vie, chiar și în anii grei când potențaii vremii l-au înfierat pentru dârzenia și consecvența cu care își susținea concepțiile în cele mai controversate probleme, în chestiunile și interpretările istorice litigioase.

Savantul Ion Hîncu a încercat să intuiască virtuțile poporului său și i-a studiat prin metode specifice arheologului trăsăturile definitorii și dominante. El a fost înzestrat cu harul căutărilor și a pătruns, sigur, în misterul științei arheologice. Înainte, însă, de a ajunge acolo, își va fi amintit probabil de atâtea ori de înaintași, căci gândul la străbunii care au făurit istoria neamului îți umple firea cu credință și voință. Profesorul Ion Hîncu a avut destulă credință și voință să-și asculte și împlinească gândul cu care pleca odinioară în lumea mare din Mateuții săi natali.

Surse de documentare

Corneliu Istrati, *Condica visteriei Moldovei din anul 1816*, în Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A.D. Xenopol”, Supliment I, Iași, 1979.

Alexandru I. Gonța, *Rolul cancelariei moldovenești în slavizarea numelor de locuri în secolele XIV-XVI. Originea istorică a Cobilelor*, în volumul de autor *Studii de istorie medievală*. Texte selectate și pregătite pentru tipar de Maria Magdalena Székely și Ștefan S. Gorovei. Cu un cuvânt introductiv de Ioan Caproșu, Iași, 1998, p. 7-24.

Ion Țirbu, Anton Moraru, Mariana Varatic, *Satul Mateuți: file de istorie*, Rezina, 2007.

Arhiva Națională a Republicii Moldova, f. 134, inv. 2, d. 60, file 167-169; d. 90, file 94-100, 104, 106; d. 257, file 175-179, 181-183, 190-196; d. 404, file 105-106, 108-109, 116-118; f. 211, inv. 5, d. 324, 325, 326, 402, 403, 405, 407, 410, 504, 508 – a se vedea filele ce cuprind cărțile metrice ale bisericii satului Mateuți.

Sergiu TABUNCIC (*Chișinău*)

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION

AESC	Annales. Économies, Sociétés, Civilisations, Paris
AIIA/AIIX	Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie A.D. Xenopol”, Iași (din 1990 Anuarul Institutului de Istorie „A.D. Xenopol”)
AJ	The Antiquaries Journal, London
AJA	American Journal of Archaeology, Philadelphia
AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
AMET	Anuarul Muzeului Etnografic al Transilvaniei, Cluj
AMNAIM	Arhiva Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
AMP	Acta Musei Porolissensis, Zalău
AMT	Acta Musei Tutovens, Muzeul „Vasile Pârvan”, Bârlad
Angustia	Revista Angustia, Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe
ANRM	Arhiva Națională a Republicii Moldova, Chișinău
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii, Alba Iulia
Archaeometry	Archaeometry, Oxford
AȘCAȘM	Arhiva Științifică Centrală a Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău
AȘCIAANȘU	Arhiva Științifică Centrală a Institutului de Arheologie al Academiei Naționale de Științe din Ucraina, Kiev
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Institutul de Arheologie, Iași
BAM	Bibliotheca Archaeologica Moldaviae, Iași
BAR	British Archaeological Reports, Oxford
BB	Bibliotheca Brukenthal, Sibiu
BHAB	Bibliotheca Historica et Archaeologica Banatica, Timișoara
BL	Buletinul Lunar. Biblioteca Academiei Române, București
BSNR	Buletinul Societății Numismatice Române, Academia Română, București
Carpica	Carpica, Muzeul Județean de Istorie „Iulian Antonescu”, Bacău
CA	Cercetări Arheologice, Muzeul Național de Istorie a României, București
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CCAR	Cronica cercetărilor arheologice din România, București
CI	Cercetări Istorice, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași
CN	Cercetări numismatice, Muzeul Național de Istorie a României, București
CNA	Cronica numismatică și arheologică, București
Crisia	Crisia, Muzeul Țării Crișurilor, Oradea
Dacia	Dacia, Recherches et Découvertes Archeologiques en Roumanie, București, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série: Revue d’Archéologie et d’Histoire Ancienne, București
DIVR	Dicționar de istorie veche a Romaniei (Paleolitic - sec. X), 1976, București
EA	Eurasia Antiqua, Berlin
EAIVR	Enciclopedia arheologiei și istoriei vechi a Romaniei, I, A-C, 1994; II, D-L, 1996; III, M-Q, 2000, București
EN	Ephemeris Napocensis, Cluj-Napoca
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
FA	Fasti Archaeologici, Firenze
FI	File de istorie, Muzeul Județean Bistrița Năsăud, Bistrița
FolArch	Folia Archaeologica. Annales Musei Nationalis Hungarici, Budapest
Geology	Geology. The Geological Society of America, Washington
Germania	Germania, Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts, Mainz am Rhein
Hierasus	Hierasus, Muzeul Județean Botoșani, Botoșani
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
JIRRS	Journal for Interdisciplinary Research on Religion and Science, Iași
JbRGZM	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz.
JWMPA	Journal of Western Mediterranean Prehistory and Antiquity, Barcelona
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra-Neamț
MCA	Materiale și Cercetări Arheologice, București
MN	Muzeul Național, București
NK	Numizmatikai Közlöny, Budapest

OA	Opuscula Archaeologica, Zagreb
OJA	Oxford Journal of Archaeology, University of Oxford, Oxford
ÖZBH	Österreichische Zeitschrift für Berg- und Hüttenwesen, Wien
PAS	Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, München
PBF	Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
Peuce	Peuce. Studii și cercetări de istorie și arheologie, Tulcea
Pontica	Pontica, Muzeul de Istorie Națională și Arheologie, Constanța
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
REC	Revista de etnologie și culturologie, Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
RGa²	Reallexikon der germanischen Altertumskunde2 (HOOPS2), Berlin-New York
RI	Revista Istorică, București
RMM-MIA	Revista Muzeelor și Monumentelor, seria Monumente Istorice și de Artă, București
RSEA	Revista de Studii Euro-Asiatice, Constanța
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica, Universitatea „Al.I. Cuza”, Iasi
SAO	Studia et Acta Orientalia, București
SCGG	Studii și Cercetări, Geologie-Geografie, Bistrița
SC	Studii Clasice, Cluj
SCN	Studii și Cercetări Numismatice, Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SlovArch	Slovenská Archeologia, Bratislava
SMI	Studii și Materiale de Istorie. Muzeul Suceava, Suceava
Stratum plus	Stratum plus, Școala Antropologică Superioară, Chișinău
Stvdia	Stvdia-Bibliotheca Cymidavae, Muzeul Județean de Istorie, Brașov
Suceava	Suceava. Studii și Materiale, Anuarul Muzeului Județean Suceava, Suceava
SZ	Studijné Zvesti, Nitra
TD	Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, București
Tyragetia	Tyragetia, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
TÜBA-AR	Annual Journal of Archaeology, Istanbul
ZfA	Zeitschrift für Archäologie, Berlin
WA	World Archaeology, London
AA	Археологический альманах, Донецк
AB	Археологические Вести, Санкт-Петербург
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавии, Кишинев
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
АО	Археологические открытия в СССР, Москва
ВЗ	Вестник зоологии, Киев
ДП	Древнее Причерноморье, Одесса
ДСПК	Древности Северного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества, Одесса
Изв. МФ АН СССР	Известия Молдавского филиала АН СССР, Кишинев
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Государственного Археологического Музея, Одесса
МАСП	Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МДАПВ	Материали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині, Киев
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ
НФ	Нумизматика и Фалеристика, Киев
ПАВ	Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму, Запорожье
ТГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград
ТКИЧП	Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, Москва

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE

A REVISTEI ARHEOLOGICE

Stimați colegi,

Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* - volumul VIII, nr. 1-2

Considerații generale

Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor științelor interdisciplinare în domeniu, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:

- lucrări de sinteză;
- discuții;
- materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;
- lucrări muzeografice;
- studii și materiale ale științelor interdisciplinare;
- recenzii și prezentări de cărți;
- personalia;
- antologii;
- cronică cercetărilor științifice;
- sistemul de ocrotire a siturilor arheologice conform normelor internaționale.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, lucrările muzeografice, studiile și materialele științelor interdisciplinare prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română; rusă; engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,0*. Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*.

III. Planșele cu materialul ilustrativ

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ va fi însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română, legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se vor prezenta și în format electronic (TIF - nu mai puțin de 600 dpi).

IV. Bibliografie

Notele bibliografice din text se prezintă în formă originală (caractere latine sau chirilice).

Exemple de note bibliografice în text: (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Петров 1999, 15, рис. 3,4-6).

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, conform condițiilor următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronz- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, jurnale etc.):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor științifice și actelor de arhivă:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Nr.inv. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1988: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor**VI. Date despre autor:**

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărți, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacția autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maxim - 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spațiu)

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul VIII, nr. 1-2 este 31 august 2012

Manuscrisele și varianta electronică pot fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Informații suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com; ciobanu.lora@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги,

Центр археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие в издании *Археологического Журнала* - том VIII, № 1-2

Основные положения:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территорий. Основные рубрики журнала:

- аналитические работы
- материалы и результаты полевых исследований
- музеография
- междисциплинарные исследования
- рецензии
- антологии
- персоналии
- хроника научных исследований

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языке.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по музеографии и междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском*; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*.

*Редколлегия может обеспечить перевод аннотации на румынский язык.

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 pt; Space 1,5*. Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включительно иллюстрации и список литературы

III. Иллюстрации

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден легендой. В случае работ на русском или румынском языке легенды рисунков должны быть переведены на английский, немецкий или французский язык. Желательно представить иллюстрированный материал и в электронном виде (TIF, не менее 600 dpi)

IV. Библиография

Сноски на библиографию в основном тексте даются в оригинале согласно следующей форме: (Петров 1999, 15, рис. 3,4-6); (Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (départ. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghize arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1988: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений**VI. Сведения об авторе:**

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Такие работы могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5*). Максимальный объем рукописи 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Последний срок сдачи материалов в том VIII, № 1-2, 31 августа 2012 г.

Рукописи и электронный вариант могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com; ciobanu.lora@yahoo.com

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE

Dear colleagues,

Archaeological Center of the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part in the issue of the *Archaeological Magazine* - Vol. VIII, Nr. 1-2

The Main Provisions

Papers on Archaeology and applied sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review. The main rubrics of the review are as follows:

- analytical works,
- materials and results of the field surveys,
- museum articles,
- applied researches,
- reviews,
- anthologies,
- personalities,
- chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French. The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museum matters and applied researches

Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museum matters and applied researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary)

An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space1,0*.

II. The main text

The main text must be presented in the form of a manuscript in an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5*. The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations

The illustrations must be presented in an A4 format in a graphic representation. Each illustration (figure) must bear a numeric sign and a legend. If a paper is in Russian or Romanian, the legends of the illustrations must be translated in English, German or French. It is desirable to present illustration in an electronic format (TIF).

IV. Bibliography

The references must be given in the original language in accordance with the following form (Петров 1999, 15, рис. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

The list of the used literature must be given in an alphabetic order at the end of the main text, but with observing the following requirements.

Samples for Monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Samples for Papers, published in the reviews:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? - Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969) 110-122.

Samples for Papers, published in the periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (départ. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34. Samples for Papers, published in the papers of conferences and seminars:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronică cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н.э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Samples for Scientific reports and archives:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghize arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1988: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив НМАИМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations**VI. The Data on the Author**

Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,5*. The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 2000 symbols

The deadline for submitting papers vol. VIII, nr. 1-2 is August 31, 2012

The manuscripts and the electronic version on a diskette can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine*, Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; levitkioleg_ipc@yahoo.com; vornic.vlad@yahoo.com; ciobanu.lora@yahoo.com

LISTA

instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

- Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts*, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin, Deutschland
Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland
Bibliothèque de Prehistoire LAMPEA-MMSH 5, rue du Château de L'Horologe, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2, France
MTA Regeszetek Intezete Budapest, Uri u. 49, 10145, Ungarn
Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България
Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”, Academia Română, str. Henri Coandă nr.11, București, România, 71119
Institutul de Arheologie, Academia Română - Filiala Iași, str. Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107
Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor, Academia Română - Filiala Cluj, str. Constantin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020
Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, str. Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029
Asociația de studii pentru arheologie funerară – Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, str. 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800
Институт Археологии, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036
Институт Истории Материальной Культуры, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Институт Археології, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210
Государственный Эрмитаж, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Одеський Археологічний Музей, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026
Кафедра археологии исторического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990
Кафедра археологии исторического факультета, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065
Кафедра археологии та музеєзнавства. Історичний факультет, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ - 33, Україна
Археологічна лабораторія. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600
Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă, vol. VII, nr. 1-2

Redactare: Vlad Vornic, Larisa Ciobanu, Oleg Levițki, Nicolai Telnov

Machetare computirizată: Iurie Babii

Bun de tipar: 15.12.2011

Editura "Magna Princeps"

Tiraj 150 ex.